

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ КЛУБ ПРИ ПРЕДСЕДАТЕЛЕ
СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБУ ВО ФИНАНСОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРИ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПАЛАТА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКИЙ ФОНД ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

РОССИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ПРЕЗИДИУМ РАН
ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
СЕКЦИЯ ЭКОНОМИКИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ
ФГБУН ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ РЫНКА РАН

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ФГБУН ЦЭМИ РАН

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ФГБУН ИНП РАН

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ФГБУН ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

РОССИЯ В XXI ВЕКЕ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Пленарные доклады Пятого Международного форума
(06, 08-09 декабря 2016 г.)

МОСКВА 2016

Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития. Пленарные доклады / Материалы Пятого Международного форума. Москва, 06, 08-09 декабря 2016 г. Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. – М.: ИПР РАН, 2016. – 393 с.

Russia in XXI century: global challenges and prospects of development. Plenary lectures / Materials of the fifth International Forum. Moscow, December 06, 08-09, 2016. Edited by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences V.A. Tsvetkov. – M.: MEI RAS, 2016. – 393 p.

Пятый Международный форум проводится при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-06-20857 г) и Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-02-14046 г).

ISBN 978-5-9909351-1-2

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем рынка Российской академии наук (ИПР РАН), 2016 г.

Организаторы Форума:

Интеграционный клуб при председателе Совета Федерации ФС РФ
Российская академия наук, Президиум РАН, Отделение общественных наук, Секция экономики
Федеральное агентство научных организаций
Институт проблем рынка РАН
Центральный экономико-математический институт РАН
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Институт экономики РАН
Финансовый университет при правительстве Российской Федерации
Торгово-промышленная палата Российской Федерации
Российский фонд фундаментальных исследований
Российский гуманитарный научный фонд

Научные журналы:

Вестник Финансового университета
Журнал экономической теории
Науковедение
Общественные науки и современность
Проблемы прогнозирования
Проблемы рыночной экономики
Проблемы теории и практики управления
Региональные проблемы преобразования экономики
Федерализм
Экологический вестник России
Экономика региона
Экономическая наука современной России
Экономист
Эксперт

Оргкомитет Форума:

Сопредседатели: Заместитель Председателя СФ ФС РФ **И.М.-С. Умаханов**; д.э.н., профессор, академик РАН **В.В. Ивантер**; д.э.н., профессор, академик РАО **М.А. Эскиндаров**; д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН **В.А. Цветков**.

Заместители сопредседателей: **Л.А. Аносова** - д.э.н., профессор, зам. академика–секретаря ООН РАН по научно-организационной работе; **С.В. Дохолян** - д.э.н., профессор директор ИСЭИ ДНЦ РАН; **Н.С. Зиядуллаев** - д.э.н., профессор, зам. директора по науке ИПР РАН; **Е.Л. Логинов** - д.э.н., зам. директора по науке ИПР РАН.

Члены Оргкомитета: **Аганбегян А.Г.** - академик РАН, РАНХиГС при Президенте РФ; **Акаев А.А.** – профессор, д.т.н., иностранный член РАН, г.н.с. ИМИСС МГУ им. М.В. Ломоносова; **Арутюнян В.Л.** - д.э.н., профессор, чл.-корр. НАН РА, директор ИЭ им. М. Котаняна НАН РА (Армения); **Бобоев О.Б.** - д.э.н., профессор, депутат Нижней палаты парламента Республики Таджикистан; **Глазьев С.Ю.** - академик РАН, советник Президента Российской Федерации; **Глинкина С.П.** - д.э.н., профессор, руководитель научного направления ИЭ РАН; **Емельянов Ю.С.** - д.э.н., генеральный директор МНИИ проблем управления; **Ильин В.А.** - д.э.н., профессор, чл.- корр. РАН, научный руководитель ИСЭРТ РАН; **Кулешов В.В.** - академик РАН, директор ИЭОПП СО РАН; **Кузнецов С.В.** - д.э.н., профессор, директор ИПРЭ СБП НЦ РАН; **Кумани Астрид С.** - директор департамента Глобального партнерства развивающихся стран GIZ, Германия; **Лаврикова Ю.Г.** - д.э.н., профессор, ВРИО директора ИЭ Уро РАН; **Ленчук Е.Б.** - д.э.н., профессор, директор ИЭ РАН; **Локосов В.В.** - д.с.н., профессор, директор ИСЭПН РАН; **Макаров В.Л.** - академик РАН, директор ЦЭМИ РАН; **Минакир П.А.** - академик РАН, директор ИЭИ ДВО РАН; **Порфирьев Б.Н.** – академик РАН, заместитель директора ИНП РАН; **Саидмуродов Л.Х.** - д.э.н., профессор, директор ИЭИД АН Республики Таджикистан; **Сорокин Д.Е.** – чл.-корр. РАН, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ; **Сюй Вэньхун** - д.ю.н., профессор, главный научный сотрудник института России, Восточной Европы и Центральной Азии при КАОН; **Зондов К.Х.** - к.ф.-м.н., доцент, заведующий лабораторией ИПР РАН (ученый секретарь форума); **Зондов З.К.** - научный сотрудник ИПР РАН (ответственный секретарь форума).

Содержание

Цветков В.А.	Возможные направления развития реального сектора российской экономики в условиях углубляющегося кризиса.....	5
Порфирьев Б.Н., Терентьев Н.Е., Семикашев В.В.	Перспективы развития энергоснабжения в арктической зоне Российской Федерации в условиях климатических изменений.....	19
Лаврикова Ю.Г.	Проблемы формирования стратегии пространственного развития РФ.....	26
Цветков В.А., Зоидов К.Х., Петросянц В.А.	Формирование механизма функционирования региональных инновационных кластеров на базе ведущих российских университетов в контексте сотрудничества в рамках ЕАЭС.....	32
Алклычев А.М.	Формирование рациональной системы цен как основа единого национального рынка.....	53
Байдурин М.С.	Развитие ЕАЭС как ответ на новые риски и угрозы экономической безопасности странам постсоветского пространства.....	67
Борталевич С.И.	Обеспечение устойчивой экспортно-импортной динамики в условиях критических угроз и рисков глобальных ценовых флуктуаций на рынках нефти и газа.....	72
Вардомский Л.Б.	Экономические отношения России и новых независимых государств: итоги 25-летия.....	79
Демочкин С.В.	Роль глобальной конкуренции в развитии экономических систем в условиях новой индустриализации экономики....	87
Дохолян С.В., Петросянц В.З.	Угрозы безопасности, экономические возможности и направления развития проблемных периферийных регионов (на примере СКФО).....	96
Зиядуллаев Н.С.	Евразийские интеграционные проекты: итоги 25 лет трансформации.....	113
Зоидов К.Х., Янкаускас К.С.	Система межбюджетных отношений в России: циклическая динамика развития, существующие риски, вызовы и перспективы развития.....	129
Зоидов К.Х., Зоидов З.К., Янкаускас К.С.	Циклическая динамика развития экономических систем стран БРИКС.....	138
Зоидов К.Х., Медков А.А., Зоидов З.К.	Государственно-частное партнерство – основа экономической безопасности, инновационного развития и интеграции транспортно-транзитной системы России в мировое хозяйство.....	186
Кийко М.Ю.	Социально-экономическая оценка борьбы с наркобизнесом в системе национальной безопасности	

	России.....	207
Ковальчук Ю.А., Степнов И.М.	Кластерный дизайн рынка: новая парадигма или мистификация?.....	214
Комилов С.Дж., Гафаров Ф.М.	Основные факторы, воздействующие на рост инвестиционного потенциала региона.....	219
Кочурова Л.И.	Методология инновационной экономики.....	229
Логинов Е.Л.	Консолидированное управление экспортом топливно-энергетических ресурсов: Россия, ЕАЭС, большое евразийское партнерство.....	243
Новоселов А.Л.	Формирование оптимального сочетания мероприятий развития добычи минерального сырья.....	250
Новоселова И.Ю.	Многокритериальная оценка природоохранных мероприятий с учетом рисков и неопределенности.....	253
Омарова З.К.	Макроэкономические проблемы циклического развития отечественной промышленности и их влияние на внешнеэкономическую деятельность.....	256
Орлов П.А., Горчакова Е.А.	Роль проектного офиса в организации инновационных процессов в кластере.....	281
Перская В.В.	Интеграция стран ЕАЭС – межгосударственность или «полная интеграция».....	288
Сайфиева С.Н., Соловьева С.В.	Активизация инвестиционной деятельности в целях повышения экономической безопасности российской экономики.....	291
Сухарев О.С.	Траектория экономического роста в России: преодоление мифов.....	305
Тулупов А.С.	Оценка вреда от нарушения природоохранного законодательства: проблемы и перспективы информационно-методического обеспечения.....	330
Городецкий А.Е.	О фундаментальных причинах провалов государства: дисфункции государственного управления и их преодоление.....	335
Дадабаева З.А.	Проблемы возможного расширения ЕАЭС на примере Таджикистана.....	348
Усманов Д.И.	Влияние факторов глобализации на интеграционные процессы регионов в условиях нестабильной экономики.....	357
Файзуллоев М.К., Миралиев К.Х., Файзуллозода Л.Н.	Проблемы подготовки научных кадров в сфере инновационной деятельности Республики Таджикистан....	367
Шагалов Г.Л.	Система фиксированных валютных курсов.....	374
Чернявский С.В., Чернявский В.С.	Перед выбором: налог на добычу полезных ископаемых или изъятие ренты.....	386

ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ УГЛУБЛЯЮЩЕГОСЯ КРИЗИСА¹

Цветков Валерий Анатольевич – чл.-корр. РАН, Директор Института проблем рынка РАН, проректор по науке Финансового университета при Правительстве РФ

В начале XX века Аргентина была одной из крупнейших экономик мира, но постепенно растеряла свое влияние и сейчас воспринимается лишь как один из региональных лидеров. К сожалению, у России сегодня есть все предпосылки в ближайшее десятилетие повторить судьбу Аргентины. Эти предпосылки предопределяются ключевыми проблемами нашей страны. Парадокс заключается в том, что об этих проблемах все знают, но при этом они так и остаются нерешенными, порождая, в свою очередь, новые проблемы.

Хотел бы обозначить наиболее значимые проблемы (угрозы), предопределяющие перспективы развития России в XXI веке, и предложить возможные направления поддержки населения и реального сектора в условиях углубляющегося кризиса [1-14].

ПРОБЛЕМА 1: самоустранение Правительства от решения конкретных задач по обеспечению экономической безопасности и экономического роста.

Анализируя причины кризисной ситуации в России, можно заметить, что во многом она носит рукотворный характер. Кризисная ситуация возникла не мгновенно и не случайно, она развивалась в течение длительного времени под неусыпным оком псевдолиберального крыла Правительства России.

Кризис наглядно продемонстрировал, что наша страна, по сути дела, стала страной «бензоколоночного типа», где цены на нефть не просто влияют на экономику страны — они ее полностью определяют. Есть цены на нефть, и есть курс рубля к доллару, а между ними ничего нет. Нет самой экономики, нет промышленного производства.

2014–2015 гг. стали чрезвычайно знаменательными для российской экономической истории. Этот период без всяких преувеличений можно назвать временем горьких разочарований, крахом надежд на быстрый выход страны из глубочайшего экономического кризиса. Сегодня Россия больше не является крепнущей и развивающейся державой, а старается всего лишь удержаться на прежнем уровне и не покатиться вниз. Углубление рецессии стало поводом к началу кампании по «исключению» России из БРИКС.

В 2015 г., по данным Росстата, российский ВВП сократился на 3,7%, падение инвестиций составило 8,4%, розничный оборот рухнул на 10%. Положительное сальдо внешней торговли снизилось на 23,2% — до уровня 145,6 млрд долл. против 189,7 млрд долл. в 2014 г. Зато рост инфляции, по

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-02-00446 а).

официальным данным, составил 13%. Вместе с тем по отдельным продовольственным группам товаров рост был на уровне 30% и выше.

Ушедший 2015 г. ознаменовался ухудшением потребительских настроений населения. Резко снизился уровень жизни. За год население потеряло почти 10% своих реальных доходов и будет терять их дальше. На фоне сокращения реальных расходов на медицину в России выросла смертность. Из всех секторов экономики только агропром показывает убедительный рост и выручки, и рентабельности, поэтому туда идут инвестиции. Зато все остальные сектора: нефтяная промышленность, металлургия, машиностроение и прочие инвестиции сокращают. Встал рынок недвижимости. На 30% упал автомобильный рынок. Волатильность валютного рынка огромна. Продолжающееся падение цен на нефть может отложить восстановление российской экономики еще, как минимум, на год. Резервы страны истощаются без каких-либо идей относительно их будущего пополнения.

Аналитики продолжают ухудшать свои прогнозы по состоянию российской экономики на 2016 г. По оценкам Банка России, годовой темп снижения ВВП в I квартале 2016 г. может составить 1,7–2,5%, что превышает предыдущий прогноз (1–2%).

И ни одна из вышеперечисленных проблем не становится для Правительства поводом усомниться в правильности своих действий. Что вообще оно делает для вытаскивания страны из кризиса? Публикует новые, далекие от реальности прогнозы роста ВВП? Где признаки или хотя бы намек на признаки выздоровления, формирования цивилизованного рынка? Где же механизм оживления хозяйственной активности, во имя которой всем предлагают затянуть пояса? Какой чудак будет вкладывать средства в развитие производства при бешеном обесценивании рубля?

Вряд ли найдется хотя бы один стоящий закон, стимулирующий производство в частном секторе. Да и в формулировке ближайших экономических задач рефреном звучит старый мотив: максимально использовать ценовой и налоговый фактор для снижения бюджетного дефицита. Вообще говоря, при такой постановке вопроса не ясна сфера ответственности Правительства. Если уровень жизни, темпы роста экономики, стоимость недвижимости как индикатора состояния рынков активов не являются значимыми для Правительства, выходит, что оно управляет только и исключительно распределением бюджета государства. При этом, нисколько не сомневаясь в своей правоте, сокращает любые расходы, кроме расходов на содержание самой бюрократии.

Поэтому с уверенностью можно сказать, что убежденное самоустранение Правительства от решения задач экономического роста является, по меньшей мере, новацией в современной хозяйственной политике. При этом правительственные идеологи страдают комплексом самодостаточности. Самое большее, на что они согласны, — это вежливо выслушать предложение своих оппонентов и, не вдаваясь в дискуссии, идти своим путем.

Но, может быть, пора остановиться и задуматься?! Согласно опросу, проведенному Фондом общественного мнения (ФОМ), впервые за время кризиса более половины граждан назвали «плохим» положение дел в экономике. До сих пор преобладали удовлетворительные оценки. В январе 2016 г. об ухудшении дел заявили почти 60% опрошенных. Для сравнения: месяц назад так считали лишь 40% россиян. Граждане не только ставят двойку текущему положению в экономике, но и отмечают дальнейшее ухудшение ситуации. Похоже, все больше граждан осознают себя жертвами кризиса и антикризисных мер правительства.

Следует согласиться с председателем Счетной палаты Татьяной Голиковой: *«Если бы нынешнее Правительство оказалось в 1998 г., у него, скорее всего, не хватило бы ни сил, ни воли справиться с ситуацией, требовавшей решений быстрых и жестких. Привычка к постоянному росту цен на нефть расслабила: ограничиваясь тактическими мерами, Правительство словно надеется, что нефть вот-вот снова резко подорожает и все проблемы решатся сами собой. Пора снова учиться работать в условиях кризиса».*

Хотелось бы ошибиться, но боюсь, что если ситуация не изменится, через некоторое время может появиться потребность не в альтернативной программе преодоления кризиса, а в программе выживания страны в условиях полной деградации национальной экономики.

ПРОБЛЕМА 2: обанкротившаяся, абсурдно тупиковая модель развития страны, в результате которой Россия постепенно превращается в технологическое захолустье.

Несмотря на наличие в Российской Федерации различных институтов и механизмов развития, не происходит самого главного — новые технологии внедряются в отечественное производство крайне медленно. Или вообще ничего не происходит. И это на фоне массового выхода из эксплуатации устаревшего оборудования и даже целых предприятий...

Как показала неудачная практика проведения либеральных реформ, глупо и недальновидно полагаться на всемогущие «невидимой рыночной руки». Вспомним Великую депрессию 1929–1934 гг. и опыт США, возродивших свою экономику и сохранив при этом демократические традиции, программу Ф. Рузвельта — жесткую стабилизацию рынка административными методами. Или послевоенные Германию, Японию, которые также не придерживались во время выхода из кризиса никаких монетаристских схем. Наоборот, проводилась государственная политика строительства рынка.

Государство обязано играть ведущую роль в процессе модернизации промышленности, особенно в столь не простое время, тем более когда от власти требуется «принуждение к инновациям».

Чтобы слезть с нефтяной иглы и поставить национальную экономику на инновационный путь развития, необходимо разработать комплексную **Программу государственного стимулирования развития промышленности,**

которая, с одной стороны, должна содействовать переходу к более сбалансированной структуре производства, с другой стороны, подталкивать предприятия к выпуску инновационной и конкурентоспособной продукции. Одновременно в рамках Программы стимулирования следует утвердить перечень критериев, которым должны соответствовать предприятия, рассчитывающие на получение государственной поддержки.

Для расширения производства и импортозамещения недостаточно одной лишь идеи, необходимы длинные и дешевые деньги (на срок от 5 лет по ставкам ниже инфляции), но денег нет! Почему? Да потому, что проводимая в течение достаточно долгого времени политика российского Минфина и Банка России была направлена не на создание необходимого объема денег для нормального развития экономики, а, наоборот, на его ограничение.

Создается впечатление, что люди, сидящие в высоких министерских креслах, совершенно не понимают причинно-следственной связи инфляционных процессов. Получается какой-то театр абсурда. Вся антиинфляционная политика российского Правительства с января 1992 г. по сегодняшний день сводится к короткой, как у Буратино, мысли: «Чем меньше денег, тем ниже цены». Поэтому борьба с инфляцией — это борьба с деньгами в экономике самыми доступными средствами. Больше никаких антиинфляционных мероприятий Правительство не проводит.

В результате займы для крупного и среднего бизнеса уже давно (еще до украинских событий и введения санкций против российских компаний) были неподъемной ношей. Значительно осложнили ситуацию обвал рубля в декабре 2014 г. и паническая реакция на это со стороны Банка России, повысившего ключевую процентную ставку до 17%. Итог: тысячи предприятий по всей стране в одночасье вообще оказались отрезанными от кредитных средств, ставки по которым достигли запредельной величины.

В то время как большинство европейских банков финансируют бизнес под 0,5% годовых (японские компании получают деньги на 10 лет под 0,01%!), российским предприятиям приходится брать кредиты по ставке 30–40% годовых. Но это нереально!

Одновременно крупные компании, которым стали недоступны займы на международном рынке, стали вытеснять с рынка средние предприятия и индивидуальных предпринимателей. В результате многие идеи малого и среднего бизнеса не реализуются, не создаются рабочие места, что было бы очень кстати в нынешних непростых экономических условиях, когда так высока скрытая безработица.

Национальный банк любой страны «золотого миллиарда» имеет в числе своих задач содействие экономическому росту. Вот какие цели стоят, например, перед Европейским ЦБ: «поддержание стабильности цен» и «общей экономической политики» ЕС. Федеральная резервная система США, проводившая до недавнего времени третий раунд программы количественного смягчения (QE3), в рамках которой у участников финансового рынка выкупались государственные и ипотечные облигации на 85 млрд долл. в месяц,

ключевой целью имела снижение безработицы. В Японии именно денежно-кредитная политика является основой «абэномики» (экономического курса, проводимого премьером Синдзо Абэ), обеспечивая накачку экономики длинными и дешевыми деньгами.

Приведенные примеры доказывают, что современная национальная кредитно-финансовая система должна быть адекватной целям развития экономики и, главное, настроенной на развитие и расширение кредитования реального сектора.

Однако наш ЦБ может спокойно игнорировать все призывы изменить свою политику в интересах развития экономики. Главная его задача — таргетирование инфляции любой ценой. Даже ценой смерти всей промышленности. Ни Конституция России, ни Федеральный закон «О Центральном банке РФ» не ставят перед регулятором задачу содействовать экономическому росту.

Для исправления ситуации нужно **законодательно включить в перечень целей денежно-кредитной политики и деятельности ЦБ создание условий для экономического роста, увеличения инвестиций и занятости.**

Нужно также отметить, что Банк России не подчиняется органам исполнительной власти (Президенту и Правительству), а подотчетен Госдуме, перед которой он обязан каждый год отчитываться. Но реально и Госдума фактически лишена возможности влиять на политику регулятора. В законе о Банке России говорится лишь, что «Государственная Дума рассматривает годовой отчет» и «принимает решение». Наказать или призвать к ответу руководство ЦБ в общем-то практически невозможно. Поэтому необходимо внести еще одну поправку в законодательство, позволяющую Госдуме **непосредственно контролировать и влиять на политику Банка России в рамках исполнения регулятором требований главы государства, изложенных в ежегодных посланиях и других президентских указах, направленных на создание условий для экономического роста, увеличения инвестиций и занятости.**

Если на законодательном уровне будут приняты предлагаемые поправки, то решение всех других вопросов, направленных на совершенствование кредитно-денежной системы в интересах развития экономики страны, будет носить исключительно технический характер. К техническим мерам, направленным на поддержку реального сектора, можно отнести **снижение ключевой ставки до уровня, сопоставимого с уровнем ставок в ЕС, США, Китае.**

Но это в долгосрочном периоде. В настоящее время необходимо в сжатые сроки **разработать и реализовать национальную кредитно-финансовую политику, адекватную целям модернизации и развития российской экономики, в основу которой должно быть положено сочетание доступных кредитов и низких процентных ставок.**

Основу данной системы должно составить **многоканальное финансирование предприятий реального сектора, которое базируется на**

предоставлении банковского кредита под государственные гарантии с обязательным субсидированием определенной части кредитной ставки. При этом предприятие, финансируемое по данной схеме, должно гарантировать сохранение отпускных цен на определенном уровне.

В целом в сложившейся ситуации необходимо поддерживать бизнес всеми возможными способами. Сделать это можно с помощью **политики бюджетного стимулирования на основе комбинированного использования методов налогового и инвестиционного стимулирования**, т.е. перейти от практики бессистемного латания дыр к политике стратегического обоснования расходов бюджета.

В *инвестиционной сфере* необходимо вкладывать средства в инфраструктурные проекты с большим мультипликативным эффектом, стимулирующие развитие малого и среднего бизнеса в регионах.

Например, сейчас для России крайне эффективно было бы реализовать инвестиционный проект строительства скоростных авто- и железнодорожных магистралей под условным названием «Дальний Восток — Европа», как своего рода высокотехнологичный «Шелковый путь XXI века».

Этот проект, базирующийся на принципах частно-государственного партнерства, может носить межгосударственный характер. К нему могут быть привлечены инвестиции Китая, Японии, Казахстана, Южной Кореи.

Одновременно интеграция национальной транспортной системы в мировой грузопоток создаст условия и для развития инфраструктуры регионов страны, будет способствовать комплексному решению социальных проблем, таких как создание новых рабочих мест, объектов жизнеобеспечения и пр.

Если вовремя не приступить к реализации этого проекта, то грузопоток из Азии в Европу пойдет в обход России. Белоруссия (наш партнер по ЕАЭС) уже присоединилась к Транскаспийскому маршруту (доставка грузов в Азию через украинский порт в Одессе), идущему в обход России. Пока о его полномасштабной работе говорить рано, но первый звоночек уже прозвучал.

Распределять инвестиционные кредиты по инфраструктурным проектам должны **банки долгосрочного развития на принципах целевого кредитования**. Целевые кредиты должны выдаваться и, главное, оплачиваться под конкретный проект. Заемщик не имеет живых денег. Он заказывает подрядчикам конкретные работы и отсылает их счета в банк долгосрочного развития. Если банк сочтет эти работы соответствующими инвестиционному проекту, он их оплатит.

Особо надо позаботиться о **привлечении иностранных инвесторов**. Конечно, сами по себе они нас не спасут. Но без них не обойтись, так как с ними, прежде всего, связаны современные технологии. А у нас нет времени изобретать велосипед. Но здесь получается такой парадокс: пока мы не добьемся политической и экономической стабильности, никто из серьезных инвесторов к нам не пойдет. А без притока капиталов добиться экономической стабильности невозможно. Можно предложить следующее решение: **вложить определенную сумму (из наших фондов) в международную страховую**

компанию, которая страховала бы иностранных инвесторов, вкладывающих деньги в Россию, от всевозможных политических рисков.

В сфере **налогового регулирования** необходимо **предоставить налоговые каникулы для вновь открываемого бизнеса на 5 лет; ввести регрессивный налог на прибыль; рассмотреть вопрос о снижении ставки НДС; не повышать социальные налоги в течение 5–7 лет.**

Но это все мелочи. Нужно ставить вопрос об изменении налоговой политики. Речь должна идти не только о снижении налогов, но о пересмотре всей системы налогов, которая стала серьезным препятствием на пути к «справедливому» рынку.

Особенно жестока и безобразна она по отношению к производителю. Ведь утаить доходы в торговле или торгово-посреднической деятельности куда проще, чем в производстве. Надо проводить селективную налоговую политику, поощряя производство тех товаров, которые сегодня особенно необходимы народу в рамках политики импортозамещения.

Главное же — принцип налогообложения должен быть изменен. Налог надо брать с имущества, с того, что тебе дали в наем или ты сам присвоил, а не с прибыли. Если собственник способен уплатить налог за то, чем пользуется, значит, он эксплуатирует полученные ресурсы эффективно. А государству только это и важно. Кроме того, такой подход значительно снизил бы возможность для всякого жульничества: доход, прибыль можно утаить, собственность не спрячешь.

В отдельный блок необходимо выделить **меры поддержки российских экспортеров — единственных на сегодняшний день поставщиков валюты на внутренний рынок.** Компании-экспортеры являются еще и ведущими работодателями в экономике, а снижение объемов экспорта может привести к сильному росту безработицы.

Наиболее высокими темпами сокращается экспорт не только продукции топливно-энергетической отрасли, но и металлургической, химической промышленности и машиностроения. При этом объемы экспорта могут еще больше упасть.

В числе мер поддержки национальных экспортеров необходимо, как нам видится, сделать следующее.

1. Снизить ставки по кредитам.

Для реализации данной меры поддержки следует разработать методологию формирования и определить перечень стратегических предприятий, кредиты которым будут рефинансироваться на льготных условиях. При этом такую поддержку нужно оказывать адресно — лучшие предприятия во всех отраслях составляют примерно 2–3%. Поэтому и поддержку нужно переориентировать с отраслевого уровня на помощь лучшим, наиболее успешным и значимым.

2. «Заморозить» рост тарифов естественных монополий на определенный период.

Чтобы компании-экспортеры могли успешно работать, рост тарифов естественных монополий не должен в ближайшие годы превышать 1% в год.

ПРОБЛЕМА 3: сильный центр — слабая периферия.

Устойчивой может быть лишь та держава, которая развивается за счет своей периферии, а не тратит все силы на то, чтобы развивать ее.

Российское же Правительство идет по второму пути. Действующая сегодня в России система перераспределения благ с помощью региональных трансфертов полностью доказала свою неэффективность. Россия находится на третьем месте в мире по неравенству регионов. Различия между регионами столь высоки, что одни уже стоят практически на уровне с европейскими странами. Другие, наоборот, опустились до уровня беднейших африканских стран. По сути, являясь гражданами одного государства, мы проживем в разных странах!

Как показывает опыт развитых стран, политика регионального развития становится эффективной в том случае, если она носит не директивный, а *стимулирующий характер*. Вектор развития регионов должен быть повернут от поощрения слабых к *созданию условий для их развития*. Вспомним, что Сибирь и Дальний Восток на рубеже XIX и XX столетий формировались как новые центры российского экономического роста в первую очередь по причине гораздо большей свободы хозяйственной деятельности, которую получали местные крестьяне, торговцы и промышленники.

В рамках осуществления региональной политики от государства требуется провести несколько реформ.

Первое — необходимы серьезные вложения в инфраструктуру. Это важно и для простых людей, и для делового климата.

Второе — назрело изменение налогового законодательства. Необходимо поменять пропорции налоговых отчислений между федеральным центром, регионами и муниципалитетами. Важно также, чтобы работающие предприятия регистрировались по месту нахождения.

Третье — очень важно содействие в перераспределении трудовых ресурсов, стимулировании мобильности населения. Сегодня в России складывается парадоксальная ситуация, когда в одних регионах более половины населения сидят без работы, в то время как в других активно стараются привлечь рабочую силу из-за рубежа.

ПРОБЛЕМА 4: социальная несправедливость, достигшая критического значения и ставшая тормозом на пути экономического развития страны.

В развитом демократическом обществе государство берет на себя обязанность по обеспечению занятости, справедливому распределению благ экономического роста, расширению социальной защиты населения и доступа к качественному образованию и профессиональному обучению для всех категорий граждан с различными доходами.

К сожалению, в течение достаточно длительного времени проводимая социально-экономическая политика государства не учитывала, да и не учитывает по сей день, в полной мере то, что действительно важно для

большинства людей, то, что их делает счастливыми. А это прежде всего наличие достойной работы, равноправный доступ к образованию и здравоохранению, реальная поддержка в старости, подотчетное правительство и право голоса в вопросах государственного управления.

Взамен этого внимание было сосредоточено на узком наборе рыночных показателей, таких как темпы приватизации государственной собственности, удвоение ВВП, открытость торговли и вступление в ВТО, сокращение внешнего долга и инфляции.

При этом экономическая политика зачастую носила бессистемный и абсурдный характер, была оторвана от реально складывающейся ситуации и проводилась без должного научного обоснования. В результате мы получили то, что и должны были получить, — экономически отсталую страну, живущую исключительно за счет продажи энергоресурсов, при бедном и незащищенном народе.

Согласно рейтингу уровня жизни, в 2015 г. Россия находилась на 61-м месте среди 142 стран мира, между Шри-Ланка и Вьетнамом. По экономическим показателям — на 75-м месте, по уровню коррупции и эффективности управления страной — на 99-м, по уровню безопасности — на 92-м, по уровню свободы граждан — на 89-м месте. С таким «имиджем» Россия и дальше будет не притягивать, а отталкивать даже своих союзников.

По мнению некоторых представителей российского Правительства, западные рейтинги вещь «лукавая» и «неправильная». Их цель, дескать, опорочить успехи «новой» России. С таким утверждением очень хочется согласиться, но все же какие успехи и достижения эти рейтинги хотят опорочить? Неясно!

Мы честно должны признать, что наша модель жизни, наша модель социально-экономического развития никому в мире не нужна. Как, например, объяснить тот факт, что с 1994 по 2013 г. Европейский Союз увеличился с 12 до 28 членов, тогда как Россия все эти 20 лет, доказывая всем уникальность своего исторического пути, не может «интегрировать» даже одну Белоруссию в рамках так называемого проекта Союзного государства?

Прежде всего это связано с социальной несправедливостью, которая достигла своего критического значения и является тормозом на пути развития нашей страны. В России средний богач богаче среднего бедняка в 22 раза, в Москве — в 55 раз. При этом разрыв в доходах между неимущими и состоятельными людьми неуклонно растет!

По данным экспертов, у нас 70% национальных богатств в собственности у... 1% россиян. При этом, согласно даже официальной статистике, более 13% граждан страны живут за чертой бедности.

О низком качестве жизни в России свидетельствует нищенская оплата труда работающих граждан. В настоящее время, например, минимальная заработная плата — 6204 руб. в месяц, и как денежный индикатор прожиточного минимума в нашей стране он ниже, чем в Люксембурге, в 17 раз, во Франции — в 14, Англии — в 10, в Эстонии — в 4 раза. Особенно высокий

уровень нищеты в сельской местности, охватывающий около 45% жителей. По данным социологических исследований, 7% сельских жителей вообще недоедают.

Данные о бедственном состоянии населения нашей страны косвенно подтверждаются и результатами социологических опросов. По словам 61% опрошенных, у них нет никаких накоплений. Как следствие, 45% респондентов отметили, что не интересуются курсами валют. По данным Росстата, за чертой ниже прожиточного минимума сейчас находятся почти 20 млн человек. Однако социологи утверждают, что официальная статистика далека от действительности. Бедных в России в три раза больше.

О последствиях нищеты писал еще в XVIII веке Адам Смит. В частности, он отмечал, что «скудное существование трудящихся бедняков служит естественным символом того, что страна переживает застой, а их голодание — что она быстро идет к упадку».

Влияние последствий социальной несправедливости на перспективы развития страны нельзя недооценивать! Нищее население подрывает спрос: отсутствие спроса ведет к сокращению предложения, т.е. производства товаров и услуг.

Вялый интерес к производству рождает инвестиционную апатию. Денег мало, но производства еще меньше, что отрицательно влияет на ВВП страны. Происходит высвобождение работников с предприятий и их попадание на рынок труда в качестве безработных. Далее — снижение налоговых поступлений в бюджет.

Социальная несправедливость — это не только неравномерное распределение благ, но и неравномерное распределение нужд, таких как право на проживание, здоровье, образование и т.д. Как показали исследования Всероссийского центра уровня жизни, бедными себя считают 40% жителей нашей страны, которые, по их мнению, лишены возможности прожить долгую жизнь и сохранить здоровье; получить образование не только самим, но дать его детям; не имеют доступа к средствам, обеспечивающим достойный уровень жизни.

В результате снижения качества уровня жизни происходит деградация социальной сферы, депопуляция населения, что ведет к демографической катастрофе, росту количества пустующих территорий с возможной перспективой их потери. Последняя перепись населения зафиксировала не только множество заброшенных деревень и «городов-призраков», но и их рост в результате продолжающегося сокращения численности титульного населения России.

Социальная несправедливость напрямую связана с вынужденной трудовой миграцией («утечкой мозгов»). По официальным данным, за три года из России более 1,2 млн человек уехали работать за рубеж, 40% из них — люди с высшим образованием, ученые, специалисты. Именно те, которые смогли бы сформировать запрос на модернизацию политической и экономической системы.

Низкая оплата труда и бедность подавляющего большинства населения — непреодолимое препятствие на пути создания среднего класса, главного носителя гражданских свобод. В результате мы имеем неконтролируемую обществом власть; бюрократию, приватизировавшую свои государственные полномочия; системную коррупцию и гражданскую пассивность.

С продолжающимся обеднением населения будут и далее прогрессировать все обозначенные выше проблемы, пока не достигнут критического уровня, а это представляет собой огромную опасность. В большинстве люди готовы мириться с разным уровнем дохода, который определяется рынком, с учетом способностей, знаний, умений и личных предпочтений. Но всему есть предел. Когда масштабы неравенства выходят за границы разумного, возникает чувство несправедливости, усиливается социальная напряженность, растут протестные настроения.

Для тех, кто интересуется связью политики с экономикой, сообщу, что с 1905 г. индекс Джини, который показывает характер распределения всей суммы доходов населения между его отдельными группами, вырос с 0,35 до 0,39 к 1916 г. В 1991 г. индекс Джини в России составлял 0,26, сегодня он равен 0,42.

Во избежание такого развития событий необходимо, чтобы Российское государство стало справедливым к своему народу не только на словах, но прежде всего на конкретных делах. Уместно привести следующее высказывание Петра Столыпина, сохраняющее свою актуальность для нашей страны и по сей день: *«...Главная наша задача — укрепить низы. В них вся сила страны... Будут здоровье и крепкие корни у государства, поверьте, и слова русского правительства совсем иначе зазвучат перед Европой и перед целым миром...».*

Чтобы остановить социально-экономическую деградацию страны, необходимо, во-первых, разработать **Государственную программу по преодолению нищеты**, в которой определить меры, сроки, ответственных лиц. Это сложная и комплексная программа, которая должна учитывать влияние на изменение уровня платежеспособного спроса населения таких показателей, как рост налогового бремени, инфляция, взвинчивание цен, рост безработицы, падение реальной заработной платы и т.п.

Одним из факторов решения этой задачи должно стать прогрессивное налогообложение, которое существует в развитых странах. Так, подоходный налог на сверхдоходы составляет в США — 40%, в Швеции и Франции — 60%. В России, к сожалению, подобные перераспределительные процессы не происходят, поскольку действует единая для богатых и для бедных плоская (13%) шкала, которую отменять власть не намерена.

В отличие от западных стран, российское Правительство не прислушивается к совету крупнейшего английского экономиста XX века Артура Пигу, который писал, что «богатство общества увеличивается при более справедливом перераспределении доходов и передаче части их от богатых к бедным». Он также выдвинул тезис, согласно которому «больше пользы

обществу приносит увеличение оплаты труда низкооплачиваемого работника по сравнению с высокооплачиваемым».

Далее. Необходима **поддержка занятости населения**. Уровень безработицы — одна из главных характеристик состояния экономики, и влияние ее последствий на перспективы развития страны нельзя недооценивать!

Для улучшения ситуации на рынке труда в первую очередь нужны **налоговые стимулы для компаний, которые создают новые высокопроизводительные рабочие места; компенсация расходов на обучение или повышение квалификации работников; а также меры по поддержке мобильности рабочей силы**.

Другим фактором помощи населению должно быть **формирование рынка доступного жилья**. Строительство такого жилья не только исправляет социальную несправедливость, но и стимулирует экономику, создавая рабочие места, увеличивая налогооблагаемую базу, развивая сопутствующие отрасли. Поэтому в условиях кризиса для оздоровления экономики жилье должно строиться массово, большими объемами и в короткие сроки. Строительство под переселение из ветхого и аварийного жилья снимает социальную напряженность населения, устраняя неподходящие условия проживания для людей. В конце концов, благоустроенное жилье необходимо для создания нормальной полноценной семьи.

ПРОБЛЕМА 5: коррупция.

Ключевые проблемы современной России либо вызваны коррупцией, либо значительно ею усугубляются. И хотя за последние лет 10 об этом социальном зле сказано немало, далеко не все отдают себе отчет в том, что коррупция является одной из главных причин деградации страны. Как бороться с коррупцией? Методов много — было бы желание, которого, кстати, и не наблюдается!

В Сингапуре, например, чтобы искоренить это зло, премьер министр страны с 1965 по 1990 г. Ли Куан Ю добился признания коррупции главной угрозой общества и безжалостно отстранял от государственной службы и отдавал под суд своих ближайших соратников, уличенных в коррупции. В результате стране удалось за достаточно короткий период времени перейти из третьего мира в первый, приобрести авторитет и влияние в глобальной политике. За период с 1965 по 1990 г. (за 25 лет) ВВП на душу населения в стране вырос в 32 раза, в 2014 г. он составлял 36 897 долл. США. Для сравнения: в России — 6923 долл. в 2014 г., в 1990 г. — 3784 долл., т.е. рост всего в 1,8 раза. Как говорится, почувствуйте разницу!

ВЫВОДЫ

1. Надо признать, что избранная либеральным финансово-экономическим крылом Правительства схема экономического развития страны обанкротилась. Это уже не предмет научного спора, а констатация факта. Сегодняшняя Россия

больше не является крепнущей и развивающейся державой, а старается всего лишь удержаться на прежнем уровне и не покатиться вниз. Мы загнали свою экономику в тяжелейший кризис. В результате по уровню потребления мы в числе развивающихся стран.

2. Неотложная задача — переломить тенденцию спада производства. Необходимо любыми экономическими мерами поощрять вложение денег в производство путем льготного налогообложения прибыли, льготного кредитования, используя другие известные меры, включая бюджетное финансирование. Нужно создать такие условия, чтобы всякий, кто способен производить нужную стране продукцию, такую возможность получил. Политика государственного регулирования инвестиционного процесса на макроуровне осуществлялась всеми крупными капиталистическими странами после Второй мировой войны. И это никак не мешало их рыночной ориентации.

3. Мы обязательно возродимся как страна, занимающая достойное место в мировой экономике и политике. Но не по схеме, разработанной экспертами МВФ для стран так называемого третьего мира, направленной на экономическое уничтожение целых отраслей, профессий, регионов. Если не скорректировать курс экономического развития, возможно, придется говорить не о движении к рынку, а о выживании населения. И тогда нужда заставит предпринимать уже нерыночные шаги.

4. Крупнейший политический провал либералов — дискредитация идей рынка и демократии. Каждый имеет право на ошибку, от нее никто не застрахован. Но у нашего «либерального» финансово-экономического блока Правительства должна быть ответственность не только перед страной, но и перед идеей рынка.

Рынок был дискредитирован реформами 1992–1993 гг. И не столько ошибками (они могут быть у любого), сколько упорством в защите своих неверных решений. Результатом таких действий стало то, что от тоталитарной экономики мы перешли не к рыночной, а к криминально-мафиозной.

Прошло 25 лет реформ. Но до сих пор как не было, так и нет никакого четкого плана социальной защиты малоимущих, программы развития национальной промышленности. Как были мы ориентированы на сырьевые отрасли, так на этом и остались. Как не было высокотехнологичного экспорта, так его и нет. Класс собственников — стабилизаторов общества создать не удалось. Народ сегодня начинает отворачиваться от рынка, связывая с ним лишь негативные стороны нашей жизни (спекуляцию, обогащение путем обмана, неоправданное социальное расслоение и т.д.).

5. Сегодня со стороны наших властей прослеживается презрение к людям, над которыми проводится в очередной раз экономический эксперимент. Возрождаются и такие характерные черты большевизма, как критика народа, который якобы по незрелости мешает власть имущим проводить реформы, вновь звучат призывы к «светлому будущему». Лучший тому пример — Гайдаровский форум 2016 г., на котором российский народ без стеснения был назван дауншифтером (от англ. *downshifting* — включать пониженную

передачу; дауншифтерами называют людей, которые сознательно отказываются от солидной должности и высокой зарплаты в пользу домашних тихих вечеров, хобби, субботы на дачных грядках, отдыха на Гоа — каждому свое).

Я искренне желаю успехов Правительству. Однако боюсь, что его упрямство в экономической политике может окончательно скомпрометировать рынок в глазах людей и привести к социальному взрыву. А это трагедия!

Список литературы:

1. Цветков В.А. О мерах по поддержке населения и реального сектора экономической системы России в условиях кризисной цикличности и неопределённости. Выход постсоветского пространства из системной кризисной цикличности: формирование эволюционной модели экономического развития и расширения ЕАЭС. Том I / Материалы МНПК. Москва, 25-26 июня 2015 г. / Под ред. к.ф.-м.н., доцента К.Х. Зоидова. – М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2015. – 341 с. – С. 5-12.
2. Цветков В.А. Меры по поддержке населения и реального сектора экономики России в условиях кризиса // Вестник Финансового университета. 2015. № 3 (87). С. 73-78.
3. Цветков В.А. Пять проблем экономической безопасности и экономического роста в современной России // Вестник Финансового университета. 2016. № 2 (90). С. 6-15.
4. Цветков В.А. Факторы развития экономики: преодоление нестабильности // Инвестиции в России. 2016. № 3 (254). С. 39-44.
5. Цветков В.А., Логинов Е.Л. Цели и организационная модель манипулятивного обрушения цен на нефть - 2014. Аналитический доклад. М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2015. - 102 с.
6. Цветков В.А., Логинов Е.Л. Системная финансовая нестабильность в экономике Китая: в каком направлении движется китайский «локомотив» развития мировой экономики? Аналитический доклад. М.: ИПР РАН, 2015. - 118 с.
7. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Медков А.А. Новая концепция увлечения грузовой базы транспортных коридоров «Восток – Запад»: геополитические условия и экономические предпосылки. Трансграничные транспортные коридоры «Восток – Запад»: вызовы для национальной экономики: сб. докл. / под ред. к.г.-м.н. И.В. Прокофьева – М.: РИСИ, 2015. – 204 с. – С.114 – 149.
8. Tsvetkov V.A. Economic security and economic growth in modern russia: five key problems // Review of Business and Economics Studies. 2016. № 2. С. 5-14.
9. Цветков В.А. Проблемы экономической безопасности и экономического роста в России в условиях углубляющегося кризиса. 25 лет СНГ: основные итоги, проблемы, перспективы развития / Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 29-30 июня 2016 г. / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова – М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. – 291 с. - С. 8-17.
10. Борталевич С.И., Логинов Е.Л., Чиналиев В.У. Проблемы стратегической перестройки организационных механизмов управления научно-техническим развитием России и ЕАЭС. - М.: Финуниверситет, 2016. - 258 с.
11. Логинов Е.Л., Борталевич С.И. Нефтяные и газовые рынки России и ЕАЭС: пути развития в условиях макроэкономической нестабильности. - М.: ИПР РАН, 2016. – 150 с.
12. Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития: Материалы Четвертого Международного форума Москва / Под общей редакцией чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. – М.: ИПР РАН, 2015. - 845 с.
13. Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития. Пленарные доклады /Материалы Четвертого Международного форума. Москва, 20, 22 октября 2015 г.: Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. – М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2015. - 284 с.
14. Цветков В.А. Циклы и кризисы: теоретико-методологический аспект. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. 504 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЯ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ²

Порфирьев Борис Николаевич – академик РАН, зам. директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН)

Терентьев Николай Евгеньевич – к.э.н. с.н.с. Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН)

Семикашев Валерий Валерьевич – к.э.н., зав. лаб. Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН)

В последние годы вопросам социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ)³ в нашей стране уделяется повышенное внимание. Это обусловлено не только необходимостью преодоления негативных демографических, экономических и социальных тенденций развития АЗРФ (сокращение численности населения, более высокие показатели заболеваемости, чем по стране в целом; проблемы безработицы, обеспеченности жильем и т.д., подробнее см., например, [2, с. 41-51]); но и стратегическими задачами развития энергетической и транспортной систем данного макрорегиона, повышения энергетической эффективности хозяйства АЗРФ.

Это особенно актуально в условиях наблюдаемых процессов глобальных климатических изменений, которые в Арктике протекают намного быстрее и масштабнее, чем в остальной части Земного шара. Согласно модельным оценкам международных экспертов, в XXI в. рост температуры в Арктике будет более чем вдвое превосходить среднее глобальное потепление. Арктика также относится к числу регионов мира с максимальным относительным усилением роста объемов выпадения осадков [1]. К этому можно добавить активные процессы таяния вечной мерзлоты, абразии береговой линии, уменьшения ледяного покрова и т.д.

Климатические изменения уже оказывают серьезное воздействие на природные, хозяйственные и социальные системы российской Арктики, отдельные отрасли экономики АЗРФ, включая энергетику. Причем с точки

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (Проект №15-02-00528а «Социально-экономические последствия климатических изменений в Арктике») и РФФИ (Проект №15-55-71002Арктика-а «Климатические изменения Арктики и их воздействие на окружающую среду, инфраструктуру и доступность ресурсов»). Авторы выражают благодарность к.т.н., с.н.с. ИНП РАН С.А. Ворониной за помощь в проведении расчетов в рамках данного исследования.

³ Текущие сухопутные границы АЗРФ определены Указом Президента РФ от 2 мая 2014 года №296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» [6]. В соответствии с ним к АЗРФ отнесены полностью территории Мурманской области, Ямало-ненецкого, Чукотского автономных округов, а также ряд районов Архангельской области (включая полностью Ненецкий автономный округ), республик Коми и Саха (Якутия), Красноярского края. Подробнее о формировании российской Арктической зоны см. [4, с. 36–58].

зрения динамики объемов потребления энергии влияние климатических изменений носит в целом благоприятный характер, ведя к сокращению энергопотребления. В то же время процессы таяния вечной мерзлоты негативно сказываются на состоянии энергетической инфраструктуры, в частности, повышая вероятность техногенных аварий на нефтепроводах, что требует особого внимания, учитывая возможные значительные как экономические, так и экологические последствия таких аварий.

Анализ современного состояния энергоснабжения в АЗРФ в условиях климатических изменений

Система энергоснабжения АЗРФ характеризуется широким разнообразием используемых схем энергоснабжения и источников энергии, что отражает пространственные различия в системе расселения и социально-экономического развития арктических территорий. Наиболее крупные по населению территории и населенные пункты АЗРФ (кроме г. Норильск) – большая часть Мурманской области и ЯНАО, крупные населённые пункты Архангельской области, а также город Воркута (Республика Коми) – имеют централизованное энергоснабжение и их энергосистемы включены в ЕЭС России. В то же время мелкие населенные пункты в указанных регионах имеют децентрализованное⁴, изолированное энергоснабжение, осуществляемое на местном или привозном топливе. Изолированное энергоснабжение характерно и для остальных территорий АЗРФ: Чукотского АО, Ненецкого АО, северных районов Красноярского края (г. Норильск, Таймырский и Туруханский районы), северных районов Республики Саха (Якутия).

В регионах и на территориях АЗРФ на собственных электростанциях производится более 40 млрд. кВт*ч, что составляет около 4% от общероссийского производства. Наибольший объем генерации сосредоточен в Мурманской, Архангельской областях, ЯНАО и Норильской энергосистеме, которые характеризуются большими объемами спроса на электроэнергию со стороны промышленности. В остальных регионах АЗРФ электроэнергия производится в разы или на порядок меньше. Основным же потребителем является население и общественный сектор.

подавляющая часть электроэнергии потребляется внутри регионов. Относительно небольшая часть экспортируется – из Мурманской области осуществляется переток порядка 2-3 млрд. кВт.ч в сторону Республики Карелия, преимущественно за счет генерации на Кольской АЭС. Другие перетоки можно признать незначительными.

Отметим, что энергосистема Архангельской области и Республики Коми относится к так называемой неценовой зоне ЕЭС России. В этой зоне из-за неразвитости и специфики сетевого комплекса невозможно нормальное функционирование оптового рынка, а из энергосистемы Мурманской области невозможно полностью выдать мощность. Есть проблемы и с

⁴ Под децентрализованным теплоснабжением понимается снабжение от котельных мощностью менее 20 Гкал/час.

энергоснабжением Воркуты: пропускная способность существующих сетей ограничена, что с учетом проблем с техническим состоянием Воркутинских ТЭЦ [3] создает дополнительные риски в энергоснабжении города.

В АЗРФ представлены все виды электростанций: ТЭС на разных видах топлива, АЭС, ГЭС, а также небольшое количество установок на возобновляемых источниках энергии (ВИЭ). В Мурманской области две трети генерации электроэнергии обеспечивает Кольская АЭС. Еще почти треть приходится на 17 ГЭС, совокупная мощность которых составляет 1,5 ГВт. На тепловую генерацию приходится всего 3% производимой электроэнергии. Апатитская и Мурманская ТЭЦ для обеспечения этих городов теплом и частично электроэнергией используют привозное топливо – уголь и мазут, соответственно. Котельные региона также работают на привозном угле (26% топлива всех котельных) и мазуте (около 50%). Еще около четверти котельных составляют электробойлерные.

Территория Архангельской области и населенные пункты, относящиеся к АЗРФ, имеют преимущественно тепловую генерацию. Три крупные ТЭЦ региона используют газовое, мазутное и твердое топливо. 90% котельных работают на привозном твердом топливе. В Ненецком АО и ЯНАО на ТЭС и в котельных используется газовое топливо от недалеко расположенных месторождений, а жидкое топливо является резервным.

Крупные ГЭС кроме Мурманской области есть и в Арктической зоне Красноярского края, где функционируют 2 ГЭС общей мощностью 1,2 ГВт, которые вырабатывают около половины всей электроэнергии. Остальное энергоснабжение осуществляется от газовых ТЭЦ и котельных.

Вторая арктическая АЭС расположена в Чукотском АО – Билибинская АЭС с установленной мощностью в 48 МВт. Она обеспечивает около трети электрогенерации региона и снабжает электроэнергией город Певек и электро- и теплоэнергией г. Билибино. Остальное энергоснабжение региона осуществляется за счет тепловой генерации, работающей преимущественно на угле. Но доля привозного жидкого топлива значительна – его используют порядка 25% котельных и большинство электрогенераторов малой мощности. 70% всей производимой энергии в регионе потребляет население и социальная сфера.

В Мурманской области работает единственная в России Кислогубская приливная электростанция мощностью 1,7 МВт*ч, производящая электричество за счет энергии приливов и отливов. В Анадырском энергоузле (Чукотский АО) действует небольшой ветропарк мощностью 2,5 МВт. В Архангельской обл. многие мелкие котельные и дизельные электростанции были переведены на местное топливо – отходы деревообрабатывающей промышленности.

Что касается особенностей температурных режимов в арктических городах, отопительный период в АЗРФ из-за низкой температуры воздуха продолжается практически круглый год, достигая в настоящее время 350 суток [2, с. 41]. Это и промышленная нагрузка предприятий определяет

преимущественно теплофикационный режим работы электростанций и преобладание ТЭЦ.

Продолжительность отопительного периода по сравнению с Москвой больше в 1,1-1,3 раза для Архангельска и Мурманска и в 1,6-2 раза для Нарьян-Мара, Воркуты, Анадыря, Дудинки и Республики Саха (Якутия). До 2050 г. ожидается существенное (от 10 до 20%) сокращение продолжительности отопительного периода по всем рассматриваемым населенным пунктам, причем для всех их, за исключением Архангельска, характерно опережающее сокращение исследуемого показателя по сравнению с его значением для Москвы, что отражает вышеупомянутую особенность ускоренного потепления в Арктике. Вместе с тем, в абсолютных значениях продолжительность отопительного периода остается весьма высокой. Даже в Архангельске к 2050 г. количество градусо-суток ожидается выше, чем в Москве в 2015 г. (5900 против 5400).

В табл. 1 представлена структура производства тепловой энергии в регионах и на территориях АЗРФ. Всего генерируются порядка 70 млн. Гкал. Это составляет 5% от общероссийского централизованного производства теплоэнергии (рассчитано по [5]), которые примерно поровну распределены между котельными и ТЭЦ. Это соотношение отличается от общероссийского показателя в пользу большей доли ТЭЦ. В этой же таблице приведена оценка распределения генерации тепла между централизованными (ТЭЦ и котельные мощностью 20 Гкал/ч и более) и децентрализованными источниками (котельными мощностью менее 20 Гкал/ч). В целом по этому критерию в Арктике теплоснабжение преимущественно осуществляется от систем централизованного теплоснабжения (СЦТ), достигая 93%.

Таблица 1

Производство теплоэнергии в регионах и на территориях АЗРФ,
тыс. Гкал.

Регион, территория	Котельные			ТЭЦ и др. источ ники	Оценка совокупного производства от всех источников	Доля децентрали зованного теплоснабж ения (котельные мощностью менее 20 Гкал/ч)
	Всего	В том числе: котельные мощностью, Гкал/час				
		мене е 20	20 и более			
Мурманская область	8301	527	7775	4409	12710	4%
Ненецкий автономный округ	361	361	-	3	364	99%
Ямало-Ненецкий автономный округ	7830	2030	5801	368	8198	25%
Чукотский автономный округ	537	216	321	648	1185	18%
Города и территории Архангельской обл., отнесенные к АЗРФ*	15729	1740	13988	13379	29108	6%

Норильская энергосистема**	300	н.д.	н.д.	12500	12800	2,3%
Воркута**	150	н.д.	н.д.	1600	1750	8,6%
Северные районы Якутии и прочие территории АЗРФ	н.д.			н.д.	н.д.	
Итого АЗРФ	33208	4873	27885	32906	66114	7%
Доля от общероссийского производства (%)	4,1			5,7	5,1	

*Источники: Росстат, форма 1-ТЕП за 2014 г., форма 6-ТП; * - 85% тепловой энергии по форме 1-ТЕП и 6 ТП для Архангельской обл.; ** - оценка на основе публикаций о муниципальных котельных; *** - рассчитано относительно производства тепла на ТЭЦ и совокупного отпуска тепла в СЦТ России (см [5]); н.д. – нет данных*

Анализ систем энергоснабжения в изолированных районах и территориях АЗРФ (на примере Чукотского АО)

Как отмечалось выше, многие районы АЗРФ обеспечиваются энергией в изолированном режиме. В этих регионах структура и организация энергоснабжения важны не только с точки зрения обеспечения надежности поставок, но и в большой степени определяют экономику и, соответственно, тарифы на поставляемую потребителям энергию. Это подтверждает пример Чукотского АО.

Население Чукотского АО составляет около 50 тыс. чел. Большая часть населения сосредоточена в нескольких наиболее крупных населенных пунктах, крупнейшими из которых являются города: Анадырь (столица региона, проживает 15 тыс. чел.), Певек и Билибино (примерно по пять тыс. чел.). Из-за большого расстояния между населенными пунктами энергоснабжение осуществляется изолированно в нескольких энергоузлах.

Наиболее крупный – Чаун-Билибинский энергоузел совокупной мощностью свыше 80 МВт, где объединены в единую систему находящиеся друг от друга на расстоянии около 300 км угольная Чуанская ТЭЦ (построена в 1955 г., мощность 34,5 МВт, в настоящее время производит преимущественно только тепло) и Билибинская АЭС (введена в строй в 1974-76 гг., мощность 48 МВт, располагаемая мощность – 36 МВт). Протяженность линий электропередач, которые соединяют Певек, Билибино, якутский поселок Черский и близлежащие рудники, объединенные в один энергорайон, около 1100 км.

Анадырский энергоузел включает в себя Анадырскую ТЭЦ, Анадырскую газомоторную ТЭЦ (находящуюся в аренде Чукотэнерго), ветроэлектростанцию и несколько ДЭС и котельных принадлежащих Чукотскому АО. Установленная мощность Анадырской ТЭЦ - 56 МВт, Анадырской ГМТЭЦ – 28,65 МВт. Нагрузка в Анадырском энергоузле в основном коммунально-бытовая и составляет максимум 28 МВт. Резерв мощности 56,7 МВт. В Анадырском энергоузле электроэнергией

обеспечиваются г. Анадырь, с. Тавайваам, п. Шахтерский, п. Угольные Копи, п. Аэропорт.

Эгвекинский энергоузел включает в себя Эгвекинотскую ГРЭС мощностью 34 МВт, электрической энергией от которой обеспечиваются п. Эгвекинот, п. Озерный, п. Амгуэма, п. Дорожный и п. Валунистый. Максимум нагрузок в этом энергоузле составляет всего 14 МВт. Близлежащие к названным электростанциям населенные пункты обеспечиваются теплоэнергией от электростанций. Прочие получают тепло от местных и ведомственных котельных.

В целом, годовое производство электроэнергии в регионе составляет около 700 млн. кВт*ч. Тепловой энергии вырабатывается более 1 млн. Гкал.

Проблемы электро- и теплоснабжения в российской Арктике и направления их решения

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд актуальных проблем энергоснабжения территорий АЗРФ и выделить основные направления политики по развитию энергетики данных территорий, которые условно можно разделить на две группы: краткосрочные (среднесрочные) и долгосрочные.

Для наиболее густонаселенных Мурманской и Архангельской областях и Воркуте характерно сочетание следующих проблем, решению которых, на наш взгляд, уже в ближайшее время должно уделяться повышенное внимание:

- генерирующие мощности по своей структуре и характеристикам во многом остались с советского времени, что не соответствует современной экономике и спросу на энергию в арктических регионах и территориях;

- использование изношенного и технологически устаревшего генерирующего оборудования. При этом применяется мало современных систем управления и автоматики как на стадии генерации, так и передачи и распределения, что приводит к повышенным трудозатратам и дополнительному росту издержек;

- зачастую в больших объемах используется дорогое топливо, прежде всего мазут, в том числе на цели отопления, что неэффективно в зонах с централизованным энергоснабжением (перевод дорогого высококалорийного топлива в низкотемпературную энергию).

Другим перспективным направлением развития энергосистем АЗРФ можно считать развитие электросетевого комплекса для снятия ограничений по перетоку электроэнергии и мощности. Это позволит повысить надежность снабжения, увеличить загрузку более эффективных генерирующих объектов, перейти к более экономичным режимам эксплуатации и снизить цены на энергию. В результате сократится часть потребления привозного дорогого топлива.

В изолированных энергоузлах и зонах необходимо, в первую очередь, комплексно перестраивать энергоснабжение населённых пунктов. Для этого следует учитывать прогноз спроса на энергию с учетом ожидающегося изменения климата, перспективную численность населения и развитие местных промышленных предприятий. Исходя из этих параметров, следует выбрать

оптимальное сочетание источников энергии и их мощность, а также используемое топливо. Под этот же процесс следует модернизировать и сетевую, и принимающую инфраструктуру, которые пока не соответствуют современным технологическим требованиям.

Основным направлением развития энергоснабжения арктических регионов, особенно небольших населенных пунктов, является постепенная модернизация оборудования, внедрение автоматики, оптимизация схем работы оборудования.

Решение рассмотренных проблем позволит повысить энергоэффективность и сбалансированность существующих энергосистем АЗРФ, а в долгосрочной перспективе – откроет возможность более широкого и эффективного использования ВИЭ. Этому же должно способствовать совершенствование показателей энергоэффективности: в условиях не оптимально функционирующих локальных энергосистем существующие показатели себестоимости энергии могут служить неверными стимулами, что будет приводить к неэффективным инвестициям.

В целом, развитие арктических энергосистем с экономически оправданным использованием передовых энергетических технологий является долгосрочной стратегией. Ее реализация, наряду с повышением эффективности, обеспечит и решение экологических проблем. В том числе, постепенное сокращение выбросов парниковых газов объектами энергетики, снижение загрязнения окружающей среды выбросами от сжигания угля и других видов ископаемого топлива, тем самым способствуя снижению нагрузки и улучшению состояния здоровья населения территорий АЗРФ. Таким образом, стратегию развития энергетики российской Арктики в контексте снижения рисков климатических изменений следует выстраивать с позиций комплексного подхода, увязывающего решение долгосрочных социально-экономических и экологических проблем с внедрением энергосберегающих и природосберегающих технологий и практик и способствующих переходу АЗРФ и всей российской экономики к устойчивому развитию.

Список литературы:

1. Катцов В.М., Порфирьев Б.Н. Климатические изменения в Арктике: последствия для окружающей среды и экономики // Арктика: экология и экономика. 2012. № 2. С. 66-79.
2. Лаженцев В.Н. Север России: вопросы пространственного и территориального развития – Сыктывкар, 2015. – 176 с.
3. Президент заинтересовался жалобой на электростанцию Вексельберга, Ведомости, 17 августа 2016 г. URL: <http://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/08/17/653434-vorkutinskaya>.
4. Российская Арктика: современная парадигма развития / под ред. акад. А.И. Татаркина. — СПб. : Нестор-История, 2014. – 844 с.
5. Семикашев В.В., Воронина С.А. Методика построения баланса производства и потребления тепловой энергии в СЦТ России // Научные труды: ИНИ РАН – М.: МАКС-Пресс, 2016. (в печати).
6. Указ Президента РФ от 2 мая 2014 года № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации».

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РФ

Лаврикова Юлия Георгиевна - доктор экономических наук, Временно исполняющая обязанности директора Института экономики УрО РАН

В настоящее время в условиях освоения большей части мировой поверхности, пригодной для проживания, экономическое пространство Российской Федерации становится тем фактором, который *может сыграть как глубоко положительную роль в социально-экономическом развитии России, так и не менее глубоко отрицательную роль при формальном его использовании или отсутствии такого.*

В настоящее время можно отметить несколько *тенденций в развитии экономического пространства Российской Федерации.*

Первое. Идет отчетливый процесс *сужения экономического пространства.* Это проявляется не только в снижении численности населения, но и в резком снижении числа населенных пунктов в РФ. Так, по итогам двух переписей (Всероссийской переписи населения 2002 г. и Всероссийской переписи населения 2010 г.⁵) общее число населённых пунктов снизилось со 158 229 до 155 511, т.е. на **2 718**. При этом число сельских населенных пунктов без населения возросло на 6 353 и составило 19 439! (или 13% от общего числа сельских населенных пунктов). Почти четверть (23,6 %) всех сельских населённых пунктов имеет численность населения менее 10 человек (в основном такие населённые пункты сосредоточены в Центральном и Северо-Западном федеральных округах).

Последствия неуправляемого процесса сужения экономического пространства состоят не только в *уменьшении территориального базиса экономики, но и в ухудшении ее пространственной структуры, разрушении пространственного каркаса.* Так, малые города, которые являются базой для экономики и занятости населения близлежащих сельских территорий, исчезая, тянут за собой вниз целый куст сельских населенных пунктов. Это увеличивает потоки и нагрузку на крупные и крупнейшие города, создавая там излишнюю напряженность в занятости, социальной сфере, уровне преступности и др.

Второе. Растет уровень *централизации экономического пространства.* Экономический рост все больше и больше сосредотачивается в крупных и крупнейших городах. Это видно из данных переписи 2010 г. При общем продолжающемся снижении численности населения России наблюдается его рост в 11 из 12 городов-миллионников. Почти четверть населения России (22 %) проживает в 18 крупнейших и крупных городах (12 городах-миллионниках и 6 субмиллионниках (Пермь, Воронеж, Красноярск, Саратов, Красноярск, Тольятти).

⁵ По данным Федеральной службы государственной статистики.

Особенно тенденции централизации характерны для Москвы, в частности в 2001 г. на Москву приходилось 16,3% ВВП страны, в 2008 г. - 24,6%.⁶

Такие крайние тенденции к централизации снижают общую эффективность экономики за счет нерационального расселения и невозможности управления большой социально-экономической системой из одного центра, удлинения и усложнения потоков населения, товаров, финансовых и иных ресурсов к одному центру и наличия вследствие этого высочайших транзакционных издержек.

Третье. Растет разорванность и фрагментация экономического пространства.

Результатом этих процессов становится *растущая дифференциация регионов по экономическим показателям, осложняемая инфраструктурной разобщенностью российского экономического пространства.*

Так, за 14 лет разница между «крайними» регионами по абсолютному значению ВРП увеличилась с 334 раз в 2000 г. до 724 раз в 2014 г. (с учетом Крыма), а по ВРП на душу населения - с 22 раз до 93 раз за аналогичный период.

Это свидетельствует о том, что шанс для экономического подъема всей страны был упущен и снижение разницы между крайними регионами по среднедушевым денежным доходам (в месяц) с 19 раз в 2000 г. до 5,4 в 2014 г. является экономически не подтвержденным и временным процессом. Данное *снижение происходило за счет бюджетных вливаний, а не за счет развития экономики регионов-аутсайдеров*, а значит, в условиях кризиса и медленной экономической рецессии данные источники сокращения разрыва по социальным показателям исчерпаны.

Таким образом, отсутствие грамотной региональной экономической политики в государстве привело по сути к формированию трех групп регионов – «благополучных», «аутсайдеров» и «средняков» с различными, как показали итоги предыдущих выборов в Государственную Думу, интересами в сфере государственной политики, что всегда чревато негативными последствиями для сохранения единства страны.

Другим сдерживающим фактором пространственного развития России является неадекватная транспортная инфраструктура. Затраты на ее строительство и поддержание - в силу размеров страны - несопоставимы ни с одним другим государством мира, кроме разве что Китая и США, да еще с учетом значительно меньшей (в случае с Китаем - на порядок) численности населения и существенно более сложных климатических условий.

Для РФ *развитие транспортной системы является вопросом исключительно стратегическим*, в том числе и по вопросам экономической, политической, человеческой связанности страны.

На сегодняшний день 3/4 авиапассажирского трафика РФ проходит через московский авиаузел и лишь 1/4 приходится на прямое авиасообщение между

⁶ Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010.

городами страны. Большинство городов страны связаны друг с другом авиасообщением только через Москву.

Четвертое. *Отсутствует системность в управлении пространственным развитием экономики страны.*

Анализ большинства стратегических документов Российской Федерации показывает, что пространственная составляющая в них является во многом формальной и «остаточной». Пока отсутствуют документы, которые позволяли бы системно регулировать пространственное развитие страны – **Генеральная схема развития и размещения производительных сил Российской Федерации**, увязанная со стратегическими документами в области демографического, социального, инфраструктурного, промышленного и других сфер развития страны, приоритетными национальными проектами; межгосударственными программами. Данная схема должна лечь в основу схем территориального планирования субъектов РФ, муниципалитетов.

До сей поры в федеративном государстве, объединяющем 85 субъекта, отсутствует официально принятия **Концепция региональной политики**, хотя проект Концепции совершенствования региональной политики в Российской Федерации обсужден еще в 2008 г. и сформированы предложения по его улучшению. В настоящее время под эгидой Минэкономразвития осуществляется разработка концепции стратегии пространственного развития

Таким образом, выше обозначенные тенденции, а также анализ основных стратегических документов Российской Федерации, свидетельствуют о том, что мощнейший пространственный фактор не превратился для нашей страны в решающий фактор экономического роста, социально-экономического развития и модернизации российского общества. Недооценка данного обстоятельства оборачивается для экономики многомасштабными потерями вместо превращения его в уникальное на мировой арене конкурентное преимущество России.

На наш взгляд, решение данной проблемы состоит в **формировании и применении системного подхода в управлении экономическим пространством**. Данный подход успешно разрабатывается и реализуется на основе многолетних исследований ученых Института экономики УрО РАН, Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, Института экономических исследований ДВО РАН, Совета по изучению производительных сил РАН, Института системного анализа РАН и других институтов регионального профиля.

Базовым в системном подходе является понимание **экономического пространства**. Достаточно часто упрощают сущность данного термина, подразумевая под ним *только некие географические рамки (территорию)*, в которых существует экономическая система и осуществляются экономические процессы. В реальности данное понятие обладает более глубинной сутью, познание которой позволит на практике реализовать новые подходы к развитию и размещению производительных сил.

Исходя из выше приведенного определения, по **форме** экономическое пространство предстает как **сетевая структура взаимодействий**, возникающих в процессе экономической деятельности субъектов хозяйствования. По **содержанию** оно трансформируется во **взаимосвязанную систему инновационной деятельности рыночных агентов на территории**.

Чем разветвленней данная сеть (чем больше в ней узлов – центральных элементов разного уровня, хозяйствующих субъектов и горизонтальных связей), тем более эффективным является организация экономического пространства за счет снижения общих издержек. Таким образом, **системное преобразование экономического пространства основывается на положениях теории полицентризма, указывающих на необходимость превращения централизованного экономического пространства в полицентричное сетевое**.

В связи с этим суть **новой модели пространственного развития и управления российской экономикой**, состоит, с одной стороны, в создании каркаса региональных (республиканских, областных, краевых, окружных) и территориальных (городских, районных) центров сосредоточения экономического роста, способных формировать и передавать сопредельным субъектам инновационные импульсы развития экономики. С другой, данная модель включает системное управление этими процессами с опорой на рыночные институты, позволяющие в том числе выводить на траекторию ускоренного развития глубинные и окраинные регионы и территории.

Идеология этого перехода нами видится в следующем.

Первое. Активное и целенаправленное формирование государством институциональной среды через систему рыночных и государственных институтов, способствующих созданию полицентричной пространственной структуры экономики страны. Это означает формирование не одного-двух, а многочисленного каркаса центров экономического роста, к числу которых следует отнести практически все крупнейшие и крупные регионы и города, что будет способствовать реализации сетевого эффекта вокруг этих центров. Импульс к развитию должны получать малые и средние города через развитие и включение их в агломерации, а также другие глубинные и окраинные территории. К числу таких центров, способных уже сейчас выполнять эту миссию, можно отнести: Московскую, Санкт-Петербургскую, Екатеринбургскую, Челябинскую, Самарско-Тольяттинскую, Нижегородскую, Волгоградскую, Вологодскую, Казанскую, Уфимскую, Новосибирскую, Томскую, Омскую, Красноярскую, Иркутскую, Хабаровскую, Владивостокскую агломерации, а также агломерацию юга Ростовской области и Краснодарского края.

Второе. Формирование готовности территории (прежде всего органов власти, бизнеса) к сотрудничеству, которая делает возможным включение данной территории в процессы эффективного межтерриториального взаимодействия. Каким бы экономическим потенциалом не обладала та или иная территория сегодня в одиночку она не способна успешно развиваться, преодолеть возникающие внутренние и внешние коллизии. Объективно

возрастает необходимость кооперации, сотрудничества территорий в конкурентном экономическом пространстве. Конкурентное сотрудничество территорий, в свою очередь, требует определенного уровня интеграционной зрелости регионов и муниципалитетов.

В апреле-мае 2016 г. сотрудниками Института экономики УрО РАН было проведено исследование по оценке готовности территорий Уральского федерального округа к сотрудничеству. Было опрошено 408 респондентов, по вопросам возможности конкурентного сотрудничества. К преимущественным формам сотрудничества отнесены бизнес-проекты, договоры о сотрудничестве, кластеры, агломерации и др. Результаты опроса показали, что поддерживают конкурентное сотрудничество территорий («да», «скорее да») - **81,6 %** опрошенных. Но реальную готовность территорий к сотрудничеству («готовы», «скорее готовы, чем нет») положительно оценивают **только 41,1%** опрошенных.

Третье. Во многом готовность к сотрудничеству можно усилить наличием обоснованных с позиций эффективности реализации *стратегических межрегиональных (межокружных) интеграционных проектов, примеры которых для УФО приведены на слайде.*

Конкурентоспособность территорий, их жизнестойкость в современном экономическом пространстве все в большей степени определяются участием регионов и муниципалитетов в тех или иных совместных межрегиональных партнерских проектах.

Оба проекта учитывают недостатки в существующем состоянии пространственного развития регионов Уральского федерального округа и нацелены на более рациональную пространственную организацию взаимосвязей между регионами и развитие их производственного, научного, кадрового, информационного и транспортного взаимодействия.

В рамках первого проекта, разработанного совместно институтами Уральского отделения РАН совместно с Полномочным представительством президента России в Уральском федеральном округе, показана **новая для мирового уровня модель тесной кооперации районов нового освоения, в том числе арктических (ЯНАО) и индустриально развитых территорий (таких как Свердловская, Челябинская области, юг Тюменской области).** Формирование такой модели взаимодействия связано с **уникальностью Уральского федерального округа.** С одной стороны, УрФО – один из ключевых центров российской промышленности. Здесь сосредоточено треть металлургического производства страны, расположено 13% обрабатывающей промышленности и формируется 13,8% ВВП России. Уникальное географическое положение - Уральский федеральный округ является своего рода соединяющим мостом между европейским и азиатским, северным и южным векторами развития России. **С другой стороны,** в ЯНАО и ХМАО, при практическом отсутствии крупных машиностроительных предприятий, ведутся разработки крупнейших газовых и нефтяных месторождений Арктической и

приарктической зоны, в которых сосредоточено 92% природного газа РФ (26% мировых запасов) и 66,7% запасов нефти страны (6% мировых запасов).

Второй проект «Уральское созвездие» (инициатор – департамент по местному самоуправлению и стратегическому развитию территорий Правительства Свердловской области) направлен на формирование пространственного каркаса Уральского федерального округа и прилегающих территорий. Он соединит Екатеринбургскую, Челябинскую, Тюменскую, Пермскую агломерации, Курган и другие города и направлен на реализацию полиформатных связей – производственных, научно-образовательных, транспортно-логистических и т.д.

В настоящее время идет формирование концепции данного проекта.

Следует помнить, что применение проектного подхода требует соблюдения двух условий. *Во-первых*, проекты должны быть встроены в систему комплекса документов стратегического планирования страны, округа, регионов, муниципалитетов. Иными словами, данные проекты по своей сути должны стать стратегическими проектами, встроенными в логическую цепочку общефедерального стратегического управления. *Во-вторых*, при таком подходе стратегические проекты превращаются в конкретные механизмы (институты) реализации стратегических программ развития страны, округа, регионов, муниципалитетов. Их разработка, как и документов, из которых они вытекают, осуществляется на основе взаимодействия всех участников территориального сообщества: частного бизнеса, органов власти и управления всех уровней, науки, образования, представителей общественности.

Уважаемые коллеги! *Российская Федерация за счет научно обоснованного управления пространственным развитием может стать экономически мощной державой усилиями федерального руководства, устойчивым развитием регионов и активностью бизнеса и населения!*

ФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ НА БАЗЕ ВЕДУЩИХ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ В КОНТЕКСТЕ СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ ЕАЭС⁷

Цветков Валерий Анатольевич – чл.-корр. РАН, Директор Института проблем рынка РАН, проректор по науке Финансового университета при Правительстве РФ

Петросянц Даниэл Викторович – к.э.н., с.н.с. Института проблем рынка РАН, зам. рук. департамента Политологии Финансового университета при Правительстве РФ

Зоидов Кобилжон Ходжиевич – к.ф.-м.н., доцент, заведующий лабораторией Интеграции российской экономики в мировое хозяйство Института проблем рынка РАН

В докладе изучаются пути дальнейшего совершенствования региональных образовательных кластеров экономики, в первую очередь, выделяя и финансируя роль сильных региональных университетов как центров просвещения и интегратора инновационных процессов. В исследовании обосновывается необходимость

⁷ Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-02-00080 а.

проведения стратификации регионов по инновационному потенциалу, нахождение горизонтальных связей не только в плане конкурентных и близких по тематике исследований в научных и образовательных институтах регионов, но и интеграции в исследования в региональные программы развития. Использование центров коллективного пользования ведущих региональных вузов с целью концентрации научно-исследовательского регионального потенциала на прорывных направлениях, создание временных групп ученых по принципу грид-сетей, позволит реализовывать сложные научные и инновационные проекты в русле программ развития субъектов РФ. В ходе исследования на фактическом материале изучаются механизмы взаимодействия и инфраструктурные элементы, свойственные региональным инновационным кластерам. Исследователи разработали квалиметрическую модель развития региональных инновационных кластеров формируемых на базе сильного регионального вуза (вузов). Пилотная выборка составляет восемь университетов, по четыре Федеральных и национально-исследовательских в семи субъектах федерации РФ. Упор был сделан на развитие предпринимательской составляющей этих процессов, концентрируемой в вузах.

Ключевые слова: инновационные кластеры, национальная инновационная политика, институциональная среда, университеты, наука, образование.

Введение

Выстраивание региональных инновационных кластеров сопряжено с целым рядом системных проблем и вопросов организационного характера. Для начала, следует определить, где границы этой кластеризации, какова та самая территория «прикармливания», где активный региональный вуз (их может быть и несколько), стремится быть центром притяжения образования, науки и высокотехнологичного производства, «раскачивает» инновационные связи, помогает становлению инфраструктуры. Ключевое звено, создание в регионах критической массы людей, заинтересованных и болеющих за конструирование и создание нового качества жизни [1, 2].

Очевидно, что все регионы не могут стать инновационными, тем более при условии существенного системного отставания одних от других, но вот создание кластеров через синергию объединения всех игроков создает предпосылки к созданию соответствующей плодотворной почвы.

Предлагаем стратифицировать для начала эти кластеры по возможностям и потенциалу, и привяжем их к городам, где развивает свое присутствие на инновационных площадках сильный (сильные) региональный (-ые) вуз (вузы). В настоящем исследовании мы рассмотрим семь регионов (субъектов Федерации) и работающие на их территории по четыре Федеральных и Национальных исследовательских университета. Список исследуемых вузов: Южный федеральный университет (ЮФУ), Уральский федеральный университет (УрФУ), Северо-восточный федеральный университет (СВФУ), Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ), Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (МордГУОгарев), Национальный исследовательский Томский государственный университет (ТГУ) и Национальный исследовательский Томский политехнический университет (ТПУ).

Проблема в том, что инструменты поддержки региональной инновационной среды рассинхронизированны, наличествуют нестыковки с программами федеральных ведомств, поддержки малого инновационного предпринимательства, Национальной технологической инициативы (НТИ), само понятие инновационных кластеров, их структура, элементы, система

взаимодействия, акторами процесса и аналитиками трактуется не просто по разному, но и в противоположных векторных направлениях [3].

В результате проводимой в последние годы реформы образования, российские вузы выстраиваются в своеобразную иерархическую пирамиду, вершиной которой являются два вуза, относимые к национальному достоянию (Московский и Санкт-Петербургский университеты), затем следуют федеральные и национальные исследовательские университеты и примкнувшие к ним вузы госслужбы (РАНХиГС и Финансовый университет при Правительстве РФ), и далее по нисходящей к основанию пирамиды, по различным классификационным признакам подчиненности министерствам и ведомствам, территориям и т.п. [4]

Что мы будем понимать под вузом - региональным лидером? *Во-первых*, это не только образовательная, но и мощная научно-исследовательская институция на территории исследуемого региона. *Во-вторых*, определенные предпосылки для мультипликации и усиления влияния вуза на инновационные процессы в регионе были predetermined исторически, а уже в наше время, в связи с реформами высшего образования в РФ, проводимыми в XXI веке, эти вузы стали участниками ряда преобразовательных программ, в частности, становились федеральными и научно-исследовательскими университетами, участвовали в программе повышения конкурентоспособности 5-100, конкурсе инновационных вузов и т.п. *В третьих*, этим вузам действительно уже удалось встроиться в инновационную технологическую цепочку региона, наладить научные и производственные связи с научно-исследовательскими институтами, с промышленными предприятиями, и самое важное, способствовали продвижению на этих предприятиях инновационных продуктов, до этапа массового производства.

В регионе таких вузов может быть и несколько, как например, в Томске, Казани, ряде других городов РФ, и уже совершенно очевидно, в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Новосибирске. Таким образом, констатируем ситуацию, что такие вузы присутствуют в больших агломерациях, при этом не будем привязываться к стратифицирующим нашу гипотезу цифрам, и тем более к присутствию таких вузов в городах-миллионниках. Как правило, притяжение вуза-лидера к себе талантливой региональной молодежи не ограничивается субъектом Федерации, но и не существенно распространяется за границы территорий Федеральных округов, за исключением Москвы и Санкт-Петербурга.

Попробуем посмотреть и выстроить модель формирования инновационных региональных кластеров через призму зоны влияния регионального вуза лидера. Отберем для пилотного изучения гипотезы ряд таких вузов, и проанализируем, что этими учебными заведениями уже наработано, и как рефлексируют региональные власти, бизнес, научно-образовательное сообщество, все общество, на претензии такого вуза-регионального лидера, а также ведущего регионального драйвера в развитии предпринимательского

потенциала и формирования на данной территории питательной среды для развития инновационной деятельности.

Формирование/развитие инновационных кластеров в регионах способствует стимулированию модернизации отраслей за счет передачи инновационных знаний и технологий в рамках единого информационно-технологического пространства. Мобилизуя связи и активность ведущих региональных вузов в сферах инновационной и предпринимательской деятельности, повышая степень их взаимодействия с ключевыми региональными акторами этих процессов, региональные инновационные кластеры развиваются системно, а тесные и продуктивные коллаборации между институтами образования, науки и высокотехнологичного производства при поддержке и регулировании местными государственными структурами имеют устойчивый синергетический эффект. «Задача вуза предоставить максимально возможный объем информации о себе, своих возможностях, успехах, креативных и уникальных проектах, сильном подборе профессорско-преподавательского состава и т.п., обеспечить устойчивые коллаборационные связи с другими вузами и НИИ, компаниями развивающими высокотехнологичный бизнес».

Роль человеческих ресурсов, научно-исследовательских, инновационных центров в повышении инновационной активности региона базирования кластера является приоритетной и стратегической.

Настоящая работа является своего рода «хабом» к дальнейшей разработке концептуальных подходов развития исследования формирования кластеров роста инноваций в регионах России. Ниже перечислены основные направления:

- Выявление экономических и социально-политических проблем, стопорящих переориентацию регионов (субъектов Федерации) на инновационный путь развития.
- Изучение и анализ процессов трансформации роли университетов в региональном развитии. Рассматривая не только государственные законодательные инициативы, но и мировые тенденции в изменении роли современных университетов. Современный «принцип образования: школа как естественный государственный институт гораздо больше зависит от окружающей ее общественной атмосферы, чем от искусственной педагогической атмосферы, создаваемой в ее стенах. Только когда давление обоих атмосфер уравнивается, школа станет хорошей.
- Анализ мировых и отечественных передовых практик формирования вузами в своем окружении «пояса инновационного развития».
- Стратификация региональных инновационных кластеров по потенциалу развития. Эту задачу в пилотной редакции предлагаем в данной статье к рассмотрению.
- Изучение миссий ведущих региональных вузов с учетом задач стоящих перед субъектами Федерации, а также мировых тенденций в построении инновационных кластеров.

Региональный инновационный кластер вокруг сильного регионального вуза

На *рис. 1* нами представлена схема, которая поможет определить векторы воздействия и механизмы обратной связи в реализации проекта выстраивания региональных инновационных кластеров на базе сильного регионального вуза.

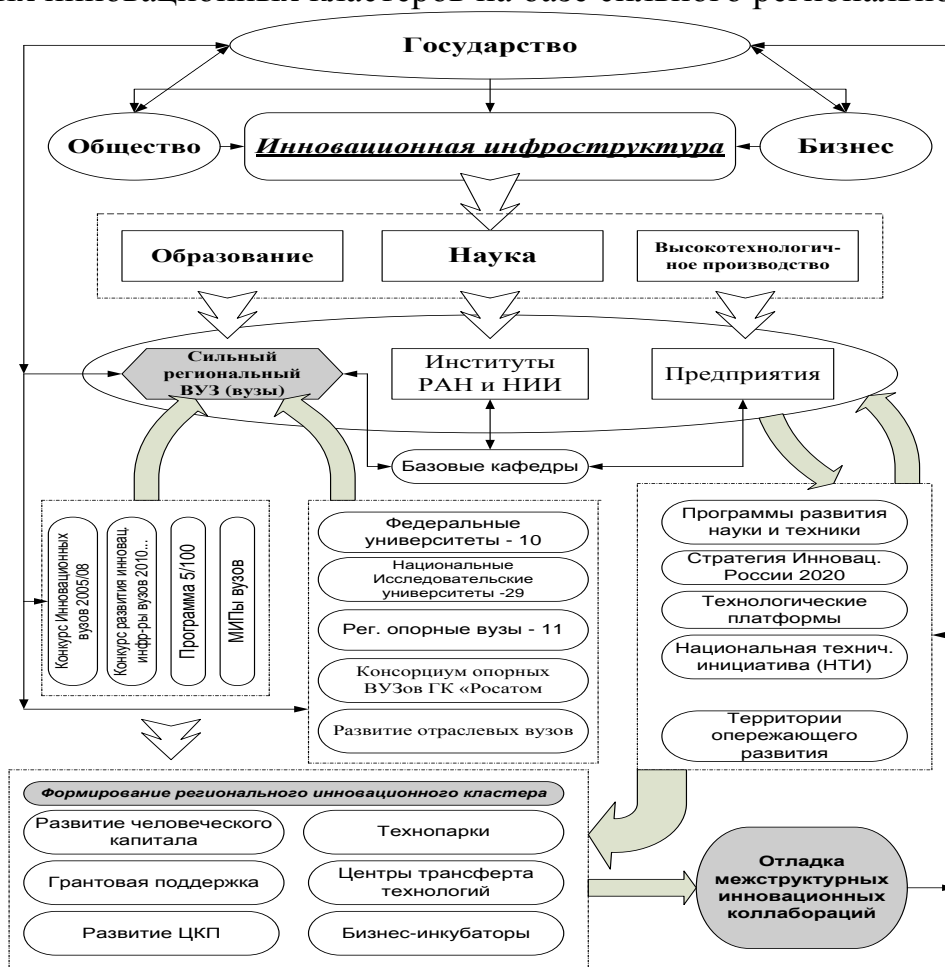

Рис.1. Формирование регионального инновационного кластера вокруг сильного регионального вуза.

Под *инновационной инфраструктурой* будем понимать совокупность всех подсистем, обеспечивающих доступ к различным ресурсам (активам) и (или) оказывающих те или иные услуги участникам инновационной деятельности.

И. Дежина выделяет следующие виды (подсистемы) инновационной инфраструктуры:

- *нормативно-правовая*: законы федерального и регионального уровней, нормативные акты, международные акты и конвенции;
- *финансово-инвестиционная*: различные типы фондов (бюджетные, венчурные, страховые, инвестиционные), а также другие финансовые институты, такие как, например, фондовый рынок, особенно в части высокотехнологичных компаний;

- *производственно-технологическая*: технопарки, инновационно-технологические центры, бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий и т.п.;
- *информационно-коммуникационная*: собственно базы данных и знаний, и центры доступа, а также аналитические, статистические, информационные и т.п. центры (т.е. организации, оказывающие услуги);
- *кадровая*: образовательные учреждения по подготовке и переподготовке кадров в области научного и инновационного менеджмента, технологического аудита, маркетинга и т.д. Кадровое обеспечение инновационных проектов;
- *экспертно-консультационная, интеллектуальная*: организации, занятые оказанием услуг по проблемам интеллектуальной собственности, стандартизации, сертификации, а также центры консалтинга, как общего, так и специализирующегося в отдельных сферах (финансов, инвестиций, маркетинга, управления и т.д.) [5].

В отношении кластеризации также предпримем небольшой терминологический экскурс, и определим, какой фактический смысл мы вкладываем в синтез понятия «инновационный кластер, формируемый на территории действия сильного регионального вуза».

Концептуально и системно теория инновационных кластеров была сформулирована В. Фельдманом и Д. Одретчем [6], а они в свою очередь за основу брали теорию промышленной агломерации А. Маршалла, доказавшего экономическую выгодность и эффективность труда, когда акторы единого системного процесса производства в географическом плане предельно приближены [7].

По мнению Буреш О.В. и Жука М.А. из Оренбургского государственного университета, - на уровне регионов могут создаваться условия «для формирования и развития инновационных научно-образовательных бизнес-комплексов (кластеров) как наиболее эффективных структур развития системы «образование–наука–производство». Кластерный подход должен стать основой формирования университетских проектов, обеспечивающих инновационное развитие вуза как в области организации образовательного процесса и научных исследований, так и в плане широкого сотрудничества с работодателями» [8].

Тему кластеризации инновационно-образовательной сферы в регионах РФ развили в своей статье «Комплексное сетевое взаимодействие сферы образования с наукой и производством» ученые Института проблем рынка РАН, по их мнению «создание принципиально новой структуры распределенной образовательно-научно-производственной сети применительно к различным уровням иерархии управления хозяйственными образованиями для дальнейшей реализации процессов кластерной интеграции образовательных, научных и производственных структур в рамках технологических платформ и иных форм государственной структуризации приоритетов научно-технического развития. [9]

А руководитель одного из самых успешных институтов развития инновационных преобразований «Российской венчурной компании» И.Агамирзян и вовсе оптимистично считает, что «в России за последние 10 лет были созданы практически все инфраструктурные элементы, какие могут быть: бизнес-инкубаторы, технико-внедренческие центры, технопарки и др.» [10]. Мы же придерживаемся точки зрения, что инновационно-предпринимательский, и главное интеграционный потенциал развития региональных инновационных систем (РИС) ведущих региональных вузов раскрыт далеко не полностью.

«Важнейшая тенденция в развитии высшего образования – повышение значимости университета не только как учебного заведения, а также как основы инновационного развития, центра кластерного развития, элемента инновационной инфраструктуры, важной составляющей социально-экономического развития региона» [11]. Некоторые аспекты региональной инновационной кластеризации и центральной роли сильного регионального вуза рассмотрены также российскими современными исследователями. [12, 13, 14, 15 и др.] Механизмы же взаимодействия всех акторов инновационной кластеризации в регионе, пока недостаточно изучены и проработаны. Эмпирически заметное значение имеет не только наличие в регионах сильных вузов, но и связи этих вузов со структурами науки, как правило, имеющими «советские корни», - Отделениями и Филиалами АН СССР.

Развитие ведущих российских региональных вузов поддержаны механизмами предоставленными Правительством РФ, как правило, на конкурсной основе, перечислим основные:

- Федеральный закон от 2 августа 2009 года № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности»;
- Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 7 июля 2010 г. № 754 "Об утверждении Положения о конкурсе по отбору программ развития инновационной инфраструктуры, включая поддержку малого инновационного предпринимательства, федеральных образовательных учреждений высшего профессионального образования" [16];
- конкурсы инновационных образовательных программ (ИОП), проведенные в два транша в 2005 г. и 2006 г. На основе проведенных оценок индексов инновационности регионов РФ выбирались региональные центры, располагающие инновационными вузами. Оценивалось соответствие стратегий развития инновационных вузов стратегиям развития регионов, стратегии развития страны (в инновационной сфере).
- Программа 5/100 по поддержке конкурентоспособности российских вузов. В конкурсе приняли участие 54 вуза, затем комиссия отобрала заявки соответствующие условиям конкурса (36 заявок), а победителями были

признаны 15 вузов. Программы развития МГУ имени М.В. Ломоносова и СПбГУ поддержаны априори вне конкурса, и господдержка им всегда обеспечена.

Вузам - региональным лидерам, в свою очередь предстоит сложная и кропотливая работа по рабочим согласованиям со всеми акторами регионального инновационного кластера: Федеральными и региональными властными структурами, институтами науки и образования (и не только высшего), бизнесом, аналитиками, экспертами, экологами и т.п. Перечисленные ниже проекты требуют создания и поддержки государственно-частного партнерства с участием перечисленных выше акторов, с целью поддержания развития региональных инновационных кластеров и пересмотра в режиме реального времени акцентов развития научно-образовательного и промышленно-технологического потенциала региона.

1. Председателем Правительства РФ утвержден перечень 25 *территориальных инновационных кластеров* (ТИК) (поручение от 28 августа 2012 г. № ДМ-П8-5060). Под инновационным территориальным кластером понимается совокупность размещенных на ограниченной территории предприятий и организаций (участников кластера), которая характеризуется наличием:

- объединяющей участников кластера научно-производственной цепочки в одной или нескольких отраслях (ключевых видах экономической деятельности);
- механизма координации деятельности и кооперации участников кластера;
- синергетического эффекта, выраженного в повышении экономической эффективности и результативности деятельности каждого предприятия или организации за счет высокой степени их концентрации и кооперации.

2. Подписание меморандума о создании межрегиональной «Ассоциации инновационных регионов России» состоялось 21 мая 2010 года в Томске в ходе XIII Инновационного форума «Innovus». В ассоциацию вошли: Самарская, Томская, Липецкая, Ульяновская, Новосибирская, Иркутская, Калужская области, Республики Татарстан, Башкортостан, Мордовия, Алтайский, Красноярский и Пермский края. Цель Ассоциации – содействие эффективному инновационному развитию регионов-участников, построенное на признании сложившихся различных моделей научно-технического роста регионов. Это ресурс будет использован для отработки государственных механизмов региональной поддержки. [17]

3. В декабре 2014 года В.В. Путин в послании Федеральному собранию назвал «Национальную технологическую инициативу» одним из приоритетов государственной политики. Замысел в том, чтобы определить наиболее перспективные отрасли, в которых российские компании могут быть конкурентоспособными в перспективе 10–20 лет, и создать оптимальный климат для развития таких компаний.

В октябре 2015 года президиум Совета при Президенте РФ по модернизации экономики и инновационному развитию во главе с премьер-

министром Д. Медведевым одобрил четыре «дорожные карты» НТИ: AutoNet, NeuroNet, MarinNet и AeroNet. В бюджете 2016 года для проектов НТИ было зарезервировано 10 млрд рублей, после секвестра осталось 9 млрд. [18]

В процессе развития НТИ будет широко задействован инструментарий, который уже был использован РВК в недавнем прошлом. Инновационная экосистема, развивающаяся при участии РВК как сеть инфраструктурных организаций, университетов, стартапов, экспертного сообщества и т.д., станет фундаментом, на котором будут базироваться связанные с НТИ проекты и программы.

4. *Технологические платформы* – применение европейского опыта на российской почве, коммуникационный инструмент объединения усилий различных заинтересованных сторон (государства, бизнеса, науки) в определении инновационных вызовов, разработке программы стратегических исследований и определении путей ее реализации. Он направлен на активизацию усилий по созданию перспективных коммерческих технологий, новых продуктов (услуг), на привлечение дополнительных ресурсов для проведения исследований и разработок на основе участия всех заинтересованных сторон, совершенствование нормативно - правовой базы в области научно-технологического, инновационного развития.

Эволюция преобразования региональных вузов-лидеров

Рассредоточение по стране центров формирования высококвалифицированного кадрового резерва, стремление создать институты подготовки новых региональных и федеральных элит, нашли свою реализацию в создании в РФ сети федеральных университетов. Их на сегодня насчитывается 10 (в каждом федеральном округе, плюс в двух из них еще по одному вузу, в ДВФО и СЗФО, в ЦФО же федерального университета нет, т.к. количество высококачественных вузов в Москве и так вполне достаточно).

Далее по иерархии элитарности, следуют национальные исследовательские университеты (НИУ, 29 ед.). Они неравномерно разместились по территории РФ. Программы развития НИУ привязываются к программам инновационного развития (ПИР) государственных корпораций (ГК), к программам отраслевого развития федерального уровня.

Следующее звено формируемой кристаллической решетки российского высшего образования в регионах – опорные вузы (см. *табл. 1*). Зарожденный как идея в 2015 г. этот проект обрел реальные очертания к началу 2016 г., а в мае 2016 г. Совет по опорным университетам одобрил пятилетние программы их развития. Опорные вузы - это проект, которому уделяет особое внимание не только руководство Минобрнауки РФ, но и высшее руководство страны, поскольку он напрямую направлен и на развитие образования в стране, и на развитие российских регионов. Большая часть этих вузов исходя из нашей гипотезы также призваны стать сильными региональными вузами.

Минобрнауки РФ спланировал приближение моделей опорных университетов к сложившимся моделям университетов развитых стран.

Одновременно реализуется попытка «упорядочивания», форматирования всего пространства высшего образования и науки в привязке к стратегиям (если так можно назвать генерируемые федеральной и региональными властями документы) развития страны и регионов.

Таблица 1

Региональные опорные университеты

	Вуз	Федеральный округ, субъект федерации
1	Воронежский государственный технический университет	ЦФО, Воронежская область
2	Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева	ЦФО, Орловская область
3	Костромской государственный технологический университет	ЦФО, Костромская область
4	Омский государственный технический университет	СФО, Омская область
5	Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика М.Ф. Решетнева	СФО, Красноярский край
6	Тюменский индустриальный университет	УФО, Тюменская область
7	Донской государственный технический университет	ЮФО, Ростовская область
8	Волгоградский государственный технический университет	ЮФО, Волгоградская область
9	Самарский государственный технический университет	ПФО, Самарская область
10	Вятский государственный университет	ПФО, Кировская область
11	Уфимский государственный нефтяной технический университет	ПФО, Республика Башкортостан

Источник: составлено авторами

В идеале, по задумке Минобрнауки РФ будет реализована модель опорного университета с присущими ему следующими отличительными чертами.

1. *Регионоориентированность*. Вуз работает на регион (субъект Федерации, либо на макрорегион в целом – Федеральный округ). Внимание местных властей обеспечивает не только федеральный характер правового устройства вуза, но и загрузка научной, инновационной и предпринимательской составляющих [19]. Одно из основных условий: наряду с программой развития вуза иметь связанную региональную программу развития рынка высококвалифицированного труда. То есть еще на этапе подготовки к конкурсу администрации вузов и региональные правительства должны трудиться в единой синхронной связке.
2. *Многопрофильность*, т.е. свыше 20 направлений подготовки обучающихся.
3. *Масштабность*: от 10 тыс. обучающихся в вузе.
4. *Наукоориентированность*. Приоритет – магистерские и аспирантские программы, исследования по заказам регионального бизнеса, Государственных корпораций и т.п.

5. *Социальная среда высокого уровня*, позволяющая обеспечить социальные лифты преимущественно в регионе, начиная от селекции абитуриентов до создания рабочих мест в высокотехнологичных научно-исследовательских и производственных структурах региона.

6. *Достойное финансирование* и соответственно немалый для РФ бюджет вуза (не менее 2 млрд руб. в год).

В целом все программы развития региональных вузов, проводимые Минобрнауки РФ направлены на их укрупнение и интеграцию в региональные программы развития. Ректор ВШЭ (Высшая школа экономики) Я. Кузьминов считает, что результатом анонсированной министром программы станет сокращение числа региональных вузов на 25 процентов. По его мнению, вуз с небольшим количеством студентов существовать не сможет, даже держать штат преподавателей на полной ставке он будет не в состоянии, тем более преподавателей высококлассных. По его мнению, даже если в каждом регионе будет свой опорный вуз, то их число не превысит ста. Мнение ректора МГУ имени Ломоносова В. Садовниченко прямо противоположно от мнения ректора ВШЭ. Он считает, что с консолидацией такого плана нужно быть осторожнее, поскольку проблемы укрупнение если и решит, то далеко не все. А практика показывает, что в мире существует довольно много вузов хоть и не больших, но чрезвычайно сильных, Гарвард например, где всего десять тысяч студентов. [20]

Различные блокировки и создание опорных вузов в инновационных сферах формируется и в ряде высокотехнологичных отраслях. Так ГК «Росатом» инициировал создание ассоциации «Консорциум опорных ВУЗов», в которые вошли:

- Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина;
- Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана;
- Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет;
- Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского;
- Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС»;
- Национальный исследовательский Томский политехнический университет;
- Национальный исследовательский университет «МЭИ»;
- Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»;
- Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева;
- Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева;
- Санкт-Петербургский государственный политехнический университет;
- Санкт-Петербургский государственный университет;

- Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Формализация исследования и картирование развития сильных региональных вузов

В табл. 2 представлено участие отобранных нами для анализа вузов, являющихся региональными лидерами в трех программах развития высшего образования.

Таблица 2

Исследуемые вузы. Участие в программах развития учреждений высшего образования

Вуз, субъект федерации, Федеральный округ	статус	«Инно-вузы» 2005-2008	5-100	ГК Росатом опорные вузы
НГУ, Новосибирская область (СФО)	НИУ	+	+	-
ЮФУ, Ростовская область (ЮФО)	ФУ	-	-	-
УрФУ, Свердловская область	ФУ	+	+	+
ТПУ, Томская область	НИУ	+	+	+
ТГУ, Томская область	НИУ	+	+	-
СВФУ, Республика Саха (Якутия)	ФУ	+	-	-
МордГУОгарев, Республика Мордовия	НИУ		-	-
КФУ, Республика Татарстан	ФУ	-	+	-

Источник: составлено авторами

В табл. 3 мы приводим индикаторы инновационной и предпринимательской деятельности вузов, являющихся объектами нашего углубленного изучения. В дальнейшем эти показатели планируется использовать в синтетической модели регионального инновационного кластера с сильным региональным вузом (вузами).

Таблица 3

Исследуемые вузы. Индикаторы инновационной и предпринимательской деятельности вузов – региональных лидеров (2014/15 уч. год)

Показатель	НГУ	ЮФУ	УрФУ	ТПУ	ТГУ	СВФУ	МордГУОгарев	КФУ
Общее число заявок, поданных представителями вуза на регистрацию РИД, ед.	27	230	89	198	143	40	89	63

Показатель	НГУ	ЮФУ	УрФУ	ТПУ	ТГУ	СВФУ	МордГУОг арев	КФУ
Портфель российских патентов вуза (число патентов поддерживаемых на 31.12.2014 г.)	99	286	174	262	495	62	158	140
Портфель международных патентов вуза (число патентов поддерживаемых на 31.12.2014 г.)	0	0	0	8	5	2	2	0
Число занятых в технопарке ППС вуза, чел.	н/д	10	12	н/д	756	32	н/д	16
Число лиц, занятых в технопарке и обучающихся в вузе, чел.	н/д	5	802	н/д	4520	49	н/д	3
рассмотрено проектов в Бизнесинкубаторах вузов в 2014 г., ед.	160	22	81	161	106	8	48	282
Число занятых в бизнес-инкубаторе ППС вуза, чел.	6	12	12	14	602	0	181	170
Число занятых в бизнес-инкубаторе обучающихся в вузе, чел.	250	60	802	434	3506	20	56	60
Зарегистрированные вузом малые инновационные предприятия (МИП), ед.	9	21	75	51	35	25	22	45
Базовые кафедры вуза, ед.	92	7	33	7	34	2	16	4
Число ППС работающих на базовых кафедрах	1600	4	н/д	143	344	4	133	26
Число обучающихся на базовых кафедрах	4097	499	н/д	839	458	28	5689	356

Источник: составлено авторами по данным анкетирования вузов «Национальным рейтингом университетов» МИГ Интерфакс [21].

На *рис. 2-3* нами представлены относительные показатели численности занятых в бизнес-инкубаторе вуза и студентов обучающихся на базовых кафедрах от общего числа обучающихся в вузе. Наиболее вовлеченными в деятельность бизнес-инкубаторов среди исследуемой выборки вузов являются ТГУ и УрФУ. Впечатляет 55,8% вовлеченных студентов в обучение на базовых кафедрах в НГУ.

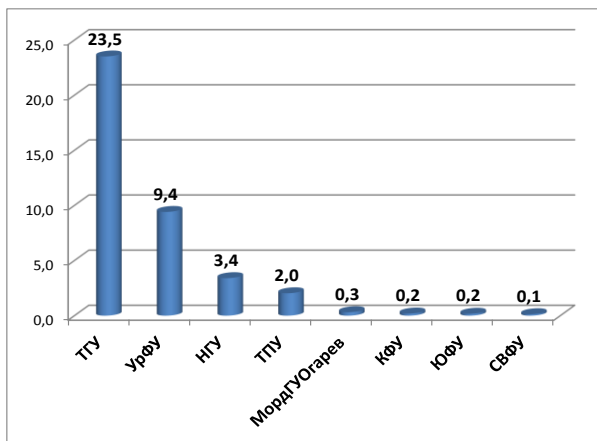

Рис. 2. Доля занятых в бизнес-инкубаторе, от общего числа обучающихся в вузе, %.

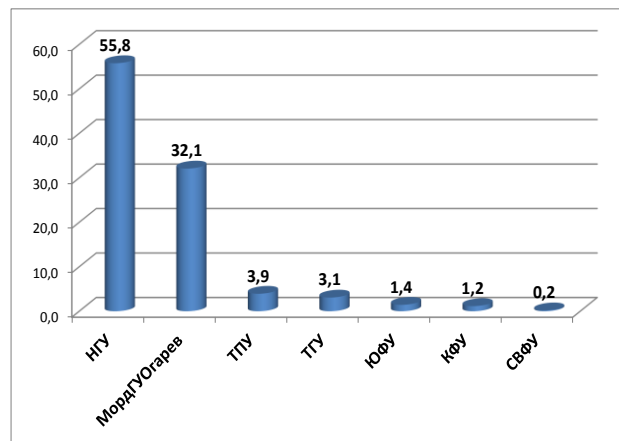

Рис. 3. Доля студентов обучающихся на базовых кафедрах от общего числа обучающихся в вузе, %.

На **рис. 4** представлена динамика медиаактивности исследуемых вузов-региональных лидеров. На сегодняшний день умение заявить о себе, тем самым поддержать и развить бренд учебного заведения выходит на передовой край активности информационно-коммуникационных структур вуза, положительная динамика медиаактивности вузов свидетельствует, что проводимая Минобрнауки РФ работа по повышению конкурентоспособности вузов, семинары, конкурсы, проекты, начинают приносить свои плоды.

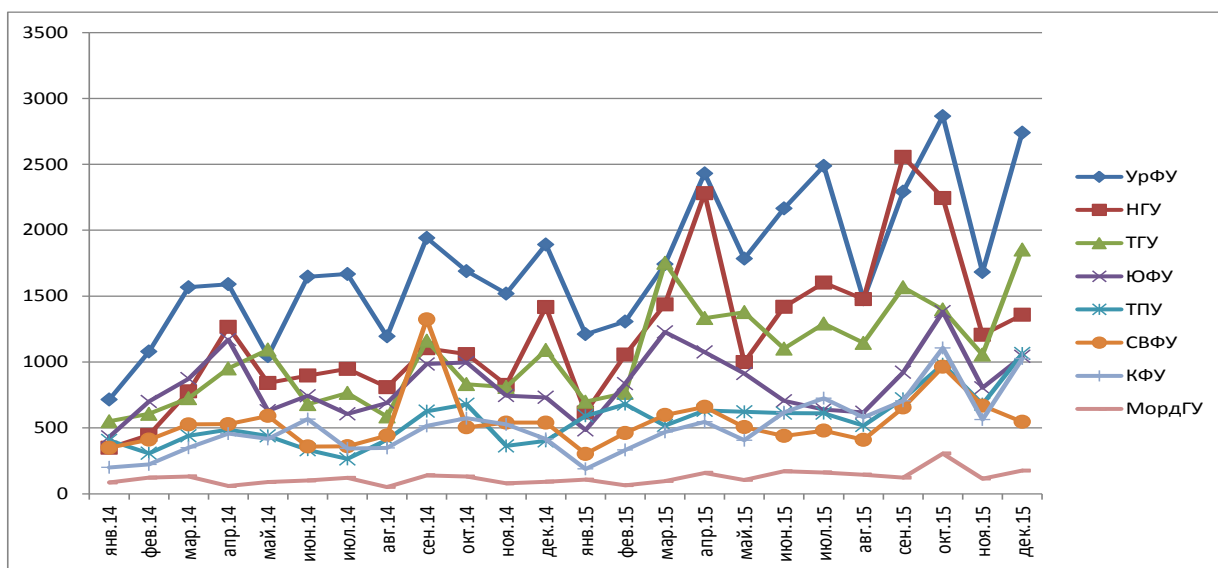

Рис. 4. Медиаактивность в СМИ вузов-региональных лидеров.

Источник: составлено авторами по SCAN-Интерфакс [22].

Модель стратификации российских региональных инновационных кластеров по потенциалу развития

Методика линейного ранжирования состоит из четырех этапов: отбор показателей (исходных данных), переход к безразмерным величинам, построение результирующего критерия, упорядочение исследуемых объектов в

линейный список. Трудность отбора показателей состоит в том, что приходится не только ориентироваться на определяющие смысловые и автокорреляционные критерии, но и на их достоверность и возможность верификации.

$$R_i = \sum_j^n M \times r_{ij}, \quad (1)$$

где М – мультипликаторы частных критериев рейтинговой модели, x_{ij} – двумерная матрица расчетных критериев модели, n – число рейтингуемых объектов. Значение частных критериев нормируем к 100 баллам:

$$r_{ij} = (r_{ij} / \max_i \{r_{ij}\}) \times 100 \quad (2)$$

Окончательное значение рейтинга R получаем нормировкой к 100 баллам синтетических результирующих значений критериев модели:

$$R_i = (R_i / \max_i \{R_i\}) \times 100 \quad (3)$$

Пилотная выборка составляет 8 университетов, по четыре Федеральных и национальных-исследовательских в семи субъектах федерации РФ. Упор был сделан на развитие предпринимательской составляющей этих процессов, концентрируемый в вузах. Статический характер настоящей модели в дальнейшем следует проверить в динамике, просчитав ее еще несколько раз спустя равные временные отрезки, проверить на устойчивость.

Первый блок показателей – человеческий капитал включает в себя статистические показатели ГКС РФ по субъектам федерации: численность студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования; численность персонала, который занят исследованиями и разработками; численность исследователей, обладающих учеными степенями докторов и кандидатов наук; показатель приема и выпуска из аспирантуры; показатель приема и выпуска из докторантуры. Сопоставимость данных обеспечивается отношением их к численности населения изучаемых регионов.

Блок 1. Человеческий капитал.

	Индикатор	Вес в блоке, %
1.1	Численность студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования	15
1.2	Численность персонала, занятого исследованиями и разработками	15
1.3	Численность исследователей с учеными степенями – доктора и кандидаты наук	30
1.4	Прием и выпуск из аспирантуры	20
1.5	Прием и выпуск из докторантуры	20

Источник: составлено авторами по данным [8].

Второй блок показателей – инновационный потенциал, включает в себя статистические показатели ГКС РФ по субъектам федерации. Данный блок

включает в себя показатели по регионам и областям Российской Федерации: показатель внутренних исследований и разработок, количество поступивших патентных заявок и выдача охранных документов за на изобретения и модели; количество выданных патентов в России; затраты на технологические инновации; а также количество российских ученых с числом цитирований свыше 100 в наукометрической системе Scopus.

Блок 2. Инновационный потенциал.

	Индикатор	Вес в блоке, %
2.1	Внутренние затраты на исследования и разработки (расходы на R&D)	20
2.2	Поступление патентных заявок и выдача охранных документов в 2014 г. на изобретения и модели	20
2.3	Выдача патентов в России в 2014 г.	20
2.4	Затраты на технологические инновации 2014	20
2.5	Российские ученые с числом цитирований свыше 100 в наукометрической системе Scopus	20

Источник: составлено авторами по данным.

Численность российских ученых с числом цитирований свыше 100 в наукометрической системе Scopus представлена на **рис.5**.

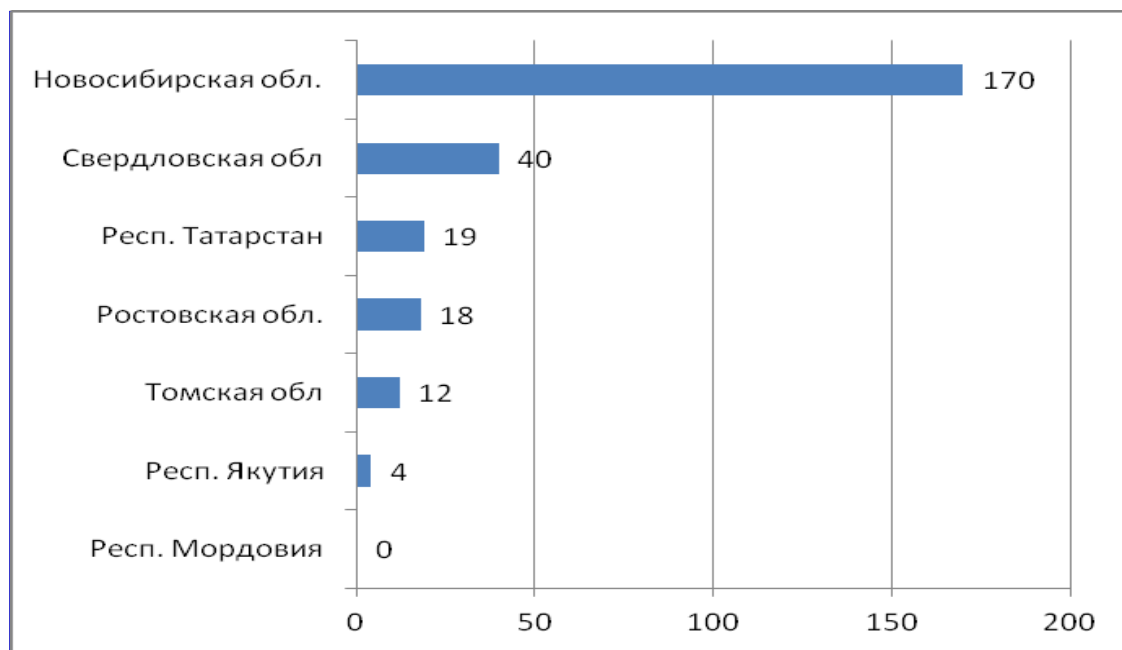

Рис. 5. Российские ученые с числом цитирований свыше 100 в наукометрической системе Scopus (на), чел. Источник: составлено авторами.

Третий блок показателей – предпринимательская среда ведущего регионального вуза (ов). Данный блок рассчитывается уже не по общерегиональным показателям, а по показателям ведущего (сильного) регионального вуза. Особое внимание следует обратить, что на территории

Томской области в квалиметрическую модель попадают два вуза – Томский политехнический университет и Томский государственный университет, поэтому в модели используем средневзвешенные показатели. Таким образом для расчета критериев блока 3 используем статистические данные/показатели Новосибирского государственного университета (НГУ), Южного федерального университета (ЮФУ), Уральского федерального университета (УрФУ), средневзвешенную величину Томского политехнического университета (ТПУ) и Томского государственного университета (ТГУ), Северо-Восточного федерального университета (СВФУ), Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (МордГУОгарев) и Казанского федерального университета (КФУ).

Блок 3. Предпринимательская среда ведущего регионального вуза (ов)

	Индикатор	Вес в блоке, %
3.1	Общее число заявок, поданных представителями вуза на регистрацию РИД, ед.	5
3.2	Портфель российских патентов вуза (число патентов поддерживаемых на 31.12.2014 г.)	10
3.3	Портфель международных патентов вуза (число патентов поддерживаемых на 31.12.2014 г.)	15
3.4	Число занятых в технопарке ППС вуза, чел.	10
3.5	Число лиц, занятых в технопарке и обучающихся в вузе, чел.	10
3.6	рассмотрено проектов в Бизнесинкубаторах вузов в 2014 г., ед.	10
3.7	Число занятых в бизнес-инкубаторе ППС вуза, чел.	5
3.8	Число занятых в бизнес-инкубаторе обучающихся в вузе, чел.	5
3.9	Зарегистрированные вузом малые инновационные предприятия (МИП), ед.	10
3.10	Базовые кафедры вуза, ед.	10
3.11	Число ППС работающих на базовых кафедрах	5
3.12	Число обучающихся на базовых кафедрах	5

Источник: составлено авторами по данным анкет вузов проекта Национальный рейтинг университетов.

Современный вуз представляется развитой и сложной многогранной системой, выполняющей помимо основной образовательной задачи, одновременно ряд других функций, что придает этой институции право считаться мощным источником научной мысли, центром инновационного и высокотехнологичного предпринимательского потенциала (предпринимательские вузы), интернационализации, институтом социализации молодежи.

В дальнейшем развитии модели, планируется учитывать и ресурсный потенциал вуза, тем самым учитывая возможности эффективной организации образовательного и исследовательского процессов, экспертно-консультационной деятельности, предоставления услуг, выполнения социальных функций, организации инновационной деятельности. Уровень развития информационно-коммуникационных технологий также следует

учитывать по критериально, в качестве направлений для оценивания назовем следующие: использование он-лайн-овых систем доступа к отечественной и зарубежной научной периодике; систем наблюдения и оценки результативности исследовательской деятельности каждого сотрудника.

Четвертый блок показателей – инфраструктура информационных технологий рассчитывается на базе статистические показатели ГКС РФ по субъектам федерации и анкетам вузов в рамках Национального рейтинга университетов ИГ Интерфакс. Блок информационных технологий включает в себя показатель использования информационных и коммуникационных технологий в организациях; количество персональных компьютеров на 100 работников; затраты на информационные и коммуникационные технологии; использование электронного документооборота в организациях; а также мощность центра коллективного пользования (ЦКП) вуза.

Блок 4. Инфраструктура информационных технологий (ИТ)

	Индикатор	Вес в блоке, %
4.1	Использование информационных и коммуникационных технологий в организациях	20
4.2	Число персональных компьютеров на 100 работников	20
4.3	Затраты на информационные и коммуникационные технологии (миллионов рублей)	30
4.4	Использование электронного документооборота в организациях	10
4.5	Мощность ЦКП ведущего регионального вуза (НРУ-2015)	20

Источник: составлено авторами по [8].

Пятый блок показателей – экономические результаты. Блок рассчитывается по экономическим показателям для восьми отобранных регионов и областей. Включает в себя показатель реального ВВП на душу населения трудоспособного возраста; объем инновационных товаров, работ и услуг; количество инвестиций в основной капитал; а также степень износа основных фондов, показатель в процентах.

Блок 5. Экономические результаты

	Индикатор	Вес в блоке, %
5.1	Реальный ВВП на душу населения трудоспособного возраста	25
5.2	Объем инновационных товаров, работ, услуг	25
5.3	Инвестиции в основной капитал, млн. руб.	25
5.4	Степень износа основных фондов, в процентах на начало 2014 года	25

Источник: составлено авторами.

Результаты расчета пилотной модели стратификации региональных инновационных кластеров, с учетом активной работы в субъекте федерации сильного вуза-лидера (табл. 4). В полученном рейтинге прослеживается явный лидер - Томской области, на второй позиции - Новосибирская область, на

третьем и четвертых местах с суммарно близкими показателями - Республика Татарстан и Свердловская область. Республика Мордовия, Ростовская область и Республика Якутия набрали в районе 50 баллов от лидера, что говорит, о существенно меньшем инновационном потенциале в этих субъектах Федерации.

Таблица 4

Рейтинг региональных инновационных кластеров по пилотным областям расчетной выборки.

Место в рейтинге	Регион	Блок 1 – чел. капитал	Блок 2 – инновационный потенциал	Блок 3- Предпринимательство в ведущем вузе	Блок 4 – Инфраструктура	Блок 5 – Эконом. региона	ИТОГ- нормированная оценка
1	Томская обл.	1	1	1	1	5	100,0
		100,0	100,0	100,0	100,0	64,0	
2	Новосibirская обл.	2	3	2	2	7 региона	78,8
		72,9	83,6	57,7	89,3	62,2	
3	Респ. Татарстан	3	2	6	4	1	69,6
		38,4	83,8	21,6	79,3	100,0	
4	Свердловская обл.	4	4	4	3	6	61,9
		37,5	56,5	41,8	89,0	62,2	
5	Респ. Мордовия	6	6	5	6	3	52,5
		35,9	36,1	25,9	63,2	82,6	
6	Ростовская обл.	6	5	8	7	4	50,2
		36,0	52,9	14,1	62,3	67,7	
7	Респ. Якутия	7	7	7	5	2	49,5
		30,2	24,9	16,5	72,0	86,0	

Источник: рассчитано авторами.

Заключение

Таким образом, от вуза - регионального лидера требуется соответствие следующим признакам:

- стремиться работать на опережение, не только следуя в русле ТП, НТИ и т.п., но также организовать внутри вуза инновационную среду перманентного форсайта, изучая тренды, по которым следует перенаправлять научные исследования, с опережающим лагом в 10-20 лет. Иначе говоря, вузу придется растить не узкого специалиста, а всесторонне образованного студента (аспиранта), которому будет все интересно, в том числе "быть на 10-20 лет впереди мировой науки";
- выстраивать центристскую схему вокруг себя, направленную на развитие (трансформацию) регионов и городов прикармливания, становясь дирижером и драйвером развития.
- организовывать центр развития венчурного инвестирования в перспективные проекты, становясь наиболее дружелюбной сервисной региональной площадкой по реализации наиболее перспективных проектов (направлений исследования);

- быть центром социализации и переподготовки кадров, учитывая специфику современного знания к быстрому развитию, а компетенции ряда специалистов «вчерашнего/сегодняшнего» дня перестанут быть востребованы рынком «завтра».

Без заинтересованного участия государства нельзя построить экономику знаний, и задача государства в современном обществе состоит не в стимулировании отдельных инноваций, а в формировании организационных, экономических и правовых условий для осуществления инновационного процесса в рамках национальной инновационно-образовательной системы.

Основой формирования национальной инновационно-образовательной системы могут выступать регионы, обладающие развитыми хозяйственными комплексами и научным потенциалом. В сегодняшней России регионы различаются по уровню инновационного потенциала, и единые для них принципы региональной инновационной политики вряд ли приемлемы.

Наилучшим вариантом развития инновационной среды в России является установление тесного контакта между государством, непосредственно заинтересованном в росте инноваций, образованием в лице высших учебных заведений, выступающих в качестве источника инновационных идей, и бизнесом, способным осуществить финансирование инновационных разработок.

Чтобы мотивировать бизнес к инновациям, надо создавать адекватные экономические механизмы, совершенствовать налоговое законодательство, инициировать законопроекты, позволяющие создать оптимальные условия инновационного развития России.

Что же касается направлений развития современного сильного регионального вуза-лидера, то его в дальнейших исследованиях мы рекомендуем рассматривать в следующих функциональных «измерениях»:

- «производитель» новых квалифицированных кадров для работодателей города, региона, страны, отраслей, международных компаний;
- образовательный центр, разрабатывающий и реализующий образовательные программы для потребителей на протяжении всей жизни (то есть самые широкие аудитории);
- исследовательский центр, ведущий исследования и разработки.
- центр социализации в широком смысле этого понятия: не только для своих выпускников, но и для региональных властей, бизнеса, потенциальных заказчиков, научно-исследовательских структур, постдоков и др.;
- региональный (национальный, международный) центр новаций, генерирования и продвижения идей, международных коммуникаций, экспертизы и консультаций в различных пространственных масштабах – от макрорегиона до глобального. Необходимо четкое определение специфики каждого региона, а затем отладка связей между наукой, системой образования и бизнесом на региональном уровне, благодаря активному участию местных органов власти;

- центр поддержки (экспертной, консультационной, идеологической) стратегических и оперативных решений органов управления любого уровня.

В современном быстроменяющемся мире при большом числе и разнообразии вузов (в том числе и возможности молодым соотечественникам учиться за пределами РФ), способных предоставить свои услуги не только абитуриентам, аспирантам, докторантам, людям, считающим необходимым учиться и совершенствоваться на протяжении всей своей жизни, но и корпорациям, лабораториям, научно-исследовательским организациям, вузу необходимо заботиться о своей конкурентоспособности, востребованности широкого круга деятельности среди потенциальных заказчиков и партнеров. Конкуренция на рынке велика и все прибыльные ниши уже заняты, задача вуза предоставить максимально возможный объем информации о себе, своих возможностях, успехах, креативных и уникальных проектах, сильном подборе профессорско-преподавательского состава и т.п., обеспечить устойчивые коллаборационные связи с государством, бизнесом, другими вузами и НИИ и т.п.

Формирование регионального инновационного кластера на базе ведущего регионального вуза становится возможным также благодаря активному развитию человеческого капитала [23-28], грантовой поддержке, реализуемой государственными фондами, развитию центров коллективного пользования и трансфера технологий, а также широкой сети технопарков и бизнес-инкубаторов. В наших последующих публикациях мы подробно изучим ситуацию со становлением сильных региональных вузов, отследим развитие опорных вузов.

Список литературы:

1. Симонов К.В. Системное регулирование национального модернизационно-инновационного развития в условиях преобразований общественно-политической среды / К.В. Симонов, Д.В. Петросянц, Е.В. Махмутова // Экономический анализ: теория и практика. – 2014. – № 21. – С. 19-28.
2. Симонов К.В. Социально-политические проблемы общественного согласия при формировании регионального инновационного кластера / К.В. Симонов, Д.В. Петросянц // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. - 2015. - № 4 (20). - С. 6-12.
3. Проект 2035. Интервью с Е. Кузнецовым (ОАО "РВК") // ИДИ. Движение молодых. – Режим доступа: <http://idi-online.com/articles/interesno/proekt-2035-intervju-s-jevgeniem-kuznesovym-oao-rvk>, свободный. - загл. с экрана
4. Петросянц Д.В., Светцова А.С. Актуальные проблемы современного российского высшего образования // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 4 (42). С. 23-32.
5. Дежина И.Г. Проблемы создания инновационной инфраструктуры в России // Сайт Института экономической политики имени Е. Гайдара – Режим доступа: http://www.iep.ru/files/persona/dezhina/IET_presentation-abstract.pdf, свободный. - загл. с экрана.
6. Audretsch D., Feldman M. Innovative clusters and the industry life cycle // Review of Industrial Organization 11. 1996. p. 253-273.
7. Marshall A., Mary P. Marshall: Economics of Industry. London, 1879.

8. Буреш О.В., Жук М.А. Формирование образовательно-научно-производственных кластеров как стратегия повышения конкурентоспособности региона // Высшее образование в России. - 2009. - № 3. - С. 120-125.
9. Цветков В.А., Логинов Е.Л., Райков А.Н. Комплексное сетевое взаимодействие сферы образования с наукой и производством // Образовательные технологии и общество, – 2016. – Т. 19, № 1. – С. 389-398.
10. Агамирзян И.Р. Инновационная Россия: время перемен. Инновационное предпринимательство: как работает венчурная «лестница» // Сборник статей. – Москва: ОАО «Российская венчурная компания», «Бизнес-журнал», 2010. – 64 с.
11. Слободчикова И.В., Боджаева В.В., Голденова В.С. Современный университет как субъект устойчивого развития региона в условиях инновационной экономики // Вестник СевКавГТИ. 2014. № 17. С. 42-46.
12. Игнатова Т.В. Формирование управленческого резерва региона через развитие административно-образовательных кластеров // Креативная экономика. 2012. - № 3. - С. 94-99.
13. Симонова А.А., Минюрова С.А., Рубина Л.Я. Педагогический университет в центре регионального образовательного кластера // Педагогическое образование в России. - 2014. - № 8. - С. 8-22.
14. Храпаль Л.Р., Мухутдинова Т.З. Концептуальная модель социокультурной модернизации системы высшего профессионального экологического образования в структуре регионального образовательного кластера // Вестник Казанского технологического университета. - 2011. - № 4. - С. 257-265.
15. Гарифуллина Р.Р., Матушанский Г.У. Научно-методическое обеспечение регионально-отраслевого образовательного кластера // Вестник Казанского государственного энергетического университета. - 2013. - № 2 (17). - С. 89-99.
16. Приказ Министерства образования и науки РФ № 754 "Об утверждении Положения о конкурсе по отбору программ развития инновационной инфраструктуры, включая поддержку малого инновационного предпринимательства, федеральных образовательных учреждений высшего профессионального образования" от 7 июля 2010 г. / Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/08/13/inn-konkurs-dok.html>, свободный. - загл. с экрана.
17. В Томске подписан меморандум о создании "Ассоциации инновационных регионов России" / Режим доступа: <http://www.tyumen-technopark.ru/novosti/v-tomske-podpisan-memorandum-o-sozdanii-assotsi86/>, свободный. - загл. с экрана.
18. «Дорожные карты» НТИ / Официальный сайт Российской академии наук. - Режим доступа: <http://ras.ru/news/shownews.aspx?id=08257798-5136-449d-bca3-214ec521a010#content>, свободный. - загл. с экрана.
19. Петросянец, Д.В. Предпринимательский вуз: зарубежный опыт и российская действительность /Д.В. Петросянец // Региональная экономика: теория и практика. – 2013. – № 31. – С. 41-48.
20. Гаркавая Л. Что такое опорный вуз? // Режим доступа: <http://fb.ru/article/224487/что-такое-опорный-вуз>, свободный. - загл. с экрана.
21. Сайт «Национальный рейтинг университетов» / Режим доступа: <http://univer-rating.ru/>, свободный. - загл. с экрана.
22. Система комплексного анализа новостей СКАН-Интерфакс. - Режим доступа: <http://scan-interfax.ru/>, свободный. - загл. с экрана.
23. Зоидов К.Х., Омарова З.К., Петросянец Д.З. Вуз и развитие предпринимательского потенциала. Занятость молодежи: от вуза до работодателя: материалы Международной научно-практической конференции. 17–18 апреля 2014 г. / под ред. А. Л. Полтарыхина, О. Н. Альхименко. – Москва: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2014. – 196 с. – С. 93-96.

24. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Губин В.А., Зоидов З.К. Исследование социально-экономической циклической динамики России и совершенствование регулирования стратегии опережающего развития. - М.: ЦЭМИ РАН, 2012. - 207 с.
25. Агеев А.И., Логинов Е.Л. Россия в новой экономической реальности. М.: Институт экономических стратегий, Ассоциация «Аналитика», 2016. - 460 с. – (Библиотека «Стратегическая аналитика»).
26. Борталевич С.И., Логинов Е.Л., Чиналиев В.У. Проблемы стратегической перестройки организационных механизмов управления научно-техническим развитием России и ЕАЭС. - М.: Финуниверситет, 2016. - 258 с.
27. Цветков В.А., Логинов Е.Л., Райков А.Н. Формирование интеллектуального ядра сетевой инфраструктуры сферы высшего образования и науки // Образовательные технологии и общество. 2015. Т. 18. № 3. С. 372-379.
28. Цветков В.А., Логинов Е.Л., Райков А.Н. Комплексное повышение компетенции пользователей системы распределенных ситуационных центров с использованием распределенной образовательной среды // Образовательные технологии и общество. 2016. Т. 19. № 2. С. 500-510.

ФОРМИРОВАНИЕ РАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЦЕН КАК ОСНОВА ЕДИНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО РЫНКА

*Алклычев Алклыч Магомедович – д.э.н., профессор кафедры «Финансы и кредит»
Института экономики и финансов ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»*

Под эффективной организацией рынка понимается, прежде всего, такая структура цен и тарифов, которая стимулирует внутренние инновации, производство наукоемкой продукции, экономное и эффективное использование ресурсов всех видов, имеет четко выраженную социальную направленность, поощряет удовлетворение рациональных потребностей людей и ограничивает нерациональные потребности [1-4].

Негативные последствия имеют до сих пор нарушения пропорций «цены—доходы» и отставание роста зарплаты от роста цен. Ясно, что любое усовершенствование в производстве связано с экономией в зарплате. При низкой оплате прогресс в производстве затруднен.

Поэтому примерно до 2020 г. нужно постепенно сформировать нормальные, экономически обоснованные соотношения цен, которые бы способствовали структурной перестройке экономики. Речь, прежде всего, идет о таких соотношениях как уровень оплаты труда наемных работников и цен на инвестиционные ресурсы, цен на сельхозпродукцию и промышленную продукцию, приобретаемую сельхозпроизводителями, цен на энергоносители и промышленную продукцию и т.д.

В этот же период необходимо сформировать развитой, с точки зрения организации, национальный товарный рынок.

В следующий период - 2020-2025 гг. - необходимо добиться, чтобы российский рынок начал активно влиять на развитие и функционирование мировых рынков капиталов, товаров и услуг.

Наибольшая сложность создания рациональной системы цен, имеющей стабильную структуру, т.е. основные определяющие соотношения цен, на внутреннем национальном рынке сегодня состоит в том, что в рыночной экономике, за редким исключением, не может быть прямого директивного установления цен государством. Здесь для регулирования процессов ценообразования должны применяться методы косвенного воздействия на уровни и соотношения цен [1, с. 69].

В создании рациональной системы цен и освоении методов косвенного воздействия на процессы ценообразования может быть использован опыт развитых стран (использование гибкого налогообложения, система субсидий и дотаций, различного рода преференции, поддержание паритетов цен, организация контроля за уровнями и динамикой цен, таможенная политика и т.д.). Огромное значение имеет и использование богатейшего советского опыта ценообразования (поощрение инноваций и производства новой продукции, система спецсудных счетов, регулирование соотношений цен, территориальная дифференциация цен и тарифов и т.д.). Особо внимательно следует отнестись к советской практике создания и поддержания социальной направленности розничных цен на потребительские товары, что наиболее наглядно проявлялось в послевоенные годы примерно до конца 60-х годов XX столетия (низкие цены на товары детского ассортимента, учебную литературу, лекарства и средства санитарии и гигиены и т.п.).

Развитой национальный рынок имеет ряд характеристик. Во-первых, на таком рынке территориальная дифференциация цен определяется преимущественно уровнем транспортных расходов. Во-вторых, нормальный рынок долгие годы, иногда даже десятилетия, сохраняет практически неизменной структуру цен (соотношения цен на основные товары). Довольно часто при отсутствии значительной (свыше 1,5-2,5% в год) инфляции остаются неизменными цены на многие сырьевые товары, товары первичной переработки, а иногда и на продукцию конечного потребления (продукты питания, например). В этой связи можно заметить, что и цены мировых товарных рынков, цены на многие сырьевые и продовольственные товары если и меняются, то в основном вокруг какой-то определенной величины и остаются практически неизменными довольно продолжительный период времени или даже снижаются. Такая статичность, несомненно, должна влиять и на внутренние цены развитых стран.

В-третьих, ценообразование на подавляющее большинство товаров является прозрачным, т.е. известна методика определения цен. В-четвертых, все субъекты рыночных отношений имеют исчерпывающую информацию о текущем уровне цен, а также о предстоящих изменениях в ценах минимум за три месяца до их осуществления. В-пятых, на подавляющем большинстве национальных рынков государство осуществляет детальный мониторинг цен и в необходимых случаях (проявление монополизма, демпинг, ложная информация о ценах и т.п.) применяет жесткие санкции к нарушителям.

Имеются и другие характеристики развитого национального рынка, но они не имеют прямого отношения к процессам ценообразования.

К сожалению, в настоящее время мы не можем говорить о существовании общенационального российского рынка, так как ни одна из перечисленных характеристик не может быть отнесена к этому рынку. Дифференциация цен по регионам России, учитывая ее просторы, объективно должна быть более значительной, чем в любой другой стране мира. Но имеющиеся различия в ценах не могут быть объяснены только разницей в транспортных расходах. К примеру, в Центральном федеральном округе и в СКФО разница в ценах на конкретные потребительские товары часто составляет 1,5, а иногда даже и 2 раза. При этом различия не носят какого-либо систематического характера. На одних, например, продовольственные товары цены могут быть выше, чем в соседних регионах, на 30%.

Еще хуже дело обстоит с промышленной продукцией производственного назначения. Здесь наблюдаются необоснованные различия в уровнях цен не только по регионам страны, но даже и по потребителям (покупателям).

Более или менее единые цены, с учетом транспортных расходов, можно видеть только по тем товарам, производство которых сосредоточено на одном предприятии и оно является массовым, т.е. выпускается в тысячах, десятках и даже сотнях тысяч экземпляров.

Особенностью ценообразования в настоящее время является наличие между товаропроизводителями значительного слоя разного рода посредников, паразитирующих на отсутствии у предприятий информации о реальном положении на рынке [5].

Разбалансированность ценовой системы и наличие разного рода посредников делают цены слабовосприимчивыми к попыткам государственного регулирования. В Статье 40 Налогового кодекса РФ «Принципы определения цены товаров, работ или услуг для целей налогообложения» определено, что: «Если иное не предусмотрено ..., для целей налогообложения принимается цена товаров, работ или услуг, указанная сторонами сделки. Пока не доказано обратное, предполагается, что эта цена соответствует уровню рыночных цен». И определен жидкий перечень, когда и в каких случаях налоговые органы (при осуществлении контроля за полнотой исчисления налогов) вправе проверять правильность применения цен по сделкам. Совсем невразумительно и неопределенно в НК также указано, что так же налоговые органы вправе проверять правильность применения цен: «При отклонении более чем на 20 процентов в сторону повышения или в сторону понижения от уровня цен, применяемых налогоплательщиком по идентичным (однородным) товарам (работам, услугам) в пределах непродолжительного периода времени».

Резонансного эффекта по цепочке затраты—цены не происходит по причине отсутствия взаимообусловленности цен и необязательности для посредников единой ценовой политики с товаропроизводителями.

К сожалению, в настоящее время фактически невозможно точно определить, какая часть цены, уплачиваемой конечным потребителем, достается разного рода посредникам. Расчетным путем исходя из явно заниженных статистических данных можно определить, что цена, например, на продовольственные товары увеличивается на пути от производителя до покупателя от 1,2 до 1,3 раза (говядина, свинина, мясо птицы, колбасы, хлеб, творог, сливочное масло, яйца), от 1,3 до 1,5 раза (сахар, молоко, макаронные изделия) и от 1,5 до 2 раз (растительное масло, сыры, мука и др.). По промышленным товарам цены на пути к потребителю могут возрасти и в 2 раза, что совершенно немыслимо на нормальных рынках. Сопоставление величины транспортных расходов с разницей в ценах производителей и потребителей, например, энергоносителей, показывает, что доля посредников и здесь достаточно велика.

К сожалению, в настоящее время в России практически отсутствует не только единый, но даже сколько-нибудь согласованный подход к правилам формирования и изменения цен. Это является следствием отсутствия внятной формулировки задач регулирования ценообразования. Кроме задачи подавления инфляции любой ценой других целей на правительственном уровне не ставится.

Главной причиной неэффективной работы по участию государственных органов в формировании и регулировании цен является отсутствие сформулированных целей. Не менее важным следствием этой причины, является отсутствие координации действий отраслевых федеральных комиссий и местных органов ценообразования, продолжающих осуществлять установление и регулирование цен (тарифов) в сфере обеспечения населения.

Как ни удивительно, но в ряде отраслей (строительство, железные дороги, в значительной мере газодобыча, газотранспортировка и газораспределение) до сих пор используются методики цен, разработанные еще в советское время. Речь идет, конечно, не об общем уровне цен на продукцию этих отраслей, а собственно о расчетах цен. Так, в строительстве при расчетах сметной стоимости берутся прежние нормативы (прейскуранты) и умножаются на определенные коэффициенты. Укрупненные рекомендуемые к применению индексы изменения сметной стоимости строительно-монтажных работ (СМР) предназначены для формирования начальной (максимальной) цены торгов при подготовке конкурсной документации, общеэкономических расчетов в инвестиционной сфере для объектов капитального строительства, финансирование которых осуществляется с привлечением средств федерального бюджета. Для взаиморасчетов за выполненные работы указанные индексы не предназначены. Данные положения публикуются также в письмах Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, например: в письме от 06.02.2015 г. № 3004-ЛС/08 «Рекомендуемые к применению в I квартале 2015 года индексы изменения сметной стоимости строительно-монтажных работ по видам строительства, изменения сметной стоимости проектных и изыскательских работ, изменения

сметной стоимости прочих работ и затрат, а также индексах изменения сметной стоимости оборудования». При расчете текущей стоимости строительства приведенные индексы следует применять к сметной стоимости СМР (с учетом накладных расходов и сметной прибыли) в базисном уровне, определенной без учета НДС. Начисление НДС производится на итог сводного сметного расчета [6].

Одновременно с этим на значительную часть (от 25 до 50%) товаров розничного оборота цены определяются по соглашению сторон при каждой сделке. Однако цены производителей в подавляющем большинстве случаев устанавливаются исходя из затрат. Как видим, применяется все тот же затратный метод, который подвергся ожесточенной критике ещё в советское время.

Крайне важным является тот факт, что в стране до сих пор не сформирована полноценная, всё охватывающая система ценовой информации, являющаяся обязательным элементом рыночной инфраструктуры, главным условием формирования конкурентной среды. Имеются значительные сложности в изучении ценовой конъюнктуры, контроле за ценами и в управлении процессами формирования цен. В стране действует множество рынков сбыта, так как на одну и ту же продукцию в зависимости от условий расчета, продавцами применяются разные цены. Этот вопрос, к сожалению, плохо изучен из-за отсутствия статистического наблюдения и отдельного учета при расчете индексов роста цен товаропроизводителей.

Проведение политики в области ценообразования невозможно при отсутствии информации о действующих ценах и их движении. В настоящее время этот необходимый элемент рыночной инфраструктуры в России развит слабо.

Между тем различия в ценах на один и тот же товар, т.е. дифференциация цен в зависимости от качества, величина транспортных расходов, условий производства, других местных различий, административных ограничений, привилегий и льгот, особенностей реализации и потребления и других объективных для ценообразования факторов, несут огромную информацию, как для участников рыночных отношений, так и государственных контролирующих органов. К сожалению, до сих пор эта информация остается невостребованной. Да и органы статистики серьезно не занимаются сбором и обработкой данных о дифференциации цен. Изучение и анализ таких данных могли бы помочь принимать весьма ответственные и эффективные решения, как в сфере деловых отношений, так и в надзорно-регулирующей деятельности государственных органов.

Информация в справочно-рекламных изданиях и в электронных сетях носит случайный характер, т.е. формируется из разовых сообщений продавцов о цене предлагаемого к реализации товара. Она в лучшем случае позволяет ориентироваться в ценовой конъюнктуре мелкооптового рынка потребительских товаров данного региона. Предприятия производственной сферы обмениваются ценовой информацией с кооперированными смежниками

и, как правило, не располагают данными о ценах потенциальных конкурентов для проверки обоснованности применяемых цен.

Собираемая органами статистики информация о ценах предназначена для расчета индексов инфляции и могла бы использоваться в справочных целях, если бы была доступна потенциальным пользователям в режиме реального времени. К тому же она имеет агрегированный характер и даже по монопродуктовым отраслям неадекватна цене конкретного товара.

Объективная информация о сложившемся уровне цен на производственные ресурсы, готовую продукцию и услуги является обязательным условием устранения ценовых диспропорций.

В надзорно-регулирующей деятельности государственных органов в области ценообразования важно, разумеется, не столько фиксировать региональные или даже местные различия в понятиях качества товаров, а, следовательно, и в дифференциации цен, как определять, нет ли в этом каких-либо явлений, которые вынуждают потребителей переплачивать за приобретаемые товары. Тут уже речь идет об искажении нормальных рыночных условий ценообразования, об отечественных специфических проявлениях монополизма.

В первом периоде (до 2020 г.) необходимо решить исключительно важные проблемы РФ, связанные со сформировавшейся к настоящему времени структурой цен внутреннего рынка. Речь идет об уровне оплаты труда наемных работников и ценах на инвестиционные ресурсы, об уровне цен и тарифов на энергоносители и соотношениях цен на сельскохозяйственную продукцию и промышленные товары, приобретаемые сельхозпроизводителями. Эти две проблемы, конечно, нельзя решить в одночасье, наскоком или приказом. Это может происходить только постепенно и без особых потрясений, как для производителей, так и потребителей. Здесь важно понимать, что структурные сдвиги в ценах имеют смысл лишь в том случае, когда одновременно с ними происходят и те изменения в производстве и потреблении, которые ведут к повышению социально-экономической эффективности этих процессов.

Вероятно, в первом периоде нельзя будет добиться снижения инфляции менее 3 - 4% в расчете на год. Но и достижение такой величины было бы значительным успехом.

Многие исследователи полагают, что нужно стремиться к тому, чтобы рост цен постепенно устранял ценовые диспропорции. Так, при сохранении роста номинальной и реальной зарплаты необходимо, чтобы цены на машиностроительную продукцию производственного назначения приобрели четкую понижающую тенденцию. Это, несомненно, явится дополнительным стимулом для экономического роста при одновременной структурной перестройке производства.

Говоря о национальном рынке необходимо в первую очередь учитывать уникальные особенности РФ: огромность территории и суровый климат. В конечном счете, это приводит к увеличению транспортной составляющей и расходов на потребляемую энергию. Поэтому при прочих равных условиях

уровень любых затрат в России оказывается выше, чем в других развитых странах мира. И для того чтобы российские товары, особенно продукция обрабатывающей промышленности, были конкурентоспособны на внутреннем и внешнем рынках, необходимы решения в одном из двух направлений: либо специально занижать уровень оплаты труда на величину, компенсирующую дополнительные затраты по транспортировке грузов и повышенной энергоёмкости, либо поддерживать пониженный уровень тарифов на грузовые и пассажирские перевозки и относительно пониженный уровень цен на энергоносители. И если насчет тарифов на перевозки на сегодня – вопрос кое-как решается правительством, а вот с уровнем цен на энергоносители – намного сложнее обстоят дела.

Кроме того, при выборе первого варианта — решение проблемы обеспечения конкурентоспособности обрабатывающей промышленности — нужно иметь в виду то, что производительность отечественного труда в целом по РФ при прочих равных условиях всегда будет ниже, чем в развитых странах (на транспорте и в энергетике всегда будет больше занятых). Поэтому оплата труда должна быть понижена ещё и на эту величину.

Практика ценообразования за все годы реформ шла и сегодня идёт исключительно по первому пути, т.е. по линии постоянного повышения цен на энергоносители. Это, в общем-то, соответствовало рекомендациям, вернее, требованиям международных финансовых организаций, а также желаниям отечественных нефтяных олигархов и естественных монополистов. Повышение цен и тарифов на энергоносители обосновывалось в своё время, прежде всего тем, что нужно обязательно приблизить эти цены и тарифы к уровням цен и тарифов мировых рынков, а сегодня обосновывается дырами в бюджете.

Эти доводы не имеют ни научного, ни практического обоснования. Нет ни одной суверенной страны или группы интегрированных стран, в которых производимые товары благодаря особым природно-климатическим условиям продавались бы на внутренних рынках по ценам мировых рынков.

И последние официальные данные показывают, что даже при таких условиях внутренние цены на энергоносители давно уже не только совпадают с мировыми ценами, но по многим позициям превысили их.

Упование на цены как на основной стимул к энергосбережению абсолютно несостоятельно. Факты свидетельствуют о том, что относительное снижение удельных норм потребления энергоносителей, например, в Западной Европе и США (в период энергетического кризиса в 70-е годы прошлого века и в последующие годы) почти полностью предопределялось не ростом цен, а административными мерами — постоянным ужесточением нормативов допустимых выбросов в атмосферу двигателями различных видов.

Нередко стремление к повышению цен аргументируется и необходимостью создания конкурентной среды. Когда речь идет о конкуренции, то имеется в виду конкуренция между производителями, которые увеличивают свою долю на рынке, предлагая потребителям более низкие цены и более высокое качество продукции. Между тем в электроэнергетике

предлагается совсем иное. Здесь речь идет о конкуренции потребителей: тот, кто предложит более высокий тариф, тот электроэнергию и получит.

Отечественные естественные монополисты постоянно требуют учета в ценах и тарифах на свою продукцию так называемой инвестиционной составляющей. В сущности, речь идет о том, что потребителям предлагают вкладывать деньги в основной капитал этих монополистов, но при этом в ряды владельцев этих монополистов не приглашают. На этот нонсенс можно было бы не обращать внимания, относя его появление на экономическую безграмотность авторов «инвестиционной составляющей», если бы его реализация не приводила к замораживанию сложившейся структуры производства (препятствие переливу капитала), снижению темпов экономического роста, утраты конкурентных преимуществ российской экономики и т.д.

Заявления руководства отдельных монополистов (Газпрома, ЛУКОЙЛа и т.д.) о росте затрат и необходимости в связи с этим повышения цен выглядят по меньшей мере смехотворными, так как в этих отраслях реализуются громадные объемы прибыли и ренты, за счет которых можно отрегулировать эти процессы, а не перекладывать механически рост затрат на потребителей продукции.

На продукцию и услуги многих из этих монополистов цены устанавливаются Федеральной антимонопольной службой по согласованию с заинтересованными организациями. Однако во многих случаях эти «монстры» диктуют ФАСу свою волю. Руководители этих отраслей постоянно выступают в печати с заявлениями о том, что они значительную часть прибыли направляют в инвестиции. А раз так, то научно-технический прогресс согласно азам экономической теории должен приводить к сокращению издержек производства и как следствие — к снижению цен, а не к их повышению. Однако на деле получается обратная картина — цены постоянно растут. Повышение цен в этих отраслях «по цепочке» передается во все другие отрасли экономики и в конечном счете выливается в рост цен на потребительские товары.

Завышение цен и тарифов на энергоносители и транспортные услуги приводит к спаду в отдельных отраслях [10]. К примеру, не только плохо развитая лесотранспортная инфраструктура, а в большей степени высокие тарифы на перевозки в своё время привели к резкому сокращению эксплуатации такого воспроизводственного ресурса, как леса России. И, несмотря на принятый ещё в 2006 году «Лесной кодекс» и на то, что в Программе развития лесного хозяйства до 2020 года, принятой в декабре 2012 года, утверждается: «Принятие Лесного кодекса значительно расширило возможности для интенсификации использования лесов и внедрения рыночных механизмов в лесное хозяйство», лес по-прежнему гибнет из-за перестоя на корню и нет экономического смысла предприятиям вести его заготовки [7, с. 6].

Достижение внутренними ценами уровня мировых по энергоносителям и транспортным услугам, а в некоторых случаях и превышение их по отдельным видам имеет и более глубокие, более острые социально-экономические

последствия. Все это означает, что действие всех неблагоприятных природно-климатических факторов перекладывается на оплату труда во всем обществе, во всех его отраслях и секторах. Действие же благоприятных факторов — наличие огромных природных ресурсов — практически полностью присваивается сравнительно небольшой группой лиц из числа собственников и менеджмента в добывающих отраслях.

За последние пять лет Россия оказалась и абсолютным лидером по росту потребительских цен. С 2012 по 2016 год цены в РФ выросли на 50%. В Бразилии за тот же период цены увеличились на 41%, в Индии — на 45%, в ЮАР — на 32%. Меньше всего с 2012 года выросли цены во Франции, Японии, Германии и Италии — там за последние пять лет накопленная инфляция не превышает 5%.

Предельно заниженный уровень оплаты труда обрекает на жалкое существование почти все население страны, что само по себе является преступлением. Низкая оплата труда - это узкий внутренний рынок из-за ограниченного спроса, невозможность модернизации, внедрения новых технологий и видов техники, «утечка мозгов», разрушение всей социальной инфраструктуры и т.д. В тоже время из-за запретительно высоких сборов с фонда заработной платы и налогообложения зарплат и доходов начиная с нулевого уровня, большая часть выплат маскируется под другие формы финансовых операций, либо производится из неучтенной наличности. Доля наличного оборота в розничной торговле в России в 2014 году превышала 80%, 30% жителей не имели банковских карт, а количество наличных рублей в обращении за последние 14 лет выросло более чем в 45 раз.

На оценку среднего дохода домохозяйств и равномерности его распределения (да и уровня безработицы) влияет и фиктивное трудоустройство граждан. В основном это муниципальные службы и жилищно-коммунальные комплексы, но похожая практика есть во многих федеральных и региональных бюджетных организациях: безработные граждане из депрессивных районов, где невозможно найти работу, за небольшую плату наличными оформляются на работу, но не работают, а большую часть их заработной платы получают чиновники, контролирующие соответствующие учреждения.

Непросто оценивать в России и распределение расходов бюджета — более 30% этих расходов засекречено. Традиционно считается, что засекреченные статьи бюджета используются на финансирование оборонно-промышленного комплекса и других силовых ведомств, но есть косвенные свидетельства, что диапазон их использования существенно шире.

Да и в открытых статьях все непросто — зачастую внутри статей и подстатей прячутся расходы, имеющие мало отношения к теме статьи. Вот, например, подстатья «Создание объектов социального и производственного комплексов, в том числе объектов общегражданского назначения, жилья, инфраструктуры и иных объектов» в рамках подпрограммы «Развитие и внедрение инновационных методов диагностики, профилактики и лечения, а также основ персонализированной медицины» государственной программы

Российской Федерации «Развитие здравоохранения». Ну казалось бы, какая связь между инновационными методами диагностики и строительством жилья? Тем не менее на эту статью в 2015 году было выделено 7 млрд рублей, и они вполне могли пойти на строительство жилья.

Даже резервы, сформированные правительством, бывает непросто оценить: несмотря на то что их состав публикуется, многие его статьи непрозрачны, а некоторые (как, например, деньги, переданные Внешэкономбанку, ВТБ, ГПБ, вложенные в другие банки в обмен на привилегированные бумаги; общая сумма таких вложений составляет примерно \$23 млрд), с большой вероятностью, представляют собой невозвратные кредиты [8].

Прямое сопоставление цен внутреннего рынка России и цен мировых рынков с использованием официальных курсов валют затруднено из-за явной, завышенной покупательной способности российского рубля. Сложности представляет и оценка единиц измерения: за период с 2000 и по 2015 год рыночный курс доллара США к рублю колебался относительно расчетно-инфляционного курса в диапазоне примерно от плюс 140% до минус 60%. Если бы ВВП России, например за 2013 год, был пересчитан в доллары не по рыночному курсу, а по расчетно-инфляционному, сумма \$2,1 трлн превратилась бы в \$1,4 трлн. Последовательный взгляд на развитие российской экономики с учетом такой волатильности рубля относительно своей справедливой стоимости должен скорее говорить не о падении ВВП России в 2015–2016 годах, а о неадекватном его завышении в период 2005–2013 годов из-за переоценки рубля.

Да и темпы инфляции в Америке и России совершенно несопоставимы. Если там базовая инфляция еле дотягивает до 1,9%, то у нас, как ни крути, в годовом выражении – 15%. А в Германии даже имеются дефляционные тенденции. В основе же всего, как общепризнано, сохраняющаяся зависимость России от сырьевого экспорта: ведь покупательная способность определяется структурой экономики и производительностью труда, а по ней мы отстаем от уровня развитых стран на 40–60 процентов. Этот разрыв по существу и определяет соотношение зарплат в России и на Западе. В 2011-м мы вышли на пик восстановительного роста, а потом начали плавно съезжать. Если мы хотим в будущем обеспечить устойчивый рост доходов населения, мы должны срочно менять структуру экономики. Другого пути нет. [9, с. 3].

Всё вышеперечисленное имеет непосредственное отношение к ценообразованию на отечественных рынках, влияя на него как непосредственно, так и опосредованно, косвенно.

Надо было бы более активно использовать опыт – там, где необходимо и возможно – нефтеэкспортирующих арабских стран для России, когда определенная часть дифференциальной ренты направляется на удовлетворение интересов всех граждан этих стран.

Все изложенное позволяет утверждать, что для развития России, ее прогресса необходимо в пределах до 2020 г. изменить соотношение в ценах на

энергоносители и транспортные услуги, переложив на них компенсацию действия объективных неблагоприятных факторов за счет перераспределения дифференциальной ренты. Размеры этой ренты таковы, что позволяют принудительно изменить структуру цен и уровень оплаты труда.

Острейшая диспропорция в ценах, которую необходимо устранить в период до 2020 года — это диспаритет цен на сельхозпродукцию и цен на промышленную продукцию, приобретаемую сельхозпроизводителями. Наличие этого диспаритета общепризнанно, но из года в год для его ликвидации не делаются серьезные и решительные шаги.

Существенное влияние на оценку ВВП России всегда оказывала практика необоснованного завышения цен, необоснованного «потолочного» ценообразования, в том числе завышения цен на государственные поставки и подряды. По строительным подрядам завышение цен, по разным данным, раньше составляло и составляет даже на сегодня от 20% до 50%. По поставкам же сложного технологического и потребительского оборудования — до 200% от реальной цены (как выяснилось в ходе «дела о томографах»).

Очень распространена и практика частного искажения цен. Искажались цены на ввозимые товары — для снижения пошлин (в 2014 году разница в оценке объемов экспорта Китая в Россию и импорта России из Китая составила около \$10 млрд, или 0,5% ВВП России), на оказанные услуги — для снижения НДС и даже на вывозимые товары для снижения выручки и налога на прибыль. В России немало субсидируемых производств (в основном в сельском хозяйстве) и социальных выплат из бюджета, а оценка деятельности региональной власти и выделение регионам средств во многом зависит от их отчетности по экономическому состоянию региона. Интересы региональной власти и производителей в этом редком случае совпадают — и тем и другим выгодно завышать показатели, что они аккуратно, но делают.

Но все вышеуказанное — легальная часть экономики. Доля неформальной экономики в России, которая в 1990-х годах, по некоторым оценкам, превышала весь размер официально зарегистрированного бизнеса, к 2013–2014 годам, по официальным же данным, сократилась до 10%. Ответ на вопрос, как проводились официальные измерения неофициального бизнеса (частным образом оплачиваемые услуги, открытые рынки, вклад личных хозяйств, нелегальное потребление энергии и других ресурсов), неизвестен. Зато в 2014 году Росстат сообщил, что существенно пересмотрел методику и значительно увеличил долю неформального бизнеса в ВВП. Благодаря этому, а также включению экономики Крыма в расчет, ВВП 2014 года, по официальным данным, даже вырос, правда менее чем на 1%.

Наконец, в ВВП попадают товары и услуги, произведенные честно, но по той или иной причине утраченные. Яркий пример — экспорт, поставленный покупателям в кредит, который те потом не возвращают. Только по статье «Экспорт вооружений» и только за 2015 год около \$4 млрд (0,35% ВВП страны) было поставлено Россией в обмен на заведомо невозвратные кредиты. Всего за последние годы мы списали только кредитов государственного уровня

примерно на 5% сегодняшнего ВВП. Но никакая статистика не учитывает этих списаний при расчете экономических показателей, хотя, наверное, надо было бы вернуться к времени их выдачи и уменьшить ВВП на их объемы.

Все эти издержки количественных методов нам придется учитывать, определяя стратегию ценообразования в РФ. Необходимо помнить, что результаты анализа будут точны лишь настолько, насколько это позволяют данные. Каждую группу данных приходится тщательно анализировать и на достоверность, и на применимость к исследуемому вопросу. В первую очередь приходится избавляться от соблазна оценивать и комментировать малые движения и короткие временные интервалы – например, не имеют никакой аналитической ценности данные о месячных изменениях экономических и ценовых параметров.

Все это свидетельствует о том, что необходимо разработать и реализовать систему мер по повышению эффективности антимонопольной политики, развитию конкуренции и улучшению во всех сегментах внутреннего рынка конкурентной среды.

Для того чтобы коренным образом изменить на российском рынке процесс ценообразования, следует государственным органам четко и ясно сформулировать цель ценовой политики, определить задачи, которые необходимо решить на пути к этой цели, установить принципы ценообразования и его методологию.

Нет сомнения в том, что цель государственной политики в области цен должна исходить из долгосрочной стратегии социально-экономического развития страны. Если преследуется цель создания социально ориентированной рыночной экономики, то и целью ценовой политики на долгосрочную перспективу должно стать повышение материального благосостояния всего народа.

Давая характеристику основной цели государственной политики цен в целом, следует сказать, что ее достижение предполагает, прежде всего, разработку экономического механизма осуществления государственной ценовой политики как средства непосредственного повышения эффективности российской экономики, ускорения ее роста как основы повышения жизненного уровня населения. Но, поскольку его уровень жизни при проведении современных рыночных преобразований российской экономики часто снижается, то для реализации основной цели социально-экономической стратегии становится необходимым проведение политики цен, ориентированной на обеспечение необходимых соотношений между динамикой цен и динамикой денежных доходов населения, создание надежных гарантий для поддержания и повышения жизненного уровня, особенно малообеспеченных граждан. Оно осуществляется методами чаще всего не экономическими и в принципе в краткосрочном периоде может даже способствовать в какой-то мере снижению эффективности производства. Но в долгосрочной перспективе ориентация государственной ценовой политики на поддержку надлежащего уровня жизни населения оборачивается притоком

инвестиционных ресурсов в экономику, а, следовательно, повышением устойчивости экономического развития страны.

Нужны четкие правила ценообразования, т.е. правила калькулирования цены на предприятии — производителе продукции. В настоящее время предпринимаются огромные усилия, чтобы уйти от так называемых затратных принципов определения цен. Считается, что в этом случае действующие цены приблизятся к тем, которые возникают в рыночной экономике. Однако в странах с такой экономикой цены на большинство видов продукции определяются главным образом исходя из затрат. Для обоснования цен на многие товары, во всяком случае при крупных заказах или при выполнении правительственных программ, корпорации-производители предъявляют государственным органам или компаниям-заказчикам калькуляции затрат. Это вовсе не означает, что такие цены покроют любые затраты. В выигрыше всегда оказывается тот, у кого затраты, следовательно, и цены минимальны, а качество товаров — высокое.

Должен быть создан реальный контроль за ценами, причем не государственный, а общественный — со стороны предприятий, концернов, фирм, компаний. По-видимому, они лучше будут следить за конкурентом, чтобы не было обмана и искусственного завышения цен. У контролеров есть один способ воздействия на нарушителей — антиреклама. Если западная фирма лукавит, то немедленно распространяются сведения о ее недобросовестности. От услуг такой фирмы отказываются, что ведет к ее разорению. Поэтому в странах с развитой рыночной экономикой очень редко возникает стремление к монопольной цене. Подобную недобросовестность могут допустить фирмы-однодневки, а серьезная крупная фирма никогда не пойдет на завышение цены, зная, что это грозит разоблачением со стороны конкурента. Поэтому важен такой контроль за ценами, который выражает экономические интересы производителя и потребителя.

Государственные учреждения выступают в роли организаторов соглашений, конференций, комиссий по ценам на различные виды продукции. Так, представляется необходимым, что справочные цены должны разрабатываться на основе соглашений или конференцией по данному товару, которые могут быть созданы на паритетных началах производителями и потребителями. Роль госоргана в данном случае сводится к поддержанию функционирования соглашения или конференции, а также разработке проектов их решений. При этом государственные учреждения не могут оставаться безучастными, если между производителями и потребителями отсутствует согласие по поводу уровней и соотношений цен. Они должны иметь право принимать в таких случаях решения, которые приведут к более существенным потерям для партнеров, чем вариант компромисса. В частности, возможно увеличение или отмена импортных пошлин и квот на данную продукцию и т.д. Иными словами, государственные органы должны подталкивать партнеров к соглашению, противодействующему монополии (олигополии) продавцов или покупателей.

Государственным органам необходимо вырабатывать рекомендации, способствующие проведению долгосрочной и среднесрочной ценовой политики на основе постоянного анализа движения цен, а также находить новые формы и методы, повышающие эффективность государственного регулирования цен. В этой связи исключительно большое значение приобретает организация контроля и наблюдения за движением цен. Речь идет не о статистическом наблюдении, которое тоже необходимо, а о контроле за добросовестным ведением коммерческих дел в целом, в первую очередь в ценообразовании. Контроль и наблюдение не должны быть чисто государственными. Лучше если их будут проводить комиссии, состоящие из государственных чиновников, производителей и потребителей (примерно по 1/3).

Государственное регулирование и финансовое воздействие на цены, а также другие формы вмешательства в рыночное ценообразование должны поощрять и расширять здоровую конкуренцию, путём субсидирования затрат импортозамещающих и экспортоориентированных предприятий, предоставления производственных ресурсов "новичкам", расширения и упрощения экспорта и импорта и содействия, оказываемого государством инновационным производствам и предприятиям.

Список литературы:

1. Алклычев А.М. Государственное регулирование цен: вопросы теории и практики. М., Институт экономики РАН, 2006. – 129 с.
2. Зоидов К.Х., Медков А.А., Зоидов З.К. Развитие транзитной экономики – основа стабильности, безопасности и модернизации России и стран Центральной Азии / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. 339 с.
3. Зоидов К.Х. К проблеме исследования циклических процессов в советской и переходной российской экономике. Часть II //Экономическая наука современной России. - 2008. - № 1. - С. 35-48.
4. Зоидов К.Х. К проблеме исследования циклических процессов в советской и переходной российской экономике. Часть I //Экономическая наука современной России. – 2007.- № 4. – С. 7-22.
5. Есипов В.Е. Краткий анализ всех основных типов ценовых стратегий. ЭЛИТАРИУМ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elitarium.ru/cenoobrazovanie-strategiya-cena-rynok-tovar-pokupatel-produkciya-spros-pribyl-potrebitel-prodazhi/>
6. СНИЕУС. Центральный научно-исследовательский институт экономики и управления в строительстве [Электронный ресурс]. URL:<http://cniieus.ru/content/faq/index.php>
7. Государственная программа Российской Федерации «Развитие лесного хозяйства» на 2013–2020 годы. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 318.
8. Московский центр Карнеги. [Электронный ресурс]. Мовчан А. Ошибка измерения. Почему состояние экономики России так трудно оценить. Московский центр Карнеги, 13.10.2016 URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=64844>
9. Соловьева Ольга. Цены в РФ выросли в полтора раза за последние пять лет. Независимая газета, 22.08.2016. URL: http://www.ng.ru/economics/2016-08-22/4_prices.html.
10. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Медков А.А. Формирование эволюционной модели транспортно-транзитной системы России в условиях интеграции и глобализации. — М. : ИПР РАН; СПб.: Нестор-История, 2014. — 800 с.

РАЗВИТИЕ ЕАЭС КАК ОТВЕТ НА НОВЫЕ РИСКИ И УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНАМ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Байдурин Марат Серикович – к.э.н., докторант, Институт проблем рынка РАН

Основная общемировая тенденция глобализации проявляется в нарастании взаимосвязанности, взаимозависимости и взаимовыгодности расширения экономического сотрудничества между странами в условиях глобальной нестабильности, что наблюдается как на постсоветском пространстве, так и в экономиках других стран Европы и Азии. Это обуславливает приоритет развития управления – выгоды интеграции национальных экономических систем, которая диктует особые правила функционирования и развития участников интеграционных объединений как инструмента обеспечения их экономической безопасности [1-4].

Стремление к экономической интеграции в различных регионах мира превратилось в устойчивую тенденцию мирового развития. От адекватной включенности стран в процессы интеграции, независимо от различий в уровнях их развития, отличий в культуре, религии, исторических традициях, во многом зависят возможности преодоления экономических, политических и т.п. проблем, различных рисков и экономических угроз. Особенно это актуально для стран постсоветского экономического пространства, ранее бывших единым экономическим механизмом. Организационные механизмы Содружества независимых государств (СНГ) только частично смогли решить проблемы обеспечения коллективной экономической безопасности, исчерпав свой потенциал к концу первого десятилетия XXI века.

Постепенное формирование на базе группы республик бывшего СССР единого экономического пространства сопровождается сближением стран и ростом их экономико-технического уровня, постепенным переплетением структур их национальных экономик и стимулированием внешнеторгового оборота. Одновременно в рамках процессов экономической интеграции складывается возможность противостояния рискам и угрозам экономической безопасности, возникающим за счет использования странами Запада финансовых и торгово-экономических группировок в целях экономического давления под различными предлогами на страны-конкуренты для ограничения конкурентоспособности их национальных экономик на мировых рынках. Характерным примером является применение со стороны США и ЕС экономических и политических санкций к России, после присоединения Крыма.

Являясь сложным, многогранным и крайне противоречивым по своим проявлениям процессом, глобализация, одновременно, приводит к формированию многочисленных различного рода субрегиональных экономических группировок структурированных по локальным интересам участников. Мировой опыт свидетельствует: преимущества от включения в международную экономическую интеграцию с позиций экономической безопасности получают те страны, которые способны оптимизировать свои

позиции по участию в процессах глобализации и регионализации по линии «глобализация – национальная экономика – регионализация», усилив роль национального регулирования и значимость регионализации международных отношений в рамках группы дружественных стран, ослабив глобализационную составляющую.

В настоящий период новые риски и угрозы экономической безопасности как государствам-членам Евразийского экономического союза (ЕАЭС), так и странам СНГ создают перспективные глобальные проекты развития трансграничных торгово-экономических зон, контролируемых различными государствами, оформленных как многосторонние торговые соглашения с доминирующей ролью ТНК и ТНБ из стран за пределами постсоветского пространства. Существенные риски для экономической безопасности как государств-членов ЕАЭС, так и для всех стран СНГ, несут такие проекты как, реализуемые США Трансатлантическое и Транстихоокеанское экономические партнерства и реализуемый Китаем проект создания Экономического пояса Шелкового пути. Формируемые в рамках названных глобальных проектов экономические механизмы доминирования ТНК и ТНБ отдельных стран и объем оперируемых ими ресурсов, в случае отсутствия [в рамках ЕАЭС] альтернативных механизмов защиты [национальных и союзных] экономических интересов, создают самые серьезные угрозы утраты реального экономического суверенитета для стран постсоветского экономического пространства.

В сложившихся условиях важнейшей безальтернативной основой стратегического развития стран СНГ, рискующих оказаться вытесненными - вследствие различных негативных явлений объективного и навязанного характера - на периферию мировой экономики, является развитие эффективного интеграционного экономического сообщества [ЕАЭС] как преемника СНГ, способного играть активную роль в региональных межгосударственных отношениях на основе объединительной стратегической идеи в формате закрепления и наращивания имеющихся коллективных экономических преимуществ. Вместе с тем, страны постсоветского пространства в поисках собственного места в глобальной экономике в ходе закономерного поиска оптимальных конфигураций и методов взаимодействия с ближайшим окружением продемонстрировали существенные расхождения в подходах к вопросам экономической безопасности, региональным и международным проблемам, обусловившие критическое отношение к деятельности Содружества (СНГ). Но при этом упускается из виду, что СНГ, как первая интеграционная организация на постсоветской территории, выступило структурообразующим фактором создания принципиально новых – межгосударственных отношений сотрудничества между независимыми странами евразийского пространства. Обеспечив институционально-правовые условия для равноправного диалога по сложнейшим проблемам, не имевших ранее аналогов для постсоветских республик, СНГ выполнило важную историческую миссию по содействию становлению суверенных стран, выбору

каждой из них собственного внешнеполитического курса, предпочтению модели экономических реформ в рамках трансформационного периода.

Однако реалии настоящего периода показали невозможность ответить на новые вызовы и угрозы экономической безопасности постсоветских стран на основе интеграционных механизмов действующих в рамках СНГ. Ключевые тренды развития постсоветского экономического пространства определили необходимость выработки принципиально новой стратегии развития сотрудничества между странами СНГ на базе модели ЕАЭС:

1) Глобализация и регионализация являются главными векторами развития мировой экономики, формирующими условия обеспечения экономической безопасности как для отдельной страны, так и для различных интеграционных объединений (в т.ч. для ЕАЭС). Регионализация, принимающая форму международной экономической интеграции в виде отдельных групповых объединений, выступает как одно из направлений глобализации, способствует подготовке национальной экономики к вхождению в глобальную систему экономических отношений. Мировой регионализм, с одной стороны, является проявлением глобализации, а, с другой стороны, – ее параллельной тенденцией, представляя в определенной мере попытку замкнуть глобальный процесс в отношении региональных групп национальных экономик в рамках различных интеграционных объединений, одной из основных целей создания которых явились потребности обеспечения коллективной экономической безопасности.

2) Процесс межгосударственной экономической интеграции национальных экономик как объективная реальность развития постсоветского экономического пространства, представляет собой сложную, многоуровневую конструкцию – основу обеспечения коллективной экономической безопасности, специфическим признаком которой является взаимозависимость составных частей международных интеграционных объединений, когда не только динамика, но и дальнейшее существование национальных хозяйств во все большей степени обуславливается возможностями совместных эффективных действий в отношении внешних угроз и внутренних диспропорций.

3) Реальный мировой опыт становления и развития региональных и субрегиональных интеграционных объединений подтвердил возможности межгосударственного интегрирования в формате различных организационных форм, заметно различающихся по количеству интегрирующихся государств, уровню сращивания национальных экономик, глубине, сфере и масштабности происходящих процессов, целей сотрудничества, самостоятельности и характеру отношений между странами-участницами. Несмотря на имеющиеся различия, движущим мотивом формирования ЕАЭС является извлечение наибольших выгод в области экономическо-технологического сотрудничества и международной торговли в рамках приоритетов обеспечения экономической безопасности по мере углубления международных связей, возможности перехода от индивидуальных интересов к групповым с целью совместного противостояния внешним экономико-политическим угрозам и внутренним диспропорциям.

4) Распад СССР обусловил дезинтеграцию общего экономического, политического и оборонного пространства, в результате чего на обширных территориях Евразии возник геополитический и геоэкономический вакуум, который стал заполняться ведущими глобальными и региональными игроками – ЕС, США и КНР. Нарастающие процессы глобализации для обеспечения экономической безопасности требуют переоценки роли взаимодействия стран СНГ, вызывают необходимость укрепления внешнеэкономических позиций в форме более тесного интеграционного объединения каким является ЕАЭС в условиях трансформации системы международных отношений и глобальных кризисных явлений, координации усилий по развитию союзных форматов для формирования единой позиции экономического сотрудничества государств-членов ЕАЭС с превосходящими их по экономическому потенциалу государствами Европы, Азии, Исламского мира и их союзами.

5) Процесс интеграционного взаимодействия практически не прекращается со времен обретения странами Содружества независимости с различной степенью интенсивности и успешности. Страны СНГ прошли почти все этапы экономической интеграции национальных экономик, но в полном формате к достижению конкретных экономических эффектов удалось подойти лишь в рамках Евразийского экономического союза. При этом относительная успешность данного интеграционного проекта, прежде всего, обусловлена тем, что все ее участники имеют достаточно экономических интересов и стимулов для экономического взаимодействия с целью решения острых социально-экономических проблем и обеспечения экономической безопасности, что приобрело особую актуальность в последний период.

6) Развитие процессов интеграционного развития на пространстве бывшего Советского Союза осуществляется не по классической схеме и отличается разноуровневым и разноскоростным характером. Особенность интеграционных процессов на территории постсоветского пространства состоит в том, что центростремительные и центробежные тенденции находятся в состоянии перманентного динамического развития, но в целом подчинены общей цели обеспечения экономической безопасности. В результате сложилась сложная и во многом противоречивая структура интеграционных проектов и объединений, органично дополняя друг друга, создавая широкую палитру партнерства наиболее тесным из которых является Евразийский экономический союз, что повышает необходимость поиска оптимальной модели взаимодействия и сотрудничества стран постсоветского пространства в рамках приоритетов обеспечения экономической безопасности, основанной на выработке научно обоснованной интеграционной стратегии управления развитием национальных экономик с учетом геополитических и геоэкономических условий, адекватных современным вызовам экономической безопасности.

7) К успешным интеграционным группировкам в сфере обеспечения экономической безопасности на постсоветском пространстве (при лидирующей роли России) относятся: реализуемые проекты Евразийского экономического союза и Единого экономического пространства; Организация Договора о

коллективной безопасности (ОДКБ) и Союзное государство России и Белоруссии (СРБ). Одновременно, необходимо отметить, что влияние России на страны СНГ волнообразно изменяется и в политике, и в экономике. Россию пытаются вытеснить из евразийского пространства ведущие мировые державы и региональные группировки – США, Евросоюз, Китай, страны АСЕАН, Турция, Иран, Саудовская Аравия, Япония, заявившие о своих «жизненно важных» интересах на постсоветском пространстве, что резко усиливает угрозы экономической безопасности и ЕАЭС и СНГ.

8) Экономический эффект СНГ как интеграционной группировки в период 1991-2015 гг. был минимален и выразился в регионализации межстрановых и межхозяйственных связей, что отнюдь не способствовало достижению поставленных экономических целей, в минимальной степени содействия обеспечению экономической безопасности. За годы трансформационного спада и восстановительного роста в странах СНГ произошло упрощение структуры промышленного производства за счет вымывания обрабатывающих отраслей и высокотехнологичных производств, увеличилась доля добывающих отраслей и производств низкой степени обработки, что выразилось в сокращении доли экономиках (кроме нефтедобывающих Азербайджана и Казахстана), уменьшении долей сельского хозяйства и строительства и росте доли сферы услуг. В сложившихся условиях особое значение для обеспечения экономической безопасности приобретает проблема формирования реального и эффективного интеграционного ядра в экономиках стран СНГ, обуславливающего необходимость оптимизации экономической политики по отношению к потенциальным партнерам, выбора перспективных направлений сотрудничества, рациональной модели и формата дальнейшего расширения взаимодействия между странами СНГ, ядром для чего должен стать ЕАЭС.

9) СНГ превратился в большей степени в аморфный политический союз. Основной целью этого политического союза является сохранение целостности большинства стран СНГ и достижение минимальных оборонно-политических целей этих стран в условиях нарастающих внешних угроз и внутренних диспропорций. При этом СНГ дал возможность создания новых платформ поступательно развивающейся экономической интеграции – ЕАЭС.

10) Современным геополитическим и геоэкономическим интересам большинства стран СНГ соответствует построение эффективной интеграционной группировки на постсоветском пространстве, позволяющей при интеграции в формате развития ЕАЭС реально обеспечить экономическую безопасность в условиях любых перемен в «штормящем море» мировой экономики. В связи с этим, перед государствами-участниками Содружества сегодня стоит сложная двуединая задача преодоления угрозы его разобщения и выработки принципиально новой стратегии развития сотрудничества между странами СНГ на базе модели ЕАЭС. Имеются весомые основания для расширения Евразийского экономического союза, которые требуют учета экономических интересов как действительных членов ЕАЭС, так и

потенциальных новых членов в рамках приоритетов обеспечения коллективной экономической безопасности.

Таким образом, успешная экономическая интеграция и реализация возможных выгод обеспечения коллективной экономической безопасности в рамках ЕАЭС требует разработки новых стратегических механизмов интеграционного взаимодействия. Эти механизмы должны учитывать комплекс позитивных и негативных аспектов советского прошлого и постсоветской реальности на всех уровнях и по всем направлениям, обеспечивающих целенаправленное отстаивание интересов всех его участников с учетом возможных перспектив вхождения в ЕАЭС других стран СНГ с позиций необходимости обеспечения общей экономической безопасности, что эффективно можно реализовать именно путем дальнейшего развития экономической интеграции в формате ЕАЭС.

Список литературы:

1. Зоидов К.Х., Медков А.А., Зоидов З.К. Развитие транзитной экономики – основа стабильности, безопасности и модернизации России и стран Центральной Азии / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. 339 с.
2. Логинов Е.Л., Логинова В.Е. Цикло-когерентный подход к нахождению точек антикризисного равновесия экономических систем в условиях глобального кризиса мировой экономики // Финансы и кредит. 2016. № 17 (689). С. 2-12.
3. Постсоветское экономическое пространство: современное состояние и перспективы развития / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. М.: Финансы и кредит, 2009. 472 с.
4. Цветков В.А. Факторы развития экономики: преодоление нестабильности // Инвестиции в России. 2016. № 3 (254). С. 39-44.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ УСТОЙЧИВОЙ ЭКСПОРТНО-ИМПОРТНОЙ ДИНАМИКИ В УСЛОВИЯХ КРИТИЧЕСКИХ УГРОЗ И РИСКОВ ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕНОВЫХ ФЛУКТУАЦИЙ НА РЫНКАХ НЕФТИ И ГАЗА⁸

Борталевич Светлана Ивановна - доктор экономических наук, доцент, г.н.с.,
Институт проблем рынка РАН

Предупреждение глобальных ценовых флуктуаций на рынках нефти и газа, помимо финансовой составляющей, требует очень серьезной организационной работы. Необходимо развитие группы базовых технологий и систем, позволяющих осуществлять мониторинг, накапливать информацию, анализировать, моделировать, прогнозировать, идентифицировать угрозы, осуществлять поддержку выработки управленческих решений, планирование мер противодействия, их реализацию, сопровождение, установление обратной связи и принятие мер по совершенствованию процессов и процедур. Требуется также развитие самих систем противодействия глобальным ценовым

⁸ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-02-00463 а).

флуктуациям на рынках нефти и газа как высокодинамичной совокупности нелинейных операционных процессов о которых трудно или невозможно собрать информацию упреждающим образом. В последние годы в нашей стране и за рубежом активно развиваются научно-практические разработки в области использования новых информационных технологий для противодействия глобальным ценовым флуктуациям на рынках нефти и газа с опорой на информационные системы [1; 2; 3].

Несмотря на активно ведущиеся разработки в этой сфере, наблюдается определенное отставание идей по проблеме обеспечения устойчивой экспортно-импортной динамики в ТЭК в отношении качественно новых объектов организационной среды, свойственных рыночной экономике (например, большое количество сложных технологических объектов, не объединенных в интегрированные системы управления с участием госведомств и пр.) [4]. Появляется специфический вид инициированной потери управляемости объектов ТЭК вследствие спекулятивного характера манипулирования рынками, как классических моноагентных объектов, пока не нашедший достаточно полного отражения как в научных исследованиях, так и в практических разработках соответствующих госорганов и служб [5].

Традиционные модели противодействия глобальным ценовым флуктуациям на рынках нефти и газа здесь часто не могут быть взяты за основу, поскольку средства и способы манипулятивного воздействия на объекты ТЭК могут оказаться принципиально новыми [6]. Может способствовать глобальным ценовым флуктуациям на рынках нефти и газа, например, быстрый рост числа рыночных агентов, не имеющих общего регулирующего центра [7]. При этом, ряд взаимосвязанных с ними компаний ТЭК могут находиться за пределами сферы их возможного регулирования (за рубежом и пр.) и информации об их деятельности может просто не быть [8]. Для мониторинга и моделирования этих процессов требуется применение агент-ориентированных моделей и методов нечеткой логики для преодоления критического дефицита информации об угрозах и рисках глобальных ценовых флуктуаций на рынках нефти и газа [9].

Исходя из вышеизложенного, требуется совершенствование направлений и методов функционирования российского государственного механизма противодействия глобальным ценовым флуктуациям на рынках нефти и газа с применением многоагентных технологий для повышения эффективности работы различных госорганов как, своего рода, агентов со значительным числом отклоняющихся реализуемых операционных переменных с отсутствием или запаздыванием информационных сигналов об их динамике, имеющих отношение к противодействию глобальным ценовым флуктуациям на рынках нефти и газа. Важнейшим элементом такого механизма является информационное обеспечение организационного процесса реализации управленческих действий на основе использования новых информационных технологий [10]. Эти технологии должны обеспечивать возможность практической реализации комплексного и системного подхода к решению

задачи противодействия трудно прогнозируемым явлениям в условиях критического дефицита информации об угрозах и рисках глобальных ценовых флуктуаций на рынках нефти и газа [11].

В этих условиях необходимо разработать подходы к мониторингу и моделированию процессов противодействия нелинейным процессам проявления глобальных ценовых флуктуаций на рынках нефти и газа на основе многоагентных технологий и нечеткой логики с учетом невозможности обеспечить высокую наблюдаемость процессов функционирования большого количества территориально разнесенных объектов ТЭК без существенных изменений в информационных системах управления [12].

Требуется улучшение организационного взаимодействия путем интеграции в единый комплекс оргструктур и информационных систем различных государственных ведомств как разноцелевых агентов [13]. Наиболее эффективно это можно реализовать на принципах конвергенции информационных, телекоммуникационных и вычислительных сервисов [14]. Такая система может быть архитектурно формализована как сетевая информационная система государственных органов в сфере противодействия глобальным ценовым флуктуациям на рынках нефти и газа [15].

В качестве системы мер, направленных на повышение эффективности управленческих механизмов обеспечения устойчивой экспортно-импортной динамики в ТЭК России необходимо:

1. Проведение анализа процессов и закономерностей в отношении динамической совокупности взаимодействия различных категорий объектов (госорганов) выделяемых по признаку прямого или опосредованного участия в противодействии глобальным ценовым флуктуациям на рынках нефти и газа в ТЭК России, включая сбор сведений о формах и тенденциях процессов функционирования распределенных информационных систем используемых для мониторинга широкого спектра событий, которые могут иметь отношение к глобальным ценовым флуктуациям на рынках нефти и газа.

2. Анализ особенностей функционирования российской системы противодействия глобальным ценовым флуктуациям на рынках нефти и газа в целом и ее отдельных организационных механизмов для разработки предложений по ее системному, комплексному развитию для улучшения взаимодействия различных российских ведомств, определение путей формирования сетевой информационной системы управления (сетевой информационной системы государственных органов в сфере противодействия глобальным ценовым флуктуациям на рынках нефти и газа), интегрирующую сегменты ИТ инфраструктуры органов государственного управления, спасательных и иных органов и служб.

3. Разработка управленческой модели мониторинга и контроля [на основе сбора и анализа больших объемов не связанной информации в различных базах данных и глобальных информационных сетях] для координации на межведомственном уровне по информационно-технологическим цепочкам

процессов сбора, обработки, хранения и обмена информацией в рамках органов государственного управления и специальных ведомств.

4. Разработка математического обеспечения для реализации нового подхода к оценке исходных факторов и поддержки принятия управленческих решений в сфере мониторинга, идентификации и предотвращения любых форм угроз и рисков в сфере обеспечения устойчивой экспортно-импортной динамики в ТЭК на основе использования для этих целей многоагентных технологий и методов нечеткой логики.

5. Анализ проблем преодоления имеющихся ограничений для развития мониторинга, идентификации и прогнозирования любых форм угроз и рисков в сфере обеспечения устойчивой экспортно-импортной динамики в ТЭК, включая компьютерное моделирование на базе агентной методики имитации информационных взаимодействий для выявления широкого спектра событий, которые могут иметь отношение к глобальным ценовым флуктуациям на рынках нефти и газа как высокодинамичной совокупности нелинейных операционных процессов о которых трудно или невозможно собрать информацию упреждающим образом с использованием многоаспектной систематики семантики анализируемых связей.

6. Развитие методики практического конструирования информационно-технического комплекса мониторинга, идентификации и прогнозирования любых форм угроз и рисков в сфере обеспечения устойчивой экспортно-импортной динамики в ТЭК и методов идентификации хронотипа, участников, ролевой структуры и ресурсной базы противодействия глобальным ценовым флуктуациям на рынках нефти и газа, что может основываться как на анализе отдельного события, так и на агрегации и сопоставлении разнородных событий и сетевых потоков таких операций.

7. Определение мер повышения эффективности организационных механизмов противодействия глобальным ценовым флуктуациям на рынках нефти и газа посредством реконфигурации объемов, структуры и условий действий различных госведомств с переходом от нечетких выводов к точному значению регулируемого параметра с формированием динамически адаптируемого под различные госорганы набора инструментов поддержки процесса реализации контрольно-мониторинговых, информационно-аналитических и организационно-управленческих задач противодействия глобальным ценовым флуктуациям на рынках нефти и газа в рамках сетевидной информационной системы государственных органов.

Основой эффективного организационного взаимодействия в этом механизме является интеграция в единый комплекс оргструктур и информационных систем различных государственных ведомств как разноцелевых агентов для межведомственного сотрудничества как многоагентной системы, на более четких условиях, чем это складывается в рамках их текущей деятельности, с целью возможности оперативной блокировки резкой активизации глобальных ценовых флуктуаций на рынках

нефти и газа в связи с погодными явлениями и или по иным труднопредсказуемым причинам.

Для этого необходимо уточнить возможности интеграции информационно-вычислительных платформ на межрегиональном, общероссийском и евразийско-союзном уровнях для расширения возможностей выявления широкого спектра событий, которые могут иметь отношение к глобальным ценовым флуктуациям на рынках нефти и газа как высокодинамичной совокупности нелинейных операционных процессов о которых трудно или невозможно собрать информацию упреждающим образом с использованием многоаспектной систематики семантики анализируемых связей различных субъектов, находящихся в поле мониторинга и контроля в ТЭК России, а также по возможности на территории других государств-членов ЕАЭС. Требуется проанализировать сложившиеся условия для перехода к созданию сетецентрической информационной системы противодействия глобальным ценовым флуктуациям на рынках нефти и газа на принципах конвергенции информационных, телекоммуникационных и вычислительных сервисов, имеющих у различных госорганов как объектов управления со значительным числом отклоняющихся реализуемых операционных переменных с отсутствием или запаздыванием информационных сигналов об их динамике.

Важным этапом реализации вышеперечисленных действий является формирование механизма планирования, оптимизированного для повышения устойчивости и адекватности модели управления в отношении организации межведомственных действий различных госведомств с переходом от нечетких выводов к точному значению регулируемого параметра по ключевым направлениям функциональной деятельности конкретного госведомства с выделением ключевых операционных узлов, с помощью которых и производится выполнение финансовых и иных операций в отношении наиболее опасных форм глобальных ценовых флуктуаций на рынках нефти и газа.

В рамках ЕАЭС необходимо:

- наметить пути развития межведомственного сотрудничества как многоагентной системы с опорой на систему агрегированных информационных центров госведомств в рамках сетецентрической информационной системы противодействия глобальным ценовым флуктуациям на рынках нефти и газа;

- выделить направления внедрения новых информационных, телекоммуникационных и вычислительных сервисов для расширения анализируемого поля событий, которые могут иметь отношение к глобальным ценовым флуктуациям на рынках нефти и газа с большим числом сложнопрогнозируемых управленческих траекторий собственного поведения с использованием многоаспектной систематики семантики анализируемых связей;

- определить аспекты решения задачи реконфигурации объемов, структуры и условий действий различных госведомств с переходом от нечетких выводов к точному значению регулируемого параметра в зависимости от политической

конъюнктуры в государствах-членах ЕАЭС и функциональных задач различных госведомств в рамках типовых кооперационных схем.

В рамках органов госуправления и специальных ведомств необходимо:

- сформировать направления развития информационно-аналитических механизмов с использованием интеллектуальных технологий анализа и обработки данных в рамках сетецентрической информационной системы противодействия глобальным ценовым флуктуациям на рынках нефти и газа при различных сценариях;

- определить направления расширения контроля совокупных массивов данных в доступных для анализа базах данных и глобальных информационных сетях в условиях внешних информационных недружественных к российским властям компаний из-за рубежа и политических и экономических санкций;

- выделить в рамках ЕАЭС основные блоки взаимозависимости органов госуправления и специальных ведомств друг от друга, в т.ч. для стратегического конфигурирования перспективной системы организации межведомственных действий различных госведомств с кооперированной структурой управленческих и специальных мер для противодействия глобальным ценовым флуктуациям на рынках нефти и газа;

- обосновать направления конструирования набора инструментов поддержки процесса реализации контрольно-мониторинговых, информационно-аналитических и организационно-управленческих задач противодействия глобальным ценовым флуктуациям на рынках нефти и газа с их приближением к системе мировых стандартов мониторинга и контроля, включая деятельность органов госуправления и специальных ведомств в рамках моделей реализации эффективного режима противодействия глобальным ценовым флуктуациям на рынках нефти и газа в отношении ТЭК России и в перспективе с распространением на государства-члены ЕАЭС.

Фактически требуется формирование информационно-телекоммуникационной среды нового поколения с внедрением межведомственной конвергентной информационно-вычислительной платформы с базовым центром управления такой межрегиональной и международной информационной сетью в г. Москва для реализации выхода на международный мониторинг и координацию любых форм угроз и рисков в сфере обеспечения устойчивой экспортно-импортной динамики в ТЭК с расширением общего информационного поля данных, доступных для анализа в конкретной территориальной зоне ЕАЭС.

Таким образом, при реализации вышеперечисленных мероприятий должна быть разработана целостная концепция внедрения качественно новых механизмов мониторинга, идентификации и прогнозирования любых форм угроз и рисков в сфере обеспечения устойчивой экспортно-импортной динамики в ТЭК России, а также по возможности на территории других государств-членов ЕАЭС как комбинаторно-расширяемого пространства [16-17]. Предлагается оптимизация кооперационного взаимодействия госведомств в рамках сетецентрической информационной системы противодействия

глобальным ценовым флуктуациям на рынках нефти и газа, позволяющей сформировать механизмы и интегрировать функции управления, контроля и распределения информации в единой системе действий различных госведомств и формы их взаимодействия с другими национальными государственными и негосударственными институтами.

Список литературы:

1. Агеев А.И., Логинов Е.Л., Райков А.Н. Стратегическое конструирование мировых товарных рынков: уроки обрушения цен на нефть для России // Экономические стратегии. 2015. Т. 17. № 2 (128). С. 18-27.
2. Зоидов З.К., Логинова В.Е., Шевченко К.И. Пути формирования интегрированной рыночной инфраструктуры и регулирования производства и товарооборота в рамках ЕАЭС. – М.: ИПР РАН, 2015. – 141 с.
3. Райков А.Н. Информационные технологии на Севере и в Арктике России // Межотраслевая информационная служба. 2015. № 3 (172). С. 23-28
4. Цветков В.А., Борталевич С.И., Логинов Е.Л. Стратегические подходы к развитию энергетической инфраструктуры России в условиях интеграции национальных энергосистем и энергорынков. – М.: ИПР РАН, 2014. – 511 с.
5. Формирование инвестиционной политики компаний топливно-энергетического комплекса. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. – 215 с.
6. Борталевич С.И., Борталевич В.Ю. Проблемы обеспечения энергобезопасности России и ЕАЭС // Формирование финансово-кредитных механизмов обеспечения стабильности и экономического роста с учетом перспектив развития интеграции в ЕАЭС / Материалы международной научно-практической конференции. – М.: ИПР РАН, 2016. С. 138-139.
7. Таненбаум Э., Ван Стеенен М. Распределенные системы. Принципы и парадигмы. – СПб.: Питер, 2003. - 877 с.
8. Проблемы повышения энергетической безопасности. Улан-Удэ: БГУ, 2012. 168 с.
9. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д. Компьютерное моделирование взаимодействия между муниципалитетами, регионами, органами государственного управления // Проблемы управления. 2013. № 6. С. 31-40.
10. Шевченко И.В., Деркач Н.Л. Проблемы эксплуатации и развития энергосетевого комплекса как точка бифуркации энергоэффективности экономики России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 28. С. 2-7.
11. Борталевич С.И., Борталевич В.Ю. Стратегическое планирование ключевых направлений энергетического комплекса стран ЕАЭС // Стратегическое планирование и развитие предприятий 2016. – М.: ЦЭМИ РАН. С. 28-29.
12. Райков А.Н., Устинов А.В., Чикина А.Г. Ускорение достижения согласия при командном принятии решений в сетевой среде // Оборонный комплекс - научно-техническому прогрессу России. 2015. № 3 (127). С. 3-9.
13. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д., Васенин В.А., Борисов В.А., Роганов В.А. Агент-ориентированные модели: мировой опыт и технические возможности реализации на суперкомпьютерах // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 3. С. 252.
14. Логинов А.Е. Модернизация информационных систем холдинговых структур // Проблемы управления корпоративными структурами в условиях модернизации экономики / МНПК. Москва, 25-26 ноября 2010 г. – М.: НИЭБ, 2010. С.27-31.
15. Борталевич В.Ю. Оптимизация системы стратегического управления инвестиционного потенциала в отраслях промышленного производства в рамках ЕАЭС // Стратегическое планирование и развитие предприятий. – М.: ЦЭМИ РАН, 2016. С. 25-27.
16. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Ионичева В.Н. Моделирование полноты поступления таможенных платежей в федеральный бюджет на основе эконометрических методов. Часть I // Региональные проблемы преобразования экономики, 2015. - № 11(61). - С. 162-176. - № 12 (62). - С. 226-241.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ: ИТОГИ 25-ЛЕТИЯ

Вардомский Леонид Борисович - доктор экономических наук, профессор, заведующий центром Института экономики РАН

В 1991 - 2016 годы происходило не только становление новых независимых государств (ННГ), их рыночная и структурная трансформация, но и выстраивание взаимных отношений как независимых государств. В системе этих отношений центральное место занимают отношения между РФ и другими ННГ. За прошедшую четверть века они были весьма переменчивы, поскольку менялась самооценка Россией своего места в мире. Изменение идентичности происходило под влиянием экономической и политической динамики в стране и внешнем окружении и вызывало корректировку государственных интересов. Через призму этих интересов выстраивались отношения с бывшими союзными республиками и создавались инструменты реагирования на возникавшие политические и экономические противоречия.

Как известно политическая элита РСФСР выступила одним из главных инициаторов распада СССР. На первых порах суверенного существования она рассчитывала на вхождение в евроатлантическое сообщество развитых государств в качестве полноправного члена. Политика же в отношении стран СНГ в 1990-е гг. определялась, с одной стороны, тяжелым социально-экономическим положением, политической нестабильностью, крайней слабостью государственных финансов, а с другой, - нежеланием давать повод Западу упрекать себя в стремлении воссоздать в какой-то форме СССР. Поэтому она была импульсивной, рассчитанной на то, что совместное прошлое само по себе обеспечит скорую реинтеграцию. Интеграционные проекты 1990-х годов выдвигались в условиях формирования государственности и сильнейшего экономического спада и рассматривались, скорее, как механизмы смягчения последствий распада единой в течение длительного времени страны.

Финансовый кризис 1998 г., который стал результатом противоречивой внутренней экономической политики России, создал дополнительный импульс разрушения ее экономических связей с постсоветскими партнерами и еще более подпортил репутацию как страны способной консолидировать постсоветское пространство.

В конце 1990-х гг. у руководства появилось понимание, что в евроатлантическом клубе избранных страну не ждут и отношение к ней определяется восприятием России как государства, проигравшего «холодную» войну. В период 2000 - 2004 гг. РФ пыталась найти некий баланс в отношениях между ЕС и активизацией сотрудничества со странами СНГ: одновременно велась работа по созданию общего экономического пространства ЕС и РФ и реализации постсоветских интеграционных проектов в форматах ЕврАзЭС и Таможенного союза в составе РФ, Беларуси, Казахстана и Украины (ОРИ). Однако быстрое продвижение ЕС и НАТО к границам России, цветные революции и напористая политика ЕС в отношении ННГ заставило РФ

усилить свою политику в отношении бывших союзных республик. Это выразилось в однозначном трактовании постсоветского пространства как зоны особых политических интересов России, что вызывало резкое неприятие Запада.

Одновременно Россия стала сворачивать ценовые преференции на нефть и газ для стран СНГ и тем самым сокращать объемы субсидирования их экономик. Переход от льготных к рыночным ценам на природный газ, по сути, разрушил одну из главных экономических основ консолидации СНГ в период жесткой дезинтеграции. Использование рыночных цен на газ заметно ухудшило бюджетную ситуацию в странах - потребителях газа, понизило конкурентоспособность энергоемких предприятий, сократило финансовые ресурсы развития, стало одной из причин усиления экономических и политических противоречий между ними и Россией. Именно во второй половине десятилетия участились разного рода «торговые войны» с партнерами по СНГ. Новая постсоветская политика РФ проявилась в разработке программных документов развития СНГ и будущего ЕАЭС, создание новых институтов сотрудничества ЕАБР (2006 г.) и Антикризисный фонд (2009 г.), переименованный в 2016 г. в Евразийский фонд стабилизации и развития, учреждение Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС (2010 г.) и ЗСТ в рамках СНГ (2012 г.). В рамках этой политики торговые и прочие экономические преференции, предоставляемые партнерам по СНГ, стали увязываться с их внешнеполитической лояльностью.

В результате столкновения геополитических интересов на постсоветском пространстве произошло обострение отношений РФ с США и ЕС, отражением которого стал новый майдан и государственный переворот на Украине.

Эти события открыли новый этап отношений РФ с СНГ, характерной чертой которого является раскол постсоветского пространства по интеграционным приоритетам. Другой особенностью нового этапа является все более активное продвижение Китаем и Турцией своих интересов в постсоветском регионе. В этом контексте возникает некий дисбаланс между политическими и экономическими интересами России в бывших союзных республиках. Если политические интересы сформулированы вполне понятно, то об экономических интересах этого не скажешь. Но можно вполне определенно предположить, что экономические интересы в большой степени подчинены политическим интересам. Это можно проследить на примере динамики их внешнеторговых связей.

На начальном этапе отношений России и СНГ произошло резкое сокращение взаимных торговых связей: за 1991-2000 гг. их объем сократился в 5 раз: с 138 млрд долл. до 26 млрд долл. (без учета неорганизованной торговли) (5, С.8 - 10). Это стало результатом двойного «шока»: жесткой дезинтеграции постсоветского пространства и рыночной трансформации, разрушавших унаследованную от СССР комплементарность экономик СНГ.

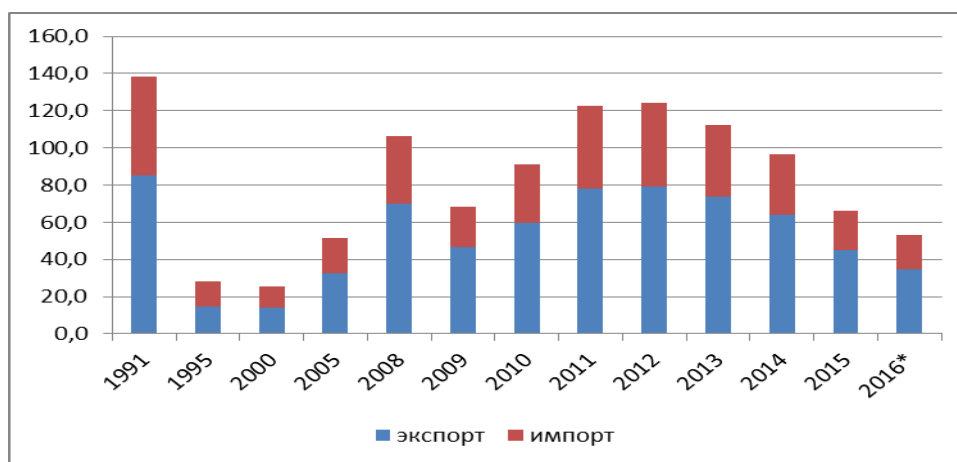

Рис. 1. Внешняя торговля России со странами СНГ в 1991-2016 гг., млрд долл.
(Источники: составлено по данным Статкомитета СНГ, ФТС России, *оценка автора).

С началом второго этапа отношений в 2000-2004 гг. на фоне восстановительного роста стала быстро увеличиваться взаимная торговля (рис.1). На третьем этапе (2005 -2012 гг.) рост взаимных связей продолжился до кризисного 2009 г. После острого спада он вновь стал расти и достиг в 2012 г. 124 млрд долл. - рекордной величины в условиях суверенного существования, но все же уступавшей по объему 1991 г.

Современный этап ознаменовался устойчивым падением взаимных связей, которые в 2016 г. по стоимостному объему откатились к 2005 г. И это падение скорее всего в ближайшие годы продолжится, хотя и меньшими темпами. В чем тут дело? Ответственные ведомства склонны объяснять эту ситуацию внешними факторами: падением мировых цен на сырьевые товары, санкциями и контрсанкциями, «украинским фактором», падением курса рубля и т.п. (4, С. 278 -281). Действительно все это имеет место. Взаимный товарооборот России и Украины за 2014 - 2015 гг. сократился в 2 раза: с 22,5 до 12,3 млрд долл. Но сокращаться он начал в 2012 г. Максимальный взаимный товарооборот двух стран был достигнут в 2011 г. – 48,9 млрд долл.

Размывание советского экономического наследия под влиянием внешней конкуренции (она усилилась в связи с вступлением РФ в ВТО в 2012 г.), при том, что новые производства в ходе взаимного сотрудничества возникали слишком медленно, что бы компенсировать падение взаимных торговых связей - фундаментальная причина сокращения взаимного товарооборота. Иными словами, торговые связи РФ и СНГ сталкиваются сегодня со структурными ограничениями, вытекающими из сырьевого характера экономики РФ и большинства других постсоветских стран [1, С.78-79].

Структурные ограничения возникли в связи с тем, что в структуре прямых иностранных инвестиций в странах СНГ преобладали инвестиции из развитых стран, прежде всего из ЕС и США, а также из Китая, которые шли в основном в сырьевой сектор и в сферу услуг. Топливо-сырьевой экспорт в основном направляется на рынки третьих стран, а экспортный потенциал обрабатывающих производств из-за трансформационных потерь и низкой конкурентоспособности был недостаточен для того, чтобы обеспечить

устойчивый рост взаимных связей. В результате произошедших в СНГ структурных трансформаций, взаимная комплементарность экономик сократилась. Для ее измерения был использован коэффициент торговой связанности, построенный на отношении взаимной торговли к общему ВВП исчисленному как отношение взаимной торговли РФ и СНГ к их общему ВВП взятому в текущих ценах и по текущим валютным курсам (данные МВФ). В 2000 г. это отношение составило 7,22%, в 2008 – 4,90%, в 2012 – 4,67% и в 2015 – 3,57%. КТС показывает, что общий ВВП стран растет быстрее чем взаимная торговля, а следовательно, относительное взаимодополнение их экономик сокращается.

Таблица 1

Изменение доли стран СНГ в общем ВВП (в тек. ц.) за 1991 -2015 гг., в %.

Страны	1991	2000	2008	2012	2015	2015*
СНГ	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Азербайджан	1,3	1,5	2,2	2,5	2,9	2,9
Армения	0,8	0,6	0,5	0,4	0,6	0,6
Белоруссия	4,1	2,9	2,8	2,3	2,9	2,9
Грузия	0,9	0,9	0,6	-	-	0,7
Казахстан	4,2	5,2	6,1	7,7	10,1	9,9
Киргизия	0,9	0,4	0,2	0,2	0,4	0,4
Молдова	1,3	0,4	0,3	0,3	0,4	0,4
Россия	67,7	73,7	76,0	76,8	72,0	71,3
Таджикистан	0,6	0,3	0,2	0,3	0,4	0,4
Туркменистан	0,7	1,2	1,0	1,2	1,9	2,0
Узбекистан	3,0	3,9	1,4	1,8	3,5	3,6
Украина	14,5	9,0	8,7	6,5	4,9	4,9

*Данные Мирового банка

Источник: СНГ 1991 - 2015. Стат. сб. МГСК СНГ. М. 2016. С.64.

Этот тренд реализовался в условиях, когда доля РФ в общем ВВП стран СНГ до 2012 г. увеличивалась. Одновременно росли доли стран, в которых в качестве драйверов экономического роста выступала нефте-газодобыча. Доли же стран с преобладанием обрабатывающей промышленности заметно сократились, особенно Молдовы и Украины (табл. 1). Таким образом, упрощение экономики за счет производств выпускающих продукцию с высокой степенью обработки одновременно привело к сокращению комплементарности и изменению соотношения стран в общем ВВП в пользу производителей углеводородов.

Структурно экономика России, хотя и менялась, но за счет либо развертывания сборочных производств, что в основном приводило к наращиванию торговых связей с третьими странами, либо импортозамещения, что тормозило импорт, прежде всего из стран СНГ. Иными словами, в 2000-2012 гг. потенциал России как интеграционного ядра Евразии не рос пропорционально росту ее экономики.

Рост экспорта России в страны СНГ за 2000-2008 гг. и 2010-2012 гг. преимущественно был связан с ростом мировых цен на энергоносители, а

импорта – с ростом потребления товаров из стран на волне экономического роста. С ухудшением конъюнктуры объемы экспорта и импорта сокращались симметрично. Но всегда с положительным сальдо в пользу России. В 1991 г. оно оценивалось в 31,9 млрд долл., в период спада оно сократилась до 1-2 млрд долл., но далее стало расти, достигнув в 2008 г. 33,2 млрд долл. и в 2012 г. – 34,3 млрд долл. На волне сокращения взаимной торговли положительное стало сокращаться: 24 млрд долл. в 2015 г. и около 16 млрд долл. в 2016 г. (оценка). Тем не менее, оно по объему заметно превышает поступление капиталов в страны из России по линии трудовых трансфертов и инвестиций, что создает для них большие платежные проблемы.

Хотя, за годы суверенного существования взаимозависимость национальных экономик заметно уменьшилась, для партнеров по СНГ Россия остается крупным и довольно богатым рынком, на котором можно найти спрос для своих товаров и услуг. Для России же партнеры по СНГ сравнительно небольшой рынок с низкой платежеспособностью и ограниченным инвестиционным потенциалом. Однако они важны как источник дешевой рабочей силы разной квалификации.

Асимметрия взаимных экономических связей и дисбаланс между политическими и экономическими интересами объясняет то, что, оставаясь стержнем постсоветской геополитической и геоэкономической конструкции, Россия не сформулировала привлекательную концепцию развития СНГ. В силу технологической слабости и больших размеров экономики ей трудно выступать и в качестве лидера евразийских интеграционных процессов.

Лидерство России также ограничивает сильная подверженность ее экономики «внешним» шокам. В периоды ухудшения мировой конъюнктуры это негативно сказывается на экономиках стран - партнеров через падение курса рубля и спроса на товары и рабочую силу. Темпы роста России в последние годы значительно ниже, чем у многих постсоветских партнеров. Экономические перепады в России и проблемы с ростом заставляют СНГ географически диверсифицировать свои внешнеэкономические связи. В том же направлении действуют торговые ограничения, вводимые Россией против стран, с которыми возникают экономические и политические противоречия. Особые проблемы для СНГ Россия создает своим геополитическим противостоянием с Западом, которые, так или иначе, оказываются в него вовлечены. В общем, объявив эти страны зоной своих особых политических интересов, Россия оказалась недостаточно готова содействовать их экономическому развитию. Она фактически утрачивает свою историческую функцию модернизатора региона [2, С. 200-202].

Ослабление позиции РФ в постсоветском регионе отражает падение ее доли за 2001 – 2015 гг. в машиностроительном импорте большинства СНГ (табл. 2).

Следует отметить, что и импорт Россией машин, оборудования и транспортных средств из стран СНГ в 2013–2015 гг. сильно сократился – с 12,5 млрд долл. до 4,2 млрд долл., а доля этих стран в общем объеме российского

импорта машинотехнической продукции снизилась с 8,2% до 5,2%⁹. Основной вклад в это сокращение внес разрыв связей с Украиной.

Таблица 2

**Доля России в машиностроительном импорте стран СНГ и Грузии
в 2001-2015 гг., %.**

Страны	2001	2005	2008	2010	2012	2013	2014	2015
Беларусь	41,2	28,3	24,5	20,3	25,9	23,9	31,7	35,3
Казахстан	33,5	23,1	19,5	8,8	25,2	22,2	24,7	25,0
Украина	29,9	20,2	14,5	18,1	13,8	14,2	14,0	12,7
Киргизия	16,4	13,0	8,8	8,3	6,6	7,0	7,4	10,7
Армения	19,8	21,0	17,1	13,2	12,5	12,0	7,8	8,7
Узбекистан	14,4	19,8	16,0	12,8	11,0	10,2	11,4	8,2
Туркменистан	10,6	6,8	21,5	13,1	7,5	13,9	8,8	7,6
Азербайджан	7,2	13,5	13,8	12,7	6,1	6,3	5,1	4,7
Таджикистан	38,6	19,7	19,8	11,6	4,9	7,1	5,0	4,4
Молдавия	12,2	8,3	5,8	6,5	4,1	3,9	2,9	3,4
Грузия	5,2	8,6	3,0	2,1	1,4	1,4	1,5	2,3

Источники: составлено и рассчитано по данным ИТС. Trade Map. October 2016.

В 2014-2015 гг. на фоне общего спада стоимостных объемов взаимной торговли машиностроительной продукцией произошло увеличение доли РФ в машиностроительном ввозе стран - партнеров по ЕАЭС, что свидетельствует о том, что экономические взаимодействия России все более фокусируются на группу стран, участвующих в ЕАЭС.

Снижение взаимных торговых связей в абсолютном и относительном выражении стало результатом технологического отставания и структурного упрощения их экономик. В этих условиях либерализация взаимной торговли в виде двухсторонних режимов свободной торговли, зоны свободной торговли в рамках СНГ, запущенной в 2012 г., и создания в 2010 г. единого таможенного пространства в рамках ЕврАзЭС, в 2015 г. преобразованного в ЕАЭС, не смогла обеспечить устойчивый рост взаимной торговли. Интеграционные проекты и процессы модернизации национальных экономик фактически протекали обособленно. В силу этого экономическая основа постсоветской региональной интеграции за годы после распада СССР заметно сузилась. Топливо-энергетический сектор, выступая прямо или косвенно центральным фактором развития национальных экономик, порождает много противоречий между странами. Это скорее фактор дезинтеграции. Сотрудничество на основе углубляющихся межстрановых различий в сфере демографии, уровню доходов населения, ресурсов экономического роста, на основе межотраслевого разделения труда при отсутствии механизмов содействия экономическому развитию отстающих стран не может иметь устойчивый, взаимовыгодный характер.

Нынешнее экономическое состояние России можно объяснить ее попаданием в «ловушку среднего дохода», в которой оказались также, по-

⁹ Расчеты по данным ФТС РФ 2014, 2015.

видимому, Азербайджан, Казахстан и Беларусь. Выход из нее требует перехода к инновационной модели развития, роста производительности труда, сокращения ресурсопотребления, формирования новых рынков сбыта.

Перспективы единства постсоветской Евразии сильно зависят от того, как быстро Россия сможет осуществить модернизацию своей экономики и усилить экономические взаимодействия со странами региона на новой технологической основе. При этом ей нужно переходить от модели взаимодействия, построенной на принципе «преференции в обмен на лояльность» к модели «согласованной и совместной модернизации».

Это необходимо также в контексте ухудшения отношений России с Западом и усиления восточного вектора ее развития. Россия уже не может пренебрегать потенциалом сотрудничества на постсоветском пространстве. Тем более, что азиатские члены СНГ сохраняют высокие темпы роста населения и экономики.

Координация и совместные действия по осуществлению модернизации национальных экономик России и других постсоветских стран должны осуществляться на двусторонней основе, в рамках Союзного государства, ЕАЭС и СНГ. Они должны происходить на уровне государственного и регионального управления, бизнеса и некоммерческих организаций¹⁰.

Координация может иметь как информационный характер в ходе разработки национальных программ и стратегий развития, так и предметно-секторальный - в виде согласованных разработки новых продуктов, их производства и реализации. Координация и совместные действия возможны и на отдельных стадиях инновационного цикла [6]. В этой связи может быть полезна идея «центров технологического превосходства» выдвинутая в Беларуси [3], которая в масштабе ЕАЭС позволит более полно реализовать преимущества креативной (на основе национальных технологических разработок) модернизации для самой Беларуси и для ее партнеров по ЕАЭС – России, Казахстана, Армении и Киргизии, а также заинтересованных стран СНГ.

Важным элементом координации и совместной деятельности становится кооперация в создании новых для стран производств. Такие предприятия совместно с РФ создаются в Казахстане. На базе Тихвинского вагоностроительного завода в Ленинградской области организуется совместная компания, которая будет иметь производства в Казахстане и России, что позволит увеличить выпуск новых вагонов различного назначения. Организовано сборочное производство в Казахстане комбайнов компании «Ростсельмаш», которое, как предполагается, будет выпускать в год 500 комбайнов. В Усть-Каменогорске при участии тольятинского «Автоваза»

¹⁰ Успех согласованной и совместной модернизации будет определяться нахождением баланса между свободой предпринимательской деятельности на всем интеграционном пространстве и национальными интересами, между национальной идентичностью и идентичностью интеграционного объединения.

создается предприятие полного цикла мощностью в 120 тыс. автомобилей в год.

Серьезные предпосылки для активизации модернизационных процессов создает евразийская интеграция. ЕЭК работает над налаживанием коммуникаций стран по поводу стратегий их развития в условиях интеграции. Одной из них становятся евразийские технологические платформы (ЕТП), через которые будет расширяться кооперация заинтересованных стран в научно-технической, инновационной и производственной сферах. ЕТП формируются посредством сотрудничества бизнеса (отраслевые промышленные предприятия, государственные компании), науки (научно-исследовательские институты, университеты, иные образовательные учреждения), государства (институты развития, профильные государственные органы) и общественных организаций (отраслевые ассоциации и объединения) государств-членов ЕАЭС. На основе секторально-отраслевых платформ с активным участием российских компаний совместно будут разрабатываться новые технологии и продукты, формироваться рынки этих продуктов.

Формирование евразийских технологических платформ – первый важный шаг в направлении усиления ориентации интеграции на модернизацию. Теперь важно, что бы эту инициативу ЕЭК активно поддержали российские ведомства (включили в свои планы и бюджеты), бизнес и его организации, учреждения науки, банки. Развитие горизонтальных связей фактически запустило бы механизмы проектной интеграции, которых так не хватало до сих пор. Если эти механизмы заработают, то начнет саморазвитие интеграционного процесса. Пока же он в основном базируется на интеграционном энтузиазме высших должностных лиц государств - участников. А так не может долго продолжаться.

Усиление проектной составляющей в евразийской интеграции, придаст импульс взаимным торговле инвестициям и торговли, и тем самым, ускорит процессы модернизации национальных экономик на согласованной и совместной основе, что, собственно, и является целью ЕАЭС и новой политики России в отношении ННГ.

Список литературы:

1. Вардомский Л.Б. Интеграционные процессы и социально-экономическое развитие постсоветских стран. Сборнике пленарных докладов Четвертого Международного форума «Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития. Ред. В.А. Цветков ЦЭМИ РАН, ИПР РАН. М. 2015 г. С.76-83.
2. Вардомский Л., Пылин А. Модернизационное влияние России на страны СНГ. Журнал НЭА. №1 (21) 2014. С. 200-204.
3. Программа развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 года. Утвержден Постановлением Совета Министров РБ 05.07.2012 № 622.
4. Прогноз социально-экономического развития России на 2017 г. и на плановый период 2018- 2019// Министерство экономического развития РФ.
5. 10 лет Содружества Независимых Государств: иллюзии, разочарования, надежды. Материалы международной научной конференции. ИМЭПИ РАН. М. 2001. С.8 -10.
6. Постсоветское экономическое пространство: современное состояние и перспективы развития / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. - М.: Финансы и кредит, 2009. – 472 с.

РОЛЬ ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Демочкин Сергей Васильевич – к.э.н., доцент кафедры экономики и финансового менеджмента Рязанского государственного радиотехнического университета

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10149), в Институте проблем рынка Российской Академии Наук.

Глобализация мирового рынка привела к резкому обострению конкурентной борьбы не только между компаниями, но и странами и даже отраслями. Глобализация конкуренции выражается не просто в соперничестве субъектов и систем, стремлении к выживанию или сохранению суверенитета, мобилизации всех доступных ресурсов сил для достижения конкурентных преимуществ, но и в интеграции партнерства и сотрудничества компаний и стран с тем, чтобы противостоять глобальным крупным конкурентам. В этих условиях усиливается конкурентная борьба между субъектами предпринимательства за мировое лидерство и странами за рынки и сферы влияния, что отражается на эффективности производства, производительности труда вследствие внедрения инновационных технологий, на конкурентоспособности национальных экономик.

Согласно известной гипотезе рациональности поведения, ни одна фирма не стремится к высокой конкуренции и при прочих равных условиях ее функционирование на определенном рынке сводится к тому, чтобы занять доминирующее положение. Поэтому только определенно складывающаяся необходимость или потенциально высокая доходность может стимулировать фирму выйти на высококонкурентный рынок и начать конкурентную борьбу с другими фирмами. Это положение соответствует и современному состоянию мирового рынка: конкуренция между странами ориентирована на потенциальные лидерские позиции в определенных отраслях, что будет способствовать экономическому росту и благосостоянию общества.

Факторы внешней среды задают характер конкуренции – конкуренция является реакцией на изменение внешней среды. Если рассматривать конкуренцию с позиции эволюционной теории, то в процессе конкуренции (т.е. отбора) выживают наиболее приспособленные к условиям внешней среды (предпочтения потребителей и их изменение, политические процессы, появление новых технологий, продуктов и т.д.). Таким образом, появляются более совершенные экономические субъекты, а конкурентные преимущества формируются за счет внутренних источников и являются следствием действия факторов внешней среды и особой комбинации факторов производства.

Но в условиях энтропийной экономики (в которой постоянно нарастает энтропия и снижается мера организованности экономической системы) [1], усиления глобальной конкуренции и формирования тенденций регионализации глобальной экономики традиционные конкурентные преимущества

практически исчерпаны [2], что требует переформатирования драйверов и механизмов развития экономик всех стран мира. Специалисты считают, что одной из причин, спровоцировавших невозможность далее использовать традиционные инструменты регулирования экономики, стал двойной дисбаланс:

- между расширением потребления за счет внешнего долга в США, с одной стороны, и производством и сбережениями в Азиатско-Тихоокеанском регионе (прежде всего, в Китае) и на Ближнем Востоке, с другой;

- достижениями фундаментальной науки, порождающей концентрацию прорывных инноваций в США, Европе и Японии, с одной стороны, а с другой – улучшающимися инновациями и массовым производством в Азиатско-Тихоокеанском регионе [2].

На конкурентные преимущества России на мировом рынке оказывается двойное давление: во-первых, это давление со стороны высокотехнологичной американской и европейской продукции (прежде всего, конкурентные преимущества этой продукции находятся не только в сфере технологических параметров, но и в сфере параметров энергоэффективности), а во-вторых, давление со стороны пока еще дешевой, но уже технологически более современной китайской продукции. Поэтому в целом получается, что в глобальной конкуренции именно технологический фактор играет решающую роль. Кроме того, согласно результатам исследования, проведенного РАНХиГС [3], величина потерь от недостаточного уровня конкуренции, а значит и потенциальный экономический эффект от реализации институциональных мер, направленных на ее развитие, может достигать 2,5% ВВП [4].

Гиперконкуренция в эпоху новой индустриализации

Современным трендом экономического развития для большинства стран, стремящихся сохранить, сформировать или повысить свои глобальные конкурентные преимущества, является новая индустриализация, идущая вслед за реиндустриализацией (для развитых стран) и индустриализацией (для развивающихся стран).

В настоящее время существуют разные трактовки этих процессов, но новая индустриализация обозначает принципиально технологическое обновление промышленности (традиционных промышленных отраслей) на основе НБИК-технологий (нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий), развитие принципиально новых отраслей шестого технологического уклада и предполагает существенные изменения в институциональной среде. Отдельные страны (преимущественно страны-лидеры), имея соответствующие инновационный и инвестиционный потенциал, ориентируются на сверхиндустриализацию, т.е. формат опережающего развития именно в части технологического развития, что позволяет стать монополистом на существующих рынках или вообще создать новые рынки.

Возможности создания и наращивания конкурентных преимуществ в глобальной экономике на основе результатов научно-технического прогресса

основано на понимании конкуренции как «многолетней бури созидательного разрушения» в трактовке Й. Шумпетера, которая как динамичный процесс соперничества регулярно меняет саму структуру отрасли, которая и является результатом конкурентного поведения, а не наоборот.

Так, монопольные структуры или успешные компании побуждают другие фирмы использовать новаторские стратегии и товары, тем самым создавая предпосылки для потери контроля на этом рынке и, собственно, изменении структуры на рынке в отрасли. При этом при высокой скорости таких изменений, известная модель пяти сил М.Портера сможет помочь спрогнозировать развитие конкуренции в отрасли.

Для отраслей, развивающихся по инновационной траектории и учитывающих динамику кривой опыта, выделен особый термин – гиперконкуренция [5] – для описания определенной отраслевой окружающей среды, характеризующейся интенсивными и молниеносными действиями конкурентов для получения собственного преимущества на рынке и разрушения преимуществ конкурентов.

Гиперконкуренция позволяет описывать состояние отраслевой окружающей среды, характеризующейся активными и интенсивными действиями конкурентов, когда соперники должны действовать достаточно быстро, чтобы получить рыночное превосходство и разрушить преимущества своих конкурентов. По мнению Р. Д'Авени [5], гиперконкуренция характеризуется «постоянно нарастающим соперничеством в форме быстро появляющихся товарных инноваций, сокращением времени НИОКР, агрессивной конкуренцией цен и компетентностей и экспериментированием с новыми подходами к обслуживанию покупательских способностей».

Современная экономика делает конкуренцию не просто динамичной, но и многоаспектной и соответственно агрессивной, когда субъекты все в большей степени подвергаются совокупному воздействию ранее изолированных друг от друга конкурентных факторов (технологии, себестоимость производства, новизна, качество, длительность производственного цикла, инвестиции).

Тем не менее, под влиянием научно-технического прогресса и с учетом наличия институциональных возможностей экономических субъектов на рынке современная конкуренция предполагает действие двух разнонаправленных, но, тем не менее, дополняющих друг друга тенденций, реализуемых при соблюдении «правил игры» конкурентами:

- конкуренция как соперничество всех против всех за наиболее выгодные условия, основанное на столкновении интересов экономических субъектов с целью достижения максимально положительного для себя результата;

- конкуренция как противостояние монополии, основанное на консенсусе интересов экономических субъектов.

Таким образом, наличие этих двух позиций приводит к тому, что на уровне стран задачи повышения конкурентоспособности могут быть решены (и по опыту европейским стран – действительно решаются) на основе формирования:

- глобальных цепочек создания стоимости, т.е. интеграции национальных производителей в цепочки создания ценности для потребителей, учитывая возможности внешнеторговой политики и организацию производства высококачественной, конкурентоспособной на национальных рынках продукции;

- сетевого взаимодействия (межотраслевых кластеров), т.е. реализации особой промышленной политики, направленной на замену вертикально-интегрированных корпораций горизонтальными цепями поставок, в которых доминирует малый и средний бизнес, что позволяет ограничить монополистическую конкуренцию.

Гиперконкуренцию также отождествляют с так называемой инновационной конкуренцией или процессом управляемого гиперконкурентного развития глобальных рынков в условиях использования опережающих доминантных инноваций, обуславливающих посредством вертикально-горизонтально-сетевой интеграции в глобальные структуры и включающих новые передовые методы программируемого, управляемого воздействия на цели, мотивы, интересы, потребности и экономическое поведение людей (партнеров, потенциальных конкурентов, потребителей и др.), с целью получения целевых запрограммированных выгод и эффектов [1].

Следовательно, в условиях такой гиперконкуренции появляются новые конкурентные преимущества, которые изменяют существующее положение компаний на рынке, стран на мировом рынке, изменяя саму структуру отрасли. Таким образом, можно сделать вывод, что гиперконкуренция делает конкурентные преимущества переходящими от одного экономического субъекта к другому, т.е. не существует устойчивого конкурентного преимущества, и для того, чтобы быть эффективным необходимо постоянно воссоздавать и обновлять конкурентные преимущества.

Следует отметить, что, конечно, страны-лидеры мировой экономики по идее должны стремиться к монопольному положению в определенных (заранее выбранных) отраслях, чтобы получить и количественный и качественный экономический рост. Таким образом, они стремятся стать глобально инновационными, т.е. получить возможности предложения опережающих инновационных высококонкурентных товаров, услуг и сервисов с качественно новыми, во многом с универсальными, полифункциональными функциями и потребительскими свойствами, на которые на мировых рынках предъявляется устойчивый спрос и которые получают статус глобальных новинок, брендов (дифференцированных по видам и маркам), формирующими и расширяющими новые ниши на глобальных рынках и формирующими и развивающими новые потребности и предпочтения потребителей большинства стран мира.

Но в этой связи возникающая глобальная конкуренция может также рассматриваться как определенное состояние деловых отношений, когда соперничающие экономические субъекты навязывают друг другу свои интересы, но ни один из них не может добиться успеха – именно поэтому они и конкурируют между собой. При монополии же один из субъектов оказывается в

состоянии навязать другому субъекту собственные интересы. Если в какой-либо отрасли экономики возникла монополия, то, как правило, это оборачивается замедлением или полной приостановкой ее технического развития. В рамках экономической теории отраслевых рынков [6, 7], согласовывающейся с неоклассическими представлениями о соотношении конкуренции и монополии, наиболее сильные стимулы для реализации инновационной деятельности складываются в условиях совершенной конкуренции под воздействием соперничества между множеством рыночных игроков. Монополия же, в противовес конкуренции, отличается неэффективностью и в производстве, и в распределении из-за отсутствия необходимости производить должный объем продукции по минимальным издержкам. Поэтому монополия как рыночная структура и не способна обеспечить быстрый технологический прогресс. Также при монополии стимулов к инновациям меньше, чем в условиях конкурентного рынка.

Соответственно, принимая во внимание, что основой формирования страновых конкурентных преимуществ является не как таковое приобщение к новым технологиям, а именно технологическое лидерство в конкретных направлениях науки и соответствующая специализация производства [8], можно выделить две полярные стратегии экономического роста [9]:

- стратегия научно-технического лидерства – за счет государственного финансирования фундаментальной науки развитие самостоятельных исследований, результаты которых (в виде промышленной продукции) ориентированы на завоевание монопольного положения на новых рынках;

- стратегия динамического намерстывания – основана на адаптации и внедрении зарубежных разработок, за счет чего в условиях межстранового соперничества может быть обеспечено монопольное положение на рынках, освоенных странами-лидерами, которые эти рынки уже оставляют.

Так, если страна не сумела обеспечить технологическое развитие, то тогда она идет на заимствование современных технологий за рубежом и их дальнейшее совершенствование без ожиданий значительной добавленной стоимости. При этом страны, которые подключаются к выпуску новых изделий и овладению новыми технологиями на завершающем этапе их жизненного цикла, могут иметь уже больший объем выпуска, но значительно меньший объем вклада в ВВП [10]. Кроме того, данная позиция лежит в русле так называемой теории скачков (leapfrogging): экономики, проводящие политику стимулирования инвестиций в новые технологии, могут вначале расти быстрее, чем другие, но затем по вине консервативного поведения традиционных фирм оказываются в ловушке, и их перепрыгивают изначально отстающие [11].

Учитывая, что представленные выше стратегии являются полярными и то, что «страна технологического лидерства» не всегда может его удержать в силу широкого распространения новых технологий, возможна реализация стратегии опережающей коммерциализации научных открытий [8], когда страны-преследователи, располагающие достаточной научной базой для доведения результатов до прикладных разработок и технологической и финансовой базой

для внедрения этих разработок в производство, могут получить шанс на лидерство на мировом рынке.

О глобальной конкурентоспособности стран

Современная экономика характеризуется все более высокой степенью неоднородности – неравномерным развитием стран, и в условиях постоянной и жесткой конкурентной борьбы выделяются и доминируют над остальными странами страны-лидеры, среди которых также постоянно идет борьба за глобальное лидерство.

Ежегодно по методике Всемирного экономического форума (World Economic Forum) рассчитывается индекс глобальной конкурентоспособности (The Global Competitiveness Index) для каждой страны мира на основе общедоступных статистических данных и результатов глобального опроса руководителей компаний. Здесь национальная конкурентоспособность определяется как способность страны и ее институтов обеспечивать стабильные темпы экономического роста, которые были бы устойчивы в среднесрочной перспективе [12]. Индекс глобальной конкурентоспособности составлен из 113 переменных, которые детально характеризуют конкурентоспособность стран мира, находящихся на разных уровнях экономического развития.

Показатели, определяющие национальную конкурентоспособность: качество институтов; инфраструктура; макроэкономическая стабильность; здоровье и начальное образование; высшее образование и профессиональная подготовка; эффективность рынка товаров и услуг; эффективность рынка труда; развитость финансового рынка; уровень технологического развития; размер внутреннего рынка; конкурентоспособность компаний; инновационный потенциал.

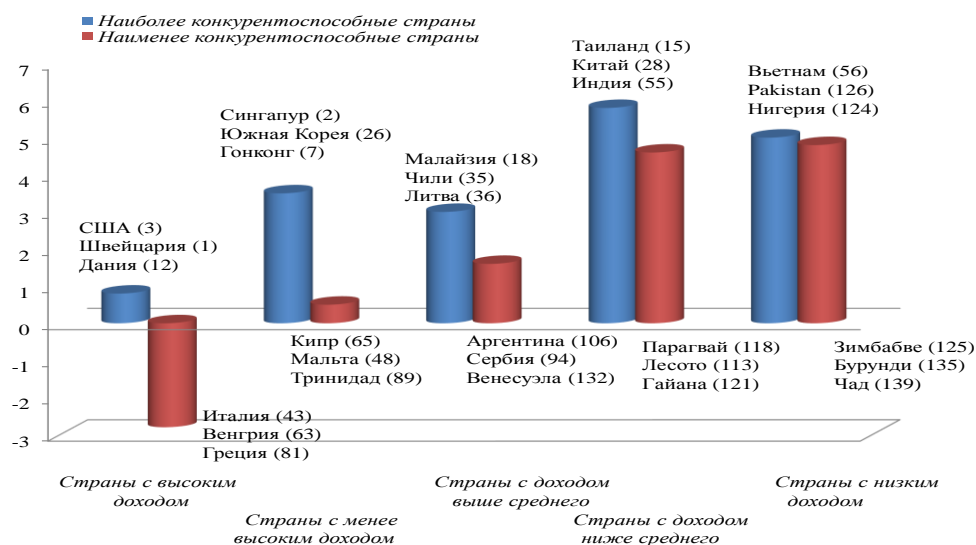

Рис. 1. Средние темпы экономического роста в наиболее и в наименее конкурентоспособных странах мира, по группам доходов за 2015-2016 гг. (сформировано автором на основе данных [4]).

По данным отчета за 2015-2016 г. [13] самыми конкурентоспособными странами из так называемых высокодоходных стран стали США, Швейцария и Германия, а из низкодоходных – Вьетнам, Пакистан и Нигерия. В то же время к странам высокодоходным, но с низкой конкурентоспособностью были отнесены Италия, Венгрия и Греция (*рис. 1*).

Развитие мировой экономики неразрывно связано с развитием отраслей промышленного производства и с инновациями: это не только увеличение валового внутреннего продукта стран (причем как в целом, так и в расчете на душу населения), но и сокращение безработицы за счет создания новых высокопроизводительных рабочих мест, формирование современной производственной и инновационной инфраструктуры, что в совокупности способствует экономическому росту (долгосрочному и устойчивому) и процветанию стран. В современных условиях страны, стремясь сохранить конкурентоспособность, стремятся к преодолению следующего технологического рубежа [18-22]. Поэтому в странах с наиболее развитой экономикой преобладают высокотехнологичные отрасли, производящие продукцию с высокой добавленной стоимостью, что способствует достижению и сохранению высокой конкурентоспособности (*табл. 1*).

Таблица 1

Показатели экономического развития (по странам) в 2015 г. (сформировано автором на основе данных [15, 16, 17]).

Страна	Темп прироста ВВП, %	Темп прироста промышленного производства, %	Доля промышленного производства в ВВП (по добавленной стоимости), %	Доля затрат на R&D в ВВП, % (за 2013 год)	Место в рейтинге глобальной конкурентоспособности 2015-2016	Место в рейтинге производственной конкурентоспособности 2016	Место в рейтинге Global Innovation Index 2016	Группы стран по доходам в трактовке World Economic Forum		
								высокодоходные	специальнодоходные	низкодоходные
Китай	6,9	6,0	40,5	2,01	28	1	25		*	
США	2,4	1,7	20,7	2,81	3	2	4	*		
Германия	1,7	1,7	30,4	2,85	4	3	10	*		
Япония	0,5	1,5	26,9	3,47	6	4	16	*		
Южная Корея	2,6	1,7	38,0	4,15	26	5	11	*		

Великобритания	2,3	1,6	20,2	1,63	10	6	3	*		
Мексика	2,5	0,9	32,7	0,50	57	8	61		*	
Канада	1,1	-1,9	28,9	1,62	13	9	15	*		
Индия	7,6	5,9	30,0	0,82	55	11	66			*
Польша	3,6	5,2	33,5	0,87	41	15	39	*		
Турция	4,0	3,3	26,5	0,94	51	16	42		*	
Вьетнам	6,7	9,6	33,3	0,19	56	18	59		*	
Австралия	2,3	2,1	27,1	2,25	21	21	19	*		
Франция	1,2	0,9	19,5	2,23	22	22	18	*		
Чехия	4,2	5,0	38,1	1,91	31	23	27	*		
Финляндия	0,5	-0,4	26,1	3,31	8	24	5	*		
Испания	3,2	3,9	22,6	1,24	33	25	28	*		
Южная Африка	1,3	1,1	28,7	0,73	49	27	54		*	
Италия	0,8	0,9	23,7	1,26	43	28	29	*		
Бразилия	-3,8	-6,2	22,7	1,15	75	29	69		*	
Ирландия	7,8	13,7	25,6		24	31	7	*		
Россия	-3,7	-3,6	32,6	1,13	45	32	43	*		
Румыния	3,7	2,0	26,4	0,39	53	33	48		*	
Португалия	1,5	1,0	23,7	1,37	38	35	30	*		
Египет	4,2	1,0	36,3	0,68	116	37	107			*
Нигерия	2,7	-2,2	20,4	н/д	124	38	114			*
Греция	-0,2	-2,1	15,2	0,80	81	40	40	*		

Сегодня на мировом рынке национальные экономики конкурируют между собой, одновременно и соперничая и взаимодействуя при поиске новых идей и разработке новых технологий, использовании традиционных и альтернативных источников энергии, ресурсов и информации, доступности инструментов финансового рынка и качества инвестиционного климата, что влияет на их статус лидера или перспективного игрока и высокий уровень глобальной конкурентоспособности. В то же время на фоне повышения гибкости форм регулирования экономики, усиления конкуренции на глобальном, национальном, межрегиональном, отраслевом и локальном уровнях, формируются новые глобальные (наднациональные) институты и центры управления, координации и контроля национальных, межрегионально-блоковых, объединений стран по географическому признаку и мировой экономики в целом. Условия новой индустриализации, с приоритетами технологического прорыва, делают необходимым в национальном стратегическом управлении (в социально-экономической, макроэкономической, внешней политике) учет тенденций развития глобальных рынков, правил, требований и ограничений гиперконкуренции.

Список литературы:

1. Дятлов С.А., Чекмарев В.В. Глобальная инновационная гиперконкуренция как фактор трансформации и развития экономических систем // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012, №6, с. 66-76.
2. Белоусов Д.Р. Тезисы о долгосрочном развитии: от системы вызовов к параметрам политики // Журнал НЭА, 2015, №2(26), с. 201-204.
3. Последствия слабой конкуренции: количественные оценки и выводы для политики // Экономическая политика, № 6, с. 5-55.

4. Ясин Е., Акиндинова Н., Якобсон Л., Яковлев А. Состоится ли новая модель экономического роста в России? // Вопросы экономики, 2013, №5, с. 4–39
5. D’Aveni R. Hypercompetition: Managing the Dynamics of Strategic Maneuvering. New York: Free Press, 1994.
6. Пахомова Н.В., Казьмин А.А. Структура рынка, технологические возможности и инновационная активность: что важно учесть при модернизации конкурентной политики // Проблемы современной экономики, 2009, №2 (30) / <http://www.m-economy.ru>.
7. Bain J.S. Barriers to New Competition. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1956.
8. Яременко Ю.В. Экономический рост. Структурная политика // Проблемы прогнозирования, 2001, №1, с. 7.
9. Рей А. Конкурентные стратегии государства и фирм в экспортно ориентированном развитии // Вопросы экономики, 2004, №8, с. 59.
10. Дементьев В.Е. Модернизация российской экономики и государственное управление. – М.: КомКнига, 2006.
11. Трушин И.С., Коваленко А.И. Кругозор абсорбции как ключевой фактор диффузии инноваций // Современная конкуренция, 2015, том 9, №4(52), с. 100-116.
12. Индекс глобальной конкурентоспособности [Электронный ресурс] / <http://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index/info>.
13. The Global Competitiveness Report 2015–2016 [Электронный ресурс] / http://www3.weforum.org/docs/gcr/2015-2016/Global_Competitiveness_Report_2015-2016.pdf.
14. Top 10 Infographics. The Global Competitiveness Report 2015–2016: by the World Economic Forum [Электронный ресурс] / <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2015-2016/competitiveness-rankings/>.
15. Global Manufacturing Competitiveness Index 2016. Deloitte / <http://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/manufacturing/articles/2016/global-manufacturing-competitiveness-index.html>.
16. Global Innovation Index 2016 Report [Электронный ресурс] / <https://www.globalinnovationindex.org/analysis-indicator>.
17. World Development Indicators [Электронный ресурс] / <http://databank.worldbank.org/data/>.
18. Tsvetkov V.A. Economic security and economic growth in modern Russia: five key problems // Review of Business and Economics Studies. 2016. № 2. P. 5-14.
19. Tsvetkov V.A., Anosova L.A., Zoidov K.Kh., Bolshakov A.V. Russia’s social and economic development: retrospect and prospect / By: Lin Yueqin, Zhou Wen. Annual Report on BRICS’ Social-Economic Development (2011). – CHINA: Publisher: SSA Press. – P. 111-170.
20. Tsvetkov V.A., Zoidov K.Kh., Medkov A.A. Problems of economic security in Russian transportation and intermediate carrier infrastructure. Part I // Journal of Economics of the region. 2012. № 1. P. 100-109.
21. Tsvetkov V.A., Zoidov K.Kh., Medkov A. A. Problems of economic security in Russian transportation and intermediate carrier infrastructure. Part II // Journal of Economics of the region. 2012. № 2. P. 50–60.
22. Zoidov K.Kh. Comparative analysis of transformation cycles of Russian economy with the classic cycle of EU market economy. European-Russian Economic Relations in Times of Global Challenges: proceedings of the International Scientific Conference (Kostroma, 19-20 May 2012). Moscow: Plekhanov Russian University of Economics, 2012 – (336p.) – P. 135 – 138.
23. Zoidov K. Kh. Problems of analysis and regulation of cyclical fluctuations of the economic dynamics in the post-soviet countries. Russia in the XXI Century: Global Challenges and Perspectives for Development. Section 4 / Proceedings of the Second International Forum. Moscow, 12-13 November 2013; Ed. Academician N. Petrakov. - М.: Publishing Pero, 2013 - 1142 p. – P. 1081 – 1096.

УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПРОБЛЕМНЫХ ПЕРИФЕРИЙНЫХ РЕГИОНОВ¹¹

(на примере Северо-Кавказского Федерального округа)

Дохолян Сергей Владимирович - д.э.н., профессор, Директор Института социально-экономических исследований Дагестанского научного центра РАН

Петросянец Виктор Завенович - д.э.н., профессор, г.н.с. Института социально-экономических исследований Дагестанского научного центра РАН

Социально-экономические и политические преобразования в современной России, децентрализация власти усложнили проблемы регионального обустройства страны, выдвинули на первый план пространственные аспекты развития российского общества. При этом обострение политической ситуации, введение со стороны США, Евросоюза и других стран НАТО экономических санкций, нарастание кризисных явлений актуализируют вопросы эффективного использования резервов социально-экономического развития регионов, определяют необходимость в формировании принципиально иной среды для решения социальных и экономических проблем в рамках их взаимодействия с Федеральным Центром и между собой [1-14].

Тем более, что имеет место усиление межрегиональной дифференциации: по величине среднедушевого производства валового регионального продукта субъекты РФ разнятся более чем в двадцать, а по среднедушевым реальным доходам населения в пять раз. Такая резкая дифференциация имеет своим неизбежным следствием расширение ареалов депрессивности и бедности, ослабление механизмов межрегионального экономического взаимодействия и нарастание межрегиональных противоречий. Все это значительно затрудняет проведение единой общероссийской политики социально-экономических преобразований. И хотя существование территориальных социально-экономических диспропорций во многом порождается объективными причинами, не подлежит сомнению необходимость их смягчения. Контрастные отличия в условиях жизни населения центра и периферии, различных регионов страны воспринимаются обществом как нарушение принципов социальной справедливости и могут приводить к усилению центробежных тенденций и сепаратизма.

В этих условиях перед регионами, и прежде всего проблемными, стоят задачи не только в обеспечении стабилизации и устойчивости, но и в эффективной реализации своего хозяйственного потенциала в перспективе.

Исключительная сложность проблемы формирования комплексной программы регионального развития и последующая ее реализация в условиях трансформационных изменений в экономике и обществе, с одной стороны, объясняется недостаточностью научного обеспечения, с другой, доминированием политических конъюнктурных интересов.

¹¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-02-00093а).

Объективно, с этих позиций становится необходимым совершенствовать формы и методы регулирования регионального развития, ориентированных на сохранение в перспективе ресурсного и биоклиматического потенциала, на стимулирование деловой, инвестиционной и инновационной активности с точки зрения повышения конкурентных позиций региона на российском и мировом рынках.

Среди Федеральных округов в составе РФ особое место занимает Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО). Именно здесь в процессе становления и формирования принципиально иных форм политического обустройства страны и новых рыночных условий хозяйствования в силу различных объективных и субъективных причин имеют место проблемного характера противоречия, оказывающие сильное воздействие на социально-экономическое развитие субъектов СКФО.

Доля безвозмездных перечислений из федерального бюджета в региональные бюджеты субъектов СКФО составляет свыше 60%, что существенно превышает величину этого показателя по другим округам (см. табл. 1).

Таблица 1

Сравнительные характеристики экономического состояния округов РФ по итогам 2012-2013 гг. (%).

	2012						2013					
	ВРП		Среднемесячные доходы на душу населения	Среднемесячная заработная плата	Бюджетные доходы		ВРП		Среднемесячные доходы на душу населения	Среднемесячная заработная плата	Бюджетные доходы	
	На душу населения	На одного занятого в экономике.			Всего	Безвозмездные перечисления	На душу населения	На одного занятого в экономике			Всего	Безвозмездные перечисления
Российская Федерация	100	100	100	100	-	-	100	100	100	100	-	-
Центральный округ	129,53	126,14	129,23	120,87	100	13,7	130,11	126,25	129,08	121,55	100	11,13
Северо-западный округ	110,20	105,46	100,87	109,12	100	17,4	107,86	103,77	100,92	109,25	100	15,18
Южный федеральный округ	65,30	69,93	81,24	74,44	100	26,9	67,26	71,56	84,24	75,51	100	19,36
Северо-кавказский федеральный округ	36,62	48,45	73,93	62,81	100	64,2	37,76	49,92	72,89	64,98	100	60,98
Приволжский федеральный округ	76,18	74,68	84,68	75,18	100	22,5	76,53	75,79	84,33	75,46	100	20,59
Уральский федеральный округ	167,15	159,40	113,28	118,66	100	12,6	166,35	158,82	111,83	116,59	100	11,97

Сибирский федеральный округ	76,63	77,72	79,56	89,34	100	24,2	76,26	76,80	78,89	88,61	100	24,57
Дальневосточный федеральный округ	123,77	111,57	109,83	126,12	100	33,3	119,59	107,45	111,57	126,14	100	37,68

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. Стат.сб. / Росстат - М., 2015.

В СКФО самые низкие показатели ВРП на душу населения – 38 % от уровня Российской Федерации, ВРП на одного занятого в экономике населения – 50 % от уровня Российской Федерации, среднемесячные доходы на душу населения – 73 % от уровня Российской Федерации, среднемесячная заработная плата – 65 % от уровня Российской Федерации.

Представленные в *таблице 2* величины аналогичных показателей в разрезе субъектов СКФО показывают, что их значения оказываются в еще большей степени ниже средних по России, а дотационность многих бюджетов зашкаливает за 70-80%.

Таблица 2

Сравнительные характеристики экономического состояния субъектов СКФО по итогам 2012-2013 гг.(%).

	2012						2013					
	ВРП		Среднемесячные доходы на душу населения.	Среднемесячная заработная плата, руб.	Бюджетные доходы		ВРП		Среднемесячные доходы на душу населения.	Среднемесячная заработная плата, руб.	Бюджетные доходы	
	На душу населения	На одного занятого в экономике			Всего	Безвозмездные перечисления	На душу населения	На одного занятого в экономике			Всего	Безвозмездные перечисления
Российская Федерация	100	100	100	100	-	-	100	100	100	100		
СКФО	36,62	48,45	73,93	62,8	100	64,25	37,76	49,92	72,89	64,98	100	60,98
Республика Дагестан	36,90	51,98	89,27	51,3	100	72,22	38,62	54,26	83,76	56,51	100	69,98
Республика Ингушетия	24,25	72,56	53,06	68,7	100	86,40	26,81	78,11	53,31	67,64	100	85,03
Кабардино-Балкарская Республика	35,40	47,15	59,07	61,3	100	55,56	35,04	46,37	59,0	62,51	100	56,17
Карачаево-Черкесская Республика	36,07	46,18	57,66	58,2	100	72,92	35,38	45,91	56,56	59,94	100	68,52
Республика Северная Осетия – Алания	40,43	44,44	69,61	59,7	100	59,24	42,26	47,16	68,61	62,65	100	56,31
Чеченская Республика	22,64	42,48	65,78	66,2	100	85,12	23,50	43,38	66,29	70,04	100	81,37

Ставропольский край	44,3 3	47,48	73,59	70,2	100	33,84	45,5 1	48,68	76,24	69,37	100	33,55
---------------------	-----------	-------	-------	------	-----	-------	-----------	-------	-------	-------	-----	-------

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. Стат.сб. / Росстат - М., 2015.

Если в среднем дотационность бюджетов субъектов СКФО составляет 60%, то Республики Дагестан, Чеченской Республики, Республики Ингушетия достигает еще большей величины, соответственно, в 70%, 87% и 82%.

Наиболее благополучные показатели имеет Ставропольский край, к более проблемным регионам Республику Ингушетия, Чеченскую Республику.

При этом по уровню доходов населения это отставание не столь значительно и даже сопоставимо с другими Федеральными округами и субъектами в их составе. Эти диспропорции в известной мере могут быть связаны с наличием теневого сектора экономики. По разным оценкам он может достигать от 40 до 60 процентов. Подтверждением тому является и то, что именно у СКФО в целом и в большинстве его субъектах имеют место диспропорции в соотношениях между ВРП и доходами населения.

Приведенные в *таблицах 3, 4* данные убедительно об этом свидетельствуют. Действительно, СКФО является фактически единственным округом, у которого доходы населения значительно выше объемов ВРП. Более того, если в целом по СКФО доходы населения превышают объемы ВРП в 1,6 раза, то по таким субъектам как Республика Дагестан, Чеченская Республика, Республика Ингушетия этот разрыв достигает еще большей величины, соответственно, в 1,9 раза, в 1,75 раза и в 2,3 раза.

Таблица 3

Соотношение между ВРП и доходами населения в разрезе округов РФ

	2010			2012			2013		
	ВРП на душу населения (тыс. руб)	Средне годовые доходы на душу населения (тыс. руб)	ВРП к доходам (%)	ВРП на душу населения (тыс. руб)	Средне годовые доходы на душу населения (тыс. руб)	ВРП к доходам (%)	ВРП на душу населения (тыс. руб)	Средне годовые доходы на душу населения (тыс. руб)	ВРП к доходам (%)
Российская Федерация	263,83	227,50	116,0	348,60	278,65	125,1	376,38	311,13	121,0
Центральный федеральный округ	350,20	295,74	118,4	451,54	360,07	125,4	489,71	401,60	121,9
Северо-Западный федеральный округ	289,61	238,04	121,7	384,17	281,06	136,7	406,03	314,00	129,3
Южный федеральный округ	168,77	181,37	73,1	227,62	226,37	100,6	253,15	262,10	96,6
Северо-Кавказский федеральный округ	94,92	159,04	59,7	127,64	206,0	62,0	142,1	226,8	62,7
Приволжский федеральный округ	190,72	190,08	100,3	265,54	235,46	112,5	288,05	262,37	109,8
Уральский федеральный округ	423,5	261,98	161,6	582,67	315,65	184,6	626,12	347,93	180,0
Сибирский федеральный округ	214,4	180,08	119,1	267,13	221,69	120,5	287,03	245,45	117,0

Дальневосточный федеральный округ	334,91	249,68	134,1	431,45	306,05	141,0	450,13	347,15	129,7
-----------------------------------	--------	--------	-------	--------	--------	-------	--------	--------	-------

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. Стат.сб. / Росстат - М., 2015.

Таблица 4

Соотношение между ВРП и доходами населения в разрезе субъектов СКФО

	2010			2012			2013		
	ВРП на душу населения (тыс. руб.)	Средне годовые доходы на душу населения (тыс. руб.)	ВРП к доходам (%)	ВРП на душу населения (тыс. руб.)	Средне годовые доходы на душу населения (тыс. руб.)	ВРП к доходам (%)	ВРП на душу населения (тыс. руб.)	Средне годовые доходы на душу населения (тыс. руб.)	ВРП к доходам (%)
Северо-Кавказский федеральный округ	94,92	159,04	59,7	127,64	206,0	62,0	142,10	226,8	62,7
Республика Дагестан	94,88	188,14	50,4	128,64	249,48	51,6	145,35	260,60	55,8
Республика Ингушетия	48,23	115,56	41,7	84,53	147,86	57,2	100,91	165,85	60,8
Кабардино-Балкарская Республика	89,67	135,48	66,2	123,39	164,60	75,0	131,87	183,56	71,8
Карачаево-Черкесская Республика	91,78	130,54	70,3	125,75	160,63	78,3	133,18	175,97	75,7
Республика Северная Осетия-Алания	105,78	158,32	66,8	140,94	193,98	72,6	159,05	213,46	74,5
Чеченская Республика	55,99	143,78	38,9	78,93	183,29	43,1	88,46	206,26	42,9
Ставропольский край	118,92	156,19	77,6	155,53	205,06	75,8	171,30	237,22	72,2

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. Стат.сб. / Росстат - М., 2015.

Регионы со столь низкими макроэкономическими показателями, как правило, попадают в сильную финансовую зависимость от Федерального Центра (см. табл. 5), поскольку достигнутый уровень их экономического развития не в состоянии в полном объеме осуществлять нормальное жизнеобеспечение в режиме самодостаточности.

В тоже время по темпам экономического развития СКФО среди других Федеральных округов занимает лидирующие позиции (см. табл. 6). СКФО занимает первое место по росту ВРП, по темпам роста инвестиций в основной капитал. Вторые места – по темпам роста промышленного и сельскохозяйственного производства.

Таблица 5

Структура бюджетных доходов субъектов СКФО 2012-2014 гг.(в %)

	2012			2013			2014		
	Доходы консолидированного бюджета			Доходы консолидированного бюджета			Доходы консолидированного бюджета		
	Всего	в т.ч.		Всего	в т.ч.		Всего	в т.ч.	
Собственные доходы		Безвозмездные перечисления	Собственные доходы		Безвозмездные Перечисления	Собственные доходы		Безвозмездные Перечисления	
СКФО	100	35,1	64,9	100	39,03	60,97	100	39,14	60,86
Республика Дагестан	100	27,8	72,2	100	30,02	69,98	100	29,95	70,05
Республика Ингушетия	100	13,6	86,4	100	14,97	85,03	100	13,50	86,50
Кабардино-Балкарская Республика	100	44,4	55,6	100	43,83	56,17	100	46,07	53,93
Карачаево-Черкесская Республика	100	27,1	72,9	100	31,48	68,52	100	35,04	64,96
Республика Северная Осетия – Алания	100	40,7	59,3	100	43,70	56,30	100	43,47	56,53
Чеченская Республика	100	12,3	87,7	100	18,64	81,36	100	18,43	81,57
Ставропольский край	100	66,2	33,8	100	66,45	33,55	100	67,54	32,46
Республика Татарстан	100	77,2	27,8	100	80,79	19,21	100	86,18	13,82
Республика Башкортостан	100	82,0	18,0	100	82,02	17,98	100	80,26	19,74

Источник: составлено по данным Росстат: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб./ Росстат. – М., 2015.

Таблица 6

Динамика роста макроэкономических показателей в разрезе округов РФ в 2012-2014 гг. (в сопоставимых ценах, %).

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Российская Федерация										
Инвестиции в основной капитал	100	116,7	143,2	157,4	132,7	141,0	156,2	166,9	166,5	162,01
Промышленное производство	100	106,3	113,5	114,2	103,5	111,7	117,3	121,2	121,7	123,77
Сельскохозяйственное производство	100	103,6	107,1	118,7	123,4	109,5	134,7	128,2	135,7	140,45
ВРП	100	108,3	117,3	124,0	114,6	119,8	126,3	130,2	132,54	-
Центральный федеральный округ										
Инвестиции в основной капитал	100	112,8	140,1	149,8	123,0	128,4	137,6	155,4	163,2	161,41
Промышленное производство	100	114,0	114,5	111,6	102,4	108,0	115,5	122,1	123,8	125,53
Сельскохозяйственное производство	100	103,5	111,2	126,9	132,0	111,6	150,3	156,8	166,7-	174,04
ВРП	100	109,9	119,7	128,7	114,8	118,2	120,3	124,7	126,70	-
Северо-Западный федеральный округ										
Инвестиции в основной капитал	100	122,3	138,4	146,7	124,0	143,2	157,5	179,6	138,5	127,97
Промышленное производство	100	106,3	113,6	114,3	105,8	114,2	123,0	126,2	126,0	123,35

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Сельскохозяйственное производство	100	98,1	96,5	100,2	104,4	106,4	115,2	119,7	119,6	125,22
ВРП	100	107,7	117,4	122,9	116,6	121,8	129,2	134,1	134,50	-
Южный федеральный округ										
Инвестиции в основной капитал	100	117,8	155,1	184,1	181,2	202,6	209,3	234,8	241,6	201,01
Промышленное производство	100	114,4	124,8	127,9	113,0	122,7	127,0	136,9	142,9	150,33
Сельскохозяйственное производство	100	102,3	102,5	125,6	115,8	114,9	130,0	117,8	123,2	129,61
ВРП	100	108,8	119,8	130,0	120,6	127,1	135,4	140,4	146,02	-
Северо-Кавказский федеральный округ										
Инвестиции в основной капитал	100	118,6	161,4	181,4	178,0	199,0	205,5	228,6	235,2	256,60
Промышленное производство	100	109,1	121,3	123,3	126,1	130,4	138,4	147,2	156,3	156,93
Сельскохозяйственное производство	100	105,7	110,6	117,5	115,4	119,6	132,7	122,7	135,2	140,88
ВРП	100	110,3	121,4	131,6	133,2	137,9	146,8	151,8	157,27	-
Приволжский федеральный округ										
Инвестиции в основной капитал	100	114,7	144,6	156,1	130,3	140,9	155,1	169,8	177,7	175,75
Промышленное производство	100	108,0	111,2	114,5	106,0	116,0	127,1	132,8	135,2	138,58
Сельскохозяйственное производство	100	105,2	108,8	116,4	116,2	86,0	120,3	112,9	117,6	122,54
ВРП	100	107,9	117,7	123,8	114,6	120,8	129,1	134,7	137,93	-
Уральский федеральный округ										
Инвестиции в основной капитал	100	119,8	145,0	161,8	144,9	158,5	181,0	192,7	189,2	191,66
Промышленное производство	100	104,9	108,3	106,1	94,4	100,6	102,5	104,1	105,3	106,04
Сельскохозяйственное производство	100	109,0	107,4	109,7	114,7	103,4	129,2	110,2	119,3	
ВРП	100	107,5	113,4	117,3	107,9	115,2	120,4	122,2	124,89	-
Сибирский федеральный округ										
Инвестиции в основной капитал	100	124,9	157,7	175,1	150,9	171,3	199,1	222,5	201,4	193,95
Промышленное производство	100	105,6	109,8	112,1	105,8	125,1	133,1	142,6	149,3	153,33
Сельскохозяйственное производство	100	102,8	109,8	111,2	122,3	115,7	121,6	109,5	122,3	119,18
ВРП	100	106,2	114,2	118,8	114,0	119,0	125,0	128,7	131,40	-
Дальневосточный федеральный округ										
Инвестиции в основной капитал	100	102,3	121,6	135,9	145,5	154,4	195,3	172,1	138,5	131,30
Промышленное производство	100	104,2	140,8	140,5	151,2	161,6	176,3	181,6	187,6	200,17
Сельскохозяйственное производство	100	103,3	106,4	111,5	115,0	117,0	125,9	122,7	102,8	123,15
ВРП	100	105,7	115,6	119,6	121,4	129,6	136,5	134,6	133,39	-

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. Стат.сб./Росстат – М., 2015.

Вместе с тем относительно высокие темпы экономического роста в целом не приводят к адекватному развитию реального сектора экономики. И это, несмотря на то, что на протяжении последних лет в субъекты СКФО направлялись значительные средства из федерального бюджета, но их использовали в основном на поддержание социальной сферы и снятия напряженности.

Крайне сложная ситуация складывается в промышленном секторе экономики СКФО. Несмотря на значимый вклад в экономику уровень развития промышленности в регионах СКФО в целом можно охарактеризовать как низкий. В структуре ВРП по СКФО в целом доля промышленности в 2013 году

составляла всего 12,9% (самый низкий уровень показателя среди округов РФ) против 32,1% в среднем по России, что отражает низкую степень индустриализации округа.

Примечательно и то, что, несмотря на высокие темпы роста промышленного сектора экономики СКФО (см. *табл. 6*), общий уровень индустриализации экономики имеет тенденцию к снижению. Приведенные в *таблице 7* данные наглядно демонстрируют крайне низкий уровень развития этого важного сектора экономики, который оказывает сильное воздействие на другие макроэкономические показатели, характеризующие социально-экономическое состояние субъектов СКФО.

Таблица 7

Промышленное производство в субъектах СКФО в 2012-2014 гг.

	Объемы промышленного производства 2012			Объемы промышленного производства 2013			Объемы промышленного производства 2014		
	Всего, млн.руб.	На душу населения		Всего, млн.руб.	На душу населения		Всего, млн.руб.	На душу населения	
		тыс.руб.	%		тыс.руб.	%		тыс.руб.	%
Российская Федерация (млрд.руб)	38220,8	266,63	100	41372,4	287,97	100	45116,75	308,46	100
Северо-Кавказский федеральный округ	400232	41,95	15,73	434142	44,33	15,39	442105	45,77	14,84
Республика Дагестан	43107	14,63	5,49	47894	16,16	5,61	44004	14,72	4,77
Республика Ингушетия	4987	11,28	4,23	6012	13,27	4,61	5580	12,03	3,90
Кабардино-Балкарская Республика	42537	49,52	18,57	31634	36,83	12,79	37261	43,28	14,03
Карачаево-Черкесская Республика	41451	87,82	32,94	45622	97,07	33,71	37295	79,52026	25,78
Республика Северная Осетия–Алания	22477	31,83	11,94	24146	34,30	11,91	24664	34,93	11,33
Чеченская Республика	12659	9,55	3,58	19148	14,23	4,94	23778	17,36	5,63
Ставропольский Край	233014	83,49	31,31	259686	89,72	31,16	269523	96,29	31,22

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. Стат.сб. / Росстат - М., 2015.

Фактически, на сегодняшний день в регионах СКФО сложилась в достаточной мере критичная ситуация в экономике, усугубляющаяся на фоне высокого уровня безработицы и низкой инвестиционной привлекательности для развития перспективных инновационно-ориентированных производств и сфер хозяйственной деятельности.

По итогам 2014 года уровень безработицы по методологии МОТ по СКФО в целом составлял 11,2% против 5,2% по РФ, а по таким субъектам как Республика Ингушетия – 43,7%, Чеченская Республика – 26,9%, по Республике Дагестан – 11,6%. Среди Федеральных округов и субъектов РФ это самые высокие показатели.

В целом промышленные предприятия СКФО отличаются и низкой конкурентоспособностью, о чем свидетельствуют опережающие темпы роста импорта над экспортом промышленной продукции (в 2014 году импорт вырос на 1,7 раза по сравнению с 2010 годом, а экспорт всего – 1,3 раза) и незначительная доля округа во внешнеэкономической деятельности РФ (менее 0,5%). Это косвенно свидетельствуют о снижении и без того низкой конкурентоспособности промышленной продукции, производимой на предприятиях СКФО. В общем объеме внешнеэкономической деятельности Российской Федерации экспорт продукции промышленных предприятий СКФО составил 0,3 %, а импорт 0,7%. (см. табл. 8).

Таблица 8

Экспорт и импорт промышленных товаров в разрезе
Федеральных округов по итогам 2013-2014 гг.

Округа	2013			2014		
	Экспорт млн. долларов США	Импорт млн. долларов США	Соотноше ние (%)	Экспорт млн. долларов США	Импорт млн. долларов США	Соотноше ние (%)
Российская Федерация	498890,8	279848,6	56,09	497834	286670	57,58
Центральный округ	241151,8	171387	71,07	255352,6	173818,1	68,07
Северо-западный округ	49348,2	50951,9	103,25	55750,3	54531	97,82
Южный федеральный округ	18651,4	10511,6	56,36	20215,5	11047,6	54,65
Северо-Кавказский федеральный округ	1182,9	1823,7	154,17	1286,4	2077,8	161,52
Приволжский федеральный округ	58050,7	14329,9	24,69	63727,5	17640	27,68
Уральский федеральный округ	63959	10417,5	16,29	37735,5	8684,1	23,01
Сибирский федеральный округ	35087,5	8387,2	23,90	34970,4	8072,9	23,09
Дальневосточный федеральный округ	23317,2	10581,1	45,38	28681,3	10653,1	37,14
Крымский федеральный округ				113,9	144,3	126,69

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. Стат.сб. / Росстат - М., 2015.

То есть, и с позиций конкурентоспособности СКФО среди других Федеральных округов выглядит наиболее экономически отсталым, что подтверждается самым низким уровнем коэффициента покрытия импорта экспортом (см. табл. 9). В тоже время в условиях ориентации развития и модернизации национальной экономики на импортозамещение объективно обозначается необходимость в актуализации и решении этой задачи во всех субъектах СКФО.

Таблица 9

Результаты внешнеэкономической деятельности в разрезе
Федеральных округов по итогам 2013-2014 гг.

Округа	2013				2014			
	Экспорт	Импорт,	Сальдо	Коэффи	Экспорт	Импорт,	Сальдо	Коэффи

	млн. долларо в США	млн. долларо в США	торговог о баланса, млн. долларо в США	циент покрыти я импорта экспорт ом, %	млн. долларо в США	млн. долларо в США	торговог о баланса, млн. долларо в США	циент покрыти я импорта экспорт ом, %
Российская Федерация	526392,4	317805,6	+208586,8	165,6	497834	286670	211164	173,66
Центральный округ	256977,9	195702,8	+61275,1	131,3	255352,6	173818,1	81534,5	146,91
Северо-западный округ	52287,5	57009,9	-4722,4	91,7	55750,3	54531	1219	102,24
Южный федеральный округ	19196,2	12250	+6946,2	156,7	20215,5	11047,6	9167,9	182,99
Северо-кавказский федеральный округ	1276,7	2179,6	-902,9	58,6	1286,4	2077,8	-791,4	61,91
Приволжский федеральный округ	68318,3	18865,7	+49452,6	362,1	63727,5	17640	46087,5	361,23
Уральский федеральный округ	63959	10417,5	+53541,5	613,96	37735,5	8684,1	29051,4	434,54
Сибирский федеральный округ	36204,2	9179,4	+27024,8	394,4	34970,4	8072,9	26897,5	433,18
Дальневосточный федеральный округ	28194,4	12266,6	+15927,8	229,9	28681,3	10653,1	18028,2	269,23

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. Стат.сб. / Росстат - М., 2015.

Следует отметить, что инвестиционные ресурсы между регионами распределяются неравномерно, преимущество у крупных регионов, богатых природными ресурсами. В *таблице 10* приводятся сведения о динамике объемов инвестиций в основной капитал в разрезе округов, из которой видно, что наибольшая доля инвестиций приходится на Центральный федеральный округ, за ним следуют: Приволжский, Уральский и Северо-Западный округа. Наихудшее положение у Северо-Кавказского федерального округа, что говорит о его относительно низком уровне развития.

Таблица 10

Динамика инвестиций в основной капитал в разрезе округов РФ (млрд. руб.)

	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2014 в % к 2005
Российская Федерация	3611,12	9152,10	11035,65	12586,09	13450,24	13557,52	3,8 раза
Центральный федеральный округ	964,16	2099,82	2458,31	2961,58	3331,63	3435,94	3,6 раза
Северо-Западный федеральный округ	483,27	1134,41	1329,97	1485,41	1416,12	1357,86	2,8 раза
Южный федеральный округ	245,10	907,96	1079,28	1254,96	1506,03	1277,24	5,2 раза

Северо-Кавказский федеральный округ	93,32	313,41	347,50	402,81	445,91	516,92	5,5 раза
Приволжский федеральный округ	609,50	1437,47	1702,52	2012,88	2301,30	2355,97	3,9 раза
Уральский федеральный округ	593,37	1490,85	1838,27	2037,62	2167,82	2322,60	3,9 раза
Сибирский федеральный округ	346,11	980,47	1219,29	1459,47	1438,99	1440,98	4,2 раза
Дальневосточный федеральный округ	276,29	787,70	1060,51	971,35	842,44	820,14	3,0 раза

По уровню инвестиционной активности СКФО также существенно отстает от других округов в целом и в разрезе субъектов. В том же 2014 году объем инвестиций в основной капитал в расчете на душу населения по СКФО в целом составлял всего 53,7 тыс. рублей против 92,8 тыс. рублей по России в целом. При этом по ряду регионов СКФО этот показатель еще более низок – Кабардино-Балкарская Республика – 31,4 тыс. рублей, Республика Ингушетия – 34,2 тыс. рублей, Чеченская Республика – 45,7 тыс. рублей.

Таким образом, промышленность понесла значительные потери. Аграрный комплекс практически развалился. Зарплаты на селе настолько низки, что проще получать пособие по безработице и вести собственное хозяйство.

Еще одна проблема – ускоренные процессы урбанизации приводят к росту городских жителей. Происходит отток сельского населения в города. Появилась новая проблема – развития горных территорий.

Таким образом, по большинству ключевых социально-экономических показателей, таких, как

- ВРП на душу населения,
 - бюджетная обеспеченность,
 - уровень развития реального сектора экономики,
 - вовлеченность во внешнеэкономическую деятельность,
 - производительность труда и средняя заработная плата,
- СКФО отстает от большинства федеральных округов.

Перечень такого рода сравнительных характеристик, демонстрирующих существенное отставание республик СКФО можно продолжить.

На сегодняшний день экономики республик в составе СКФО в большей степени ни по структуре, ни по уровню развития не отвечают современным требованиям, нуждается в коренной модернизации.

При этом решение проблемы преодоления социально-экономической отсталости республик должно базироваться на четких представлениях о причинах неблагополучного, депрессивного состояния регионов, на оценках собственных возможностей и привлекаемых средств, приоритетах, целях и механизмах их достижения.

Сегодня нужны новые подходы в кавказской политике России, ядром которого должны стать, прежде всего, меры экономического и политического характера, базирующиеся на комплексном учете фактов геополитических,

геоэкономических, глубоких знаний обычаев и нравов, культуры и религий народов Кавказа.

СКФО, как регион, с длительной социальной депрессией, не может за счет собственных средств преодолеть сложившееся отставание. Необходим поиск выхода из сложившейся ситуации, так как длительное пребывание в таком состоянии может еще в большей степени усилить социальную напряженность и вызвать социальные конфликты и еще более осложнить обстановку в этом взрывоопасном регионе, имеющем исключительное значение для национальной безопасности России.

Выход экономики Северокавказского региона из глубокого затяжного кризиса сегодня в решающей мере связан с оживлением инвестиционного процесса, без которого невозможно восстановить производство и перейти к экономическому росту. Инвестиции являются базовым условием выхода экономики Северокавказских республик из кризиса. По сути инвестиции - это ключ к развитию экономики региона. Проблема привлечения инвестиций в регион связана и с «террористической активностью», и с «коррупционностью чиновников» (добавим ещё и их не высокой компетентностью), и с клановостью руководства и ещё со многими другими причинами.

Рассматривая проблемы экономического развития, мы выделили в качестве одной из ключевых, наличие на Северном Кавказе мощной клановой системы со своими порядками и законами.

Клановая система плодит коррупцию, отпугивает «посторонних» инвесторов, препятствует вертикальной мобильности молодежи. Проблема сегодня состоит в том, что альтернативы этой системе в ближайшее время пока не видно, и именно на нее федеральный центр как опирался, так и опирается.

Надо признать тот факт, что северокавказские республики фактически превратились во «внутреннее зарубежье», которое, формально находясь в составе Российской Федерации и используя ее финансовые ресурсы, давно живет по своим собственным установкам и реализует свои интересы.

Но есть и угрозы совершенно иного характера. Наряду с экономическими, политическими, социальными факторами на первый план выходят религиозные факторы, оказывающие значительное влияние на развитие территории. В этом главная отличительная черта проблемных регионов СКФО от других субъектов РФ.

Сегодня важно вернуть территории Кавказа в правовое поле России, чтобы они стали, наконец, субъектами Федерации. Единая страна – это единая правовая система, единая культурная система, единые законы на всей территории.

Мы живем в многонациональном государстве, в котором нужно создать общую культуру и создать общую цивилизацию.

Любые попытки искусственного отмежевания «проблемного» региона чреваты развалом страны! Наивно полагать, что «отчленение» пусть даже и проблемного региона принесет всем остальному населению страны

долгожданное счастье и процветание. И наоборот – «освобождение от России» никогда не превратит кавказский регион в процветающий оазис.

Следовательно, сегодня для сохранения целостности страны необходимо сохранение в ее составе и Северного Кавказа. В противном случае никто не даст гарантии того, что дробление страны на части на этом закончится.

Экономическая политика на Северном Кавказе должна быть направлена на преодоление этих и других негативных явлений в экономике.

Приведенный анализ результатов современного состояния экономики субъектов СКФО, достигнутый уровень ее развития, накопленный опыт хозяйствования в условиях становления и углубления рыночных отношений, глобализации экономики позволяют с позиций качественных оценок системно рассмотреть и сформулировать целевые ориентиры, главные параметры и макроэкономические условия модели устойчивого экономического роста.

При этом независимо от структуры и содержательных характеристик модели, как обязательные условия ее реализации, следует постулировать следующие положения (см. *табл. 11*):

- ❖ субъекты СКФО – государственное административно-территориальное образование в составе Российской Федерации;
- ❖ социально-экономическая политика развития и обустройства республик должна быть направлена на обеспечение равноправного, свободного, самобытного развития всех народов, проживающих на территории СКФО, при сохранении национального, гражданского мира, государственного единства и политической стабильности;
- ❖ фундаментальной основой такой позиции является укрепление экономической суверенности субъектов СКФО, их самостоятельности в решении вопросов развития и размещения производительных сил на своих территориях;
- ❖ межрегиональные хозяйственные отношения субъектов СКФО строятся на намерении властей и населения сохранять единое экономическое пространство и целостность Российской Федерации, на признании ими равноправности всех ее субъектов;
- ❖ внутрирегиональные хозяйственные отношения базируются на экономическом федерализме, который выражается в наделении муниципальных образований (города и районы) в составе субъектов СКФО реальной, подкрепленной финансами, самостоятельностью в управлении социально-экономическим развитием «подведомственных» территорий.

Таблица 11

Оценка стартовых условий комплексного социально-экономического развития экономической территории

Фактор	Характеристика показателя
1. Общая информация о территории	
Географическая и историческая справка	Географическое и транспортное положение, близость к продовольственным, сырьевым и ресурсным базам

Административно-территориальное деление	Состав территории
2. Ресурсный потенциал территории	
Природные ресурсы	Количество и качество запасов ресурсов, земельный потенциал, потенциал использования лесных ресурсов
Демографические ресурсы	Характеристика населения, миграционные процессы
Трудовые ресурсы	Состояние занятости и безработицы населения
3. Экономическое состояние территории	
Состояние основных отраслей	Промышленность, строительство, транспорт, сельское хозяйство, ЖКХ, торговля
Инвестиции	Инвестиционный потенциал территории, инвестиционная привлекательность территории, наличие входных барьеров
Бюджетно-налоговый потенциал территории	Налоговые и неналоговые доходы бюджета, налоговая база территории, налоговая отдача в бюджет, финансовая помощь
Межтерриториальные связи	Наличие межтерриториальных и внешнеэкономических связей
4. Качество жизни населения	
Уровень жизни населения	Реальные располагаемые денежные доходы населения, распределение населения по источникам доходов, обеспеченность населения объектами культуры, искусства, посвящения, бытовыми услугами, жилищно-коммунальными услугами
Социальная поддержка населения	Состав и структура льготных категорий граждан. Финансовая помощь льготным категориям граждан
Охрана здоровья населения	Средняя продолжительность жизни населения, характеристики рождаемости и смертности, заболеваемость населения, уровень медицинского обслуживания, обеспеченность жильём
Образование, культура и искусство	Количество учреждений образования, культуры и искусства, обеспеченность населения услугами образовательных учреждений, учреждений культуры и искусства
Благоустройство территории	Уровень благоустройства территории, площадь, требующая благоустройства
Охрана общественного порядка	Безопасность и общественный порядок, состояние преступности, оценка работы правоохранительных органов

Объективно – главной стратегической целью устойчивого экономического роста каждого субъекта СКФО и округа в целом является последовательное, повсеместное повышение уровня жизни населения на основе самореализации каждого гражданина, снижения социального неравенства, достижения межнационального согласия и сохранения культурных ценностей северокавказских народов.

Реализация такой целевой установки предполагает постановку и реализацию ряда проблемных задач: содействие процессу модернизации и реструктуризации экономики; формирование условий для создания

гражданского общества; установление равноправного партнерства общества (населения) с бизнесом и государственными институтами власти; продолжение реформы власти, ее совершенствование и адаптация к изменениям общественной жизни.

На *рис. 1* представлена блок-схема модели устойчивого экономического роста субъектов СКФО.

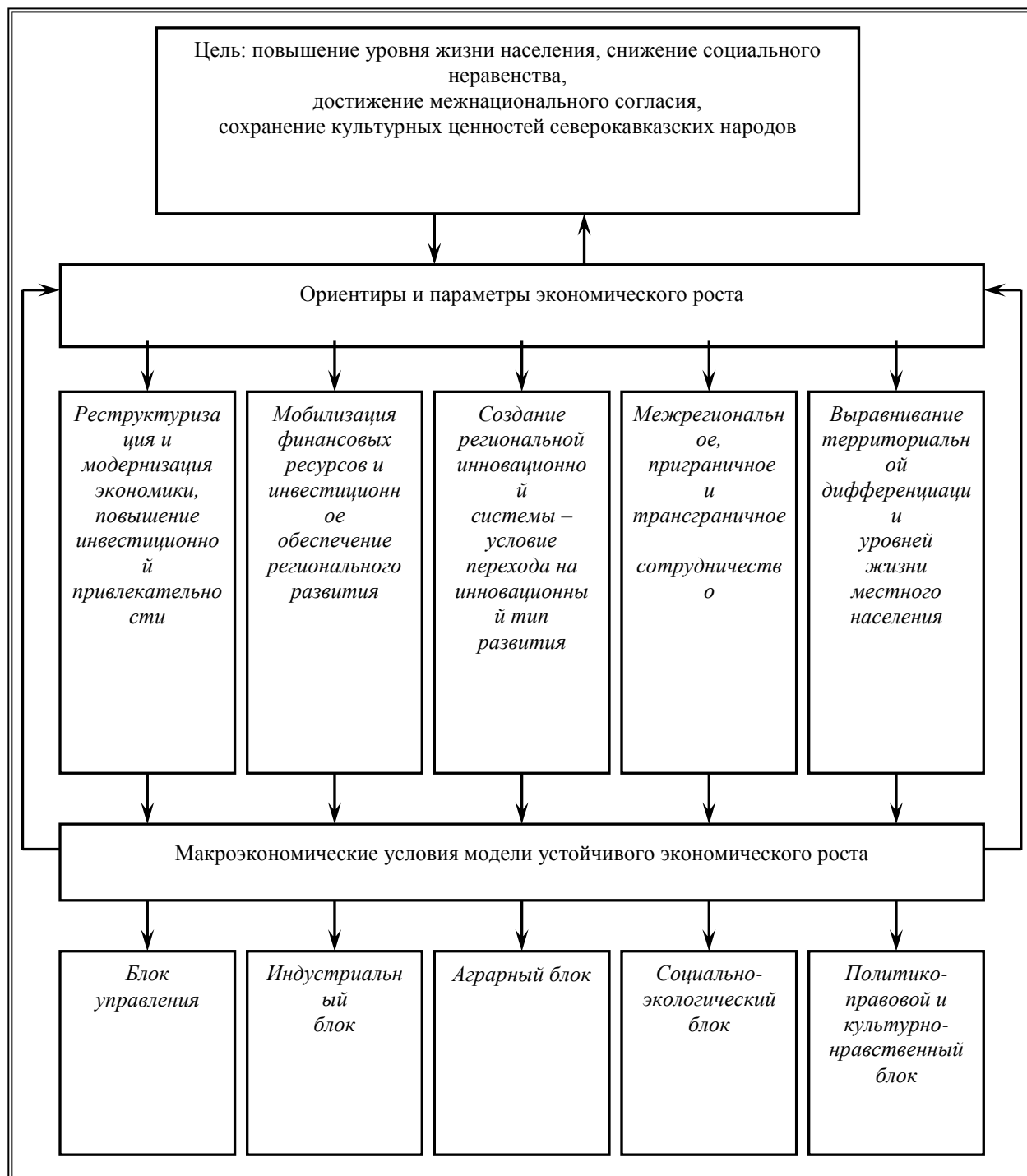

Рис.1. Блок- схема модели устойчивого экономического роста субъектов СКФО.

В свою очередь проблемные задачи трансформируются в построение ориентиров развития – целевых стратегических задач в области социально-экономических преобразований в субъектах СКФО: ускорение структурной перестройки экономики и повышение инвестиционной привлекательности; создание условий для трансформации частного капитала и сбережений населения в инвестиции реального сектора экономики; содействие формированию полноценного финансового сектора экономики; создание региональной инновационной системы; расширение и укрепление межрегиональных хозяйственных и этнокультурных связей, приграничного и трансграничного сотрудничества с зарубежьем; выравнивание территориальной дифференциации уровней жизни населения; обеспечение минимальных социальных стандартов в сфере потребления, образования, здравоохранения и культуры; улучшение состояния здоровья населения на основе повышения качества жизни, лечебных услуг, развития массовой физической культуры и спорта; развитие культурного потенциала и обеспечение доступности культурных ценностей.

Макроэкономические условия модели устойчивого развития субъектов СКФО выстраиваются в систему пяти укрупненных взаимосвязанных блоков:

1. Блок управления и регулирования регионального развития, включающий в себя механизм территориальной организации многоотраслевой, многофункциональной, многоукладной экономики на основе эффективного сочетания государственного регулирования с рыночными отношениями.

2. Индустриальный блок (промышленная политика, занятость, налоговый потенциал, инновационные преобразования экономики, производственная инфраструктура, туризм и рекреация). Все эти и другие направления развития субъектов СКФО представляются наиболее важными компонентами экономического роста, выхода из депрессивного состояния.

3. Аграрный блок (аграрная политика, земельные отношения, продовольственная безопасность населения). Для субъектов СКФО этот блок модели имеет большее значение не только с позиций продовольственного обеспечения, но и с позиций исторически сложившихся трудовых навыков и менталитета местного населения.

4. Социально-экологический блок – образование, здравоохранение, системы социальной поддержки населения, регулирования занятости и обеспечения экологической безопасности – условия, определяющие социальную ориентацию модели устойчивого экономического роста субъектов СКФО.

5. Политико-правовой и культурно-нравственный блок – нормативно-правовая база хозяйствования и макроэкономические условия, обеспечивающие, что очень важно, социально-политическую стабильность и межнациональное согласие. Необходимость включения в модель этого блока очевидна, поскольку экономика неотделима от политики и состояния общественного сознания, нравственного и культурного уровня населения, многих других сторон жизни и поведения людей – от всего того, что

обозначается понятием общественной среды.

Предложенная модель устойчивого экономического роста субъектов СКФО, выстроена не только с точки зрения формирования традиционных социально-экономических и организационно-правовых блоков, но и, прежде всего, с позиций создания благоприятной общественной среды, базирующейся на культурно-нравственных и морально-этических ценностях населяющих их народов. Без этого ни одна модель устойчивого экономического роста региона, как бы она не была совершенна, не может быть реализована в полной мере с позиций достижения поставленных целей и задач в области социально-экономического обустройства.

Естественно, перечисленные общего характера направления развития экономики регионов Северного Кавказа ни в коей мере не исчерпывают их перечень. Имеет место множество конкретно детализированных направлений развития экономики регионов Северного Кавказа (транспорт и логистика, малое предпринимательство, туризм и рекреация и т.д. и т.п.).

Обеспечение равного соблюдения законности для всех, борьба с коррупцией, защита прав человека – вот те условия, которые смогут обеспечить построение стабильного и способного к развитию как «проблемного» Северокавказского региона, так и единого Российского государства.

Список литературы:

1. Дохолян С.В. Механизм разработки и реализации социально-экономической политики региона / С.В. Дохолян // VI Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Региональные проблемы преобразования экономики: интеграционные процессы и социально-экономическая политика региона» 28-29 октября Махачкала – 2015.
2. Дохолян С.В. Северо-Кавказский федеральный округ: угрозы безопасности, экономические возможности и направления развития округа / С.В. Дохолян, В.З. Петросянц // Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития: Материалы четвертого Международного форума. – М. Издательство Перо, 2015. С. 70–86
3. Дохолян С.В. Эконометрическая модель прогнозирования социально-экономического развития региона / Дохолян С.В., Петросянц В.З. // Глобальные вызовы современности и проблемы устойчивого развития юга России. Материалы международной научно-практической конференции. Институт информатики и проблем регионального управления Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Институт экономики Уральского отделения РАН. 2015. С. 63-70.
4. Дохолян С.В. Механизмы формирования и реализации социально-экономической политики устойчивого развития региональной системы / С.В. Дохолян, В.З. Петросянц, Д.В. Петросянц, К.К. Курбанов, Садыкова А.М. // под общей редакцией д.э.н., проф. С.В. Дохоляна; РАН, Дагестанский научный центр. Институт социально-экономических исследований. – Москва: Перо, 2016. – 292 с.
5. Дохолян С.В. Стратегическое регулирование сбалансированного развития проблемных регионов в условиях федерализма / В.З. Петросянц, С.В. Дохолян, Д.В. Петросянц, А.А. Баширова, К.К. Курбанов; под общей редакцией д.э.н., проф. В.З. Петросянца; РАН, Дагестанский научный центр. Институт социально-экономических исследований. – Москва: Перо, 2016. – 165 с.
6. Постсоветское экономическое пространство: современное состояние и перспективы развития / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. М.: Финансы и кредит, 2009. 472 с.

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ: ИТОГИ 25 ЛЕТ ТРАНСФОРМАЦИИ¹²

Зиядуллаев Наби Саидкаримович - доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем рынка РАН по научной работе

***Аннотация.** В работе дана оценка интеграционным и дезинтеграционным тенденциям на различных этапах становления и развития СНГ, подчеркивается, что осуществляя многовекторную и разноскоростную интеграцию, странам-участницам удалось сохранить Содружество как общую консультативную площадку Совета глав государств и правительств. Анализируются региональные объединения внутри СНГ - Зоны свободной торговли (ЗСТ), Таможенный союз, Союз Беларуси и России, Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), ГУАМ, Центральноазиатское сотрудничество (ЦАС). Сделан вывод, что Содружество оказалось без единой идеологии, ясных целей и четких функций, нет реальных властных полномочий, располагает слабой и противоречивой институциональной и правовой базой, в ряде случаев возросла враждебность и несогласованность действий стран-членов СНГ. Особое внимание уделяется наиболее успешному интеграционному проекту СНГ - Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС), в который входят Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения и Киргизия. Раскрываются особенности его функционирования в условиях внешнеэкономических напряжений, связанных с усилением антироссийских позиций на Западе. Обоснованы направления преодоления глобальных вызовов и внутренних противоречий стран ЕАЭС, формы и механизмы их экономической, культурной и оборонной интеграции, пути создания однотипных механизмов регулирования экономики, проведения согласованной налоговой, денежно-кредитной, валютно-финансовой, торговой и таможенной политики. Выносятся на обсуждение вопросы - почему СНГ и ЕАЭС представляют собой гораздо менее эффективные объединения, чем задумывалось ранее и какова должна быть степень делегирования интегрирующимся странами части суверенитета наднациональным структурам, а также возможные сценарии расширения ЕАЭС и его взаимодействия с другими международными объединениями.*

***Ключевые слова:** Содружество независимых государств (СНГ), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), международная интеграция, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Зона свободной торговли (ЗСТ), Таможенный союз (ТС), Единое экономическое пространство (ЕЭП).*

1. Итоги 25-летия СНГ: надежды и разочарования

Содружество Независимых Государств (СНГ), возникшее при распаде СССР в декабре 1991 г., является достаточно крупным региональным объединением. В рамках его активно взаимодействуют одиннадцать стран, располагающие значительным ресурсным потенциалом. Они занимают 22 млн кв м мировой территории (16%), на которой проживает 285 млн человек или 4% населения земного шара. Странам СНГ принадлежит около трети мировых запасов природного газа, более четверти ресурсов угля и примерно одна десятая мировых запасов нефти. Сегодня страны Содружества добывают 25% мирового объема газа, 16% - нефти, обеспечивают 7% производства электроэнергии. По итогам Глобального раунда международных сопоставлений ВВП на основе паритета покупательной способности валют в СНГ было произведено 4,8% мирового валового внутреннего продукта¹³.

СНГ было призвано обеспечить сохранение общего экономического, гуманитарного и оборонного пространств в масштабах бывшего СССР, дать новый импульс развитию многообразных связей между новыми независимыми

¹² Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 15-06-07739 а).

¹³ 25 лет Содружеству Независимых Государств.- Статсборник, М., Межгосударственный статкомитет СНГ, 2016, с.8.

государствами, сложившимися за долгие годы существования единого народнохозяйственного комплекса.

В 1993 г. был подписан *Договор о создании Экономического союза*. Он предполагал последовательно пройти через этапы создания зоны свободной торговли, таможенного, платежного и валютного союза, а также сформировать общий рынок товаров, услуг и капиталов. Но в то время центробежные тенденции оказались сильнее. Волна эйфории от обретения суверенитета не позволила тому поколению лидеров стран СНГ увидеть долгосрочный потенциал интеграции.

Как полагали отцы-основатели СНГ, сложившаяся в рамках СССР экономическая и гуманитарная взаимозависимость бывших союзных республик, их производственно-технологическая сопряженность, а также многолетний опыт взаимодействия в рамках единого государства, будут способствовать развитию сотрудничества стран на основе общепринятых стадий региональной интеграции – зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок товаров, труда и капитала и единый валютный союз как наивысшая стадия единого экономического пространства. Однако нестандартность и сложность трансформаций переходных экономик не была учтена и концептуально проработана. Уже в первые годы деятельности СНГ шли спонтанные процессы становления независимых и равноправных государств. Все они, включая Россию, действовали методом "проб и ошибок".

На развалинах СССР во всех новых суверенных государствах торжествовала эйфория независимости, прошла моментальная национализация былой союзной собственности, наблюдалось горячее стремление самостоятельно выйти на мировой рынок. Новые суверенные государства стали искать партнеров и доноров в зоне развитых стран и в традиционно близких центрах влияния. Началось соревнование за получение внешних льготных кредитов и международной помощи. Выявились явное несоответствие между радужными предположениями и реальным ходом сотрудничества. Резко ухудшилось социально-экономическое положение во всех странах СНГ, а жизненный уровень населения сократился чуть ли не на две трети, значительно уменьшились объемы взаимного товарообмена, что не могло породить взаимные упреки и подозрения. Под угрозой финансовой дестабилизации и нарастания кризисных явлений стратегия «прорыва в рынок» сменилась «стратегией выживания». И вот уже 25 лет на территории бывшего СССР идёт напряженный поиск оптимального способа сосуществования друг с другом и с остальным миром.

Сотни многосторонних документов, принятых ещё в первые годы существования СНГ, в их числе такие основополагающие как Договор об Экономическом союзе от 24 сентября 1993г., Соглашение о создании зоны свободной торговли от 15 апреля 1994г., Соглашение о создании Платежного союза от 21 октября 1994г. и др. практически были на самом деле договоренностями о намерениях, принятыми на самом высшем политическом уровне. Нередко они сопровождались противоречащими им реальными

действиями. Не все страны СНГ были готовы к реализации подписанных Соглашений. Украина, Молдова и Туркменистан не ратифицировали Устав СНГ. Ряд стран рассматривали СНГ как инструмент «цивилизованного развода». Вместо укрепления взаимодействия почти все страны продемонстрировали дезинтеграционные тенденции.

Масштабные реинтеграционные проекты оставались на бумаге. Длительное время в официальных заявлениях по существу желаемое выдавалось за действительное. Подписанным документам был свойственен определенный романтизм, который, однако, постепенно развеялся по мере того, как деятельность СНГ стала осуществляться во все более тесных тисках геополитических проблем. Кроме того, начали развиваться внутренние дестабилизирующие процессы, практически исчезли горизонтальные связи, обозначился переход к активной дезинтеграции. До конца 1993 г. она сдерживалась использованием рубля как общей денежной единицы. Распад же рублевой зоны и запуск в обращение национальных валют окончательно превратили экономические взаимоотношения стран Содружества в строго межгосударственные со всеми вытекающими последствиями.

Одновременно пришло понимание необходимости строить хозяйственные связи на рыночной основе, соблюдая баланс интересов и принцип экономической целесообразности, отвергая политические препоны интеграции. Экономический спад сужал материальную основу глубоких форм интеграции и в разгар адаптации национальных экономик к рынку они не могли дать серьезный экономический эффект. А угрозу для только что обретенного суверенитета они создавали. Поэтому потребность в совместном решении многих социально-экономических проблем через интеграцию постепенно возрастала. Полностью развеялась иллюзия самостоятельного процветания какой бы то ни было постсоветской республики в отдельности. Уже в конце 1994 г. была разработана и стала реализовываться концепция «многоярусной, разноуровневой и разноскоростной интеграции».

Все прошедшие после создания организации годы внутри СНГ постоянно шел напряженный поиск альтернативных интеграционных проектов. В результате некогда единое постсоветское пространство заполнилось рядом внутрирегиональных политических альянсов и экономических группировок. С 1995г. в СНГ поэтапно сформировался ряд межгосударственных структур и интеграционных объединений, которые стали решать более конкретные цели – Таможенный союз (1995г.), Союз Беларуси и России (1997г.), переросший в 1999 г. в Договор о создании Союзного государства Белоруссии и России. В 2000 г. был учрежден Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) с составе Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана – наиболее успешное региональное образование на постсоветском пространстве.

В 1997 г. [Грузией](#), [Украиной](#), [Азербайджаном](#) и [Молдавией](#) был образован ГУУАМ (в 1999–2005 гг. в организацию входил [Узбекистан](#)). Название организации сложилось из первых букв названий входящих в него стран. Однако ряд его участников – Грузия, Украина и Молдавияне просто

игнорировали СНГ, но открыто занимают явно враждебную антироссийскую позицию. Страны-участницы при отсутствии внятных экономических целей объединило стремление совместно противостоять доминированию России и со временем интегрироваться в европейские структуры. Хотя ГУАМ не удалось получить международную правосубъектность, попытки извне оторвать ряд стран (Грузию, Украину) из общего постсоветского пространства, в определенной степени реализовались.

В разные годы возникали различные формы Центральноазиатского сотрудничества (ЦАС) – Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан, и Россия, которое в 2005 г. объединилось с Евразийским Экономическим Сообществом (ЕврАзЭС)(2000г.) с выходом на *Евразийский экономический союз (ЕАЭС)(2014г.)*, в который в настоящее время входят Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения и Киргизия.

Любые попытки сближения в СНГ были куда менее стремительными и интенсивными, чем предшествовавший им распад. Стремление развернуть интеграцию в рамках Содружества не дало практических результатов¹⁴. Драматизм интеграционных проектов на постсоветском пространстве состоит в том, что не удалось выработать научно обоснованную вразумительную интеграционную стратегию по отношению друг к другу. В качестве ограничителей выступали и выступают *национальные политические и экономические интересы*, формируемые в результате сопряжения целей развития стран с глобальными и региональными факторами и ресурсами их достижения. Заявленные цели в виде «создания единых экономических пространств» не подкреплялись потребностями национальных экономик в более глубоких формах регионального сотрудничества, а институциональная дивергенция, текущие хозяйственные противоречия и опасения утраты суверенитета опускали высокие интеграционные цели до наиболее приемлемой ступени для всех группировок - двусторонних *Зон свободной торговли (ЗСТ)* с ограничениями и изъятиями. С самого начала функционирования СНГ между всеми участниками действовали соглашения о ЗСТ, Однако одновременно лишь 18 октября 2011 г. договора о ЗСТ подписали 8 государств – участников Содружества: Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан, Армения, Киргизия, Молдавия и Таджикистан, регулирующий режим свободной торговли на пространстве Содружества. Эта полицентрическая модель управления интеграционным процессом, когда каждая страна определяет, что ей выгодно исполнять из подписанных соглашений о сотрудничестве, а что нет, отражала некий баланс стимулов и барьеров для сотрудничества.

За минувшие двадцать пять лет в национальных экономиках стран СНГ произошли коренные преобразования систем и условий хозяйствования – от плановых к рыночным, трансформировались отношения собственности – осуществлено разгосударствление экономики и проведена приватизация,

¹⁴Более подробно: Зиядуллаев Н.С. СНГ: Дорога в третье тысячелетие. Проблемы развития и укрепления Содружества / пред. акад. А.Д. Некипелова. М.: ИСПИРАН, 2002. 210 с.

расширилось частное предпринимательство – индивидуальная трудовая деятельность, малые предприятия, кооперативы, появились посреднические торгово-сбытовые, сервисные и консалтинговые фирмы.

К сожалению, осуществление таких кардинальных трансформаций по ряду причин не обошлось без существенных негативных последствий. В частности, в 1991-1998 гг. участники Содружества пережили финансовую дестабилизацию, лавинообразную инфляцию, падение курсов национальных валют и глубокий кризис в реальном секторе экономики. Физический объем валового внутреннего продукта за эти годы в целом по СНГ сократился на 41%, промышленного производства – на 50%, продукции сельского хозяйства – на 38%, инвестиций в основной капитал – на 74%.

С 1999 г. ситуация в экономике стала постепенно улучшаться. Устойчивое наращивание объемов производства продолжалось вплоть до 2008 г., но было приостановлено разразившимся мировым финансово-кредитным кризисом, негативно отразившемся на социально-экономическом развитии стран СНГ. Были предприняты эффективные антикризисные меры, что оживило экономическую активность в Содружестве, что наблюдалось до 2014 г.

В 2015 г. падение мировых цен на основные виды топливно-энергетических товаров, снижение спроса на них на мировом рынке оказали девальвационное давление на национальные валюты большинства стран СНГ, предопределили спад в экономике. В результате в целом по Содружеству индекс физического объема валового внутреннего продукта к уровню 2014 года составил 97,1%, объем промышленного производства сократился на 3,3%, оборота розничной торговли - на 8,7%, инвестиций в основной капитал - на 6,5%.¹⁵

В сложных условиях развивалась и внешняя торговля стран Содружества, которое занимает весьма скромное место в международной торговле (табл. 1).

Таблица 1

СНГ и ЕАЭС в международной торговле (млрд долл. США)

Интеграционные объединения и государства	2000	2005	2010	2015
Экспорт <i>Exports</i>				
СНГ	138,0	328,4	560,9	473,9
ЕАЭС			485,4	421,5
ОЭСР	4535,7	6478,4	8954,8	9281,2
ЕС-28	2394,7	3976,7	5064,1	5162,3
БРИКС	479,8	1273,2	2485,4	3170,6
США	781,9	907,2	1278,5	1504,6
Китай	249,2	762,0	1578,3	2284,5
Япония	479,3	595,0	769,8	624,9
Импорт <i>Imports</i>				
СНГ	66,3	182,2	375,7	306,4
ЕАЭС			301,9	252,3

¹⁵25 лет Содружеству Независимых Государств-Статсборник, М., Межгосударственный статкомитет СНГ, 2016, с.19

ОЭСР	4910,6	7208,4	9592,9	9874,0
ЕС-28	2441,7	4065,4	5190,9	5012,2
БРИКС	395,9	1034,0	2247,0	2522,2
США	1259,3	1735,1	1969,2	2308,1
Китай	225,0	660,0	1396,2	1680,8
Япония	379,5	515,0	692,4	648,3
Сальдо Balance				
СНГ	71,7	146,2	185,2	167,5
ЕАЭС			183,5	169,2
ОЭСР	-374,9	-730,0	-638,1	-592,8
ЕС-28	-47,0	-88,7	-126,8	150,1
БРИКС	83,9	239,2	238,4	648,4
США	-477,4	-827,9	-690,7	-803,5
Китай	24,2	102,0	182,1	603,7
Япония	99,8	80,0	77,4	-23,4

¹Источник: Sourceofdata: UnitedNationsMonthlyBulletinofStatisticsfor.mart 2016;

Ежемесячный статистический бюллетень Статистического отдела ООН, март 2016 г.

Как видно, динамика внешней торговли в СНГ характеризуется существенной неравномерностью, особенно по экспорту, который находится в большой зависимости от конъюнктуры мирового рынка. В 1996-2015 гг. общий объем внешнеторгового оборота государств Содружества увеличился (в текущих ценах) в 4,3 раза, или в среднем за год на 7,6% в значительной мере за счет роста средних цен при сохранении устойчивой тенденции превышения стоимостного объема экспорта в целом по СНГ по сравнению с показателями импорта, что обеспечивало активный торговый баланс. Так, суммарный экспорт превысил импорт в целом по Содружеству в 2000 г. – в 2,1 раза, в 2005 г. – в 1,8, в 2010 г. и 2015 г. – в 1,5 раза.¹⁶ Рост экспортных цен во взаимной торговле и их приближение к мировым ценам являлись общей закономерностью и неизбежным результатом либерализации внешней торговли. В 2014-2015 гг. неблагоприятная ценовая конъюнктура на мировых рынках энергоносителей, сырья и материалов сказалась на снижении объемов взаимной торговли стран Содружества. Преодолению кризисных последствий и последовательному обеспечению выхода на качественно новый уровень развития, призвана способствовать реализация «Стратегии экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 года». Целью ее является придание дополнительных импульсов экономическому взаимодействию государств – участников СНГ, обеспечение устойчивого развития, экономической безопасности, повышение благосостояния и качества жизни населения на основе синергетического эффекта и эффекта масштаба, конкурентоспособности национальных экономик и укрепления их позиций в мировой хозяйственной системе.

В *таблице 2* представлены сопоставимые статистические данные, характеризующие социально-экономическое положение стран Содружества в 1991-2015 гг.

¹⁶<http://databank.worldbank.org/data/home.aspx> - База данных Всемирного Банка, индикатор «NY.GDP.PCAP.PP.CD».

Общая характеристика социально-экономического развития государств СНГ, 2015 г.

Страны	Численность населения, млн. человек	Размер ВВП, млрд. долл.	Продукция промышленности, млрд. долл.	Продукция сельского хозяйства, млрд. долл.	Инвестиции в основной капитал, млрд. долл.	Внешнеторговый оборот, млрд. долл.
ЕАЭС в т.ч.:	182,7	1587,1	907,2	109,0	287,3	673,9
<i>Россия</i>	146,5	1332	790,8	83,0	240,0	530,4
<i>Беларусь</i>	9,5	53,5	44,9	8,4	12,7	57,0
<i>Казахстан</i>	17,7	184,4	66,0	12,4	31,7	75,9
<i>Армения</i>	3,0	10,6	2,8	2,1	1,0	4,8
<i>Кыргызстан</i>	6,0	6,6	2,7	3,1	1,9	5,8
Остальные страны:						
Азербайджан	9,7	52,7	25,4	5,5	15,5	20,6
Молдова	3,6	6,5	2,1	1,4	1,1	6,0
Таджикистан	8,4	7,9	2,0	3,5	1,5	4,3
Туркменистан	6,7	35,7	7,0	4,0	17,1	9,0
Узбекистан	31,0	66,7	59,0	17,6	17,3	21,0
Украина	42,6	90,8	68,7	25,0	11,5	75,6
СНГ в целом	284,7	1847,4	1071,4	166,0	351,3	810,4

Источник: 25 лет Содружеству Независимых Государств - Статсборник, М., МСК СНГ, 2016.

За прошедшие годы прослеживается действие нескольких факторов:

- высокая экономическая и социальная общность и совместимость производственного потенциала, однородность населения;
- самодостаточность и взаимодополняемость национальных экономик;
- незавершенность формирования идентичности большинства новых государств;
- значительные институциональные различия между странами при высоком уровне централизации управления, слабость демократических институтов;
- опасение ННГ воссоздания в каком-либо формате СССР;
- соприкосновение на западе с самой успешной интеграционной группировкой мира - ЕС, на востоке – с самой динамичной и быстро растущей экономикой мира – Китаем.

К сожалению, сегодня СНГ как международная организация имеет слишком небольшое количество общих точек взаимодействия. 25-летие СНГ оценивается двояко. С одной стороны, и это главное - страны постсоветского пространства вполне состоялись, обеспечили национальный суверенитет, самоидентификацию и получили признание мирового сообщества - стали членами ООН и других международных организаций. С другой - СНГ оказалось во многом искусственной формой межгосударственного устройства без своей идеологии, ясных целей и четких функций с непродуманным механизмом взаимодействия. В процессе эволюции и развития выявилось множество

объективных и субъективных трудностей и противоречий, в результате чего новые государства оказались мало интегрированы между собой. У каждого из них – собственная парадигма развития, свой уровень понимания демократии и экономических свобод, своя модель перехода к рынку, своя национальная валюта, свое видение вариантов вхождения в мировое хозяйство.

В результате СНГ не стало решающей структурой интеграции постсоветского пространства, сторонам не удалось договориться по широкому спектру интеграционных вопросов из-за имеющихся противоречий и отсутствия полного взаимного доверия. И сейчас Содружество как организация лишена реальных властных полномочий, располагает слабой и противоречивой институциональной инфраструктурой и недейственными правовыми инструментами, в ряде случаев возросла враждебность и несогласованность действий.

СНГ стало весьма дифференцированным, контрастным, конфликтным, а главное, утратившим политическое, экономическое и социальное единство. Хотя в организации приняты документы, свойственные высокоинтегрированным государствам: об экономическом союзе, зоне свободной торговли, платежном и таможенном союзах – подавляющее большинство их не действует. Многие единогласно подписанные договора и соглашения носят декларативный малообязывающий, в лучшем случае рекомендательный характер, отражая бесплодность формальных решений и бесконтрольность их выполнения, отсутствие реального правового и экономического базиса многостороннего сотрудничества. Сложилось трудноразрешимое противоречие между суверенностью республик и острой потребностью в тесных экономических и гуманитарных связях между ними, противоречие между эффективностью юреинтеграции и отсутствием необходимых механизмов, способных обеспечить увязку интересов стран.

В настоящее время ядром постсоветской интеграции являются Россия, Беларусь, Казахстан, Армения и Киргизия, образующие ЕАЭС. К ним в ближайшее время планирует присоединиться Таджикистан. Продолжает действовать Союзное государство Белоруссии и России, но после вступления в действие договора о ЕАЭС надобность в этой организации, вероятно, будет отпадать. Азербайджан, Узбекистан Туркменистан формально участвуют в СНГ. Украина и Молдова намерены сочетать интеграцию в Евросоюзе с членством в ЗСТ в рамках СНГ. Грузия вышла из СНГ в 2009 г. и стремится интегрироваться в евроатлантические структуры, при этом продолжая неофициально работать в структурах Содружества.

Мир еще не знал такой организации, которая бы при отсутствии жестких наднациональных структур пыталась обеспечить сближение позиций и принятие совместных решений по многим острым вопросам межгосударственных отношений. Центростремительных тенденций, которыми помогает остаточная «советская» идентичность, потенциально больше, чем центробежных. На протяжении всех 25 лет происходят ежегодные регулярные встречи руководителей всех стран СНГ. Можно не входить в те или

иные структуры СНГ, быть против создания наднациональных органов, возражать против формирования каких бы то ни было объединений, но никто, включая Украину и Грузию, не отказывается от сотрудничества в целом и в двустороннем формате. Очень важно, что удалось сохранить Содружество как общую добровольную консультативную площадку Совета глав государств и правительств.

2. Евразийская интеграция на пороге новой экономической реальности

Родившийся в недрах Содружества Независимых Государств ЕАЭС – это новое международное интеграционное экономическое объединение, договор о создании которого был подписан 29 мая 2014 г. Текст договора состоит из 28 разделов и 118 статей, сопровождается 32 приложениями к нему. ЕАЭС, как подчеркивается в документе, создается для укрепления экономик стран-участниц и сближения друг с другом, для модернизации и повышения конкурентоспособности стран на мировом рынке. Страны – участницы ЕАЭС берут на себя обязательства обеспечить свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, а также унифицировать регулирование в 19 сферах экономики и осуществлять согласованную политику в ключевых отраслях экономики – энергетике, промышленности, сельском хозяйстве, транспорте. Начата поэтапная реализация обновленной концепции евразийской интеграции с участием наиболее подготовленных к этому партнеров из числа стран СНГ.

Формально ЕАЭС начал функционировать с 1 января 2015 г., став правопреемником Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), который был своего рода «дорожной картой» развития интеграционного взаимодействия, координации действий его членов при интеграции в мировую экономику и международную торговую систему. ЕврАзЭС прекратил свою деятельность, выполнив свою историческую миссию и обеспечив продвижение Таможенного союза и Единого экономического пространства в ЕАЭС.

Идеология евразийства, которую во второй половине XX в. сформулировали выдающиеся мыслители и политики В. Вернадский, Л. Гумилев, А. Сахаров, М. Горбачев, Н. Назарбаев, А. Акаев, Ч. Айтматов и другие, получила реальное воплощение в идее создания Евразийского экономического союза. Эта идея была выдвинута в 1994 г. президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым во время выступления в МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1999 г. был заключен договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве России, Беларуси и Казахстана, а в 2000 г. в белорусской столице оформилась идея наделить новое объединение теми же функциями, которыми обладает Евросоюз, а назвать его «Евразийский». Евразийская инициатива получила новый импульс после опубликования Президентом РФ В.В. Путиным в октябре 2011 г. программной статьи «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня»¹⁷.

¹⁷Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия, 03.10.2011.

Основными критериями формирования Евразийского союза являются добровольность интеграции, принцип равенства, экономический прагматизм, невмешательство во внутренние дела друг друга, уважение суверенитета и неприкосновенность государственных границ. Таможенный союз и ЕАЭС открыты для участия в нем других государств, которые разделяют цели этого объединения и готовы принять на себя требуемые обязательства.

Евразийский экономический союз является наивысшей точкой интеграции государств-участников СНГ. В основе документа лежит договорно-правовая база Таможенного союза и Единого экономического пространства. Нормы были оптимизированы и приведены в соответствие с правилами ВТО. Доля ЕАЭС в ВВП СНГ составляет 85% и превышает 2,4 трлн долл., что соответствует 4,5% мирового ВВП. К 2025 году будет создан единый рынок энергетики и углеводородов, финансовый рынок.

Ведущей страной ЕАЭС является Российская Федерация. Как правопреемница СССР и самое крупное государство СНГ, имеющая общие границы с большинством стран Содружества Россия постоянно иницирует различные формы и механизмы политической, экономической, культурной и оборонной интеграции, стремится создать вокруг себя союз дружественных государств. Фактически Российская Федерация, через которую строится все сотрудничество, удерживает страны Содружества в пространстве взаимодействия и остаётся консолидирующим ядром интеграции всех постсоветских государств. Поэтому призывы к равноправию отношений могут относиться только к политическим аспектам, что же касается экономического взаимодействия, то не может быть единого подхода к разномасштабным потенциалам. Россия не должна диктовать свои условия, но не учитывать её роль тоже нельзя. Возможность работать в России для населения стран СНГ выступает фактором, консолидирующим постсоветское пространство. При этом импорт рабочей силы из стран Содружества закрывает значительную часть потребности РФ в рабочей силе разной квалификации.

Отсюда крайне необходимо согласование интересов без ущерба для каждой из сторон, в том числе и России, которая всячески стремится возродить статус мировой державы. Реальным инструментом для достижения этой цели может стать ЕАЭС и углубление взаимодействия, прежде всего со странами СНГ. Именно это даст возможность России восстановить своё влияние на постсоветском пространстве и мировой арене. Постсоветская среда оказалась явно не подходящей для развития по западноевропейскому образцу. К тому же каждая сторона-участница имеет свои мотивы и приоритеты для экономической интеграции. Если сравнивать сложившуюся ситуацию с ЕС, то в Европе интегрировались страны с примерно одинаковым и относительно высоким уровнем развития рыночной экономики и демократических институтов, чего не скажешь об участниках интеграции ЕАЭС.

Конечно, ЕАЭС ничего общего с Советским Союзом не имеет. Речь идет о формировании единого экономического пространства, однотипных механизмов регулирования экономики, основанных на рыночных принципах, а также о

применении гармонизированных правовых норм, облегчении ведения бизнеса, проведении согласованной налоговой, денежно-кредитной, валютно-финансовой, торговой и таможенной политики, обеспечивающих свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Одним словом, преследуется цель восстановления тех экономических выгод, которые были потеряны после исчезновения СССР. В свое время весьма точную и меткую оценку СНГ дал Э.А. Шеварднадзе: « У того нет сердца, кто не сожалеет о распаде СССР. У того нет головы, кто мечтает восстановить его буквальную копию».

На протяжении всего 25-летнего периода наиболее открытую, прагматическую и последовательную позицию в отношении Содружества занимал И.А. Каримов. Узбекистан никогда не отказывался от участия в этой организации, рассматривая её как вполне приемлемую форму сотрудничества бывших союзных республик, и всегда был против всяческих попыток «воссоздания Союза», формирования любых наднациональных органов, уступки какой бы то ни было доли политического суверенитета. Выступая против придания СНГ статуса субъекта международного права, И.Каримов отмечал: «Это – содружество, пусть оно и остаётся содружеством... Эффективность СНГ страдает от попыток придать ему или его региональным образованиям политический оттенок, переориентировать на военно-политические цели... Для нас вопрос заключается не в том чтобы выбирать между независимостью и интеграцией, а в том, чтобы гармонизировать эти два направления. Мы хотели бы видеть в СНГ интеграцию подлинно независимых, суверенных государств»¹⁸.

Логика национального развития всех участников в условиях глобализации объективно предполагает необходимость делегирования части суверенитета наднациональным структурам. Вместе с тем нельзя допускать высокой концентрации в них властных полномочий. Иначе это может привести к размыванию национальных границ и отторжению населения от интеграционных процессов, как это показал недавний референдум (июнь 2016) по выходу Великобритании из ЕС. Любое государство стремится наиболее полно использовать сильные стороны своего геополитического и геоэкономического положения, руководствуясь собственными интересами, порой в ущерб партнерам по интеграции. Никто не хочет поступиться принципами национального суверенитета.

Следует отметить, что руководители ряда стран СНГ неоднократно высказывались против неоправданного ускорения интеграции, подчеркивая при этом, что ЕАЭС – чисто экономическое объединение. С одной стороны, все государства СНГ понимают, что их суверенитет гарантируется только Россией, причем в большей степени в случае их участия в евразийском интеграционном объединении. А реальные угрозы странам ЕАЭС и СНГ исходят не только от Вашингтона. Так, страны Центральной Азии резонно опасаются китайских

¹⁸Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. – Т.: «Узбекистан», 2007, с. 126.

амбиций. Белоруссия же, лишенная российского военно-политического и финансово-экономического зонтиков, столкнется не только с неразрешимыми социальными проблемами, но и напрямую с Западом. Это понимание заставляет членов СНГ достаточно конструктивно участвовать во всех российских интеграционных проектах.

Перспективы ЕАЭС как глобального центра зависят от множества факторов, но, прежде всего, от его экономической динамики в сравнении с мировым хозяйством. Позиции ЕАЭС определяются соотношением его доли к совокупной доле всех непосредственно примыкающей к нему центров мировой экономики. Если удельный вес ЕАЭС (сейчас 4,5% мирового ВВП) не изменится в сторону роста, очевидно, будут хуже перспективы наращивания глобального влияния и выше вероятность встраивания стран постсоветского пространства в экономику соседних региональных центров. ЕАЭС будет утрачивать качества центра и превращаться в периферийный промежуток между азиатскими, европейским и североамериканским центрами мировой экономики. Избежать подобной ситуации возможно путем обеспечения темпов экономического роста выше среднемировых, опережающего наращивания взаимных внутрирегиональных связей за счет структурной и технологической модернизации экономики, и, конечно, расширения ЕАЭС.

На современном этапе можно и нужно пойти на углубление сотрудничества со всеми странами СНГ, не ожидая их скорого вступления в ЕАЭС. В первую очередь это касается Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана и более закрытой страны – Туркменистана, богатой энергетическими ресурсами. Тем более все они признают роль и место Москвы в глобальном мире. Ни одна существенная проблема Центральной Азии или Кавказа не может быть решена без участия этих политически весомых и стратегически важных стран. Необходимо срочно перезапустить экономическое сотрудничество, наладить в регионах надежную транспортную сеть, предоставить больше возможностей трудоустройства растущему населению, решить споры вокруг водных, энергетических ресурсов и общих границ.

Осложняющим фактором для развития евразийской интеграции является то, что она начинается в условиях потенциально долгой хозяйственной рецессии в России и других странах-участницах ЕАЭС, экономика которых в настоящее время весьма уязвима. Участниками ЕАЭС приходится на ходу наработывать новые механизмы экономического взаимодействия на принципах равенства и невмешательства во внутренние дела друг друга. При этом заключаемые договоры нередко выглядят как декларации, а не как продуманные экономические решения. Нельзя не учитывать возможный выход Украины из состава СНГ, то подобное решение не принесет выгоды ни самой Украине, ни другим членам СНГ, в особенности, Молдавии, которая может оказаться в экономической изоляции. По предварительной оценке, выйдя из Содружества,

Украина потеряет около 9,5 млрд долл.¹⁹ Восстановление нормальных отношений с Украиной противоречит глобальным интересам Запада и никак не вписывается в его геополитические планы

В основу перспектив реинтеграции ЕАЭС и других стран Содружества в глобализирующемся мире должны быть положены следующие принципы:

-обеспечение духовного, правового, информационного и культурного единства народов при максимальном сохранении суверенитета, политической независимости и национальной самобытности каждого государства;

-добровольность участия в интеграционных процессах и полное равноправие стран-участниц СНГ;

-опора на собственный потенциал и внутренние национальные ресурсы, исключение иждивенчества в экономической и социальной сферах;

-договороспособность, взаимовыгодность и кооперация в экономике, включая создание совместных финансово-промышленных групп, транснациональных экономических объединений;

-объединение национальных ресурсов для реализации совместных экономических и научно-технических программ, непосильных для отдельно взятых стран;

-беспрепятственное движение рабочей силы и капитала;

-выработка гарантий взаимной поддержки соотечественников;

-гибкость формирования наднациональных структур, исключающих давление на страны СНГ или доминирующую роль одной из них;

-объективная обусловленность, согласованная направленность, правовая совместимость проводимых в каждой стране рыночных реформ;

-позапность, разноярусность и разноскоростной характер реинтеграции, недопустимость ее искусственного формирования;

-абсолютная неприемлемость идеологизации интеграционных проектов.

Реальная интеграция или хотя бы консолидация большинства стран в рамках Содружества вполне возможна и сейчас, и в перспективе в зависимости от готовности к ней различных государств. Требуется найти механизм межгосударственного взаимодействия, прежде всего в экономической политике. Последующее развитие многосторонних отношений России со странами СНГ может стать вообще неким критерием эффективности российской политики в ближнем зарубежье. Конечно, невозможна единая консолидационная модель интеграции СНГ. Но бороться с примитивизацией национальных экономик и развивать национальный инновационный потенциал невозможно без совместного использования сохранившейся производственной базы, создания условий для ее модернизации и развития. Несмотря на расхождение в национальных системах и разный уровень экономик, интеграционные ресурсы сохраняются, имеются возможности для их решения и углубления.

¹⁹Расчеты автора по данным ЕЭК // http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/test-trade/publications/Pages/default.aspx.

Разные политические ориентиры государств вовсе не являются непреодолимым препятствием для их тесного экономического взаимодействия, поскольку поле интеграционных процессов и выбор инструментов очень широки. Вполне возможна координация экономической политики стран СНГ, взаимоприемлемые условия товарообмена, цивилизованное разрешение спорных хозяйственных проблем и конфликтных ситуаций. Важнейшими конкретными направлениями многостороннего сотрудничества стран Содружества могут и должны быть обеспечение функционирования режима свободной торговли, энергетика, развитие транспортных коридоров, обеспечение продовольственной и информационной безопасности. Появляется такой стимул к объединению усилий, как общая заинтересованность в реиндустриализации и диверсификации национальных экономик. Во многих из постсоветских государств зреет понимание того, что остановить процессы примитивизации и деиндустриализации национальных экономик можно лишь общими усилиями в рамках коллективной промышленной политики. Только относительно высокие и устойчивые темпы экономического роста на уровне 5-7% в год позволят успешно решить стратегические задачи: осуществить модернизацию экономики и добиться качественного улучшения жизни населения.²⁰

Перед Россией и большинством государств СНГ стоит задача за счет сложения национальных потенциалов стать активными участниками мировых экономических процессов. Приходит осознание того, что в условиях глобализирующегося мира малые и средние по масштабам страны СНГ могут быть конкурентоспособными только в рамках мощного интеграционного союза, так как вновь наступило время «больших игроков и больших пространств». Об этом, в частности, свидетельствует активное продвижение мировыми державами собственных проектов организации постсоветского пространства (Программа «Восточного партнерства» ЕС, Проект «Нового шелкового пути» США, «Политика добрососедства» Китая).

Россия располагает достаточными ресурсами для поддержания своего влияния на всем постсоветском пространстве, в том числе для сохранения международной и региональной стабильности. Поэтому стоит отработать механизмы взаимодействия в рамках ЕАЭС, СНГ, ОДКБ, ШОС, равно как и в двухсторонних отношениях. И далее допустимы и оправданны разноуровневые и разноскоростные модели интеграции с учетом национальной экономической и социальной специфики каждого члена Сообщества. Мировой опыт свидетельствует, что объединение усилий на основе системных принципов всегда приносит кумулятивный эффект. ЕАЭС в перспективе может трансформироваться в более широкое торгово-экономическое объединение и стать крупным субъектом мировой экономики.

В.В. Путин на юбилейном заседании Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ-2016) 17 июня 2016 г. заявил, что Россия

²⁰Акаев А.А., Зиядуллаев Н.С., Сарыгулов А.И., Соколов В.Н. Среднесрочный прогноз динамики развития экономики России // Проблемы прогнозирования, 2016, № 5, с. 41.

и другие страны ЕАЭС, входящие в ШОС выступают за создание большого Евразийского партнерства с участием стран СНГ, Китая, Индии, Пакистана и ряда других государств. «Мы с нашими партнерами считаем, что Евразийский экономический союз может стать одним из центров формирования более широкого интеграционного контура», открытого и для европейских стран²¹.

Эта новая интеграционная инициатива России получила широкое одобрение на юбилейном саммите Шанхайской организации сотрудничества 23-24 июня 2016 г. в Ташкенте, на котором был подписан меморандум о присоединении к ШОС Индии и Пакистана. Таким образом, Шанхайская организация сотрудничества превращается в новую «большую восьмерку», объединяющую почти половину населения планеты. Принятие новых членов укрепит позиции Содружества. С организацией, куда входят четыре страны с ядерным оружием, а общий ВВП государств на пространстве ШОС в сумме приближается к 30 трлн долл. нельзя будет не считаться. Из организации, которая занималась преимущественно региональной безопасностью, ШОС превращается в мощное экономическое содружество. Одновременно получают развитие переговоры о сопряжении Евразийского экономического союза и китайского «Экономического пояса «Шелкового пути».

Однако ШОС - это инструмент, с помощью которого Китай увеличивает свое влияние в Центральной Азии. К сожалению, в начале 1990-х годов Россия сама освободила геополитическое пространство Центральной Азии, и Китай просто использовал благоприятный момент. Сейчас важно России укрепить свое присутствие в Центральной Азии. Условности вроде участия или неучастия в многосторонних форматах – ОДКБ, ЕАЭС – не могут быть главными в определении союзников. Причем это без привязки к возвращению Узбекистана в ОДКБ или попытке склонить его к вступлению в Евразийский экономический союз. Россия следует всячески укреплять многостороннее сотрудничество со всеми государствами СНГ.

Современный этап глобализации характеризуется высочайшей степенью взаимозависимости стран. Глубинный анализ показывает, что объективные предпосылки, способствующие продолжению экономических отношений между странами СНГ, а в последующем их более тесной координации, не только сохраняются, но и детерминируют эффективность и необходимость их многостороннего сотрудничества. СНГ имеет исторические, материальные, этнокультурные и идеологические императивы для коллективного встраивания в мировую экономику. При наличии политической воли и умения разглядеть реальные перспективы интеграции можно и должно задействовать все выгоды международного разделения труда и взаимовыгодного сотрудничества.

Такой поворот тем более необходим и актуален, что наряду с потребностью развития межкооперационных связей членов СНГ, им вместе предстоит достойно ответить на вызовы современности: глобализацию экономики и новые угрозы национальной безопасности.

²¹ <http://www.rbc.ru/opinions/economics/17/06/2016/5763dfff9a794704a8e9d0f3>.

Становление новой евразийской интеграции пришлось на повышения роли регионального сотрудничества на постсоветском пространстве. От результативности ЕАЭС во многом зависит подъем экономики России и всего Содружества независимых государств [6-8, 12-17].

Список литературы:

1. Путин В.В. Выступление на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ-2016). - 17.06.2016.
2. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. – Т.,: «Узбекистан», 2007 - С. 289.
3. 25 лет Содружеству Независимых Государств - Статсборник, М., Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2016: <http://www.cisstat.org/>.
4. Акаев А.А., Зиядуллаев Н.С., Сарыгулов А.И., Соколов В.Н. Среднесрочный прогноз динамики развития экономики России // Проблемы прогнозирования, 2016. - № 5. - С.37-46
5. Внешнеэкономические связи постсоветских стран в контексте евразийской интеграции – М., ИЭ РАН, 2014.
6. Зиядуллаев Н.С. СНГ: Дорога в третье тысячелетие. Проблемы развития и укрепления Содружества / пред. акад. А.Д. Некипелова. М.: ИСПИРАН, 2002. 210 с.
7. Зиядуллаев Н.С.– Евразийский экономический союз: проблемы и перспективы - М., Экономист, 2014, № 10.
8. Зиядуллаев Н.С. Формирование Евразийского экономического союза: риски и шансы в период турбулентности – М., Российский внешнеэкономический вестник, 2015. - № 5. - С.3-18.
9. Модернизация и экономическая безопасность России: Т. 6 / под ред. член-корр. РАН В.А. Цветкова. М., СПб.: Нестор-История, 2016.
10. Тупик борьбы интеграций в Европе: доклад Комитета гражданских инициатив. М., 2014. URL: <http://komitetgi.ru/news/news/1611>.
11. Хасбулатов Р.И. Закат рыночного фундаментализма. Теории, политика, конфликты: монография / Р.И. Хасбулатов: В 4 т. – Т. 1,2. — М.: изд-во «Русайнс», 2015. — 300 с.
12. Зоидов К.Х., Зоидов З.К. 25 лет СНГ: итоги, проблемы, перспективы экономического развития. 25 лет СНГ: основные итоги, проблемы, перспективы развития / Материалы МНПК. Москва, 29-30 июня 2016 г. / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова – М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. – 286 с. – С. 23-55.
13. Зоидов К.Х., Зоидов З.К. Исследование динамики циклического развития социально-экономических систем. Формирование финансово-кредитных механизмов обеспечения стабильности и экономического роста с учетом перспектив развития интеграции в ЕАЭС / Материалы МНПК Москва, 25-26 февраля 2016 г. / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова – М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. – 294 с. - С. 198-207.
14. Зоидов К.Х., Медков А.А., Зоидов З.К. Развитие транзитной экономики – основа стабильности, безопасности и модернизации России и стран Центральной Азии / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. 339 с.
15. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Медков А.А. Формирование эволюционной модели транспортно-транзитной системы России в условиях интеграции и глобализации. - М. : ИПР РАН; СПб.: Нестор-История, 2014. - 800 с.
16. Цветков В.А., Зоидов К.Х. и др. Постсоветское экономическое пространство: современное состояние и перспективы развития / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. - М.: Финансы и кредит, 2009. – 472 с.
17. Цветков В.А., Зоидов К.Х. и др. Администрирование внешнеторговых грузопотоков. Труды ЭАЦ «Модернизация», вып. 7. М., ЭАЦ «Модернизация», 2013. - 480 с.

СИСТЕМА МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ: ЦИКЛИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ, СУЩЕСТВУЮЩИЕ РИСКИ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ²²

Зоидов Кобилжон Ходжиевич – к.ф.-м.н., доцент, заведующий лабораторией
Интеграции российской экономики в мировое хозяйство Института проблем рынка РАН

Янкаускас Константинас Стасисович – научный сотрудник Лаборатории
интеграции российской экономики в мировое хозяйство Института проблем рынка РАН

Введение. В 1990-е годы в связи с трансформационным экономическим кризисом финансово-бюджетное положение России было тяжелым и отличалось нестабильностью. Государственный бюджет в России сводился, как правило, с дефицитом. Бюджетный потенциал по отношению к ВВП варьировал до 26-29% в России [1-2]. Доля налоговых поступлений в бюджет в общих бюджетных доходах достигала 70-91%. Со сложившейся благоприятной ситуацией в период с 1999-2008 гг. на рынках сырьевых ресурсов (энергоносителей) и расширением внутреннего и внешнего спроса в России появились позитивные тенденции стабилизации экономики в целом, в том числе и финансового сектора. В России государственный бюджет стал исполняться с профицитом или сокращающимся дефицитом. В этот период темпы роста доходов бюджетов опережали темпы инфляции, что оказало положительное влияние на увеличение бюджетных ресурсов. Однако указанный рост объемов консолидированного бюджета РФ сопровождался формированием диспропорций при распределении доходов и расходов бюджетной системы между федеральными и региональными уровнями (табл. 1- табл.2).

Таблица 1

Распределение доходов и расходов консолидированного бюджета РФ по
уровням бюджетной системы в 1992-2015 гг.²³

Год	Доходы федеральног о бюджета, млрд.руб. (до 1998 г. - трлн. руб.)	Расходы федеральног о бюджета, млрд.руб. (до 1998 г. - трлн. руб.)	Профицит/ дефицит федерального бюджета, млрд.руб. (до 1998 г. – трлн. руб.)	Доходы консолидир . бюджетов субъектов федерации, млрд.руб. (до 1998 г. - трлн. руб.)	Расходы консолидир . бюджетов субъектов федерации, млрд.руб. (до 1998 г. - трлн. руб.)	Профицит/дефици т консолидир. бюджетов субъектов федерации, млрд.руб. (до 1998 г. - трлн. руб.)
1992	3	4	-1	2,7	2,4	0,3
1993	25,5	35,4	-9,9	30,1	28,2	1,9
1994	81,7	142,7	-68,6	115,7	112,6	3,1
1995	232,1	275,2	-43,1	241	247	-6

²² Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-02-00614 а) и Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-06-00469 а).

²³ Данные из Российского статистического ежегодника Росстата, выпуски 2003, 2010 и 2015 года.

1996	281,9	356,2	-74,3	322,9	342,8	-19,9
1997	343,4	436,6	-93,1	433,4	468,1	-34,7
1998	325,9	472,2	-146,3	413,4	422,4	-9
1999	615,5	666,9	-51,4	660,8	653,8	7
2000	1132,1	1029,2	102,9	1065,8	1032,1	33,7
2001	1594	1321,9	272,1	1322,4	1330,2	-7,8
2002	2204,7	2054,2	150,5	1633,6	1687,2	-53,6
2003	2586,2	2358,6	227,6	1930,5	1984,3	-53,8
2004	3428,9	2698,9	730	2403,2	2373	30,2
2005	5127,2	3514,3	1612,9	2999,9	2941,2	58,7
2006	6278,9	4284,8	1994,1	3797,3	3657,7	139,6
2007	7781,1	5986,6	1794,6	4828,5	4790,5	38
2008	9275,9	7570,9	1705,1	6198,8	6253,1	-54,4
2009	7337,8	9660,1	-2322,3	5926,6	6255,7	-329,1
2010	8305,4	10117,5	-1812	6537,3	6636,9	-99,6
2011	11367,7	10925,6	442	7644,2	7679,1	-34,9
2012	12855,5	12895	-39,4	8064,5	8343,2	-278,7
2013	13019,9	13342,9	-323	8165,1	8806,6	-641,5
2014	14496,9	14831,6	-334,7	8905,7	9353,3	-447,6
2015	13659,2	15620,3	-1961,0	9308,2	9479,8	-171,6

Таблица 2

Отношение доходов, расходов и профицита (дефицита) федерального бюджета и консолидированных бюджетов субъектов федерации к ВВП в 1992-2013 гг.

Год	Доходы федеральног о бюджета, в % к ВВП	Расходы федеральног о бюджета, в % к ВВП	Доходы консолидир . бюджетов субъектов федерации, в % к ВВП	Расходы консолидир . бюджетов субъектов федерации, в % к ВВП	Профицит/ дефицит федерального бюджета, в % к ВВП	Профицит/дефици т консолидир. бюджетов субъектов федерации, в % к ВВП
1992	15,8%	21,0%	14,2%	12,6%	-5,3%	1,6%
1993	14,9%	20,6%	17,6%	16,4%	-5,8%	1,1%
1994	13,4%	23,4%	18,9%	18,4%	-11,2%	0,5%
1995	16,2%	19,3%	16,9%	17,3%	-3,0%	-0,4%
1996	14,0%	17,7%	16,1%	17,1%	-3,7%	-1,0%
1997	14,7%	18,6%	18,5%	20,0%	-4,0%	-1,5%
1998	12,4%	18,0%	15,7%	16,1%	-5,6%	-0,3%
1999	12,8%	13,8%	13,7%	13,6%	-1,1%	0,1%
2000	15,5%	14,1%	14,6%	14,1%	1,4%	0,5%
2001	17,6%	14,6%	14,6%	14,7%	3,0%	-0,1%
2002	20,4%	19,0%	15,1%	15,6%	1,4%	-0,5%

2003	19,6%	17,9%	14,6%	15,0%	1,7%	-0,4%
2004	20,1%	15,9%	14,1%	13,9%	4,3%	0,2%
2005	23,7%	16,3%	13,9%	13,6%	7,5%	0,3%
2006	23,3%	15,9%	14,1%	13,6%	7,4%	0,5%
2007	23,4%	18,0%	14,5%	14,4%	5,4%	0,1%
2008	22,5%	18,3%	15,0%	15,1%	4,1%	-0,1%
2009	18,9%	24,9%	15,3%	16,1%	-6,0%	-0,8%
2010	17,9%	21,8%	14,1%	14,3%	-3,9%	-0,2%
2011	20,4%	19,6%	13,7%	13,8%	0,8%	-0,1%
2012	20,7%	20,7%	13,0%	13,4%	-0,1%	-0,4%
2013	19,5%	20,0%	12,2%	13,2%	-0,5%	-1,0%
2014	18,6%	19,0%	11,4%	12,0%	-0,4%	-0,6%
2015	16,9%	19,3%	11,5%	11,7%	-2,4%	-0,2%

Данные из таблиц 1 и 2 свидетельствуют о неравномерности в распределении финансовых ресурсов российского бюджета между различными уровнями между федеральным бюджетом и бюджетами регионов (субъектов федерации) на различных временных отрезках. В 1993-1998 гг. объем доходов бюджетов субъектов федерации превышает объем доходов федерального бюджета. При этом объем расходов федерального бюджета за тот же период превышал объем расходов бюджетов субъектов федерации. В 1999-2000 гг. наблюдается примерное равенство доходов, поступивших в федеральный и региональные бюджеты. С 2001 года начинается устойчивый рост объема доходов федерального бюджета, как в абсолютном выражении, так и в процентах от объема валового внутреннего продукта. Исключением являются кризисный 2009 год и посткризисный 2010, когда доходы федерального бюджета составили 18,9 и 17,9 % от ВВП соответственно. Доходы бюджетов субъектов федерации в 2001-2010 гг. колебались в районе 14,7-16,1 % от ВВП, а с 2011 года последовательно снижались, достигнув 13,2 % в 2013 году.

С 2012 года федеральный бюджет формируется с хроническим дефицитом. Объем его дефицита существенно увеличился в 2015 году, составив почти 2 трлн рублей или 2,4 % от ВВП. В этом же году впервые за 5 лет сократился объем доходов федерального бюджета, более чем на 800 млрд рублей в текущих ценах. В процентном отношении к ВВП доходы федерального бюджета, начиная с 2012 года, сократились почти на 4 %, до 16,9 % в 2015 году. Это примерно сопоставимо с уровнем 2000-2001 годов. Однако расходы федерального бюджета за тот период были примерно на 4,5-5 % ниже уровня 2015 года. Существующий разрыв в доходах и расходах покрывается в основном за счет средств Резервного фонда, который по прогнозам

председателя Счетной палаты РФ Татьяны Голиковой будет полностью исчерпан к концу 2017 года.²⁴

Следует также отметить, что хронический дефицит совокупного бюджета субъектов федерации, начал формироваться еще раньше - начиная с 2008 года. Это в свою очередь привело к росту объема государственного долга за последние 7 лет в 3,9 раз (табл. 3.). **Рис. 1 и рис. 2** более наглядно иллюстрируют процесс перераспределения доходов между уровнями бюджетной системы, произошедший в 2000-е годы.

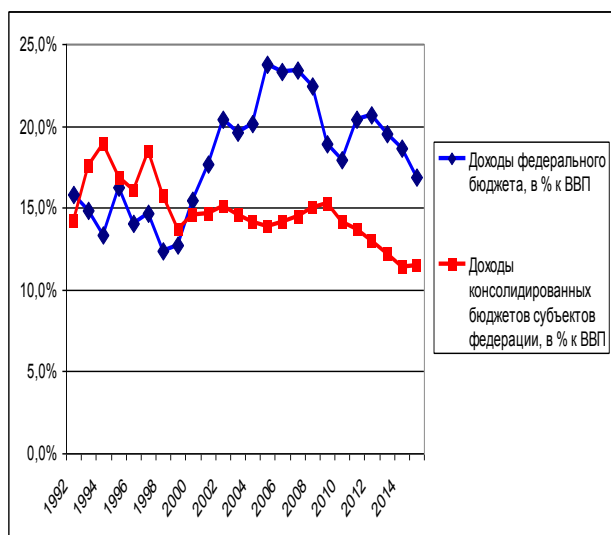

Рис. 1. Циклическая динамика распределения доходов по уровням бюджетной системы России в 1992-2015 гг.

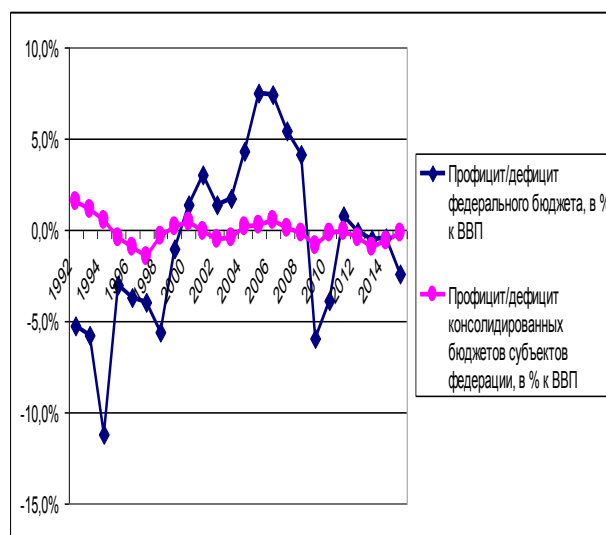

Рис. 2. Циклическая динамика профицита/дефицита федерального бюджета и консолидированных бюджетов субъектов федерации в России в 1992-2015 гг.

Таким образом, сложившаяся в начале 2000-х годов система распределения доходов бюджета между федеральным и региональными бюджетами, способствовала опережающему росту доходов федерального бюджета в «тучные годы» (2001-2008 гг.), в то время, как доходы бюджетов субъектов федерации были зафиксированы примерно на одном уровне, а после финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. стали снижаться, а совокупный бюджет субъектов федерации стал устойчиво дефицитным. При этом правительство РФ не предпринимало системных мер по ликвидации этой структурной диспропорции бюджетной системы. Дефицит расходов бюджетов регионов компенсировался за счет предоставления межбюджетных трансфертов и дотаций на выравнивание бюджета. Однако сокращение объемов доходов федерального бюджета с 2012 года сокращает возможности такого рода помощи региональным бюджетам. Вторым источником финансирования хронического дефицита бюджетов субъектов федерации является заимствования на внутреннем и внешних рынках.

²⁴ Счетная палата: Резервный фонд полностью будет исчерпан в 2017 году. 12 декабря 2016 г. // <http://www.vedomosti.ru/economics/news/2016/12/12/669168-schetnaya-palata>

Государственный долг субъектов федерации. Следствием уже отмеченного выше снижения объема доходов бюджетов субъектов федерации и формирования их с дефицитом, начиная с 2008 года, явился устойчивый рост объема государственного долга субъектов федерации и расходов на его обслуживание.

Таблица 3

Государственный долг субъектов федерации
в 2009-2015 гг., млрд.руб.²⁵

Дата	Объем государственного долга субъектов федерации, млрд. руб.
01.02.2009	564,1
01.01.2010	889,6
01.01.2011	1096
01.01.2012	1172,2
01.01.2013	1355
01.01.2014	1737,5
01.01.2015	2089,5
01.02.2016	2335,6
01.11.2016	2210,8

Как видно из таблицы 3 с 2009 по 2016 год объем государственного долга субъектов федерации увеличился в 3,9 раз и по данным министерства финансов РФ на 1 ноября 2016 года составил 2,2 трлн рублей. Объем госдолга субъектов федерации практически сравнялся с их совокупными расходами на образование (2,4 трлн рублей в 2014 году). Как следствие существенно выросли и расходы региональных бюджетов на обслуживание государственного долга. В 2008 году они составляли 35,9 млрд. рублей, а в 2015 году – уже 149 млрд рублей. Таким образом, расходы на обслуживание госдолга регионов за 7 лет увеличились почти в 4,2 раза.

Таблица 4

Расходы консолидированного бюджета субъектов федерации
на обслуживание государственного и муниципального долга
в 2008-2013 гг., млрд. руб.²⁶

Год	Расходы субъектов федерации на обслуживание госдолга, млрд.руб.
2008	35,9
2009	62,7
2010	71,3
2011	75,7
2012	74,6
2013	91,2
2014	121,7

²⁵ Данные с официального сайта министерства финансов РФ // URL: http://minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt/2016/, http://info.minfin.ru/debt_subj.php.

²⁶ Данные из Российского статистического ежегодника Росстата, выпуски 2003, 2010 и 2015 года.

В 2013 году объем накопленного государственного долга субъектов федерации превысил совокупные расходы региональных бюджетов на жилищно-коммунальное хозяйство в 1,9 раз, на здравоохранение – в 1,4 раза. В 2013 году размер государственного долга субъектов РФ увеличился до 30% по отношению к собственным доходам, а количество регионов, имеющих долговую нагрузку свыше 50% собственных доходов, выросло за год с 15 до 25 [3]. Нарастание объемов государственного долга субъектов федерации и расходов на его обслуживание в условиях сокращения доходов региональных бюджетов может создать угрозу финансовой стабильности бюджетной системы в среднесрочной перспективе. По данным Счетной палаты РФ на 1 января 2016 года в 76 субъектах федерации бюджет на год был сформирован с дефицитом и лишь в 9 – с профицитом.²⁷

Чтобы ослабить долговую нагрузку на бюджеты субъектов федерации в принятом Государственной Думой РФ федеральном бюджете на 2017 год запланировано выделение бюджетных кредитов регионам на общую сумму в 200 млрд рублей.²⁸ Однако данной меры недостаточно, чтобы решить проблему целиком. По прогнозу рейтингового агентства Standard&Poors у четверти российских регионов к 2018 году расходы бюджета на обслуживание и погашение государственного долга будут превышать 30% доходов [4]. Подобный уровень свидетельствует об очень высокой вероятности дефолта регионального бюджета.

Зарубежный опыт регулирования финансово-бюджетных отношений.

Опыт других стран с федеративным типом государственного устройства свидетельствует о многообразии подходов к распределению доходных и расходных полномочий, использованию федеральных трансфертов и механизмов выравнивания бюджетной обеспеченности регионов. Сравнительный анализ доходных и расходных полномочий приводит к выводу, что для большинства переходных федераций, к которым в том числе относится и Россия, в целом характерна весьма высокая степень концентрации властных полномочий и финансовых ресурсов на уровне центрального правительства. Доля федеральных властей в совокупных доходах государства составляет в этих странах порядка 70-90 % (до перевода трансфертов в регионы), а доля в совокупных расходах (после перевода трансфертов) – порядка 50-60 % [4]. В так называемых «зрелых федерациях» такие показатели, как правило, ниже. Исключением является Австралия, в которой федеральное правительство концентрирует в своих руках примерно 75% общегосударственных доходов (в США – около 67%), при этом на федеральном уровне расходуется почти 60% аккумулируемых средств. Соответственно в относительно «молодых»

²⁷ Минфин хочет сократить трансферты регионам на 15,5%. 25 июля 2016 г., Александра Прокопенко, «Ведомости» URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/07/25/650395-transfert-regionam>

²⁸ Центр отучает регионы от бесплатных денег. Вадим Вислогузов. Коммерсант-газета // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3170156/>.

федерациях выше степень зависимости региональных субъектов от перевода средств из центра. В таких странах доля поступлений из центра в совокупных доходах субъектов составляет, как правило, от 50 до 70% и более. В зрелых федерациях эта доля колеблется в пределах от 20 до 40% [4].

Международные эксперты обращают внимание на то, что в переходных федерациях придается большое значение экономическому прогнозированию и планированию. Оно признано необходимым для проведения масштабных структурных реформ, ликвидации отраслевых и региональных диспропорций, реализации задач стимулирования занятости в отдельных регионах, оказания социальной поддержки малообеспеченным слоям населения. Все это усиливает роль центрального правительства как главного планирующего органа, обладающего большими финансовыми полномочиями. В связи с этим встречающееся иногда утверждение, будто из-за высокой степени централизации власти современная Россия является федерацией «только по названию, но не по сути», не согласуется с выводами серьезных специальных исследований и вряд ли может считаться обоснованным.

Вместе с тем, зарубежный опыт демонстрирует, что высокая централизация имеет немало отрицательных сторон. В частности, повышенная зависимость от центра ограничивает самостоятельность субъектов федерации, ослабляет стимулы к соблюдению ими принципов финансовой ответственности и экономному расходованию ресурсов.

Общее состояние системы межбюджетных отношений в России. Сложившаяся в настоящий момент модель финансово-бюджетных отношений отличается несбалансированностью, и в среднесрочной перспективе может создать угрозу финансовой стабильности и экономической безопасности России. С начала 2000-х годов устойчивой тенденцией стала централизация доходов консолидированного бюджета РФ в федеральном бюджете, в то время как доходы бюджетов субъектов федерации оставались примерно на одном уровне. Основным последствием финансово-экономического кризиса 2008-2009, существующим до сих пор, стал хронический дефицит региональных бюджетов, рост государственного долга субъектов федерации в 3,9 раз (по сравнению с 2008 годом) и расходов на обслуживание госдолга в 4,2 раза (за тот же период времени). Замедление и последующее падение темпов экономического роста, а также сокращение реальных доходов населения, начавшееся в 2014 году, способствуют и продолжают способствовать дальнейшему сокращению доходов региональных бюджетов из-за снижения поступлений от налога на прибыль и налога на доходы физических лиц, в сумме обеспечивающих половину доходной части бюджетов субъектов федерации.

При этом на региональные бюджеты приходится 79,5 % всех государственных расходов на образование и 71,1 % всех государственных расходов на здравоохранение (данные за 2014 год). Сохранение текущих дисбалансов бюджетной политики может привести и частично уже приводит к хроническому недофинансированию социальной сферы. Продолжительное

сокращение инвестиций в человеческий капитал серьезно ухудшает конкурентные преимущества российской экономики в целом, приводит к депопуляции отдельных регионов и концентрации населения в нескольких крупных мегаполисах, т.н. «утечке мозгов» за границу, росту социальной напряженности, создающей угрозу социально-политической стабильности государства в целом.

Для ликвидации подобных кризисных явлений необходима корректировка бюджетной политики для более сбалансированного распределения доходов и расходов бюджета между федеральным и региональным уровнем.

Предложения по корректировке дисбалансов в системе межбюджетных отношений. В качестве возможных способов корректировки бюджетной политики, способствующей ликвидации существующих дисбалансов в структуре межбюджетных отношений, можно предложить следующие [5-6]:

1. Зачисление 60 % налога на добавленную стоимость на товары (работы, услуги), реализуемые на территории Российской Федерации, в бюджеты субъектов федерации. Сейчас 100 % указанного налога зачисляется в федеральный бюджет. Данная мера позволила бы дополнительно привлечь не менее 1,3 трлн рублей в региональные бюджеты (здесь и далее расчет берутся исходя из отчета об исполнении консолидированного бюджета РФ за 2014 год).

2. Зачисление 100 % налога на прибыль в бюджеты субъектов федерации. Сейчас в региональные бюджеты поступает примерно 83 % указанного налога, 17 % направляется в федеральный бюджет. Данная мера позволила бы дополнительно привлечь не менее 400 млрд рублей. Однако одновременно необходимо на законодательном уровне закрепить обязанность уплаты налога на прибыль в регионе, где по факту осуществляется экономическая деятельность предприятия-налогоплательщика. В противном же случае стопроцентное зачисление налога на прибыль в региональные бюджеты будет способствовать еще большему увеличению социально-экономическому неравенству регионов. На сегодняшний день значительное число корпораций и крупных финансово-промышленных групп зарегистрированы и платят налоги в двух городах федерального подчинения – Москве и Санкт-Петербурге.

Предложенный налоговый маневр позволил бы пополнить консолидированные бюджеты субъектов федерации не менее, чем 1,7 трлн рублей, что позволило бы снять остроту бюджетного кризиса в регионах, избежать дефолтов региональных бюджетов и увеличить финансирование социальной части бюджетов субъектов федерации.

3. Вместе с перераспределением части налоговых поступлений в пользу бюджетов субъектов федерации следует предоставить местным властям возможность регулировать размер ставки по налогу на прибыль и передаваемой регионам части НДС. Данная мера позволит региональным властям стимулировать экономическую активность. Регулирование ставки должно ограничиваться определенным коридором, чтобы избежать появления в

отдельных регионах «внутренних оффшоров», с помощью которых крупные корпорации смогут уходить от уплаты налогов.

4. Выпадающие в случае перераспределения налогов доходы федерального бюджета следует компенсировать в первую очередь за счет повышения качества управления предприятиями, находящимися в государственной собственности. В частности, необходимо избрание в советы директоров госкомпаний независимых директоров, из которых сформировать комитеты по аудиту и номинациям. Данная мера должна способствовать внедрению международных корпоративных стандартов прозрачности и внутреннего контроля, обеспечить конкурентный и обоснованный порядок привлечения и компенсации топ-менеджеров, включая руководителей компаний. Повышение качества управления госкомпаниями позволит с одной стороны увеличить доходы федерального бюджета, с другой стороны - снизить его расходы. В 2014 году расходы по статье «национальная экономика» составили 3,06 трлн рублей, это вторая по объему расходов статья федерального бюджета. Приватизация части госкомпаний, как альтернативный способ увеличения доходов федерального бюджета, возможна только после завершения реформы управления госсектором. В противном случае, она не сможет способствовать выполнению как фискальной функции (максимизации доходов бюджета от продажи государственных активов), так и структурной – повышению эффективности и конкурентоспособности национальной экономики.

Список литературы:

1. Зоидов К.Х., Янкаускас К.С. Формирование эффективной модели регулирования финансово-бюджетных отношений между федеральными и региональными уровнями в условиях интеграции и нестабильности. Часть I // Региональные проблемы преобразования экономики, 2016. - № 3(65). – С. 114-128.
2. Зоидов К.Х., Янкаускас К.С. Формирование эффективной модели регулирования финансово-бюджетных отношений между федеральными и региональными уровнями в условиях интеграции и нестабильности. Часть II // Региональные проблемы преобразования экономики, 2016. - № 4(66). – С. 82-94.
3. Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития. Пленарные доклады / Материалы Второго Международного форума. Москва, 12-13 ноября 2013 г. Под ред. академика РАН Н.Я. Петракова. – М.: ЦЭМИ РАН, 2013, с. 152.
4. Немова Л.А. Межбюджетные отношения: зарубежный опыт и уроки для России // Россия и Америка в XXI веке. 2008. № 2.
5. Зоидов К.Х. Эффективное регулирование системы финансово-бюджетных отношений стран ЕАЭС в условиях нарастающей глобальной нестабильности. Формирование финансово-кредитных механизмов обеспечения стабильности и экономического роста с учетом перспектив развития интеграции в ЕАЭС / Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 25-26 февраля 2016 г. / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова – М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. – 294 с. - С. 189-198.
6. Зоидов К.Х. Оптимизация системы межбюджетных отношений России в рамках интеграции в ЕАЭС в условиях нарастающей глобальной нестабильности. 25 лет СНГ: основные итоги, проблемы, перспективы развития / Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 29-30 июня 2016 г. / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова – М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. – 291 с. – С. 252-257.

ЦИКЛИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ СТРАН БРИКС²⁹

Зоидов Кобилжон Ходжиевич – к.ф.-м.н., доцент, заведующий лабораторией Интеграции российской экономики в мировое хозяйство Института проблем рынка РАН

Зоидов Зафар Кобилджонович – научный сотрудник Лаборатории интеграции российской экономики в мировое хозяйство Института проблем рынка РАН

Янкаускас Константинас Стасисович – научный сотрудник Лаборатории интеграции российской экономики в мировое хозяйство Института проблем рынка РАН

ВВЕДЕНИЕ. БРИКС (англ. BRICS — сокращение от английских названий стран Brazil, Russia, India, Chinese National Republic, South Africa) — группа из пяти стран: Бразилии, России, Индии, Китая, Южно-Африканской Республики³⁰.

Впервые аббревиатура БРИК (BRIC) была использована аналитиком инвестиционного банка Goldman Sachs Джимом О'Нилом в ноябре 2001 года. В своей аналитической записке «Building better global economic BRICs»³¹ О'Нил приводил данные, что в начале нового тысячелетия темпы роста ВВП в четырех крупнейших развивающихся экономиках (Бразилия, Россия, Индия и Китай) превышают аналогичные показатели в крупнейших развитых экономиках. К концу 2000 года, по словам аналитика, совокупный объем ВВП стран БРИК, рассчитанный по паритету покупательной способности, составил 23,3 % мирового ВВП. Дальнейший рост доли этих стран в мировом ВВП, по мнению автора, должен был увеличить влияние их бюджетной и кредитно-денежной политик на развитие мировой экономики. В этой связи О'Нил предложил «заменить «Большую семерку» на «Большую девятку»», то есть исключить из клуба семи ведущих развитых стран Италию и Канаду и включить вместо них Бразилию, Россию, Индию и Китай.

Предложенного О'Нилом расширения G-7 не произошло, однако, с 2006 года начались четырехсторонние контакты на уровне министров иностранных дел стран БРИК. Первый саммит группы состоялся в июне 2009 года в Екатеринбурге. В 2011г. после присоединения Южно-Африканской Республики к группе она изменила свое название на BRICS. К настоящему времени состоялось уже 8 ежегодных саммитов группы.

БРИКС не является ни торговым или экономическим союзом, как, например Европейский Союз или НАФТА, ни военно-политическим объединением, как, например, НАТО. В настоящий момент это политический

²⁹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10149).

³⁰ Аббревиатура BRICS является сокращением от английских названий стран - Brazil, Russia, India, China, South Africa. Последовательность букв в ней определяется не только благозвучием, но и тем, что само слово в английской транскрипции BRICS очень похоже на английское слово bricks — «кирпичи».

³¹ Jim O'Neill «Building Better Global Economic BRICs» // Goldman Sachs Global Economics Paper No: 66. – URL: <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/archive-pdfs/build-better-brics.pdf>.

клуб, в рамках саммитов которого проходит согласование позиций стран-участниц и приглашенных гостей по наиболее актуальным вопросам развития мировой экономики и международных отношений. Единственным постоянно действующим институтом группы является создаваемый Новый банк развития БРИКС, который будет специализироваться на финансировании инфраструктурных проектов пяти стран. Решение о создании банка было принято на саммите БРИКС в июле 2014 г. в бразильском городе Форталеза.

Целью данного исследования сопоставление основных параметров социально-экономического развития стран БРИКС. На основе этого можно будет сделать вывод о том, в каких отраслях и направлениях деятельности странам БРИКС следует усилить интеграционные связи.

Изменившаяся в 2014 г. международная обстановка и внешнее давление на российскую экономику еще более актуализируют задачу понимания текущего места нашей страны в рамках БРИКС. Каковы конкурентные преимущества отечественной экономики по сравнению с другими странами-участницами группы, в чем заключаются риски, вызов и возможности дальнейшей интеграции нашей страны со странами БРИКС – поиск ответов на все эти вопросы также является целью данного исследования.

БРАЗИЛИЯ. Объем валового внутреннего продукта. Объем валового внутреннего продукта Бразилии в 1992 г. сократился на 0,5 % по сравнению с предыдущим годом. После чего наблюдается непрерывный рост объем ВВП до 2008 г., когда этот показатель составил 170,3 % от уровня 1991 года. В следующем 2009 г. он сократится на 0,2 % вследствие затронувшего бразильскую экономику мирового финансового кризиса. Наиболее сильное за 25 лет сокращение объемов ВВП произошло в 2015 г. – на 3,8 % в годовом исчислении или на 7,7 % при расчете в ценах 1991 года. В структуре производства ВВП Бразилии за последние 25 лет также произошли заметные изменения. С 1991 по 1993 г. наблюдался рост доли промышленности, до 41,6 % ВВП. Одновременно сокращалась доля сферы услуг – с 56 % до 50,8 %. В 1994 г. произошло масштабное сокращение доли промышленности и сельского хозяйства в структуре ВВП – на 12,5 % и 4,1 % соответственно. Доля сферы услуг в том г. выросла до 66,7 %. Данная пропорция сохранялась до начала кризиса 2015 г., который привел к новому витку деиндустриализации. По итогам 2015 г. доля сферы услуг выросла до 72 %, в то время как доля промышленности сократилась до 22,7 % (табл. 1).

Таблица 1

Циклическая динамика ВВП и структура производства валовой добавленной стоимости (ВДС) Бразилии в 1991-2015 гг.³²

Год	Индекс ВВП (1991=100)	ВВП в текущих ценах, млрд. долл. США	Промышленность, объем ВДС в % от ВВП	Сельское хозяйство, объем ВДС в % от ВВП	Сфера услуг, объем ВДС в % от ВВП
1991	100,0	602,9	36,2	7,8	56,0

³² База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. Расчеты авторов.

1995	114,6	785,6	27,5	5,8	66,7
2000	127,1	655,4	26,7	5,5	67,7
2005	147,0	891,6	28,5	5,5	66,0
2010	182,9	2208,9	27,4	4,8	67,8
2015	192,1	1774,7	22,7	5,2	72,0

Объем промышленного производства. Объем промышленного производства в Бразилии в 1992 г. сократился на 4 % по сравнению с 1991 годом. Затем этот показатель увеличился до 117,2 % в сопоставимых ценах в 1995 г., после чего вновь стал снижаться до 114,5 % в 1999 году. С 2001 г. объем промышленного производства непрерывно рос до 2008 г. а, составив 153,6 %. После сокращения в 2009 г., вызванного мировым финансовым кризисом, промышленное производство вновь начало увеличиваться до 170,4 % в 2013 году. В 2014-2015 годах очередной кризис привел к сокращению этого показателя до 158,4 % от уровня 1991 года. Доля обрабатывающей промышленности в структуре валовой добавленной стоимости Бразилии в 1991-2015 годах сократилась более чем в два раза – с 25,3 % до 11,4 % соответственно. Следует отметить, что доля отраслей машиностроения и транспортного оборудования с 1992 по 2013 г., напротив, увеличилась почти на 4 % (табл. 2).

Таблица 2

Динамика промышленного производства в Бразилии в 1991-2015 гг.³³

Год	Индекс промышленного производства (1991=100)	Объем промышленного производства в текущих ценах, млрд. долл. США	Обрабатывающая промышленность, объем ВДС в % от ВВП	Машиностроение и производство транспортного оборудования, объем ВДС в % от ВВП
1991	100,0	190,0	25,3	..
1995	117,2	184,8	18,6	20,4
2000	120,6	150,8	15,3	19,1
2005	136,2	215,5	17,4	19,0
2010	161,4	514,0	15,0	22,6
2011	168,0	604,3	13,9	22,6
2012	166,7	545,2	12,6	21,5
2013	170,4	524,9	12,3	22,0
2014	168,8	496,9	11,7	..
2015	158,4	345,5	11,4	..

Объем выпуска сельскохозяйственной продукции. Объем сельскохозяйственного производства в Бразилии рос непрерывно с 1991 по 2008 год. В 2008 г. этот показатель составил 205,3 % от уровня 1991 г., а в следующем году сократился до 197,6 процента. С 2012 г. объем сельскохозяйственного производства возобновил рост и в 2015 г. составил уже

³³ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. Расчеты авторов.

243,1 %. Темпы роста продукции растениеводства в Бразилии устойчиво превышали темпы роста продукции животноводства на протяжении всего исследуемого периода (табл. 3).

Таблица 3

Динамика сельскохозяйственного производства в Бразилии в 1991-2015 гг.³⁴

Год	Индекс сельскохозяйственного производства (1991=100)	Объем сельскохозяйственного производства в текущих ценах, млрд. долл. США	Индекс продукции растениеводства (2004-2006=100) ³⁵	Индекс продукции животноводства (2004-2006=100) ³⁶
1991	100,0	40,9	59,9	49,0
1995	121,0	38,7	70,0	62,2
2000	141,4	31,1	77,3	77,6
2005	179,6	41,5	98,0	100,9
2010	210,8	90,9	126,6	116,6
2011	222,7	113,6	135,3	118,9
2012	215,9	102,8	130,6	121,4
2013	233,9	111,4	140,3	127,5
2014	238,8	108,3
2015	243,1	79,2

Инвестиции в основной капитал. Циклическая динамика инвестиций в основной капитал в Бразилии является разнонаправленной. В 1992 г. этот показатель сократился на 6,6 % относительно предыдущего года. Затем начался период роста и в 1997 г. инвестиции в основной капитал достигли 133,6 % от уровня 1991 года. В период с 1998-1999 и 2001-2003 гг. оказались периодами спада, по итогам которых объем капитальных инвестиций сократился до 122,1 процента. К 2013 г. этот показатель вырос до 237,6 %, однако последующие два года сопровождалось снижением на 42,7 %. Из-за таких больших колебаний отношение инвестиций в основной капитал к ВВП осталось примерно на одном и том же уровне на протяжении 25 лет в районе 18 % (табл. 4).

Таблица 4

Динамика инвестиций в основной капитал в Бразилии в 1991-2015 гг.³⁷

Год	Индекс инвестиций в основной капитал (1991=100)	Инвестиции в основной капитал в текущих ценах, млрд. долл. США	Инвестиции в основной капитал, в % от ВВП
1991	100,0	109,2	18,1

³⁴ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. Расчеты авторов.

³⁵ Базовым для расчета показателем является среднегодовой объем производства продукции в 2004-2006 годах.

³⁶ Базовым для расчета показателем является среднегодовой объем производства продукции в 2004-2006 годах.

³⁷ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. Расчеты авторов.

1995	121,7	158,2	20,1
2000	131,0	120,0	18,3
2005	135,0	152,1	17,1
2010	208,8	453,6	20,5
2015	194,9	322,4	18,2

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ). Объем накопленных прямых иностранных инвестиций в экономике Бразилии увеличился с 1,1 млрд долл. США в 1991 году до 75,1 млрд долл. США в 2015 году. Наиболее успешным для Бразилии периодом привлечения ПИИ стали 2003-2011 годы, за которые объем ПИИ вырос с 10,1 до 101,2 млрд долл. В процентах от ВВП Бразилии объем ПИИ увеличился с 0,2 % в 1991 г. до 4,2 % в 2015 г. (табл. 5).

Таблица 5

Динамика ПИИ, объем авиаперевозок грузов и число пассажиров перевезенных самолетами в Бразилии в 1991-2015 гг.³⁸

Год	ПИИ, нарастающим итогом в млрд. долл. США	ПИИ, нарастающим итогом в % от ВВП	Объем авиаперевозок грузов, млрд. т/км	Число пассажиров перевезенных самолетами, млн. чел.
1991	1,1	0,2	1,0	19,2
1995	4,9	0,6	1,6	20,2
2000	33,0	5,0	1,7	31,3
2005	15,5	1,7	1,5	37,7
2010	88,5	4,0	1,3	74,6
2015	75,1	4,2	1,5	102,0

Транспорт и связь. Объем авиаперевозок грузов. Объем авиаперевозок грузов в Бразилии увеличивался с 1 млрд. т/км в 1991 году до 1,8 млрд. т/км в 1998 и 2008-2009 годах. В 2015 году это показатель составил 1,5 млрд. т/км.

Объем авиаперевозок пассажиров. Количество пассажиров, перевезенных авиацией в Бразилии, выросло более существенно, чем грузооборот. С 16,4 млн. человек в 1992 г. число пассажиров авиации выросло до 102 млн. человек в 2015, то есть практически в 7 раз.

Число абонентов стационарной и сотовой телефонной связи и пользователей сети Интернет. Число абонентов стационарной телефонной связи в Бразилии выросло с 10,1 млн. в 1991 г. до 45 млн. в 2013-м. В настоящий этот показатель составляет 43,7 млн. или примерно каждый пятый житель страны. Число абонентов сотовой связи в 1991 г. составляло всего 6,7 тысяч, а в 2015-м – 257,8 млн. На каждые 100 жителей Бразилии приходится почти 127 абонентских подключений к сотовой связи (табл. 6).

Таблица 6

Динамика количества пользователей телефонных сетей и сети Интернет в Бразилии в 1991-2015 гг.³⁹

³⁸ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. Расчеты авторов.

Год	Число абонентов стационарной сети телефонной связи, млн.	Число абонентов стационарной сети телефонной связи, на каждые 100 чел.	Число абонентов сотовой связи, млн.	Число абонентов сотовой связи, на кажд. 100 ч.	Число пользователей Интернета, на кажд. 100 чел.
1991	10,1	6,6	0,007	0,004	0,003
1995	13,3	8,2	1,3	0,8	0,1
2000	30,9	17,7	23,2	13,3	2,9
2005	39,9	21,4	86,2	46,3	21,0
2010	42,1	21,6	196,9	100,9	40,7
2015	43,7	21,4	257,8	126,6	59,1

Количество пользователей сети Интернет в Бразилии в настоящий момент составляет 59 человек на 100 жителей. То есть выход в Интернет имеет около 60 % жителей страны. Этот показатель непрерывно увеличивался большими темпами с начала 1990-х годов.

Социальная сфера. Население. С 1991 по 2015 г. население Бразилии увеличилось на 54,9 млн человек. При этом коэффициент рождаемости за тот же самый период сократился с 23,6 до 14,7, а коэффициент смертности – с 7 до 6,1 (табл. 7).

Таблица 7

Динамика численности населения Бразилии в 1991-2015 гг.⁴⁰

Год	Численность населения, млн. человек	Темп прироста населения, в %	Коэффициент рождаемости, на 1000 чел.	Коэффициент смертности, на 1000 чел.
1991	152,9	1,7	23,6	7,0
1995	162,8	1,5	22,0	6,5
2000	175,8	1,5	20,9	6,0
2005	188,5	1,3	18,1	5,9
2010	198,6	1,0	15,6	6,0
2014	206,1	0,9	14,7	6,1
2015	207,8	0,9

Безработица. Уровень безработицы в Бразилии был подвержен определенным колебаниям. В 1993-1995 годах он стабилизировался на уровне 6 %, однако за следующие 4 года увеличился до 9,6 % и не опускался ниже 8,9 вплоть до 2006 года. С 2006 по 2012 год безработица в Бразилии опустилась до уровня в 6,1 %. Однако, в 2013-2014 году она снова увеличилась и составила 6,8 %.

Индекс потребительских цен. В 1991-1994 годах в связи с проведением рыночных преобразований бразильская экономика оказалась подвержена

³⁹ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. Расчеты авторов.

⁴⁰ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. Расчеты авторов.

гиперинфляции. На протяжении четырех лет подряд потребительские цены увеличивались от 4 до 20 раз ежегодно. К 1997 г. уровень инфляции был снижен до однозначных цифр и оставался таковым за исключением 2003 года. Следует так же отметить, что в связи с внутренним кризисом в 2015 г. годовая инфляция в Бразилии увеличилась с 6,3 до 9% (табл. 8).

Таблица 8

Безработица и индекс потребительских цен
в Бразилии в 1991-2015 гг.⁴¹

Год	Уровень безработицы, в % от эконом. активного населения	Индекс потребительских цен, в % к предыдущему периоду
1991	6,9	432,8
1995	6	66,0
2000	9,5	7,0
2005	9,3	6,9
2010	7,9	5,0
2014	6,8	6,3
2015		9,0

РОССИЯ. В трансформационной кризисной социально-экономической системы России с 1991 г. по 2015 г. четко прослеживаются следующие восемь периодов, которые можно кратко охарактеризовать как:

- трансформационный циклический спад экономики (период с 1992-1995 гг.);
- попытки преодоления трансформационного циклического спада (период с 1996-1997 гг.);
- циклический спад или замедление роста в связи с российским финансово-долговым кризисом 1998 г. (период с 1998-1999 гг.);
- оживление *кризисной цикличности* в экономике в связи с ростом мировых цен на сырьевые ресурсы (период с 2000-2008 гг.);
- циклический спад или замедление роста в связи с мировым финансово-долговым экономическим кризисом 2008 г. (период с 2008-2009 гг.);
- циклическое развитие в условиях мирового финансово-долгового экономического кризиса и модернизации (период с 2010-2013 гг.);
- *кризисная цикличность* в условиях интеграции, нестабильности мировых цен на сырьевые ресурсы и санкционные процессы (период с 2014-2020 гг.- прогноз);
- выхода из *кризисной цикличности* в условиях перехода к шестому технологическому укладу (период с 2020-2030 гг.- прогноз).

Вместе с этим современное состояние экономики России характеризуют противоречивые циклические тенденции. С одной стороны, с 1999 г. по 2008 г. наблюдались высокие темпы экономического роста (кумулятивный экономический рост после кризиса 1998 г. превысил 82,9% от уровня 1999 г.) (табл. 9). С другой стороны, в связи с мировым финансово-долговым

⁴¹ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>.

циклическим кризисом не была решена проблема зависимости экономики России от мировых цен на энергоносители, практически не было осуществлено структурных реформ, в том числе реформ естественных монополий. Поэтому во второй половине 2014 г. экономика России, которая в значительной степени зависит от экспорта энергоносителей, серьезно пострадала от падения цен на нефть и западных санкционных процессов. По данным минэкономразвития России, спад производства отмечен в обрабатывающей промышленности, строительстве, сельском хозяйстве и секторе услуг.

В связи с этим, своевременный анализ и регулирование циклического колебания социально-экономической динамики и циклической динамики структурных сдвигов, особенно в условиях понижательной фазы длинной волны Кондратьева (1998-2020 гг.) и перехода к шестому технологическому укладу (период с 2020-2030 гг.- прогноз) является одной из важнейших задач государственной политики страны. Длительный трансформационный циклический кризис, охвативший российское экономическое пространство в 1992-1997 гг., неравновесие темпов прироста после российского дефолта 1998 г., мировой финансово-долговой экономической циклический кризис 2008-2009 гг. и циклическое развитие в условиях модернизации, интеграции, нестабильности, санкционных процессов и наведения порядка делают решение этой проблемы не просто важной, но и жизненно необходимой.

Объем валового внутреннего продукта (ВВП). Объем ВВП с 1992 г. резко упал до экономического кризиса 1998 г. и составил 60,5% от объема 1991 г. (табл. 9). С 1999 до 2007 г. наблюдался устойчивый рост объема ВВП и в 2008 г. он составил 117,3% от уровня 1991 года. По официальным данным, рост объема ВВП в России в 2004 г. составил 7,2%, в 2005 г. – 6,4%, в 2006 г. –7,7%, в 2007 – 8,1%, в 2008 г. – 5,6 %, в 2009 г. – (-7,8%), в 2010 г. – 4,0 % и в 2011г. – 4.2%. В 2010 г. объем ВВП в текущих ценах оценивался в 1462,0 млрд долл. Далее объем ВВП России с 2010 г. растет и в 2014 г. составляет 124,9 % от уровня 1991 года. В 2015 г. объем ВВП России на 3,7 % падает и 120,3 % от уровня 1991 года. В 2015 г. объем ВВП в текущих ценах оценивался в 1332,0 млрд долл. (табл. 9).

Таблица 9

ВВП и структура валовой добавленной стоимости (ВДС)
в периоде 1991-2015 гг.[1].

Годы	У - ВВП в индексах	ВВП млрд. долл.	ВДС	промыш-ленность	сельское, лесное и рыбное хозяйство	строит-ельство	услуги
1991	100	2411	100 ¹	39,4 ²	14,0	9,4	37,2
1992	85,5	98,7	100 ¹	35,0 ²	7,2	6,3	51,5
1995	65,4	313,7	100 ¹	28,4 ²	7,5	9,1	55,0
2000	70,8	259,7	100 ¹	31,9 ²	6,7	6,6	54,8
2001	74,4	306,6	100 ¹	29,0 ²	6,8	7,4	56,8
2005	95,4	764,1	100	32,7	5,0	5,3	57,0
2010	112,9	1525	100	28,2	3,9	6,5	61,4
2011	118,4	1907	100	26,2	4,0	7,7	62,2
2012	122,4	2001	100	26,1	3,7	7,4	62,9

2013	124	2080	100	25,9	3,8	7,0	63,3
2014	124,9	1881	100	25,6	4,2	6,5	63,7
2015	120,3	1332	100	26,7	4,6	5,9	62,8

¹ До исключения услуг финансового посредничества, измеряемых косвенным образом.

² Включая прочие виды деятельности сферы материального производства

Структура производства ВВП. В рассматриваемом периоде структура производства ВВП России серьезно изменилась. Так, существенно возросла доля услуг. Если в 1991 г. на долю этого сектора экономики приходилось 37,2 % производства ВВП России, то в 2015 г. - почти 63 %⁴². Доля услуг увеличилась почти в 2 раза. Поэтому предварительно можно говорить о том, что структура производства ВВП все больше приближается к экономикам развитых стран. Действительно, в постиндустриальной экономике большую долю занимают услуги, но в отличие от высокоразвитых стран, где в структуре ВВП велика доля финансовых, страховых, информационных услуг, у нас преобладают торговля и платные услуги населению. При этом растет цена, но не качество оказываемых услуг. Одновременно происходит ускоренная замена бесплатных услуг платными услугами⁴³ и, в свою очередь, – непосредственный рост уже платных услуг. Как следствие, инфляционное циклическое давление в экономике не ослабевает⁴⁴.

Объем промышленного производства. До 1998 г. наблюдалось сокращение объемов промышленного производства (48%): с 1999 г. по 2008 г. идет рост, в 1999 г. этот показатель составлял 52% от уровня 1991 года. Объем промышленного производства в 2008 г. составил действующих ценах 23 669 млрд. руб. (954 млрд. долл.), что на 2% больше, чем в 2007 году. После мирового финансового циклического кризиса 2007-2008 гг. объемов промышленного производства в 2009 г. упал на 9%. В 2011 г. этот показатель составил 90% от уровня 1991 г. и в текущих ценах оценивался в 925 млрд долл. Прирост промышленного производства по итогам 2014 г. составил 102 % и был обеспечен ростом добычи полезных ископаемых и обрабатывающих производств при снижении производства и распределения электроэнергии, газа и воды. Спад промышленного производства по итогам 2015 г. составил 3.4 %. Объем промышленного производства в 2015 г. в текущих ценах оценивался 790,8 млрд долл. (табл. 10).

Таблица 10

Промышленность в период с 1991-2015 гг.*[1].

⁴² Россия в цифрах. Краткий статистический сборник. М.: ФСГС, 2010 г.

⁴³ Объем платных услуг увеличился в 2010 г. на 1,4 %. Услуги, оказываемые населению, подорожали за 2010 г. на 8,1 %. При этом приятно отметить, что платные услуги населению подорожали впервые ниже общего уровня потребительской инфляции - 8,6 % (11,6 % в 2009 г.). За пять месяцев 2011 г. объем платных услуг населению увеличился на 1,2 %, их стоимость подорожала на 6,5 % - это максимальный прирост цен среди всех секторов потребительского рынка. Ускорение роста цен на платные услуги в начале года традиционно связано с единовременным повышением тарифов на услуги ЖКХ (+10,8 %).

⁴⁴ В 2012 г. цена на газ выросло в среднем на 10 % к уровню 2011 г., за электричество - на 3 %, за тепло - на 4 %, за водоснабжение - на 2,3 %, за водоотведение - на 2,8 процента.

Годы	Ур – в индексах	У ¹ р млрд. долл.	Е _з	Е _э (млрд. кВт. Ч.)	Р _н	Р _г (млн. т.)	G _г	G _г (млрд. куб. м.)
1991	100	2239	100	1068	100	462	100	643
1992	84	961	94,4	1008	86,4	399	99,7	641
1995	54	243	80,5	860	66,5	307	92,5	595
2000	57	169	82,2	878	70,1	324	90,8	584
2005	75	482	89,2	953	101,7	470	99,7	641
2010	84	947,4	97,2	1038	109,3	505	101,2	651
2011	90	1194,3	98,8	1055	110,7	511,4	104,4	671
2012	94,5	1230,2	100,1	1069	112,4	519	101,9	655
2013	90	1300,2	99,2	1059	113,0	522	103,9	668
2014	91,5	1188,2	99,6	1064	113,9	526	100,0	643
2015	88,4	790,8	99,9	1067	115,4	533	98,4	633

* Ур – индексы объема продукции промышленности, Е_з – производство электроэнергии, Р_н – добыча нефти, включая газовый конденсат, G_г – добыча газа естественного. ¹С 2005 г. – объем отгруженных товаров собственного производства; работ и услуг, выполненных собственными силами. ¹С 2005 г. – объем отгруженных товаров собственного производства; работ и услуг, выполненных собственными силами.

Циклическая динамика структуры промышленности. В периоде с 1991-2015 гг. в структуре промышленности заметно увеличилась доля отраслей топливно-энергетического комплекса (ТЭК) и металлургии, и одновременно сильно уменьшилась доля легкой промышленности, весьма существенно – машиностроения, промышленности строительных материалов и лесопромышленного комплекса (табл. 11). На сырьевые отрасли, включая отрасли, связанные с начальным переделом, приходится более 60% производства. Россия занимает первое место в мире по производству природного газа и добыче нефти; третье место по выплавке чугуна и производству пиломатериалов; четвертое по добыче бурого угля, производству стали, готового проката черных металлов, выпуску минеральных удобрений; пятое по добыче железной руды и вывозке деловой древесины. Доля промышленных изделий составляет менее 20 %. Даже в 1996–1998 гг. этот показатель не опускался ниже 23 %. Количество образцов новой техники сократилось на 25 %, а доля принципиально новых видов продукции в общей товарной продукции машиностроения упала с 3 до 1,6 %.

Производство электроэнергии. До 1998 г. происходит резкое сокращение тенденции производства электроэнергии в России на 77,4% от уровня 1991г. После российского дефолта с 1999 г. по 2008 г. постепенно увеличивается производство электроэнергии и составляет 97,4% от уровня 1991 г. В 2009г. производство электроэнергии в России уменьшается и составляет 92,9% от уровня 1991г. Далее в 2010 г. производство электроэнергии, увеличивается и составляет 97,3% от уровня 1991 г. В 2015 г. производство электроэнергии также увеличивается и составляет 99,9% от уровня 1991 г.

Добыча нефти, включая газовый конденсат. В структуре промышленного производства России за 1991-2012гг. произошли значительные изменения. Возросла доля добычи топливно-энергетических полезных ископаемых и металлургического производства. Доля других отраслей

обрабатывающей промышленности снизилась. Удельный вес производства пищевых продуктов увеличился и достиг уровня 1991 года.

До 1998 г. происходит резкое сокращение тенденции добычи нефти (включая газовый конденсат) в России на 65,6% от уровня 1991 года. После российского дефолта с 1999 г. по 2007 г. постепенно увеличивается добыча нефти и составляет 106,3% от уровня 1991 года. В 2008 г. добыча нефти уменьшается, и составила 105,6% от уровня 1991 года. Далее в 2009 г. добыча нефти увеличивается, и составила 106,9% от уровня 1991 года. Добыча нефти (включая газовый конденсат) в России в 2015 г. составил 533 млн тонн.

Добыча газа естественного. До 1995 г. происходит сокращение тенденции добычи газа в России на 92,5% от уровня 1991г. С 1996 г. по 1998 г. этот показатель то растет, то падает и в 1997 г. составляет 91,9% от уровня 1991г. После российского дефолта с 1999 г. по 2008 г. постепенно увеличивается добычи газа и составляет 103,6% от уровня 1991 г. В 2009 г. добыча газа в России уменьшается и составляет 90,7% от уровня 1991г. Далее, в 2010 г. добыча газа увеличивается и составляет 100,9% от уровня 1991 г.

В 2011 г. по сравнению с 2010 г. добыча газа увеличилась на 3,1 % и установила исторический рекорд (предыдущее достижение установлено в 2008 году - 666 млрд. м³), а добыча нефти - на 1,2 %. Крупнейшим производителем газа в России остается «Газпром» с показателем в 509,7 млрд м³, нефти – «Роснефть» (114,5 млн. тонн). Ближайшим конкурентом «Газпрома» является «Новатэк» (53,3 млрд м³), «Роснефти» - «Лукойл» (85,3 млн. тонн) и ТНК-ВР (72,6 млн. тонн)⁴⁵. С 2011 г. добыча газа естественного в России по 2015 г. уменьшается и составляет 633 млрд. куб. м.

Объем выпуска сельскохозяйственной продукции. До 1998 г. в сельском хозяйстве России наблюдался спад производства – до 58,6% от уровня 1991 г., но на протяжении 1999-2008 гг. в российском сельском хозяйстве наблюдался рост производства, и в 2008 г. он составил 90,8% от уровня 1991 года. Объем валовой продукции сельского хозяйства в 2008 г. составил в текущих ценах 2 603 млрд. руб. (104,9 млрд. долл.) и по сравнению с 2007 г. увеличился на 11%. В 2009 г. этот показатель составил 85% от уровня 1991 года (*табл. 11*).

Таблица 11

Сельское хозяйство в период с 1991-2015 гг. в индексах* [1].

Годы	Y _s	Y _s (млрд. долл.)	G _з	G _з (млн. т.)	P _{псип}	P _{псип} (тыс. т.)	P _{мол}	P _{мол} (млн. т.)
1991	100	447,8	100	89,1	100	9375	100	51887
1992	91	13,8	120	106,9	88,1	8260	91	47236
1995	70	44,8	71,2	63,4	61,8	5796	75,6	39241
2000	64	26,4	73,4	65,4	47,4	4446	62,2	32259
2005	71	48,8	87,3	77,8	53,2	4990	59,9	31070
2010	75,4	85,2	68,4	60,9	76,4	7167	61,4	31847
2011	92,7	111,1	105,7	94,2	80,2	7520	61,0	31646
2012	88,4	107,5	79,6	70,9	86,3	8090	61,2	31756

⁴⁵ Итоги по добыче нефти и газа в России за 2011 год. URL: <http://gold.ru/articles/economics/itogi-po-dobyche-nefti-i-gaza-v-rossii-za-2011-god.html>.

2013	94	115,9	103,7	92,4	91,1	8544	58,8	30529
2014	97,5	113,7	118,2	105,3	96,7	9070	59,3	30791
2015	100,4	83,0	117,1	104,3	101,2	9485	59,3	30781

**Y_s – индексы объема продукции сельского хозяйства, G_з – производство зерна (в весе после доработки), P_{птиц} – производство скота и птицы на убой (в убойном весе), P_{мл} – производство молока.*

Преобразование форм собственности в странах СНГ привело в сельском хозяйстве к изменению структуры производителей в сторону расширения индивидуального сектора. В хозяйствах населения и крестьянских (фермерских) хозяйствах в 2010 г. в Азербайджане, Армении, Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане было произведено 81-98% общего объема сельскохозяйственной продукции, Молдове, России и Украине - 51-68%, Беларуси - 33%. В период 2000-2010 гг. в странах СНГ наметились положительные тенденции в сельском хозяйстве. Посевные площади зерновых и зернобобовых культур расширились на 12%. В 2010 г. в странах СНГ намолотили более 134 млн. тонн зерна, что на 16% больше, чем в 2000 г., подсолнечника (на зерно) - в 1,7 раза. Урожай овощей увеличился на 44 %, сахарной свеклы - на 36 %, плодов и ягод - на 24 процент. Валовой сбор картофеля сократился на 11 процент. Объем валовой продукции сельского хозяйства в 2010 г. составил в текущих ценах 4449,6 млрд. руб. (145,6 млрд. долл.) и по сравнению с 2009 г. уменьшился на 7 процент. В 2010 г. в связи с мировым финансовым кризисом и погодных условий объем выпуска сельскохозяйственной продукции уменьшился и составил 75% от уровня 1991 года. В 1991-2015 гг. объем сельскохозяйственной продукции в целом по России увеличился на 0,4 %. Стабильный рост сельскохозяйственного производства наблюдался с 1999 года, за исключением 2010 года и 2012 года, когда неблагоприятные погодные-климатические условия вегетации растений привели к снижению валовых сборов сельскохозяйственных культур.

Циклическая структурная динамика сельского хозяйства. В структуре валовой продукции сельского хозяйства преобладает растениеводство. В 2012 г. под влиянием неблагоприятной климатической ситуации объем производства сельскохозяйственной продукции сократился на 4,7% к уровню 2011 года. Так, по предварительным данным Росстата, валовой сбор зерна был на 25,0% меньше уровня 2011 года. Также снизился валовой сбор основных технических культур: семян подсолнечника (на 17,9%) и сахарной свеклы (на 8,9 процента). Сокращение объемов производства подсолнечника и сахарной свеклы было обусловлено уменьшением убранных площадей (на 15,1% и 10,3% соответственно). Валовые сборы картофеля и овощей также ниже прошлогоднего уровня соответственно на 10,2% и 0,7 процента. В составе зерновых и зернобобовых культур в 2012 г. по сравнению с 2011 г. отмечалось уменьшение валовых сборов всех видов культур, кроме кукурузы. Кроме того, к началу января 2013 г. обеспеченность скота кормами в расчете на единицу условную голову скота в сельскохозяйственных организациях была ниже на 23,5%, чем на соответствующую дату предыдущего года.

Производство зерна. После развала СССР в зерновом хозяйстве России наблюдались множество циклических кризисных явлений: резкое сокращение поставок техники, минеральных удобрений, деградация почв, слабое финансово-экономическое положение отрасли и другие. Наиболее реальными средствами решения проблем обеспечения потребностей в зерне за счет собственного производства могут стать: устранение диспропорций в развитии сельского хозяйства страны и смежных отраслей экономики, более рациональное использование зерновых ресурсов, снижение их потерь и др.

До 1995 г. происходит резкое сокращение тенденции производства зерна в России на 71,2% от уровня 1991 года. В 1997 г. производства зерна резко увеличивается и составляет 99,3 от уровня 1991г. В связи российским дефолтом и погодными условиями в 1998 г. производства зерна резко падает и составляет 53,6% от уровня 1991 г. Затем после кризиса с 1999 г. по 2008 г. производство зерна постепенно циклообразно увеличивается и составляет 108,2 млн. тонн или 121,4% от уровня 1991г. В 2009г. и 2010г. производство зерна уменьшается и составляет 109,0% и 68,4% соответственно от уровня 1991 года. В 2011 г производство зерна в России увеличилось, и составил 91,9 млн. тонн или 103,1% от уровня 1991 года. В период с 2013-2015 гг. в России наметились высокие урожаи. В 2015 г производство зерна в России увеличилось, и составил 104,3 млн. тонн или 117,1% от уровня 1991 года.

Производство скота и птицы на убой (в убойном весе). До 1999 г. происходит резкое сокращение тенденции производство скота и птицы на убой в России на 46% от уровня 1991 года. Затем после кризиса с 1999 г. по 2008 г. производство скота и птицы на убой постепенно циклообразно увеличивается и составляет 66,9% от уровня 1991 года. В 2009 г. и 2010 г. производство скота и птицы на убой увеличивается и составляет 71,7% и 75,6% соответственно от уровня 1991 года. Отметим, что благодаря реализации антикризисных мероприятий по поддержке животноводства, на протяжении 2011 г. наблюдалась тенденция увеличения производства скота и птицы на убой. Несмотря на государственную поддержку, приведшую к существенным изменениям в технологических процессах (улучшение технологии кормления животных, модернизация производства и др.), производство крупного рогатого скота остается низко рентабельной отраслью и демонстрирует низкий уровень развития. В целом в России объем продукции животноводства в 2015 г. составил 101,2 % уровня 1991 года.

Производство молока. До 1999 г. происходит резкое сокращение тенденции производства молока в России на 62,2% от уровня 1991г. Затем после российского дефолта с 1999 г. по 2008 г. производства молока циклообразно имеет постоянную тенденцию и составляет 62,4% от уровня 1991 года. В 2009 г. и 2010 г. в связи с мировым экономическим кризисом производства молока уменьшается и составляет 62,8% и 61,5% соответственно от уровня 1991 года. В 2011 г. производства молока в России уменьшается, и составит 61,3% от уровня 1991 года. В 2015 г. производства молока в России в отношении 2014 г. увеличивается, и составит 59,3 % от уровня 1991 года.

Инвестиции в основной капитал. С большим трудом преодолевается инвестиционный циклический кризис, принявший затяжной характер в стране. Сокращение инвестиций в реальный сектор привело к тому, что в 1992-1998 гг. практически не вводились в действие новые производственные мощности (табл. 12). Крайне медленно происходило обновление оборудования, нарастало его возрастное и технологическое устаревание, увеличивалось превышение нормативного срока службы машин и оборудования.

Таблица 12

Инвестиции в основной капитал и строительство
в периоде 1991-2015 гг. в индексах*[1].

Годы	К	К (млрд. долл.)	I	ΔI	в % к пред. году (в сопост. ценах)	млн. руб. (до 1998г. - млрд. руб.)	С _{вжд}	С _{вжд} (млн.кв. м)
1991	100	362	100	100	89,2	176	100	49,4
1992	60	13,9	102	67,3	67,2	2005	84	41,5
1995	36	58,6	102,6	35,8	92,7	230407	83	41,0
2000	31	41,1	102,6	33,2	125,1	843378	61	30,3
2005	49	128	109,7	59,2	111,0	2943686	88	43,6
2010	69	301	127,9	91,6	93,4	6275931	118	58,4
2011	76,6	376	132,4	118,2	129,0	8813314	125,8	62,3
2012	81,8	405	139	128,4	108,7	10338476	134,6	65,7
2013	81,6	423	145	129,7	101,0	11160485	126,5	70,5
2014	79,6	366,1	150,3	125,8	97,0	10887946	151	84,2
2015	74,4	240,0	153,5	150,4	83,8

* K_t – индексы объема инвестиции в основной капитал, I_t – основные производственные фонды в конце года, ΔI - ввод в действие основных фондов, $C_{вжд}$ – ввод в действие жилых домов.

В 1992-1998 гг. объем инвестиций в основной капитал в России упал катастрофически: в 1998 г. данный показатель составлял лишь 25% от уровня 1991 года. Однако с 1999 по 2008 г. объем инвестиций в основной капитал непрерывно рос. В 2007 г. объем инвестиций в основной капитал составил 68% от уровня 1991 года. В 2008 г. объем инвестиций в основной капитал в РФ увеличился на 9% в отношении 2007 года и составил 70% от уровня 1991 года. В 2009 г. по сравнению с предыдущими двумя годами в экономике России отмечалось относительное снижение инвестиционной активности в связи с мировым финансово-экономическим кризисом.

Объем инвестиций в основной капитал в 2009 г. сократился по сравнению с 2008 г. на 16,2 процента. На протяжении предыдущих лет основной целью инвестирования в основной капитал являлась замена изношенной техники и оборудования. По данным выборочного обследования инвестиционной активности организаций, осуществляющих деятельность по добыче полезных ископаемых, в обрабатывающих производствах, производстве и распределении электроэнергии, газа и воды, в 2009 г. на это указали 64% респондентов против 73% в 2005 г. и 56% в 2000 году. В обследованных организациях доля машин и оборудования в возрасте до 10 лет составляла 38%, в возрасте от 10 до 20 лет -

39%, от 20 до 30 лет - 14% от их наличия. В 2010 г. объем инвестиций в основной капитал был ниже уровня 1991 года на 25%.

По итогам 2012 г. инвестиции возросли на 6,7% по отношению к уровню 2011 г. и составили 81,8 % от уровня 1991 года. Объем инвестиций в основной капитал в 2013 г. в России уменьшился и составил 81,6 от уровня 1991 года. Отрицательная динамика наблюдалась в 2013-2015 гг. В 2015 году по сравнению с 1991 годом объем инвестиций в основной капитал в России уменьшился и составил 74,4 процента. Замедлению инвестиционной активности соответствуют данные о финансовых результатах деятельности предприятий и организаций. Вместе с тем их объем все еще недостаточен для существенного обновления морально и физически устаревших основных фондов, степень износа которых в России продолжает увеличиваться.

Прямые иностранные инвестиции. 2007 г. ознаменовался более чем трехкратным ростом объемов иностранных инвестиций (207,9 млрд. долл. по сравнению с 68,2 млрд. долл. в 2006 г.). Однако этот рост может объясняться резко увеличившейся выручкой экспортных компаний, которые возвращают средства через оффшорные зоны. В 2006 г. рост иностранных инвестиций в экономику России составил 27,7% (68,2 млрд. долл.) по сравнению с 2005 годом (табл. 13). Основными странами – инвесторами в Россию в 2006 г. выступили Кипр, Великобритания, Нидерланды, Люксембург, Германия, Франция, Виргинские (Британские) острова, Швейцария и США. Три предыдущих года (2005, 2004 и 2003 гг.) ознаменовались рекордным уровнем роста иностранных инвестиций. Так, в 2005 г. рост иностранных инвестиций в экономику России составил 45,5%, в 2004 г. –10,9%, в 2003 г. – более 11% против 3,5% в 2002 г.

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в Россию в 2008 г. составили 72,9 млрд. долл. по сравнению с 55,1 млрд. долл. в аналогичном периоде 2007 г. (табл.13-табл.14). Портфельные иностранные инвестиции в Россию в 2008 г. уменьшились (нетто-снижение) на 37,3 млрд. долл. по сравнению 13,6 млрд. долл. в аналогичном периоде 2007 года. Прочие иностранные инвестиции в Россию в 2008 г. составили 56,7 млрд. долл. с чистым уменьшением прироста по сравнению с 139,3 млрд. долл. в аналогичном периоде 2007 года.

Таблица 13

Структура иностранных инвестиций в РФ в 2004-2012 гг.^{**}
(чистый прирост обязательств перед нерезидентами) млрд. долл.⁴⁶

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Прямые	15,4	12,9	29,8	55,1	72,9	36,5	41,2	52,9	46,7
Портфельные*	3,6	-1,8	8,1	13,6	-37,3	-4,9	-7,7	-25,1	-2,8
Прочие	17,7	42,3	30,3	139,3	56,7	-25,2	9,5	40,9	36,6
Всего	36,7	53,4	68,2	207,9	92,2	6,4	43	68,7	80,4
Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором (млрд.)	-8,9	-0,1	41,4	81,7	-133,7	-56,1	-34,4	-80,5	-56,8

⁴⁶Министерство экономического развития. URL: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/c3cd1300415c1fbb91aef6e84662f64/invest_210911.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=c3cd1300415c1fbb91aef6e84662f64.

долл)									
Валовый вывоз капитала (млрд. долл.)	-133	-240,6	-48,1	-77	-150,5	- 126,6

**включая финансовые производные. Знак «-» означает нетто-снижение обязательств перед нерезидентами. **по оценке Банка России (по данным платежного баланса от 29 октября 2012 г.)*

Таблица 14

Структура иностранных инвестиций в РФ в период с 2008-2012 гг.
(квартальная) (чистый прирост обязательств перед нерезидентами) млрд. долл.

	2008					2009				
	I кв	II кв	III кв	IV кв	год	I кв	II кв	III кв	IV кв	Год
Прямые	20,9	22,8	17,2	11,9	72,9	9,1	9,5	12,1	5,8	36,5
Портфельные*	-6,7	5,1	-12,4	-23,4	-37,3	-10,6	1,3	1,1	3,2	-4,9
Прочие	8,4	43,3	37,1	-32,1	56,7	-16,8	-0,8	-3,3	-4,2	-25,2
Всего	22,6	71,2	41,9	-43,6	92,2	-18,4	9,9	10,1	4,8	6,4
	2010 год									
	1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал	год					
Прямые	8,1	11,3	7,1	14,7	41,2					
Портфельные*	-1,5	2,8	-2,7	-6,4	-7,7					
Прочие	-4,1	-1,7	10,1	5,2	9,5					
Всего	2,5	12,4	14,4	13,6	42,9					
	2011 год									
	1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал	год					
Прямые	12,8	14,4	12,1	14,0	52,9					
Портфельные*	3,1	-0,5	-13,9	-9,5	-25,1					
Прочие	-0,1	9,7	5,8	16,3	40,9					
Всего	15,8	23,6	4,0	20,8	68,7					
	2012 год									
	1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал	год					
Прямые	12,4	4,4	16,3	13,6	46,7					
Портфельные*	-0,1	-4,9	2,7	-0,6	-2,8					
Прочие	-1,1	17,7	3,7	16,3	36,6					
Всего	11,2	17,1	22,7	29,4	80,4					

**включая финансовые производные. Знак «-» означает нетто-снижение обязательств перед нерезидентами*

ПИИ в Россию в 2010 г. составили 41,2 млрд. долл. по сравнению с 36,5 млрд. долл. в аналогичном периоде 2009 года. Портфельные иностранные инвестиции в Россию в 2010 г. уменьшились (нетто-снижение) на 7,7 млрд. долл. по сравнению 4,9 млрд. долл. в аналогичном периоде 2009 года. Прочие иностранные инвестиции в Россию в 2010 г. составили 9,5 млрд. долл. с чистым увлечением прироста по сравнению с -25,2 млрд. долл. в аналогичном периоде 2009 г. Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором в 2010 г. составил -34 млрд. долл.

По видам экономической деятельности на конец сентября 2011 г. наибольший объем иностранных инвестиций накоплен, млн. долл. (всего - 41 194 (100%)):

- обрабатывающие производства - 9 535 (23%);
- финансовая деятельность, страхование - 7 782 (19%);
- оптовая и розничная торговля - 5 131 (12,5%);
- научные исследования и разработки - 3 621 (8,7%);

- добыча полезных ископаемых - 3 094 (7,6%);
- недвижимость - 3 087 (7,5%);
- информация и связь - 3 069 (7,4%);
- прочие услуги - 2 496 (6%);
- производство и распределение электроэнергии, газа, пара - 1 122 (2,7%);
- строительство 376 (0,9%).

Таким образом, рост инвестиций в среднем 10-11% в год в России (в период 1999-2012 гг.) не позволит обеспечить устойчивый экономический рост, необходимо существенное увеличение инвестиций и, прежде всего, в основные средства производства. Действительно, если начнется активное инвестирование в новые высокие технологии и средства производства, в образование, здравоохранение и науку, развитие финансового сектора - это может стать в будущем реальным способом успешного выхода из понижательной фазы длинной волны цикла для страны. Во всяком случае, есть ряд проблем, над которыми необходимо поработать. Задача приняла сверхактуальность в связи с продолжавшимся мировым циклическим кризисом⁴⁷.

Приток ПИИ в экономику России в 2013 г. вырос по сравнению с 2012 г. на 39,9% и составил 69,2 млрд. долларов. Объем ПИИ в Россию, рассчитываемый по методологии Банка России, упал в 2014 г. в 3,3 раза по сравнению с 2013 г. - до 20,9 млрд. долл. с 69,2 млрд. долл. в 2013 году. ЦБ отмечает, что приток ПИИ в Россию происходил только в первом полугодии 2014 г. В третьем квартале 2014 г. произошел отток инвестиций в размере 608 млн. долл., а в четвертом квартале - в размере 3,43 млрд. долларов. В 2013 г. в третьих и четвертых кварталах был зафиксирован приток инвестиций в размере 13,5 млрд. долл. и 8,7 млрд. долл. соответственно. В постсоветских странах поток ПИИ сократился на 54 %. Этот циклический спад связан с конфликтами и снижением мировых цен на сырьевые ресурсы. Наибольшее сокращение ПИИ в этих странах было отмечено в России и Казахстане - на 92% и 66%, соответственно.

Основные фонды на конец года. Основные фонды – главный элемент материального национального богатства страны. Можно с уверенностью утверждать, что динамика основных фондов и общее изменение производственного потенциала – это основные тенденции, которые определяют будущее экономики России. Однако эта тема, несмотря на ее исключительную важность, слабо исследована: официальные статистические данные не отражают реального процесса изменения материальной базы экономического развития, недостаточное внимание проблеме уделяет и научное экономическое сообщество⁴⁸.

⁴⁷ Ковалева Г.Д., Применение теории временных рядов в экономических исследованиях : Курс лекций/ Новосибирск: Издательство НГУ, 2008. с.5.

⁴⁸ Ханин Г.И., Фомин Д.А. Потребление и накопление основного капитала в России: альтернативная оценка. URL: <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=2007/1/03>. Бессонов В.А., Воскобойников И.Б. О динамике основных фондов и инвестиций в российской переходной экономике // Экономический журнал ВШЭ. 2006. № 2.

Согласно статистической информации, динамика изменения стоимости фондов имела явно позитивный характер – вводилось фондов больше, чем выбывало. До 1996 г. наблюдалось увлечение основных фондов на 102,5% от уровня 1991г. Далее в 1997-1998 гг. происходит уменьшение основного фонда на 102% и 101,8% соответственно. С 1999г. по 2008г. основной фонд на конец года в сопоставимых ценах резко увеличивается и составит 119,9% от уровня 1991 г.

По мнению Г.И. Ханина и Д.А. Фомина особенность современной российской экономики заключается в том, что она с успехом «проедает» капитал, созданный страной, в которой не было капитала (были производственные фонды). В вытекающих из анализа и расчетов выводах нет ничего удивительного или парадоксального.

Ввод в действие основных фондов. Трансформационный процесс, переживаемый российской экономикой, сопровождается кризисными изменениями большинства показателей макроэкономической динамики. На этом фоне официальные индексы физического объема ввода в действие основных фондов (ВДОФ) демонстрируют весьма «вялую» динамику, которая не всегда поддается содержательной интерпретации. До 1998 г. наблюдалось уменьшение ВДОФ на 24,9% от уровня 1991 года. С 1999 г. по 2008 г. ВДОФ в сопоставимых ценах резко увеличивается и составит 95,7% от уровня 1991 г. Затем после мирового финансово-экономического циклического кризиса два года уменьшается и дальше в 2011 г. растёт.

Ввод в действие жилых домов. В периоде 1991-2011 гг. в СНГ переход к рыночным отношениям сопровождался резким сокращением строительства жилья и старением имеющегося жилого фонда. Далее, спад в данной отрасли сменился бумом, что было следствием благоприятной конъюнктуры на мировых рынках продажи нефтепродуктов. Затем в связи с мировым экономическим кризисом наблюдался некоторое сокращение в этой отрасли, и потом рост. Однако механизм жилищного строительства после перехода к рыночной экономике не обеспечил потребности широких масс экономически активного населения СНГ в получении жилья.

В 2010 г. объем жилищного строительства в целом по странам СНГ составил 94 млн. кв. м. общей площади, что на 3% меньше, чем в 1991 году. Превысили уровень 1991 г. поэтому показателю в Беларуси (6,7 млн. кв. м. на 26%), Казахстане (6,4 млн. кв. м. на 5%) и России (58,1 млн. кв. м. на 18%). При этом в 2010 г. было введено в эксплуатацию 347 кв. м. жилья в расчете на 1000 жителей стран СНГ против 343 кв. м. в 1991 году. Значительную долю (43%) в финансировании жилищного строительства занимали индивидуальные застройщики (в 1991 г. - 25%). В Азербайджане, Армении, Кыргызстане, Молдове и Таджикистане удельный вес общей площади жилых домов, построенных населением, составил 66-80% общего ввода жилья, Беларуси, Казахстане, России и Украине – 33-48%.

Существенно изменилось распределение жилищного фонда по формам собственности. В настоящее время в частной собственности населения

находится от 84% общей площади жилищ в России до 98% в Армении и Казахстане. Увеличение доли частного сектора в структуре жилищного фонда произошло как в результате приватизации жилья, так и индивидуального строительства и покупки новых квартир. В Армении, Казахстане и Украине передача квартир в собственность населению в основном завершена, в Кыргызстане приватизировано 93% квартир, в России - 73% квартир, подлежащих приватизации. В настоящее время в странах СНГ на одного жителя в среднем приходится в Таджикистане 8,4 кв. м., Азербайджане, Казахстане и Кыргызстане - 13-18, Армении, Беларуси, Молдове, России и Украине - 22-27 кв. м. общей площади жилищ [1].

В России после августовского дефолта 1998 г. наблюдаем рост жилищного строительства с 1999 г. по 2008 г. и спад строительного бума после мирового финансового кризиса. Введено жилья в млн. кв. м: 1999 - 32; 2000 - 30,3; 2001 - 31,7; 2002 - 33,8; 2003 - 36,4; 2004 - 41; 2005 - 43,6; 2006 - 50,6; 2007 - 61,2; 2008 - 64,1; 2009 - 59,9. До 1994 г. наблюдалось уменьшение циклической динамики индекса ввода в действие жилых домов на 79,0% от уровня 1991 г. Далее в 1995-1996 гг. происходит увлечение этого показателя на 83% и 89,0% соответственно. С 1996 г. по 2000 г. наблюдаем уменьшение циклической динамики индекса до 61% от уровня 1991г. С 2000 г. по 2008 г. этот индекс резко увеличивается и составит 130% от уровня 1991 г. Затем после мирового финансово-экономического кризиса два года уменьшается и дальше растет.

В российских условиях строительная циклическая динамика в жилищном секторе синхронизирована с общей экономической конъюнктурой и не является «впередсмотрящим», определяющим характер будущей ситуации. Жилищный сектор может выступить в качестве одного из приоритетов экономического роста, генератором «цепной реакции», подъема экономики страны в целом, поскольку имеет широкий секторный охват, то есть способствует решению проблем во многих других сферах экономики в условиях модернизации⁴⁹.

Объем перевозок грузов предприятиями транспорта. В период 1991-1998 гг. наблюдалось ежегодное ухудшение практически всех показателей, характеризующих работу отрасли транспорта. Объем перевозок грузов предприятиями транспорта снизился по сравнению с уровнем 1991 г. в 5,3 раза и составил 19% (табл. 15).

Таблица 15

Основные макроэкономические показатели России
в период с 1991-2015 гг. в индексах*[1].

Годы	Y_g	Y_g^1 (млн. т.)	Y_h	Y_h (млн. ч.)	$N_{тел}$	$N_{тел}$ (млн. шт.)	$N_{интер}$	$N_{интер}$ (в расчете на 100 чел.)	$N_{сот}$	$N_{сот}$ (число абонентов сотовой связи, млн. абонентов)
1991	100	5308	100	49533
1992	73	3902	97	47885	100,0	24,4
1995	33	2675	91	44941	106,6	26

⁴⁹ Саева А.А. Жилищный сектор как детерминант циклического развития экономики. Дис. на соис. уч. ст. к.э.н. – Казань: УГАТУ, 2010.- 165с.

2000	22	2516	92	44854	131,1	32
2005	26	3050	64	30128	167,2	40,8	645	12,9	2233	73,7
2010	26	3022	41	22043	186,1	45,4	1450	29	6985	230,5
2011	27,6	3198	42,8	21891	184,0	44,9	2150	43	7203	237,7
2012	28,1	3286	42	21347	181,1	44,2	2450	49	7761	256,1
2013	27,5	3225	38,6	19625	177,0	43,2	3190	63,8	7936	261,9
2014	26,7	3126	39	19545	170,1	41,5	3400	68	8415	277,7
2015	25,9	2893	38,6	5 18810	160,2	39,1	3525	70,5	8331	274,8

Y_g – индексы объема перевозок грузов предприятиями транспорта, Y_h – индексы объема перевозок пассажиров предприятиями транспорта, $N_{тел}$ – число телефонных аппаратов телефонной сети общего пользования или имеющих на нее выход на начало года, $N_{интернет}$ – число пользователей сети интернет (на начало года; в расчете на 100 чел. населения), $N_{сотов}$ – количество абонентов сотовой подвижной связи (на начало года). ¹С 2000 г. - с учетом коммерческих перевозок грузовыми автомобилями не транспортных предприятий.

Снижение объёмов перевозок грузов было обусловлено общим экономическим спадом - снижением объёмов производства многих видов продукции, и это поставило транспортной отрасли в трудное положение.

В связи с оживлением экономики в период 1999-2008 гг. наметилась некоторая положительная динамика изменения объема перевозок грузов предприятиями транспорта. Объем перевозок постепенно увеличивался и к 2008 г. составил 31% от уровня 1991 г. В 2009 г. после мирового финансово-экономического кризиса объем перевозки грузов в России составил 25% от уровня 1991 г. В целом в России 2010 г. по сравнению с 1991 г. объем перевозок грузов (без трубопроводов) снизился в 4 раза и составил 25% от этого уровня.

Объем перевозок пассажиров предприятиями транспорта. Объем перевозок пассажиров предприятиями транспорта в 1998 г. снизился по сравнению с уровнем 1991 г. в 9% и составил 91%. Вместе с тем, в периоде 1999-2000 гг. наметилась некоторая положительная динамика изменения объема перевозок пассажиров предприятиями транспорта. В связи с оживлением экономики в период 2000-2008 гг. наметилась резкая отрицательная динамика изменения объема перевозок пассажиров предприятиями транспорта. Объем перевозок постепенно уменьшился и к 2008 г. почти в 2 раза и составил 49% от уровня 1991г. В связи мировым экономическим кризисом пассажирооборот в 2009г. составил 45% от уровня 1991г. В 2010г. объем пассажиров предприятиями транспорта в России составил 41% от уровня 1991г. В 2012г. по прогнозным оценкам этот показатель составит 39% от уровня 1991 г. На динамику и структуру пассажирских перевозок оказали влияние: общее снижение уровня жизни населения; сокращение деловых и командировочных поездок; падение спроса на железнодорожный транспорт со стороны немногочисленного, но высокообеспеченного слоя населения в силу предпочтительности авиа- и автотранспорта. Выход отрасли транспорта на траекторию устойчивого развития потребует длительного времени и больших финансовых затрат. Система управления отрасли транспорта страны стала более сложной и затратной. А в сфере железнодорожного транспорта России государство снизило свой регулирующий потенциал.

Число телефонных аппаратов телефонной сети общего пользования или имеющих на нее выход на начало года. Число телефонных аппаратов в России постепенно растет до 1996 и составляет 117,2 % от уровня 1991 года. Затем в 1997 г. этот показатель падает и составляет 113,1 % от уровня 1991 года. Вместе с этим, в связи с оживлением экономики в период 2000-2009 гг. наметилась резкая положительная динамика изменения этого показателя. В 2009 г. наметилась спад число телефонных аппаратов и в 2011 г. дальнейший рост.

Число пользователей сети интернет (на начало года; в расчете на 100 чел. населения). Число пользователей сети интернет в России постепенно резко растет до 2008г. и составляет 5187,9 % от уровня 1991 года. В периоде 2009 - 2011 гг. в связи с мировым финансово-долговым экономическим циклическим кризисом наметилось замедление темпа прироста число пользователей сети интернет.

Количество абонентов сотовой подвижной связи (на начало года). Количество абонентов сотовой подвижной связи в России постепенно резко растет до 2008г. и составляет 1235 % от уровня 1991 года. В периоде 2009 - 2011 гг. также в связи с мировым финансово-долговым экономическим циклическим кризисом наметилось замедление темпа прироста количество абонентов сотовой подвижной связи в России.

Объем розничного товарооборота. Падение объемов реализации товаров в постоянных ценах, характерное для 1992-1995 гг., было приостановлено в России в 1996 году. В последующие 1997-1999 гг. розничный товароборот в России рос с разной степенью интенсивности, а с 2000 г. практически повсеместно установились достаточно высокие ежегодные темпы его роста в физическом исчислении. В связи с этим, как отметили выше, до 1999 г. наблюдалось сокращение циклообразной тенденции объемов розничного товарооборота на 92% от уровня 1991 года. Далее с 2000 г. по 2008 г. в связи с улучшением экономической ситуации в стране объем розничного товарооборота резко увеличивается и составляет 254% от уровня 1991 г. (табл. 16).

Таблица 16

Розничная торговля и платные услуги населению
в периоде 1991-2015 гг. в индексах*[1].

Годы	Y_t	Y_t - в % к пред. году	Y_t (млн. долл.)	Y_n	Y_n - в % к пред. году	Y_n (млн. долл.)
1991	100		817086	100		108508
1992	100,3	100,3	26419	82	82	2676
1995	96	94	112434	29	82	24823
2000	100,2	109	83622	32	105	21427
2005	169	113	248992	41	106	80330
2010	258	107	543875	49	101	162829
2011	276	107	650914	49,5	103	188779
2012	293	106	688591	50,2	103	194298
2013	305	104	744372	53,1	102	217708

2014	314	103	694133	54,1	101	196669
2015	282,6	90	453979	52,1	100,2	129941

Yt – индексы физического объема розничного товарооборота,

Yn – индексы физического объема платных услуг населению по предприятиям,

¹С 2000 г. - с учетом коммерческих перевозок грузовыми автомобилями не транспортных предприятий.

В настоящее время соотношение предприятий розничной торговли негосударственных и государственных форм собственности по СНГ составляет соответственно 95% и 5%. Негосударственный сектор доминирует и в объеме оборота розничной торговли стран Содружества, составляя от 87,8% в Беларуси до 99,97% в Казахстане. В нем в 2010 г. на торговые предприятия приходилось примерно 80% общего объема оборота розничной торговли, а на розничные рынки - 20%.

Объем платных услуг населения по предприятиям. Состояние рынка платных услуг для населения в 1992-1995 гг. определялось в значительной мере влиянием высокого уровня цен и тарифов, а соответственно - снижением покупательной способности и спроса населения на многие их виды. Во всех странах резко росли стоимостные объемы платных услуг и, одновременно, снижались их физические объемы, которые в 1995 г. по отношению к 1991 г. в среднем по странам СНГ составляли менее 30%.

Начавшееся в 1996 г. в большинстве стран СНГ оживление в сфере платных услуг стало началом их роста в последующие годы. При этом циклическая динамика роста объема платных услуг по отдельным странам заметно различалась. До 1998 г. происходит резкое сокращение тенденции объема платных услуг населению по предприятиям в России на 29% от уровня 1991 года. Вместе с тем после российского дефолта с 1999 г. по 2008 г. в связи с улучшением экономической ситуации в стране объем платных услуг постепенно увеличивается и составляет 50% от уровня 1991 года.

В 2009 г. по сравнению с 2008 г. объем платных услуг населению (в постоянных ценах) всего по СНГ сократился на 2%. В 2010 г. темпы их прироста варьировали от 1,4% в России до 13,1% в Таджикистане и 13,4% в Узбекистане. В 2001-2010 гг. объем платных услуг возрос в России в 1,5 раза, Армении, Беларуси, Молдове - в 2-2,8 раза, в Азербайджане, Таджикистане, Узбекистане - 4,2-5,7 раза. В Беларуси и Узбекистане в 2010 г. физические объемы платных услуг превысили уровень 1991 г. в 1,8 раза.

Вместе с этим, в объеме потребляемых населением услуг преобладающую долю занимают услуги бытового характера, пассажирского транспорта, связи, жилищно-коммунального хозяйства, на долю которых приходится от 67,7-75,5% в Азербайджане, Армении, Беларуси, России до 77,7% в Молдове и 78,2% в Таджикистане. Из них весьма заметную долю 18%-33,3% в странах СНГ составляют услуги жилищно-коммунального хозяйства.

Социальная сфера. По циклическому характеру развития и результативности динамики структурных изменений в демографических процессах страны СНГ можно разделить на три группы. Первая группа – государства, испытывающие депопуляцию и сокращение численности

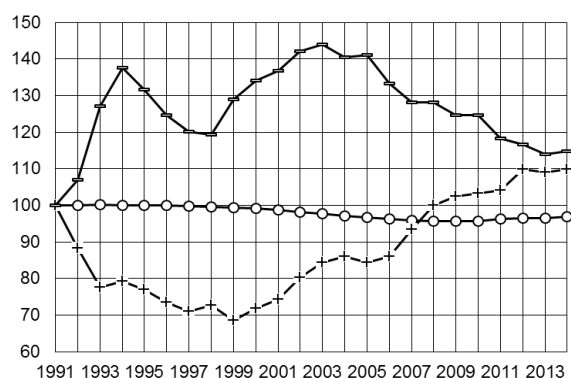
населения – Россия, Украина и Беларусь (таб. 18, рис. 1-рис. 2). В трех странах Европейской части СНГ депопуляция возникла в результате низкого уровня рождаемости и высокого уровня смертности населения. Внешняя миграция полностью не компенсирует естественной убыли населения, в результате сокращается численность населения. Население России в настоящее время медленно, но увеличивается. По данным 2015 г. Россия занимала 9-ое место в мире по численности населения (146,3 млн. чел.). Для России сокращение население чревато, прежде всего, геополитическими рисками. Слабозаселенные регионы Дальнего Востока и Сибири удерживать в составе страны будет очень сложно, в условиях, когда рядом находятся очень крупно населенные страны (прежде всего, Китай), которые будут нуждаться в ресурсах и новых территориях. Кроме того, имеются экономические аспекты этой проблемы - страну может ожидать дефицит трудовых ресурсов, сокращение призывников, школьников и студентов, интенсивное старение население.

Таблица 18

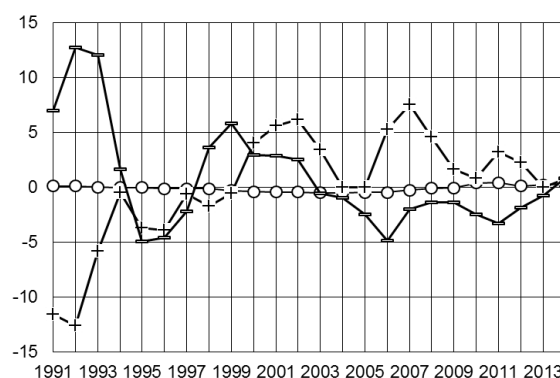
Демографическая ситуация в России⁵⁰ в период с 1991-2015 гг.
(в абсолютных величинах и в индексах к 1991 г.) * [1].

Годы	$R_{нас}$ в % к 1991	$R_{нас}$ (млн. ч.)	$K_{рож}$ в % к 1991	$K_{рож}$ на 1000 чел.	$K_{смер}$ в % к 1991	$K_{смер}$ на 1000 чел.	$K_{ен}$ в % к 1991	$K_{ен} - K_{рож}$ $K_{смер}$ (на тыс. чел.)
1991	100	148,3	100	12,1	100	11,4	100	0,7
1995	100,1	148,5	76,9	9,3	131,6	15	-814,3	-5,7
2000	99,1	146,9	71,9	8,7	134,2	15,3	-942,9	-6,6
2005	96,8	143,5	84,3	10,2	141,2	16,1	-842,9	-5,9
2010	95,7	141,9	103,3	12,5	124,6	14,2	-242,9	-1,7
2011	96,4	142,9	104,1	12,6	118,4	13,5	-128,6	-0,9
2012	96,5	143,1	109,9	13,3	116,7	13,3	0,0	0
2013	96,6	143,3	109,1	13,2	114,0	13	28,6	0,2
2014	96,9	143,7	109,9	13,3	114,9	13,1	28,6	0,2
2015	98,7	146,3

* $R_{нас}$ – численность постоянного населения, $K_{рож}$ – коэффициент рождаемости, $K_{смер}$ – коэффициент смертности, $K_{ен}$ - естественный прирост населения.

—○— $R_{нас}$ —+— $K_{рож}$ —■— $K_{смер}$

—○— $\Delta R_{нас}$ —+— $\Delta K_{рож}$ —■— $\Delta K_{смер}$

Рис. 1. Численность населения - $R_{нас}$, коэф. Рис. 2. Темпы прироста: численность постоянного

⁵⁰ Оценка общей численности населения (2011) основывается на итогах переписи 2010 г., к которым последовательно прибавляют число родившихся и въехавших в страну, вычитая число умерших и выехавших из страны в соответствии с данными текущего учета рождаемости, смертности и международной миграции.

рождаемости – $K_{рожд}$ коэф. смертности – $K_{смер}$ (в населения – $\delta P_{нас.}$, коэф. рождаемости – $\delta K_{рожд}$ коэф. индексах к 1991 г.). смерт. – $\delta K_{смер}$

По данным Росстата населения России на 01 января 2016 г. составляет 146 519 759 человек. Произошло увеличение численности населения по всем федеральным округам за исключением Приволжского: - 0.16% или 46714 чел. и Дальневосточного: -0.27% или 16492 человек. Наибольший относительный прирост был зафиксирован в Крымском федеральном округе: 1.41% или 32 421 человек. Далее СКФО с ростом на 0.61% или 58 456 чел. и ЦФО: 0.36% или на 139 752 человек. Численность населения Украины по состоянию на 01.01.2016 г. составила 42525357 чел. Об этом свидетельствуют предварительные данные ГСС Украины. По данным НСК Белоруссии численность населения республики на 01.01. 2016 г. составила 9324360 чел. [1].

Демографическая ситуация в России, несмотря на определенную стабилизацию в последние годы, далека от идеальной тенденции. В частности, одной из ключевых проблем является сокращение численности трудовых ресурсов и старение населения. Очевидно, что демографический фактор развития российского рынка труда будет играть все более значимую роль в обозримой перспективе. С одной стороны, демографическая ситуация в России своеобразна. Но с другой стороны, можно найти достаточно много общего и закономерного в развитии демографической ситуации в странах СНГ. В связи с этим, демографические процессы в России имеют оптимистические перспективы только при реальном увеличении социальных инвестиций и повышении эффективности расходования средств на социально-демографическую политику. Перспективы развития демографической ситуации находится под влиянием с одной стороны общемировых тенденций, а с другой стороны, под воздействием особенностей стран постсоветского пространства. Относительно динамики численности населения в целом и трудоспособного населения в частности в государствах СНГ существует несколько вариантов прогнозов, выполненных нами на основе комбинирования математического моделирования со сценарным подходом. В период с 1991-2015 гг. практически создана новая модель занятости, основанная на принципиально иных способах использования трудового потенциала. Командно-административная модель в этой области уступила место рынку труда, который стал главным инструментом измерения качества рабочей силы, ее избытка или недостаточности, распределения между секторами экономики, отраслями и регионами. В ходе реформ выявились диспропорции рынка труда, вызванные нестабильностью и неразвитостью экономики в целом, в частности, четко обозначилась проблема структурной безработицы.

Процесс изменения структуры экономически активного населения в период с 1992-2015 гг. (*табл. 19, рис.3-рис.6*) носил волнообразный характер, достигнув минимума в 1998 г., году серьезных экономических преобразований и потрясений, и приняв тенденцию роста вплоть до настоящего времени. Наметившаяся с 1999 г. тенденция увеличения уровня экономической активности населения является явным свидетельством общего экономического подъема страны в этот период, связанным с оживлением экономики, ростом

уровня ВВП. Следует отметить, что период с 1992 по 1999 гг. отмечался стремительным ростом количества безработного населения и лишь начиная с 1999 г. ситуация стабилизировалась, что, несомненно, было связано с общей кризисной циклической ситуацией в стране, такая же ситуация была характерна и для 2009 года. К числу проблем в сфере занятости, возникших в эпоху реформирования, можно отнести структурную безработицу: хотя потребность в занятых росла, их квалификация зачастую не отвечала требованиям рынка. В экономике сохранялось нерациональное распределение рабочей силы по секторам экономики и по территории страны.

Таблица 19

Состояние рынка труда России в период с 1991-2015 гг.*[1].

Годы	$P_{\text{чзан}}$ в % к 1991	$P_{\text{чзан}}$ (млн. чел.)	L в % к 1991	L (млн. чел.)	$P_{\text{чб}}$ (тыс. чел.)	$P_{\text{без}}$ в %	$P_{\text{миг}}$ (тыс. чел.)	$Z_{\text{зар}}$ долл.	$Z_{\text{инц}}$ в % к 1991
1991	100	73,9	100	73,8	...	5,2	4496,8	...	100
1995	95,7	70,7	86,9	64,1	6200	8,5	3997,1	103,7	45
2000	98,5	72,8	88,2	65,1	7700	10,6	2662,3	79,0	43
2005	99,6	73,6	92,5	68,2	5242	7,1	2088,6	303	84
2010	102,2	75,5	94,7	69,9	5250	7,3	2102,3	682	123
2011	102,6	75,8	96,1	70,9	4519	6,5	3415,1 ¹	796	127
2012	102,4	75,7	96,9	71,5	4697	5,5	4196,1	857	132
2013	102,2	75,5	96,7	71,4	6284	5,5	4496,9	936	139
2014	102,0	75,4	96,9	71,5	5544	5,2	4663,4	856	140
2015	103,7	76,6	98,0	72,3	4922	5,6	4734,5	561	127,4

* $P_{\text{чзан}}$ - численность экономически активного населения, L - численность занятого населения, $P_{\text{чб}}$ - численность безработных по данным обследования рабочей силы (в среднем за год), $P_{\text{без}}$ - уровень безработицы, в процентах от общей численности экономически активного населения, $P_{\text{миг}}$ - миграция населения (число зарегистрированных в органах внутренних дел при перемене постоянного места жительства), $Z_{\text{зар}}$ - средимесячная номинальная заработная плата (по сред. курсам нац. валют к долл. США), $Z_{\text{инц}}$ - динамика средимесячной заработной платы с учетом ИПЦ в % к 1991.

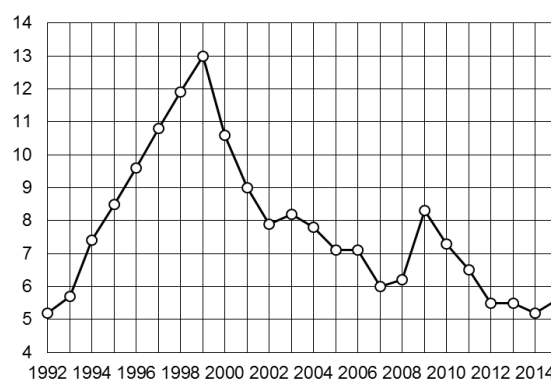
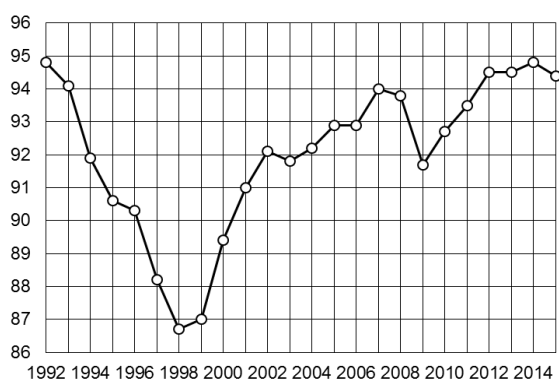

Рис. 3. Уровень занятости в экономике (в процентах к численности экономически активного населения).

Рис. 4. Уровень безработицы (в процентах к численности экономически активного населения).

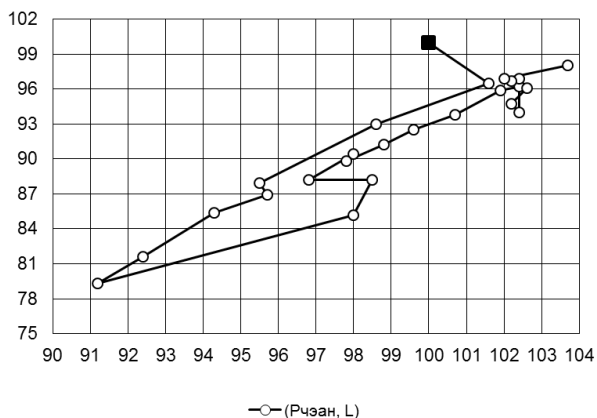

Рис. 5. График зависимости число занятых L от численности экономически активного населения $P_{чзан}$ ($L=F(P_{чзан})$) в периоде с 1991-2015 гг.

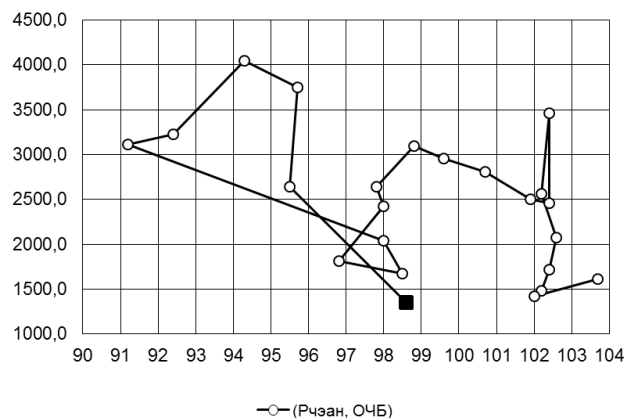

Рис. 6. График зависимости общего уровня безработицы $OЧБ$ от численности экономически активного населения $P_{чзан}$ ($OЧБ=F(P_{чзан})$) в периоде с 1993-2015 гг.

Численность экономически активного населения. Численность экономически активного населения (занятых и безработных) России в 2010 г. оценивалась в 75,4 млн. чел., в 2000 г. она составляла 72,8 млн. человек. До 1998 г. происходит значительное сокращение тенденции численности экономически активного населения всего по России на 91,2% от уровня 1991 года. С 1999 по 2001 гг. постепенно увеличивается численность экономически активного населения и составляет 98,5% от уровня 1991 года. Но в 2001 г. численность экономически активного населения всего по России падает в связи с демографическими проблемами и составляет 96,8% от уровня 1991 года. Далее этот показатель увеличивается и в 2008 г. составляет 102,6% от уровня 1991 года. В 2009 г. в связи с мировым финансово-экономическим кризисом этот показатель падает и в 2011 г. составляет 101,6% от уровня 1991 года. Численность экономически активного населения в России в 2015 г. оценивалась в 76,6 млн. чел., в 2005 г. она составляла 73,6 млн. чел. (табл. 19, рис. 7-рис. 8).

Численность занятого населения. Ситуация в сфере занятости населения формировалась под прямым воздействием экономических реформ и, в свою очередь, оказывала значительное влияние на ход социально-экономических преобразований в России.

В период с 1991-2015 гг. практически создана новая модель занятости, основанная на принципиально иных способах использования трудового потенциала. Командно-административная модель в этой области уступила место модели рынка труда, который стал главным инструментом измерения качества рабочей силы, ее избытка или недостаточности, распределения между секторами экономики, отраслями и регионами.

Специфической чертой национальной модели рынка труда России в период с 1992-1997 гг. являлись значительное сокращение спроса на рабочую силу в государственном секторе экономики, перемещение значительной ее доли в частный сектор и в сферу неформальной деятельности, появление новых форм трудовой миграции, рост безработицы, увеличение дифференциации в оплате труда.

До 1998 г. происходит значительное сокращение тенденции численности занятого населения в России на 20,7% от уровня 1991 года. После российского дефолта с 1999 г. по 2008 г. в связи с улучшением экономической ситуации в стране численность занятого населения постепенно увеличивается и составляет 96,2% от уровня 1991 года. В 2009 г. в связи с экономическим кризисом численность занятого населения в России уменьшилась и составила 93,9% от уровня 1991 года. Далее в 2015 г. численность занятого населения в России составляла 98,0 % от уровня 1991 года (*рис. 7-рис. 8*).

На ситуацию на рынке труда стран СНГ определенное влияние оказывает внешняя трудовая миграция, которая в условиях безработицы формирует альтернативную форму занятости и позволяет обеспечить рабочей силой вакансии, не пользующиеся спросом населения в принимающих странах в основном в России и Казахстане.

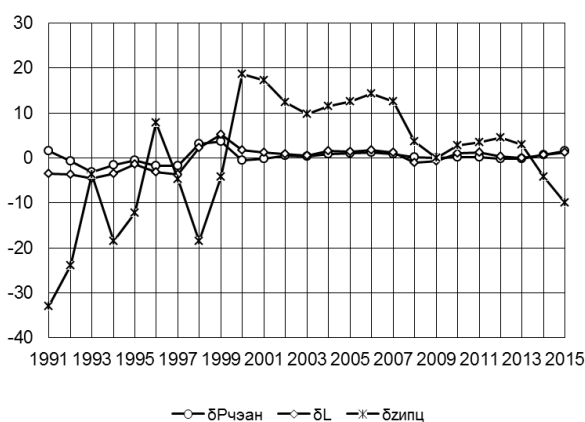
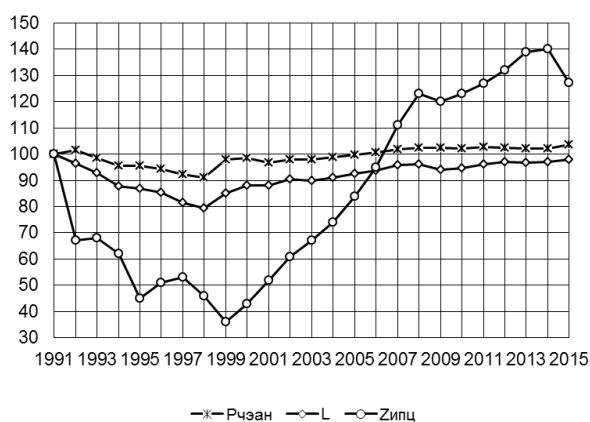

Рис. 7. Численность экономически активного населения - $P_{чзан}$, численность занятого населения - L , реальная заработная плата - $Z_{инц}$ (в индексах к 1991 г.).

Рис. 8. Темпы прироста: численность экономически активного населения - $\delta P_{чзан}$, численность занятого населения - δL , реальная заработная плата - $\delta Z_{инц}$.

Миграция населения. Значительное влияние на изменение численности и структуры населения России оказывает миграция населения. Основную часть всех мигрантов составляют лица, меняющие местожительство в пределах своей страны, что вызывает изменение численности городского и сельского населения. Городские жители на начало 2016 г. составляли около 67% численности населения СНГ. В городах и поселках городского типа проживает бóльшая часть населения Азербайджана (53%), Армении (64%), Беларуси (77%), Казахстана (57%), России (74%) и Украины (68%). Сельское население преобладает в Кыргызстане (66%), Молдове (58%), Таджикистане (73%) и Узбекистане (64%). В большей мере миграции подвержены лица трудоспособных возрастов, которые составляют примерно 80% мигрантов, перемещающихся как внутри страны, так и за ее пределами, что обусловлено в основном социально-экономическими факторами и поисками работы. В той или иной степени компенсировать сохраняющуюся естественную замедлению и медленную рост численности населения России будет миграционный прирост населения, формирующийся под влиянием активной миграционной политики.

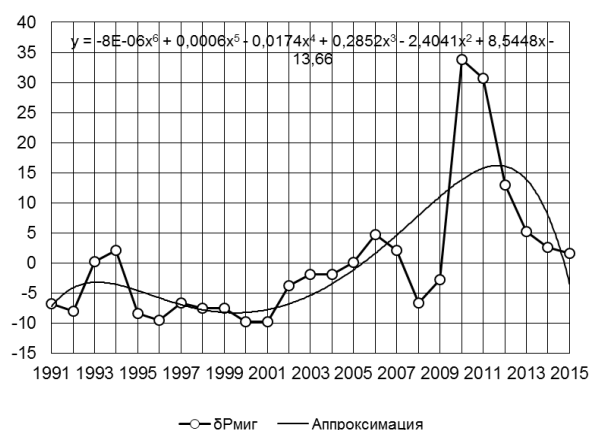
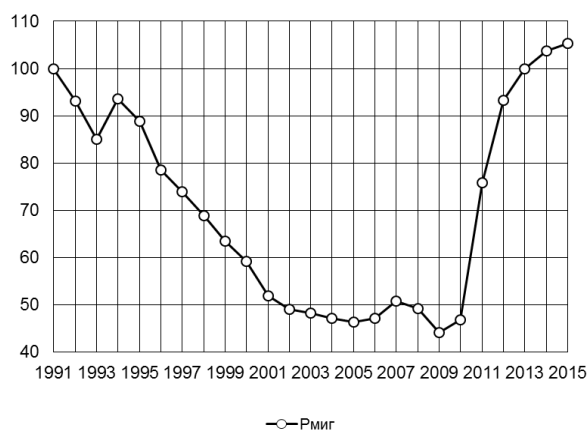

Рис. 9. Миграция в период с 1991-2015 гг. - $P_{миг}$. (в индексах к 1991 г.).

Рис. 10. Темпы прироста миграции в период с 1991-2015 гг.: - $\delta P_{миг}$.

Миграция населения в России до 1994 г. растет (185,5 % от уровня 1991 г.) и далее до 1999 г. происходит значительное сокращение тенденции миграции на 36,1 % от уровня 1991 года. Затем после российского дефолта с 1999 по 2002 гг. в связи с улучшением экономической ситуации миграция постепенно увеличивается и составляет 170,9% от уровня 1991 года. С 2002 г. по 2010 г. миграция населения циклообразно падает и составляет 34,7% от уровня 1991 г. и далее имеет постоянную циклообразную тенденцию (*таб. 19, рис. 9-рис. 10*).

Среднемесячная номинальная заработная плата. В 1992-1999 гг. в России произошло значительное снижение среднемесячной заработной платы, с учетом индекса потребительских цен (ИПЦ). Затем в 2000-2008 гг. последовал рост среднемесячной зарплаты с учетом ИПЦ. Период 2000-2010 гг. характеризовался стабильным ежегодным приростом номинальной и реальной заработной платы, сокращением задолженности по выплатам заработной платы.

Таким образом, динамика среднемесячной заработной платы с учетом ИПЦ до 1999 г. резко циклообразной тенденцией падает и составляет 36% от уровня 1991 года. Затем, с 2000 г. по 2008 г. в связи с улучшением экономической ситуации в стране этот показатель увеличивается и составляет 122% от уровня 1991 года. В 2009 г. в связи с мировым финансово-экономическим кризисом динамика среднемесячной заработной платы с учетом ИПЦ падает и составляет 118% от уровня 1991 г. и далее растет. В последние годы в большинстве стран СНГ, как следствие мирового финансово-экономического кризиса, отмечалось замедление темпов роста динамики среднемесячной заработной платы с учетом ИПЦ. В 2015 г. по сравнению с 2014 г., динамика среднемесячной заработной платы с учетом ИПЦ снизилась в Беларуси на 3%, Казахстане – на 2%, России – на 9%, Украине – на 20%. (*рис. 7-рис. 8*).

Уровень безработицы. В 1992-1996 гг. общая численность безработных, зарегистрированных в службах занятости на конец года, в экономике России постоянно увеличивалась, а начиная с 1997 по 2000 г. постепенно снижалась (*табл. 19, рис. 11-рис. 12*).

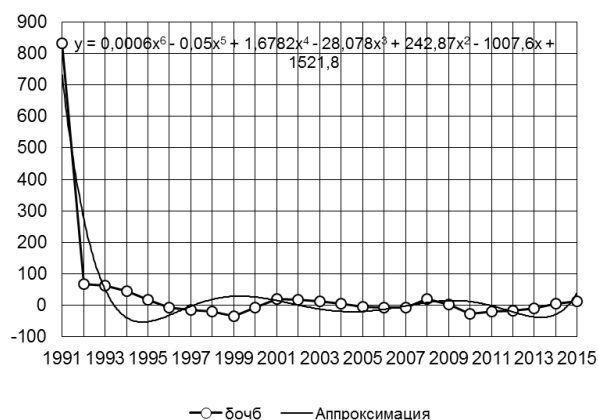
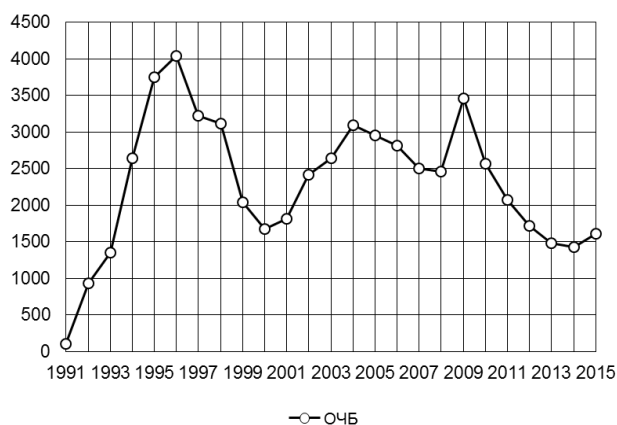

Рис. 11. График абсолютных величин в индексах 1991–2015 гг.: общая численность безработицы - **ОЧБ**.

Рис. 12. Темпы прироста в 1991-2015 гг.: общая численность безработицы – $\delta_{очб}$.

С 2001 по 2004 г. численность безработных повышалась, а с 2005 г. по 2008 г. снижалась. Основная доля экономически не активного населения – пенсионеры и учащиеся дневной формы обучения. Наиболее уязвимыми на рынке труда остаются женщины и молодежь в возрасте 16 – 29 лет. Для рынка труда России характерно наличие значительной части самостоятельно занятого населения, доля которого постоянно растет.

Пик роста безработицы, регистрируемой в государственных службах занятости, в Беларуси, Казахстане, Кыргызстане и России приходился на конец 1996-1997 гг.; Армении, Молдове, Узбекистане, Таджикистане и Украине - на конец 1998-1999 гг., Азербайджане – в период 2003-2005 гг. Общее число безработных, учитываемых в соответствии с методологией МОТ, в среднем по СНГ оценивалось в 2015 г. примерно в 6% экономически активного населения (в 2010 г. и 2005 г. – 7%, в 2000 г. – 10%). По данным выборочных обследований, число безработных в 2015 г. в Азербайджане составило 0,2 млн. чел., или 5,0% численности экономически активного населения, Казахстане - соответственно 0,5 млн. чел. и 5,0%, Молдове - 62 тыс. чел. и 4,9%, России – 4,3 млн. чел. и 5,6%, Украине – 1,7 млн. чел. и 9,1%. Для сравнения, доля безработных в 2015 г. в Германии, Норвегии, Соединенном Королевстве, США и Японии составляла 3-5%, Австрии, Бельгии, Канаде, Швеции и Эстонии – 6-8%, Ирландии, Латвии, Литве, Турции и Франции – 9-10%, Греции, Испании, Италии и Португалии – 12-25%.

Начавшееся после 2000 года оживление экономики способствовало увеличению числа *свободных рабочих мест*, заявленных предприятиями и организациями в службы занятости, с 0,9 млн. мест в 2000 году до 1,5 млн. мест – в 2014 году. Наконец 2015 г. число вакансий в странах СНГ сократилось до 1,2 млн. мест. В 1990-2000 гг. в связи с сокращением государственного сектора экономики и расширением прав предприятий было заметно ослаблено государственное регулирование **оплаты труда**, что сказалось, прежде всего, на динамике реальной заработной платы и увеличении ее дифференциации.

Индекс потребительских цен и курс национальной валюты. На протяжении 1991-2012 гг. одной из главных проблем большинства стран СНГ

оставалась инфляция, особенно в 1991-1995 гг. Изменение структуры денежной массы и рост ее относительной автономности в странах СНГ привели к возникновению механизмов циклических проявлений в инфляционных процессах. После 1998 г. странам СНГ удалось преодолеть наиболее острую фазу инфляционного циклического кризиса. Но и в период экономического роста 2000-2008 гг. крупный приток иностранной валюты и рост импорта товаров оказывали сильное инфляционное давление. В 2009 году инфляция замедлилась, на что повлияли снижение доли импортных товаров на внутренних рынках стран СНГ, циклический кризис ликвидности и ужесточение условий кредитования. В связи с этим, в 1992-1995 гг. в России наблюдалась гиперинфляция, при которой ежегодные темпы роста потребительских цен составляли несколько тысяч (в 1992-1994 гг. – несколько сотен) процентов (табл. 20). С 1996 по 2000 г. ИПЦ суммарно вырос на 173,9%. В связи с экономическим кризисом 1998 г. ИПЦ в России составил 84,4%.

До 1999 г. наблюдается циклообразная тенденция ИПЦ в России, и она составляет 5,2% от уровня 1992 г. Вместе с тем, после российского дефолта с 1999 г. по 2008 г. в связи с улучшением экономической ситуации в стране циклообразная тенденция ИПЦ постепенно стабилизируется и составляет 4,4% от уровня 1992 года. В 2011 г. и 2012 г. ИПЦ в России составили 107,0% и 106,8% соответственно. В 2012-2013 гг. рост цен оставался на самом низком уровне за весь период наблюдения – в целом по СНГ он не превышал 5,7%. На фоне предыдущих лет, ухудшение внешнеэкономических факторов в 2014-2015 гг., наряду с нестабильностью валютных рынков стран СНГ, привели к существенному росту инфляции в регионе (рис. 13-рис. 14).

Таблица 20

ИПЦ (в % к пред. году) и курс национальной валюты
в период с 1991-2015 гг. *[1].

Год	Ежегодный ИПЦ*	ИПЦ в индексах в 1996 г.	Единица национальной валюты рублей за 1 долл. США**	
			на конец года	в среднем за год
1991	100	...		
1992	2608,8	...		
1993	939,9	...	1247	932,15
1994	315,1	...	3550	2204
1995	231,3	...	4640	4554
1996	121,8	100	5560	5218
2000	120,2	335,8	28,16	28,13
2005	110,9	636	28,78	28,28
2010	108,8	1040,1	30,46	30,36
2011	106,1	1104	32,20	29,35
2012	106,6	1176,8	30,37	31,07
2013	106,5	1253,3	32,73	31,82
2014	111,4	1396,1	56,26	37,97
2015	112,9	1576,2	72,88	60,7

* декабрь к декабрю. ** С 1998 г. – с учетом деноминации российского рубля.

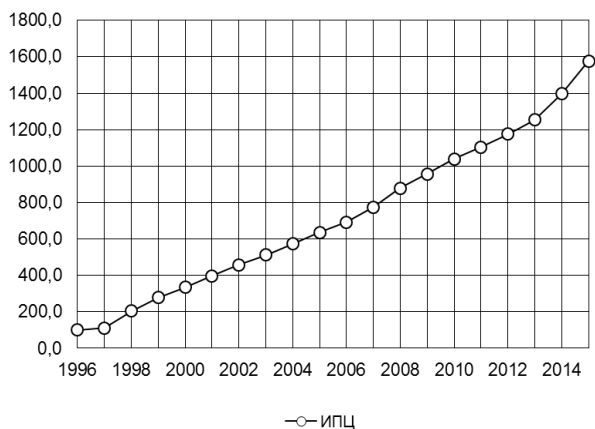

Рис. 13 График абсолютных величин в индексах 1996-2015 гг.: ИПЦ (1996=100).

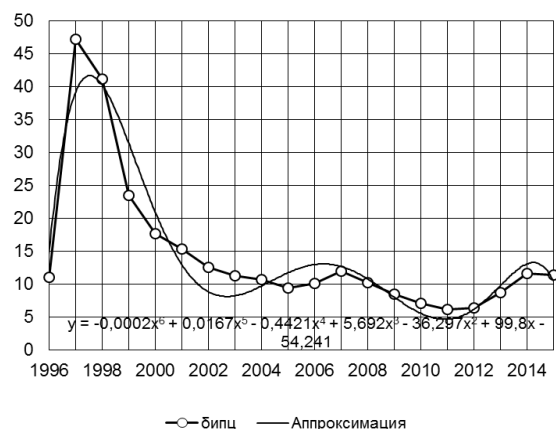

Рис. 14. Темпы прироста в 1996-2015 гг.: ИПЦ – $\delta_{ипц}$ (1996=100).

Общие проблемы, с которыми сталкивается на сегодняшний день российский рынок труда, едва ли разрешимы полностью, однако частично они могут быть ликвидированы при осознании истинных причин их возникновения.

ИНДИЯ. Объем валового внутреннего продукта. С 1991 г. наблюдается непрерывной рост объема ВВП Индии. В 2004 г. ВВП Индии составил 215,7 % от уровня 1991 г., а в 2015 г. – 481,6 %. Структура производства валовой добавленной стоимости за последние 24 года претерпела некоторые изменения. Постепенно происходило снижения доли сельского хозяйства, с 29,4 % в 1991 г. до 17,4 % в 2014 году. Доля промышленности, напротив, увеличилась с 25,4 % в 1991 г. до 30 % в 2014 году. Доля сферы услуг с 1991 г. увеличилась на 7,4 % и в 2014 г. составила 52,6 % (табл. 21).

Таблица 21

Динамика ВВП и структура производства валовой добавленной стоимости Индии в 1991-2015 гг.⁵¹

Год	Индекс ВВП (1991=100)	ВВП в текущих ценах, млрд. долларов США	Промышленность, объем ВДС в % от ВВП	Сельское хозяйство, объем ВДС в % от ВВП	Сфера услуг, объем ВДС в % от ВВП
1991	100,0	274,8	25,4	29,4	45,2
1995	126,8	366,6	27,4	26,3	46,3
2000	170,3	476,6	26,0	23,0	51,0
2005	235,7	834,2	28,1	18,8	53,1
2010	347,6	1708,5	27,2	18,2	54,6
2011	370,6	1815,9	32,5	18,5	49,0
2012	391,5	1825,0	31,7	18,2	50,0
2013	417,4	1863,2	30,8	18,3	50,9
2014	447,7	2042,4	30,0	17,4	52,6
2015	481,6	2073,5

⁵¹ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. Расчеты авторов.

Промышленность. Объем промышленного производства. С 1991 по 2015 год в Индии наблюдается непрерывный рост объема промышленного производства. В 2003 году этот показатель составил 202,2 %, а в 2014 году – 443,2 %. В 1991-2014 годах доля обрабатывающей промышленности в структуре произведенной валовой добавленной стоимости страны колебалась в районе 14,5-17,5 % и в 2014 г. составила 16,1 %. Доля машиностроения и транспортного оборудования в том же года была 19,6 %, на 1,4 % больше, чем в 1991 году (табл. 22).

Таблица 22

Динамика промышленного производства в Индии в 1991-2015 гг.⁵²

Год	Индекс промышленного производства (1991=100)	Объем промышленного производства в текущих ценах, млрд. долл. США	Обрабатывающая промышленность, объем ВДС в % от ВВП	Машиностроение и производство транспортного оборудования, объем ВДС в % от ВВП
1991	100,0	63,6	15,2	18,2
1995	132,3	91,6	17,3	18,1
2000	171,3	113,9	15,3	15,6
2005	243,7	215,4	15,4	18,6
2010	365,8	432,0	14,8	19,1
2011	384,8	547,7	17,4	18,5
2012	398,6	536,0	17,1	19,6
2013	418,6	528,6	16,5	19,6
2014	443,2	563,0	16,1	19,6
2015

Сельское хозяйство. Объем выпуска сельскохозяйственной продукции.

В Индии с 1991 почти все время наблюдается рост объемов выпуска сельскохозяйственной продукции, за исключением незначительного спада в 1995 и 1997 годах и довольно существенного снижения в 2002 году. Таким образом в 2014 г. объем индийского сельскохозяйственного производства составил 203,3 % от уровня 1991 года (табл. 23).

Таблица 23

Динамика сельскохозяйственного производства в Индии в 1991-2015 гг.⁵³

Год	Индекс сельскохозяйственного производства (1991=100)	Объем сельскохозяйственного производства в текущих ценах, млрд. долларов США	Индекс продукции растениеводства (2004-2006=100) 54	Индекс продукции животноводства (2004-2006=100) 55
...

⁵² База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. Расчеты авторов.

⁵³ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. Расчеты авторов.

⁵⁴ Базовым для расчета показателем является среднегодовой объем производства продукции в 2004-2006 годах.

1991	100,0	73,5	73,8	61,7
1995	114,6	87,8	83,9	71,8
2000	134,0	100,8	92,3	84,5
2005	152,4	144,1	99,9	99,8
2010	189,9	289,6	125,2	123,8
2011	192,7	312,2	134,4	128,5
2012	195,6	308,2	136,5	132,2
2013	203,8	314,4	141,9	135,2
2014	203,3	326,3

Инвестиции в основной капитал. Объем инвестиций в основной капитал в индийской экономике увеличивался стабильно с 1991 г., за исключением небольших снижений в 1993, 2000 и 2002 годах. В 2001 г. объем капитальных инвестиций составил 207,6 % от уровня 1991 г., в 2007 г. – 439,3 %, а в 2014-м – 693,5 %. Стабильно увеличивался и объем инвестиций, рассчитанный в процентах от валового внутреннего продукта страны. В 2010 г. этот показатель достиг пикового значения – 34,3 %. В 2014 г. объем инвестиций в основной капитал составлял 30,8 %, на 8,2 % больше, чем в 1991 году.

Прямые иностранные инвестиции. Объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Индию оказался существенно меньше, чем в некоторых других странах БРИКС. В 1991 г. он составил всего 73 млн долларов. Масштабный приток ПИИ в индийскую экономику начался с 2003 года. За последующие 12 лет объем ПИИ увеличился более чем в 10 раз и составил 44,2 млрд долларов США (или 2,1 % от ВВП страны) в 2015 году (табл. 24).

Таблица 24

Динамика инвестиций в основной капитал и ПИИ в Индии в 1991-2015 гг.⁵⁶

Год	Индекс инвестиций в основной капитал (1991=100)	Инвестиции в основной капитал в текущих ценах, млрд. долл.	Инвестиции в основной капитал, в % от ВВП	ПИИ, нарастающим итогом в млрд. долл. США	ПИИ, нарастающим итогом в % от ВВП
1991	100,0	62,18	22,6	0,07	0,03
1995	137,4	88,17	24,1	2,1	0,6
2000	180,0	108,39	22,7	3,6	0,8
2005	329,2	253,04	30,3	7,3	0,9
2010	543,4	528,30	30,9	27,4	1,6
2011	610,0	623,08	34,3	36,5	2,0
2012	639,6	609,11	33,4	24,0	1,3
2013	661,4	589,13	31,6	28,2	1,5
2014	693,5	628,74	30,8	33,9	1,7
2015				44,2	2,1

⁵⁵ Базовым для расчета показателем является среднегодовой объем производства продукции в 2004-2006 годах.

⁵⁶ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. Расчеты авторов.

Транспорт и связь. Объем грузоперевозок различными видами транспорта. Объем железнодорожных грузоперевозок в Индии непрерывно увеличивался с 1991 по 2014 г. (исключение – небольшое снижение объемов перевозки в 1994 году). За 24 года этот показатель вырос с 250,2 до 665,8 млрд. т/км. С 1993 по 2015 г. более чем в 4 раза увеличился объем авиаперевозок грузов, составив 1,8 млрд. т/км (табл. 25).

Таблица 25

Динамика грузовых и пассажирских перевозок различными видами транспорта в Индии в 1991-2015 гг.⁵⁷

Год	Объем грузоперевозок по железным дорогам, млрд.т/км	Объем перевозок пассажиров по железным дорогам, млн. человек/км	Объем авиаперевозок грузов, млрд. т/км	Число пассажиров перевезенных самолетами, млн. человек
1991	250,2	314,6	0,5	10,7
1995	270,5	326,2	0,7	14,3
2000	305,2	430,7	0,5	17,3
2005	407,4	575,7	0,8	27,9
2010	600,5	903,5	1,6	64,4
2011	625,7	978,5	1,7	74,0
2012	625,7	978,5	1,6	72,2
2013	625,7	978,5	1,7	75,6
2014	665,8	1158,7	1,9	82,7
2015	1,8	98,9

Объем перевозок пассажиров различными видами транспорта. С начала 1990-х годов последовательно увеличивался и пассажирооборот железнодорожного и авиационного транспорта. Объем железнодорожных пассажирских перевозок с 1994 по 2014 г. увеличился более чем в 3,5 раза и в 2014 г. составил 1158,7 млн человек/км. Число пассажиров, перевезенных авиацией, с 1993 по 2015 г. выросло более чем в 10 раз до 98,9 млн. пассажиров.

Число абонентов стационарной и сотовой телефонной связи и пользователей сети Интернет. Число абонентов стационарной телефонной связи в Индии выросло в 1991-2005 годах практически в 10 раз – с 5,8 до 50,2 млн. После чего этот показатель к 2015 г. уменьшился почти вдвое и составил 25,5 млн. Как и в других странах произошло замещение стационарной телефонной связи сотовой, сравнявшейся по числу абонентов еще в 2004 году. В 2015 году число абонентов сотовой связи в Индии превысило 1 млрд. Почти 80 жителей страны из 100 являются абонентами сотовой связи (табл. 26).

Таблица 26

⁵⁷ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. Расчеты авторов.

Динамика количества пользователей телефонных сетей и сети Интернет в Индии в 1991-2015 гг.⁵⁸

Год	Число абонентов стационарной сети телефонной связи, млн.	Число абонентов стационарной сети телефонной связи, на каждые 100 человек	Число абонентов сотовой связи, млн.	Число абонентов сотовой связи, на каждые 100 человек	Число пользователей Интернета, на каждые 100 человек
1991	5,8	0,7	0,0	0,0	..
1992	6,8	0,8	0,0	0,0	0,0001
1995	12,0	1,3	0,1	0,0	0,03
2000	32,4	3,1	3,6	0,3	0,5
2005	50,2	4,5	90,1	8,0	2,4
2010	35,1	2,9	752,2	62,4	7,5
2011	32,8	2,7	893,9	73,2	10,1
2012	30,9	2,5	864,7	69,9	12,6
2013	29,0	2,3	886,3	70,8	15,1
2014	27,0	2,1	944,0	74,5	21,0
2015	25,5	2,0	1011,1	78,8	26,0

По числу пользователей сети Интернет Индия заметно отстает от других стран БРИКС. В 2015 г. только примерно каждый четвертый житель Индии имел доступ к Интернету.

Социальная сфера. Население. Население Индии с 1991 по 2015 г. увеличилось почти на 450 млн человек и составило 1,3 млрд. человек. При сохранении подобных темпов роста населения в ближайшие несколько лет Индия выйдет на 1-е место по численности населения в мире, обойдя Китай (табл. 27).

Таблица 27

Динамика численности населения Индии в 1991-2015 гг.⁵⁹

Год	Численность населения, млн. человек	Темп прироста населения, в %	Коэффициент рождаемости, на 1000 чел.	Коэффициент смертности, на 1000 чел.
1991	888,5	2,0	30,9	10,6
1995	960,9	1,9	28,8	9,6
2000	1053,5	1,8	26,5	8,7
2005	1144,3	1,6	24,1	8,1
2010	1231,0	1,4	21,6	7,6
2011	1247,4	1,3	21,1	7,5
2012	1263,6	1,3	20,7	7,4
2013	1279,5	1,3	20,3	7,4
2014	1295,3	1,2	20,0	7,3

⁵⁸ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. Расчеты авторов.

⁵⁹ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. Расчеты авторов.

2015	1311,1	1,2
------	--------	-----	----	----

Безработица. Благодаря устойчивым темпам роста ВВП и промышленного производства, безработица в Индии в 1991-2014 годах находилась на низком (возможно даже, естественном) уровне. С 1991 по 2008 г. показатель безработицы колебался в районе 4 %, то снижаясь, то повышаясь на несколько десятков процентов. С 2009 г. безработица в Индии находится стабильно ниже 4 %, в 2014 году составил 3,6 %.

Индекс потребительских цен. Уровень инфляции в Индии в 1991-2015 годах довольно заметно менялся от года к году. Для периода 1991-1998 годов характерны двузначные показатели инфляции. В 1999-2004 годах уровень инфляции сильно снизился, до 3,8 %. Затем ИПЦ вновь стал расти, достигнув в 2010 году 12 %. В 2015 г. индекс потребительских цен составил 5,9 %, что почти в два раза меньше, чем два года назад (*табл. 28*).

Таблица 28

Безработица и динамика индекса потребительских цен
в Индии в 1991-2015 гг.⁶⁰

Год	Уровень безработицы, в % от экономически активного населения	Индекс потребительских цен, в % к предыдущему периоду
1991	4,3	13,9
1995	4	10,2
2000	4,3	4,0
2005	4,4	4,2
2010	3,5	12,0
2011	3,5	8,9
2012	3,6	9,3
2013	3,6	10,9
2014	3,6	6,4
2015		5,9

КИТАЙ. Объем валового внутреннего продукта. На протяжении последних 25 лет, начиная с 1991 г. в Китае наблюдается непрерывный рост объема ВВП. В текущих ценах ВВП Китая вырос с 381,5 млрд долл. США в 1991 г. до почти 10,9 трлн долл. США в 2015 году. В процентном выражении ВВП Китая в 2015 г. составил 977 % от уровня 1991 года. При этом в структуре производства ВВП произошли заметные изменения, связанные с последовательным снижением доли сельского хозяйства и ростом доли сферы услуг. Доля сельского хозяйства сократилась чуть более чем на 15 % по сравнению с 1991 г. и ровно настолько же увеличилась доля сферы услуг. Доля промышленности в производстве валовой добавленной стоимости осталась практически неизменной: 41,4 % в 1991 году и 40,5 % в 2015 году (*табл. 29*).

⁶⁰ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>.

Динамика ВВП и структура производства валовой добавленной стоимости
Китая в 1991-2015 гг.⁶¹

Год	Индекс ВВП (1991=100)	ВВП в текущих ценах, млрд. долл. США	Промышленность, объем ВДС в % от ВВП	Сельское хозяйство, объем ВДС в % от ВВП	Сфера услуг, объем ВДС в % от ВВП
1991	100,0	381,5	41,4	24,2	34,5
1995	163,4	732,0	46,7	19,7	33,7
2000	246,9	1205,3	45,4	14,7	39,8
2005	393,4	2268,6	46,9	11,7	41,4
2010	670,7	6039,7	46,2	9,6	44,2
2011	734,3	7492,4	46,1	9,5	44,3
2012	791,2	8461,6	45,0	9,5	45,5
2013	852,0	9490,6	43,7	9,4	46,9
2014	914,0	10351,1	42,7	9,2	48,1
2015	977,0	10866,4	40,5	9,0	50,5

Промышленность. Объем промышленного производства. С 1991 по 2015 г. в Китае наблюдается устойчивый рост промышленного производства. За указанный период промышленное производство увеличилось в сопоставимых ценах более чем в 13,5 раз. Доступные данные по обрабатывающей промышленности в структуре валовой добавленной стоимости свидетельствуют о стабильности ее доли. В 1991 г. доля обрабатывающей промышленности в ВДС составила 32,3 %, в 2015 г. – 30,1 %. Обращает на себя внимание тот факт, что с 1991 по 2003 г. росла и доля машиностроения – с 16,1 % до 27,2 %. Затем этот показатель несколько снизился до 24,5 % в 2007 г. (табл. 30).

Таблица 30

Динамика промышленного производства в Китае в 1991-2015 гг.⁶²

Год	Индекс промышленного производства (1991=100)	Объем промышленного производства в текущих ценах, млрд. долл. США	Обрабатывающая промышленность, объем ВДС в % от ВВП	Машиностроение и производство транспортного оборудования, объем ВДС в % от ВВП
1991	100,0	157,8	32,3	16,1
2000	312,1	547,5	31,9	14,1
2005	521,5	1063,3	32,3	25,4
2010	926,3	2788,7	31,9	..
2011	1024,3	3457,3	31,6	..
2012	1108,2	3805,3	31,0	..
2013	1195,5	4144,9	30,1	..
2014	1282,8	4423,7

⁶¹ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. Расчеты авторов.

⁶² База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. Расчеты авторов.

2015	1359,8	4404,3
------	--------	--------	----	----

Сельское хозяйство. Объем выпуска сельскохозяйственной продукции.

С 1991 г. объем сельскохозяйственного производства в Китае рос непрерывно. В 2015 г. этот показатель достиг 256,3 % от уровня 1991 г. в сопоставимых ценах. В текущих ценах (в млрд. долларов США) объем сельхозпроизводства вырос за 25 лет более чем в 10 раз (табл. 31).

Таблица 31

Динамика сельскохозяйственного производства в Китае в 1991-2015 гг.⁶³

Год	Индекс сельскохозяйственного о производства (1991=100)	Объем сельскохозяйственного о производства в текущих ценах, млрд. долл. США	Индекс продукции растениеводства (2004-2006=100) ⁶⁴	Индекс продукции животноводств а (2004-2006=100) ⁶⁵
1991	100,0	92,1	55,9	44,2
1995	119,4	143,9	68,0	65,0
2000	141,1	177,8	84,8	84,0
2005	169,7	266,1	100,1	100,3
2010	209,8	581,3	120,5	119,0
2011	218,6	714,3	126,7	119,7
2012	228,4	806,2	131,1	124,7
2013	237,1	892,9	133,6	126,5
2014	246,7	949,6
2015	256,3	977,3

Инвестиции в основной капитал. Аналогично другим производственным показателям инвестиции в основной капитал в Китае последовательно увеличивались с 1991 по 2014 год. В 2014 г. это показатель составил 1653 % от уровня 1991 года, то есть больше в 16,5 раз. В процентах от ВВП объем инвестиций в основной капитал в Китае вырос с 27,7 % в 1991 году до 37,5 % в 1993 году. Затем до 1997 года этот показатель снижался, составив 32,7 %. С 1998 по 2014 г. объем инвестиций в основной капитал относительно ВВП рос и составил 44,3 % в 2014 году.

Прямые иностранные инвестиции. Объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в экономику Китая с 1991 по 2015 год увеличился с 4,4 до 249,9 млрд долл. США. Наибольший объем ПИИ был накоплен в 2013 г. и составил 290,9 млрд долл. США. То есть в последние два года наблюдается постепенный уход иностранных инвесторов из китайской экономики. В

⁶³ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. Расчеты авторов.

⁶⁴ Базовым для расчета показателем является среднегодовой объем производства продукции в 2004-2006 годах.

⁶⁵ Базовым для расчета показателем является среднегодовой объем производства продукции в 2004-2006 годах.

процентах от ВВП объем ПИИ достиг своего пика в 1993-1994 годах, составляя 6-6,2 %. В 2015 г. это показатель составил 2,3 %.

Таблица 32

Динамика инвестиций в основной капитал и динамика ПИИ в Китае в 1991-2015 гг.⁶⁶

Год	Индекс инвестиций в основной капитал (1991=100)	Инвестиции в основной капитал в текущих ценах, млрд. долл. США	Инвестиции в основной капитал, в % от ВВП	ПИИ, нарастающим итогом в млрд. долл. США	ПИИ, нарастающим итогом в % от ВВП
1991	100,0	105,8	27,7	4,4	1,1
1995	217,7	250,1	34,2	35,8	4,9
2000	339,5	408,8	33,9	42,1	3,5
2005	615,6	905,9	39,9	104,1	4,6
2010	1183,4	2712,1	44,9	243,7	4,0
2011	1291,6	3338,0	44,6	280,1	3,7
2012	1409,9	3829,9	45,3	241,2	2,9
2013	1542,4	4342,9	45,8	290,9	3,1
2014	1653,0	4584,4	44,3	268,1	2,6
2015				249,9	2,3

Транспорт и связь. Объем перевозок грузов разными видами транспорта. Объем железнодорожного грузооборота в Китае в 2007 г. удвоился по сравнению с 1991 г., составив 2211,2 млрд. т/км. После этого данный показатель стабилизировался и в 2014 составил 2308,7 млрд. т/км. Объем авиаперевозок грузов с 1991 по 2015 г. рос практически непрерывно и увеличился почти в 20 раз – с 1 до 19, 8 млрд т/км (табл. 33).

Таблица 33

Динамика грузовых и пассажирских перевозок различными видами транспорта в Китае в 1991-2015 гг.⁶⁷

Год	Объем грузоперевозок по железным дорогам, млрд.т/км	Объем перевозок пассажиров по железным дорогам, млн. человек/км	Объем авиаперевозок грузов, млрд. т/км	Число пассажиров перевезенных самолетами, млн. человек
1991	1094,8	282,5	1,0	19,5
1995	1287,4	354,3	1,5	47,6
2000	1333,6	441,5	3,9	61,9
2005	1934,6	583,3	7,6	136,7
2010	2451,2	791,2	17,2	266,3
2011	2562,6	815,7	16,8	292,2
2012	2518,3	795,6	15,6	318,5
2013	2518,3	795,6	16,1	352,8

⁶⁶ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. Расчеты авторов.

⁶⁷ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. Расчеты авторов.

2014	2308,7	807,1	17,8	390,9
2015	19,8	436,2

Объем пассажирских перевозок различными видами транспорта.

Объем авиаперевозок пассажиров в 1991-2014 годах в Китае рос опережающими темпами по сравнению с железнодорожными. Железнодорожные перевозки пассажиров за указанные 24 г. увеличились примерно в 2,8 раза – с 282,5 до 807,1 млн человек/км. Число перевезенных авиацией пассажиров увеличилось с 19,5 млн человек в 1991 году до 436,2 млн человек в 2015, то есть более чем в 20 раз.

Число абонентов стационарной и сотовой телефонной связи, а также пользователей сети Интернет. Число абонентов стационарной телефонной сети в Китае росло с 1991 по 2006 г. – с 8,5 до 367,8 млн. человек соответственно. Однако по мере роста доступности услуг сотовой связи данный процесс остановился и с 2007 по 2015 г. число абонентов стационарной телефонной сети сократилось почти на треть, до 231 млн. человек. Число абонентов сотовой связи в 1991 г. составляло около 50 тысяч человек, в 1994 году – 1,6 млн. человек, в 2001 г. – 144,8 млн. человек, а в 2015 г. – 1,3 млрд человек. В настоящий момент примерно 93 жителя Китая из 100 являются абонентами сотовой связи. Число пользователей Интернета с микроскопических величин в начале и середине 1990-х годов увеличилось экспоненциально. В настоящий момент примерно каждый второй житель Китая имеет доступ к глобальной сети (табл. 34).

Таблица 34

Динамика количества пользователей телефонных сетей и сети Интернет в Китае в 1991-2015 гг.⁶⁸

Год	Число абонентов стационарной сети телефонной связи, млн.	Число абонентов стационарной сети телефонной связи, на каждые 100 чел.	Число абонентов сотовой связи, млн.	Число абонентов сотовой связи, на каждые 100 чел.	Число пользователей Интернета, на каждые 100 чел.
1991	8,5	0,7	0,05	0,004	..
1995	40,7	3,3	3,6	0,3	0,005
2000	144,8	11,3	85,3	6,7	1,8
2005	350,4	26,6	393,4	29,8	8,5
2010	294,4	21,6	859,0	63,2	34,3
2011	285,1	20,8	986,3	72,1	38,3
2012	278,2	20,2	1112,2	80,8	42,3
2013	267,0	19,3	1229,1	88,7	45,8
2014	249,4	17,9	1286,1	92,3	47,9
2015	231,0	16,5	1305,7	93,2	50,3

⁶⁸ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. Расчеты авторов.

Социальная сфера. Население. Реализация политики «одна семья – один ребенок» способствовала замедлению темпов роста населения Китая в 1991-2015 годах. Коэффициент рождаемости к 2014 г. снизился на 7,3 и составил 12,4. Численность населения Китая за исследуемые 25 лет выросла примерно на 220 млн. чел., что почти в два раза меньше по сравнению с динамикой Индии (табл. 35).

Таблица 35

Динамика численности населения Китая в 1991-2015 гг.⁶⁹

Год	Численность населения, млн. чел.	Темп прироста населения, в %	Коэффициент рождаемости, на 1000 чел.	Коэффициент смертности, на 1000 чел.
1991	1150,8	1,4	19,7	6,7
1995	1204,9	1,1	17,1	6,6
2000	1262,6	0,8	14,0	6,5
2005	1303,7	0,6	12,4	6,5
2010	1337,7	0,5	11,9	7,1
2011	1344,1	0,5	11,9	7,1
2012	1350,7	0,5	12,1	7,2
2013	1357,4	0,5	12,1	7,2
2014	1364,3	0,5	12,4	7,2
2015	1371,2	0,5

Безработица. Уровень безработицы в Китае, так же как и в Индии, оставался на протяжении последних 25 лет на стабильно низком уровне благодаря устойчивым высоким темпам роста ВВП и промышленного производства.

Индекс потребительских цен. В 1993-1995 годах китайская экономика столкнулась с галопирующей инфляцией, темпы прироста которой в 1994 году составили максимальные для 25-летнего периода наблюдения 24,2 %. Однако со следующего года темпы инфляции стали снижаться, а с 1998 года Китай периодически стал попадать в периоды дефляции. В 2015 году темпы роста потребительских цен составили всего 1,4 % - самый низкий уровень среди всех стран БРИКС (табл. 36).

Таблица 36

Безработица и динамика индекса потребительских цен в Китае в 1991-2014 гг.⁷⁰

Год	Уровень безработицы, в % от экономически активного населения	Индекс потребительских цен, в % к предыдущему периоду
1991	4,9	3,5
1995	4,5	16,9

⁶⁹ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. Расчеты авторов.

⁷⁰ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>.

2000	4,5	0,3
2005	4,1	1,8
2010	4,2	3,3
2011	4,3	5,4
2012	4,5	2,6
2013	4,6	2,6
2014	4,7	2,0
2015		1,4

ЮЖНАЯ АФРИКА (ЮАР). Объем валового внутреннего продукта.

В 1991-1992 годах объем валового внутреннего продукта в Южной Африке сократился на 1 % и 2,1 %, после чего непрерывно увеличивался умеренными темпами вплоть до 2008 года, составив 167,6 % от уровня 1991 года в сопоставимых ценах. В 2009 году вследствие мирового финансового кризиса объем ВВП в сопоставимых ценах сократился на 2,6 %, после чего снова начал увеличиваться, достигнув уровня 188,6 % в 2015 году. С 1991 по 2015 год доля промышленности в структуре произведенной валовой добавленной стоимости сократилась с 38,4 % до 28,7 %. Доля сельского хозяйства за тот же период сократилась на 2,3 %, до 4,6 %. Доля сферы услуг с 1991 по 2015 год, напротив, выросла с 57,1 % до 68,9 % (табл. 37).

Таблица 37

Динамика ВВП и структура производства валовой добавленной стоимости Южной Африки в 1991-2015 гг.⁷¹

Год	Индекс ВВП (1991=100)	ВВП в текущих ценах, млрд. долларов США	Промышленность, объем ВДС в % от ВВП	Сельское хозяйство, объем ВДС в % от ВВП	Сфера услуг, объем ВДС в % от ВВП
1991	100,0	120,2	38,4	4,6	57,1
1995	105,4	155,5	34,9	3,9	61,3
2000	121,0	136,4	31,9	3,3	64,8
2005	146,0	257,8	30,3	2,7	67,1
2010	170,0	375,3	30,2	2,6	67,2
2015	188,6	312,8	28,7	2,3	68,9

Промышленность. Объем промышленного производства. Объем промышленного производства в Южной Африке увеличивался умеренными темпами с 1993 по 2008 г., за исключением короткого спада в 1998-1999 годах. В 2008 г. это показатель составил 135,4 % относительно 1991 г. в сопоставимых ценах. Мировой кризис привел к снижению объема промышленного производства в ЮАР до 127,2 %, но затем его объемы вновь начали расти до 139,2 % в 2015 году. При этом доля обрабатывающей промышленности в структуре произведенной валовой добавленной стоимости сократилась с 22,9 % в 1991 году до 13 % в 2015 году. Доля машиностроения и производства

⁷¹ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. Расчеты авторов.

транспортного оборудования с 1991 по 2010 г. сократилась не очень значительно, на 1,1 % (табл. 38).

Таблица 38

Динамика промышленного производства в Южной Африке в 1991-2015 гг.

Год	Индекс промышленного производства (1991=100)	Объем промышленного производства в текущих ценах, млрд. долл. США	Обрабатывающая промышленность, объем ВДС в % от ВВП	Машиностроение и производство транспортного оборудования, объем ВДС в % от ВВП
1991	100,0	42,1	22,9	15,5
1995	102,4	49,6	21,4	..
2000	108,7	39,6	19,2	13,7
2005	124,8	70,0	18,1	14,7
2010	133,2	102,8	14,4	14,4
2011	135,0	112,3	13,3	..
2012	135,4	106,4	13,1	..
2013	137,9	98,3	13,2	..
2014	137,8	92,4	13,3	..
2015	139,2	80,1	13,0	..

Сельское хозяйство. Объем выпуска сельскохозяйственной продукции.

В ЮАР наблюдалось довольно сильное падение объемов сельскохозяйственного производства в 1992 и 1995 годах – до 72,7 % и 78 % соответственно от уровня 1991 года. В дальнейшем несколько лет роста объемов производства перемежались со спадами. В 2000 г. объем выпуска сельхозпродукции превысил уровень 1991 г. и составил 102,7 %. После этого начался период более-менее стабильно роста объема выпуска. Последнее крупное снижение объемов сельхозпродукции произошло в 2015 г., когда индекс производства сократился со 137,2 % до 125,6 %. С 2006 г. в ЮАР темпы роста продукции животноводства регулярно превышают темпы роста продукции растениеводства, что отличается от обратной динамики в других странах БРИКС (табл. 39).

Таблица 39

Динамика сельского хозяйства в Южной Африке в 1991-2015 гг.

Год	Индекс сельскохозяйственного производства (1991=100)	Объем сельскохозяйственного производства в текущих ценах, млрд. долл. США	Индекс продукции растениеводства (2004-2006=100) ⁷²	Индекс продукции животноводства (2004-2006=100) ⁷³
1991	100,0	5,0	85,2	81,3
1995	78,0	5,5	73,1	75,6
2000	102,7	4,1	102,5	89,6
2005	110,4	6,2	105,5	98,7
2010	125,6	9,0	107,7	129,6

⁷² Базовым для расчета показателем является среднегодовой объем производства продукции в 2004-2006 годах.

⁷³ Базовым для расчета показателем является среднегодовой объем производства продукции в 2004-2006 годах.

2011	127,2	9,4	107,5	127,7
2012	128,0	8,6	112,1	130,4
2013	129,9	7,6	114,7	131,4
2014	137,2	7,8
2015	125,6	6,5

Инвестиции в основной капитал. В 1992-1993 в Южной Африке наблюдался спад инвестиций в основной капитал, примерно на 5,5 % ниже уровня 1991 года. Затем этот показатель вырос до 136,1 % в 1997 году. Международные финансовые кризисы 1998 и 2008-2009 годов способствовали периодическому снижению объемов капитальных инвестиций в ЮАР с последующим восстановлением положительной динамики. В 2015 г. инвестиции в основной капитал увеличились почти в 3 раза относительно уровня 1991 года. Однако в процентах к объему ВВП ЮАР инвестиции в основной капитал увеличились менее значительно – с 17,2 % в 1991 г. до 20 % в 2015-м.

Прямые иностранные инвестиции. Объем накопленных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в ЮАР довольно сильно колебался в различные периоды времени. В 1992 г. это показатель сократился всего до 3 млн долларов, что было во многом связано с проходившей в тот момент трансформацией социально-политического и экономического режима в стране, вызывавшей неопределенность среди иностранных инвесторов. Однако к 1998 г. объем ПИИ вырос до 3,8 млрд долларов США (2,5 % от ВВП ЮАР). Затем последовал период снижения объема ПИИ и практически десятилетие попеременных подъемов и спадов данного показателя. С 2006 по 2013 г. объем ПИИ вырос с 0,6 до 8,2 млрд долларов США, однако к 2015 г. вновь сократился и составил 1,6 млрд долл. США (0,5 % от ВВП страны).

Таблица 40

Динамика инвестиций в основной капитал динамика прямых иностранных инвестиций в ЮАР в 1991-2015 гг.⁷⁴

Год	Индекс инвестиций в основной капитал (1991=100)	Инвестиции в основной капитал в текущих ценах, млрд. долларов США	Инвестиции в основной капитал, в % от ВВП	Прямые иностранные инвестиции, нарастающим итогом в млрд. долларов США	Прямые иностранные инвестиции, нарастающим итогом в % от ВВП
1991	100,0	20,6	17,2	0,3	0,2
1995	112,7	26,4	17,0	1,2	0,8
2000	130,8	21,3	15,6	1,0	0,7
2005	194,4	44,5	17,2	6,5	2,5
2010	250,9	72,3	19,3	3,7	1,0
2011	265,2	78,0	18,7	4,1	1,0
2012	274,8	74,8	18,8	4,6	1,2

⁷⁴ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. Расчеты авторов.

2013	295,7	73,4	20,0	8,2	2,2
2014	294,6	70,9	20,3	5,8	1,7
2015	298,7	62,7	20,0	1,6	0,5

Объем авиаперевозок грузов. Объем авиаперевозок грузов в Южной Африке увеличивался непрерывно с 0,2 млрд. т/км в 1991 году до 1,2 млрд. т/км в 2006 году. В 2007-2009 г. этот показатель снизился до 0,7 млрд. т/км, а в 2015 г. составил 0,9 млрд. т/км (табл. 41).

Таблица 41

Динамика авиаперевозок грузов и пассажиров в Южной Африке в 1991-2015 гг.⁷⁵

Год	Объем авиаперевозок грузов, млрд. т/км	Число пассажиров перевезенных самолетами, млн. чел.
1991	0,2	4,8
1995	0,3	6,4
2000	0,7	8,0
2005	0,9	11,8
2010	1,0	15,8
2011	1,1	16,4
2012	1,2	17,6
2013	1,1	16,3
2014	1,0	16,9
2015	0,9	17,2

Объем авиаперевозок пассажиров. Объем авиаперевозок пассажиров на протяжении 1991-2015 годов демонстрировал в основном положительную динамику, увеличиваясь, каждый год за исключением нескольких кратковременных спадов. В 1991 г. объем пассажирских авиаперевозок составил 4,8 млн. человек, в 2005 году – 11,8 млн. человек, а в 2015-м – 17,2 млн. человек.

Число абонентов стационарной телефонной и сотовой связи и пользователей сети Интернет. Число абонентов стационарной телефонной связи в ЮАР в 1991 г. составляло 3,4 млн. Затем оно выросло до 5,5 млн. в 1999 г., после чего начало снижаться до 3,6 млн. в 2014 году. В пересчете на каждый 100 жителей страны, число абонентов стационарной связи в 2015 г. уменьшилось по сравнению с 1991 годом. Зато начало и темпы проникновения сотовой связи в Южной Африке оказались одними из самых ранних и быстрых среди других стран БРИКС. В итоге сейчас на 100 жителей ЮАР приходится почти 160 абонентских подключений. Проникновение сети Интернет находится в Южной Африке на среднем для стран БРИКС уровне. В 2015 г. 52 жителя страны из ста имели доступ к Интернету (табл. 42).

Таблица 42

⁷⁵ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. Расчеты авторов.

**Динамика количества пользователей телефонных сетей и
сети Интернет в ЮАР в 1991-2015 гг.⁷⁶**

Год	Число абонентов стационарной сети телефонной связи, млн.	Число абонентов стационарной сети телефонной связи, на каждые 100 чел.	Число абонентов сотовой связи, млн.	Число абонентов сотовой связи, на каждые 100 чел.	Число пользователей интернета, на кажд. 100 чел.
1991	3,4	9,1	0,007	0,02	0,01
1995	4,0	9,7	0,5	1,3	0,7
2000	5,0	11,1	8,3	18,6	5,3
2005	4,9	10,2	34,0	70,4	7,5
2010	4,9	9,4	50,4	97,9	24,0
2011	4,9	9,3	64,0	123,2	34,0
2012	4,8	9,3	68,4	130,6	41,0
2013	3,9	7,3	76,9	145,6	46,5
2014	3,6	6,9	79,3	149,2	49,0
2015	4,1	7,7	85,2	159,3	51,9

Социальная сфера. Население. В Южной Африке наряду с Россией за последние 25 лет наблюдается заметный рост уровня смертности. Несмотря на это (и в отличие от нашей страны) население ЮАР с 1991 по 2015 г. увеличилось на 15 млн. человек. Этому способствует высокий коэффициент рождаемости, составляющий в 2015 году 20,7 (табл. 43).

Таблица 43

Динамика численности населения Южной Африки в 1991-2015 гг.⁷⁷

Год	Численность населения, млн. чел.	Темп прироста населения, в %	Коэффициент рождаемости, на 1000 чел.	Коэффициент смертности, на 1000 чел.
1991	35,9	2,1	28,5	7,9
1995	39,1	2,2	26,0	8,4
2000	44,0	2,5	24,4	11,7
2005	47,3	1,3	23,0	14,6
2010	50,8	1,5	21,5	13,6
2011	51,5	1,5	21,3	13,2
2012	52,4	1,6	21,1	12,9
2013	53,2	1,6	20,9	12,6
2014	54,1	1,6	20,7	12,5

Безработица. Южно-Африканская Республика – страна с самым высоким уровнем безработицы среди членов БРИКС. За последние 25 лет уровень безработицы колебался в ЮАР в диапазоне от 21 до 27 %, что 4-6 раз выше,

⁷⁶ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. Расчеты авторов.

⁷⁷ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>. Расчеты авторов.

чем в России, Бразилии, Индии и Китае. В 2014 г. безработица в ЮАР составляла 25,1 %.

Индекс потребительских цен. С 1991 по 1999 год темпы инфляции в Южной Африке сократились почти в 3 раз, с 15,3 до 5,2 % соответственно. Затем поочередно следовали трехлетние периоды увеличения и сокращения темпов роста потребительских цен. В итоге в 2015 г. инфляция в ЮАР составила 4,6 % (табл. 44).

Таблица 44

Безработица и динамика индекса потребительских цен в ЮАР в 1991-2015 гг.⁷⁸

Год	Уровень безработицы, в % от экономически активного населения	Индекс потребительских цен, в % к предыдущему периоду
1991	24,5	15,3
1995	16,9	8,7
2000	26,7	5,3
2005	23,8	3,4
2010	24,7	4,3
2011	24,7	5,0
2012	25	5,7
2013	24,6	5,4
2014	25,1	6,4
2015		4,6

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ. *Экономический рост и промышленное развитие стран БРИКС.* Темпы экономического роста и другие параметры циклического развития стран БРИКС не синхронизированы. Китай и Индия являются лидерами по темпам роста объема ВВП за последние 25 лет. ВВП Китая в сопоставимых ценах в 2015 г. составил 977 % от базового уровня 1991 года, ВВП Индии – 481,6 %. Общей для всех стран БРИКС структурной особенностью производства валовой добавленной стоимости является рост доли сферы услуг. Однако в Китае и Индии рост объема ВВП сопровождается также стабилизацией или даже небольшим ростом доли промышленности, в структуре производства валовой добавленной стоимости. В Китае на протяжении 25 лет этот показатель колебался в районе 41-47 %, в Индии - увеличился с 25,4 % до 30 %. В то же самое время в России, Бразилии и Южной Африке более умеренные темпы роста объема ВВП сопровождались заметным сокращением доли промышленности в структуре валовой добавленной стоимости. В 2015 г. Россия и Бразилия вошли в фазу кризиса, сопровождавшуюся снижением объема ВВП, а в Бразилии, вдобавок, еще большим уменьшением доли промышленности в структуре ВДС.

Опережающие по сравнению с другими странами БРИКС темпы роста ВВП в Китае и Индии можно объяснить стабильной индустриальной базой,

⁷⁸ База данных Мирового Банка World Development Indicators (WDI) // <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>.

являющейся одним из локомотивов роста. Доля обрабатывающей промышленности в структуре валовой добавленной стоимости в обеих странах была более-менее стабильна на протяжении исследуемого 25-летнего периода. Напротив, в России, Бразилии и ЮАР наблюдалось значительное сокращение доли обрабатывающей промышленности.

Другим фактором, способствующим опережающему росту экономики Китая и Индии, является стабильный рост объемов инвестиций в основной капитал, как в абсолютном выражении, так и в структуре ВВП. В Китае доля инвестиций в процентах от ВВП увеличилась с 27,7 % в 1991 г. до 44,3 % в 2015-м. В Индии этот показатель вырос с 22,6 % в 1991 г. до 30,8 % в 2014 году. Показательно, что доля инвестиций в ВВП России и Бразилии в начале 1990-х г. была примерно сопоставима с Индией и колебалась в районе 20 %, но впоследствии так и осталась на этом уровне на протяжении последующих 25 лет.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что так называемое «китайское» и «индийское экономическое чудо» стали следствием не только благодаря низкой стоимости рабочей силы вкупе с огромным предложением на рынке труда. Очевидно, что высокие темпы экономического роста в указанных странах являются следствием продуманной промышленной и инвестиционной политики. Причем последняя должна стимулировать, прежде всего, рост внутренних инвестиций. Анализ данных по прямым иностранным инвестициям свидетельствует об их высокой волатильности, и невысокой доле в общем объеме инвестиций в основной капитал и ВВП страны.

Следует также отметить, что Индии и, особенно, Китаю удастся сочетать высокие темпы роста ВВП с достаточно низким уровнем инфляции.

Однако при всех отмеченных выше преимуществах китайской и индийской экономик следует помнить и о существующих дисбалансах в их развитии. Речь идет о существенно более низком уровне доходов населения, чем, например, в России, отставании в проникновении современных коммуникационных технологий (сотовая связь и Интернет), невысоком качестве образования и ряде других.

Положение России в БРИКС. Россия - единственная среди стран БРИКС, пережившая за исследуемый период (1991-2015 гг.) глубокий трансформационный кризисный цикл, который сопровождался падением практически всех производственных и социальных показателей, резким ростом инфляции и деградацией структуры экономики. Другие страны БРИКС тоже были подвержены кризисным циклическим явлениям, но они носили локальный характер (гиперинфляция в Бразилии в начале 1990-х, высокая безработица в Южной Африке). На это десятилетнее отставание накладывается еще одна большая проблема – демографическая. В России наблюдается самый высокий среди стран БРИКС уровень смертности. Даже в менее процветающей ЮАР этот показатель оказался ниже, а относительно Бразилии, Китая и Индии уровень смертности выше почти в два раза. Стагнация или сокращение численности населения является барьером на пути развития емкого

внутреннего рынка и увеличения численности экономически активного населения. Если российская экономика продолжит существовать в рамках инерционного сценария, без серьезных структурных реформ и решения демографической проблемы, то нам придется навсегда смириться с ролью ведомого внутри БРИКС.

Список литературы:

1. Зоидов К.Х., Зоидов З.К. 25 лет Содружеству Независимых Государств: итоги, проблемы, перспективы экономического развития. 25 лет СНГ: основные итоги, проблемы, перспективы развития / Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 29-30 июня 2016 г. / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова – М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. – 286 с. – С. 23-55.
2. Зоидов К.Х., Зоидов З.К. Исследование динамики циклического развития социально-экономических систем. Формирование финансово-кредитных механизмов обеспечения стабильности и экономического роста с учетом перспектив развития интеграции в ЕАЭС / Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 25-26 февраля 2016 г. / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова – М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. – 294 с. - С. 198-207.
3. Зоидов К.Х., Зоидов З.К. Идентификация проблем формирования эффективной модели рыночной экономики в России и других стран ЕАЭС. Евразийская экономическая интеграция как фактор повышения стабильного и поступательного развития национальных хозяйственных систем / Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 29-30 сентября 2016 г. / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова – М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016.
4. Зоидов К.Х., Медков А.А., Зоидов З.К. Развитие транзитной экономики – основа стабильности, безопасности и модернизации России и стран Центральной Азии / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. 339 с.
5. Цветков В.А., Зоидов К.Х. и др. Постсоветское экономическое пространство: современное состояние и перспективы развития / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. - М.: Финансы и кредит, 2009. – 472 с.

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО – ОСНОВА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И ИНТЕГРАЦИИ ТРАНСПОРТНО-ТРАНЗИТНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В МИРОВОЕ ХОЗЯЙСТВО⁷⁹

Зоидов Кобилжон Ходжиевич – к.ф.-м.н., доцент, заведующий лабораторией Интеграции российской экономики в мировое хозяйство Института проблем рынка РАН

Медков Алексей Анатольевич – к.э.н., в.н.с., руководитель Центра транспортно-транзитных исследований Лаборатории интеграции российской экономики в мировое хозяйство Института проблем рынка РАН

Зоидов Зафар Кобилджонович – научный сотрудник Лаборатории интеграции российской экономики в мировое хозяйство Института проблем рынка РАН

Введение. В условиях падения спроса и снижения мировых цен на основные товары российского экспорта возрастает актуальность замены сырьевой ренты на иные виды доходов государственного и региональных

⁷⁹ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 15-06-06939 а).

бюджетов, хозяйствующих субъектов и населения. Одновременно появились факторы, негативно влияющие на реализацию транспортно-транзитного потенциала России и величину экспорта транспортных услуг, доходы от которого могли бы стать весомым дополнением к поступлениям от поставок углеводородов и других видов сырья на мировые рынки. Сократились возможности государственного финансирования развития и реализации транзитного потенциала России как естественного моста между Европой и Азией.

Этим обусловлено повышенное внимание к такому институту реализации и финансирования инвестиционных проектов в области развития транспортной инфраструктуры, как государственно-частное партнерство (ГЧП). В настоящее время необходимость расширения использования института ГЧП обусловлено, прежде всего, необходимостью сокращения государственных расходов. В этих условиях требуется привлечение средств частных инвесторов в те отрасли, которые традиционно финансировались государством, использование предпринимательской активности и накопленных в бизнесе компетенций.

Однако, специфика экономики России заключается в том, что компании, полностью или частично принадлежащие государству, работают в наиболее доходных экспортно-ориентированных секторах или оказывают им услуги (сервисные, посреднические, финансовые, страховые, транспортные и пр.), что сопровождается высоким уровнем доходов их управленцев и отчасти работников. Поэтому, как нам представляется, тезис о том, что государству не хватает компетенций или профессиональных управленческих навыков, устарел.

Более того, как показывает практика, успех ГЧП-проектов зависит не столько от частной инициативы, сколько от заинтересованности, активности, предпринимательского духа влиятельного государственного служащего или группы политических деятелей, силовиков, чиновников, высокопоставленных управленцев крупных компаний с государственной долей собственности.

Таким образом, ГЧП не следует понимать в узком смысле слова, как установленный институт совместного финансирования строительства инфраструктурных объектов и их дальнейшего использования. Представляется, что для более адекватного описания действительности возникает необходимость в расширенном толковании этого института, куда входят все формы взаимодействия государства и частных компаний в целях развития транспортной инфраструктуры. При таком понимании усилия государства и бизнеса по возобновлению пригородного пассажирского сообщения, сооружению транспортно-пересадочных узлов или реконструкции железнодорожных переездов не менее важны, чем строительство дорог, мостов, путепроводов на принципах ГЧП.

В условиях продолжающегося финансово-экономического кризиса, сокращения бюджетных доходов и расходов, вопрос о том, будет или не будет Россия развивать свой ТТП, имеет критическое значение.

Реализация и развитие ТТП России – наиболее эффективный способ замены сырьевой ренты в качестве основного источника доходов

экономических субъектов. Ключевое значение имеет развитие ТТП на инновационно-технологической основе с организацией на территории России производств товаров и услуг с максимально высокой добавленной стоимостью.

В работе ставится и обосновывается гипотеза о необходимости создания и функционирования на федеральном уровне компании, отвечающей за организацию финансирования и реализацию проектов по развитию ТТП России на принципах ГЧП. Этот хозяйствующий субъект должен быть активным инициатором и лоббистом таких проектов.

Для создания такой компании имеются экономические, институциональные и организационные предпосылки. В научном и экспертном сообществах весьма распространены идеи о необходимости создания такой организации в той или иной форме. В связи с тем, что развитие транзитных перевозок грузов происходит в условиях жесткой конкуренции с глобальными морскими контейнерными сервисами, компания должна быть крупной, а т.к. управление мировыми грузопотоками требует приложения усилий внешнеполитического и геоэкономического характера, она должна быть создана и функционировать со значительным государственным участием.

Развитие транспортных коммуникаций является действенным инструментом реализации государственной экономической политики, оказывающим существенное влияние на рынки факторов производства: товаров (услуг), труда и капитала. В условиях финансово-экономического кризиса и осложнения внешнеполитической обстановки особую значимость приобретают проблемы величины и качества трудовых ресурсов, уровня безработицы, оттока населения, прежде всего, высококвалифицированных специалистов из регионов Сибири и Дальнего Востока.

Именно через эти регионы проходит Транссибирская железнодорожная магистраль (Транссиб) – главная транспортно-транзитная артерия России. Реконструкция и новое строительство, направленные на увеличение пропускной и провозной способности Транссиба, Байкало-Амурской магистрали (БАМ) и всего Восточного полигона российских железных дорог – первоочередное направление государственной экономической политики. Финансирование и реализация инвестиционных проектов по развитию железнодорожной инфраструктуры осуществляются на принципах ГЧП с выделением средств из Фонда национального благосостояния (ФНБ).

Задача замены (дополнения) поступлений от экспорта углеводородов и других сырьевых ресурсов доходами от оказания транспортно-транзитных услуг в качестве существенной части благосостояния государства и населения не может быть решена без обеспечения основных элементов транспортно-коммуникационной системы страны качественными трудовыми ресурсами.

Необходимо обозначить направления повышения привлекательности высокопрофессиональных рабочих мест на объектах транспортной инфраструктуры в отдалённых областях национального экономического пространства, регионах со сложными условиями проживания, депрессивных территориях и территориях опережающего развития, указать на наиболее

эффективные способы транспортного обеспечения вахтового метода работы и поддержания хозяйственного присутствия.

На развитие транспортно-транзитной системы России оказывает влияние динамика трудовой миграции на постсоветском пространстве, последствия экономического спада, введение Россией, странами Европейского Союза и др. государствами режима взаимных санкций, военно-политическое противостояние России и Украины, возникновение очагов нестабильности в Центральной Азии. Проблему надо рассматривать во взаимосвязи и с учётом развития транзитных направлений в странах-членах Евразийского экономического союза (ЕАЭС), реализацией китайского проекта Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП), а также инициатив других государств по созданию транзитного сектора экономики.

Главную роль в реализации транспортно-транзитного потенциала Российской Федерации играет, и будет играть железнодорожный транспорт, обеспечивающий перевозки грузов между Азией и Европой в направлениях «Восток – Запад» и «Север – Юг». В 2015 г. объемы транзитных контейнерных перевозок железнодорожным транспортом по территории РФ сократились более чем на треть по сравнению с 2014 г. – до 66 тыс. контейнеров в двадцатифутовом эквиваленте (ДФЭ). Объем транзитных перевозок ПАО «ТрансКонтейнер» – ведущего российского контейнерного оператора, снизился на 34,6% до 19,1 тыс. ДФЭ, что, прежде всего, связано с уменьшением транзитных грузопотоков с Дальнего Востока в страны Центральной Азии, преимущественно за счет падения перевозок автокомплектующих⁸⁰.

Главными факторами сокращения транзитных перевозок по территории России стали мировой финансово-экономический кризис, повышение конкурентных преимуществ глобальных морских контейнерных сервисов и геополитические события. Положительным фактором стала девальвация рубля, что увеличило тарифную привлекательность сухопутного евро-азиатского транзита по российским маршрутам.

По данным Международной ассоциации «Координационный совет по трансибирским перевозкам» (КСТП), в I квартале 2016 г. объем транзитных грузов, следующих в сообщении Россия – Китай увеличился с 16,3 тыс. ДФЭ до 26 тыс. ДФЭ, что на 58% превышает уровень соответствующего периода прошлого года⁸¹. По оптимистическим прогнозам представителей Объединенной транспортно-логистической компании (ОТЛК), транзитные

⁸⁰ Объем перевозок «ТрансКонтейнера» за 2015 год снизился на 5,3% до 1,5 млн TEU // РЖД-Партнер, 21.01.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rzd-partner.ru/news/konteynerye-perevozki/obem-perevozk--transkonteynera--za-2015-god-snizilsia-na-5-3--do-1-5-mln-teu> / (дата обращения: 23.01.2016).

⁸¹ Объем транзита в сообщении Россия-Китай вырос на 58% по итогам I квартала 2016-го // РЖД-Партнер, 05.05.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rzd-partner.ru/news/transportnaia-logistika/obem-tranzita-v-soobshchenii-rossiia-kitai-vyros-na-58--po-itogam-i-kvartala-2016-go/> (дата обращения: 05.05.2016).

грузопотоки через российскую территорию в 2016 г. вырастут в почти 2 раза – до 100 тыс. ДФЭ⁸².

Однако, доля контейнерного транзита, проходящего по территории России, по-прежнему составляет менее 1% от мирового трафика. Существуют разные оценки недополученной прибыли от далеко не полной реализации ТТП России: от 800 млн до 3 млрд долл. в год. Нельзя не согласиться с мнением Р. Юлдашева, что «если эти деньги значимы для бюджета, значит, есть смысл принять закон и подзаконные акты, назначить менеджера, договориться с участниками процесса и зарабатывать деньги. Если эти деньги для бюджета не важны – не тратить время на разговоры»⁸³.

В целом, по оценкам, ТТП России используется на 6-8%⁸⁴. По мнению Б. Бутырева, существуют объективные сложности, мешающие «взрывному» сценарию развития сквозных сервисов, а именно: нестабильность транзитного времени, отсутствие гибкой системы тарификации, дисбаланс встречных грузопотоков Восток – Запад – Восток⁸⁵.

Основные внутренние и внешние неблагоприятные факторы, влияющие на объемы транзитных перевозок грузов по территории России, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Внутренние и внешние неблагоприятные факторы осуществления транзитных перевозок по территории России

№	Наименование фактора	Влияние на реализацию транспортно-транзитного потенциала России	Причины появления фактора
<i>Внешние факторы</i>			
1.	Повышение конкурентных преимуществ глобальных морских контейнерных сервисов	Сокращение грузовой базы сухопутных транспортных направлений Азия – Европа, проходящих по территории России	Мировой финансово-экономический кризис, низкие цены на топливо, избыточный тоннаж судов, эффективность судов-контейнеровозов, укрупнение контейнерных операторов
2.	Проект КНР по развитию	Наличие в проекте многочисленных	Обеспечение роста сбыта китайских товаров, рост влияния Китая на

⁸² Лёвин С. Особенности российской экономики сдерживают рост доли перевозок грузов в контейнерах – мнение // РЖД-Партнер, 23.05.2016. URL: <http://www.rzd-partner.ru/news/konteinernye-perevozki/osobennosti-rossiiskoi-iekonomiki-sderzhivaiut-rost-doli-perevozok-gruzov-v-konteinerakh---mnenie/> (дата обращения: 24.05.2016)

⁸³ Юлдашев Р. Транзитные грузоперевозки приобрели политический окрас // РЖД-Партнер, 08.02.2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rzd-partner.ru/interviews/mneniia/tranzitnye-gruzoperevozki-priobreli-politicheskii-okras/> (дата обращения: 16.02.2016).

⁸⁴ Симонова Т. Контейнерный транзит: возможен ли рост? // РЖД-Партнер, 25.05.2016. URL: <http://www.rzd-partner.ru/interviews/comments/konteinernyi-tranzit--vozmozhen-li-rost/> (дата обращения: 27.05.2016).

⁸⁵ Вопрос дня // Гудок, 01.06.2016. URL: <http://www.gudok.ru/newspaper/?ID=1338980&archive=2016.06.01> (дата обращения: 01.06.2016).

	Экономического пояса Шелкового пути	альтернативных маршрутов, которые потенциально могут стать конкурентами российских транспортных коридоров	мировую экономику в условиях образования альтернативных торговых партнерств, проведение КНР политики «мягкой силы» по продвижению собственных интересов в различных регионах мира
3.	Транзитные конфликты с сопредельными государствами и странами ЕС	Закрытие прямых направлений и образование сложных маршрутов движения, активизация проектов по перевозке грузов в обход территории России	Эскалация недружественного поведения стран в условиях внешнеполитического напряжения в отношении России, введения режима взаимных санкций. Заинтересованность КНР в наличии альтернативных маршрутов транспортировки грузов в Европу и Азию.
4.	Независимая транспортно-транзитная политика стран-членов ЕАЭС – Белоруссии, Казахстана, Армении и Кыргызстана	Отсутствие реальной интеграции на транспортном рынке в рамках ЕАЭС, выдавливание российских перевозчиков с евро-азиатских маршрутов или удорожание доступа к ним, сокращение грузовой базы российских маршрутов	Отстаивание национальных интересов государств-членов ЕАЭС, стремление самим стать транзитными странами для России с соответствующим ростом доходов
Внутренние факторы			
5.	Создание и функционирование ОТЛК без наделяния компании реальными активами	Отсутствие в России и ЕАЭС крупной, транспортно-логистической компании, способной достойно конкурировать на мировом рынке транспортных услуг	Продолжение либерального курса экономической политики в России, смена руководства ОАО «РЖД», намерение приватизировать транспортные активы, противоречия между учредителями ОТЛК – компаниями из ЕАЭС
6.	Наличие «барьерных» мест на Транссибе, трудности реализации проектов, направленных на увеличение транзитных перевозок	Невозможность поддержания высоких скоростей движения контейнерных поездов, сокращение поступления транзитных грузов на магистраль, особенно через сухопутные пограничные переходы	Высокая стоимость модернизации Восточного полигона железных дорог и строительства мостов для пропуска контейнерных грузопотоков, совокупность политических и экономических факторов, препятствующих реализации проектов за рубежом
7.	Трудности выполнения регулярных транзитных перевозок по Северному морскому пути (СМП)	Фактическое выпадение «Холодного Шелкового пути» – СМП из транспортно-транзитной системы России	Тяжелые природно-климатические условия, отсутствие необходимых плавательных средств и береговой инфраструктуры, трудности обеспечения обратной загрузки судов усиленного ледового класса и др.
8.	Прекращение сквозных транзитных перевозок «Север – Юг» по ВВП России	Отсутствие самого эффективного в период навигации водного транзитного маршрута, способного стать составной частью Большого	Недофинансирование проведения дноуглубительных работ, модернизации гидротехнических сооружений и обновления флота, ухудшение экологической обстановки, вызывающей обмеление рек и озер

	Европейского водного кольца	
--	-----------------------------	--

В качестве инструмента реализации ТПП России в настоящее время особую актуальность приобретает разработка и применение института ГЧП в его различных формах и модификациях. Однако, применение принципов ГЧП в его самом распространенном виде – в виде совместного финансирование строительства крупных инфраструктурных объектов с последующей их платной эксплуатацией на основе концессий, не вполне подходит для целей повышения и реализации ТПП страны.

Прежде всего, это связано с тем, что для привлечения транзитных грузопотоков на территорию России не достаточно формирования одного предложения услуг, хотя его значение трудно переоценить. Наличие развитой транспортно-коммуникационной инфраструктуры, инновационного подвижного состава, качественной тары⁸⁶ и современных средств обработки грузов, а также безбарьерная институциональная среда, безусловно, будут способствовать привлечению транзита. Однако, для реализации ТПП требуется и проведение активной маркетинговой работы по привлечению (даже «заталкиванию») транзитных грузов на российские пути сообщения. Такая коммерческая деятельность – прерогатива крупного хозяйствующего субъекта. В связи с тем, что работа по «заталкиванию» грузов требует совместных усилий государства и бизнеса, этот экономический субъект должен работать на принципах ГЧП, т.е. быть **ГЧП-компанией**.

В докладе рассматриваются организационные и институциональные предпосылки образования, и доказывается необходимость создания и налаживания эффективной работы крупной транспортно-логической компании, действующей на принципах ГЧП в целях наиболее полного развития и реализации ТПП как основа экономической безопасности, инновационного развития и интеграции транспортно-транзитной системы России в мировое хозяйство [1-2, 4, 6-15].

Заключение. Основные выводы и предложения доклада

1. В настоящее время социально-экономическая ситуация в России характеризуется следующими процессами:

- снижением доходов федерального и региональных бюджетов
- обострением внешнеполитической обстановки;
- продолжением либерального курса, направленного на сокращение государственного сектора экономики, привлечение частных инвесторов в сектора, традиционно финансируемые государством, приватизацию

⁸⁶ Участники рынка отмечают, что в настоящее время у морских линий, как правило, контейнеры более высокого качества, и российские операторы стараются привлекать в основном их.

госактивов, максимальное распространение рыночных принципов хозяйствования;

- стремлением крупных государственно-предпринимательских групп поучаствовать в реализации крупных государственных проектов в области строительства и эксплуатации объектов транспортной инфраструктуры, преследуя собственные финансовые интересы;
- действием комплекса факторов, приводящих к сокращению транзитных перевозок по территории России, снижению ее привлекательности в качестве транзитной страны.

2. Транзитная экономика – это хозяйственная система, при которой поступления от пропуска по территории страны энергии, энергоносителей, водных ресурсов, грузо- и пассажиропотоков и оказания услуг по транзитной перевозке составляют весомую часть доходов властей, хозяйствующих субъектов и населения на данной территории, одну из основ их благосостояния. Функционирование транзитной экономики предполагает не просто пропуск грузопотоков по территории, но и ведение посреднической деятельности, а также развитие индустриального и сервисного секторов экономики.

3. Инициатором проектов ГЧП в области развития и реализации ТТП России должна стать крупное государственно-частное акционерное общество под условным названием «Российская транспортно-транзитная компания» (РТТК). Само её создания и функционирование должно происходить на принципах ГЧП, сопровождаться активной работой представителей органов государственной власти в совете директоров в соответствии с четкими директивами правительства. При выборе проектов, реализуемых на принципах ГЧП, требуется законодательно определить приоритетное значение инфраструктурных проектов, направленных на увеличение и реализацию ТТП России.

4. Не следует возлагать слишком больших надежд на закон о государственно-частном партнерстве (ГЧП) и прочие нормативно-правовые акты, которых невозможно четко прописать все аспекты взаимоотношений государства и бизнеса при развитии транспортно-транзитного сектора экономики. Более того, предусмотренная законом гарантия определенного уровня доходов в перспективе может стать дополнительным обременением бюджетной системы страны.

5. Транспортные процессы взаимосвязаны и подвержены действию законов институциональной и организационной эволюции. Например, институциональные изменения, запреты могут приводить к возникновению «сложных логистических путей», тестированию и использованию альтернативных маршрутов. Введение ограничений для движения большегрузных автомобилей при прочих равных будет способствовать повышению доходности железнодорожных перевозок.

6. При реализации программы развития Транссиба и БАМа на принципах ГЧП с финансированием из ФНБ особое внимание необходимо уделить модернизации и реконструкции Забайкальской железной дороги, особенно

укреплению земляного полотна, спрямлению кривых малого радиуса и выравниваю профиля пути.

7. Высокоскоростные магистрали будут проигрывать в конкурентной борьбе воздушному транспорту. Особенно с учетом поступления в парки авиакомпаний новых типов самолетов, обладающих большой пассажировместимостью и способных преодолевать значительные расстояния без дозаправки. С учетом планов продления ВСМ Москва – Казань через Екатеринбург и Челябинск в Китай, довольно странным выглядит формирование в Челябинске узлового аэропорта для воздушных перевозок пассажиров в столицу СУАР город Урумчи, перспективы которых связаны с завершением строительства ВСМ Пекин – Урумчи.

8. Формированию центров развития транзитной экономики в области воздушных пассажирских и грузовых перевозок («хабов») способствует проведение политики «открытого» неба, а также применение института ГЧП в виде выделения бюджетных субсидий региональным авиакомпаниям, осуществляющим подвоз пассажиров из других городов и населенных пунктов в транзитный узловой аэропорт. Развитию транзитного потенциала способствует образование и функционирование свободных морских портов.

9. В первую очередь необходимо приоритетное развитие портов, являющихся ключевыми точками международных транспортных коридоров и направлений (прежде всего, порта Оля и ММПК «Бронка»), с увеличением участия бизнеса в развитии других морских гаваней. Требуется усиление политического и экономического давления на Литву и Белоруссию с целью паритетного развития портов Клайпеда и Калининград (программа 2К).

10. Перспективы применения института ГЧП связаны с развитием и финансированием морских и сухопутных пограничных пунктов пропуска на основных транзитных направлениях. Они должны быть оснащены на самом высоком, образцово-показательном уровне⁸⁷.

11. Не стоит сбрасывать со счетов и такой неформальный, но устоявшийся институт, как стремление бизнеса бесплатно использовать инфраструктурные объекты, построенные за государственный счет, что подтверждает напряженная ситуация, сложившаяся после начала взимания платы за проезд по

⁸⁷ Например, оснащенность пунктов пропуска через российскую границу на СМП находится на низком уровне. Например, в Чукотском автономном округе для захода иностранных судов распоряжением правительства РФ открыты морские порты Анадырь, Беренговский, Провидения, Певек, Эгвекинот. В морских портах Певек и Беренговский пункты пропуска через госграницу РФ не функционируют. Суда заграничного плавания, следующие в эти морские порты, вынуждены оформлять пограничные и таможенные документы в морском порту Провидения, что препятствует свободному движению грузов. Обустройство морских пунктов пропуска Анадырь и Провидение не отвечает установленным требованиям. По словам заместителя председателя правительства Д. Rogozina, из пяти открытых морских портов в Чукотском автономном округе удовлетворительно функционируют только порт Эгвекинот. См.: Rogozin поручил внести предложения по модернизации системы пунктов пропуска через границу РФ на СМП // РЖД-Партнер, 07.12.2015. URL: <http://www.rzd-partner.ru/news/morskoi-transport/rogozin-poruchil-vnesti-predlozheniia-po-modernizatsii-sistemy-punktov-propuska-cherez-granitsu-rf-n/> (дата обращения: 20.12.2015).

федеральным трассам автомобилей общей массы свыше 12 т. – системы «Платон».

12. Основным институциональным условием развития транспортной инфраструктуры России является максимальная ликвидация искажений рыночных сигналов. В частности, к искажениям рыночных сигналов приводит применение практики субсидирования и дотирования оказания отдельных видов транспортных услуг⁸⁸.

13. Основными направлениями совершенствования государственной региональной политики в области развития транспортных систем должны стать:

Во-первых, преодоление на федеральном и региональном уровнях инфраструктурного неравенства, которое заключается в том, что стоимость услуг железнодорожной инфраструктуры включена в тарифы на перевозку грузов и пассажиров, а автомобильные перевозчики непосредственно не платят за пользование дорогами или платят пока очень мало.

Во-вторых, дальнейшее распространение платного принципа пользования автомобильными дорогами на региональную дорожную сеть и на грузовые автомобили общей массы менее 12 тонн, а также автобусы и легковые автомобили в целях устранения ценовой дискриминации, развития железнодорожного и водного транспорта, предприятий промышленного железнодорожного транспорта (ППЖД), сокращения теневого сектора экономики, улучшения экологической обстановки. Это также будет способствовать развитию рыночных отношений в транспортно-дорожном комплексе страны. А, кроме того, повысит доходную базу региональных бюджетов, даст рыночные сигналы для формирования эффективной структуры рынка транспортных услуг, будет способствовать внедрению принципа «пользователь платит».

14. Реализация инфраструктурных проектов, связанных с подготовкой к Чемпионату мира по футболу в 2018 г. зачастую направлена на решение отдельных проблем городов, где намечено проведение футбольных матчей. Более эффективно отдать предпочтение инфраструктурным объектам, входящим в международные транспортные коридоры, прежде всего, МТК «Европа – Западный Китай».

15. Для строительства и реконструкции объектов инфраструктуры внутренних водных путей на принципах ГЧП необходимо использование внебюджетного финансирования путем привлечения иностранных

⁸⁸ Например, субсидирование авиаперевозок отдельных категорий пассажиров с Дальнего Востока в центральные регионы России привело к тому, что цена билета на самолет стала сравнима со стоимостью проезда по железной дороге. Это приводит к снижению населенности вагонов, сокращению составности поездов, падению рентабельности пассажирских перевозок железнодорожным транспортом. В случае отмены субсидирования воздушных перевозок население Дальнего Востока может оказаться в полной транспортной изоляции. В краткосрочном периоде субсидирование воздушных перевозок должно сопровождаться субсидированием проезда пассажиров в плацкартных вагонах.

транспортных компаний, заинтересованных в развитии водных перевозок грузов и пассажиров по МТК «Север – Юг».

16. Необходимо отметить сложности при реализации проектов строительства железнодорожных путей частными компаниями или с их участием в финансировании на принципах ГЧП. Примерами могут служить: тяжелое финансовое положение владельца железной дороги к Эльгинскому угольному месторождению, задержки в строительстве железной дороги Кызыл – Курагино, отказ ГК «Петропавловск от финансирования строительство небольшой части мостового перехода в Китай Нижнеленинское – Тунцзян и другие. И это несмотря на то, что упомянутые коммуникации являются грузообразующими, служат инфраструктурной основой экспортных поставок, а продление железной дороги Кызыл – Курагино в Монголию и Китай привело бы к повышению транспортно-транзитного потенциала России.

17. В целях развития и реализации транспортно-транзитного потенциала России, повышения конкурентоспособности российских перевозчиков на мировых рынках транспортных услуг требуется создание крупных транспортных и инфраструктурных компаний, слияние и укрупнение существующих предприятий. Следует обратить внимание на пример Китая и других стран, где создаются альянсы морских контейнерных операторов, происходят слияния и поглощения.

18. Как показал опыт создания Объединенной транспортно-логистической компании (ОТЛК), противоречия между учредителями компании, наличие собственных программ развития транспортно-транзитного потенциала стран-участников ЕАЭС не позволяют в полной мере реализовать конкурентные преимущества этого интеграционного проекта. На перспективы компании не лучшим образом отражается проводимая Правительством РФ либеральная экономическая политика.

19. Вообще, обеспечение конкурентных преимуществ транзитных перевозок по конкретному маршруту предполагает большую скорость проследования грузов с минимумом остановок, обработок и перегрузов в пути. Доходы от реализации транспортно-транзитного потенциала могут быть сопоставимы с величиной сырьевой ренты только в случае формирования в России не просто транзитного, а производственно-транзитного сектора экономики. Прежде всего, речь идёт о реализации предложенной авторами программы «Создание инновационного подвижного состава для контейнерных и смешанных перевозок» в рамках национального проекта «Развитие транзитной экономики в России: объединяя Евразию». Основным участником этого проекта, а также главным заказчиком и эксплуатантом инновационного подвижного состава должна стать Российская транспортно-транзитная компания.

20. Государственная корпорация (или АО с госучастием) «Ространстранзит» (РТТК) должна быть владельцем или совладельцем терминалов в морских портах и на пограничных переходах («сухие» порты) – в местах зарождения и/или перераспределения грузопотоков. Представляется, что

функционирование компании не повлияет негативным образом на состояние конкурентной среды на рынке экспортно-импортных и внутренних контейнерных перевозок, т.к. она будет работать во внешней среде и конкурировать с глобальными морскими контейнерными сервисами и другими международными перевозчиками, действующими при поддержке национальных органов власти и международных организаций. РТТК должна стать получателем сборов за проезд грузового автомобильного транспорта, следующего транзитом по территории России.

21. Сложность, многогранность и гибкость отношений транспортных компаний, федеральных и региональных властей должны быть реализованы во внутрифирменных процессах, в органах управления РТТК. Ведь «фирма не только имеет конституционные полномочия и дешевый доступ к требуемым данным, позволяющим ей более точно оценивать свои действия, чем это доступно покупателю, но она одновременно располагает более точными инструментами поощрений и штрафов...» [5, с.36].

22. РТТК должна выступать в роли инкубатора институтов, быть местом институтогенеза с учетом того факта, что «полноценное, целостное и устойчиво работающее предприятие представляет собой в определенном смысле микромодель государства в целом, и подавляющее большинство общественно значимых норм допускает проекцию на внутрифирменное или межфирменное пространство» [3].

23. В России рынок перевозок грузов и пассажиров автомобильным транспортом характеризуется недостаточной организованностью, наличием существенного теневого (серого) сектора, относительно низкими барьерами входа, трудностями налаживания системы контроля со стороны регулирующих органов государственной власти на разных уровнях. Низкие барьеры входа на рынок, относительно прозрачные (хотя не всегда легальные) «правила игры» приводят к тому, что компании-автоперевозчики часто становятся «инкубаторами» новых предпринимателей, которыми становятся набравшиеся опыта водители, имеющие склонность к самостоятельной коммерческой деятельности.

24. Актуальной организационной и институциональной задачей является ликвидация состояния «анархии» на рынке перевозок грузов и пассажиров автомобильным транспортом, реформирование отношений на нём в более цивилизованные, прозрачные, легальные. В частности, необходимо усилить контроль труда и отдыха водителей, стимулировать и, при необходимости, принуждать их пользоваться легальными, специально оборудованными стоянками.

25. В целях совершенствования институциональной среды на рынке перевозок грузов и пассажиров автомобильным транспортом необходимо ввести запрет на регистрацию физическими лицами грузовых автомобилей и автобусов, а их владельцам следует регистрироваться в качестве индивидуальных предпринимателей, что затруднит уклонение от требований обеспечения безопасности перевозок.

26. В условиях нехватки трудовых ресурсов, особенно остро ощутимой на Восточном полигоне железных дорог, кадровые службы ОАО «РЖД» используют следующие методы:

- А. Привлечение трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья.
- В. Привлечение кадров за счёт программы переселения соотечественников из бывших республик СССР.
- С. Использование женского труда.
- Д. Задействование бойцов студенческих строительных отрядов.
- Е. Организация ярмарок вакансий.
- Ф. Создание малообслуживаемой железнодорожной инфраструктуры.
- Г. Использование вахтовых методов работы.

27. В настоящее время отмечается низкое качество подготовки, переподготовки и невысокий уровень ответственности работников путевого хозяйства на всех уровнях, что особенно неприемлемо при укладке и содержании бесстыкового пути.

28. В зоне БАМа сложилась неблагоприятная демографическая обстановка, имеется проблема кадрового обеспечения как строительных работ, так и дальнейшей эксплуатации объектов в условиях роста перевозок. Продолжает оставаться актуальной задача обеспечения квалифицированными кадрами отдалённых станций и закрепления на них работников, обеспечения трудовыми ресурсами вновь построенных и расконсервированных станций и разъездов. Для закрепления местных кадров и привлечения необходимых специалистов из других регионов страны ОАО «РЖД» строит технологическое жильё, быстровозводимые дома для вахтовых работников, участвует в реализации ипотечных программ.

29. Помимо предоставления жилья на дальних станциях и разъездах необходимо решение множества социально-бытовых вопросов. Зачастую (особенно в Восточной Сибири и на Дальнем востоке) они имеют вид резерваций, где нет магазинов, медицинских, образовательных и культурных учреждений. Это может быть сделано или путём возобновления работы всех социально-бытовых объектов в небольших населённых пунктах или путём налаживания надёжного и удобного транспортного сообщения с крупными городами.

30. Один из проблемных вопросов – высокие коммунальные платежи, на которые тратится существенная часть доходов работников Восточного полигона ОАО РЖД. Решение вопроса модернизации котельных и всех систем жизнеобеспечения требует государственного участия, применения механизма ГЧП. Россия – холодная страна, и это ещё один аргумент в пользу большей конкурентоспособности южных транспортных маршрутов.

31. Особенности ведения ускоренных контейнерных поездов, в т.ч. следующих в транзитном сообщении, требуют отсутствия ограничений скорости и высокого профессионализма локомотивной бригады. Но вполне возможно, что автоматизированные системы ведения поездов, основанные на широком применении информационных технологий, облегчат решение этой

задачи. С другой стороны, в ходе инновационного развития тягового подвижного состава может происходить деградация квалификационных навыков и умений машинистов под влиянием тех же процессов автоматизации и информатизации перевозочного процесса. Появились новые локомотивы, оснащённые современной электроникой. При этом машинисту запрещено вмешиваться в их работу – обслуживание и ремонт машин, как правило, осуществляются сервисными компаниями. Требования к современному машинисту ограничиваются ведением поезда согласно графику, экономией энергетических ресурсов и соблюдением безопасности движения.

32. На примере трудно решаемой проблемы оказания услуг экстренной морской медицины хорошо видно, что прежде чем широко использовать маршрут Северного морского пути (СМП) для осуществления транзитных перевозок грузов, требуется приложить государственные усилия по восстановлению и созданию инфраструктуры жизнеобеспечения и безопасности мореплавания в северных широтах, в т. ч. используя механизм ГЧП.

33. Воздушный транспорт будет иметь небольшое значение в качестве составной части транзитной экономики. Это обусловлено повышением дальности полёта широкофюзеляжных самолётов, либерализацией воздушного пространства, что неизбежно приведёт к усилению конкуренции транзитных маршрутов. Кроме того, не все грузы можно перевозить воздушным транспортом, в том числе и высокодоходные (например, электронику, оснащённую литиевыми аккумуляторами).

34. Авиакомпании конкурируют за обслуживание перевозок вахтовых рабочих. Во-первых, вахтовым способом обслуживаются высокодоходные добывающие производства, во-вторых, затраты на приобретение билетов на поездки с рабочими целями рассматриваются людьми как инвестиции, часто неизбежные. Эффект относительно низкой эластичности спроса по тарифу наблюдается и на южных, курортных направлениях, особенно из районов Крайнего Севера.

35. Для улучшения транспортного обеспечения регионального социально-экономического развития требуется:

- А. Развитие региональных транспортно-коммуникационных систем.
- В. Строительство остановочных пунктов в новых промышленных зонах за счёт средств регионального бюджета для обслуживания массового потока работников.
- С. Привлечение промышленных предприятий, коммерческих структур к организации перевозок работников от дома до места приложения трудовых усилий и обратно.
- Д. Налаживание транспортного обеспечения массового строительства новых жилых районов и комплексов.
- Е. Налаживание надёжного транспортного сообщения с крупными городами в случае сокращения производства или полной остановки предприятий в

малых, а особенно в моногородах в целях недопущения роста социальной напряженности.

Ф. Формирование единых крупных городских агломераций для стабилизации рынка труда.

36. Для межгосударственных скоростных перевозок пассажиров железнодорожным транспортом наиболее подходящим типом подвижного состава являются, по нашему мнению, поезда «Тальго», разработанные в Испании. Помимо всего прочего локализация их производства налажена в Астане – столице Казахстана – государства-члена ЕАЭС (торговая марка «Тальго-Тулпар»). Эффективность использования составов типа «Тальго» повысится с расширением сети скоростного и высокоскоростного движения в России и на всём евро-азиатском пространстве.

37. Внутренними и внешними факторами падения объёма перевозок пассажиров и сокращения количества пассажирских поездов и прицепных вагонов в международном сообщении являются:

- а) Конкуренция с воздушным и (в меньшей степени) автомобильным транспортом.
- б) Ликвидация перекрёстного субсидирования пассажирских перевозок и повышение стоимости проезда в международном сообщении.
- в) Несовершенство тарифообразования и необходимость оплачивать условно-постоянные расходы безотносительно к составности поездов и населённости вагонов.
- г) Неисполнение графика движения поездов, задержки на межгосударственных стыковых пунктах.

38. Организация эффективных межгосударственных пассажирских сообщений приведёт к повышению подвижности трудовых ресурсов, увеличению гибкости рынка труда. Расширение сети скоростного и высокоскоростного движения рассматривается как один из важнейших путей возврата пассажиров на железную дорогу.

39. Осью сети российских высокоскоростных магистралей (ВСМ) должен стать международный транспортный коридор Москва – Пекин, создание которого соответствует китайской инициативе Экономического пояса Шёлкового пути (создание Евразийского высокоскоростного метро). Строительство сети ВСМ в России не только приведёт к повышению мобильности населения, но и созданию значительного числа квалифицированных рабочих мест, развитию маятниковой рабочей миграции.

40. Миграция трудовых ресурсов, их концентрация в крупных городах, появление агломерационных эффектов – демпфер изменений структуры национальной экономики, закрытия неэффективных производств, сдвигов в пространственном размещении производства и населения.

41. В пользу организации совмещённого грузопассажирского движения по российским ВСМ свидетельствует опыт Китая, где, например, ВСМ Вэньчжоу – Фучжоу имеет тройное назначение: её активно используют как для пассажирского, так и для грузового движения, а поскольку линия проходит

вдоль побережья недалеко от Тайваня, по ней осуществляются перевозки грузов специального назначения для военных нужд.

42. Российские компании активно включились в процесс транспортно-логистического обеспечения интернет-торговли. В свою очередь, интеграция пассажирского и почтово-багажного сообщения в условиях взрывного роста интернет-торговли, особенно с Китаем, – путь повышения доходности курсирования составов в межгосударственном сообщении. Одновременно необходимо учитывать, что развитие интернет-торговли, которая напрямую связывает покупателей и крупных продавцов с помощью информационных технологий, может негативно повлиять на состояние малого и среднего предпринимательства (МСП), занимающегося посредническими торговыми операциями.

43. Деятельность ГК «Автодор» по сооружению на платных трассах многофункциональных комплексов дорожного сервиса оказывает угнетающее воздействие на развитие МСП в придорожных полосах. Доля крупных сетевых операторов может быть высокой не только в топливозаправочном бизнесе, но и в управлении пунктами общественного питания, гостиницами, мотелями, магазинами, аптеками.

44. Необходима активизация участия региональных властей в организации пассажирских перевозок железнодорожным транспортом, в том числе межрегиональных и межгосударственных, а также в развитии туристических маршрутов. Так, власти китайской провинции Цзилинь намерены оказать поддержку маршруту Махалино – Хуньчунь, в целях развития не только грузовых, но и пассажирских перевозок.

45. Дополнительный толчок развитию туристических железнодорожных перевозок может дать развитие скоростных и высокоскоростных пассажирских сообщений. Развитию въездного туризма также будет способствовать реализация идеи строительства скоростной железной дороги Маньчжурия – «Байкальская гавань». Немалую роль в развитии арктического туризма могут сыграть развитие транзитных перевозок по СМП, строительство железной дороги Бованенково – Сабетта, Северного широтного хода и всей Приполярной магистрали.

46. Циклическая динамика изменений конъюнктуры рынка труда в трансформационном периоде противоречива и неоднозначна. В разных отраслях и секторах экономики тенденции хоть и схожи, но имеют ряд отличий. Безработицу в России с точки зрения типологии можно описать как преимущественно циклическо-структурную. Циклическая структурная безработица вызвана несоответствием профессиональной или региональной структуры рабочей силы и спроса на нее. Циклический структурный характер безработицы в России определяется сложившимся в ходе реформирования экономики и общества характером воспроизводства рабочей силы, а именно процессами формирования, распределения и использования трудовых ресурсов. По итогам сегментации рынка труда согласно исследуемой теме «Формирования

рынка труда России в условиях глобализации мирохозяйственных связей: внутригосударственные особенности», можно сделать следующие выводы:

- становление новых отношений, базирующихся на принципах постепенного перехода национальной экономики к формированию постиндустриального, информационного общества, предполагает построение и новых механизмов взаимодействия трудовых ресурсов и работодателей;
- в ходе реформ выявились диспропорции рынка труда, вызванные нестабильностью и неразвитостью экономики в целом, в частности, четко обозначилась проблема структурной безработицы;
- трудовые ресурсы в отличие от прочих ресурсов экономики обременены социальной составляющей, значимой в процессе их регулирования. Сам процесс производственной деятельности любой страны представляется системой использования и распределения имеющихся ресурсов, в том числе капитальных, во многом сегодня зависящих от уровня и характера инновационной деятельности отдельных организаций и политики модернизации государств в целом, а также от характера социальной политики проводимой государством, в том числе в рамках процесса формирования и распределения рабочей силы. В этой связи под цикличностью конъюнктуры рынка труда стоит понимать как несколько взаимозависимых систем: производственной и социальной;
- в настоящее время рост потребностей предприятий в работниках лишь отчасти предполагает рост занятости и сокращение безработицы, эти два показателя сегодня меняются незначительно. Кроме того, уровень занятости в последние годы сокращается, следовательно, причина роста потребностей в работниках иная, скорее всего она как раз связана со структурными изменениями на рынке труда;
- многофакторность модели социально-экономической интерпретации реального уровня трудового дохода и возможностей его измерения предполагает изучение множественности, вариативности определяющих критериев с целью обоснования наиболее значимых в тех или иных социально-экономических условиях;
- определяющим критерием качества рабочей силы является уровень профессиональных компетенций, позволяющий, в том числе, судить и об уровне возможного трудового дохода;
- профессиональные компетенции в современных условиях, в частности, для современного рынка труда, можно определить, как меру приобретенных индивидом способностей приносить доход, включающих в себя на базе имеющихся (врожденных) способностей, приобретенные в течение жизни знания, умения, навыки посредством профессионального образования, а также полученные в рамках трудовой деятельности (обучение на рабочем месте) в соответствии с достигнутым профессиональным уровнем;
- эффективность реализации работниками своих компетенций в компании зависит не только от того, каким потенциалом обладает каждый из них. Профессиональные компетенции настолько влияют на конкурентные

преимущества компании, насколько хорошо она поддерживает их развитие по сравнению с конкурентами. Формирование и развитие профессиональных компетенций организации может осуществляться только с помощью комплекса взаимосвязанных элементов системы оценки компетенций, оценки их соответствия необходимому уровню, а также системы обучения и развития сотрудников;

- стремление получить высокий уровень профессиональной подготовки означает в сознании трудовых ресурсов ожидания получить и больший уровень дохода, высокооплачиваемое место занятости, но при выборе места обучения определяющими критериями поступления в вуз выступают не знания как таковые, а возможность будущего успешного трудоустройства, связей, высокого дохода. В тот же время выбор специальности абитуриентами сегодня предопределен существующим распределением заработных плат в зависимости от профессиональной и статусной структуры на рынке труда, что приводит к формированию перечня «модных специальностей»;
- современный рынок труда России, как часть мирового экономического пространства, характеризуется увеличивающимся разрывом между трудовыми притязаниями трудовых ресурсов и возможностями их удовлетворения.

Очевидна необходимость оценки предложения труда и прогнозирования спроса на труд по специальностям с целью формирования эффективного рынка труда - увеличения занятости и снижения безработицы, в том числе и сокращения ее структурной компоненты. В глобальном, макроэкономическом масштабе подобное несоответствие предложения рабочей силы спросу есть снижение человеческого потенциала нации, снижение уровня жизни населения, изменение ценностной структуры в современном обществе.

47. Конкуренция евро-азиатских маршрутов перевозок грузов, во многом обусловленная политикой Китая и ЕС, побуждает Россию реализовывать новые инфраструктурные проекты на основе ГЧП с целью развития собственного ТТП.

48. Применение механизма ГЧП особенно актуально в связи с целым рядом факторов, негативно влияющих на развитие транзитного сектора экономики страны. При необходимости обеспечивать частному инвестору минимального гарантированного дохода на уровне, установленном соглашением о ГЧП, проблема недостаточного трафика по построенной транспортной коммуникации может привести к увеличению бюджетного дефицита, для преодоления которого и был инициирован этот проект.

49. ГЧП в России становится еще более актуальным в связи с выделением значительных средств на реализацию инфраструктурных проектов, альтернативных российским путям сообщения, из Фондов ЕС и институтов развития. Так, Европейский союз (Фонд объединения европейской инфраструктуры Connecting Europe Facility (CEF)) предоставляет от 20 до 85% финансирования в зависимости от каждого конкретного проекта. Прежде всего,

речь идет о проектах, реализуемых в странах Балтии, которые традиционно поддерживают транспортные проекты, направленные на организацию перевозок в обход территории России. Теперь к ним присоединилась Украина.

50. При развитии транспортно-транзитного сектора экономики не следует возлагать слишком больших надежд на закон о ГЧП и прочие нормативно-правовые акты, в которых невозможно четко прописать все аспекты взаимоотношений государства и бизнеса.

51. Успех реализации немногочисленных проектов строительства и реконструкции транспортной инфраструктуры на принципах ГЧП в первую очередь зависит от мощи и активности организаций – инициаторов и лоббистов конкретного проекта. Однако для транзитных линий пока трудно выявить заинтересованное лицо, что ставит подобные проекты в невыигрышное положение.

52. Как показал опыт создания Объединенной транспортно-логистической компании (ОТЛК), противоречия между учредителями компании, наличие собственных программ повышения ТТП стран-участников ЕАЭС не позволяют в полной мере реализовать конкурентные преимущества этого интеграционного проекта. На перспективах компании не лучшим образом отражается либеральный курс экономической политики, проводимый Правительством РФ.

53. Не стоит сбрасывать со счетов и такой неформальный, но устоявшийся институт, как стремление бизнеса бесплатно использовать инфраструктурные объекты, построенные за государственный счет, что подтверждает напряженная ситуация, сложившаяся после начала взимания платы за проезд по федеральным трассам автомобилей массой свыше 12 тонн – системы «Платон».

54. Российские транспортные компании предпочитают использовать имеющиеся пути сообщения, полагая, что транзитный груз сам пойдет на них. Внимание государственных органов власти сосредоточено на инфраструктурном обеспечении крупных внешнеполитических (Саммит АТЭС-2012, Встреча ШОС в Уфе в 2015) и увеселительных мероприятий (Олимпиада-2014 в Сочи, Универсиада-2013 в Казани, Чемпионат мира по футболу-2018, Всемирный фестиваль молодежи и студентов-2017 и др.). Из ФНБ софинансируются лишь несколько крупных инфраструктурных проектов. Среди них реконструкция БАМа и Транссиба, строительство Центральной кольцевой автодороги (ЦКАД) вокруг Москвы и высокоскоростной железной дороги Москва – Казань. Продолжают оставаться актуальными проблемы внедрения электронного документооборота и принципа единого окна при трансграничном движении грузов.

55. В целях развития и реализации ТТП России, повышения конкурентоспособности российских перевозчиков на мировых рынках транспортных услуг требуется создание крупных транспортных и инфраструктурных компаний, слияние и укрупнение существующих предприятий. Следует обратить внимание на пример Китая и других стран, где создаются альянсы морских контейнерных операторов, происходят слияния и поглощения.

56. Инициатором проектов ГЧП в области развития и реализации ТТП России должна стать крупное государственно-частное акционерное общество под условным названием «Российская транспортно-транзитная компания» (РТТК). Само её создания и функционирование должно происходить на принципах ГЧП, сопровождаться активной работой представителей органов государственной власти в совете директоров в соответствии с четкими директивами правительства. При выборе проектов, реализуемых на принципах ГЧП, требуется законодательно определить приоритетное значение инфраструктурных проектов, направленных на увеличение и реализацию ТТП России.

57. Сложность, многогранность и гибкость отношений транспортных компаний, федеральных и региональных властей должны быть реализованы во внутрифирменных процессах, в органах управления РТТК. Ведь «фирма не только имеет конституционные полномочия и дешевый доступ к требуемым данным, позволяющим ей более точно оценивать свои действия, чем это доступно покупателю, но она одновременно располагает более точными инструментами поощрений и штрафов...» [5].

58. Транзитные перевозки грузов по территории России необходимо рассматривать, прежде всего, как бизнес. Хотя не следует преуменьшать значения геополитического и военно-стратегического выбора, в частности, необходимости реагирования на продвижение маршрутов, альтернативных Транссибу, в рамках китайской, американской, казахстанской и других инициатив возрождения Великого Шелкового пути.

59. Вообще, обеспечение конкурентных преимуществ транзитных перевозок по конкретному маршруту предполагает большую скорость проследования грузов с минимумом остановок, обработок и перегрузов в пути. Возникает проблема «улавливания» и присвоения транспортно-транзитной ренты особенно на региональном уровне. Деятельность РТТК решит эту проблему путем справедливого, экономически обоснованного распределения прибыли от деятельности компании в целом между всеми участниками перевозочного процесса.

60. Доходы от реализации ТТП могут быть сопоставимы с величиной сырьевой ренты только в случае формирования в России не просто транзитного, а производственно-транзитного сектора экономики. Прежде всего, речь идёт о реализации программы «Создание инновационного подвижного состава для контейнерных и смешанных перевозок» в рамках национального проекта «Развитие транзитной экономики в России: объединяя Евразию», разработанном в ИПР РАН. Основным участником этого проекта, а также главным заказчиком и эксплуатантом инновационного подвижного состава должна стать РТТК.

Список литературы:

1. Зоидов К.Х., Медков А.А., Зоидов З.К. Развитие транзитной экономики – основа стабильности, безопасности и модернизации России и стран Центральной Азии / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова – М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. – 339 с.

2. Клейнер Г.Б. Экономика. Моделирование. Математика. Избранные труды. М.: ЦЭМИ РАН, 2016. - 856 с.
3. Литвяков С.С. Отбор и оценка эффективности проектов в сфере развития транспортной инфраструктуры для их реализации на основе ГЧП // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. – № 44(233) – С. 36-47.
4. Норт Дуглас. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. И науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начало», 1997. 180 с. (Современная институционально-экономическая теория).
5. Уильямсон О.И. Вертикальная интеграция производства: соображения по поводу неудач рынка // в сб. Теория фирмы / Под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1995. («Вехи экономической мысли»; Вып. 2.). 534 с. С. 36.
6. Постсоветское экономическое пространство: современное состояние и перспективы развития / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. М.: Финансы и кредит, 2009. 472 с.
7. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Медков А.А., Зоидов З.К. Организационные и институциональные формы реализации транспортно-транзитного потенциала России на основе государственно-частного партнерства. Часть I // Финансовая экономика, 2015. - № 5-6. - С. 7-20.
8. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Медков А.А., Зоидов З.К. Организационные и институциональные формы реализации транспортно-транзитного потенциала России на основе государственно-частного партнерства. Часть II // Сегодня и завтра Российской экономики, 2016. - № 75-76. - С. 5-20.
9. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Медков А.А., Зоидов З.К. Организационные и институциональные формы реализации транспортно-транзитного потенциала России на основе государственно-частного партнерства. Часть III // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2016. № 3. С. 5-22.
10. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Медков А.А. Формирование эволюционной модели транспортно-транзитной системы России в условиях интеграции и глобализации. - М.: ИПР РАН; СПб.: Нестор-История, 2014. - 800 с.
11. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Медков А.А., Ионичева В.Н. Институционально-организационные особенности трансграничных перевозок грузов в условиях интеграции на постсоветском экономическом пространстве. Часть I-II // Экономика региона, 2015. - № 3. - С. 188-204. - № 4. - С. 249-259.
12. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Медков А.А., Ионичева В.Н. Институционально-организационные проблемы таможенного регулирования экспортно-импортных и транзитных перевозок грузов в Евразийском экономическом союзе. Часть I-II // Экономическая наука современной России, 2015. - № 3. - С. 81-94. - № 4. - С. 32-47.
13. Цветков В.А., Зоидов К.Х. и др. Постсоветское экономическое пространство: современное состояние и перспективы развития /Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. - М.: Финансы и кредит, 2009. – 472 с.
14. Цветков В.А. Корпоративный бизнес: теория и практика. СПб.: Нестор-История, 2011. 504 с.
15. Цветков В.А., Чуев А.В., Саакян Ю.З., Абрамов М.Д., Кашин В.А., Григорьев А.В., Зоидов К.Х., Мигранян А.А., Медков А.А., Рудаков Е.Р., Польшгалов А.С., Молоканов С.Е. Администрирование внешнеторговых грузопотоков. Труды ЭАЦ «Модернизация», вып. 7. М., ЭАЦ «Модернизация», 2013. - 480 с.
16. Цветков В.А., Борталевич С.И., Логинов Е.Л. Стратегические подходы к развитию энергетической инфраструктуры России в условиях интеграции национальных энергосистем и энергорынков. – М.: ИПР РАН, 2014. – 511 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА БОРЬБЫ С НАРКОБИЗНЕСОМ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Кийко Михаил Юрьевич – к.э.н., соискатель докторантуры Института проблем рынка РАН

Постоянное усложнение и растущая динамика геополитических, социально-экономических, научно-технических явлений и процессов, информатизация общества, глобализация мирохозяйственных связей и финансовых отношений обусловили в последние годы появление новых и трансформацию уже существующих проблем, представляющих опасность с точки зрения национальной безопасности. Среди серьезных современных вызовов и угроз, которые носят глобальный характер, наибольшего внимания заслуживает незаконный оборот наркотиков. По данным экспертов ООН, в настоящее время около 230 млн чел. или 5% взрослого мирового населения употребляют запрещенные наркотики⁸⁹. В России этот показатель, по оценке специалистов Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН России), составляет 8,5 млн чел. или 6% населения страны⁹⁰. Незаконный оборот наркотических средств и растущее количество потребителей наркотиков имеют существенные негативные последствия, затрагивающие социально-экономическую, демографическую, духовно-нравственную, правовую и иные сферы жизни общества.

Растущие масштабы наркобизнеса⁹¹, ставшего, по сути, транснациональным, сопровождаются увеличением объемов теневого оборота капитала, отмыванием средств и легализацией преступных доходов, что непосредственно разрушает национальную и мировую экономики, а также служит источником финансирования различных противоправных действия, включая деятельность международных преступных группировок. Именно поэтому незаконный оборот наркотиков следует рассматривать как непосредственную и растущую угрозу национальной безопасности, а достижение высокого уровня антинаркотической безопасности – как необходимую составляющую деятельности по обеспечению безопасности личности, общества и государства, реализуемой в рамках двух базовых документов: «Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года» и «Стратегия государственной антинаркотической политики РФ до 2020 года», положения которых требуют развития в соответствии с меняющейся обстановкой. Постоянно растущие масштабы изъятия наркотических средств, непосредственное разрушение центров производства запрещенных наркотиков,

⁸⁹ Всемирный доклад о наркотиках. 2012. URL: http://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR2012/WDR_2012_Russian_web.pdf.

⁹⁰ Материалы ФСКН России. URL: <http://www.fskn.gov.ru/>.

⁹¹ Здесь и далее под наркобизнесом понимается незаконное производство и распространение запрещенных к использованию наркотических и приравненных к ним средств с целью получения преступных доходов.

рост числа раскрываемых преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и другие меры полицейского характера пока позволяют лишь удерживать ситуацию в сфере незаконного оборота наркотиков под контролем. Для эффективного противодействия наркобизнесу необходима разработка и реализация комплексного механизма, позволяющего реализовать одновременное ограничение, как со стороны производства и предложения, так и со стороны спроса на наркотики, включая меры по лечению, реабилитации и социализации наркозависимых граждан. Именно такой системный подход к проблеме наркотизации⁹² позволит повысить уровень национальной безопасности и стабильности общества, которые служат необходимым условием динамичного социально-экономического развития страны.

Научные позиции автора сформировались на основе изучения и анализа теоретических и методологических работ российских и зарубежных ученых по проблемам макро- и микроэкономики, экономической теории, национальной и экономической безопасности, управления социально-экономическими системами, теневой экономики и наркобизнеса.

Несмотря на наличие, довольно большого количества работ в области исследования национальной безопасности и теневой экономики, значительное число проблем изучены пока недостаточно и требуют дальнейших разработок. Это относится, прежде всего, к исследованию теоретико-методологических оснований разработки комплексного механизма противодействия наркобизнесу, который выступает, с одной стороны, как серьезная прямая угроза национальной безопасности, а с другой стороны, как элемент теневой экономики, оказывающей негативное системное влияние на экономику страны и национальную безопасность.

Основной целью доклада является развитие теории и методологии обеспечения антинаркотической безопасности в контексте развития стратегии национальной безопасности России, создающей необходимые условия и предпосылки для экономической безопасности, устойчивого динамичного роста отечественной экономики и стабильного долгосрочного социально-ориентированного развития страны.

Проведенное исследование в области социально-экономической оценки борьбы с наркобизнесом в системе национальной безопасности России позволяет сделать ряд выводов и сформулировать ряд рекомендаций.

1. В процессе исследования содержания национальной безопасности было установлено, что разные авторы используют различные подходы к определению национальной безопасности, предлагая различные дефиниции национальной безопасности. Однако данный феномен крайне редко рассматривается с позиций экономической науки, хотя это представляется необходимым для преодоления сложившейся односторонности теоретических воззрений. В работе предложена авторская трактовка национальной

⁹² Наркотизация – незаконное распространение наркотиков и связанные с этим негативные изменения в обществе, которые при отсутствии должного противодействия могут принять необратимый характер.

безопасности в качестве экономической категории, которая отражает состояние социально-экономических отношений между личностью, обществом, государством и хозяйствующими субъектами по поводу рационального использования имеющихся ресурсов для производства и распределения товаров и услуг, включая общественные блага, при котором обеспечивается эффективное противодействие внешним и внутренним угрозам национальной безопасности и тем самым создаются необходимые условия для стабильного динамичного развития личности, экономики и общества. Наряду с основными объектами национальной безопасности (личность, общество и государство) в работе предлагается учитывать в качестве самостоятельного объекта национальной безопасности отечественные предприятия и организации, поскольку эффективная деятельность хозяйствующих субъектов создает необходимые предпосылки для динамичного социально-экономического развития страны, системы национальной безопасности в целом и ее отдельных сфер, выступающих структурными элементами целостной системы национальной безопасности.

2. Для исследования такой сложной и многоплановой категории, как национальная безопасность, необходима комплексная система методов. В работе конкретизирована методологическая база изучения национальной безопасности и ее составных элементов, основу которой образуют общенаучные методы системного подхода, структурно-функционального анализа, диалектический метод единства и борьбы противоположностей и др. При исследовании национальной безопасности целесообразно обратиться к методологическим подходам в изучении социально-экономических процессов в обществе, которые сформулированы в последние годы учеными разных областей знаний. Для анализа опасностей и угроз личности, обществу, государству, исследования направлений обеспечения национальной безопасности достаточно эффективными могут быть, в частности, факторный анализ, деятельностный, субъектно-ориентированный, институциональный, сетевой и цивилизационный подходы, обеспечение безопасности через развитие, использование методов синергетики и теории катастроф и др. Учитывая, что национальная безопасность представляет сложную систему, в процессе формирования и управления этой системой целесообразно применение современных управленческих теорий и методов, в их числе: интерпретация методологии цикла Деминга, программно-целевой подход, управление по целям, стратегическое управление на основе системы сбалансированных показателей, методология Форсайта и др. Все это позволит обеспечить построение стратегически ориентированной системы национальной безопасности с учетом характера современных угроз и национальных приоритетов социально-экономического развития.

3. Исследование становления российской системы национальной безопасности позволило представить периодизацию формирования и развития национальной безопасности Российской Федерации с выделением четырех основных этапов, которые отражают сущностные особенности

соответствующих периодов ее становления и формирования современной парадигмы национальной безопасности. Современная парадигма обеспечения национальной безопасности представляет совокупность сформировавшихся к настоящему времени научных взглядов, подходов, методов и инструментов, устоявшихся и принятых большинством научного сообщества в отношении расширительного толкования вопросов обеспечения национальной безопасности. Это позволяет отнести к сфере обеспечения национальной безопасности социальные, экономические, экологические, информационные и другие аспекты, определяющие в совокупности устойчивое развитие личности, общества и государства.

4. В современных условиях в числе основных источников угроз национальной безопасности выделяется деятельность транснациональных преступных организаций и группировок, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ. В связи с этим, на основе анализа современных тенденций развития угроз национальной безопасности и их трансформаций под влиянием объективных общественных процессов в работе доказана целесообразность выделения в системе национальной безопасности самостоятельного структурного элемента – антинаркотической безопасности, которая означает защищенность интересов личности, общества, хозяйствующих субъектов, государства от угрозы распространения запрещенных наркотических средств и последствий, связанных с данной угрозой. Статуализация антинаркотической безопасности отражает растущее значение глобальной угрозы распространения наркотиков и необходимость применения комплексных мер противодействия наркобизнесу, который выступает составной частью теневой экономики.

5. Теневая экономика рассматривается в работе как самостоятельная сфера социально-экономических отношений, реализуемых в форме неформальной, скрытой или нелегальной экономической деятельности по производству, распределению, обмену и потреблению законных и незаконных товарно-материальных ценностей, услуг, денежных и приравненных к ним средств, которая находится в едином экономическом пространстве с легальной экономикой. Структурно теневая экономика неоднородна и включает неформальную, скрытую, нелегальную (или преступную) экономику, значимым сектором которой выступает наркобизнес – незаконная деятельность по производству и распространению запрещенных наркотических средств. В работе показано, что теневая экономика охватывает все сферы общественного воспроизводства, использует общее с легальной экономикой экономическое пространство и оказывает негативное прямое и косвенное воздействие, прежде всего, на национальную экономику и национальную безопасность. Наркобизнес, как один из наиболее значимых элементов теневой экономики, связан не только с другими ее элементами, но и с реальной легальной экономической системой государства, оказывая на нее наибольшее

дестабилизирующее влияние, усиливая тем самым нынешнюю общую финансово-экономическую нестабильность.

6. К настоящему времени в России создана достаточно эффективная система противодействия наркобизнесу, однако до последнего времени основное содержание антинаркотической деятельности заключалось в реализации системы мер по сокращению предложения наркотиков в незаконном обороте на базе согласованных действий организационного, правоохранительного, нормативно-правового и международного характера, реализуемых ФСКН совместно с федеральными органами исполнительной власти и ведомствами. Эти меры направлены, в первую очередь, на пресечение нелегального ввоза наркотиков из-за рубежа, их незаконного производства, транспортировки и распространения на территории страны. Вместе с тем, для уничтожения существующего рынка наркотиков необходимо кардинальное снижение спроса на наркотики посредством реализации политики, направленной на побуждение (в ряде случаев – на принуждение) потребителей наркотиков к лечению, обеспечение доступности и эффективности услуг по реабилитации и ресоциализации лиц, испытывающих зависимость от наркотиков. Причем, оба этих направления антинаркотической деятельности должны осуществляться параллельно, для чего требуется комплексный механизм, в рамках которого полицейские меры ведут к снижению предложения наркотиков, а комплекс социально-экономических мер по реабилитации и ресоциализации потребителей наркотиков обеспечивает снижение спроса на наркотики. Именно такой сбалансированный многосторонний подход представляется наиболее целесообразным и результативным в нынешних условиях, способным обеспечить реализацию антинаркотической политики государства и повышение уровня национальной антинаркотической безопасности.

7. В работе предлагается рассматривать комплексный механизм обеспечения национальной антинаркотической безопасности как совокупность экономических, политических, социальных, правовых, организационных, психологических способов, методов и форм взаимодействия всех субъектов антинаркотической деятельности по целенаправленному снижению уровня угрозы распространения наркотиков для интересов личности, хозяйствующих субъектов, общества и государства. В рамках механизма обеспечения антинаркотической безопасности вся антинаркотическая деятельность должна концентрироваться на трех направлениях: сфера предложения наркотиков; сфера спроса на наркотики; сфера взаимодействия субъектов антинаркотической деятельности.

Деятельность по сокращению предложения наркотиков осуществляется, как внутри страны, так и за рубежом, на территории тех стран, откуда исходит реальная наркотическая угроза национальным интересам России. При этом используются не только силовые меры прямого противодействия наркобизнесу, но и социально-экономические меры по поддержке и восстановлению

экономики депрессивных регионов, экономика которых вовлечена в сферу незаконного производства и распространения наркотиков.

Деятельность по сокращению спроса на наркотики сосредоточена в основном внутри страны и осуществляется с использованием комплекса социально-экономических мер по профилактике, лечению, реабилитации и ресоциализации потребителей наркотиков, вовлекаемых добровольно или принудительно в реабилитационные программы. Указанные меры целесообразно осуществлять в рамках федеральных или региональных программ, что позволит комплексно решать вопросы профилактики, лечения, реабилитации и ресоциализации потребителей наркотиков.

Сфера взаимодействия субъектов антинаркотической деятельности включает все направления консолидации этой деятельности внутри страны, а также развитие международного сотрудничества в различных форматах по противодействию глобальной угрозе распространения наркотиков.

8. Формирование механизма обеспечения национальной антинаркотической безопасности предполагает оценку эффективности его функционирования, оценку эффективности антинаркотической деятельности в целом, а также оценку уровня национальной антинаркотической безопасности. Результатом исследования стала разработка методики критериальной оценки эффективности функционирования механизма национальной антинаркотической безопасности с помощью системы критериев, которые позволяют оценить по различным параметрам результативность выполнения конкретных программ, реализуемых в сфере противодействия незаконному распространению наркотиков.

Систему критериев оценки эффективности функционирования механизма обеспечения антинаркотической безопасности предлагается дополнить системой показателей оценки уровня национальной антинаркотической безопасности, объединенных в шесть групп: экономические; правоохранные; социальные; законодательные; организационные; международные. Из представленной системы показателей в качестве индикаторов национальной антинаркотической безопасности предлагаются следующие: потери ВВП от распространения наркотиков (как общественный материальный ущерб от незаконного оборота наркотиков и его последствий) – менее 3% ВВП; доля лиц, употребляющих наркотики, в общей численности населения страны – менее 5%; доля потребителей наркотиков, прошедших программы реабилитации с эффектом стойкой ремиссии – не менее 30% от общего числа участников программ реабилитации и ресоциализации.

9. Определение общего уровня национальной антинаркотической безопасности предложено производить с использованием интегральной оценки, которая является одновременно оценкой уровня эффективности механизма противодействия наркобизнесу, выступая, таким образом, обобщенной оценкой эффективности антинаркотической деятельности в стране. Антинаркотическая безопасность обеспечивается по ряду направлений, наиболее значимые из них: противодействие спросу на наркотики; противодействие предложению

наркотиков; уровень негативного влияния проблемы наркотиков на экономику и общество; степень внешней наркотической угрозы; степень внутренней наркотической угрозы; состояние консолидации всех субъектов антинаркотической деятельности.

Проведенная с помощью экспертных методов оценка каждого из этих направлений, с учетом значимости отдельных направлений на момент оценки, показала, что текущая оценка состояния национальной антинаркотической безопасности (на начало 2013 года) составляет 6,83; это на 18,8% больше, чем в 2010 г., а в 2016 году, после завершения первого этапа реализации Комплексной межведомственной программы реабилитации и ресоциализации потребителей наркотиков эксперты прогнозируют повышение уровня национальной антинаркотической безопасности еще на 23,9% до отметки 8,46. Существенному повышению уровня национальной антинаркотической безопасности будут способствовать: усиление противодействия спросу на наркотики, относительное снижение уровня внешних и внутренних угроз по распространению наркотиков, благодаря более активной деятельности по противодействию наркобизнесу по всем направлениям и усилению консолидации субъектов антинаркотической деятельности. Как следствие, экспертная интегральная оценка уровня национальной антинаркотической безопасности в 2016 г. по сравнению с 2010 г. вырастает почти в 1,5 раза.

Список литературы:

1. Зоидов К.Х., Медков А.А., Зоидов З.К. Развитие транзитной экономики – основа стабильности, безопасности и модернизации России и стран Центральной Азии / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова – М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. – 339 с.
2. Кийко М.Ю. Борьба с наркобизнесом в системе национальной безопасности России: теория, методология, экономическая оценка, - М.: ЛЕНАНД, 2014. - 272 с.
3. Кийко М.Ю. Интегральная оценка уровня национальной антинаркотической безопасности и эффективности механизма противодействия наркобизнесу // Региональные проблемы преобразования экономики, 2014. - №8 (46). – С. 175-184.
4. Кийко М.Ю. Эволюция российской системы национальной безопасности: историко-правовой аспект // Региональные проблемы преобразования экономики, 2014. - №2 (40). – С. 88-94.
5. Кийко М.Ю. Теневая экономика и тенденции развития наркобизнеса в современных условиях // Региональные проблемы преобразования экономики, 2014. - №3(41). – С. 111-121.
6. Кийко М.Ю. Концептуальные основания современного механизма обеспечения национальной антинаркотической безопасности // Региональные проблемы преобразования экономики, 2014. - №4(42).- С. 132 - 140
7. Кийко М.Ю. О механизме обеспечения национально антинаркотической безопасности // Проблемы теории и практики управления, 2016. - №11. – С. 47-56.
8. Кийко М.Ю. Программы противодействия наркобизнесу в системе мер обеспечения экономической безопасности России // Сегодня и завтра Российской экономики, 2016. - № 79.
9. Кийко М.Ю. Национальная антинаркотическая безопасность как инструмент защиты национальных социально-экономических интересов России // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2016. № 6.
10. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Губин В.А., Зоидов З.К. Исследование социально-экономической циклической динамики России и совершенствование регулирования стратегии опережающего развития – М.: ЦЭМИ РАН, 2012. – 207 с.

КЛАСТЕРНЫЙ ДИЗАЙН РЫНКА: НОВАЯ ПАРАДИГМА ИЛИ МИСТИФИКАЦИЯ?

Ковальчук Юлия Александровна – д.э.н., профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Рязанского государственного радиотехнического университета
Степнов Игорь Михайлович – д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономики и финансового менеджмента Рязанского государственного радиотехнического университета

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект №16-18-10149), в Институте проблем рынка Российской Академии Наук.*

Современный этап развития экономических систем, как правило, оценивается экспертами в русле новой индустриализации, главной целью которой должно стать восстановление роли и места промышленности в экономике стран в качестве ее базовой компоненты, обеспечивая приоритетность развития материального производства. Для России эту задачу можно трактовать шире – развитие реального сектора экономики на основе нового, передового технологического уклада – путем решения комплекса связанных экономических, организационных и иных задач в рамках модернизации экономики страны.

На протяжении последних 15 лет было предпринято множество разных по эффективности мер и решений для преодоления последствий посткризисного спада (трактуемого и как промежуточный циклический спад в рамках делового промышленного цикла) и преодоления отставания от других государств, прежде всего, в технологическом развитии, что, несомненно, приводит к переосмыслению адекватности применяемых подходов и поиску новых моделей и инструментария развития, обеспечивающих сохранение и развитие потенциала экономического роста страны, повышение ее конкурентоспособности в мировой экономике. Классифицируя принятые решения, можно выделить два определяющих подхода к проектированию инструментов развития – это либо проектные, либо институциональные решения, а именно: особые экономические зоны; приоритетные национальные проекты; институты развития; национальные технологические платформы; инновационные территориальные кластеры; территории опережающего развития; промышленная политика; национальная технологическая инициатива [1].

И в рамках теории, и на практике в настоящее время актуален территориально-отраслевой подход к развитию экономики, основанный на том, что важную роль в этом процессе играют географические (территориальные, местные) факторы, так называемая «пространственная поляризация». Территориально-производственные комплексы становятся движущей силой развития национальных и региональных (в масштабе страны) экономических систем. Фундамент российской экономики образует экономика регионов, в которых адекватно отражается весь комплекс проблем, характерных для социально-экономического положения страны в целом, ее населения. Поэтому

вклад регионов в обеспечение национальную конкурентоспособность достаточно велик.

Так, в некоторых регионах России уже существует несколько «спонтанных» кластеров, образованных вокруг ключевых отраслей промышленности (химический, нефтегазовый, металлургический, машиностроительный и др.). В качестве примеров российских кластеров можно привести авиакосмические в Москве и Самаре, микроэлектроники в Зеленограде, пищевые в Краснодарском крае и Белгородской области, судостроительный в Санкт-Петербурге, лесной кластер в Пермской области, льняной в Ивановской области, машиностроительный в Липецкой и Самарской областях и т.п.

Однако, есть одна особенность, характерная именно для российской кластеризации – отсутствие институциональных особенностей, когда в кластер объединяются заинтересованные экономические агенты. Кластеры – это объективно существующее явление в экономике, обусловленное негласным стремлением его участников к достижению дополнительных конкурентных преимуществ за счет их территориальной локализации. Другими словами, кластеры возникают самостоятельно, а не по директиве властных структур или бизнес-сообщества.

В России в начале 2000-х гг. кластеры предпочитали создавать приказами региональных администраций по предложениям Министерства регионального развития, а с 2012 года для получения государственного финансирования создания и функционирования инновационных территориальных кластеров и создания центров кластерного развития для поддержки развития малого и среднего предпринимательства в регионах (программы Министерства экономического развития), что в корне противоречит стратегии формирования конкурентных кластеров – ведь от того, что остатки региональной промышленности назовут кластером, прироста уровня занятости и восстановления промышленности не произойдет.

Поэтому, можно делать вывод, что кластеры переформатировались в условиях российской экономики в особые организационно-территориальные объединения местных предприятий и организаций (иногда формальные), что позволило обосновать наличие функционала и инструмента влияния региональных органов власти в объединениях компаний по отраслевому и территориальному признаку в конкурентоспособную модель производства продукции.

Самым актуальным, но, однако и противоречивым с позиции эффективности, можно считать создание в 2006 г. институтов развития, направленных, прежде всего, на компенсацию «провалов рынка» и обеспечение притока инвестиционных ресурсов в секторы, где был затруднен приток частного коммерческого капитала. Следует отметить, что отличительными признаками институтов развития по отношению к другим формам государственной поддержки являются:

-перераспределение ресурсов в пользу проектов развития, направленных

на создание потенциала экономического роста в области инфраструктуры, человеческого потенциала, новых технологий и поддержку новых, пока еще не доминирующих секторов экономики, нуждающихся в начальной поддержке для своего развития;

-наличие постоянной организационной структуры и определенных правил, позволяет осуществлять институтам развития систематическую деятельность, у них существует четкая система ответственности и контроля;

-институты развития являются некоммерческими организациями, а не способом увеличения доли государства в экономике, их деятельность направлена на развитие частного бизнеса в новых секторах экономики.

Неудовлетворенность результативностью институтов развития привела к появлению новых форм государственного регулирования, позволяющей интегрировать опыт управляемого финансирования и прямой поддержки промышленности, таких, как формирование национальных технологических инициатив и проектных офисов на национальном уровне и уровне региональных корпораций развития. Безусловно, они являются инструментами в большей степени опережающего развития [2] и, в меньшей степени, обеспечивающего минимизацию последствий кризиса. Однако на современном этапе развития экономики, с учетом тенденций новой индустриализации [3], необходим качественно новый подход к реализации такого инструментария с учетом особенностей функционирования товарных рынков, чего не было сделано ранее при разработке проектных или институциональных решений.

Традиционно работы экономистов посвящены исследованиям товарных рынков, формирование и функционирование которых, определяется ценообразованием и, как правило, в них не рассматриваются вопросы формирования рынков соответствия. Прорывными исследованиями по дизайну рынков соответствия стали работы Э. Рота [4], предложившего не только алгоритм поиска взаимодействия на таких рынках, но и практически реализовавшего ряд решений по дизайну рынков. Полученные решения, по нашему мнению, можно распространить на функционирование проектных офисов различных уровней (национального, кластерного, уровня отдельных объектов инфраструктуры) создаваемых для решения задач инновационного обновления российской экономики [5]. И в этом случае следует говорить о кластерном подходе к дизайну рынков. Если традиционная модель кластеризации, кроме территориального подхода опирается на цепочку стоимости, реализующую общее для всех участников конкурентное преимущество, то кластерный дизайн рынка начинает процесс с поиска предмета обмена между участниками объединения, обеспечивающего эффективное взаимодействие в будущем, и нацелен на проектирование будущей цепочки стоимости, начиная с простого парного взаимодействия.

Первоначально определимся с моделями формирования национального проектного офиса на базе следующих подходов:

- проектный офис как структура, обладающая совокупностью функций информационного или интегрированного менеджмента с целью управления

имеющимся набором проектов;

- проектный офис, функции которого определены целями института развития, т.е. ориентация на преобладание приоритетных проектов и создание только нового знания, что без рыночной апробации делает эти результаты не востребованными в реальной экономике;

- проектный офис как целевой регулятор (исполнитель) технологической платформы в виде организационной платформы как протоинститута [6], развитие которой обеспечено коммуникативными процессами в выбранной области знания, что позволит использовать результаты предварительного отбора в технологическом сообществе наиболее перспективных технологий и эффективно организовать взаимодействие с участниками проекта.

Организацию же структурного подразделения с названием «проектный офис», отвечающего модным тенденциям или удачному словосочетанию (что характерно для ряда региональных корпораций развития) мы не рассматриваем как отдельную модель, так как по своему функциональному содержанию такое структурное подразделение не обеспечивает целевого уровня решения возлагаемых на него задач, и характеризуется неэффективным использованием выделенного финансирования.

Следует отметить, что как на практике, так и в теоретических исследованиях, нет единого мнения по моделям функционирования и становления национального проектного офиса. Также, как и в случае с технологическими платформами (другой проектный инструмент государственной поддержки инновационного развития экономики, используемый в России с 2010 года, созданный по аналогии с европейскими технологическими платформами, но не отражающий ее сути как коммуникационной площадки между наукой, промышленностью и бизнесом и ориентированный на повышение эффективности деятельности в отдельных секторах экономики), существует значительная опасность формирования концепции, отличающейся от общепринятой в мировой практике и поддержанной только государственным финансированием. При этом, при прекращении финансирования выбранная модель поддержки начинает приобретать более широкую трактовку и пытаться включить в себя новые формы, поддержанные государством, и, в результате, становится абсолютно неэффективной для реального сектора экономики.

Подобная участь стала ожидаемой и для созданных по министерской директиве российских кластеров, никаким образом не ориентированных на формирование новых рынков путем поиска взаимодействия, сохраняя свободный выбор их участников [2].

В этой связи необходимо говорить об актуальности методологии кластерного дизайна рынков соответствия применимо именно к таким объектам инновационной экономики как кластер, бизнес-инкубатор или технопарк, когда будущее описывается не как результат рынка (допустим, тот же прогноз будущего денежного потока), а как парное взаимодействие отдельных участников рынка на основе обмена, что существенно снижает

неопределенность текущих решений [7].

Обоснование применимости теории дизайна рынков требует ответа на вопрос, а кто (или что?) будет реализовывать подобные решения. По нашему мнению, такая роль должна быть отведена в современной экономике России проектным офисам, так как, говоря о дизайне рынков, Э.Рот отмечает существенность именно организационных трудностей [4]. Проектный офис, обладая набором стандартизированных технологий должен не только и не столько заниматься управлением инвестиционными проектами в классическом понимании этого слова, сколько именно проектированием и реализацией взаимодействия будущих участников [7] – которая и относится к задачам кластерного управления. В практике работы же в настоящее время на уровне региональных корпораций развития проектные офисы начинают нагружаться работой по планированию, что приводит к созданию еще одной службы, основной задачей которой является разработка стратегий и составление отчетов.

Дополнительное преимущество кластерного дизайна рынков обеспечивается, тем, что на ранних стадиях проектирования активно используется игровой алгоритм, реализующий поиск возможных сочетаний на основе предпочтений каждого потенциального участника, что позволяет надеяться на существенное сокращение периода рыночной апробации нового проекта [7]. Такой экономический инжиниринг обеспечивает действительно новый подход к проектированию кластерных инициатив.

Одним из известных решений, являющимся практическим подтверждением эффективности вышеуказанных предложений становится концепция сетей компетенций, когда во главу кластера становится административный орган, проектирующий парное взаимодействие внутри сети и формирующий цепочку ценностей из компетенций предприятий, находящихся на территории региона [6]. Тем не менее, несмотря на указанную результативность, следует отметить, что региональные органы власти часто доминируют над участниками кластера, лишая возможности влиять на результаты деятельности. Такой подход не обеспечивает дизайна рынков, и такой кластер будет функционировать до тех пор, пока региональные органы власти будут вкладывать в него более привлекательные для участников ресурсы (более дешевые, чем на других рынках), но, тем не менее, подтверждает справедливость первого условия, так как ресурсы будут выступать предметом обмена определенный период времени. Например, при дефиците земельных участков для застройки, создание кластера по эффективному использованию участков приведет к возможному предмету обмена. Однако это достаточно простой случай объединения и применения алгоритмов дизайна рынков в условиях дефицита. Дизайн рынков соответствия будет максимально эффективен для кластерной инициативы в условиях множественности выбора (тех же поставщиков ресурсов, например).

Таким образом, развитие методологии кластерного дизайна рынков соответствия позволит решить многие накопленные проблемы и стать новой

парадигмой кластерных инициатив (во многом уже исчерпавших идеи кластеризации, лежащие на поверхности и начинающие конкурировать с институтами развития в поиске новых проектов), и взамен дирижистской модели многих региональных кластеров (требующих постоянного мониторинга показателей деятельности как экономических, так и общественно значимых) именно эта методология может предложить взаимовыгодный обмен и сформировать новый устойчивый рынок для участников кластера.

Список литературы:

1. Цветков В.А., Ковальчук Ю.А., Степнов И.М. Реализация стратегий новой индустриализации экономики // Вестник Финансового университета, 2016, №6.
2. Kovalchuk J., Stepnov I. Design of matching markets for the cluster initiative's projects // Proceedings of the 10th International conference on Eurasian scientific development. «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. 2016. P. 83-87.
3. Ковальчук Ю.А., Степнов И.М. Перспективность использования методологии дизайна рынков соответствия в деятельности национальных проектных офисов (на примере кластерных проектов) // Друкерровский вестник, 2016, №4; DOI: <http://dx.doi.org/10.17213/2312-6469-2016-4-65-74>.
4. Рот. Э. Кому что достанется - и почему. Книга о рынках, которые работают без денег. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.
5. Ковальчук Ю.А., Степнов И.М. О роли проектных офисов инновационных инфраструктур в дизайне рынков / Новая экономическая реальность, кластерные инициативы и развитие промышленности (ИНПРОМ-2016): тр. межд. науч.-практ. конф. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. – 612 с. – с. 49-56.
6. Ковальчук Ю.А., Степнов И.М. Выбор ключевых классификационных признаков организационных платформ современной рыночной экономики / «25 лет СНГ: основные итоги, проблемы, перспективы развития»: Материалы международной научно-практической конференции / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова – М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. – с. 138-140.
7. Stepnov I., Kovalchuk J. About the Issue of Decision Making Irrationality in the Activity of the National Industrial Modernization Design Office // Indian Journal of Science and Technology, Vol 9(42), DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i42/104265, November 2016.

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЕ НА РОСТ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Комилов Сироджиддин Джалолиддинович - доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры Экономической теории Российско-Таджикского (славянского) университета.

Гафаров Фирузджон Мухридинович - аспирант кафедры Экономики и управления Технологического университета Таджикистана.

Для привлечения внимания потенциальных инвесторов и оценки инвестиционного потенциала необходимо выявить и продемонстрировать инвестиционную возможность региона и его преимущества. Целью оценки инвестиционного потенциала является выявление перспектив возможного создания и функционирования новых предприятий в соответствующих

секторах экономики региона. Инвестиции реализуются через инвестиционную сферу, которая представляет собой совокупность участников инвестиционных процессов, их экономических отношений и интересов, реализуемых в ходе привлечения и использования различных видов инвестиционных ресурсов [4-6].

Инвестиционная сфера относится к числу наиболее важных составляющих региональной экономики. Проведение грамотной инвестиционной политики предполагает эффективное управление инвестиционными параметрами экономического развития, одним из которых является инвестиционный потенциал. При оценке инвестиционного потенциала учитывают множество факторов, таких как уровень развития, инфраструктуры, освоенность территории, инновационный потенциал и интеллектуальный потенциал населения, ресурсная составляющая и т.д. Инвестиционный потенциал региона также формируется за счёт природных особенностей региона, географического положения. Учитывая, что условием динамичного развития экономики является развитие инвестиционных процессов, выбранная государством стратегия развития инвестиционного потенциала определяет реальные возможности привлечения стратегических инвестиций в регион и, как следствие, определяет скорость и эффективность структурного преобразования социально-экономического комплекса региона в систему конкурентоспособного рыночного хозяйства. [16]

Мировой опыт привлечения инвестиций показывает, что в структуре прямых иностранных инвестиций преобладает сектор услуг, что подтверждает тенденцию последних лет. Вначале 1970х гг. на долю этого сектора приходилась лишь одна четвертая часть суммарного объема иностранных инвестиций в мире, в 1990 эта доля составляла менее половины, в 2005 г. 56 %. При этом основная часть прямых инвестиции направляется, прежде всего, в такие сферы, как финансы, коммуникации и недвижимость. [15]

Повышение роли регионов в активизации инвестиций целесообразно осуществляется по нескольким направлениям. К числу основных, относятся следующие направления: [14]

- развитие регионального инвестиционного законодательства;
- поддержка инвестиций со стороны местных властей путем предоставления льгот;
- формирование инвестиционной открытости и привлекательности регионов, их инвестиционного имиджа, в том числе посредством культурного составления каталогов предприятий, каталогов инвестиционных проектов и т.п.;
- активная деятельность по привлечению иностранных инвестиций;
- формирование инвестиционной инфраструктуры.

Получают развитие бизнес-центры, совершенствуется система связи и т.д. Особое значение приобретает повышение уровня экономического обоснования инвестиционных проектов на основе стандартов, заложенных в современные общепринятые в мире методики, а также выбор критериев отбора этих проектов с учетом приоритетных задач развития регионов. Для повышения уровня

проработанности программ важно вовлечение в эту деятельность банков. Перспективно также составление так называемого инвестиционного паспорта региона, содержащего информацию, необходимую для потенциальных инвесторов [8]. Кроме этого, для оценки инвестиционного потенциала региона и его увеличения необходимо определить условия и факторы, влияющие на инвестиционные процессы в регионе. В данном аспекте также существует ряд подходов.

Например, Зенченко С.В., Шемёткина М.А. [3] в своей работе выделяют ряд факторов, оказывающих наибольшее влияние на инвестиционный потенциал региона. Так, наиболее значимыми для оценки инвестиционного потенциала региона являются следующие факторы:

- ресурсно-сырьевой (средневзвешенная обеспеченность балансовыми запасами основных видов природных ресурсов);
- производственный (совокупный результат хозяйственной деятельности в регионе);
- потребительский (совокупная покупательная способность населения региона);
- инфраструктурный (экономико-географическое положение региона и его инфраструктурная обустроенность);
- интеллектуальный (образовательный уровень населения);
- институциональный (степень развития ведущих институтов рыночной экономики);
- инновационный (уровень внедрения достижений научно-технического прогресса в регионе).

Анализ регионального инвестиционного потенциала требует комплексную оценку факторов, влияющих на инвестиционный потенциал региона.

В целом инвестиционный потенциал региона учитывает основные макроэкономические характеристики, насыщенность территории факторами производства, потребительский спрос населения и т.п. Его определяет ряд факторов, которые в свою очередь зависят от соотношения нескольких инвестиционно - значимых частных показателей.

Таким образом, инвестиционный потенциал региона формируется под влиянием множества структурообразующих факторов, которые определяют его дальнейшие пути развития (*рис.1*).

Учитывая вышеизложенный подход, переходим к краткой трактовке каждой из этих и других факторов:

1. Природно-географический потенциал представляет совокупность ресурсно-сырьевого потенциала и географического расположения региона. А ресурсно-сырьевой потенциал региона характеризуется как часть совокупности природных ресурсов, которые при данном уровне экономического и технического развития общества и изученности территории могут быть использованы в хозяйственной и иной деятельности человечества в настоящее время и в перспективе. Для оценки ресурсно-сырьевого потенциала региона

наибольший интерес представляют минерально-сырьевые, водные, лесные, растениеводческие ресурсы.

Географическое положение региона во многом определяется наличием у региона выходов к транспортным путям, границ с другими государствами.

На современном этапе экономического развития Республики Таджикистана наиболее инвестиционно-значимым является водный (гидроэнергетика) потенциал.

Важно подчеркнуть, что мощным гидроэнергетическим потенциалом обладают в основном Кыргызстан и Таджикистан. Из общего его объема, на долю Таджикистана приходится около 70%, а на Кыргызстан - 21%. Об обеспеченности этих двух республик водными ресурсами свидетельствует тот факт, что в пределах Таджикистана формируется 43,4% общего стока рек бассейна Аральского моря, в Кыргызстане - 25,1%, тогда, как в Казахстане всего 2,1%, Узбекистане - 9,6%, Туркменистане - 1,2%. [12]

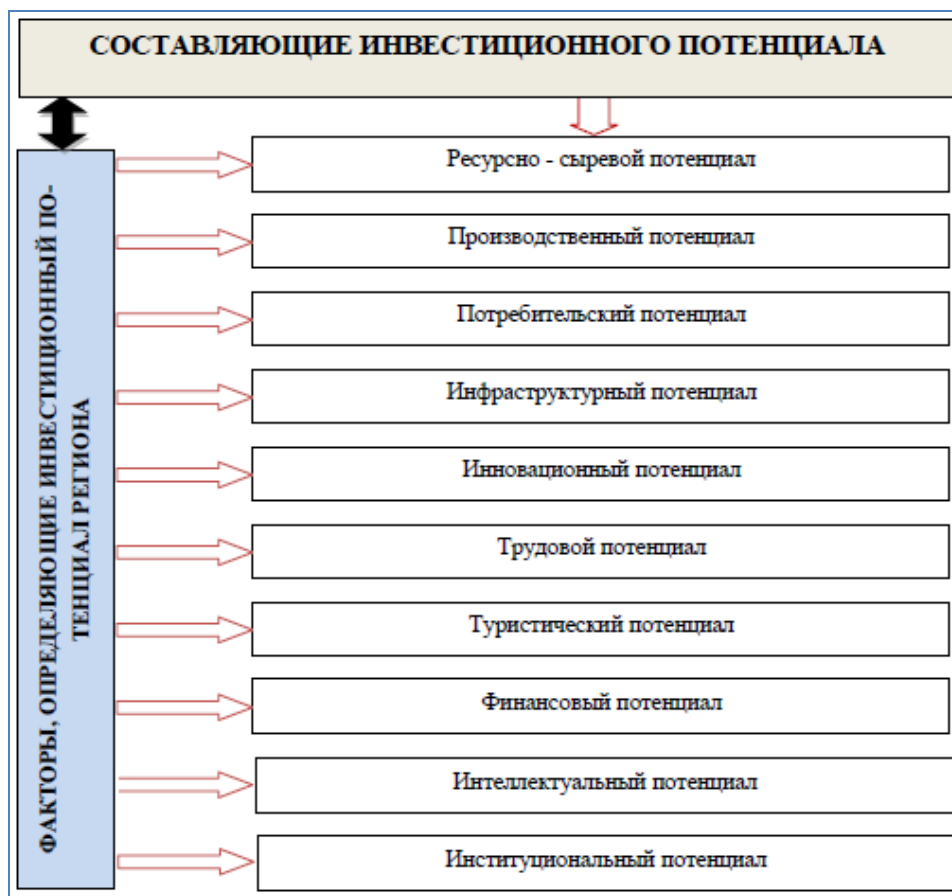

Рис. 1. Состав инвестиционного потенциала региона.

Анализом установлено, что низкий уровень энергетической обеспеченности, а также имеющийся потенциал водных ресурсов обуславливают стремление Таджикистана и Кыргызстана к развитию гидроэнергетики. По данным Программы ООН для экономики Центральной Азии, возобновляемый гидропотенциал в Центральной Азии оценивается в 460 млрд. кВтч/год и в настоящее время используется только на 10% (см.

табл.1.2.2). Основной объем гидропотенциала сконцентрирован в Таджикистане (69%), что обеспечивает ему 8-ое место в мире после Китая, России, США, Бразилии, Заира, Индии и Канады. На долю Кыргызстана приходится 22% регионального гидропотенциала [7, с.42-48].

Таким образом, сведения о гидроэнергетическом потенциале рек Центральной Азии приведены в *табл.1* [7, с.42-48].

Таблица 1

Основные показатели использования водно-энергетического потенциала рек Центральной Азии, 2010 г.

Страны	Установленная мощность ГЭС, МВт	Производство электроэнергии ГЭС (2009г.), млрд.кВт.час	Электрический гидропотенциал, млрд.кВт.ч/год	Использование гидропотенциала, %	Доля в региональном гидропотенциале, %
Таджикистан	4037	16.0	317	5	69
Кыргызстан	2910	11.0	99	11	22
Казахстан	2248	8.0	27	30	6
Узбекистан	1420	7.0	15	47	3
Туркменистан	1	0	2	0	0
Всего	10616	42	460	10	100

Источники: Влияние изменения климата на водные ресурсы в Центральной Азии//Отраслевой обзор, Евразийский Банк Развития.- Алматы, 2009. – С.18; Справочник секретариата Интеграционного Комитета Евразийского экономического сообщества. - М., 2010. - 112 с.

Наряду с этим необходимо отметить, что в настоящее время по регионам Республики Таджикистан за счет государственного бюджета и грантов, а также за счет инвестиции построены и даны в эксплуатацию несколько малых ГЭС, о чем свидетельствуют данные *таблицы 2*.

Таблица 2

Общее количество малых ГЭС в регионах РТ (1991-2013 гг.)

Регионы	Количество электростанций	Установленная мощность, кВт	В том числе:	
			За счет бюджета и грантов	За счет местных инвесторов
Хатлонская область	20	897.5	9	11
Согдская область	76	3502.5	4	72
ГБАО	40	5619	38	2
РРП	93	4428.7	29	64
Всего по Таджикистану	229	14447.7	80	149

Источник: Данные ГКИУГИ РТ (www.gki.tj).

2. Одной из основных составляющих трудового потенциала является демографический потенциал региона. Для потенциального инвестора важной является не только количественная, но и качественная составляющая рабочей

силы. К качественным характеристикам может быть отнесен уровень профессиональной подготовки населения региона и образования, возраст, пол, состояние здоровья.

Трудовой потенциал характеризуется такими показателями, как общая численность работающих, среднемесячная оплата труда, количество безработного населения, занимающегося поисками работы (по данным службы занятости), возрастной состав работающего и безработного населения, с выделением лиц предпенсионного возраста и профессиональный состав безработных. Таким образом, при оценке трудового потенциала региона важным является учет таких факторов как: наличие трудовых ресурсов, профессионально-образовательный уровень трудовых ресурсов, наличие квалифицированной рабочей силы.

В современных условиях наличие достаточно квалифицированных трудовых ресурсов является важным элементом инвестиционной привлекательности государства.

67,5% населения Республики Таджикистана составляют люди моложе 29 лет, так что молодежь Таджикистана станет основной силой в определении экономического будущего и стабильности страны.

Государственная стратегия развития рынка труда Республики Таджикистан до 2020 года и Национальная стратегия трудовой миграции Республики Таджикистан за рубеж на 2010-2015 годы определяют основные направления развития рынка труда и обеспечения занятости.

Вместе с тем, с точки зрения реализации инвестиционной политики повышения инвестиционного потенциала и уровня инвестиционной привлекательности, ключевыми направлениями государственной политики в этом направлении должны стать:

- всемерное развитие кадрового потенциала;
- повышение уровня квалификации кадров;
- создание системы изучения потребностей рынка труда внутри страны с учетом инвестиционной активности экономической деятельности.

3. Производственный потенциал характеризует состояние производственной сферы региона и возможного роста валового регионального продукта (ВРП). Кроме того, некоторые авторы отмечают, что в рамках оценки инвестиционного потенциала региона, производится: оценка производственных мощностей; пригодность их к переоборудованию или использованию для организации производств; определение наличия необходимого для организации производства оборудования; оценка производственной инфраструктуры. [1] Такая оценка позволит определить эффективность использования ресурсов предприятий региона.

4. Инновационный потенциал показывает уровень развития науки и техники и возможности внедрения в производство региона инноваций. В подавляющем большинстве случаев развитие инновационного потенциала превращается в один из наиболее важных элементов воспроизводственного процесса и формирования человеческого капитала.

Многие авторы, в качестве факторов, влияющих на развитие инновационного потенциала региона, выделяют его составляющие. Так, И.В. Татаринцева рассматривает финансовую, научно-техническую, организационную, кадровую, производственно-технологическую, потребительскую факторные переменные, которые отражают элементы инновационного потенциала.

Следует отметить, что в Таджикистане началась реализация Программы инновационного развития на 2011–2020 годы. Однако, необходимые для этого системные диверсификации и реструктуризации национальной экономики практически не начались. До сих пор не сформулировались и важнейшие условия, при которых наука, высшая школа и бизнес-структуры, которые реально могут принять на себя дополнительную модернизационную нагрузку по проведению фундаментальных и прикладных научно-исследовательских работ рынка инноваций и развития инновационной инфраструктуры.

Переход экономики на путь инновационного развития в большей степени зависит от инновационного потенциала, позволяющего модернизировать экономику и обеспечить устойчивый экономический рост страны. Инновационное развитие призвано обеспечить эффективное использование потенциальных возможностей социально-экономического развития. В системе управления социально-экономическими процессами наряду с традиционно основными трудовыми, материальными, финансовыми, организационными ресурсами особое значение приобретают инновационные ресурсы. Поэтому уровень социально-экономического развития страны стал во многом определяться характером реализации инновационного потенциала [9].

5. Институциональный потенциал представляет степень развития ведущих институтов рынка и эффективности их функционирования. От степени развития институтов рынка региона зависит эффективность и надежность обмена на товарном, ресурсном, финансовом и других рынках.

Институциональный потенциал характеризует особенности местного законодательства в области налогообложения, регионального регулирования предпринимательства, наличие специфических региональных норм и правил, протекционизм местного предпринимательства. [1]

Поэтому особую значимость приобретает оценка процесса формирования институционального потенциала и его важнейших направлений: 1) защита прав собственности и совершенствование корпоративного управления; 2) выравнивание условий конкуренции, дерегулирование экономики; 3) улучшение информационного обеспечения бизнеса; 4) реформирование бухгалтерского учета и статистики. Они направлены на стимулирование инвестиционной активности и формирования институционального потенциала экономики.

6. Другим важным фактором развития инвестиционного потенциала региональной экономики является производственная инфраструктура. Инфраструктурный потенциал характеризуется экономико-географическим положением региона и его инфраструктурной обеспеченностью. Например, за

последние десять лет для вывода страны из коммуникационного тупика и выхода на мировые морские порты было реализовано 23 государственных инвестиционных проектов на общую сумму около 3,2 млрд. сомони. В результате были реконструированы и построены 1650 км автомобильных дорог, построены и сданы в эксплуатацию 109 мостов и 27 км туннелей. Сейчас в сфере транспорта реализуются 11 государственных инвестиционных проектов на общую сумму 5,5 млрд. сомони [13]. В 4 регионах Таджикистана для привлечения инвесторов созданы свободные экономические зоны («Сугд», «Панч», «Дангара» и «Ишкашим»).

Другим примером служит то, что в последние годы общая ситуация постепенно улучшается из-за увеличения финансирования на содержание и ремонт автомобильных дорог. Это позволило увеличить объемы перевозок, в среднем на 6,7 % ежегодно. Таким образом, успешные примеры инвестирования наблюдаются в следующих проектах:

- проект строительства автодороги «Душанбе-Дангара» и «Душанбе граница Узбекистан» совместно с Эксимбанком КНР на сумму 552,17 млн. долл. США;
- проект строительства автодороги «Душанбе граница Узбекистан» совместно с Азиатским банком развития на сумму 131,2 млн. долл. США;
- проект строительства автодороги «Душанбе граница Кыргызстан» совместно с Азиатским банком развития на сумму 76,5 млн. долл. США;
- проект строительства автодороги «Куляб – Калаи - Хумб» совместно с Саудовским Фондом Развития, Фондом ОПЕК, Исламским Банком Развития и Кувейтским Фондом Развития на сумму 115 млн. долл. США.

Анализ инфраструктурного потенциала региона показал, что он во многом зависит от экономико-географического положения региона; территориального размещения региона (близость к внешним границам, регионам-поставщикам и регионам-потребителям); инфраструктурной освоенности, обустроенности и обеспеченности региона; развития системы коммуникаций на данной территории.

7. В рамках финансового потенциала определяется удельный вес прибыльных и убыточных организаций в регионе, осуществляется учет уровня прибыльности организаций, от которого зависит объем налоговой базы региона, что определяет доходную составляющую регионального бюджета. Финансовый потенциал определяет возможность развития социального сектора, инфраструктуры региона, социальную стабильность. Критериями финансового потенциала являются: 1) объем кредитов, выданных коммерческими банками субъектам предпринимательской деятельности; 2) объем депозитов населения в национальной валюте; 3) объем депозитов населения в иностранной валюте; 4) объем депозитов юридических лиц в национальной валюте; 5) объем депозитов юридических лиц в иностранной валюте; 6) удельный вес долгосрочных кредитов банковской системы.

Так, обращая внимание на кредиты, выданные в регионах Таджикистана кредитными организациями (*табл. 3*), то заметное улучшение наблюдается в

2014 г. по сравнению с 2009 г., т.е. к базисному периоду по республике увеличился объем кредитование на 289,6% или же на 2,9 раза. Лидирующие позиции среди всех регионов занимают г. Душанбе, Согдийская и Хатлонская области.

Таблица 3

Кредиты, выданные кредитными организациями в разрезе регионов Таджикистана за период 2009-2014 гг., млн. сомони.

Регионы	Год						2014/2009, раз
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	
ГБАО	63.7	81.6	90.6	105.7	154.7	216.4	3.40
РРП	690.8	858.1	848.7	1011.5	1191.8	1275	1.85
Хатлонская область	649	546.2	854.7	1086	1406.4	2075.8	3.20
Согдийская область	1052.3	954.6	1417.8	1631.1	2317.9	3107.4	2.95
г.Душанбе	1749.9	3103.3	3283.6	3178.8	3796.5	5504	3.15
Всего по Таджикистану	4205.7	5543.8	6495.4	7013.1	8867.3	12178.6	2.90
в % к базису (2009г.)	100	131.82	154.44	166.75	210.84	289.57	

Составлено по: Банковский статистический бюллетень //Официальное издание. – Душанбе, НБТ, 2015. - № 4(237).

8. Совокупная покупательная способность населения региона характеризуется потребительским потенциалом. Этот потенциал региона представляет сумму денежных средств населения, которые оно может направить на приобретение товаров и услуг на настоящий момент времени. Структура платежеспособного спроса положительно коррелирована с источниками формирования доходов населения: заработной платой, дивидендами, рентными платежами, субсидиями.

9. Интеллектуальный потенциал, в рамках которого определяется образовательный уровень населения.

На фоне многообразия существующих толкований представляет практический интерес определение интеллектуального потенциала региона как системной совокупности образовательного, научного, инновационного и культурного потенциалов, исторически обусловленных экономическими, социальными, политическими, культурными и т.д. факторами развития региона [10].

10. Туристический потенциал региона определяется степенью его привлекательности для туризма, обусловливаемой рядом факторов, таких как географическое положение, наличие развитой инфраструктуры, рекреационных ресурсов и др.

Таким образом, инвестиционный потенциал региона складывается под влиянием факторов, оценка и анализ которых позволит уточнить направления и пути развития инвестиционного потенциала и инвестиционной привлекательности. Инвестиционная привлекательность независима от

значения неизменных факторов, в том случае, если изменяемые факторы улучшаются. Следовательно, в основе инвестиционной политики территории должны лежать методы комплексного учета и оценки, составляющих инвестиционный потенциал.

Основные факторы, влияющие на инвестиционное развитие и потенциал региона, приведены в составленной нами *Схеме 1*.

Схема 1. Основные факторы развития инвестиционного потенциала региона.

Создавать и усовершенствовать все факторы в регионе невозможно. Отсюда следует выбрать наиболее эффективные факторы для формирования и развития инвестиционного потенциала.

Рассмотрев множества факторов, влияющих на инвестиционный потенциал, следует отметить, что только при детальном изучении каждого из факторов, влияющих на инвестиционный потенциал региона, можно достичь его устойчивого инвестиционного развития.

Список литературы:

1. Асаул А.Н., Карпов Б.М., Перевязкин В.Б., Старовойтов М.К. Модернизация экономики на основе технологических инноваций. - СПб: АНО ИПЭВ, 2008. - 606 с.
2. Банковский статистический бюллетень//Официальное издание. –Душанбе, НБТ, 2015. - № 4(237).
3. Зенченко С.В., Шемёткина М.А. Инвестиционный потенциал региона//Сборник научных трудов СевКавГТУ. Серия «Экономика». 2007. №6.
4. Зоидов К.Х., Махмудова Л.Ш. Особенности трансформационного кризиса и проблемы формирования бизнесориентированной рыночной экономики в Республике Таджикистан. - М.: ИПР РАН, 1999. 206 с.
5. Зоидов К.Х., Зоидов З.К. Ретроспективный анализ и прогнозирование циклических колебаний макроэкономической динамики Республики Таджикистан на основе эконометрических методов. - М.: ЦЭМИ РАН, 2012. 341 с.

6. Зоидов К.Х., Медков А.А., Зоидов З.К. Развитие транзитной экономики – основа стабильности, безопасности и модернизации России и стран Центральной Азии / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. - М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. 339 с.
7. Исайнов Х.Р. Водно-энергетический потенциал Центральной Азии: Тенденции, проблемы и перспективы развития//Вестник Таджикского национального университета. Серия экономических наук. - Душанбе: «СИНО», 2014.- №2/1(127).- С.42-48.
8. Ковалев В.В., Иванов В.В., Лялин В.А. Инвестиции: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2010. – 592 с
9. Комилов С.Дж., Файзуллоев М.К. Оценка инновационного потенциала социально-экономического развития региона//Проблемы современной экономики, №3 (47), 2013. - С.369-373. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://m-esonomy.ru/art.php?nArtId=4705>
10. Максименко И. И. Управление интеллектуальным потенциалом региона // Автореф. дис. к-та экон. наук: 08.00.05. – Пермь, - 2010.
11. Официальный сайт Государственного комитета по инвестициям и управлению имуществом Республики Таджикистан//www.gki.tj
12. Павлов А.А. Политические проблемы энергетического сотрудничества России со странами Центрально-Азиатского региона // Автореф. канд. дис. полит.наук, - СПб., 2011. - 24 с.
13. Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 26.04.2013г.//www.president.tj
14. Русавская А.В. Инвестиции и инвестиционный потенциал региона [Электронный ресурс] // Финансы и кредит | (37) УЭКС, 1/2012. Режим доступа: <http://www.uecs.ru>
15. Ткаченко И.Ю., Малых Н.И. Инвестиции: учеб. пособие для студентов ВУЗов. - М.: Издательский центр «Академия», 2009. 240 с.
16. Юсупова Л.М. Инвестиционный потенциал региона: сущность и факторы // Современные исследования социальных проблем (Электронный научный журнал). 2012. №9 (17).

МЕТОДОЛОГИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Кочурова Лидия Ивановна - к.э.н., доцент Кемеровского института (филиала) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

***Аннотация.** Об инновационной направленности российской экономики говорят уже не один год. Распоряжением Правительства от 17.11.2008 г. № 1662-р утверждена «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020г.» В ней обоснована необходимость перехода к инновационной экономике. Однако декларирование исключительной роли инновации на уровне законодательной и исполнительной ветвей власти не приведет к экономике знаний, если нет даже понимания термина «инновация».*

***Ключевые слова:** инновационная экономика, технологический процесс, инновационная модель.*

1. Что такое инновация?

Современный экономический словарь объясняет инновацию как нововведение в области техники, технологии, организации труда и управления, основанное на достижениях науки, а также использование новшеств в разных

областях и сферах деятельности⁹³. В Большом экономическом словаре под редакцией А. Н. Азрилияна⁹⁴ и Большом экономическом словаре А. Б. Борисова⁹⁵ инновация определена: 1-я интерпретация – вложение средств в экономику, обеспечивающую смену поколений техники и технологии; 2-я интерпретация – новая техника, технология, являющаяся результатом достижений научно-технического прогресса. Как первая, так и вторая интерпретации основываются на переводе от латинского *innovatio* – обновление. Термин «новация» вообще представлен неэкономическим⁹⁶. В Российском торгово-экономическом словаре термину «инновация» объяснения нет⁹⁷. Энциклопедический словарь «Экономика» истолковывает инновацию как вложение средств в новую технику, технологию, а также новые формы труда и управления⁹⁸.

Самое верное объяснение происхождению термина «инновация» дает современный словарь иностранных слов: «in – от лат. внутри; novatio – от лат. обновление»⁹⁹, что означает обновление, которое исходит из внутренней потребности. Инновации свойственно использование достижений науки не разовыми внедрениями новаций и не кампаниями, а непрерывное. Для инновации характерны два элемента: обновление и непрерывность. Следовательно, под термином «инновация» следует понимать деятельность, связанную с непрерывным обновлением техники и технологий. Непрерывно обновляющийся технологический процесс, обусловленный внутренней потребностью предприятий, и есть инновационный.

Заведующий лабораторией ИПР РАН К.Х. Зоидов определяет инновационную экономику не как просто экономику, использующую для своего развития разнообразные инновации, т.е. научно-технические, предпринимательские и социально-экономические новшества. Он говорит, что инновационная экономика – это экономика, всецело базирующаяся на инновациях, ставящая осознанной целью своего развития опередить всех возможных конкурентов в свете инноваций, экономическая система, эволюция которой направляется государством в сторону опережающего порождения и

⁹³ Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. – М.: Инфра-М, 1999. – С. 136.

⁹⁴ Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. – 5-е изд. доп. и перераб. – М.: Институт новой экономики, 2002. – С. 317.

⁹⁵ Большой экономический словарь / под ред. А. Б. Борисова. – М.: Книжный мир, 2006. – С. 283.

⁹⁶ Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. – 5-е изд. доп. и перераб. – М.: Институт новой экономики, 2002. – С. 541.

⁹⁷ Российский торгово-экономический словарь / под ред. С. Н. Бабурина. – М.: Экономистъ, 2005. – С. 525.

⁹⁸ Экономика: энциклопедический словарь / В. Г. Золотогор. – Минск: Книжный Дом, 2004. – С. 176.

⁹⁹ Современный словарь иностранных слов / под ред. Л. Н. Комарова. – М.: Русский язык, 2001. – С. 48.

использования инноваций, причем последние становятся наивысшим приоритетом государственной экономической политики¹⁰⁰.

Экс-министр образования и науки А. Фурсенко обещал внести определение термина «инновация» «в специальный закон, а также в закон о науке»¹⁰¹. Регламентировать законом то, что должно быть в движении, значит, превратить научный поиск и творческую мысль в застывшую форму, задержать или остановить применение науки в экономической практике. Это только забюрократизирует инновационную политику. Инновация – деятельность всеобъемлющая, реагирующая на каждое новое знание.

Растущий интерес российских властных структур к зарубежному опыту не выведет страну на инновационный путь развития, потому что за рубежом нет методологического решения этой проблемы. Там другие финансовые возможности, сложившиеся благодаря политике завоеваний в прошлом, соответственно, и другие условия, предпосланные улучшению технологий. Зарубежные компании тоже нуждаются в научном подходе к инновации.

Для хозяйственной практики необходимо, чтобы предприятия пребывали в ситуации, когда невозможно не обновлять технологии. Тогда производство само будет тянуться к непрерывным новациям, ощущая потребность в них. В известном письме к В. Боргиусу в 1894 г. Ф. Энгельс писал: «Если у общества появляется техническая потребность, то это продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов»¹⁰².

2. Инновационной экономике нужна инновационная модель

Инновационная модель создаст инновационную среду, которая потребует непрерывного обновления технологий. Инновационную среду можно сформировать только адекватной рынку экономической моделью. ***Пока не будет заложена инновационная основа в модели экономики предприятия, никакие программы не помогут. Проблему нужно решать методологически.*** Такую модель автор предлагает в своей монографии «Инновационная модель государственного управления национальной экономикой на принципах

¹⁰⁰ Зоидов К.Х. Инновационная экономика: опыт, проблемы, пути формирования. – М.: ИПР РАН, 2006. – 168 с. Зоидов К.Х., Дурандин О.Г. К проблеме формирования инновационной экономики в странах постсоветского пространства в условиях модернизации. Часть I. // Региональные проблемы преобразования экономики, 2011.-. № 4. – С. 277 – 288. Зоидов К.Х., Дурандин О.Г. К проблеме формирования инновационной экономики в странах постсоветского пространства в условиях модернизации. Часть II. // Региональные проблемы преобразования экономики, 2012.-. № 1. – С. 271 – 281. Зоидов К.Х., Дурандин О.Г. К проблеме формирования инновационной экономики в странах постсоветского пространства в условиях модернизации. Часть III. // Региональные проблемы преобразования экономики, 2012.-. № 3. - С. 286-295.

¹⁰¹ Москвин В. А. Управление качеством в бизнесе: рекомендации для руководителей предприятий, банков и риск-менеджеров. – М.: Финансы и статистика, 2006. – С. 86.

¹⁰² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 39. – С. 174.

развитого рынка»¹⁰³ – **модель инновационно-воспроизводственных издержек предприятия (ИВИП)**. С помощью согласованной с законами рынка модели ИВИП удастся создать в предприятиях условия, способствующие работе по передовым технологиям на основе самоинвестирования и саморазвития. Только таким образом Россия сможет отстоять внутренний рынок для отечественного производителя и рассчитывать на достойное место в мировой экономике.

Модель ИВИП включает два элемента: себестоимость и инновационную часть рыночной прибыли (ФИИ). На основе ИВИП определяется совокупная производительность труда предприятий (СПТП). Работая по модели ИВИП, предприятия будут заинтересованы в формировании реальных издержек, в том числе и в начислении реальной амортизации, что найдет отражение на совокупной производительности труда предприятия (СПТП). Когда СПТП будет повышаться, ИВИП будет снижаться.

Темп снижения ИВИП покажет подлинный темп роста производительности труда. Снижение ИВИП будет сопровождаться снижением оптовых, а затем и розничных цен. В экономическом пространстве модели ИВИП обновление технологий будет саморегулироваться и исключит злоупотребления. ФИИ и модель ИВИП созданы автором на основе учения К. Маркса. Формирование модели, ее апробация на материалах торгового предприятия и особенности применения в производственных отраслях представлены в разделе 3 монографии.

В модели экономики предприятия – **ИВИП** заложен механизм обеспечения условий непрерывного обновления технологий. **Основу такого механизма в свое время совершенно точно определил К. Маркс – это амортизация. Но для того, чтобы включить амортизацию в модель, нужно через амортизационные отчисления просматривать состояние экономики основных фондов. Сегодня этого не происходит. Амортизация начисляется по нормам, а она должна быть зависимой от степени эффективности эксплуатации основных фондов – труда, «накопленного в его условиях производства»¹⁰⁴, – так считал К. Маркс.**

Амортизацию должны начислять сами предприятия в зависимости от того, как эксплуатируются основные фонды. По методологии автора начисление амортизации будет сопровождаться созданием в прибыли предприятия специального фонда денежных средств на инновационное развитие. Инновация станет нормой жизни. Остановимся на сущности амортизации.

3. Амортизация – основная категория инновационной экономики

В современной экономической практике амортизация – перенесенная на себестоимость готовой продукции стоимость средств труда, в то время как эта категория многогранная. В ней находят свое проявление функции: затратная,

¹⁰³ Кочурова Л.И. Инновационная модель государственного управления национальной экономикой на принципах развитого рынка. – Научное издание. Кемерово, «Куэбасвуиздат», 2015. – С. 106-164.

¹⁰⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 26, ч. III. – С. 72.

ресурсная, накопительная, инвестиционная, воспроизводственная. У амортизации богатая палитра возможностей для инновационной экономики, поскольку она производная от стоимости основных фондов – главного ресурса, определяющего технологическую структуру предприятия и уровень культуры труда. Но, пока экономическая наука не предложила хозяйственной практике модель экономики предприятия, с помощью которой можно было бы правильно управлять амортизацией. Научное сообщество находится в непрерывных поисках инновационного механизма. «Ключевые тенденции современной экономики подтверждают фундаментальный прогноз К. Маркса относительно превращения науки в непосредственную производительную силу»¹⁰⁵.

Мировая экономика уже два столетия идет к формированию у предприятий фонда денежных средств на инновационное развитие в размере амортизации.

Первый шаг в научном подходе к этой проблеме сделал К. Маркс в XIX веке (Экономические рукописи 1857-1859гг.). Источник средств на «технологическое применение науки в производстве» он увидел в прибыли, а размер финансовых ресурсов на обновление – в амортизационных отчислениях. На основе амортизационных отчислений он пытался определить «прибыль у производства», которую причислял к издержкам производства. «Что под издержками производства подразумевается не сумма стоимостей, вступающих в производство, подразумевается даже и теми экономистами, которые на словах сводят дело к этой сумме»¹⁰⁶.

Второй шаг сделали европейские ученые в XX веке. Источником средств на технологическое обновление они тоже признали прибыль, а размер средств на инновации – амортизацию и предложили освободить часть прибыли в размере начисленной амортизации от налогообложения. Таким образом, они подтвердили гипотезу К. Маркса об амортизации как категории формирования средств на обновление основных фондов предприятий, но инновационную модель не сформировали. В странах Запада эта проблема не получила научного завершения.

Из-за отставания науки практика вынуждена идти своим эмпирическим путем, который нашел отражение в законодательстве США и Европы. В США «износ основных средств» назвали «аккумулятивной (накопленной) амортизацией»¹⁰⁷. Федерация европейских бухгалтеров (FEE) освобождает прибыль в размере амортизации от налогообложения¹⁰⁸, причисляя ее к издержкам производства. И те, и другие пытаются на основе амортизации сформировать в прибыли средства на непрерывное обновление технологий.

¹⁰⁵ Вишневикий В. Теория стоимости в экономической науке // Экономист. – 2007. – № 5. – С. 44.

¹⁰⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 46, ч. I. – С. 272.

¹⁰⁷ Новодворский В. Д., Хорин А. Н. О новых подходах к методам амортизации основных средств // Бухгалтерский учет. – 1996. – № 7. – С. 37.

¹⁰⁸ Гоголев А. К. Проблемы амортизации в условиях инфляции // Бухгалтерский учет. – 1996. – № 10. – С. 74.

Своими действиями западные экономисты невольно подтверждают правильность размышлений К. Маркса. Но, несмотря на это, ни на Западе, ни в России амортизация пока не выполняет инновационную миссию. На решение инновационных задач инструмент амортизационных отчислений не направлен, поэтому хозяйственная практика не предрасположена к инновационным начинаниям. Предприятия располагают оборудованием, а улучшает ли оно их экономику, или нет и в какой мере, определить невозможно.

Существующие показатели: фондоотдача, рентабельность и др. не дают объективной оценки экономическому состоянию основных фондов: в них велико влияние нетрудовых и инфляционных факторов. По-прежнему остался без решения такой важный вопрос, как использование амортизационных отчислений в качестве временного источника собственных оборотных средств. Не говоря уже о том, чтобы рассматривать амортизационные отчисления как неотъемлемую от экономики предприятия часть его инновационных ресурсов. А это главное.

В экономической практике России и других стран «направление фонда амортизации на расширенное воспроизводство ограничено как во времени, так и по объему»¹⁰⁹, только в различной степени. ***Свободный маневр амортизацией отсутствует.*** Не подтвердила практической значимости и ускоренная амортизация, потому как вслед за ее внедрением начинались злоупотребления – ускоренная амортизация начислялась, а основные фонды продавались по ценам, которые складывались под влиянием конъюнктуры рынка. Термином «ускоренная амортизация» К. Маркс не пользовался. Этот термин пришел в экономику относительно недавно. Ускоренная амортизация устанавливается административным путем и не отражает действительную эффективность использования основных фондов. Поэтому ее нельзя выводить на экономический результат предприятий – он будет неверным.

Главным недостатком сложившегося подхода к амортизации во всем мире является то, что она трактуется как затратная категория. В основе начисления амортизации лежит списание стоимости амортизируемого объекта, а инновационная экономика предполагает научный подход к амортизации. ***Определение размера амортизации должно быть прерогативой предприятий, а не государственного аппарата управления. Никакие нормы и ограничения на этот счет не имеют экономического смысла.***

Основное требование к амортизации состоит в том, чтобы она реально отражала использование средств труда с учетом физического и морального износа. Ее должны начислять сами предприятия в зависимости от того, с какой эффективностью работают основные фонды, а не от того, как этот вопрос будет решен чиновниками.

Амортизация должна служить самоуправлению на новейшей технологической основе. Каким бы современным ни выглядело предприятие

¹⁰⁹ Иванченко В., Фокин Ю. Фонд амортизации: вопросы формирования и использования // Экономист. – 1997. – № 2. – С. 30.

при вводе в эксплуатацию, оно рискует отстать от жизни, если не будет непрерывно обновлять технологии. Процесс технического обновления не должен прерываться ни на один день, и ни на один час. Именно такой должна быть инновационная экономика. Однако наука еще не предложила способ начисления реальной амортизации.

Чтобы начислять реальную амортизацию, нужна адекватная развитому рынку инновационная модель экономики предприятия, в пределах которой предприятиям будет невыгодна ни завышенная, ни заниженная амортизация. Такая модель создана автором и предложена для внедрения в хозяйственную практику¹¹⁰.

В экономическом пространстве предприятия, сформированном предложенной моделью, обновление технологий будет саморегулироваться в форме самонастройки и самоорганизации под влиянием закона стоимости и совокупной производительности труда предприятия. Метод измерения совокупной производительности труда автор также предлагает в своей монографии¹¹¹. Саморегулирование исключит злоупотребления, поскольку модель изначально согласована с законами рынка. Начисление амортизации будет сопровождаться созданием в прибыли предприятия специального фонда денежных средств на инновационное развитие, который назван фондом инновационных издержек (ФИИ). Фонд инновационных издержек (ФИИ) представлен в разделах 3.1., 3.2 монографии и обозначен инновационной частью прибыли.

4. Назначение прибыли в инновационном механизме

На протяжении довольно длительной истории ученые пытались создать в прибыли предприятий источник для обновления технологий, и все невольно следовали логике К. Маркса. К. Маркс был прав, мировая практика это подтверждает. В странах Запада государство позволяет предпринимателям уменьшать прибыль, подлежащую налогообложению на сумму начисленной амортизации, стимулируя тем самым внедрение новой техники и технологии. Метод не научный, но наукоощущение присутствует. Обновлять основные фонды действительно призвана прибыль, полученная от роста совокупной производительности труда предприятия. Но пока она эту функцию не выполняет, поскольку в мире нет адекватного метода измерения производительность труда.

Для науки прибыль самая неисследованная категория. Она определяется как разница между доходами и расходами, также как это было в далеком прошлом. Составные элементы прибыли, их источники и назначение наукой так и не обозначены. В разделах 3.2., 3.3. монографии автор представляет

¹¹⁰ Кочурова Л.И. Инновационная модель государственного управления национальной экономикой на принципах развитого рынка. – Научное издание. Кемерово, «Куэбассвуиздат», 2015. – С. 106-125.

¹¹¹ Там же. – С. 142 -153

составные элементы прибыли, их источники, назначение, предлагает метод измерения совокупной производительности труда предприятий (СПТП) с учетом производительной части прибыли и научный подход к государственному управлению рыночной прибылью предприятий.

Передовые страны, хотя и интуитивно, но уже подошли к тому, что часть прибыли предприятия в размере амортизации не должна облагаться налогом. В США задались целью «опустить на микроэкономический уровень проблемы оценки сроков экономической службы основного капитала»¹¹². Начинания Запада в решении проблемы инновационной миссии амортизации на верном пути, но научного завершения они не получили.

5. Запад предлагает показатель «ЕВITDA»

Продуктом поиска инновационной основы в западных странах явился показатель ЕВITDA. Он стал популяризоваться в 1980-х годах – в эпоху расширения сферы влияния на мировую экономику крупных транснациональных корпораций. Секрет популярности ЕВITDA в том, что он включает в себя амортизацию. То, что страны Запада делают ставку на амортизацию, это правильно. Единственное преимущество, благодаря которому показатель ЕВITDA получил широкое применение в том, что он включает в себя амортизационные отчисления. Это доказывает, что Запад признает амортизацию в качестве реального источника средств для обновления производственных фондов, но формирует и использует амортизацию не научно.

Ненаучный подход к формированию показателя ЕВITDA заключается в том, что ЕВITDA искажает истинную экономику предприятия, так как определяется путем прибавления суммы начисленной за отчетный период амортизации к прибыли от продаж. В этом кроется главная опасность использования показателя ЕВITDA в хозяйственной практике, поскольку в прибыль от продаж входят и рентные, и конъюнктурные доходы, которые не имеют ничего общего с хозяйственной деятельностью предприятия. Конъюнктурно-рентная часть прибыли предприятия – это национальное достояние.

Известнейший американский инвестор Уоррен Баффет констатирует, что из-за показателя ЕВITDA «инвестиционная деятельность компании остается практически без внимания». Это еще раз подтверждает, что ЕВITDA не выполняет инновационную функцию. Инновационная часть прибыли должна быть не за пределами прибыли от продаж, а в ее составе в качестве инновационной составляющей общей прибыли предприятия. К. Маркс не случайно считал часть рыночной прибыли в размере амортизации «прибылью у производства» и причислял эту часть прибыли предприятия к издержкам производства. Не случайно и «принятая в Европе налоговая концепция методологии бухгалтерского учета определяет амортизацию как часть прибыли,

¹¹² Новодворский В. Д., Хорин А. Н. О новых подходах к методам амортизации основных средств // Бухгалтерский учет. – 1996. – № 7. – С. 40.

свободную от налогов»¹¹³. Этим самым Федерация европейских бухгалтеров (FEE) тоже причисляет часть прибыли в размере амортизации к инновационным издержкам производства.

Как видим, потребность хозяйственной практики в обновлении технологий привела к необходимости трансформации части рыночной прибыли в размере амортизации в инновационные издержки и освобождения этой части прибыли от налогообложения, но EBITDA искажает этот процесс.

Огромный вред обществу несет EBITDA тем, что не позволяет увидеть реальный финансовый результат предприятий, потому как рыночная прибыль не является достижением деятельности предприятий. В рыночную прибыль кроме инновационной составляющей и части прибыли, полученной от роста совокупной производительности труда предприятий (СПТП) входит и прибыль от нетрудовых доходов – конъюнктурно-рентных, в то время как реальным результатом работы предприятий является только прибыль от роста совокупной производительности труда (СПТП).

В настоящее время ни одно государство не располагает достоверной информацией о росте производительности труда предприятий. Это позволяет особенно крупному корпоративному и транснациональному бизнесу сознательно манипулировать нереальным экономическим результатом в своих интересах. История знает немало примеров банкротств или взлета компаний, руководители которых ошибочно или по злему умыслу приукрашивали финансовые результаты, опираясь на показатель EBITDA.

Как уже отмечено выше, ни рентные, ни конъюнктурные доходы не имеют никакого отношения к деятельности предприятия, они являются национальным достоянием. По сути, олигархическим бизнесом присваивается государственная собственность. Государство, не располагая достоверной информацией, не может поставить предприятия в условия, в которых достижением и достоянием предприятий была бы прибыль, полученная от собственной деятельности – от роста производительности труда. Нет науки.

Проблемы с использованием показателя EBITDA сопровождаются неадекватным бухгалтерским учетом. Те правила, которые заложены в бухгалтерском учете в настоящее время, исходят из отсутствия инновационной модели и недостатков в построении национальных рыночных экономик – и Закон «О бухгалтерском учете», и Положение по ведению бухгалтерского учета, и План счетов бухгалтерского учета, и Учетная политика предприятия. Когда появится согласованная с законами рынка инновационная модель экономики предприятия и усовершенствуется национальная рыночная модель, хозяйственной практике потребуются новые правила ведения бухгалтерского учета. А пока EBITDA – удобный инструмент для передела собственности, так как приносит колоссальные доходы новому собственнику.

Недостаток показателя EBITDA и в том, что он пригоден только для сравнения результатов деятельности предприятий, работающих в одной

¹¹³ Гоголев А. К. Проблемы амортизации в условиях инфляции // Бухгалтерский учет. – 1996. – № 10. – С. 74.

отрасли и в одинаковых условиях. Он является спорным показателем не только по формированию, но и с точки зрения обоснованности его применения. В показателе EBITDA отражаются противоречия между неправильно построенной экономикой и неадекватным бухгалтерским учетом. Поэтому его много критиковали и критикуют. Так что России показатель EBITDA совершенно не нужен. Кроме путаницы в экономике он ничего не принесет. Однако Россия по инерции копирует западные механизмы. Почему?

В России принято считать западные страны развитыми, хотя развитого рынка там нет. Обеспеченная и комфортная жизнь в этих странах достигнута вовсе не экономическими успехами, а политикой завоеваний и колониальной стратегией. Запад сам нуждается в уточнении знаний о рынке и качественно новых механизмах созидания. Научное сообщество западных стран не может понять, что *начисленная амортизация – составная часть себестоимости, а инновационная амортизация – составная часть прибыли предприятия. По размеру они не отличаются, они отличаются по назначению.*

6. Строительство инновационной экономики – прерогатива государственного аппарата управления

Сегодня ни одна страна не осмысливает современную ситуацию и не подозревает о том, что попала под власть олигархического и транснационального капитала. Если не остановить эту тенденцию научным подходом к управлению национальной экономикой, то мир со временем придет к неполноценному устройству стран и превращению их в обезличенные бессубъектные пространства с искусственно обустроенной гиперэлектронной цивилизацией.

Та же участь ждет и Россию. К ней успешно подбирается иностранный олигархический бизнес. ТНК доминируют почти во всех регионах российского рынка *и, как ни странно, при поддержке российского государственного аппарата управления.* «Никто и никогда не будет обогащать и развивать извне Россию, вкладывать капиталы и новейшие технологии в ее творческую потенцию. Интерес к России лишь эксплуатационный, о чем говорит и непрерывный откатный поток материальных и финансовых ресурсов за рубеж»¹¹⁴.

Для России опасен как иностранный олигархический бизнес, так и отечественный. Под влиянием олигархических компаний законы рынка работают на глобальном уровне в ущерб национальным интересам. Обезопасить Россию может только незамедлительное строительство инновационной экономики и государственное управление национальным рынком. Необходимо, чтобы Россия была не объектом глобальных интересов, а полноценным субъектом мирового рынка. Другого пути нет. Не помогут, ни

¹¹⁴ Международная научная конференция – Малый университетский форум «Глобальное и национальное в экономике», проведенная под эгидой Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 25–27 февраля 2004 г. в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова.

пограничный контроль, ни ядерно-ракетный щит. Олигархические корпорации-гиганты изнутри подорвут российскую экономику.

В строительстве инновационной экономики объектом для апробаций нужно взять государственные предприятия. Пока они являются государственными только *«по названию»*. Государство практически не управляет ими, не планирует и не контролирует их деятельность. Госкорпорации обладают фактически полной экономической свободой, безконтрольно и безответственно расходуют средства государственного бюджета, извлекают прибыль для узкой группы лиц и аффилированных частных структур»¹¹⁵.

Государство не видит ни производительность труда, ни инновационную составляющую прибыли, ни конъюнктурно-рентную часть прибыли, поэтому не может направить национальную долю рыночной прибыли предприятий в государственный бюджет. И как результат – вместо того, чтобы строить инновационную экономику, государство уходит от нее, отдавая предприятия в частную собственность. ***Не приватизацией государственных корпораций нужно увеличивать доходы государственного бюджета, а научной организацией их деятельности адекватно рынку.***

Это заблуждение, что рынок нужно строить на частной собственности. Частная собственность появилась на Земле более двух тысячелетий назад и превратилась в социальную силу. Поиск форм организации и управления трудом в условиях низкого уровня развития производительных сил и отсутствия необходимых экономических знаний привел человечество к частной собственности. На рынке подчиняться нужно не собственнику, а экономическим законам, изменить которые никто не в силах.

Главный закон рынка – закон стоимости. Он должен быть ориентиром в строительстве инновационной экономики, поскольку ему подчиняются все остальные экономические законы. «Закон стоимости – это объективный экономический закон. Он не зависит от воли и сознания человека»¹¹⁶, а рынок – это тип производственных отношений, основанных на стоимостном обмене. В стоимости «осуществляется определяющее действие производительной силы труда»¹¹⁷. «Понятие стоимости в ее материальной определенности у Маркса есть не что иное, как экономическое выражение того факта, что общественная производительная сила труда есть основа хозяйственного бытия»¹¹⁸.

Все решает производительность! Когда производительность труда находится на общественно необходимом уровне, то цены близки к стоимости. На рынке все спокойно. Нет инфляции или она минимальна, безболезненна для общества. Так происходит «молчание» законов, когда их требования учтены на

¹¹⁵ Вечканов Г. Планирование как система и метод управления. // Экономист. – 2012, № 12. – С. 11.

¹¹⁶ Мацкуляк И.Д. О деньгах и денежных отношениях // Финансовая экономика. – 2014, № 1 – С. 23.

¹¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 25, ч. II. – С. 468.

¹¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 25, ч. II. – С. 468.

стадиях создания и обращения товаров. В инновационной экономике этого можно достичь только государственным управлением. В разделе 4 монографии¹¹⁹ автор предлагает методологию государственного регулирования инновационной экономики на национальном уровне с помощью Центра мониторинга и информации о товарах (ЦМИТа) и управляющих параметров.

Настоящий – развитый рынок возможен только на основе государственной собственности, потому что работу государственных корпораций можно изначально согласовать с законами рынка. На базе частных корпораций такой возможности нет. У частного предприятия на первом плане рыночная прибыль любой ценой и, как правило, не за счет производительности, а за счет рентных и конъюнктурных доходов. Современная экономика складывается самим рынком, а инновационная экономика должна строиться государством и с учетом законов рынка.

Инновационная экономика не может быть объектом работы самого рынка. Инновационная экономика – это сознательно согласованная с законами рынка экономика, которая должна опираться на производительность труда. Именно в производительности труда резерв повышения уровня жизни и освобождения труда. Но, прежде всего, нужно правильно ее измерить.

В монографии, в разделе 3.3.¹²⁰ автор представляет адекватный развитому рынку метод измерения совокупной производительности труда предприятий и предлагает его для строительства инновационной экономики. В этом же разделе автор предлагает метод оценки финансового результата предприятий по производительности труда и рекомендует его для внедрения в хозяйственную практику. Апробация методологии инновационной экономики на материалах предприятия наглядно иллюстрируется рисунками.

В авторской монографии в разделе 5 представлены рекомендации по строительству инновационной экономики как на микроуровне – на уровне предприятий, так и на макроуровне – на национальном уровне, а также основные направления стратегического поведения России в глобальной экономике. ***Сегодня Россия подвергается экономической опасности и внутренне, и внешне. С одной стороны, непрофессиональное регулирование рынка внутри страны, с другой – идет глобальное вторжение. В российское государственное образование вторгаются глобальные процессы не осмысленные отечественной наукой.*** Транснациональные олигархические корпорации подрывают еще только формирующиеся демократические основы российской государственности. Это создает колоссальные трудности в выработке научного подхода к строительству инновационной экономики.

¹¹⁹ Кочурова Л.И. Инновационная модель государственного управления национальной экономикой на принципах развитого рынка: . – Научное издание. Кемерово, «Куэбасвуиздат», 2015. – С. 165-194.

¹²⁰ Кочурова Л.И. Инновационная модель государственного управления национальной экономикой на принципах развитого рынка: . – Научное издание. Кемерово, «Куэбасвуиздат», 2015. – С. 142-152.

Если Россия не выйдет на адекватную развитому рынку инновационную модель национальной экономики, то через какое-то время начнет пожинать плоды самой извращенной формы рынка – бизнес-рынка, у которого нет ни национальных интересов, ни национальных границ.

Бизнес-рынок аномальный, поскольку он работает от конъюнктуры, а конъюнктура – это следствие, она формируется после того, как законы рынка уже поработали и высветили ниши, в которые устремляются игроки. Все перевернуто с ног на голову. Движение идет от конъюнктуры рынка. В инновационной экономике и предприятия, и государство будут отталкиваться от производительности труда, а по конъюнктуре рынка исправлять ошибки управления. Для России строительство инновационной экономики – неизбежность и главная роль в этой деятельности – государственная.

Автор предлагает государству, научному сообществу и хозяйственной практике признать фонд инновационных издержек (ФИИ) исконным финансовым источником для непрерывного обновления основных фондов, ввести его в научный и хозяйственный оборот, узаконить в качестве инновационной составляющей прибыли предприятия и элемента модели ИВИП. В Налоговом кодексе РФ предусмотреть ФИИ необлагаемым налогом минимумом. Методология строительства инновационной экономики на уровне предприятия представлена в разделе 3 монографии. Инновационная модель и ее построение в экономическом пространстве государства представлены в разделе 4 монографии.

В настоящее время российское государство непосредственно не регулирует деятельность предприятий на внутреннем рынке страны – нет методологии, на которую можно было бы опереться. Поэтому во всех звеньях национальной экономики между государством и предприятиями, а также между различными уровнями власти появились не писанные правила и договоренности, которые игнорируют экономические законы и нарушают юридические. Нужна методологическая проработка регулирования национальной экономики с непосредственным участием государства. Такую методологию предлагает автор.

Список литературы:

1. Большой экономический словарь / под ред. А. Б. Борисова. – М.: Книжный мир, 2006. – С. 283.
2. Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. – 5-е изд. доп. и перераб. – М.: Институт новой экономики, 2002. – С. 317.
3. Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. – 5-е изд. доп. и перераб. – М.: Институт новой экономики, 2002. – С. 541.
4. Вечканов Г. Планирование как система и метод управления. // Экономист. – 2012, № 12. – С. 11.
5. Вишневский В. Теория стоимости в экономической науке // Экономист. – 2007. – № 5. – С. 44.
6. Гоголев А. К. Проблемы амортизации в условиях инфляции // Бухгалтерский учет. – 1996. – № 10. – С. 74.
7. Зойдов К.Х. Инновационная экономика: опыт, проблемы, пути формирования. – М.: ИПР РАН, 2006. – 168 с.

8. Зоидов К.Х., Дурандин О.Г. К проблеме формирования инновационной экономики в странах постсоветского пространства в условиях модернизации. Часть I. // Региональные проблемы преобразования экономики, 2011.-. № 4. – С. 277 – 288.
9. Зоидов К.Х., Дурандин О.Г. К проблеме формирования инновационной экономики в странах постсоветского пространства в условиях модернизации. Часть II. // Региональные проблемы преобразования экономики, 2012.-. № 1. – С. 271 – 281.
10. Зоидов К.Х., Дурандин О.Г. К проблеме формирования инновационной экономики в странах постсоветского пространства в условиях модернизации. Часть III. // Региональные проблемы преобразования экономики, 2012.-. № 3. - С. 286-295.
11. Иванченко В., Фокин Ю. Фонд амортизации: вопросы формирования и использования // Экономист. – 1997. –№ 2. – С. 30.
12. Кочурова Л.И. Инновационная модель государственного управления национальной экономикой на принципах развитого рынка. – Научное издание. Кемерово, «Кузбассвузиздат», 2015. – С. 106-164.
13. Кочурова Л.И. Инновационная модель государственного управления национальной экономикой на принципах развитого рынка. – Научное издание. Кемерово, «Кузбассвузиздат», 2015. – С. 106-125.
14. Кочурова Л.И. Инновационная модель государственного управления национальной экономикой на принципах развитого рынка: –Научное издание. Кемерово, «Кузбассвузиздат», 2015. – С. 165-194.
15. Кочурова Л.И. Инновационная модель государственного управления национальной экономикой на принципах развитого рынка:– Научное издание. Кемерово, «Кузбассвузиздат», 2015. – С. 142-152.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 25, ч. II. – С. 468.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 25, ч. II. – С. 468.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 26, ч. III. – С. 72.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 39. – С. 174.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 46, ч. I. – С. 272.
21. Мацкуляк И.Д. О деньгах и денежных отношениях // Финансовая экономика. – 2014, № 1 – С. 23.
22. Москвин В. А. Управление качеством в бизнесе: рекомендации для руководителей предприятий, банков и риск-менеджеров. – М.: Финансы и статистика, 2006. – С. 86.
23. Новодворский В. Д., Хорин А. Н. О новых подходах к методам амортизации основных средств // Бухгалтерский учет. – 1996. – № 7. – С. 37.
24. Новодворский В. Д., Хорин А. Н. О новых подходах к методам амортизации основных средств // Бухгалтерский учет. – 1996. – № 7. – С. 40.
25. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. – М.: Инфра-М, 1999. – С. 136.
26. Российский торгово-экономический словарь / под ред. С. Н. Бабурина. – М.: Экономистъ, 2005. – С. 525.
27. Современный словарь иностранных слов / под ред. Л. Н. Комарова. – М.: Русский язык, 2001. – С. 48.
28. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Губин В.А., Зоидов З.К. Исследование социально-экономической циклической динамики России и совершенствование регулирования стратегии опережающего развития. М.: ЦЭМИ РАН, 2012. 207 с.
29. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Губин В.А., Ильин М.В., Кондраков А.В. Исследование экономических циклов в странах постсоветского пространства. М.: ЦЭМИ РАН, 2010. 310 с.
30. Экономика: энциклопедический словарь / В. Г. Золотоголов. – Минск: Книжный Дом, 2004. – С. 176.
31. Постсоветское экономическое пространство: современное состояние и перспективы развития /Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. М.: Финансы и кредит, 2009. 472 с.

КОНСОЛИДИРОВАННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЭКСПОРТОМ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ: РОССИЯ, ЕАЭС, БОЛЬШОЕ ЕВРАЗИЙСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Логинов Евгений Леонидович – д.э.н., профессор РАН, Заместитель директора по научной работе Института проблем рынка РАН

В выступлении в июне 2016 г. на пленарном заседании 20-го Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) Президент России Владимир Путин сообщил о планах создания большого евразийского партнерства с участием ЕАЭС и Китая. Российский президент отметил, что сотрудничать с ЕАЭС выразили готовность порядка 40 государств и международных организаций [1].

В условиях наличия глобального геэкономического проекта, реализуемого США (Транстихоокеанское партнерство и Трансатлантическое Торговое и Инвестиционное Партнерство), призванного коренным образом переформатировать зоны стратегического влияния в мировой экономике, необходима новая управленческая модель встречного российского проекта (Большое евразийское партнерство) с опорой на топливно-энергетическую и транспортно-логистическую инфраструктуру, на базе сотрудничества государств-участников ЕАЭС. Большое евразийское партнерство необходимо реализовать в направлении глобализационно-стратегической трансформации постсоветской экономической интеграции и сотрудничества для расширения сфер извлечения прибыли и наращивания добавленной стоимости, получаемой компаниями ЕАЭС при экспорте топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) на доступных рынках стран Европы и Азии.

Для обеспечения эффективной защиты экономических интересов России и ее партнеров по экономическим союзам от манипулятивного снижения цен на ТЭР в рамках проекта Большого евразийского партнерства требуется конструирование новой системы управления [2]. Такая система должна позволять осуществлять координацию экспортных поставок ТЭР из России, а также, желательно, из других государств-участников ЕАЭС, прежде всего, из Казахстана [3].

Необходимо выстраивание нового информационного контура управления ТЭК России, отвечающего новым условиям, куда входят: изменение структуры генерации и потребления (диспропорции), появление удаленных анклавных энергозон (зарубежные АЭС, эксплуатируемые Росатомом или иные энергогенерирующие объекты за рубежом), санкции к России и формирование международных энергокластеров антироссийской направленности (Евросоюз), задачи расширения экспорта российской и транзитной электроэнергии за рубеж (Центральная и Средняя Азия, Китай, Германия и пр.).

Таким образом, появление новых рисков и угроз [технического, климатического, организационного, военного, террористического и т.п. характера] российским интересам, реализуемым при экспорте ТЭР, формируют задачу восстановления в нашей стране и в ЕАЭС в целом системы

комплексного детализированного технико-экономического управления экспортом топливно-энергетических ресурсов с учетом возможного его приложения в рамках проекта Большого евразийского партнерства.

Эта задача должна реализовываться с ориентацией на постепенное вхождение в новый информационный контур управления ТЭК России: непризнанных республик, стран ЕАЭС (а также в перспективе частично энергосистем и/или энергообъединений стран – участниц БРИКС, ШОС и пр., а также таких стран как Китай, Индия, Пакистан, Иран и т.п. – с формированием качественно новых зон управления энергоснабжением с прямыми поставками российской электроэнергии или иных ТЭР за рубежом, в т.ч. в страны не имеющие границ с Россией), а также координированным управлением не только генерацией и передачей электроэнергии, но и транспортировкой других видов топливно-энергетических ресурсов и выстраивание общей позиции экспортеров по отношению к странам - крупным потребителям ТЭР.

Такие меры предлагается реализовать на основе внедрения квази-интегрированной информационной системы управления ТЭК России с использованием агент-ориентированных моделей для поддержки реализации корпоративных стратегий в рамках предпочтений максимального удовлетворения технико-экономических требований по гармоничному размещению и использованию производственных объектов (определенного набора ресурсов, технологической инфраструктуры и т.д.) с вписыванием в освоенные и перспективные месторождения как долгосрочных программ. На этой основе создается возможность разработки управленческих алгоритмов координации индивидуального, группового и общекорпоративного поведения агентов в рамках проекта Большого евразийского партнерства с «пакетной» фиксацией монетизированных за рубежом и в России корпоративных массивов добавленной стоимости от экспорта ТЭР с ее трансфертом в Россию, позволяющих обеспечить внедрение российских поставщиков топливно-энергетических ресурсов в мировые зоны сверхконцентрации добавленной стоимости и прибыли от реализации энергетических и энергосвязанных бизнесов.

При этом, также может быть полноценно реализован потенциал не только топливно-энергетической, но и транспортно-логистической инфраструктуры России [4].

Внедрение предлагаемого механизма обеспечивает поддержку реализации корпоративных стратегий в рамках предпочтений максимального удовлетворения технико-экономических требований по встраиванию на энергетические рынки как в России, так и в ближнем и дальнем зарубежье в рамках алгоритмов координации индивидуального, группового и общекорпоративного поведения агентов в рамках проекта Большого евразийского партнерства для преодоления дискриминационных мер и конкуренции со стороны зарубежных ТНК, позволяет осуществлять внедрение российских поставщиков топливно-энергетических ресурсов в мировые зоны

сверхконцентрации добавленной стоимости и прибыли от реализации энергетических и энергосвязанных бизнесов.

При разработке подходов к конструированию новой системы управления в рамках формирования совокупной структуры производственных и транспортных мощностей, взаимосвязанных по специализациям и ресурсам (энерго-инфраструктурных активов как общесистемных ресурсов) необходимо формирование экономических и топливно-энергетических балансов [5]. В отношении оптимизации взаимодействия технологически кооперированных топливно-энергетических компаний всех форм собственности, объединенных цепочками поставок в рамках имеющихся и строящихся инфраструктурных систем, предлагается использовать агент-ориентированные модели и мультиагентные технологии управления [6]. Эти модели и технологии управления должны быть ориентированы на удовлетворение спроса различных групп российских потребителей и расширения операций в рамках проекта Большого евразийского партнерства с назначением ролей и распределением планов между агентами со стороны Минэнерго России [7].

В результате должно быть создана возможность мультиагентного интеллектуального управления для комплексного анализа конъюнктуры и принятия решений, адаптированных к конфигурациям зон энергетической ответственности российских поставщиков топливно-энергетических ресурсов при поставках на мировые рынки [8]. Открываются новые возможности, позволяющие ассиметричным образом снизить негативные эффекты от влияния финансово-экономической нестабильности и дискриминационных санкций, применяемых к России за рубежом с большой ситуационной составляющей неопределенности [9]. Требуется формирование пакета моделей прогнозирования конфигураций зон энергетической ответственности российских поставщиков топливно-энергетических ресурсов при поставках на мировые рынки, а также динамичная адаптация к ним индивидуализированных профилей стратегических инвестиционных программ развития топливно-энергетических компаний (агентов) [10].

В рамках обозначенных приоритетов предполагается создание для ситуационного анализа набора агент-ориентированных моделей по анализу российских компаний, играющих ключевую роль в экспорте нефти, нефтепродуктов, природного и сжиженного газа, электроэнергии, наработанными в российской экономике в рамках прогнозных конфигураций зон энергетической ответственности российских поставщиков топливно-энергетических ресурсов при поставках на мировые рынки на основе мультиагентных подходов в интересах поддержки управленческих действий на основе алгоритмов координации индивидуального, группового и общекомандного поведения агентов в рамках проекта Большого евразийского партнерства с «пакетной» фиксацией монетизированных за рубежом и в России корпоративных массивов добавленной стоимости от экспорта ТЭР с ее трансфертом в Россию.

Набор агент-ориентированных моделей по анализу российских компаний, играющих ключевую роль в экспорте нефти, нефтепродуктов, природного и сжиженного газа, электроэнергии, наработанными в российской экономике и консолидация инвестиционных ресурсов в рамках пула наиболее важных инфраструктурных проектов с экспортной ориентацией должен создаваться и использоваться путем формирования распределенной информационно-вычислительной среды ТЭК России [11; 12].

Опыт развитых и новых индустриальных стран демонстрирует аналогичные подходы к использованию новых информационных технологий и вычислительных сервисов с ориентированностью на удовлетворение спроса различных групп потребителей [13; 14].

В соответствии с предлагаемой технологией, распределенная информационно-вычислительная среда реализуется как единый пул настраиваемых информационно-вычислительных ресурсов в рамках региональных и/или корпоративных центров облачных вычислений. Это пул ресурсов в форме пакета программно-аппаратных решений представляется органам госуправления и топливно-энергетическим компаниям (агентам) в рассматриваемой системе для анализа и принятия решения, позволяющих ассиметричным образом снизить негативные эффекты от влияния финансово-экономической нестабильности и дискриминационных санкций, применяемых к России за рубежом. Эти решения уточняют индивидуализированные профили стратегических инвестиционных программ развития топливно-энергетических компаний (агентов) в рамках прогнозных конфигураций зон энергетической ответственности российских поставщиков топливно-энергетических ресурсов при поставках на мировые рынки с учетом характеристик каждого участника поставок ТЭР.

Пакет методов агент-ориентированных моделей анализа топливно-энергетических компаний (агентов) и технологически кооперированных с ними предприятий всех форм собственности, объединенных цепочками поставок в рамках имеющихся и строящихся инфраструктурных систем с разнородными участниками позволяет предложить организационное решение конфигурации кооперационных связей в рамках совокупности топливно-энергетических компаний (агентов) по всему спектру различных сегментов мировых рынков.

Такая управленческая технология оперирует динамическими паттернами взаимосвязей, по результатам использования агент-ориентированных моделей для анализа российских компаний, с целью консолидации имеющихся у них инвестиционных ресурсов и концентрации их при реализации российских и зарубежных инфраструктурных проектов, ориентированных на расширение возможностей экспорта российских ТЭР при поставках на мировые рынки на основе организационной интеграции энергетических рынков ЕАЭС с использованием механизма электронных торговых площадок (ЭТП), объединенных в единую сеть [15; 16].

Оптимизация конфигурации кооперационных связей позволяет обеспечить получение топливно-энергетическими компаниями России статуса одного из

главных международных операторов поставок ТЭР в доступные сегменты мировых рынков [17].

Разработка пакета методов агент-ориентированных моделей анализа топливно-энергетических компаний (агентов) и технологически кооперированных с ними предприятий всех форм собственности предполагает возможность исследования цифровых массивов сложноструктурированных данных, полученных как напрямую от конкретной компании, так и из глобальных информационных сетей [18].

По результатам анализа этой информации создаются условия по консолидации топливно-энергетических компаний (агентов), сосредотачивающих ресурсы, необходимые для оптимизации натурально-ресурсного и финансового оборота с множеством возможных параметров результирующих транзакций в рамках квази-интегрированных электронных рынков топливно-энергетических ресурсов в форме электронных торговых площадок, объединенных в единую сеть. Ситуационный анализ связей каждого агента с другими агентами позволяет в рамках изучаемого сегмента мировых рынков выделить сведения о развитии функциональных процессов на изучаемом объекте ТЭК и о результатах, взаимодействующих с ним других объектов ТЭК для выработки обоснованных корпоративных решений в рамках предпочтений максимального удовлетворения технико-экономических требований по гармоничному размещению и использованию производственных объектов (определенного набора ресурсов, технологической инфраструктуры и т.д.) с учетом отраслевой стратегии в рамках алгоритмов координации индивидуального, группового и общекорпоративного поведения агентов в рамках проекта Большого евразийского партнерства с «пакетной» фиксацией монетизированных за рубежом и в России корпоративных массивов добавленной стоимости от экспорта ТЭР с ее трансфертом в Россию.

Пакет методов агент-ориентированных моделей анализа компаний применяется для анализа участников оперативного пространства ТЭК России с учетом структуры и адресной конфигурации кооперационных связей и предусматривает оптимизацию в зависимости от различных характеристик нагрузки и структуры производственных и транспортных мощностей для проведения последующих эффективных оперативных мер, направленных на повышение количественных и качественных характеристик работы топливно-энергетических инфраструктурных систем с несколькими параллельными и последовательными экономическими и технологическими процессами, с назначением ролей и распределением планов между агентами.

При реализации рассматриваемого подхода требуется определить направления мер, обеспечивающих для топливно-энергетических компаний (агентов) предоставление системно-распределенного доступа по требованию к единому пулу настраиваемых информационно-вычислительных ресурсов в рамках региональных и/или корпоративных центров облачных вычислений [19].

Необходимо наметить пути совершенствования системы межведомственной координации мер, направленных на повышение количественных и качественных характеристик работы топливно-энергетических инфраструктурных систем с выделением ключевых операционных узлов, с помощью которых и производится выполнение оптимизирующих операций предприятий всех форм собственности, объединенных цепочками поставок в рамках имеющихся и строящихся инфраструктурных систем [20].

Создается возможность для реализации эффективных оперативных мер в рамках работы топливно-энергетических инфраструктурных систем с несколькими параллельными и последовательными экономическими и технологическими процессами, с назначением ролей и распределением планов между агентами в отношении стимулирования процессов оптимизации совокупной структуры производственных и транспортных мощностей взаимосвязанных по специализациям и ресурсам (энерго-инфраструктурных активов как общесистемных ресурсов) с расширением возможностей экспорта топливно-энергетических ресурсов и улучшением финансовых результатов [21-23].

Список литературы:

1. Материалы Пленарного заседания 20-го Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ).
2. Зоидов З.К., Логинова В.Е., Шевченко К.И. Пути формирования интегрированной рыночной инфраструктуры и регулирования производства и товарооборота в рамках ЕАЭС.- Москва: ИПР РАН, 2015. - 141 с.
3. Борталевич В.Ю. Стратегическое планирование ключевых направлений энергетического комплекса стран ЕАЭС // Стратегическое планирование и развитие предприятий 2016. – М.: ЦЭМИ РАН. С. 28-29.
4. Администрирование внешнеторговых грузопотоков / Абрамов М.Д., Кашин В.А., Зоидов К.Х., Миграян А.А., Медков А.А. и др. / Труды ЭАЦ «Модернизация», вып. 7. - М.: ЭАЦ «Модернизация», 2013. - 480 с.
5. Борталевич В.Ю. Оптимизация системы стратегического управления инвестиционного потенциала в отраслях промышленного производства в рамках ЕАЭС // Стратегическое планирование и развитие предприятий. – М.: ЦЭМИ РАН, 2016. С. 25-27.
6. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р. Современные методы прогнозирования последствий управленческих решений // Управленческое консультирование. 2015. № 7 (79). С. 12-24.
7. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р. Применение суперкомпьютеров для реализации крупномасштабных мультиагентных систем // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2012) / Труды Шестой международной конференции (ежегодный сборник). – М.: Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2012. С. 56-63.
8. Жуков С.В., Копытин И.А., Масленников А.О. Интеграция нефтяного и инансового рынков и сдвиги в ценообразовании на нефть / Открытый семинар «Экономические проблемы энергетического комплекса» (семинар А.С. Некрасова). – М.: ИИП РАН, 2012. – 30 с.
9. Симонян С.М., Шевченко И.В. Влияние санкций, введенных странами Запада против России, на экономику страны и мира // Экономика устойчивого развития. 2014. № 4 (20). С. 207-211.

10. Борталевич С.И., Логинова В.Е. Проблемы прогнозирования изменения спроса на энергоресурсы и энергоуслуги с учетом необходимости обеспечения энергетической безопасности при энергоснабжении в рамках ЕАЭС // Стратегическое планирование и развитие предприятий Материалы Шестнадцатого всероссийского симпозиума. Под редакцией чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. – М.: ЦЭМИ РАН, 2015. С. 28-31.
11. Логинов А.Е. Модернизация информационных систем холдинговых структур // Проблемы управления корпоративными структурами в условиях модернизации экономики / Материалы научно-практической конференции. Москва, 25-26 ноября 2010 г. – М.: НИЭБ, 2010. С.27-31.
12. Бушуев В.В., Конопляник А.А., Миркин и др. Цены на нефть: анализ, тенденции, прогноз. – М.: ИД «Энергия», 2013. - 344 с.
13. Цветков В.А. Формирование и функционирование единой электронной информационной среды мониторинга операций на рынках нефти // Стратегическое планирование и развитие предприятий. – М.: ЦЭМИ РАН, 2016. С. 174-176.
14. Перская В.В., Эскиндаров М.А. Методология формирования конкурентных преимуществ национальных хозяйств // Горизонты экономики. 2015. № 5 (24). С. 83-89.
15. Борталевич В.Ю. Проблемы обеспечения энергобезопасности России и ЕАЭС // Формирование финансово-кредитных механизмов обеспечения стабильности и экономического роста с учетом перспектив развития интеграции в ЕАЭС / Материалы международной научно-практической конференции. – М.: ИПР РАН, 2016. С. 138-139.
16. Лукин В.К., Деркач А.К., Деркач К.Ю., Логинова В.Е. Инвестиционное стимулирование инфраструктурных проектов в технологических комплексах в промышленности России // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2015. № 1 (65). С. 246-250.
17. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Медков А.А. Новая концепция увеличения грузовой базы транспортных коридоров «Восток – Запад»: геополитические условия и экономические предпосылки // Трансграничные транспортные коридоры "Восток - Запад". Вызовы для национальной экономики Сборник статей. – М.: ЦЭМИ РАН, 2015. С. 114-149.
18. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д., Васенин В.А., Борисов В.А., Роганов В.А. Агент-ориентированные модели: мировой опыт и технические возможности реализации на суперкомпьютерах // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86. № 3. С. 252.
19. Петраков Н.Я., Цветков В.А., Моргунов Е.В., Елисеев Д.О. Нефтяная биржа как инструмент обеспечения энергетической безопасности России // Модернизация и экономическая безопасность России. - Москва, Санкт-Петербург: Нестор-История, 2012. С. 56-96.
20. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Медков А.А. Проблемы экономической безопасности транспортно-транзитной инфраструктуры России // Экономика региона. 2012. № 1 (29). С. 90-100.
21. Zoidov K. KH. Problems of analysis and regulation of cyclical fluctuations of the economic dynamics in the post-soviet countries. Russia in the XXI Century: Global Challenges and Perspectives for Development. Section 4 / Proceedings of the Second International Forum. Moscow, 12-13 November 2013: Ed. Academician N. Petrakov. - М.: Publishing Pero, 2013 - 1142 p. – P. 1081 – 1096.
22. Tsvetkov V.A., Zoidov K.KH., Medkov A.A. Problems of economic security in Russian transportation and intermediate carrier infrastructure. Part I // Journal of Economics of the region, 2012. - №1. - P. 100 -109.
23. Tsvetkov V.A., Zoidov K.KH., Medkov A.A. Problems of economic security in Russian transportation and intermediate carrier infrastructure. Part II // Journal of Economics of the region, 2012. -.№2. – P. 50 – 60.

ФОРМИРОВАНИЕ ОПТИМАЛЬНОГО СОЧЕТАНИЯ МЕРОПРИЯТИЙ РАЗВИТИЯ ДОБЫЧИ МИНЕРАЛЬНОГО СЫРЬЯ

Новоселов Андрей Леонидович - д.э.н., профессор, кафедра математических методов в экономике, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Мероприятия по развитию добычи полезных ископаемых (отмена НДС на ранних стадиях геологического изучения недр; освобождение от налога части прибыли, направляемой на инвестиции в инновационное оборудование и новые технологии в части снижения ресурсоемкости производства; законодательное обозначение норм по энергоэффективности продукции и производственных процессов как обязательных в области технического регламентирования и др.) направлены на рост извлечения минерального сырья, полноту использования месторождений [1, с.165-167]. Для выбора оптимального сочетания мероприятий развития добычи полезных ископаемых необходимо имитировать результаты применения различных мероприятий государственной поддержки и оценить изменение экономической эффективности добычи [2, с.48]. Экономическая эффективность добычи полезных ископаемых зависит от ряда показателей: инвестиций в приобретение прав недропользования ($k=1$); капиталовложений в горно-подготовительные работы, гражданское строительство и строительство рудника ($k=2$); затрат на приобретение, транспортировку и монтаж горного оборудования, включая карьерный транспорт ($k=3$); природо-восстановительных затрат на этапе строительства рудника ($k=4$); затрат на рабочую силу ($k=5$); затрат на сырье и материалы ($k=6$); затраты на электро- и тепловую энергию ($k=7$); затрат на ремонт и содержание основных фондов ($k=8$); затрат на реализацию продукции; амортизационные отчисления ($k=9$); налоговых и неналоговых отчислений ($k=10$); реализация продукции ($k=11$).

Прогноз и оценка эффективности анализируемых мер государственной поддержки основывается на результатах экспертной оценки, причем эксперты дают минимальную (*min*), ожидаемую (*exp*) и максимальную (*max*) оценки в соответствии с табл. 1.

Таблица 1

Вопрос эксперту	Результат ответа
На сколько % изменится фактор i при реализации мероприятия j ?	$\tilde{a}_{ijr} = (\tilde{a}_{ijr}^{\min}; \tilde{a}_{ijr}^{\exp}; \tilde{a}_{ijr}^{\max})$
На сколько % изменится показатель k при изменении фактора i на 1%?	$\tilde{b}_{kir} = (\tilde{b}_{kir}^{\min}; \tilde{b}_{kir}^{\exp}; \tilde{b}_{kir}^{\max})$

Обработка данных, полученных от экспертов (например, расчет среднего арифметического), позволяет получить $a_{ij} = (a_{ij}^{\min}; a_{ij}^{\exp}; a_{ij}^{\max})$ и $b_{ki} = (b_{ki}^{\min}; b_{ki}^{\exp}; b_{ki}^{\max})$ для рассматриваемых мероприятий, факторов и показателей [4, с.127; 5, с.35]. При реализации мероприятия j , экономический показатель k ($k = 1, 2, \dots, 10$), от

которого зависит эффективность добычи природного ресурса изменяется на множитель $I_{kj} = a_{ij}(1 + b_{jk})$.

Тогда математическая модель формирования оптимального набора мероприятий будет иметь вид. Критерий – максимизация NPV месторождения:

$$NPV(\vec{U}) = \sum_{t=1}^T \left[V_t \sum_{j=1}^m (1 + I_{11,j}) U_j - \sum_{k=5}^{10} S_{kt} \sum_{j=1}^m (1 + I_{kj}) U_j - \sum_{k=1}^4 Z_{kt} \sum_{j=1}^m (1 + I_{kj}) U_j \right] (1 + r)^{1-t} \rightarrow \max \quad (1)$$

В ограничениях следует учесть лимит финансирования B_t на реализацию мероприятий по годам t :

$$\sum_{k=1}^4 Z_{it} \sum_{j=1}^m (1 + I_{kj}) U_j \leq B_t, \quad t = 1, 2, \dots, T \quad (2)$$

Искомая переменная U_j принимает значения 1, если мероприятие j включается в оптимальный набор или 0 – в противном случае.

Полученная модель является моделью линейного программирования с булевыми переменными [3]. Для поиска решения можно воспользоваться, например, методом Фора и Мальгранжа. В результате решения поставленной задачи будет получен оптимальный вектор $\vec{U}^* = (U_1^*, U_2^*, \dots, U_m^*)$, оптимальный набор мероприятий j , для которых $U_j^* = 1$. Однако, параметры I_{kj} , изменяющие коэффициенты целевой функции и коэффициенты в ограничениях модели, определяются исходя из экспертных оценок, которые заданы пределами изменения для каждого мероприятия, фактора и показателя. Поэтому, для отыскания решения задачи следует определить значения параметров a_{ij} и b_{jk} с помощью датчика случайных чисел при использовании треугольного закона распределения:

$$a_{ij} = \begin{cases} a_{ij}^{left} + \sqrt{\omega(a_{ij}^{exp} - a_{ij}^{left})(a_{ij}^{right} - a_{ij}^{left})} & \text{при } \omega \leq \frac{a_{ij}^{exp} - a_{ij}^{left}}{a_{ij}^{right} - a_{ij}^{left}} \\ a_{ij}^{right} - \sqrt{(1 - \omega)(a_{ij}^{right} - a_{ij}^{exp})(a_{ij}^{right} - a_{ij}^{left})} & \text{при } \omega > \frac{a_{ij}^{exp} - a_{ij}^{left}}{a_{ij}^{right} - a_{ij}^{left}} \end{cases} \quad (3)$$

$$b_{jk} = \begin{cases} b_{jk}^{left} + \sqrt{\omega(b_{jk}^{exp} - b_{jk}^{left})(b_{jk}^{right} - b_{jk}^{left})} & \text{при } \omega \leq \frac{b_{jk}^{exp} - b_{jk}^{left}}{b_{jk}^{right} - b_{jk}^{left}} \\ b_{jk}^{right} - \sqrt{(1 - \omega)(b_{jk}^{right} - b_{jk}^{exp})(b_{jk}^{right} - b_{jk}^{left})} & \text{при } \omega > \frac{b_{jk}^{exp} - b_{jk}^{left}}{b_{jk}^{right} - b_{jk}^{left}} \end{cases} \quad (4)$$

В формулах (3, 4) параметр $\omega \in (0, 1)$ – случайное равномерно распределенное число, полученное с помощью генератора случайных чисел. Таким образом, можно использовать метод Монте-Карло, который позволит провести большое число расчетов (например, $N=1000$) модели (1 - 2) поиска оптимальных наборов мероприятий для поддержки добычи минерального

сырья. В результате будет получен ряд оптимальных вариантов мероприятий \bar{U}_l^* , $l=1,2,\dots,L$ которым будут соответствовать интервал значений $NPV(\bar{U}_l^*) \in (NPV_l^{\min}; NPV_l^{\max})$ и число реализаций N_l , которые привели к данному набору мероприятий ($\sum_{l=1}^L N_l = N$). Заметим, что интервалы NPV будут пересекаться и на основе полученных значений несложно построить график накопленной вероятности для оптимальных наборов мероприятий (*рис.1*). Данный график построен для выявленных четырех оптимальных наборов мероприятий ($L=4$). На рис.1 пунктирная кривая проходит через точки с медианы для рассматриваемого интервала; прямые, параллельные оси абсцисс соответствуют интервалам $(NPV_l^{\min}; NPV_l^{\max})$ для полученного оптимального набора мероприятий \bar{U}_l^* .

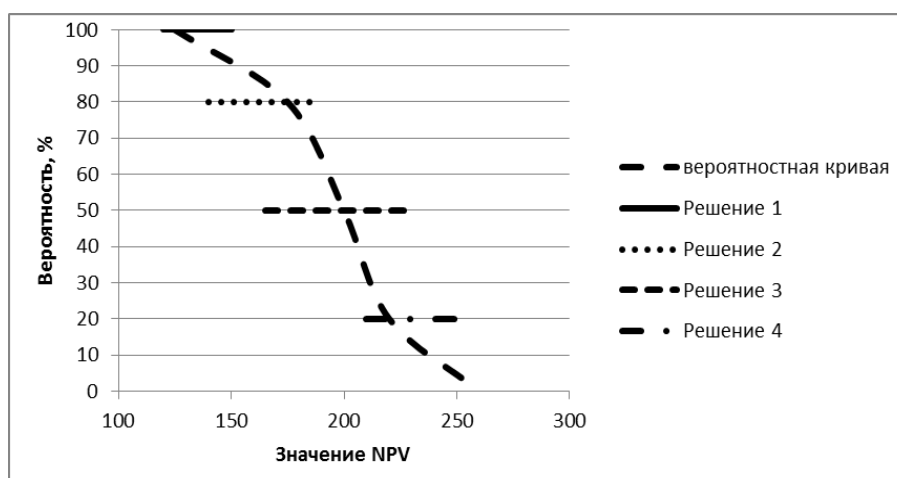

Рис.1. Визуализация полученного решения задачи выбора мероприятий поддержки недропользования.

Из приведенного графика (*рис.1*) видно, что при вероятности 80%, которая соответствует решению 2, ожидаются значения NPV, частично соответствующие следующему решению 3. В результате реализации выявленных мероприятий экономически целесообразной окажется более продолжительная эксплуатация месторождений, что позволит достигнуть не только компенсации некоторого снижения поступления налоговых платежей в бюджет в первые 2-3 года на 15-20%, но и значительный прирост пополнения федерального бюджета.

Разработанный математический инструментальный был реализован в виде программного комплекса, который позволяет проводить вероятностные расчеты с использованием приведенной математической модели, а также визуализировать результаты, что помогает при выработке управленческих решений. Предложенная модель может быть использована не только для выявления мероприятий по поддержке недропользования, но и для разработки программ развития корпораций в условиях неопределенности исходных данных.

Список литературы:

1. Ампилов Ю.П., Герт А.А. Экономическая геология. – М., Геоинформмарк, 2006.
2. Джонстон Д. Анализ экономики геологоразведки, рисков и соглашений в международной нефтегазовой отрасли. – М., Олимп-Бизнес, 2005.
3. Зойдов К.Х. Некоторые задачи идентификации эконометрических зависимостей. – М.: ВЦ РАН, 1999. – 241 с.
4. Новоселова И.Ю. Теоретико-практические аспекты исчерпания природных ресурсов и их замещение // Вестник Университета (Государственный университет управления), 2014, № 4, с. 125-130.
5. Новоселова И.Ю. Экономика природных ресурсов: оценки, риски и потенциалы. Монография. – М., 2010.

МНОГОКРИТЕРИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ПРИРОДООХРАННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ С УЧЕТОМ РИСКОВ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Новоселова Ирина Юрьевна - д.э.н., профессор, кафедра математических методов в экономике, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Выбор природоохранных мероприятий основывается на соотношении результата и затрат. Для стоимостной оценки результата такого мероприятия необходимо использовать экономическую оценку предотвращаемого ущерба от загрязнения окружающей среды. С этой целью рекомендуется воспользоваться методикой [1, с.12-26], учитывающей все составляющие экологического ущерба (снижение загрязнения атмосферного воздуха, водной среды и земельных ресурсов).

При определении экономической оценки ущерба от загрязнения окружающей среды в прогнозном периоде, показатель изменения массы поступления вредных веществ следует интерпретировать в виде интервальных оценок [2]. В качестве таких оценок выступают, например, максимальное, ожидаемое и минимальное снижение загрязнения вредных веществ в окружающую среду для каждого из рассматриваемых видов негативного воздействия: Δm_{ij}^{\max} , Δm_{ij}^e и Δm_{ij}^{\min} , $\forall j=1,2,\dots,N$ за счет i -го мероприятия. Исходя из этих параметров, на основе [1, с.12-26] несложно определить интервальные оценки предотвращаемого ущерба окружающей среде (для атмосферного воздуха и водной среды) от реализации i -го природоохранного мероприятия: минимальная величина предотвращаемого экономического ущерба от загрязнения окружающей среды (ΔY_i^{\min}), ожидаемая величина предотвращаемого экономического ущерба от загрязнения окружающей среды (ΔY_i^e), максимальная величина предотвращаемого экономического ущерба от загрязнения окружающей среды (ΔY_i^{\max}).

Исходя из затрат на реализацию i -го мероприятия и полученных прогнозных значений предотвращаемого ущерба, несложно определить

нечеткие оценки $NPV_i = (NPV_i^{\min}; NPV_i^e; NPV_i^{\max})$. На рис.1 представлен результат такого расчета.

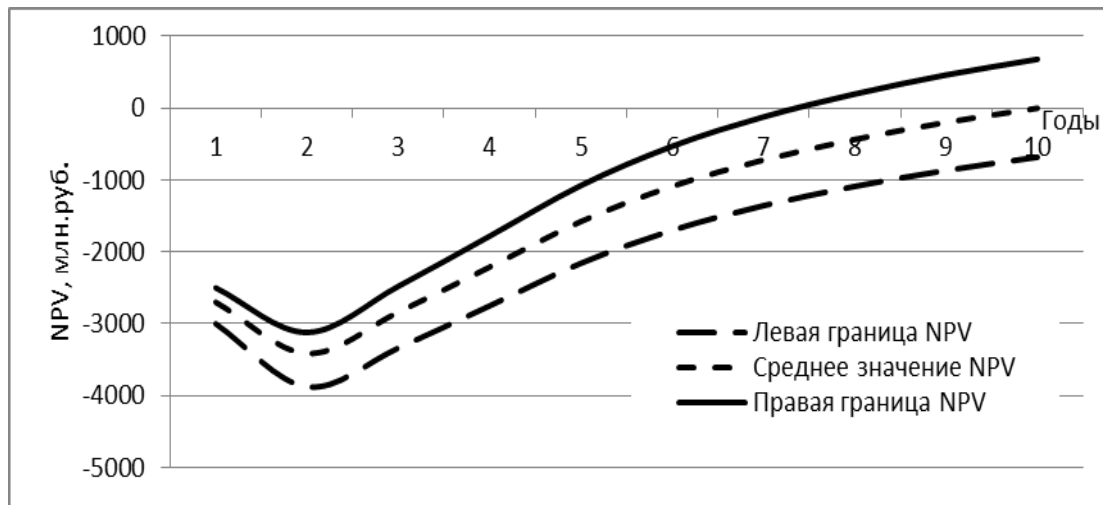

Рис. 1. График динамики нечеткой оценки NPV (млн.руб.) для рассматриваемого природоохранного мероприятия.

Анализ полученных значений NPV следует провести на основе модификации риск-функции [3, с. 8-12]. Уверенность в положительном значении NPV можно определить как $P(G)$ по формулам:

$$P(G) = \begin{cases} 1, & G < NPV^{\min} \\ 1 - R \times \left(1 + \frac{1 - \alpha_1}{\alpha_1} \times \ln(1 - \alpha_1)\right), & NPV^{\min} \leq G < NPV^e \\ 1 + (1 - R) \times \left(1 + \frac{1 - \alpha_1}{\alpha_1} \times \ln(1 - \alpha_1)\right), & NPV^e \leq G < NPV^{\max} \\ 0, & G \geq NPV^{\max} \end{cases} \quad (1)$$

где

$$R = \begin{cases} \frac{G - NPV^{\min}}{NPV^{\max} - NPV^{\min}}, & G < NPV^{\max} \\ 1, & G \geq NPV^{\max} \end{cases} \quad (2)$$

$$\alpha_1 = \begin{cases} 0, & G < NPV^{\min} \\ \frac{G - NPV^{\min}}{NPV^e - NPV^{\min}}, & NPV^{\min} \leq G < NPV^e \\ 1, & G = NPV^e \\ \frac{NPV^{\max} - G}{NPV^{\max} - NPV^e}, & NPV^e < G < NPV^{\max} \\ 0, & G \geq NPV^{\max} \end{cases} \quad (3)$$

Расчеты этих параметров для $NPV=(-681,53; -20; 681,82)$ в млн.руб. приведены в *табл.1*.

Таблица 1

Результаты расчетов функции уверенности положительной оценки NPV природоохранного мероприятия

G, млн.руб.	Alfa	R	P(G), доли
-681,53	0,00	0,00	1
-545,20	0,10	0,10	0,994824
-408,86	0,20	0,20	0,978515
-272,53	0,30	0,30	0,949672
-136,19	0,40	0,40	0,906495
0,14	0,50	0,50	0,153426
136,48	0,40	0,60	0,093505
272,81	0,30	0,70	0,050328
409,15	0,20	0,80	0,021485
545,48	0,10	0,90	0,005176
681,82	0,00	1,00	0

На основе проведенных расчетов получаем функцию уверенности положительной оценки NPV (*рис. 2*).

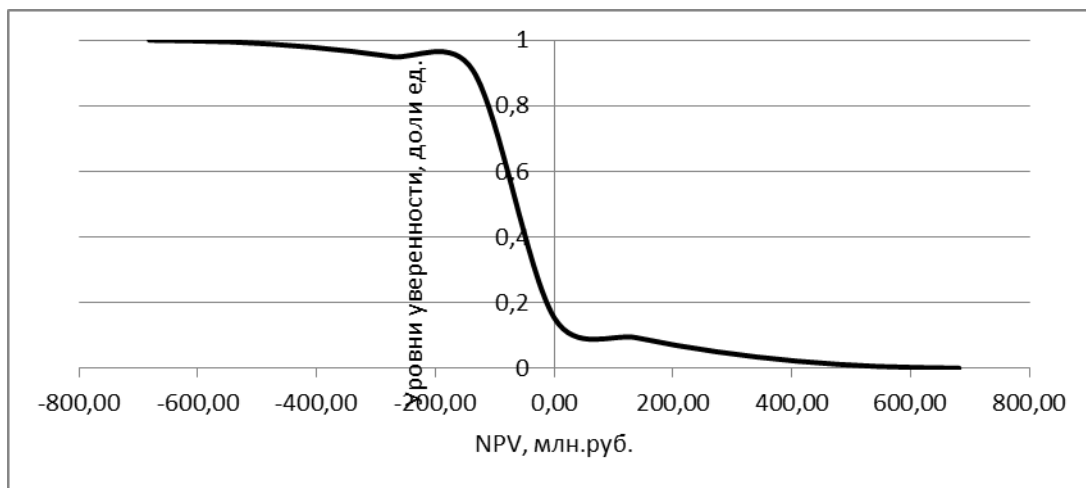

Рис. 2. График функции уверенности положительной оценки NPV для природоохранного мероприятия.

Как видно, оценка описывается симметричной кривой, смещенной относительно нуля вправо. Таким образом, при падении величины предотвращаемого ущерба до минимального уровня следует опасаться убыточности мероприятия. Ожидаемые убытки можно определить по формуле:

$$NPV^- = \sum_i NPV_i P_i \text{ для } NPV_i < 0 \text{ (} i \text{ - уровни уверенности); ожидаемая выгода}$$

$$NPV^+ = \sum_i NPV_i P_i \text{ для } NPV_i > 0.$$

С тем, чтобы осуществить многокритериальный выбор природоохранного мероприятий рекомендуется воспользоваться системой критериев, приведенной в *табл. 2*.

Таблица 2

Система критериев для ранжирования природоохранных мероприятий

Название	Формула	Направление улучшения
----------	---------	-----------------------

Ожидаемая величина предотвращаемого ущерба	$\rho(\Delta Y_i) = \frac{\Delta Y_i^{\min} + 2\Delta Y_i^e + \Delta Y_i^{\max}}{4}$	максимизация
Ожидаемая величина NPV	$\rho(NPV_i) = \frac{NPV_i^{\min} + 2NPV_i^e + NPV_i^{\max}}{4}$	максимизация
Обеспечение безубыточности мероприятия	$R_i = \frac{NPV_i^+}{NPV_i^+ - NPV_i^-}$	максимизация

Для выбора лучшего природоохранного мероприятия следует воспользоваться методами многокритериального ранжирования. В качестве альтернативных методов ранжирования в [4, с.95-96] было рассмотрено три подхода:

- Ранжирование регионов по расстоянию на основе средних рангов;
- Ранжирование регионов методом попарных сравнений;
- Ранжирование регионов методом парных сравнений.

Последний подход позволяет лучше дифференцировать регионы по предложенной системе критериев и именно его рекомендуется использовать для реализации на практике.

Список литературы:

1. Временная методика определения предотвращенного экологического ущерба. Утверждена Госкомэкологией РФ в 30.11.1999 г. // <http://docs.cntd.ru/document/1200035561> (доступ 28.10.2016).
2. Зоидов К.Х. Некоторые задачи идентификации эконометрических зависимостей. – М.: ВЦ РАН, 1999. – 241 с.
3. Недосекин А.О. Оценка риска бизнеса на основе нечетких данных// http://www.ifel.ru/content/docs/an_books/Book4.pdf (доступ 30.04.2016).
4. Новоселов А.Л., Лобковский В.М. Ранжирование регионов на основе нечеткой многокритериальной социо-эколого-экономической и политической оценке риска развития // Проблемы региональной экологии, №2. - 2015. - С.93-96.

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИКЛИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ¹²¹

Омарова Зарема Курбанова – к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник Института проблем рынка РАН

В современных условиях хозяйствования корпоративные организационно-хозяйственные структуры превращаются в существенный фактор институциональных преобразований и важнейший рычаг радикальной народнохозяйственной структурной перестройки. Обобщение накопленного в

¹²¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-02-00436 а).

области акционерной интеграции финансовых и промышленных структур опыта (как позитивного, так и негативного) позволяет сформулировать макро- и микроуровневые задачи стимулирования развития этого процесса, важного для стабилизации и подъема отечественной экономики. Обе составляющие данной целевой установки легче реализовать на фоне характеристики фактического состояния экономики страны, подъему которой, по нашему глубокому убеждению и призваны содействовать отечественные корпоративные организационно-хозяйственные образования современного типа.

Приступая к характеристике основных вех и направлений в их становлении и деятельности, проблем их встраивания в народнохозяйственный комплекс, ближайших и отдаленных перспектив развития, важным считаем очертить сложившуюся экономическую ситуацию в стране, оценить ее современный потенциал и место в глобальном социально-экономическом пространстве. Под углом зрения рассматриваемой проблемы важно также понимание появившихся за последние десятилетия тенденций в развитии банковского и промышленного секторов страны. С этих позиций следует учитывать не только внутренние резервы и возможности, но и условия экономической среды, которая является многофакторным индикатором макроэкономической ситуации в России. Набор макроэкономических показателей, оказывающих наибольшее влияние на деятельность отечественных интегрированных корпоративных структур довольно обширен. Среди них следует выделить динамику валового внутреннего продукта (ВВП) страны; уровень спроса на производимую продукцию; динамику валютного курса; уровень ставок банковского кредитования; налоговое окружение; инвестиционные вложения в экономику, сравнительная доходность инвестирования и ряд других [1-11].

Основными факторами, определяющими развитие российской экономики на протяжении последних двух лет, были: сокращение внешнего спроса и цен на основные российские сырьевые товары, составляющие основу экспортного потенциала; ослабление внутреннего спроса, связанное с падением доходов экономики и ростом издержек; сужение масштабов импорта, формирующих более трети ресурсов внутреннего рынка; сокращение объемов отечественных и иностранных инвестиций в основной капитал (*табл.1-табл.2*). Вместе с тем проблемы развития промышленных компаний обусловлены внутренними факторами: низкой инновационной активностью на уровне отдельной организации или предприятия, невысоким качеством менеджмента, а также низкими стимулами к реформированию и модернизации.

Таблица 1

Динамика основных факторов развития экономики в 2009–2015 гг., % к предыдущему году

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
ВВП	92,2	104,5	104,3	103,5	101,3	100,7	96,3
Внутренний спрос в том числе	85,3	108,3	108,8	105,5	100,5	101,3	89,7
конечное потребление домашних хозяйств	94,9	105,8	106,8	107,4	103,7	101,7	89,9
инвестиции в основной капитал	84,3	106,3	110,8	106,8	100,8	97,3	91,6

Внешний спрос	95,3	100,7	100,3	101,4	104,8	99,4	92,4
Средние цены экспорта	66,5	123,1	132,9	101,6	95,7	94,3	64,8
Средние цены импорта	99,1	101,7	109,2	97,3	102,5	98,2	81,1
Индекс потребительских цен	108,8	108,8	106,1	106,6	106,8	109,1	112,9
Цены на нефть	63,4	128,7	139,3	101,0	97,2	90,9	52,9
Официальный курс (руб./долл.)	102,9	100,7	105,6	94,3	107,8	171,9	129,5

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики. <http://www.gks.ru>; Бюллетеня Министерства экономического развития РФ «О текущей ситуации в экономике Российской Федерации» <http://economy.gov>.

Эти и ряд других важных агрегированных показателей объективно характеризуют состояние как отечественной экономики в целом, так и отдельных ее отраслей. Именно поэтому их, как правило, используют для детального анализа складывающейся экономической ситуации и условий предпринимательской деятельности. Рассмотрим их более подробно.

ВВП страны позволяет системно оценить эффективность макроэкономической политики, проводимой в стране, а также сформулировать основные направления деятельности хозяйствующих субъектов. Динамика ВВП дает информацию о структурных сдвигах в экономике и позволяет руководству интегрированной корпоративной структуры определить возможности для расширения деятельности, сформулировать стратегию деятельности. Транснациональные корпорации, например, проводя сравнительный анализ ВВП разных стран, получают возможность оценить наиболее привлекательные регионы для инвестирования и сформулировать приоритеты экспансии.

Таблица 2

Макроэкономические показатели РФ
(в % к соответствующему периоду предыдущего года)*

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015
ВВП	104,5	104,3	103,5	101,3	100,7	96,3
Индекс потребительских цен, за период, к концу предыдущего периода	108,8	106,1	106,6	106,5	111,4	112,9
Индекс промышленного производства	108,2	104,7	102,6	100,3	101,7	96,6
Индекс обрабатывающих производств	111,8	106,5	104,1	100,1	102,1	94,6
Индекс производства продукции сельского хозяйства	88,7	122,1	95,3	106,2	103,7	103,0
Инвестиции в основной капитал	106	106,2	106,7	99,7	97,5	91,6
Объемы работ по виду деятельности «Строительство»	103,5	105,1	102,4	98,5	95,5	93,0
Ввод в действие жилых домов	97,6	106,6	104,7	105,6	114,9	99,5
Реальные располагаемые денежные доходы населения	105,1	100,8	104,2	103,3	99,0	96,0
Реальная заработная плата	105,2	103,5	107,8	105,2	101,3	90,5
Среднемесячная начисленная номинальная заработная плата, руб.	20952	23532	26690	29940	32600	33925
Оборот розничной торговли	106,3	107,2	105,9	103,9	102,5	90,0
Объем платных услуг населению	101,5	102,9	103,5	102,1	101,3	97,9
Уровень безработицы к экономически активному населению (в среднем за период)	7,5	6,6	5,7	5,5	5,2	5,6
Экспорт товаров, млрд. долл. США	400,4	521,4	530,7	521,6	493,6	339,6
Импорт товаров, млрд. долл. США	248,7	323,3	335,4	344,3	308,0	194,0
Средняя цена за нефть Urals, долл. США/баррель	78,2	109,3	110,5	107,9	97,6	51,2

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики. <http://www.gks.ru>; Федеральной таможенной службы <http://www.customs.ru>; Бюллетеня Министерства экономического развития РФ «О текущей ситуации в экономике Российской Федерации» <http://economy.gov>.

Анализ динамики макроэкономических показателей российской экономики за период 2010–2015 гг. показывает постепенное снижение темпов экономического роста, что сопровождается усилением диспропорций в сфере производства, снижением инновационной активности производителей, усилением проблем разбалансированности технико-технологических характеристик основных фондов и инвестиций в основной капитал по базовым видам экономической деятельности. Развитие, основанное на экстенсивном использовании основных факторов, увеличение издержек производства снижают конкурентоспособность российской экономики. Расширение внутреннего потребительского спроса поддерживается опережающим ростом заработной платы относительно производительности труда. Рост инвестиций в основной капитал не приводил к соответствующему повышению отдачи на единицу используемых ресурсов.

В целом макроэкономическая ситуация в 2014 г. определялась тенденциями, сформировавшимися во второй половине 2012 г., и характеризовалась постепенным ослаблением динамики развития за счет факторов как внешнего, так и внутреннего спроса. Особенности функционирования экономики в 2010–2015 гг. были обусловлены различиями посткризисного восстановления отдельных компонентов совокупного спроса. Если в 2010-2012 гг. темпы роста внутреннего спроса опережали темпы роста ВВП и внешнего спроса, то со II квартала 2013 г. доминирующим фактором в российской экономике стало резкое замедление темпов роста потребительского и инвестиционного спроса. В 2013 г. прирост ВВП замедлился до 1,3% против 3,4% годом ранее, при этом темпы внешнего спроса увеличились до 104,6% против 101,4%, а внутреннего спроса замедлились до 101,3% против 105,5%.

Обострение геополитической обстановки и усиление экономических санкций в отношении России в 2014 году привели к росту неопределенности и резкому ухудшению бизнес-уверенности. Ограничение доступа российских бизнес-структур к международным финансовым ресурсам и ужесточение денежной политики привели к росту стоимости заимствования, что в еще большей степени негативно отразилось на инвестиционном спросе и потребительских настроениях, вызвав усиление оттока капитала и всплеск инфляции. Отток капитала из России побил все рекорды и оказался значительно выше прогнозов - в 2014 году из страны вывели \$151 млрд. (табл. 3). Причиной роста масштабов этого исхода в 2,5 раза стали санкции, закрывшие рефинансирование на внешних рынках и напугавшие иностранных инвесторов.

Таблица 3

Чистый приток/отток капитала, 2010–2015 гг., млрд. долл. США

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2015			
							1 кв. 2015	2 кв. 2015	3 кв. 2015	4 кв. 2015
Чистый приток	-30,8	-81,4	-53,9	-61,6	-151,6	-58,5	-33,1	-18,6	3,1	-10,0

капитала в частный сектор										
банковский сектор	22,8	-27,5	7,9	-17,3	-86,0	-34,0	-14,2	-12,6	-10,9	3,7
небанковский частный сектор	-53,6	-53,8	-61,8	-44,4	-65,6	-24,5	-18,9	-6,0	14,0	-13,6

Источник: составлено автором по данным Банка России. <http://www.cbr.ru/>

Падение цен на нефть и обострение внешнеэкономической ситуации с середины 2014 года привели к дальнейшему ухудшению условий для экономического роста.

Наибольший спад отмечается в инвестиционной деятельности. Сокращение связано со снижением капитальных вложений субъектов малого предпринимательства и инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами. В то же время рост инвестиционной активности крупных и средних организаций в течение года ускорялся (в III квартале до 3,1% после 2,1% во II квартале и 1,8% в I квартале). По итогам 2014 года инвестиции в основной капитал сократились на 2,5%, что связано в основном с компаниями рыночных секторов в таких видах деятельности как предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг, здравоохранение и предоставление социальных услуг, финансовая деятельность, металлургия и деревообрабатывающий комплекс.

В отрицательной области наблюдается динамика прибыли бизнес-структур по основным видам деятельности. Поддержало инвестиционную активность строительство жилья. Вводы жилья выросли по итогам 2014 года на 14,9%, тогда как в 2013 году они выросли на 7,2% соответственно. Это было обусловлено тем, что, несмотря на падение реальных доходов, спрос населения на улучшение жилищных условий продолжал оставаться высоким, и поддерживался активным расширением ипотечного кредитования. При этом динамика объема работ по виду деятельности «Строительство» в течение 2014 года оставалась отрицательной. В результате по итогам 2014 года объем строительных работ сократился на 4,5%. Ситуация в промышленном производстве складывалась следующим образом. Прирост промышленного производства по итогам 2014 года составил 1,7% и был обеспечен ростом добычи полезных ископаемых и обрабатывающих производств при снижении производства и распределения электроэнергии, газа и воды.

На потребительском рынке в 2014 году сохранились положительные тенденции, несмотря на то, что в течение года торговый и сервисный сегменты демонстрировали тенденцию замедления деловой активности.

Сохранение геополитической напряженности и ожидание возможных негативных последствий санкций и контрсанкций заставляет население отказываться от приобретения многих видов товаров и необязательных услуг или, в лучшем случае, к ограниченному пользованию ими. Все это создает атмосферу неуверенности в будущем и заставляет домашние хозяйства менять модель поведения от потребления к сбережению. В результате происходит сжатие потребительского спроса и замедление темпов роста оборота розничной

торговли и платных услуг населению. Объем оборота розничной торговли в 2014 г. увеличился на 2,5% по сравнению с 2013 г. (прирост в 2013 г. – 3,9%), платных услуг населению – на 1,3% (2,1%).

Одним из факторов, ограничивающих потребительский спрос, является замедление динамики кредитования физических лиц, которая к концу 2014 года в годовом выражении составила 13,8% против 28,7% в 2013 году.

Существенной причиной отсутствия выраженных позитивных тенденций на потребительском рынке остаётся усиливающийся дефицит платежеспособного спроса, связанный с замедлением роста реальных располагаемых денежных доходов населения, высоким уровнем цен, ослаблением национальной валюты, негативными процессами в мировой экономике. Экспорт товаров в декабре 2014 г. составил 34,5 млрд. долларов США (69,8% к декабрю 2013 г. и 94,2% к ноябрю 2014 года). Экспорт в страны дальнего зарубежья в декабре 2014 г. уменьшился по сравнению с декабрем прошлого года на 28,8% и составил 29,7 млрд. долларов США, экспорт в страны СНГ уменьшился на 38,0% (4,8 млрд. долл. США).

Доля стран дальнего зарубежья в общем объеме экспорта России за 2014 год, по оценке, увеличилась на 1,3 процентных пункта относительно 2013 года и составила 86,4%, доля стран СНГ снизилась до 13,6%. В декабре 2014 г. по сравнению с декабрем 2013 г. экспорт нефти в физическом выражении снизился на 22,8%, газа природного – на 19,8%, каменного угля – на 4,1%. За 2014 год экспорт нефти снизился на 6,7%, газа природного – на 10,9%, на 8,0% вырос экспорт угля каменного. Импорт товаров в декабре текущего года, по оценке, составил 24,7 млрд. долл. США (76,0% к декабрю 2013 г. и 105,9% к ноябрю 2014 года). Импорт из стран дальнего зарубежья в декабре 2014 г. составил 22,1 млрд. долларов США (77,6% к декабрю 2013 г.), из стран СНГ – 2,6 млрд. долларов США (64,0% к декабрю 2013 года). Доля стран дальнего зарубежья в общем объеме импорта России в 2014 году, по оценке, увеличилась на 1,8 процентных пункта и составила 88,2%, стран СНГ – соответственно снизилась до 11,8%. В 2014 г. импорт товаров из стран дальнего зарубежья в стоимостном выражении по сравнению с аналогичным периодом 2013 года сократился на 8,2%. В декабре 2014 г. относительно декабря 2013 г. импорт из стран дальнего зарубежья сократился на 22,3%. При этом наблюдалось снижение закупок продовольственных товаров на 24,9%, текстильных изделий и обуви – на 24,2%, продукции машиностроения – на 23,7%, химической продукции – на 16,2%. Ослабление номинального эффективного курса рубля составило в целом за 2014 г. 32,7% (из расчета декабрь 2014 г. к декабрю 2013 г.), реального эффективного курса – оценивается в 27,2%.

Международные резервы Российской Федерации за 2014 год сократились на 124,135 млрд. долларов США, или на 24,4% (на 28,023 млрд. долларов США, или на 5,2%, за 2013 г.) и по состоянию на 1 января 2015 г. составили 385,460 млрд. долларов США. За счет операций, учтенных в платежном балансе, в прошедшем году резервы уменьшились на 107,5 млрд. долларов США, главным образом в результате проведения валютных интервенций, а также

предоставления валютной ликвидности банкам-резидентам на возвратной основе. Среди других изменений наиболее существенно на величину резервных активов повлияла величина отрицательной курсовой и рыночной переоценки в сумме 25,2 млрд. долларов США, сформировавшаяся в результате динамичного укрепления позиций доллара США на международном рынке, а также снижение мировых цен на золото.

Дефицит федерального бюджета в 2014 году составил 327,96 млрд. руб., или около 0,5% ВВП против дефицита в размере 322,96 млрд. руб. (также около 0,5% ВВП) годом ранее. При этом доходы бюджета составили 14496,14 млрд. руб., или 20,4% ВВП (13019,95 млрд. руб., или 19,7% ВВП в 2013 году), а расходы бюджета (на кассовой основе) – 14824,11 млрд. руб., или 20,9% ВВП против 13342,9 млрд. руб. (20,2% ВВП) за двенадцать месяцев 2013 года. Непроцентные расходы сложились в объеме 14408,5 млрд. руб., или 20,3% ВВП (12982,65 млрд. руб., или 19,6% ВВП в 2013 году), а обслуживание государственного долга (процентные расходы) составило 415,61 млрд. руб., или 0,59% ВВП против 360,3 млрд. руб., или 0,54% ВВП годом ранее. Совокупный объем государственного долга составил по состоянию на 1 января 2015 г. 10299,11 млрд. руб., или 14,5% ВВП, увеличившись на 2750,78 млрд. руб., или на 36,4%. В структуре государственного долга на 1 января текущего года внешний долг составил 29,7% (24,2% - на 1 января годом ранее), внутренний долг – 70,3% (75,8% соответственно). За 2014 год увеличение денежной массы в национальном определении (денежного агрегата М2) составило 2,2% против 14,6% годом ранее (соответствующие показатели в реальном выражении составили -8,2% и 7,6% соответственно).

При этом, если объем наличных денег в обращении вне банковской системы (денежный агрегат М0) возрос за 2014 года на 2,7%, то депозиты в национальной валюте - на 2,2% (депозиты населения сократились на 3%, тогда как депозиты нефинансовых организаций возросли на 12,2%). Таким образом, прирост объема денежной массы сопровождался некоторыми изменениями в структуре денежного агрегата М2. В результате удельный вес наличных денег в обращении (денежного агрегата М0) в составе денежного агрегата М2 за 2014 год увеличился на 0,1 процентного пункта и на 1 января 2015 года составил 22,3% против 22,2% на 1 января годом ранее. Денежный мультипликатор за 2014 год сократился с 2,99 до 2,84, уровень ликвидности возрос с 12,7% по состоянию на 1 января 2014 года до 14,8% - на 1 января 2015 года. Объем денежной базы в широком определении, характеризующей денежное предложение со стороны органов денежно-кредитного регулирования, в целом за 2014 год возрос на 7,9% (на 6,6% за 2013 год) и составил по состоянию на 1 января текущего года 11332 млрд. рублей.

При этом, одним из основных источников, действовавшим в сторону уменьшения денежного предложения в течение большей части 2014 года, было абсорбирование остатков средств на счетах расширенного правительства в Банке России. В 2014 году потребительская инфляция за годовой период составила 11,4%, на 4,9 п.п. превысив прошлогоднее значение. На протяжении

2014 года уровень безработицы (с исключением сезонного фактора) находился на исторически минимальном уровне 5,1-5,2% от экономически активного населения. Динамика реальных располагаемых доходов населения в 2014 году была неравномерной: в I квартале снижение в годовом выражении составило 3,4%, во II и III кварталах – рост на 0,7% и 2,1% соответственно. В IV квартале реальные располагаемые доходы населения снизились на 3,5%, а по итогам года – на 1% по сравнению с 2013 годом. Номинальный прирост заработной платы на протяжении всего 2014 года был ниже уровня 2013 года, что на фоне постепенного ускорения инфляции привело к нарастающему отставанию в темпах роста реальной заработной платы. Годовая динамика реальных располагаемых доходов населения снизилась. В целом за 2014 год, по данным Росстата, номинальная начисленная заработная плата составила 32600 рублей (прирост относительно 2013 года – 9,2%), при этом реальный прирост составил 1,3% (в 2013 году - 4,8 процента).

Усугубление в конце года экономической ситуации, проявившееся, в том числе в падении курса рубля, снизило потребительскую уверенность населения. Это отразилось на соотношении уровня сбережений и потребления. Рост оборота розничной торговли в декабре 2014 г. составил 5,3% к уровню декабря 2013 года. В условиях замедления темпов потребительского кредитования обеспечение такого роста потребления происходило в основном за счет уже имеющихся у населения накоплений. Это подтверждает отрицательный прирост сбережений на депозитных счетах у населения.

По результатам 2014 года снижение данной статьи сбережений составило 362,3 млрд. рублей. В связи с обесцениванием рубля в 2014 году основным сберегательным инструментом населения выступала валюта. Норма чистых сбережений в целом за 2014 год снизилась до 10,3% против 10,6% в 2013 году. Тем не менее, на потребление в 2014 г. было использовано 75,1% денежных доходов населения, что меньше уровня 2013 года (75,8 процента). До последнего времени рост российского ВВП поддерживался потребительским спросом со стороны населения в розничной торговле и сфере услуг. Однако в течение 2014 года торговый и сервисный сегменты постепенно теряли роль драйверов экономического роста и все отчетливее демонстрировали тенденцию затухания деловой активности.

Очевидно, что платежеспособный потребительский спрос начал испытывать дефицит источников роста. Замедление роста реальных располагаемых денежных доходов населения (за 2014 г. снижение на 1,0%) усугубляется повышением уровня кредитной нагрузки для части населения и ослаблением национальной валюты. 2015 год стал началом сложной адаптации российской экономики к воздействию экономических санкций, введенных в июле 2014 года, и падению мировых цен на нефть в конце 2014 года. Такой двойной шок привел к резкому сокращению национального дохода, а также падению потребительского и инвестиционного спроса, в результате чего реальный ВВП России сократился на 3,7% в 2015 году.

Продолжалось сокращение потребительского и инвестиционного спроса (табл. 4). Расходы на конечное потребление сократились в годовой оценке на 7,0%. Потребление домашних хозяйств снизилось на 9,4%, сектора государственного управления – на 0,4%, а расходы некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства, выросли на 2,1%. Если по сравнению с первым полугодием 2015 года глубина падения увеличилась на 0,7 п. пункта, то по сравнению с III кварталом 2014 г. – ситуация оказалась противоположной - годом ранее динамика потребительских расходов населения и государства оставалась стабильной.

Таблица 4

Структура использованного ВВП в 2011–2015 гг.,
% к итогу, в действующих ценах

	2011	2012	2013	2014	2015
Валовой внутренний продукт в том числе:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Расходы на конечное потребление	68,8	70,4	73,6	72,3	73,5
домашних хозяйств	50,2	51,3	53,6	53,2	53,8
государственного управления	18,2	18,7	19,7	18,8	19,3
некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4
Валовое накопление	23,1	22,9	21,1	21,1	20,9
валовое накопление основного капитала	20,0	20,2	20,2	21,4	22,0
изменение запасов материальных оборотных средств	3,1	2,7	0,9	-0,3	-1,1
Чистый экспорт	8,1	6,8	5,6	6,6	8,1

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики.
<http://www.gks.ru>

В 2015 г. падение инвестиционного спроса (в отличие от потребительского) замедлилось. Валовое накопление сократилось в годовой оценке на 18,1%, что ниже показателей III квартала 2014 г. почти в 5 раз, но лучше результатов первого полугодия 2015 г. почти в два раза. Замедление спада связано с ростом запасов материальных средств, объем которых достиг 1,6% ВВП, по сравнению с их абсолютным сокращением в размере 4,7% ВВП в первом полугодии 2015 года. В то же время динамика падения накопления основного капитала почти не изменилась - 8,1% против 8,0% в первом полугодии 2015 года. Положительное влияние чистого экспорта на динамику ВВП, сдерживающее негативное влияние сокращения внутреннего спроса, продолжается. Экспорт товаров и услуг в III квартале 2015 г. снизился на 1,9%, в то время как глубина падения импорта товаров и услуг снизилась больше и достигла 25,5% (против 7,6% в соответствующем периоде предыдущего года и 27,5% в первом полугодии 2015 года).

В использовании ВВП в III квартале 2015 г. по сравнению со III кварталом 2014 г. сохраняется структурный сдвиг в сторону увеличения расходов на конечное потребление и чистого экспорта при снижении доли валового накопления. Доля потребительских расходов и чистого экспорта достигла 72,9% и 5,3% ВВП, соответственно, при сокращении валового накопления до 21,8% ВВП. В течение года ситуация складывается иначе. В III квартале 2015 г. на фоне падения доли чистого экспорта до 5,3% ВВП (первое полугодие –

11,7% ВВП) и снижения доли потребительской компоненты ВВП до 72,4% (первое полугодие –76,8%), произошел сильный рост доли инвестиционной компоненты ВВП до 21,8% (первое полугодие – 11,5%). В динамике ВВП по компонентам конечного использования в 2015 г. доля валового сбережения в ВВП сократилась до 26,5% при показателе 31,2% в 2011 г. Валовое накопление в 2015 г. составило 20,9% при изменении его структуры. Доля валового накопления в основном капитале повысилась по сравнению с предыдущим годом, однако удельный вес инвестиций в основной капитал в ВВП сохранился на среднем за период 2013–2014 гг. уровне и составил порядка 18,1%. Особенностью российской инвестиционной модели выступает низкий уровень трансформации валового национального сбережения и валового накопления в инвестиции в основной капитал. Значительные объемы сбережений не трансформируются в инвестиции в основной капитал, что можно признать хроническим явлением функционирования российской экономики на протяжении весьма длительного периода времени. Ситуацию в отраслях российской промышленности в 2015 г. можно охарактеризовать более глубоким спадом обрабатывающих производств при относительно слабой положительной динамике добычи топливно-энергетических полезных ископаемых.

Проявления циклических кризисных явлений по видам экономической деятельности свидетельствовали об отсутствии процессов реструктуризации отечественного бизнеса, направленных на формирование новых конкурентоспособных рынков отечественной продукции. Особое влияние оказывали внутренние ограничения, связанные с тем, что структура экономики не претерпела существенных изменений, а потенциал воздействия факторов, способствующих росту, оказался фактически исчерпанным. Со II квартала 2013 г. в обрабатывающем производстве стало фиксироваться падение объемов выпуска. В 2015 г. индекс промышленного производства составил 96,4% к показателю годом ранее. Индекс промышленного производства за пять месяцев упал на 2,3% (рис. 1).

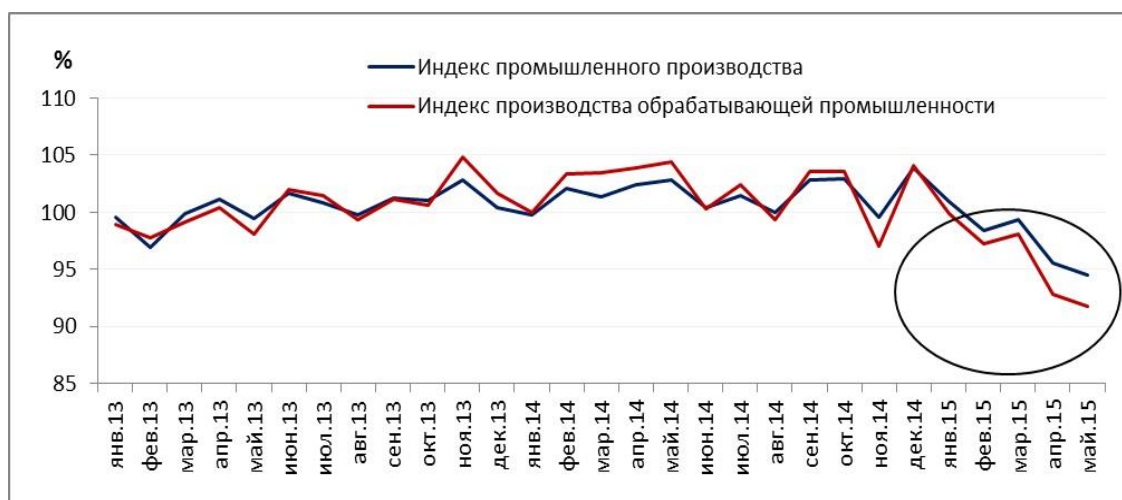

Рис. 1. Индексы промышленного производства, в %
(по данным ФСГС. <http://www.gks.ru>).

Падение в мае оказалось еще более существенным, достигнув 5,5%. Обрабатывающая промышленность демонстрирует худшие показатели из всех видов промышленного производства. Ее сокращение за 5 месяцев достигло 4,1%. Структурные особенности промышленной динамики в 2015 г. по отношению к 2014 г. определяются слабым ростом добычи полезных ископаемых (100,3%) при усилении спада обрабатывающего производства (94,5%). Динамика снижения промышленного производства указывает на то, что признаков оживления в экономике нет и, напротив, спад ускоряется. Промышленность сокращается на фоне роста издержек (удорожание кредитов, комплектующих из-за девальвации), дефицита инвестиций (дорогие кредитные деньги), низкого платежеспособного спроса в результате резкого сокращения заработных плат. По ряду отраслей падение за период январь-май 2015 года превышает 10% (приложение 4).

Индекс промышленного производства снизился на 1 п. пункт (до общих - 4,5% к декабрю прошлого года). Добыча полезных ископаемых незначительно выросла (+0,1%, г/г), в то время как в обрабатывающих производствах (-6,1%, г/г) снижение составило 0,8 п. пункта по сравнению с предыдущим месяцем, производство электроэнергии, газа и воды (-6,3% г/г) на 2,8 п. пункта меньше, чем в ноябре текущего года. Индекс промышленного производства в 2015 г. по сравнению с 2014 г. снизился на 3,4%, добыча полезных ископаемых выросла на 0,3%, обрабатывающие производства потеряли 5,4%, производство и распределение электроэнергии, газа и воды снизилось на 1,6%. Положительная динамика в годовом выражении в 2015 г. фиксировалась только в химическом производстве (106,3%), в производстве кокса и нефтепродуктов (100,3%) и в производстве пищевых продуктов (102,0%) (табл. 5).

Таблица 5

Индексы производства по основным видам обрабатывающих производств в 2010–2015 гг., % к предыдущему году

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Обрабатывающие производства	110,6	108,0	105,1	100,5	102,1	94,6
производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	103,2	103,9	104,1	100,6	102,5	102,0
текстильное и швейное производство	108,8	100,8	100,7	104,3	97,5	88,3
производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	119,9	105,7	98,1	95,6	97,2	88,6
обработка древесины и производство изделий из дерева	113,4	110,2	96,2	108,0	94,7	96,6
целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	103,1	106,5	105,8	94,8	100,4	93,7
производство кокса и нефтепродуктов	106,0	103,8	103,1	102,3	105,7	100,3
химическое производство	110,6	109,5	104,1	105,4	100,1	106,3
производство резиновых и пластмассовых изделий	124,4	111,4	112,8	105,9	107,5	96,3
производство прочих неметаллических минеральных продуктов	114,5	107,4	110,7	98,0	101,8	92,2
металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	112,4	107,0	104,8	100,0	100,6	93,5
производство машин и оборудования	115,2	111,1	102,7	96,6	92,2	88,9
производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	118,9	111,9	106,4	99,0	99,5	92,1
производство транспортных средств и	127,2	117,2	110,3	102,2	108,5	91,5

оборудования						
прочие производства	120,6	105,3	102,6	95,4	102,7	94,0

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики. <http://www.gks.ru>; Бюллетеня Министерства экономического развития РФ «О текущей ситуации в экономике Российской Федерации» <http://economy.gov>.

Что касается нефтехимической промышленности, то из-за введения с 2015 года налогового маневра, направленного, в том числе на сокращение выпуска тяжелых нефтепродуктов, упали объемы мазута. В то же время, такие сегменты, как производство бензина и пластмасс получили конкурентное ценовое преимущество при поставках на экспорт.

Производство продукции для строительства ускорило падение в декабре, причем темпы спада оказались самые высокие за весь 2015 год. Значительное снижение объемов производства стройматериалов также вызвано слабым спросом, снижением инвестиционной активности, сокращением числа заказов, ростом нормы сбережений населения. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. выпуск основных составляющих строительства - цемента и кирпича - упал на 9,9%, и 8,0% соответственно. Блоки стеновые потеряли 2,3%, конструкции и детали сборные железобетонные - 19,1%.

На фоне сокращения потребительского спроса и довольно высокой на протяжении всего года склонности населения к сбережению в течение всего года сохранялось сокращение продаж легковых автомобилей. В декабре склонность к сбережению существенно выросла (до 29%), а снижение продаж легковых автомобилей по итогам декабря составило практически 46%, что является самым большим показателем среди всех месяцев прошедшего года. Темп спада производства легковых автомобилей по итогам года составил почти 28%. В декабре 2015 г. по сравнению с декабрем 2014 г. производство легковых автомобилей сократилось почти на 39%, спад по сравнению с ноябрём составил 12,5%. Спад производства автобусов по итогам года составил 17%, производство грузовых автомобилей сократилось почти на 15%, производство грузовых магистральных вагонов снизилось почти на 46%. В положительной области по итогам года оказались магистральные тепловозы, объём производства которых вырос в 2,3 раза, электровозы магистральные постоянного тока – рост на 14,5%.

В ноябре 2015 г. по сравнению с ноябрем 2014 г. резко замедлился и составил менее 0,5% спад производства грузовых вагонов, а в декабре по данной позиции имел место рост в размере практически 25%, что связано с рядом институциональных и структурных изменений в отрасли. Динамика трех видов производства - машин и оборудования, транспортных средств, электрооборудования демонстрирует непрекращающееся ежемесячное падение. Май стал наименее благоприятным месяцем для промышленного производства (рис.2).

Рис.2. Динамика производства машин и оборудования, транспортных средств, электрооборудования, в % (по данным ФСГС. <http://www.gks.ru>).

Образовавшийся в 2012-2015 гг. «избыток» парка грузовых вагонов привёл к существенному снижению доходности перевозок и возникновению значительной кредиторской задолженности операторов на начало 2015 года. В то же время, вагоностроители, ориентировавшиеся на высокий спрос на вагоны в 2010-2012 годах, нарастили производственные мощности в гораздо большей степени, чем требовал рынок, и в условиях «перенасыщения» парка вагонов, а также отрицательной экономической эффективности покупки нового вагона столкнулись с падением спроса и существенно снизившейся загрузкой мощностей. С 1 января 2016 г. вступил в силу запрет на эксплуатацию грузовых вагонов с продлённым с 2016 года сроком службы (за некоторыми исключениями). Указанные меры должны привести к постепенному восстановлению арендной ставки, что будет способствовать росту инвестиционной привлекательности покупки новых вагонов и повысит спрос на них, стимулируя положительную динамику производства в отрасли.

В то же время, сокращение вагонного парка за счёт старых вагонов и его обновление новыми приведёт к стремлению быстрее окупить приобретение новых вагонов и к росту тарифов перевозок, увеличивая нагрузку на грузоотправителей. В этой связи присутствует риск сокращения грузооборота железнодорожным транспортом. Эти тенденции могут усилиться в случае возникновения дефицита по некоторым видам вагонов после сокращения парка. Выпуск станков, хоть и является довольно малочисленным сегментом, но относится к инвестиционным товарам и одним из важных элементов программы импортозамещения. Отрицательная динамика производства металлорежущих станков по итогам года составила 11,2%. Металлургический сектор в первой половине 2015 г. демонстрировал довольно неплохую положительную динамику благодаря значительным экспортным объемам. Однако в последнее время конъюнктура в условиях продолжающегося падения мировых цен на сталь и другую железорудную продукцию поменялась.

В декабре темпы прироста в металлургии составили -13,3%, что является самым низким показателем за 2015 год. Темпы прироста за период январь-

декабрь 2015 года составили -6,5%. По итогам 2015 года прирост производства чугуна составил 4,4% одновременно с увеличением объемов экспорта данного товара. Главной причиной снижения объемов производства стали и металлопроката является ухудшение рыночной ситуации на ключевых рынках. На внутреннем рынке сохраняется неблагоприятная ситуация, чему во многом способствует как длительное снижение внутреннего спроса на продукцию отечественных производителей, так остающиеся на низких уровнях цены. Отчасти негативная ситуация в металлургическом секторе в декабре и по итогам года по производству конструкций сборных из стали и проката черных металлов объясняется негативной динамикой в строительстве, а также существенным снижением производства и потребления автомобилей. Другим негативным фактором являются сохраняющиеся высокие объемы импорта проката со стороны украинских производителей.

В декабре 2015 г. темпы прироста в химической промышленности составили 1,3%, что является самым низким показателем за 2015 год. Однако по итогам 2015 года прирост производства составил 6,3%. Несмотря на сложную обстановку на международных рынках, а также снижение инвестиционного и потребительского спроса в стране, химическая промышленность по итогам года имеет наилучшую динамику среди отраслей промышленности. Положительной динамике производства важнейших товаров химической промышленности способствует ряд факторов, среди которых, безусловно, стоит выделить курс рубля, который благоприятствует приросту производства экспортируемой продукции, а также импортозамещению более дорогой зарубежной продукции даже в условиях снижения внутреннего спроса.

В наибольшей степени фактор импортозамещения сказался на динамике производства фармацевтической продукции и бытовой химии, выпуск которых за 2015 г. увеличился соответственно на 8,9 и 6,6% по сравнению с предыдущим годом. При этом отметим, что фармацевтическое производство в среднесрочной перспективе имеет определенный потенциал роста благодаря как государственной поддержке, так и повышению инвестиционной привлекательности для российских и иностранных инвесторов. За последние три года в России введено в действие более 10 новых фармацевтических заводов при одновременной модернизации существующих мощностей и освоении российскими производителями новых компетенций и знаний. Несмотря на сложные макроэкономические условия, расширяется сотрудничество с международными компаниями: в Санкт-Петербурге компания Bayer подписала соглашение с компанией «Полисан» о производстве в России трех препаратов немецкого концерна; компания Novartis строит завод; в Калужской области открылись локальное производство шведско-британской фармацевтической компании AstraZeneca и завод по производству инсулина, по заливке его в картриджи и упаковке готового лекарства датской компании Novo Nordisk; в Кировской области заключено соглашение с компанией Merck о локализации производства на заводе «Нанолек» (инвестиции – 10 млн евро). Рост производства основных химических веществ в октябре 2015 г. на 4,1%

относительно прошлого года обусловлен, в частности, выходом на проектную мощность новых нефтехимических заводов, которые были запущены в эксплуатацию в предыдущие годы: двух крупных заводов по производству полипропилена – «Полиом» (Омская область) и «Тобольск-Полимер» (Тюменская область) и по выпуску поливинилхлорида – «РусВинил» (Нижегородская область).

В пищевой промышленности на протяжении 2015 года наблюдались уверенные темпы роста и планомерное движение к импортозамещению. Практически все отрасли пищевой промышленности показали рост, двузначными темпами увеличивалось производство в сегменте санкционных продуктов. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. зафиксирован рост производства мяса и субпродуктов убойных животных на 13,0%, сыров и продуктов сырных на 17,1%. Однако, по некоторым товарным группам в декабре наблюдался спад, это было обусловлено снижением покупательной способности населения в результате падения реальных располагаемых доходов и роста внутренних цен на продукцию из-за удорожания ее себестоимости.

Также негативное влияние на показатели сектора оказало удорожание материально-технических ресурсов и заемных средств. Легкая промышленность по большинству позиций в декабре показала замедление падения, но по итогам 2015 года практически все товарные группы оказались в сильном минусе. Производство трикотажных изделий снизилось на 21,9%, обуви на 16,5%, хромовых кожтоваров на 10,7%. Уверенный рост на 14,7% показало только производство тканей всех видов. Даже девальвация рубля не защитила отрасль от спада, реализовать дополнительные возможности по увеличению экспортного потенциала большинству предприятий не удалось. Непростая ситуация в отечественном легкпроме также объясняется устаревшим оборудованием, зависимостью от дорожающего импортного сырья, невозможностью получать доступные кредиты для пополнения оборотных средств и реализации инвестиционных проектов.

Сальдированный финансовый результат по основным видам экономической деятельности в ноябре 2015 г. продолжил рост и составил в номинальном объеме 771 млрд. руб., что более чем в 2 раза превышает значение ноября 2014 г., но на 30,9% ниже уровня октября текущего года. По итогам одиннадцати месяцев он вырос на 48,6% в годовом выражении против снижения на 14,9% за аналогичный период 2014 года.

Этот прирост в основном обеспечили: обрабатывающие производства - 285,0% (на них приходится 1/4 всего объема сальдированного финансового результата по экономике), транспорт и связь – 64,3%, сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство – 52,6%, оптовая и розничная торговля – 35,1%. На улучшении финансовых результатов их деятельности сказались происходящая адаптация производителей к изменившимся условиям, в совокупности с ростом цен и позитивной динамикой производства в сельском хозяйстве. Значительный вклад в суммарный прирост также внесла финансовая деятельность, чей сальдированный финансовый результат в годовой оценке вырос по итогам

одиннадцати месяцев более чем в 9 раз в результате восстановления финансовых активов крупных кредитных организаций и получения курсовых разниц.

В добывающих отраслях рост сальдированного финансового результата в годовой оценке замедляется второй месяц подряд. По итогам января-ноября 2015 г. он составил 4,4% по сравнению с 21,9% в сентябре, в то время как в аналогичном периоде прошлого года он, напротив, ускорился и достиг в январе-ноябре 2014 г. 36,7%. Замедление роста прибыли в сырьевом секторе обусловлено ценовым фактором. В ноябре возобновился рост убытков, характерный практически для всего текущего года. Они возросли на 165 млрд. рублей против снижения на 135 млрд. рублей в октябре 2015 года. Однако сохраняется позитивная тенденция сокращения доли убыточных предприятий в их общем количестве, сформировавшаяся в начале года. По итогам января-ноября она сократилась до 29,3% по сравнению с 36,1% в январе. Сохраняющаяся тенденция роста прибыльности реального сектора потенциально может привести к замедлению спада инвестиций, однако пока этому препятствуют высокие процентные ставки по кредитам и нестабильность курса национальной валюты.

В декабре 2015 г. снижение инвестиционной активности в российской экономике ускорилось и составило 8,1% (в предыдущем месяце было 6,5%). В результате номинальный объем инвестиций в основной капитал за январь-декабрь 2015 г. составил 14 555,9 млрд. рублей, а физический объем по сравнению с соответствующим периодом 2014 года снизился на 8,4% (в январе-ноябре снижение составило 8,5%). Во внутригодовой динамике наибольшее сокращение было зафиксировано в III квартале (на 13,0%). За период январь-май 2015 года падение составило 4,8%. Оно было вызвано сокращением привлеченных средств, что прямо сопряжено с удорожанием кредитов, импортной продукции машин и оборудования в результате девальвации рубля. Падение инвестиций - длительное явление, которое идет с 2013 года (*рис.3*). Сокращение инвестиций связано с уменьшением объемов государственной поддержки и объема привлеченных средств в результате снижения доходности бизнеса.

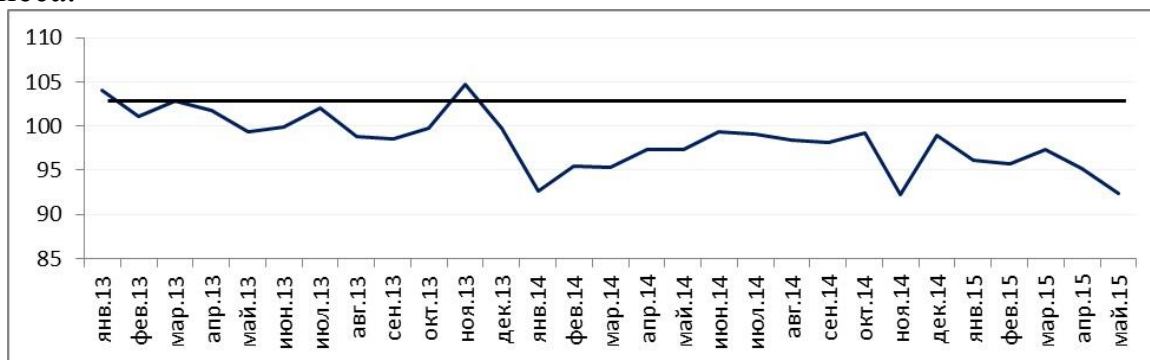

Рис.3. Инвестиции в основной капитал, в % (по данным ФСГС <http://www.gks.ru>).

Показатель инвестиций традиционно коррелирует с промышленным производством. Инвестиции выступают необходимым ресурсом для

промышленности. Их дефицит приводит к замедлению производства, что демонстрируют данные последних двух лет. К основным факторам торможения инвестиционных процессов можно отнести снижение потребительского спроса, вызванное падением реальных доходов населения и ограничения источников финансирования (ограничения возможности заимствования российскими компаниями кредитных ресурсов за рубежом и высокие процентные ставки по кредитам отечественных банков). Объем кредитных средств, предоставленных нефинансовым организациям-резидентам в рублях и иностранной валюте, по данным Банка России, по состоянию на 01.12.2015 г. в номинальном выражении снизился на 12,3% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, а общая сумма задолженности по кредитам выросла на 9,1%. При этом, средневзвешенная ставка по рублевым кредитам сроком до 1 года, предоставленным нефинансовым организациям, снизилась с января 2015 г. на 6,11 п. пункта, достигнув в ноябре текущего года 13,75% (по сравнению с октябрём ставка выросла на 0,17 п. пункта). Для субъектов малого и среднего предпринимательства кредитная ставка немного снизилась за месяц – 16,72% годовых в ноябре текущего года (в октябре 16,96%). Несмотря на некоторое снижение процентных ставок, их уровень, по-прежнему, остается достаточно высоким для многих видов экономической деятельности, превышая их уровень рентабельности. В среднем по экономике за январь-сентябрь 2015 г. рентабельность проданных товаров, продукции, работ и услуг составила 9,5%. Объем работ, выполненных в секторе «строительство», за январь-май 2015 г снизился на 6,1%, при этом максимальное падение пришлось на май, когда объем работ сократился на 10,3%. (рис. 4) В результате девальвации произошло удорожание материалов для строительства, которые являются преимущественно импортными. Вместе с тем, дестабилизация банковского сектора и рост кредитов затруднили возможности ипотечного кредитования, что соответственно привело к сокращению спроса, который выступал основой инвестиций в сектор строительства.

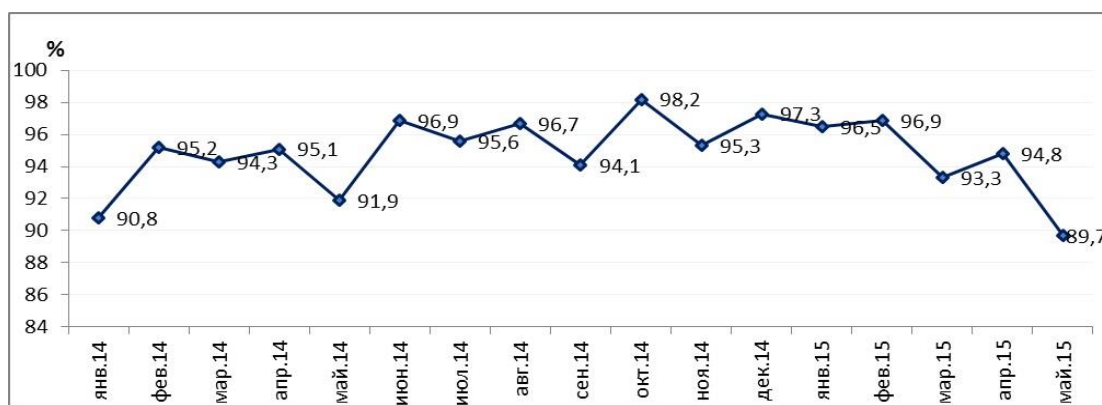

Рис.4. Индекс выполненных работ в секторе «Строительство», в %
(по данным ФСГС. <http://www.gks.ru>).

Несмотря на высокие темпы роста в начале года, по итогам 2015 г. не удалось сохранить положительный прирост ввода жилья (введено 83,8 млн. кв. м общей площади жилых домов, что на 0,5% меньше построенного годом

ранее). На спрос на недвижимость оказывает влияние как снижение реальных доходов населения, так и сохраняющаяся высокая средневзвешенная ставка по рублевым ипотечным кредитам, выданным в течение месяца. Несмотря на снижение ставки в отчетном периоде до уровня более чем годичной давности (до уровня 1 сентября 2014 г.) – 12,3% годовых (максимальная ставка наблюдалась в марте-апреле 2015 года – 14,73% годовых), номинальный объем предоставленных рублевых ипотечных жилищных кредитов сократился на 36,7% (с 1 576,7 млрд. руб. до 997,9 млрд. руб. за 11 месяцев 2014 г. и 2015 г. соответственно). При этом количество выданных кредитов сократилось за тот же период на 34,2%. В 2015 г. произошло резкое сокращение потребительского спроса. При этом большая часть населения в 2015 году придерживалось сберегательной модели поведения. Особенно данная тактика сегодня присуща низкодоходным и частично средне доходным слоям населения. Как результат, с начала 2015 года наблюдается снижение динамики оборота в сфере розничной торговли и услуг (*рис.5*).

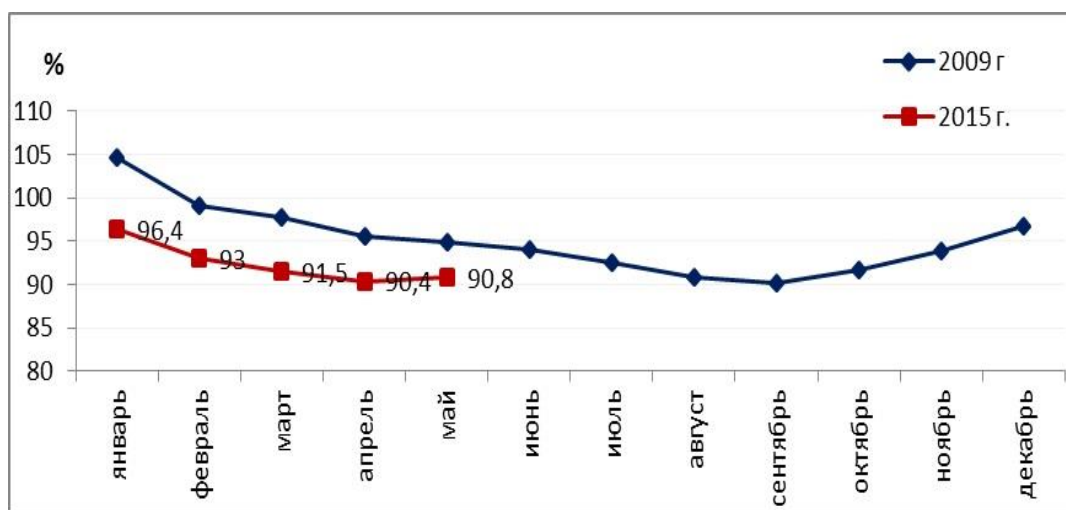

Рис.5. Оборот розничной торговли (по данным ФСГС. <http://www.gks.ru>).

Один из стратегических сегментов российской экономики - розничная торговля, завершила 2015 год с самыми худшими результатами более чем за сорокалетний период. Снижение динамики оборота розничной торговли за 2015 год на 10% прежде всего обусловлено коррективами в изменении потребительской модели домашних хозяйств от потребления к сбережению.

В январе-декабре 2015 г. при увеличении объема денежных доходов (номинальных) населения на 10,2% по сравнению с соответствующим периодом 2014 года, средства на покупку товаров и оплату услуг выросли на 5,0%, тогда как сбережения – в 1,5 раза. В структуре использования денежных доходов населения доля потребительских расходов снизилась, и составила 71,2% всех денежных доходов населения, из них расходы на покупку товаров – 54,5%, тогда как в январе-декабре 2014 г. она составляла соответственно 75,3% и 57,4%. В то же время доля сбережений выросла с 6,9% до 14,1% (без учета наличных денег у населения и покупки валюты).

Оборот розничной торговли в декабре 2015 г. увеличился по сравнению с ноябрем 2015 г. (в сопоставимых ценах) на 20,1%, тогда как в декабре 2014 г. рост против ноября 2014 г. составил 23,2%.

В декабре 2015 года россияне потратили даже меньше, чем в конце 2012 года.¹²² Ухудшение делового климата в сфере услуг в 2015 году связано, в первую очередь, с сокращением платежеспособного спроса со стороны населения. Торможение роста доходов, обесценивание рубля на фоне сохраняющейся неопределенности в оценке экономической ситуации вынуждают потенциальных потребителей услуг экономить и тратить деньги лишь на самое необходимое. В результате сокращается объем бизнеса компаний и их прибыль. Предприятия сферы услуг сокращают персонал и теряют свой конкурентный потенциал. При этом следует отметить, что по результатам опроса центра конъюнктурных исследований и экономики знаний ВШЭ на рынке услуг в конце 2015 года сохранился достаточно спокойный инфляционный фон. Индекс цен на услуги в декабре 2015 г. к соответствующему периоду предыдущего года составил 110,2%, но при этом, был ниже потребительской инфляции в целом (115,5%).

В результате совокупного действия этих факторов за 2015 год объем платных услуг населению снизился по сравнению с 2014 г. на 2,1%, (в 2014 году рост на 1,0%), тогда как оборот розничной торговли упал на 10%. Незначительное по сравнению с розничной торговлей снижение объема платных услуг объясняется, тем что в структуре платных услуг населению около 2/3 объема составляют услуги связи, транспорта и жилищно-коммунальные, которые в основном носят обязательный характер и слабо реагируют на внешнюю конъюнктуру.

Финансовые проблемы домашних хозяйств неизбежно сказались на состоянии сервисных организаций – переходя в режим экономии, население пытается создавать личные резервные фонды и фонды семейного благосостояния, отказываясь от приобретения необязательных услуг.

В итоге пострадали все: предприниматели, оказывающие бытовые услуги и занимающиеся ремонтом бытовых изделий и предметов личного пользования, а также рекламщики, риелторы, стоматологи, страховщики и многие другие. Не смогли удержаться на плаву даже предприниматели, оказывающие услуги связи. На протяжении предыдущих трех лет проведения обследований они всегда позитивно оценивали показатели деловой активности своих организаций. По итогам 2015 года снижение объемов отмечено по 9 из 14 видов платных услуг, по которым ведется наблюдение за ценами, наибольшее снижение объемов наблюдается по туристским услугам - на 9,9%, что на 4,5 п. пункта меньше показателя января-декабря 2014 года.

Годовые темпы сокращения реальной заработной платы работников организаций в декабре составили 10%, что меньше показателей за ноябрь

¹²² По данным исследовательского холдинга Ромир, полученным на основе панели домашних хозяйств Romir Scan Panel, в декабре 2015 г. повседневные расходы россиян выросли на 19,4% по сравнению с ноябрем, тогда как в декабре 2012 г. – 24%

(10,4%). В целом за январь–декабрь 2015 г. реальная заработная плата сократилась на 9,5% к соответствующему периоду 2014 года.

Снижение реальных располагаемых доходов в декабре 2015 г. составило 0,7%. Существенное замедление сокращения объясняется в основном низкой базой декабря 2014 года. В целом за 2015 год реальные располагаемые доходы населения снизились на 4,0% по сравнению с 2014 годом. Просроченная задолженность по заработной плате в целом за 2015 год выросла на 78,1%, однако ее уровень составляет менее 1% месячного фонда заработной платы работников наблюдаемых видов экономической деятельности.

Норма сбережений (с исключением сезонного фактора) в декабре составила 14,6%, в целом за 2015 год уровень сбережений стал максимальным за последние 5 лет: норма сбережений составила 15,4%. За период январь-май 2015 года к январю-маю 2014 года индекс потребительских цен составил 16,2%, цен промышленных товаров – 11,6%, тарифов на грузовые перевозки – 10,4%. Сравнение с предыдущим годом отражено в приложении 5. В 2015 году потребительская инфляция по итогам года составила 12,9%. Инфляция второй год подряд находится на двухзначном уровне после того как в 2011–2013 годах удалось ее понизить до 6–6,6%. Прирост потребительских цен к декабрю прошлого года составил для продовольственных товаров 11,3%, для непродовольственных товаров 8,4%, для услуг 3,9% (наибольший прирост по группе страхования 20,5% и дошкольному воспитанию 13%). Темпы ежемесячного прироста цен замедляются. Если в январе цены на данные группы товаров выросли соответственно на 5,7%, 3,2% и 2,2%, то в мае на 0,1%, 0,5% и 0,5% соответственно (*рис.6*).

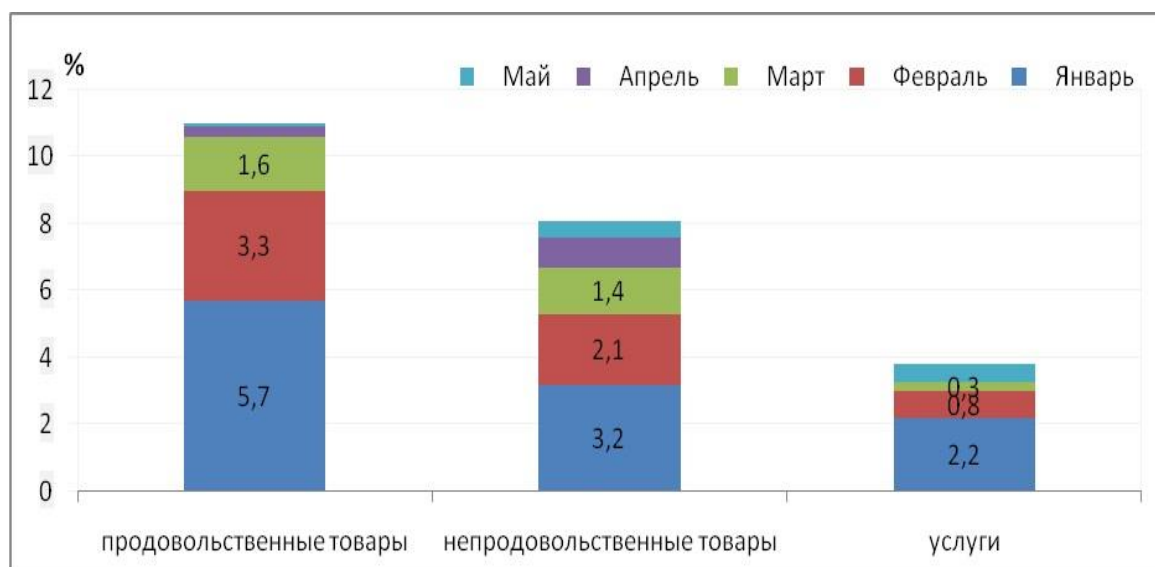

Рис.6. Индекс потребительских цен (по данным ФСГС. <http://www.gks.ru>).

В среднем за 2015 год к предыдущему году инфляция составила 15,5% после 7,8% в 2014 году. Основной вклад в ускорение инфляции внесла девальвация рубля, начавшаяся в конце 2014 года. По оценке

Минэкономразвития России, вклад девальвации в инфляцию составил в среднем за год около 8 п. пунктов. Также непосредственное влияние на инфляцию продолжали оказывать принятые контрсанкции по ограничению импорта продовольствия, однако к концу 2015 года их влияние стало незначительным. Влияние девальвации на инфляцию ослабевало, составив к концу года 5,8 –6 п. пункта вследствие постепенного усиления сдерживающего влияния сократившегося спроса. Так, несмотря на возобновившуюся девальвацию рубля в декабре и повысившиеся девальвационные ожидания, за месяц рост цен сохранился на относительно умеренном уровне ноября, тогда как в конце 2014 – начале 2015 года цены быстро реагировали на курсовую динамику. В декабре индекс потребительских цен составил 0,8%, м/м, а с исключением сезонного роста цен (БИПЦ) – 0,6%, так же как и в ноябре.

Сдерживающее влияние падающего спроса усилилось в начале 2016 года. Несмотря на продолжающуюся девальвацию рубля и неопределенность его дальнейшей динамики, еженедельная динамика роста цен в январе стабильно держится на уровне 0,2%, так же как и в декабре 2015 года. В целом с начала 2016 года по 1 февраля прирост потребительских цен составил 0,9%, что близко к докризисным значениям в январях 2013 и 2014 годов.

Высокий рост цен наблюдался на рынке продовольственных товаров под влиянием девальвации рубля, а также ослабления конкуренции и дисбалансов на рынках. Во втором полугодии вследствие расширения импортозамещения влияние данных факторов на ценовую динамику ослабело. За годовой период продукты подорожали на 14%. При этом в течение года шла значительная трансформация потребления населения в пользу более дешевых товаров в основном растительного происхождения, что отразилось на ускоренном росте цен последних, который был в 1,2 раза выше среднего.

В 2015 году отмечен высокий рост цен на непродовольственные товары с исключением бензина, цены на которые выросли на 14,5% против 8% годом ранее. Значительное подорожание было обусловлено реакцией на девальвацию рубля при высокой доле импорта и ограниченных возможностях его импортозамещения. При этом спрос на непродовольственные товары падал, что сказалось на более сильном сокращении непродовольственного импорта, чем продовольственного. Традиционно на сжатие платежеспособного спроса более слабой динамикой отреагировали цены на услуги. За январь-декабрь рост цен на рыночные услуги замедлился до 10,3% с 11,4% в 2014 году. Значительнее всего подорожали услуги, зависимые от курса рубля: услуги зарубежного туризма, страховые услуги, услуги воздушного транспорта. При этом их потребление резко сократилось. На фоне слабого спроса потребительскую инфляцию подпитывала инфляция издержек.

В промышленности в 2015 году цены производителей выросли на 10,7%, что в 2 раза выше, чем годом ранее (5,9%). При этом основной рост цен пришелся на начало года. Вследствие резкого падения ценовой конкуренции импорта, и подтягивания цен на промежуточные товары до равнодоходного уровня с поставками на экспорт, за январь-апрель цены выросли на 12,1%.

В последующий период рост цен в промышленности практически приостановился. Изначально основным фактором стал слабый внутренний спрос на товары для инвестиционного комплекса. С середины года на отрицательную ценовую динамику влияние стала оказывать ухудшившаяся мировая конъюнктура, при этом из-за упавшего внутреннего спроса ее не компенсировало падение рубля.

На товары, торгуемые на внешних рынках (материально-сырьевые ресурсы). За 2015 год цены производителей в данной группе выросли на 10,9% (годом ранее – на 3,2%). Основной рост зафиксирован в первом полугодии (22,6%) на фоне относительно стабильной мировой конъюнктуры на рынках углеводородов, черных и цветных металлов. Во втором полугодии цены производителей снизились на 9,5% на фоне падения мировых цен на нефть, металлы. На неторгуемые товары (с исключением производства электро- и теплоэнергии) в 2015 году рост цен выше – 12,4% (8,7% годом ранее). Половина от этого роста пришлась на первые два месяца года – цены выросли на 6,1%, что в значительной мере обусловлено ослаблением конкуренции импорта в результате девальвации. В последующий период рост цен замедлился – за оставшиеся десять месяцев цены выросли на 6,0%. При этом основным фактором стал рост издержек на импортные материальные ресурсы. На продукцию инвестиционного назначения (капитальное строительство) сводный индекс цен в 2015 году составил 10,3% (годом ранее – 7,2%), в декабре цены выросли на 1,4%. Основной вклад в рост цен в среднем по группе внесло удорожание машин и оборудования на 20,1% (в 2014 г – 12,3%). В строительстве (на строительномонтажные работы) при падающем спросе за год цены выросли всего на 4,1% (в 2014 году – на 4,6%).

Экспорт товаров в 2015 году, по оценке, составил 339,6 млрд. долл. США (падение на 31,8% к 2014 году). Экспорт в страны дальнего зарубежья в 2015 году снизился по сравнению с прошлым годом на 32,1% и составил 291,4 млрд. долл. США, экспорт в страны СНГ сократился на 30,0% (48,2 млрд. долл. США). Доля стран дальнего зарубежья в общем объеме экспорта России в 2015 году уменьшилась до 85,8% (86,2% в 2014 году), стран СНГ увеличилась до 14,2% (13,8% в 2014 году).

В 2015 году цена на нефть марки «Urals» снизилась относительно 2014 года на 47,5% и составила 51,2 долл.США за баррель. Средние контрактные цены на российский природный газ, по данным Международного валютного фонда, на границе Германии в 2015 году уменьшились на 30,2% относительно предыдущего года и составили 263,0 долл. США за тыс. куб. м. Импорт товаров в 2015 году составил 194,0 млрд. долл. США (снижение на 37,0% к 2014 году). Импорт из стран дальнего зарубежья в 2015 году снизился на 37,2% по сравнению с 2014 годом и составил 170,9 млрд. долл. США, из стран СНГ – на 35,8% до 23,1 млрд. долларов США.

Доля стран дальнего зарубежья в общем объеме импорта России, по оценке, в 2015 году по сравнению с 2014 годом уменьшилась на 0,2 п. пункта до 88,1%, доля стран СНГ соответственно увеличилась. По предварительным

данным таможенной статистики, в 2015 году импорт товаров из стран дальнего зарубежья в стоимостном выражении по сравнению с 2014 годом снизился на 36,4%. Положительное сальдо торгового баланса в 2015 году составило 145,6 млрд. долл. США, относительно 2014 года снизилось на 23,3%.¹²³

Таким образом, 2015 год был непростым для отечественного бизнеса и российской экономики в целом. Негативная макроэкономическая конъюнктура, падение мировых сырьевых рынков, снижение курса рубля и отток капитала продолжали оказывать влияние на экономические показатели и стоимость российских компаний. Причем сложившаяся картина во многом стала продолжением также непростого 2014 года. Впрочем, далеко не все компании России демонстрировали падение своей стоимости. Наблюдалась и обратная ситуация, что было связано как с повышением эффективности бизнеса, так и с переоценкой рынком своих приоритетов в различных секторах экономики.

Обзор макроэкономической ситуации в Российской Федерации за период 2010-2015 гг. позволяет сделать ряд следующих важных выводов. На всем протяжении 2000-х годов самочувствие национального хозяйства России, ее финансовой системы преимущественно определялось состоянием мировых рынков – расширением производства и потребления, ростом цен на энергоносители, прежде всего на нефть и легким доступом к внешним финансовым ресурсам. Сочетание этих факторов обуславливало источники, масштабы и направления движения потоков валютно-финансовых средств между российской экономикой и остальным миром, а также динамику национальной валюты.

Вместе с тем, в 2000-е годы экономическое развитие России в значительной мере финансировалось за счет масштабного притока средств из-за рубежа, что стимулировало рост инвестиций и потребления. При этом большую часть привлеченных инвестиционных ресурсов оттягивали на себя финансовые рынки. Несомненно, модель воспроизводства, базирующаяся на масштабном внешнем финансировании, позволяет получать дополнительные ресурсы для экономического роста. Но она весьма неустойчива, поскольку направленность финансовых потоков между внешним миром и внутренней экономикой характеризуется высокой изменчивостью. Структурный перекос в распределении ресурсов потенциально означал риск быстрого оттока средств в случае падения доходности российского фондового рынка, так как более 80% финансовых инвестиций составляли краткосрочные вложения.[44]

Устойчивый экономический рост возможен лишь только на основе высокотехнологичных производств, современных знаний и масштабного применения инноваций в экономике на базе органичного сочетания науки, государства и бизнеса. Переход к неоиндустриальной парадигме необходим с учетом анализа работы пореформенной экономики в период 2010-2015 гг., позволяющего судить об объективной необходимости кардинальных изменения как проводимой промышленной политики, так и базисных основ экономической системы.

¹²³ <http://edata.customs.ru>

В настоящее время, что отрадно, в научных, общественно-политических кругах и органах государственной власти России активизировался поиск ответов на принципиальные вопросы настоящего и будущего России. Несомненный импульс повышению активности экономической мысли придал глубокий кризис, остро затронувший нашу экономику. В то же время многие из авторов недостаточно внимания уделяют внутренним проблемам экономического и социального развития России.

Благодаря своему геополитическому положению, огромному национальному богатству, сохранившемуся еще научному и профессиональному потенциалу Россия в состоянии (при изменении экономического курса), опираясь на собственные возможности, создать сильную национальную экономику. Этому может способствовать выработка новой модели созидательного экономического курса по выводу экономики на инновационно-конкурентный тип развития на основе учета отечественного и зарубежного опыта экономического строительства, функционирования денежно-кредитной и финансовой систем, ориентированных на укрепление национальной валюты, пополнение доходной части госбюджета на основе развития отечественной промышленности, повышения доверия населения к государственным мероприятиям, что позволит нашей стране выйти на траекторию устойчивого экономического роста. Особое значение приобретает политика государства в области государственных финансов и кредитно-денежных институтов, реформирование базовых отраслей промышленности и формирование на этой основе эффективно функционирующих интегрированных корпораций.

На основе использования инновационного потенциала эффективно функционирующих интегрированных корпораций в промышленном секторе представляется реальным выработать механизм ускоренного развития промышленного комплекса.

Необходима целенаправленная стратегия промышленного развития с механизмом реализации в приоритетном порядке новейших технологий и производств, имея в виду такие прорывные направления как нанотехнологии, достижения в области использования атома в мирных целях, авиа- и судостроение, морские буровые платформы и пр. При этом требуется принятие и изменение нормативно-правовой базы, способствующих стимулированию развития наукоемкого бизнеса НИОКР, экспорта высоких технологий. Последние мероприятия правительства, связанные с формированием институтов развития (особых экономических зон, инвестиционного фонда Банка развития корпораций «Ростехнологии» и «Росатом», Российской венчурной компании и др.), осознанием значимости «экономики знаний», разработкой и осуществлением национальных проектов и концепций долгосрочного развития до 2020 должны быть скорректированы и дополнены поворотом к новому экономическому курсу.

Меры, прежде всего, должны быть сосредоточены на укреплении и развитии реального сектора экономики, укреплении отечественной валюты, на предотвращении утечки капитала и концентрации финансовых ресурсов,

направляемых на развитие отечественного производства, и в первую очередь высокотехнологического сектора и науки; на возрождении и укреплении в сфере обращения потребительской кооперации.

Представляются важными меры по нейтрализации и устранению валютно-спекулятивного сектора в финансовой сфере, формированию бюджета развития и на его основе государственного банка реконструкции и развития, который должен заниматься инвестициями в производство, в частности, обслуживать значимые крупные инвестиционные проекты и программы с широким кругом участников. С деятельностью этого банка должны закладываться основы новой финансово-кредитной политики и введения так называемого инвестиционного рубля - внутренней денежной единицы для безналичных расчетов, что имело бы достаточно серьезные перспективы для укрепления экономики. Только решив вышеперечисленные ключевые проблемы можно рассчитывать на формирование действительно эффективной, реально конкурентоспособной отечественной промышленности, устойчивый долгосрочный экономический рост, способный вывести страну на качественно новый уровень благосостояния.

Список литературы:

1. Ерзнкян Б.А., Омарова З.К. Развитие корпоративных форм организации производственно-хозяйственной деятельности // Микроэкономика. 2016. № 4. С.17-22.
2. Зоидов К.Х. Некоторые задачи идентификации эконометрических зависимостей. М.: ВЦ РАН, 1999. 241 с.
3. Зоидов К.Х. Экономическая эволюция и эволюционная экономика. М.: ИПР РАН, 2003. 156 с.
4. Зоидов К.Х. Экономические кризисы: причины, последствия, пути преодоления. М.: ИПР РАН, ИМ АН РТ, 2004. 208 с.
5. Зоидов К.Х., Медков А.А., Зоидов З.К. Развитие транзитной экономики – основа стабильности, безопасности и модернизации России и стран Центральной Азии / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. - М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. - 339 с.
6. Омарова З.К., Зоидов Х.К. Механизмы регулирования внешнеэкономической деятельности в решении проблем модернизации и повышения конкурентоспособности национальной экономики // Региональные проблемы преобразования экономики. 2015. № 10 (60). С. 9-13
7. Омарова З.К. Развитие международной экономической интеграции как особого фактора регулирования внешнеэкономической деятельности в условиях нестабильности // Сегодня и завтра Российской экономики, 2016. - № 78.
8. Омарова З.К. Развитие интеграции корпоративных систем как особого фактора регулирования внешнеэкономической деятельности в условиях нестабильности // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2016. № 5.
9. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Губин В.А., Зоидов З.К. Исследование социально-экономической циклической динамики России и совершенствование регулирования стратегии опережающего развития. М.: ЦЭМИ РАН, 2012. 207 с.
10. Цветков В.А., Чуев А.В., Саакян Ю.З., Абрамов М.Д., Кашин В.А., Григорьев А.В., Зоидов К.Х., Мигранян А.А., Медков А.А., Рудаков Е.Р., Полыгалов А.С., Молоканов С.Е. Администрирование внешнеторговых грузопотоков. Труды ЭАЦ «Модернизация», вып. 7. М., ЭАЦ «Модернизация», 2013. - 480 с.
11. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Медков А.А. Формирование эволюционной модели транспортно-транзитной системы России в условиях интеграции и глобализации. — М. : ИПР РАН; СПб.: Нестор-История, 2014. — 800 с.

РОЛЬ ПРОЕКТНОГО ОФИСА В ОРГАНИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В КЛАСТЕРЕ

Орлов Павел Алексеевич – студент-магистрант, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный радиотехнический университет»

Горчакова Е.А. – аспирант, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «МЭИ»

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16–18–10149). Исследование выполнено в Институте проблем рынка Российской академии наук.

Действие экономических санкций, затянувшееся падение цен на сырьевые ресурсы и нестабильность на мировых финансовых рынках оказали существенное влияние на российскую экономику, результатом которого стало снижение валового внутреннего продукта, сокращение доходной части бюджета и спад экономической активности предприятий (индекс физического объема ВВП за 2015 год составил 96,3%, а индекс промышленного производства за 2015 год – 96,6% [13]). Ряд экономистов в сложившихся условиях хозяйствования видит неоспоримые признаки стагфляции, тогда как общий экономический спад сопровождается высокими темпами инфляции и удорожанием кредитных ресурсов [1]. Мировой опыт решения стагфляционных проблем [1] подтверждает необходимость преобразований в экономике, позволяющих опереться на инновации как базис для экономического роста.

Исследование тенденций развития крупнейших экономик мира, таких как США, Китай, Германия, Великобритания и другие показывает приоритетность формирования инновационной экономической системы. Промышленная политика многих стран мира направлена на формирование к 2020 году инновационной промышленности, обеспечивающей связь научных разработок с производством [3]. Чтобы не лишиться своего места в мировой экономической системе, России необходимо уже сегодня сосредоточить все силы на переходе к новому технологическому укладу и решению проблем, препятствующих текущему экономическому развитию.

Специфика российской экономики, долгое время ориентированной на экспорт сырья, а не промышленных товаров или технологий, привела к сокращению отечественного индустриального производства, в котором всё отчетливее наблюдается явление деиндустриализации [2]. Следовательно, создание инновационной промышленности в России тесно связано с задачами реиндустриализации. Возрождение отечественной промышленности должно основываться на единстве трёх ключевых компонентов: производства, науки и образования [2]. Поэтому на первый план выходят те модели и способы экономического развития, которые способны обеспечить это единство на практике.

Одной из таких моделей на сегодняшний день является кластеризация. Борьба между отраслевым и территориальным подходами имеет длинную историю, а современный подход к новому соотношению территории и отрасли

впервые был представлен в работах американского экономиста М. Портера и его последователей. В основе кластеризации лежит идея о формировании территориальных комплексов предприятий, связанных между собой, но при этом сохраняющих хозяйственную самостоятельность. Суть кластеризации заключается в концентрации на территории определённого региона основных «звеньев» цепочки стоимости продукции, что будет давать данной территории дополнительные конкурентные преимущества [4,5,6].

Кластер формируется вокруг продукта, на который имеется спрос на рынке и производство которого отвечает профилю входящих в кластер предприятий. Кроме фирм, занятых непосредственно производством продукта и его составляющих, кластер объединяет образовательные институты, научные центры, поставщиков финансовых ресурсов и региональные власти. Таким образом, кластер образует взаимосвязанный механизм, позволяющий увеличить эффективность производства конкретной продукции, обеспечить связь науки и промышленности и поспособствовать экономическому развитию региона. Наличие конкуренции (за счет, прежде всего, сохранения хозяйственной самостоятельности кластера) среди участников кластера позволяет приблизить кластер к рыночным реалиям и обеспечивает «естественный отбор» самых лучших и конкурентоспособных проектов.

Ввиду изложенных причин, кластеризация стала важным направлением политики экономического развития России. Прототипы современных кластеров существовали ещё в Российской империи и СССР, однако активное развитие кластерных структур началось в 2009-2010 годы. На сегодняшний день в России функционирует около 100 кластеров [11], отличающихся как формами взаимодействия, так экономическими результатами деятельности. Наиболее популярными направлениями кластеризации являются ядерная энергетика, автомобилестроение, информационно-коммуникационные технологии, обрабатывающее производство и металлургия, медицинская промышленность и фармацевтика, микроэлектроника, химическое производство.

Несмотря на поддержку со стороны государства и региональных властей, сами кластеры пока не демонстрируют выдающихся результатов. Процесс кластеризации в России сопряжён с множеством трудностей и проблем, которые отрицательно сказываются на инновационном развитии страны. Согласно опросам участников кластера и исследованиям, проводимым научными институтами [10,11,12], пилотные инновационные кластеры в России сталкиваются со следующими основными проблемами:

- высокая чувствительность к государственной поддержке, отсутствие самокупаемости;
- недостаточный объём внебюджетного финансирования;
- слаборазвитая инновационная инфраструктура;
- неконкурентоспособная на мировом рынке продукция;
- отсутствие реальной координации между участниками, просчёты текущего планирования;
- дефицит высококвалифицированных кадров;

- высокий уровень износа оборудования;
- отсутствие программ стимулирования спроса и слабый маркетинг.

Также важно принимать во внимание сам характер кластеризации в России. Во многих странах создание кластера носит инициативный характер самих участников, и поддерживается государством только на ранних этапах развития. В России большинство кластеров создано более директивно в рамках кластерной инициативы региональных властей. Это и объясняет их повышенную чувствительность к бюджетному финансированию. К тому же в условиях низкой активности инвесторов, зависимость от государства будет только возрастать. Проекты кластера не приносят значительных доходов и не позволяют развивать региональную инфраструктуру. Плановые значения ключевых показателей эффективности в области создания рабочих мест, повышения налоговых поступлений в бюджет, роста доли инновационной продукции в объёмах производства не достигаются в целом ряде кластеров.

Основной проблемой, затрудняющей процесс кластеризации в России наравне с недостатком самостоятельности кластеров, является неразвитость инновационная инфраструктура, становясь первопричиной последующих проблем. Многие объекты инфраструктуры: центры кластерного развития, инжиниринговые центры, научные лаборатории – подтверждают факт существования «бумажных тигров» и не оказывают реального воздействия на развитие кластера. Следствием отсутствия инфраструктуры является дефицит кадров и отсутствие инновационных продуктов, а раз нет продукта, способного конкурировать на глобальном рынке – нет и реальной связи между участниками.

Согласно исследованиям Центра стратегических разработок, отдача от государственных вложений в объекты инновационной инфраструктуры за 2014 год в секторе обрабатывающей промышленности повлияли лишь на 0,06% созданных мест на рынке труда и на 0,8% объёмов производства [10].

Оценка проблем кластеризации в России наглядно демонстрирует необходимость изменения подхода к управлению инновационными процессами в кластере. Возрастает потребность участников кластера в грамотном и хорошо организованном проектном управлении, которое способствует развитию инновационного потенциала кластера. Причём это управление должно основываться на рыночных принципах и максимально учитывать интересы участников кластера и региональных властей. Одним из способов достижения поставленных целей может быть организация проектного офиса кластера.

Прежде всего, необходимо внести уточнение в используемую терминологию, зачастую являющуюся переводом с английского и описывающую иногда иные явления в экономике. Традиционно под проектным офисом стали понимать структурное подразделение организации, определяющее и реализующее стандарты управления проектами в организации. Так, в западной практике выделяют две различные структуры – «project office» и «project management office». Условно, эти понятия можно перевести, как «проектный офис» и «офис управления проектами (или портфелем проектов)».

Различие этих определений сводится к тому, что «проектный офис» обычно привязан к одному конкретному проекту, в реализации которого заключается главная причина его формирования. «Офис управления проектами» создаётся на предприятии для осуществления полноценной инновационной деятельности в разных направлениях. Это подразделение управляет не одним проектом, а целым портфелем, что повышает его ценность. «Офис управления проектами» обеспечивает координацию всех участников проекта и занимается распределением информационных и финансовых потоков.

Кроме представленных выше категорий в литературе известно понятие «design office». Его часто отождествляют с «конструкторским бюро», однако термин «design office» предполагает более широкую трактовку и дополняет конструкторское бюро дизайном рынка. Под дизайном рынка понимает проектирование взаимодействия участников рынка в процессе обмена [7,8], в отличие от традиционного механизма проб и ошибок. В данном случае «design office» выступает в роли главного организатора этого взаимодействия, формирующего основу востребованности реализуемых проектов.

Любое из этих трёх понятий можно рассматривать в качестве определения проектного офиса. Тем не менее, проектный офис кластера больше соотносится с «design office» и «project management office», так как его главной задачей является не просто управление проектами, а создание условий для их возникновения.

Проектный офис играет определяющую роль в формировании инновационного потенциала кластера, так как сочетает в себе механизмы рыночного и централизованного подхода к управлению проектами. С одной стороны, проектный офис организует и интегрирует участников кластера, создавая из них единую структуру, с другой – позволяет оценить потребности целевого рынка и согласовать их с имеющимися конкурентными преимуществами участников, то есть выпустить конкурентоспособный продукт, который будет пользоваться спросом у потребителей. В этом отношении полномочия проектного офиса шире, чем у управляющей компании, нацеленной больше на решение внутренних проблем кластера и оперативное управление, или чем у Центров кластерного развития (ЦКР), полностью подчинённых государственным органам и зачастую лишь имитирующей деятельность ради получения финансирования. К тому же, только проектный офис может стать реальной силой, способной согласовать интересы участников и обеспечить доступ к инновационной инфраструктуре, необходимой для реализации проектов кластера.

Можно выделить следующие главные функции проектного офиса, характерные для всех областей его применения [12]:

- обеспечение соответствия процесса управления проектами установленным стандартам;
- отбор и руководство реализацией инновационных проектов;
- подготовка специализированных кадров, принимающих участие в управлении проектами;

- совершенствование инфраструктуры управления проектами;
- обеспечение координации между лицами, задействованными в процессе управления проектами;
- контроль над процессами управления проектами;
- подготовка рекомендаций по принятию решений в рамках управления проектами;
- подготовка отчетности по ключевым направлениям реализации проектов;
- управление документооборотом проектной документации.

Таким образом, проектный офис выполняет обширный спектр функций, связанных с проектным управлением на предприятии. При этом он не всегда выделяется в самостоятельный элемент управления, а функционирует либо в качестве подразделения управляющей компании. Создание отдельного проектного офиса пока не получило достаточного распространения в деятельности российских кластеров. Одним из немногих кластеров, реализующих подобную схему на практике, является «Инновационный кластер информационных и биофармацевтических технологий Новосибирской области». Данный кластер осуществляет деятельность во многих направлениях, связанных с биомедицинской промышленностью, информационными технологиями, фармацевтикой и микроэлектроникой. Участники кластера объединены в три ассоциации – НП «СибАкадемСофт», НП «Биофарм» и НП «СибБиоМед», курирующие различные профили деятельности кластера [9]. Общее проектное управление осуществляет проектный офис ГАУ НСО «АРИС». В список его задач входят:

- планирование проектов и мероприятий кластера;
- подготовка и подача конкурсных заявок;
- документальное оформление проектов, в том числе бизнес-планов и технической документации;
- распределение финансовых средств, получаемых в виде субсидий от государства;
- представительские функции.

Деятельность проектного офиса в кластере Новосибирской области обеспечило реализацию ряда проектов, таких как создание инжинирингового центра, разработка нового медицинского программного обеспечения и т.п. С момента создания кластера удалось добиться самокупаемости и сократить зависимость от бюджетного финансирования. Объем выполненных инновационных проектов при взаимодействии участников за 2015 год увеличился на 9% по сравнению с 2014 годом и на 33% по сравнению с 2013 годом (год создания кластера) [9]. Совокупная выручка участников с 2013 года увеличилась втрое [9]. Эти результаты говорят об успешной организации управления проектами в кластере.

Как уже было сказано, в большинстве российских кластеров функции проектного офиса в полной мере принимает на себя управляющая компания или ЦКР. Последние обычно курируют несколько кластерных инициатив, что в некоторых случаях сказывается на их результативности. Такой тип организации

проектного управления широко представлен в кластерах Москвы и Московской области. Он представляет собой расширенный проектный офис, оперирующий не проектами отдельных фирм, а проектами отдельных кластеров. Он хорош для создания единого регионального научно-промышленного комплекса, работающего в различных, но взаимосвязанных направлениях. В противном случае организация проектного управления на основе ЦКР может привести к потере реальной связи между участниками и проектным офисом.

Сама по себе организация проектного офиса является лишь первым шагом в деле развития инновационного потенциала кластера. Намного важнее обеспечить прямую и обратную связь между проектным офисом и участниками кластера. И в вопросе «как это сделать» пока нет однозначного ответа. Один из действенных способов – доступ к инновационной инфраструктуре. Для получения услуг соответствующих объектов инфраструктуры участникам потребуется посредник, способный организовать инновационный процесс. В этом проявляется ещё одна важная функция инфраструктуры – создание «точек совместных интересов» участников. Поэтому проектные офисы должны всячески способствовать строительству и вводу в действие инжиниринговых центров, ЦКР, отделов качества и т.п. При таком подходе кластер будет представлять собой единую структуру, образно напоминающую паутину, с проектным офисом в центре этой системы.

Таким образом, дальнейшее развитие инновационной экономики в России требует изменения подхода к управлению в территориальных кластерах [14-15]. В фокусе должно стоять не просто создание кластера, как искусственного объединения предприятий, а формирование инновационного пространства с ориентацией на рынок. Проектный офис может помочь в достижении этой цели, ибо, выступая связующим звеном между предприятиями, научными институтами и региональными властями, он позволяет организовать разработку и выпуск такой инновационной продукции, которая наиболее полно будет отвечать текущим потребностям российской и мировой экономики. Проектный офис позволит снизить зависимость российских кластеров от государства и активизировать инновационные процессы в отдельных фирмах через механизм конкуренции.

Создание проектного офиса может помочь и в решении главной проблемы, затрудняющей деятельность российских кластеров – неразвитости инновационной инфраструктуры, ведущей к разобщённости участников и низкой эффективности их деятельности. Наличие подобной организационной структуры позволит согласовать потребности предприятий кластера и выработать ключевые компетенции кластера, на основе которых и будет создана необходимая инфраструктура. Поэтому именно организация проектных офисов на текущем этапе развития кластеров наиболее полно отвечает задаче формирования региональной и национальной инновационной среды.

Список литературы:

1. Аганбегян А.Г. Как России выйти из удручающей социально-экономической ситуации и развиваться опережающими темпами? // Экономическое возрождение России, 2015, №3(45), с. 21-25.
2. Бодрунов С.Д. Какая индустриализация нужна России? // Экономическое возрождение России, 2015, №2(44), с. 6-18.
3. Гулин К.А., Ермолов А.П. Национальная промышленная политики в России в рамках неоиндустриального вектора развития: концептуальные подходы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2015, №6(42), с. 58-78.
4. Ковальчук Ю.А., Степнов И.М. Исследование влияния кластеризации экономики региона на экономическую безопасность и конкурентоспособность. Часть I // Региональные проблемы преобразования экономики. 2015. № 8 (58). С. 54-61.
5. Ковальчук Ю.А., Степнов И.М. Исследование влияния кластеризации экономики региона на экономическую безопасность и конкурентоспособность. Часть II // Региональные проблемы преобразования экономики. 2015. № 9 (59). С. 82-90.
6. Ковальчук Ю.А., Степнов И.М. Кластерная концепция эффективной специализации регионов в условиях единства научно-технической, инновационной и промышленной политик России // Региональные проблемы преобразования экономики, 2014, № 11(499), с. 120-126.
7. Ковальчук Ю.А., Степнов И.М. О роли проектных офисов инновационных инфраструктур в дизайне рынков / Новая экономическая реальность, кластерные инициативы и развитие промышленности (ИНПРОМ-2016): тр. межд. науч.-практ. конф. 19-26 мая 2016 / Под ред. д-ра экон. наук, проф. А.В. Бабкина. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. – 612 с. – с. 49-56.
8. Ковальчук Ю.А., Степнов И.М. Перспективность использования методологии дизайна рынков соответствия в деятельности национальных проектных офисов (на примере кластерных проектов) // Друкеровский вестник, 2016, №4,
9. Отчёт о деятельности Инновационного территориального кластера информационных и биофармацевтических технологий Новосибирской области за 2013-2015 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://icnso.ru/website/ckr-aris/upload/custom/files/Отчёт%20о%20деятельности%20Кластера%20в%202013-2015%20годах.pdf>.
10. Повестка развития инновационной инфраструктуры в Российской Федерации. Резюме отчёта о деятельности Проектного офиса ОАО «РВК» и Минэкономразвития России по развитию объектов инновационной инфраструктуры за период 08.2014-06.2015. – М.: Центр стратегических разработок, 2015. – 25 с.
11. Российская кластерная обсерватория [Электронный ресурс]. URL: <http://cluster.hse.ru>.
12. Система менеджмента для управляющих компаний инновационных кластеров Российской Федерации. Отчёт о научно-исследовательской работе. – М.: ВШЭ, 2014. – 250 с.
13. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>.
14. Постсоветское экономическое пространство: современное состояние и перспективы развития / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. М.: Финансы и кредит, 2009. 472 с.
15. Цветков В.А. Циклы и кризисы: теоретико-методологический аспект. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. 504 с.
16. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Губин В.А., Зоидов З.К. Исследование социально-экономической циклической динамики России и совершенствование регулирования стратегии опережающего развития. - М.: ЦЭМИ РАН, 2012. - 207 с.

ИНТЕГРАЦИЯ СТРАН ЕАЭС – МЕЖГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ИЛИ «ПОЛНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ»

Перская Виктория Вадимовна – д.э.н., проф. заслуженный экономист РФ, директор Института исследований МЭО ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Мир очень существенно изменился в современных условиях. Это уже не та система отношений, не тот биполярный мир, о котором говорила Светлана Павловна. И вряд ли он будет биполярным в последствии, он становится многополярным. Сегодня этому созданы все предпосылки. И Россия в своей внешнеполитической концепции обозначила полицентричность или многополярность, как единственно правильное устройство мирового сообщества, обеспечивающее его устойчивое и динамичное развитие. В этих условиях, движение нашей интеграции по пути наднациональности, то есть копируя опыт Евросоюза, не хочу сказать, что несколько ошибочно, но не совсем адекватно вписывается в контекст происходящих политических и экономических событий в мире.

На чем бы я хотела остановиться и сказать, что сегодня все говорят об интеграции, используя, в основном, понятие этапности или пятиступенчатости развития интеграции – т.е. так называемой «полной интеграции», результатом которой является политический союз. Эта концепция оформилась на базе труды Белла Балаши, в шестидесятые годы, когда создавался Евросоюз, и именно в этот период впервые обосновал целесообразность формирования интеграции ступенчато, т.е. постепенно переходя от одной фазу к другой. Чем он оперировал, чем было вызвано? Потому что существовал Советский Союз, Союз 15-ти республик, который обладает высочайшей степенью мобилизации экономических ресурсов, в т.ч. человеческого капитала. Во-вторых, СССР обладал антициклической устойчивостью экономического развития, которая практически недоступна странам с рыночной системой отношений. И в этой связи Б. Балаша обосновал, что Евросоюз, образованный в 1957 году, обязан обладать той же самой устойчивостью развития, исключить цикличность и обеспечить высокий уровень социальной защищенности, которой обладал СССР. Все это могло быть реализовано на основе той самой наднациональности в рамках интегрирующихся шести стран ЕЭС, которая бы соответствовала наднациональному устройству СССР и могла противостоять и противодействовать Советскому Союзу. Это и было основным аргументом в пользу формирования наднационального принципа развития интеграции на территории Европы.

В современных условиях экономика России и государств-членов ЕАЭС базируется на рыночной модели хозяйствования. Другими словами социально-экономическая основа функционирования что в странах Евразийского экономического союза, что в Евросоюзе идентична. Подтверждением не случайности отхода от наднациональности в современных условиях являются

Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство, Транстихоокеанское торговое партнерство – это партнерства, ориентированные на сохранение национального государственного суверенитета стран-участниц. Ни о какой наднациональности речи не идет, т.к. она в современном мире усиливает противодействие национальных государственных элит процессу интегрирования.

В современных условиях для Евразийского экономического союза, полагаем логичным является только межгосударственность отношений, которая и может быть положена в основу нормального функционирования интеграционного союза. Наднациональность в ЕАЭС «пробуксовывает», и будет «пробуксовывать» в силу исторических, политических и ментальных условий развития государств-членов ЕАЭС. Существенным фактором препятствующим движению по пути развития межгосударственных отношений, укрепляя интеграционное взаимодействие, является то, что нормативно интеграция строится на своде документов, которые написаны в контексте: а) ВТО, б) прообраза формирования Евросоюза. То есть, нормативная база ЕАЭС базируется, понимаете, на документах, которые сегодня в рамках Евросоюза обуславливают развитие сонма противоречий, причем очень глубоких между странами-участницами, рост радикализма, снижение социальной защищенности и отхода ЕС от принципа развития социально-ориентированной экономики. Да исам ЕС, фактически, вступил в фазу весьма противоречивого функционирования, о чем свидетельствует Брэксит Великобритании. Что же касается ВТО, то в современных условиях она вообще неспособна работать.

Так зачем же мы положили эти принципы в основу функционирования ЕАЭС? И правы здесь мои коллеги, которые говорят, что экономический истеблишмент России сегодня не готов работать в новых политических условиях, если Россия принимает политический вызов, проводя внешнеполитическую линию, отвечающую национальным интересам и позиционируясь как суверенное государство, то в сфере экономики пока не созданы условия, обеспечивающие суверенность экономической политики в полном смысле слова. Не буду останавливаться подробно на этом вопросе, но хочу подчеркнуть, что не случайно заявление министра иностранных дел России Лаврова С.В., что стратегическое терпение России закончилось, Россия принимает политический вызов, но хочу подчеркнуть, для этого экономический истеблишмент пока не готов.

Второй важный аспект, который в силу нехватки времени я обозначу несколько тезисно, это то, что, мы везде используем термины применительно к Евразийскому союзу как «гармонизация и унификация». Уважаемые коллеги, да не сработает это в условиях межгосударственности отношений, если это и существует. Возьмите, к примеру, НАФТА. Нигде в этой интеграционной группе не указывается о гармонизации или унификации. Нигде.

Однако, при сохранении политического суверенитета каждой из стран, все же в рамках НАФТА достаточно интенсивно реализовалась стратегия американской экономической экспансии, что обеспечивалось тремя достаточно

сильными инструментами - активизация деятельности шестисот ТНК, долларовая экспансия и англосаксонская прецедентная система права. Все, больше ничего. И тем самым, экономика Канады и Мексики полностью попала под действие США.

В современных условиях в нормативных документах ЕЭК так же указывается необходимость процесса гармонизации. А все страны-члены восстают против этого в силу очень больших финансовых затрат для бюджетов каждой из стран. Это очень большая нагрузка на бюджеты стран ЕАЭС. Чтобы гармонизировать политику в целом, в т.ч. в рамках промышленного интеграционного взаимодействия, для этого надо очень много потратить бюджетных средств, причем включает много составляющих и связанных с промышленностью сфер.

Сегодня для всех стран ЕАЭС, к примеру возьму промышленные сотрудничества, чем непосредственно занималась последние годы, есть приоритетные отрасли национального развития в промышленности. ЕЭК дал установку на развитие промышленной кооперации и специализации на уровне хозяйствующих субъектов (МСКП).

Однако, практика реализации этой установки на уровне Евразийской экономической комиссии фактически представляется аналогичной деятельности Госплана СССР, который так не работал даже в последние годы Советского Союза, поскольку взят курс на детализацию и сбор информации с помощью ученых или разных подрядных организаций по выяснению на местах, какие предприятия занимаются этой кооперацией, каков их потенциал, и впоследствии довести эти проекты до уровня конкретных проектов, привлекая инвестиционные ресурсы, в т.ч. Евразийского Банка развития.

В этой связи полагаем будет правильным внести следующее предложение. Поскольку есть приоритетные направления развития промышленности каждой из стран ЕАЭС, то и целесообразным представляется в условиях рыночной формы хозяйствования провести синхронизацию экономических политик, стимулирующих бизнес к развитию МСКП.

Что такое синхронизация в данном случае? Если к примеру стекольная промышленность, имеющая важное значение для Армении и для России, то значит надо создать условия, когда все инструменты стимулирования промышленной политики будут синхронно направлены на создание реальных, синхронных условий для свободы предпринимательства хозяйствующих субъектов в этой отрасли обеих стран. В частности, это касается фискальных инструментов, в том числе, включая региональный местный уровень, и тогда бизнес пойдет, пойдет сам без принуждения к партнерству. Необходима синхронизация и кредитно-финансовых условий деятельности субъектов применительно в этой отрасли, обеспечение свободы движения всех факторов производства, т.е. создание той самой безбарьерной среды, но применительно именно к той группе отраслей в первую очередь, которые приоритетных для взаимодействия и отвечают национальным интересам взаимодействующих стран.

Другими словами гармонизация в целом, по всему направлению или по десяти тысячам параметрам Таможенного кодекса – это достаточно финансового накладно, длительно и трудоемки, но по определенной номенклатуре – вполне достижимо. Это меньшая нагрузка на бюджеты.

И последнее, что бы я хотела отметить, что безбарьерное движение товаров и услуг связано с фито-санитарным, с санитарным контролем на границах. Например, из Казахстана, как только Киргизия вступила в ЕАЭС, пошло мясо контрафактного характера в Киргизию. Как на это реагировать? Но и та, и другая стороны имеют возможность совместной кооперации в сельском хозяйстве. Отсюда не гармонизация, не, тем более, унификация, свойственная исключительно наднациональному устройству, а только синхронизация **инструментария экономической политики в определенных отраслях.**

АКТИВИЗАЦИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЦЕЛЯХ ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Сайфиева Светлана Николаевна – к.э.н., доцент, заведующая лабораторией
Института проблем рынка РАН

Соловьева Светлана Викторовна – к.э.н., ведущий научный сотрудник *Института
проблем рынка РАН*

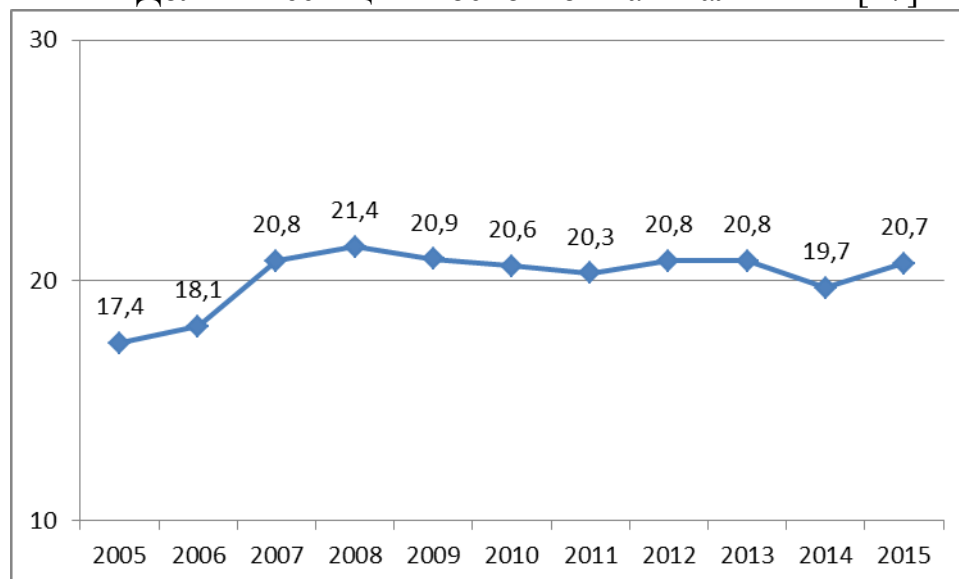
*Государственный капитал должен работать, и это будет
гораздо лучшим фондом для будущих поколений, чем деньги на
счетах в ЦБ или где-то еще [18].*

Н.Я. Петраков

Динамика инвестиционного процесса характеризует состояние экономической системы страны: экономический рост невозможен без инвестиций, которые, по сути, являются «кровеносной системой» экономики. Инвестиции выступают в качестве параметра, характеризующего развитие воспроизводственного процесса, с одной стороны, с другой – элементом, воздействие на который со стороны государственных структур позволяет влиять на темпы и динамику развития экономики страны [1]. Повышение эффективности инвестиционной деятельности – один из важнейших факторов обеспечения экономической безопасности страны.

Следует заметить, что три важнейших макроэкономических показателя, непосредственно связанные с инвестированием, указаны на официальном сайте Росстата, как индикаторы, характеризующие эффективность российской экономики. Доля инвестиций в основной капитал в ВВП имеет повышательную тенденцию с 17,4% в ВВП в 2005 г. до 20,7% в 2015 году, но свидетельствует об отсутствии серьезного инвестиционного прорыва (см. график 1) .

Доля инвестиций в основной капитал в ВВП [17]

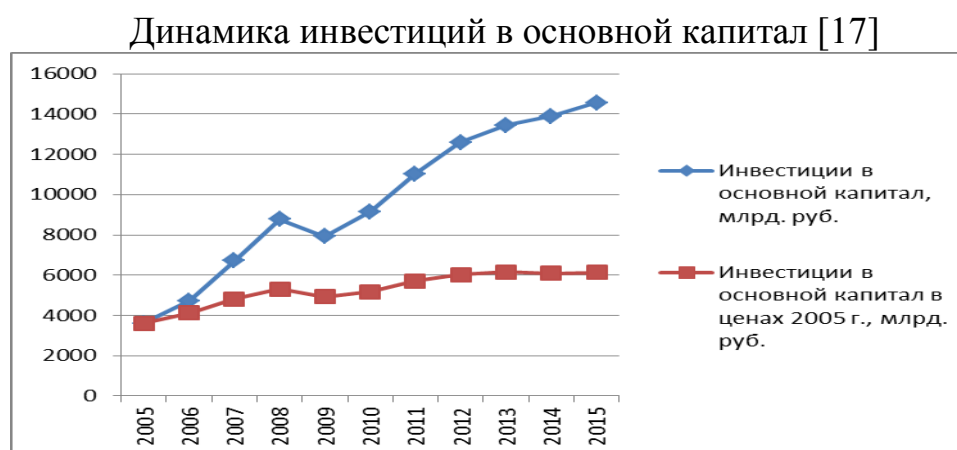
Степень износа основных фондов, рассчитанная как отношение накопленного на конец года износа основных фондов с учетом разницы полной учетной и остаточной балансовой стоимости к полной учетной стоимости основных фондов по видам, неуклонно повышается: от 45,3% в 2008 году до 49,4% в 2014 году. Коэффициент обновления (в целях исключения влияние динамики цен пересчитывается в сопоставимые цены каждый год) по экономике в целом, отражающий удельный вес новых (введенных за год) основных фондов в их общем объеме, за анализируемый период практически не изменился: в 2008 г. – 4,4; в 2014 – 4,3 [17].

Основным источником финансовых ресурсов для накопления капитала является валовое национальное сбережение. В официальной статистике приведены три показателя, характеризующие склонность к инвестированию: отношение валового сбережения к ВВП; отношение валового накопления основного капитала к валовым сбережениям, отношение инвестиций в основной капитал к ВВП [14. С. 14]. Максимальное значение первого показателя (30,6%) зафиксировано в 2005 г., минимальные (21,1% и 22,9%) – приходятся на кризисные 2009 и 2014 годы. Если не принимать во внимание внешнеэкономические факторы, потенциал инвестирования можно определить отношением валового накопления основного капитала к валовому сбережению. Максимальное значение показателя валового накопления основного капитала к валовым сбережениям, зафиксированное в 2009 (104,4%) и в 2013 г. (94,0%), свидетельствуют о недоиспользовании сбережений населения и средств предприятий на нужды накопления ввиду отсутствия механизма трансформации свободных средств в долгосрочные вложения. Между тем, «финансовая политика должна обеспечить мобилизацию и использование во внутренней экономике той части национального сбережения, которая не инвестируется частным сектором в накопление основного капитала и оборотных запасов» [15. С. 1].

На графике 2 показана динамика инвестиций в основной капитал в текущих ценах и ценах 2005 г. с учетом индекса цен на продукцию (затраты, услуги) инвестиционного назначения за каждый год¹²⁴. Если в текущих ценах линия инвестиций имеет резкий подъем и двукратный рост показателей в динамике, то линия инвестиций, построенная в ценах 2005 года, практически плоская и свидетельствует об отсутствии инвестиционного прорыва в реальном выражении в российской экономике за последнее десятилетие.

В экономических программах и прогнозах Министерства экономического развития сконцентрировано внимание на анализе причин сокращения инвестиций преимущественно в отраслевом разрезе; в среднесрочной перспективе указывается, что наращивание инвестиций предполагается за счет роста частных инвестиций при сокращении государственных инвестиционных расходов [21. С. 61-63]. В документе [25. С. 24] уточняется, что «динамика инвестиций в основной капитал перейдет в положительную область с 2017 года, и в среднем прирост инвестиций в 2017-2019 гг. составит 2,7% в год. При таких темпах роста валовое накопление основного капитала достигнет 22,0% ВВП в 2019 году».

График 2

В Прогнозе долгосрочного социально – экономического развития Российской Федерации, разработанном Министерством экономического развития в 2013 году на период до 2030 года, рассматривается 3 варианта развития: консервативный, умеренно-оптимистичный и форсированный [25]. Однако динамика макроэкономических показателей в настоящее время свидетельствует о том, что на практике реализуется даже не консервативный вариант экономического развития страны: наблюдается системный кризис. Рост величины добавленной стоимости в 2014 г. по сравнению с 2011 г., рассчитанный на базе налоговой отчетности по всем компаниям России, составил всего 1% за 3 года, при ее сокращении в промышленности и увеличении в торговле. Экономика не может расти исключительно за счет повышения стоимости нефтяных цен при отсутствии кредитования. Следует отметить, что запланированный в долгосрочном прогнозе экономический рост

¹²⁴ Расчеты авторов

практически в 1,5 раза ниже общемировых темпов, что соответствует макроэкономическим показателям беднейших государств мира. Вызывает недоумение, что Министерство, призванное разрабатывать и реализовывать экономическую политику правительства, не предлагает никаких вариантов выхода из критической ситуации, по сути, занимаясь констатацией фактических негативных результатов и расчетом уровня инфляции.

Представляет интерес комплексная программа Столыпинского клуба [18] - альтернативный взгляд на современные экономические догматы, программа реформирования, содержащая набор реальных надстроек к существующим рабочим финансовым механизмам и принципиально новые. Основные идеи стратегии: поддержка малого и среднего бизнеса; восстановление экономики «простых вещей»; технологическое обновление, повышение производительности труда действующих производств; новая индустриализация: развитие новых для российской экономики секторов; развитие АПК; жилищное строительство, ЖКХ и развитие инфраструктуры; развитие Дальнего Востока и транзитного коридора Европа-Азия.

В условиях полной неопределенности экономической политики высокая стоимость заемных средств не представляет возможности кредитования реального сектора и населения. Программа содержит укрупненную модель опережающего денежно-кредитного предложения под выкуп проектных и инфраструктурных облигаций; механизм проектного финансирования с участием Специализированного общества проектного финансирования (СОПФ) с выпуском проектных облигаций с целью стимулирования качественного экономического роста, при котором минимален риск невозврата и нецелевого использования денежных средств. В целях повышения инвестиционной активности и доведения «новых денег» до соответствующих проектов и гарантии их возврата, предлагается реструктуризация банковской системы и институтов развития. В программе предлагается изменение статуса ЦБ РФ и расширение его основной задачи: с контроля инфляции до ответственности за экономический рост; переход от «ограничительной» к «стимулирующей» денежно-кредитной политике, низкие ставки долгосрочного кредита и снижение волатильности рубля по отношению к другим валютам.

Проблеме инвестиций, главным образом, поиску источника длинных дешёвых денег было уделено большое внимание на ПМЭФ (Петербургском международном экономическом форуме). Денежные власти озабочены проблемой сокращения или замораживания расходов по незащищенным статьям бюджета. Обсуждаются и другие вопросы: удлинение шкалы страховых взносов, прогрессивная ставка НДФЛ, повышение ставки НДС с одновременным снижением ставки налога на прибыль или рост НДС и снижение страхового взноса. Государство в лице Минфина стремится к бюджетной стабилизации (баланс доходов и расходов, минимальный дефицит бюджета, низкая инфляция). Намечена бюджетная консолидация в форме выпуска рублёвых бондов в течение 3-х лет. В 2016 г. заём составит 1 трлн. руб. ЦБ РФ опасается долговой ловушки и инфляционной спирали в случае роста

внутреннего госдолга. Привлечение капитала через выпуск ценных бумаг – общемировая практика. Институт развития ФРП по примеру фонда Дальнего Востока намерен предлагать инвесторам ценные бумаги промышленных компаний.

С обоснованными выводами и аргументированными предложениями на ПМЭФ выступили члены Столыпинского клуба. По мнению Б. Титова, уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, «логика бизнеса очень проста: если нам нужна новая, несырьевая экономика, главной целью экономической политики должна быть не стабилизация показателей, а рост. Если мы хотим добиться роста, мы должны, наряду с созданием новой налоговой и тарифной системы, начать проводить новую денежно-кредитную или денежно-промышленную политику. Необходимо обеспечить экономику опережающим предложением кредитов, иначе никакого роста быть не может» [19]. С.Ю. Глазьев, советник Президента Российской Федерации, в частности, отметил, что «сферы деятельности, которые становятся локомотивами экономического развития, в значительной степени зависят от государственной политики. ... Государство может обеспечить доступ к долгосрочным кредитам. Для того чтобы перейти к политике устойчивого развития, нужен мощный иницирующий импульс, нужны огромные инвестиции, которые не в состоянии дать деловое сообщество. Поэтому управляемая кредитная эмиссия для стимулирования инвестиций по перспективным направлениям развития — это императив политики роста. Других источников нет: ни сбережения населения, ни пенсионные сбережения, ни иностранные инвестиции, которые сегодня находятся под санкциями, не спасут нас в этот переходный период. Нам нужно осваивать деньги как инструмент политики экономического роста» [19]. Не вызывает сомнения факт, что в проведении инвестиционной политики именно государство играет роль координатора и интегратора, учитывающего интересы бизнеса и возможности науки, способствующего достижению максимального эффекта в управлении денежной массой. При создании денег для инвестиционных целей обеспечивается антиинфляционный эффект, поскольку научно обосновано, что главным механизмом борьбы с инфляцией является не сжатие денежной массы, которое ведет к падению производства, и, как следствие, к снижению покупательной способности, а разумная эмиссия в контролируемых пределах.

Наихудшие показатели инвестиционной деятельности отмечены в инфраструктурном секторе, хотя в других странах инфраструктурные проекты целиком финансируются государством, да и в нашей стране на многих уровнях говорилось о решимости финансировать инфраструктурные проекты, значимые для всей страны, из бюджета. В условиях нестабильной экономической ситуации и падения агрегированного спроса пропадает желание инвестировать и строить. Даже, когда сальдированный финансовый результат растёт, предприятия прибыль на инвестиции не направляют. Ослаблению агрегированного спроса способствует жесткая бюджетная политика. В

принятом бюджете на 2016 г. доходы определены в размере 14 трлн. руб. (на 2017 г. – 15,787 трлн. руб.), расходы – 16, дефицит – 2,4 (3% ВВП), верхний предел внутреннего госдолга – 8, 818 трлн. руб., инфляция – 6,4% (декабрь 2016 г. к декабрю 2015 г.). Среди мер экономии, предложенных МФ – 5% секвестирование расходов, замораживание новых инвестиций, сохранение антикризисного резерва. Некоторые специалисты называют принятый бюджет бюджетом выживания, а не развития. Особенно пострадали инвестиции в человеческий капитал (наука, образование, здравоохранение). В 2016 г. из каждых 100 рублей федеральная казна 19,2 руб. потратила на оборону, 27,6 руб. на социальную защиту, 3 рубля – на здравоохранение, 3,6 руб. – на образование. Между тем, хорошо известно, что производство, являющееся основой процветания экономики, может расти только за счёт роста государственных и частных инвестиций в человеческий капитал, инфраструктуру и технологии.

Охарактеризуем инвестиционную деятельность, осуществляемую в российской экономике с 2005 г. до 2015 года включительно. До 2009 г. наблюдалось сокращение доли собственных источников инвестиций в основной капитал относительно заемных, к 2015 г. это соотношение изменилось в противоположную сторону. Доля привлеченных средств сократилась по сравнению с 2009 г. к 2015 г. на 14%. Один из крупных источников финансирования инвестиций в основной капитал – бюджет. До 2008 г. доля бюджетных инвестиций увеличивалась, ее максимальное значение – 21,5%; к 2015 г. она составила только 16,5% (табл. 1). К сожалению, роль государства в инвестиционном секторе сокращается, хотя, как указывалось выше, в условиях финансового кризиса, должно быть наоборот. Именно бюджетные средства в условиях экономической неопределенности должны стать гарантом и катализатором инвестиционной активности для развития частного бизнеса в целях обеспечения национальной безопасности.

Таблица 1

Структура инвестиций в основной капитал (ИвОК) по источникам финансирования [25. С. 449].

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
ИвОК – всего, в том числе:	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
собственные средства, из них:	44,5	42,1	40,4	39,5	37,1	41,0	41,9	44,5	45,2	45,7	51,1
привлеченные средства из них:	55,5	57,9	59,6	60,5	62,9	59,0	58,1	55,5	54,8	54,3	48,9
кредиты банков	8,1	9,5	10,4	11,8	10,3	9,0	8,6	8,4	10,0	10,6	7,8
заемные средства других организаций	7,2	5,9	6,0	7,1	6,2	6,1	5,8	6,1	6,2	6,4	5,7
бюджетные средства	22,0	20,5	20,2	21,5	20,9	19,5	19,2	17,9	19,0	17,0	16,5
средства внебюд. фондов	4,8	0,5	0,5	0,5	0,4	0,3	0,2	0,4	0,3	0,2	0,3
прочие	15,6	20,6	21,7	20,1	21,2	21,9	22,3	20,0	15,6	15,7	14,7

Доля банковских кредитов за 10 лет ввиду их высокой стоимости достигла минимального значения (7,8%) (табл. 1). В ситуации, когда рентабельность активов большинства отраслей промышленности ниже ставки процента (табл. 2), банковские кредиты становятся недоступными для реального сектора.

Таблица 2

Рентабельность продукции в основных ценах в сопоставлении со
средневзвешенной ставкой процента по кредитам
[23. С. 433-440; 24. С. 418-421]¹²⁵

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Ставка процента	11,6	10,9	10,4	12,5	11,7	10,8	6,4	9,1	6,2	9,9	12,28
Добыча топливно-энергетических ресурсов	35,6	29,2	30,1	27,6	31,1	31,9	35,7	28,9	25,1	19,2	26,8
Металлургическое производство	26,7	34,5	34,2	25,9	13,6	19,1	15,9	11,3	9,9	16,4	22,4
Химическое производство	19,3	14,1	18,5	20,8	9,0	19,2	24,8	21,2	16,7	21,0	33,0
Производство машин и оборудования	8,2	7,9	8,2	7,4	5,2	6,9	7,0	7,0	7,5	6,2	8,2
Производство пищевых продуктов	7,9	8,8	9,3	10,8	12,8	10,8	8,1	9,4	10,1	9,1	10,7

Слабость отечественных банков носит системный характер, что предопределяет неэффективность российской банковской системы по сравнению с другими, которые имеют большие возможности быстрого и эффективного перераспределения общественного капитала в пользу наиболее эффективных секторов экономики.

Экономические трудности коммерческих банков (политика Банка России, направленная на чистку финансового сектора; повышение ключевой ставки; укрупнение игроков банковского рынка и пр.) с одной стороны, повышают спрос состоятельных людей на услуги профессионального управления их капиталом, с другой стороны, заставляют банки первого эшелона стремиться к разнообразию инвестиционных инструментов. Например, наличие в банковском портфеле стратегий с фиксированной доходностью (еврооблигации), продукты с полной и частичной защитой капитала (структурированные продукты), страховая составляющая (накопительное страхование жизни), различные стратегии доверительного управления. Принципиально новые услуги: покупка и продажа бизнеса, прямые инвестиции (private equity), нефинансовые услуги по деофшоризации и контролируемым иностранным компаниям [11. С. 56].

Отметим, что за анализируемый период наибольшее вложение инвестиций в российской экономике происходит в сектора предоставления услуг, а не в промышленное производство. Отраслевая динамика инвестиций за

¹²⁵ Расчет ставки процента произведен на основании статистических данных по средневзвешенным процентным ставкам по кредитам, представленным нефинансовым организациям до года. Источник данных [2] за соответствующий период времени

десятилетний период, выполненная с учетом расчета цепного сводного индекса цен на продукцию (затраты, услуги) инвестиционного назначения¹²⁶, позволила оценить реальный рост/сокращение инвестиций по секторам экономики. Так, по экономике в целом рост инвестиций за исследуемый период в реальном выражении составил 1,7 раза (!). В добывающем секторе – 2,3 раза, в обрабатывающих производствах – 1,6 раза, в секторе производства и распределения электроэнергии, газа и воды – 1,7 раза; в строительстве – 1,5 раза; в транспорт и связь – 1,5 раза; в финансовую деятельность – 1,4 раза; в образование – 1,5 раза, в здравоохранение и предоставление социальных услуг – 0,8 раза. Зато в торговле рост инвестиций составил – 2,2 раза, а в секторе «Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг» – 1,8 раза [24. С. 450-453].

Структура инвестиций за десять лет претерпела существенные изменения: в российской экономике активное инвестирование осуществляется в добывающий сектор (+4,6 п.п.); торговлю (+1,1 п.п.); операции с недвижимым имуществом (+1,2 п.п.). Сокращение происходит в обрабатывающем секторе (-0,7 п.п.), в строительстве (-0,5 п.п.), на транспорте и связи (-3,1 п.п.), в секторе производства и распределения электроэнергии, газа и воды – без изменений. В сектор здравоохранения и предоставления социальных услуг инвестиции сократились вдвое, в образование (-0,3 п.п.) [24. С. 454-456]. Тенденции налицо.

Поток инвестиций в добывающий сектор превысил вложения в обрабатывающий, как в реальном выражении, так при расчете отраслевой структуры (см. табл. 3). Указанная тенденция имеет негативное значение, поскольку существуют определенные особенности использования инвестиций в основной капитал в добывающем и обрабатывающем секторах экономики. Срок службы оборудования в добывающей промышленности гораздо короче и финансирование необходимо, прежде всего, для поддержания производства на достигнутом уровне. Инвестиции в основной капитал добывающего сектора не ведут к технологическому обновлению экономики в целом и слабо связаны с инновационной деятельностью. Они не позволяют улучшать конкурентные позиции российских товаров, а только лишь закрепляют за Россией статус «сырьевого придатка» капиталистического мира. По мнению В.Е. Маневича, инновационная активность также зависит не только от объема инвестиций в экономике в целом, но и от их отраслевой структуры. «Если растет удельный вес инвестиций в добывающие отрасли и снижается удельный вес машиностроения, инновационная активность в экономике в целом может оставаться на прежнем, низком уровне и даже снижаться, несмотря на рост

¹²⁶ Агрегированный показатель из индексов цен производителей на строительную продукцию, приобретения машин и оборудования инвестиционного назначения и на прочую продукцию (затраты, услуги) инвестиционного назначения, взвешенных по доле этих элементов в общем объеме инвестиций в основной капитал – 237,5%: 2006 г. – 114,9%; 2007 г. – 121,2%; 2008 г. – 118,6%; 2009 г. – 96,7%; 2010 г. – 109,6%; 2011 г. – 109,3%; 2012 г. – 108,3%; 2013 г. – 104,3%; 2014 г. – 104,6%; 2015 г. – 104,1%. [17].

общего объема инвестиций в основной капитал в промышленности в целом» [16. С. 61].

Таблица 3

Инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности, млрд. руб., Российская Федерация, значение показателя за год [24. С. 445].

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего, в том числе	3611,1	4730	6716,2	8764,9	7930,4	9152,1	11035,7	12586,1	13450,2	13902,6	14555,9
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	142,3	224,2	338,5	386,4	316,3	303,8	446,9	476,4	516,6	510,3	538,1
Рыболовство, рыбоводство	3,1	4,5	4,8	4,3	4,6	5,4	8,5	12,2	14,3	15,2	12,0
Добыча полезных ископаемых	501,9	690,7	929,7	1234,1	1111,4	1264,0	1534,3	1858,4	2004,2	2144,8	2694,4
Обрабатывающие производства	593,8	737	986,4	1372,1	1141,8	1207,6	1418,7	1688,7	1945,3	2084,6	2285,2
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	244,1	298,1	465,7	670,8	673,1	818,8	1016,5	1166,0	1187,6	1186,2	990,5
Строительство	129,4	176,2	266,4	298,1	281,2	342,1	336,8	348,6	438,1	469,3	448,7
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	129,1	166,5	290	277,1	260,4	336,9	347,4	456,0	517,9	554,6	679,1
Гостиницы и рестораны	12,9	19,4	32,9	32,6	38,4	46,9	55,6	45,1	89,3	105,5	47,3
Транспорт и связь	884,8	1116,7	1488,5	2174,6	2128,9	2336,8	3107,7	3330,7	3288,5	2981,0	3120,3
Финансовая деятельность	49,4	53,3	87,3	85,9	97,1	119,7	159,2	204,2	186,7	170,5	168,2
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	607,5	804,2	1228,4	1463,6	1191,6	1638,0	1669,9	1968,0	2195,7	2701,4	2614,7
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	57	81,8	111,8	144,8	135,4	125,9	211,6	214,5	228,5	241,0	240,1
Образование	68,8	100,6	144,6	173,5	142,2	163,7	198,3	213,3	228,9	242,7	239,8
Здравоохранение и предоставление социальных	94,8	127,4	170	206,9	183,8	196,2	216,3	255,8	222,5	197,8	188,1

услуг											
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	92,1	129,3	171,1	240,1	224,2	246,3	307,6	348,2	386,2	297,6	289,4

Рассмотрим сферу применения инвестиций. За анализируемый период (2005 – 2015 гг.) большая часть инвестиций в основной капитал (от 40,4 % до 41,4%) освоена по статье «здания (кроме жилых) и сооружения» (+1,0 п.п.); на приобретение машин, оборудования и транспортных средств наблюдается сокращение финансирования: в 2005 г. направлено 41,1%, в 2015 г. - 34,7% (-6,4 п.п.). Это свидетельствует об ухудшении технологической структуры инвестиций в основной капитал, сокращении доли активной части основных средств. Необходимо отметить, что в целях пополнения основных фондов предприятия приобретают на вторичном рынке бывшее в употреблении и, соответственно, более дешевое оборудование. На 3,0 п.п. увеличились вложения в жилые помещения и прочие основные фонды (+2,4 п.п.) [24. С. 457].

Представляет интерес динамика движения иностранного капитала в России до введения санкций (табл. 4), которая в таблице представлена до 2013 года включительно. В статистических сборниках «Россия в цифрах. 2015» и «Россия в цифрах. 2016» раздел «Иностранные инвестиции» исключен, видимо, в ответ на санкции.

Таблица 4

Объем инвестиций, поступивших от иностранных инвесторов по видам
[23. С. 475].

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Миллион долларов США									
Всего инвестиций, в том числе:	53651	55109	120941	103769	81927	114746	190643	154570	170180
прямые инвестиции	13072	13678	27797	27027	15906	13810	18415	18666	26118
портфельные инвестиции	453	3182	4194	1415	882	1076	805	1816	1092
прочие инвестиции	40126	38249	88950	75327	65139	99860	171423	134088	142970
В процентах к итогу									
Всего инвестиций, в том числе:	100	100	100	100	100	100	100	100	100
прямые инвестиции	24,4	24,8	23,0	26,0	19,4	12,1	9,7	12,1	15,4
портфельные инвестиции	0,8	5,8	3,5	1,4	1,1	0,9	0,4	1,2	0,6
прочие инвестиции	74,8	69,4	73,5	72,6	79,5	87,0	89,9	86,7	84,0

За анализируемый период доля прямых инвестиций в капитале российских компаний (взносы в капитал, кредиты от зарубежных совладельцев и пр.) снизилась практически вдвое: с 24,4% до 15,4% от их общего объема. В 2006 г. произошел резкий рост доли портфельных инвестиций (акции, долговые бумаги и пр.) - (5,8 п.п.), затем – плавное сокращение, и к 2013 г. удельный вес портфельных инвестиций оказался практически на уровне 2005 года. Таким образом, основная часть иностранного капитала - это прочие инвестиции, т.е. кредиты. Структура иностранных инвестиций в России ясно говорит о том, что зарубежные инвесторы не готовы взять на себя риск организации собственного производства на российской территории, зато охотно кредитуют банковскую систему. Риски при кредитовании банков значительно ниже, чем при осуществлении инвестиций в отдельное производство. Во-первых, отечественная банковская система жестко регулируется. Во-вторых, в случае ее системного кризиса Центральный банк и стоящее за ним государство не допускают катастрофического развития событий.

Таблица 5

Прямые иностранные инвестиции по некоторым видам экономической деятельности, % к итогу [23. С. 476-480].

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Всего по промышленности всего, в том числе	45,3	44,7	41,5	48,0	40,2	41,5	32,1	44,8	60,5
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	11,2	16,6	14,4	12,0	12,6	12,1	9,8	11,7	6,7
Обрабатывающие производства	33,5	27,5	26,4	32,7	27,1	28,9	21,6	31,9	52,8
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,6	0,6	0,7	3,3	0,5	0,5	0,7	1,2	1,0
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	38,2	23,7	39,1	23,0	27,8	11,6	12,8	16,4	18,2

Как видно из *табл. 5*, структура ПИИ в промышленность существенно изменилась: к 2011 г. они сократились на 13,2 п.п. Следует отметить, что до введения санкций, интерес иностранных инвесторов смещался с добывающего в сторону обрабатывающего сектора. Отчасти это обусловлено тем, что в отличие действующего ранее классификатора ОКОНХ, в новом ОКВЭДе отрасль производства кокса и нефтепродуктов учитывается в составе обрабатывающего сектора. Например, рост ПИИ в 2013 г. в обрабатывающие производства связан с двукратным увеличением (с 15,1% в 2012 г. до 31,7% в 2013 г.) финансирования отрасли производство кокса и нефтепродуктов. Низкорентабельные неэффективные подотрасли обрабатывающего сектора не привлекают ПИИ. После кризиса 2008-2009 гг. интерес иностранных инвесторов к финансированию торговой отрасли сократился практически вдвое. После введения западных санкций в отношении российской экономики с марта 2014 г. ставка на масштабное привлечение ПИИ не делается.

В России есть и потенциал роста, и точки роста (въездной туризм, сельское хозяйство и сопутствующие отрасли, ВПК, автопром, развитие регионов). К

сожалению, огромным ресурсным возможностям страны не соответствует неэффективный хозяйственный механизм, в котором отсутствуют стимулы для развития. Институты развития есть, но они малоэффективны. Созданный как институт развития ВЭБ, активы которого изначально не были разграничены на нерыночные и рыночные, во время кризиса 2008-2009 гг. спасал экономику посредством скупки «плохих» долгов, выдавал украинские кредиты и финансировал олимпийские объекты. В связи с этим растерял свою ликвидность и сам превратился в объект для спасения. Чтобы избежать дефолта ВЭБа, который финансирует важнейшие приоритетные проекты, предполагается постоянная бюджетная поддержка на основе новой финансовой модели, базирующейся на государ. деньгах: средства в капитал, дешёвое длинное финансирование (в т.ч. средства ФНБ и ЦБ РФ), субсидирование процентных ставок кредитов, средства госпрограмм (табл. 6). Реформируют и «дочек» ВЭБа. В 2016-2017 гг. он избавится от РФПИ и «МСП банка». В 2017-2018 гг. из ВЭБа выведут украинский Проминвестбанк, белорусский БелВЭБ, Связь-банк, «Глобэкс», «ВЭБ инновации», «ВЭБ Азия» [4].

Таблица 6

Как будут развивать ВЭБ

Базовый сценарий, млрд. руб.	2017	2018	2019	2020	2021
Финансирование новых проектов	260	400	530	600	660
выдача новых кредитов ВЭБом*	80	120	160	180	200
софинансирование другими инвесторами	180	280	370	420	460
Вклад инвестиций в основной капитал, %	1,7	2,3	2,9	3,1	3,1
Ожидаемое влияние на прирост ВВП, %	0,3-0,4	0,4-0,5	0,5-0,7	0,6-0,7	0,6-0,8
Привлечение фондирования ВЭБом	80	120	160	180	200
государственные источники	60	80	100	90	90
в том числе докапитализация	-	-	50	50	50
рыночные источники	20	40	60	90	110

*Не включают новые кредиты РЭЦ за счёт внешних источников. Источник ВЭБ.

ВЭБ намерен выступить в качестве инвестора в лесопромышленности – финансирование строительства целлюлозно-бумажного комбината ЦБК в Красноярском крае.

Другая госкорпорация, созданная как институт развития - «Роснано», неэффективно осуществляла как текущую, так и инвестиционную деятельность. Венчурные инвестиции в России сократились за 2015 г. на четверть.

Примером эффективной инвестиционной компании может послужить ОАО АФК «Система», финансово-промышленная группа, созданная в 1993 г., имеющая активы в телекоммуникациях и высоких технологиях, энергетике, розничной торговле, сельском хозяйстве, лесной промышленности. 60% выручки поступает от МТС, ключевого активы, создано несколько инвестиционных фондов: Sistema Venture Capital, Sistema Capital Partners (инвестиции в европейскую недвижимость), фонды в Сингапуре и Китае. Чистая прибыль за 1 квартал 2016 г. составила 2,5 млрд. руб. [3].

На наш взгляд, необходимо активизировать инвестиционную политику посредством создания нескольких каналов наполнения экономики

ликвидностью. Виды финансирования могут быть разные: проектное финансирование (ВЭБ и отобранные банки) фонд развития промышленности ФРП, российский фонд прямых инвестиций РФПИ, субсидирование ипотеки и процентных ставок и др. Инвестиции в реальный сектор экономики от всех институтов развития не превышает 600-700 млрд. руб. в год, что составляет 4-5% от суммы годовых инвестиций в основной капитал всей экономики. Созданные в последние годы Концепция долгосрочного развития России до 2020 г. и федеральные целевые программы не работают из-за отсутствия механизма реализации принимаемых решений. Необходимо усилить участие государства, как прямое, так и косвенное в инвестиционном процессе, что особенно важно в период кризиса [12-13].

Система стратегического планирования должна включать выбор приоритетов развития, инструменты их реализации и источники финансирования. Когда не выполнен один из перечисленных пунктов, результат не достижим. Из запланированных на весь антикризисный план 2015 г. 228 млрд. руб. были распределены 164 млрд. руб. В условиях неопределённости было принято решение об отказе от трёхлетнего планирования. Антикризисный план на 2016 г. содержит 120 мероприятий в два этапа: принятие нормативных актов и распределение средств. К июлю нормативных актов подготовлено 35, а денежные средства не выделены в достаточном объёме ни на поддержку сельского хозяйства производителей, ни на проектное финансирование, ни на финансирование МСП [6]. Денежные власти упражняются в прогнозах в зависимости от нефтяных цен. ЦБ РФ ожидает в 2016 г. спад по ВВП в пределах 0,3-0,7%, по инвестициям до 6-6,5%, в 2017 г. рост ВВП 0,5-1%, в 2018-2019 гг. – 1,5-2%. На фоне инфляционных ожиданий регулятор объявил о неизменности ключевой ставки [7]. Напомним, что прогноз Минэкономразвития: в 2017 г. – 0,6% ВВП, в 2018 г. – 1,7% и в 2019 г. – 2,1%, инвестиционный спад на 0,5% в 2017 г. и медленный рост на 1,2 и 2% в 2018-2019 гг. [8].

В других странах монетарная политика играет важную роль в улучшении экономической ситуации. «В начале 2015 г. ЕЦБ заявил о начале проведения политики количественного смягчения. С марта европейский регулятор начал осуществлять покупки суверенных облигаций стран еврозоны, в результате чего общая сумма покупки государственных и частных облигаций достигла 60 млрд. евро в месяц [9]. В 2016 г. покупка облигаций достигла 80 млрд. евро в месяц. Базовая ставка рефинансирования равна нулю, по депозитам коммерческих банков минус 0,4%. Годовой темп инфляции в июне 2016 г. составил 0,1% при таргете 2%. В России финансово-денежная политика совершенно иная. Жесткая бюджетная политика, борьба с инфляцией – главная задача, ограничение денежного предложения реальному сектору экономики, которому не хватает средств, как для простого, так и для расширенного воспроизводства общественного капитала. На наш взгляд, основная задача – обеспечение экономики длинными дешёвыми деньгами.

Ввиду того, что российская экономика недокапитализирована и недокредитована, необходимо всемерно повышать уровень капитализации компаний и банков. В связи с этим должны быть изменены принципы формирования денежного предложения реальной экономике, которые основываются в настоящее время на валютных поступлениях, а должны исходить из внутреннего спроса на деньги, отражающего потребности воспроизводства национального капитала. Недостаток долгосрочной ликвидности можно преодолеть путём стимулирования долгосрочных вложений за счёт налоговых льгот, снижения нормы резервирования и расширения перечня бумаг, принимаемых в залог при кредитовании. Деньги в экономике есть, и немалые. На счетах компаний депонировано 17 трлн. руб., населения – 23 трлн. руб. свободных средств. Если физлица вложат в облигации 5% этого объём, предприятия получают более 1 трлн. руб. Активные инвестиции в новые проекты начинаются при ставке ниже 7%. Необходимо заимствовать зарубежный опыт снижения ставки налогообложения доходов корпораций, полученных в результате реализации запатентованной продукции [10. С. 34-37]. А. Белоусов считает, что уже после 2018 г. экономика может разогнаться до 4% роста, если стимулировать компании инвестировать накопленное на счетах [5].

Список литературы:

1. Блауг М.М. Экономическая мысль в ретроспективе. – М.: Дело, 1994.
2. Бюллетень банковской статистики № 7 (146)2005г., № 10 (161)2006 г., № 9 (172) 2007 г., № 7 (182) 2008 г., № 8 (195) 2009 г., № 8 (207) 2010 г., № 8 (207) 2011 г., № 8 (207) 2012 г., № 8 (207) 2013 г., № 8 (207) 2014 г., СББ России № 8 (207) 2015 г., № 8 (207) 2016 г.
3. Ведомости № 107 от 16.06.2016.
4. Ведомости № 112 от 23.06.2016.
5. Ведомости № 134 от 25.07.2016.
6. Ведомости № 142 от 04.08.2016.
7. Ведомости № 174 от 19.09.2016.
8. Ведомости № 195 от 18.10.2016.
9. Годовой отчёт Банка России, 2015.
10. Долженков А. и др. Выживешь - поможем //Эксперт. – 12-18 сентября 2016. - № 37. С. 34-37.
11. Долженков А. На подъеме//Эксперт. – 2016. - № 43. С. 56.
12. Зоидов К.Х. К проблеме исследования циклических процессов в советской и переходной российской экономике. Часть I //Экономическая наука современной России. – 2007.- № 4. – С. 7-22.
13. Зоидов К.Х. К проблеме исследования циклических процессов в советской и переходной российской экономике. Часть II //Экономическая наука современной России. - 2008. - № 1. - С. 35-48.
14. Инвестиции в России. 2015//М.: Ростат. С. 14
15. Маневич В.Е. Проблемы роста российской экономики//Бизнес и банки, №43 (1072), 2011. С. 1
16. Маневич В.Е. Кейнсианская теория и российская экономика. – М.: Наука, 2008. С. 61
17. Официальный сайт Росстата// Электронный ресурс: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency/#
18. Официальный сайт Столыпинского клуба//Электронный ресурс: <http://stolypinsky.club/economica-rosta/>

19. Петербургский международный экономический форум 16—18 июня 2016//Как вывести экономику на траекторию устойчивого роста?// Электронный ресурс: http://forumspb.com/bfx-cc/system/uploads/files/site_session_attr/stenogram_ru/717/17.pdf
20. Петраков Н.Я. Рынок близорук. Но государство тоже //Экономика и жизнь. – 2006. - №42 (9152). [Электрон. ресурс]. – URL: <https://www.eg-online.ru/article/59111>.
21. Прогноз социально-экономического развития российской федерации на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов//Электронный ресурс: <http://economy.gov.ru/minec/resources/fb93efc7-d9ad-4f63-8d51-f0958ae58d3e/1%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%BD%D0%BE%D0%B7+%D0%BD%D0%B0+2016-2018+%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%8B.pdf>. С. 61-63
22. Прогноз долгосрочного социально – экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года// Электронный ресурс: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20131108_5
23. Россия в цифрах. 2014. Крат. стат. сб.// Росстат – М., 2014.
24. Россия в цифрах 2016. Крат. стат. сб.// Росстат – М., 2016.
25. *Сценарные условия, основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации и предельные уровни цен (тарифов) на услуги компаний инфраструктурного сектора на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов/ Электронный ресурс: / <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depMacro/20160506>. С. 24*

ТРАЕКТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РОССИИ: ПРЕОДОЛЕНИЕ МИФОВ

*Сухарев Олег Сергеевич - доктор экономических наук, профессор, зав. сектором
Института экономики РАН*

***Аннотация.** В докладе рассматриваются проблемы организации новой модели экономического роста в России, исследуются ошибки экономической политики в виде преобладавших мифов, которые выступают факторами сопротивления к запуску новой модели роста. Под новой моделью роста понимается экономический рост за счёт изменения структурных параметров экономики, чтобы обеспечить наиболее динамичное развитие обрабатывающих секторов. Сберегательно-инвестиционная модель экономики, предполагающая высокую процентную ставку не будет целесообразной для российской экономики, поскольку, относительно высокая процентная ставка, стимулирующая сбережения, будет оказывать тормозящее влияние на инвестиции, а сокращение совокупного спроса, действовать в направлении сокращения производства, с вытекающей монополизацией экономики, ростом затрат и инфляционным давлением. Таким образом, на первом этапе запуска экономического роста в России, нужна политика стимулирования роста реальных располагаемых доходов и совокупного спроса, а снижение ставки процента будет способствовать нормализации работы кредитного рынка. При этом понадобятся валютные ограничения, институциональные коррекции спекулятивной системы, дестабилизирующей экономику и подрывающей возможности организации приемлемого экономического роста. Для эффективной реализации программ замещения импорта и организации новой траектории роста российской экономики необходима потребительски-инвестиционная модель развития.*

***Ключевые слова:** экономический рост, экономическая политика, новая модель роста, инвестиции, инновации, денежно-кредитная политика*

1. Экономический рост и другие параметры экономики

Экономический рост, вне всяких сомнений, выступает своеобразным общественным благом, поскольку, при прочих равных, выражает улучшение жизни населения и расширяет возможности перераспределения и

использования различных ресурсов, создавая мощные стимулы для «социального оптимизма». Однако продолжительность периода роста, качество самого роста, связанное с изменениями в структуре растущей экономики, определяются тем, каким образом организуется экономический рост. В этом смысле организация роста выступает центральной функцией управления ростом и сводится к мерам экономической политики, изменяющим динамику элементов использования ВВП, задающих институциональные факторы этой динамики. Общие установки макроэкономической политики исполняют роль сильных генераторов экономического роста либо свёртывания роста. Если их научная обоснованность низкая, то эти установки будут мешать организовать экономический рост, наоборот, породить, усилить или пролонгировать спад экономики. Поэтому так важно дать оценку этих исходных макроэкономических установок и целей, разобраться как на теоретическом, так и на прикладном уровне анализа, насколько эти исходные положения адекватны той экономической системе, динамику которой они призваны изменить в позитивном направлении. Проблема оценки адекватности установок правительственной политики связана с тем, что анализ эмпирических фактов динамики системы, с одной стороны, конечно, является в некотором смысле верификатором действий правительства, но, с другой стороны, сами факты прошлого периода (накопленный опыт) отражают влияние предыдущих действий, причём не только совершаемых в данный период, но и накопленных, включая кумулятивный эффект изменений в самой рассматриваемой (исследуемой) экономической системе. Однако данная проблема, хотя и с трудом, но может быть разрешена, особенно тогда, когда можно выделить точные интервалы смены установок экономической политики, например, переходы от рестрикций к экспансионистским действиям. Безусловно, экономическая политика любого правительства является довольно дифференцированной, содержит целый набор различных инструментов и способов воздействия на параметры макроэкономической системы, так что возможны сочетания различных мер воздействия, однако, важен общий вектор проводимой политики, который и образует стержень макроуправления системой и исходит из базовой установки. Если набор действий не приводит к результату, то его можно считать неадекватным целям развития. При этом возникает проблема верной формулировки этих целей. Так, если считать целью инфляцию, а не экономический рост и справедливое распределение дохода, то цель по инфляции может быть достигнута ценой роста и углубляющегося неравенства. Тогда возникает вопрос: считать ли эту цель обоснованной и необходимой, а её достижение - успехом макроэкономической политики? В управляемой (социальной) системе всегда существует совокупность целей развития (функционирования), причём выявляется иерархия целей, при том, что отдельные цели могут оказаться совсем не связанными, либо даже противоречивыми, когда достижение одной цели можно осуществить, только нарушив движение по другим целям развития системы. Этот момент не может не учитываться при организации экономического роста в России, при

планировании экономической политики. Противоречия по целям также обусловлены ещё и изменяющимися связями между параметрами макроэкономической системы, например, ростом, инфляцией и безработицей, инвестициями, потреблением, сбережениями и ростом и т.д. Со временем изменяется не только связь между параметрами, но и изменяется вес фактора, который выступает основным генератором данного темпа роста. Изменение этого веса, по сути, означает, что рост происходит уже в силу иного фактора, с другим весом, либо даже группы факторов. Задача экономической науки, да и макроуправления в том, чтобы в идеале поймать этот момент, лучше даже, если предсказать его, что и даст повышение адекватности проводимой политики роста. Именно эта задача с большим трудом решается наукой в настоящее время. По большому счёту её можно считать пока не решённой, хотя инструменты и модели, позволяющие приблизиться к точному решению, всё-таки имеются, с той оговоркой, что трудно отделить накопленные действия, решения и гистерезис, а также инерцию состояния самой системы. Вместе с тем по отдельным связям параметров вполне можно дать чёткие теоретические формулировки, с помощью которых трансформировать представления о сложившихся стереотипах макроэкономической политики роста.

В частности, развитие экономики при относительно высокой процентной ставке, сохранение положительной реальной ставки процента, фактически является способом индексации доходов финансово-спекулятивных видов деятельности, в ущерб реальному производству.

Важно отметить, что относительно высокий процент не только не предотвращал отток капитала, который был довольно значительным все указанные годы, но и не обеспечивал притока иностранного капитала в рамках реализации парадигмы роста - развития за счёт внешних источников. Такая модель изначально подрывала безопасность России, но никто из экономических властей с подобными аргументами весь этот период особо не считался.

Иными словами, капитал не чувствителен к процентной ставке – это стало ещё одним свойством экономического роста в России. Повышение процента как мера противодействия инфляции, наоборот, приводила к повышению одного из видов цен (цены капитала), что не могло не действовать и проинфляционно. Когда произошёл обвал на валютном рынке осенью 2014 года, повышение процентной ставки как мера против импортированной инфляции была неадекватной, ибо спекулянты только переключились с одной игры на другую. Политика действенных трансакций должна приводить к ограничению спекулянтов как вида агентской деятельности – и это выступает основным инструментом регулирования рынка и противодействия инфляции такого типа при сложившейся структуре экономики.

Чтобы точно говорить о том, что процентная ставка влияет на инфляцию, нужно привести коэффициенты эластичности такого влияния, то есть расчёты, что обычно властями не делается. Но проводимые в рамках наших исследований количественные оценки показывают обратное - повышение процента не тормозило инфляцию. Только суммарные действия рестриктивного

характера, приводящие к существенному спаду почти в 4%, смогли несколько снизить инфляционное давление, запущенное при высокой зависимости российской экономики от импорта и вытекающей отсюда импортированной инфляции.

Высокий процент выступает стимулом для агентов внутри страны заимствовать под низкий процент за рубежом, что увеличивает внешний частный долг. Рост долга увеличивает нагрузку по его обслуживанию, значит, программирует будущие издержки плюс условие для последующей возможной девальвации. Процент рассматривался как разновидность налога на предпринимательскую прибыль (Шумпетер); высокий процент является символом бедности, тормозит развитие, а низкий процент – символом богатства, стимулом развития, но делает развитие медленным, очень постепенным. Поэтому процентные ставки по идее, если придерживаться указанного взгляда, должны соответствовать развитию – поставленным задачам. Иными словами, процент есть инструмент регуляции развития, и он не должен быть низким или слишком высоким. Вопрос об оптимальном проценте является открытым при рассмотрении вопросов развития современной экономики. В период 2000-х гг. разница по процентной ставке в России, ФРС США и ЕЦБ была соответственно в 8-10 и 30-40 раз. Более того, процентная ставка изменялась асинхронно. Когда на Западе она снижалась, в России – возрастала, когда в России снижалась, на Западе – возрастала. Это обстоятельство стало условием формирования «валютно-процентного рычага», который обеспечивал перекачку ресурсов из России на Запад (высокий отток капитала) с одновременным ростом зависимости частного сектора от внешних ресурсов развития (не только и не столько от технологий, сколько финансов), что при примитивизации производства означало рост зависимости (частного внешнего) в условиях технологической деградации, то есть при явном ослаблении экономики по иным параметрам. Это худший вариант развития - роста, и именно он возник в России, что требует сведение задачи модернизации именно к исключению данного режима развития - роста. По существу, сложилась система, когда экономический рост при даруемых им благах и повышении уровня жизни, фактически не был заработанным населением, поскольку сложившаяся модель скрадывала «неэффективность развития», сводя ситуацию к сырьевому росту в долг. Относительно высокий процент блокировал инвестиции, хотя на данном этапе происходило обновление основного капитала и довольно высоким темпом. Но значительная доля этой динамики приходилась на возобновление капитала, а также поставки иностранного оборудования (инвестиции в новые средства производства и привлечённый капитал). Процентная ставка, превышающая рентабельность обрабатывающих секторов, нарушала процесс воспроизводства основного капитала, к тому же снижение средней рентабельности происходило при росте процента и экономическом росте системы. Такой тип роста нельзя назвать интенсивным. Отрасли с высокой рентабельностью имели и собственные средства на развитие, и был доступен для них кредит. Отрасли с низкой

рентабельностью, наоборот, ограничены в своём развитии. В силу этого одни отрасли получали избыточный ресурс на развитии, другие – имели недостаточный ресурс, что отражалось и в модели роста. Таким образом, формирование новой модели и управление ростом требует решения задачи распределения ресурсов между отраслями (секторами) экономики¹²⁷.

Бюджет и бюджетная политика являются коротким инструментом влияния на экономику, можно сказать, текущим инструментом. Фискальные ограничения подрывают возможность по многим целям бюджета и уже точно никак не связаны с долгосрочными целями политики. Бюджет не видит долгосрочных стратегических целей, даже так называемый трёхлетний бюджет. Стремление обеспечить бездефицитность бюджета воспроизводит «эффект Гобсека», когда ресурсы выводятся из экономики под видом борьбы с инфляцией. Финансирование программ развития происходит без учёта изменения состояния объектов, получающих и осваивающих выделенные финансы. Таким образом, бюджет является мощным ограничителем государственных инвестиций, крайне необходимых для преодоления рецессии и выхода на траекторию экономического роста, и в границах «бюджетного правила» закладывает новые виды неэффективности развития, пренебрегая его стратегическим горизонтом. Налоговые изменения также способны усугублять бюджетные проблемы, причём налоги необходимо трактовать не только как фискальный инструмент, но и как стимулирующий развитие инструмент. Это потребует иного подхода к проектированию налоговой системы как института. Налоговое администрирование имеет существенные ограничения в применении. Нужен подход к оптимальной системе налогообложения, которая бы формировала бюджетные доходы и, что ещё более важно, каналы расходования средств через бюджет. Именно такой подход, применяемый скандинавами, может дать для России новую модель роста и управление этой моделью посредством налоговой структуры.

2. Мифы экономической политики роста в России

Исследуя проблему экономического роста в России, можно чётко констатировать, что, во-первых, на протяжении 2010-2014 гг. наблюдалось неуклонное сокращение темпа роста, с переходом в 2015 году в отрицательную область значений, то есть возникновением спада до -3,7% ВВП, во-вторых, указанная динамика вплоть до конца 2014 года сопровождалась относительным сдерживанием инфляции, которая возросла при девальвации 2014-2015 гг., и в

¹²⁷ Чтобы обеспечить управляемый перелив ресурсов был предложен принцип «плохого баланса» для банковской системы и теория процентного портфеля, которые были впервые сформулированы Сухаревым О.С. в статьях 2007-2008 гг., а затем раскрыты в работе «Структурные проблемы экономики России» (М.: Финансы и статистика, 2010, доступна www.osukharev.com). Этот принцип и теория процентного портфеля получила развитие в книге: Теория реструктуризации экономики, 2016.

существенной степени вызвала дополнительный рост цен (через «импортированную инфляцию»).

Вот уже несколько лет проблема запуска экономического роста является актуальным символом всех обсуждений экономической политики в России, причём многие предлагаемые рецепты обрастают мифами, оказывающими на эту политику явно негативное влияние. Рассмотрим каждый миф отдельно, приведём его содержание и теоретические контраргументы, которые позволят изменить управление экономическим ростом, если выстроить систему макроэкономического управления с учётом этих аргументов.

Миф №1. *Для организации экономического роста необходимо подавить инфляцию до 4% в среднем к 2017 году. Примерно такая целевая установка для организации роста была принята ЦБ РФ и Правительством РФ ещё в 2014-2015 гг. до девальвации и сползания в область отрицательного темпа роста. Кроме того, неоднократно утверждалось, что увеличение денежной массы (допечатывание денег), вызовет сильную инфляцию.*

Не будем ставить вопрос, откуда появилась цифра в 4% как ориентир политики таргетирования инфляции ЦБ РФ, почему не 3% и не 5% или 5,5%? Низкий уровень обоснованности подобных целей является прямым подтверждением мифических установок экономической политики. Этому есть и более глубокие теоретические причины. Проблема в том, что экономический рост относительно динамики цен действительно может быть двух типов: 1) рост, когда повышательная динамика цен тормозит его темп (фишеровский рост¹²⁸); 2) рост, сопровождаемый повышательной динамикой цен (шумпетеровский рост). Эти типы или режимы роста могут измениться с течением времени для конкретной страны, зависеть от хозяйственной структуры и действующих экономических институтов. Важно установить, какой сложился тип роста к настоящему моменту и каким-то образом оценить возможное изменение этого режима. Даже если будет точно определено, что инфляция существенно тормозит экономический рост, поэтому нужны жёсткие антиинфляционные меры для организации роста, то всё равно потребуются дать оценку той инфляции, которая приемлема для необходимого темпа роста, и снижение инфляции ниже некоторого уровня, будет приводить к торможению роста. Следовательно, такое снижение не продуктивно. Иными словами, как показывают исследования автора по мировой экономике и отдельным странами, существует некий уровень инфляции, отвечающий наибольшему из возможных значению темпа роста данной экономики на рассматриваемом периоде времени¹²⁹. И если ставится задача обеспечить наибольший из

¹²⁸ Российское правительство и денежные власти долгое время ориентируются на такое представление об экономическом росте. На наш взгляд, оно является «узким» и не отвечает эмпирическим фактам, накопленным по проблеме экономического роста современной России.

¹²⁹ Подробнее см. Сухарев О.С. Экономический рост, институты и технологии. – М.: Финансы и статистика, 2014 (2015), а также: Сухарев О.С. Адекватность стратегии опережающего развития России в глобальных изменениях// Экономический анализ: теория и практика, 2013 - №47(350) – С.2-15.

возможных темп роста, то тогда надо рассчитывать именно на соответствующую ему инфляцию. Когда в России в многочисленных дискуссиях говорят о темпе в 3-4%, либо о рывке в 5-8%, что на это имеются ресурсы, то почему-то никогда не отмечают, какой должна быть инфляция для роста в 3-4 и для роста скажем в 5-6%. Инфляция, соответствующая этим темпам, наверняка будет различной. Безусловно, полезно, хотя бы ориентировочно знать, какой именно она будет в каждом случае. Отсюда и необходимо формировать задачи по таргетированию, рассматривая их как неотъемлемый атрибут политики роста, а не самостоятельное условие для организации роста в стране. Лучшее таргетирование – это таргетирование по номинальному ВВП (хотя и сложнее), либо по темпу роста, что по постановке задачи ориентирует денежные власти на реальные, а не вспомогательные цели. Миф, что увеличение денежной массы приведёт к инфляции разрушает элементарно аргументом относительно периода времени, за который увеличение будет осуществляться и на какую величину. Если инфляция провоцируется денежным фактором, то период времени увеличения массы и скорость увеличения не могут не оказывать влияния на темп увеличения цен. Однако, если нет чётких доказательств монетарной основы инфляции, тогда динамика цен будет мало чувствительна к росту денежной массы, для данной экономической системы. К слову нужно отметить, что сторонники монетизации российской экономики, к числу которых относится и автор, не дают ответа на вопрос, как, например, поквартально в ближайшие три года должна расти денежная масса, поддерживающая рост, и какую долю от ВВП она должна составить к намеченному сроку и почему. Справедливости ради отметим, что и денежные власти России не дают подобных точных оценок. В итоге образуется дискуссия, которую можно обозначить «вокруг да около», но то, что денежно-кредитная политика рестриктивного содержания не полезна, легко наблюдается по реакции развития экономической системы России. Кстати, отсылки к уровню монетизации иных стран оказываются бесполезны, ибо институты, экономическая структура, динамика развития и накопленные её эффекты – совершенно отличаются, поэтому прямые параллели и рекомендации в области денежно-кредитной политики для конкретного момента оказываются невозможными, без определённых оговорок, которые от случая к случаю могут оказаться главнее содержания рекомендации.

Миф №2. *Сдерживание роста заработной платы будет залогом выхода из рецессии к 2018-2019 году, причём рост заработной платы не должен следовать без роста производительности труда.*

При сдерживании заработной платы возникнет эффект ограничения совокупного спроса и потребительских расходов (С), что с учётом влияния той компоненты на ВВП, будет действовать не только в направлении торможения роста цен, но и экономического роста. Однако, торможения роста цен может и не произойти, так как сокращение потребления коснётся импорта в большей степени. При недостаточном предложении отечественной продукции, такая политика в области заработной платы, не обернётся существенным

торможением роста цен (да и спираль цена-заработная плата была в России не столь очевидным источником инфляции). К тому же, перераспределительный эффект в сторону сохранения прибыли и возможного её реинвестирования, даст владельцам производств с одной стороны, возможность обновить основной капитал, но, с другой стороны, приведёт к росту цен основного капитала. Как известно, он в существенной степени поступает по импорту, что даст большой вклад в повышательную динамику цен, нежели вклад торможения роста заработной платы в понижательную динамику цен. Такой сценарий вполне возможен, что не может не учитываться при планировании экономической политики и составлении прогнозов от предпринимаемых правительственных действий. Эффект сдерживания роста заработной платы будет много хуже, нежели обеспечение её роста, особенно если учитывать ещё и социальные аспекты подобной политики в области доходов.

Производительность труда – это показатель, который зависит не только от собственно труда, но и от обеспеченности его фондами, от технологичности системы, включая систему управления. Если заработная плата низка, труд недооценён и в стране имеются серьёзные социальные проблемы, а производительность труда сокращается по причине не фактора «труд», а фактора «капитал», низкой технологичности системы, то привязка роста заработной платы к производительности труда, при высоком бремени, труда, выглядит ущербной в аналитико-интеллектуальном смысле конструкцией. В таких условиях, повышение заработной платы, выступающей фактором здоровья и мотивации труда, может повысить производительность труда на следующих этапах развития системы. Если бремя труда велико, то повышение заработной платы будет восприниматься занятым персоналом как закономерный результат, без увеличения усилий и повышения производительности. В таком случае только обновление капитала может решить проблему роста производительности труда (за счёт автоматизации и механизации труда), а этот результат достижим, если владельцы предпримут усилия по капитализации своего бизнеса, увеличат основной капитал за счёт обновления машин и оборудования. Для этого им придётся расстаться с частью своей прибыли – и иметь мотив на такое решение. В сильно спекулятивной экономической системе такое решение и мотив проблематичны. Кроме того, повышение заработной платы является для России «мотиватором» для дальнейшего повышения производительности, но не наоборот. Если пытаться увеличить производительность труда, увеличивая бремя труда, которое итак высоко, то можно получить обратный эффект «трудового саботажа» и снижения производительности.

Особую опасность, с точки зрения решения задачи повышения производительности труда, представляют качественные изменения, проявляющие необратимый характер, сформировавшиеся за весь постсоветский период, глубоко укоренившиеся и проявляющие себя в настоящее время. Они выражаются в фиксации низких уровней производительности, закреплению извращенных форм трудовой морали,

мотивации деятельности, снижении уровня технологической обработки продукции, глубины переработки, наукоёмкости производства, его качества и технологичности.

Принципиально важно рассматривать связь производительности и благосостояния, производительности и распределения дохода, неравенства и общего благосостояния, вознаграждения и справедливости. В масштабе заданных границ экономического анализа выводы для различных исторических периодов не одинаковы и не столь однозначны. Например, в условиях трансформационного кризиса в 1990-ые гг. качестве важнейшей задачи многие российские предприятия выбрали сохранение своего кадрового потенциала и предпочитали простаивать, но не увольнять своих работников. В итоге, значительно снижалась производительность труда. Некоторые экономисты¹³⁰ говорили об отрицательном значении этого эффекта. Дескать, следует сократить численность персонала, но поддержать производительность на прежнем уровне. Однако, с другой стороны, российские предприятия вели себя закономерно, так как осознавали, что человеческий потенциал это их существенное (определяющее) конкурентное преимущество. Сокращение численности и рост безработицы никак не сохранит производительность. Это углубит спад, изменит макроэкономические пропорции, увеличит издержки безработицы, социальную напряженность и создаст давление в сторону понижения производительности, так как вместе с численной потерей, фирмы будут терять качество, возрастет внутренняя конфликтность, снизится динамический потенциал развития. Тем самым, производительность не является тем «простым» показателем, который может изменяться благодаря изменению какого-то одного фактора, это системный показатель, что как раз и не учитывается обычно в рассуждениях неоклассических экономистов.

Базирующаяся на равновесных представлениях, трактовка поведения российских предприятий и рекомендация по поддержке производительности, в кризисной, трансформирующейся экономике была неадекватной. Если посчитать производительность труда¹³¹ на доллар оплаты труда, то в России этот показатель не так уж плох. В конце 1990-ых гг. академик Д.С. Львов озвучивал такое соотношение: производительность труда на один доллар заработной платы, у нас выше, чем в США, причем выше – в 2,5-3 раза, при, конечно, существенно меньшей абсолютной производительности труда. А по какой причине? Да потому, что заработная плата низка, т.е. труд недооценен. В связи с этим, в России должна быть особая политика доходов и заработной платы, которая бы создала и составила ядро макроэкономической политики, обеспечив более равномерное распределение доходов, с ликвидацией неравенства и повышением зарплаты (даже вне связи с ростом

¹³⁰ Речь идет о Лэйарде Р., который в книге «Макроэкономика», предостерегал от снижения производительности труда по причине неохотного увольнения фирмами своих работников и приводит негативный опыт Восточной Европы в этом вопросе.

¹³¹ В России существенную роль в освоении этой темы внёс акад. С.Г. Струмилин.

производительности на первом этапе), особенно в таких секторах, как образование, медицина, обрабатывающие секторы и т.д.

Так, модель Рена-Мейднера в Швеции, двух известных экономистов, выходцев из профсоюзного движения, касалась развития идеи о равной зарплате за равный труд, что чрезвычайно актуально для российской экономики, где мало того, что огромная разница в оплате труда по регионам, так она даже в одном регионе очень различна между группами, и отличается для одной и той же профессиональной группы в соседних регионах.

Решение названной проблемы требует анализа всех факторов, влияющих на производительность экономической системы. Нужно особо заметить, что проблема повышения производительности труда и новой индустриализации – напрямую связаны. По сути, новая индустриализация – это система действий, которые должны быть направлены на то, чтобы запустить мультиплицирующие цепочки по производственным секторам и задать «обратный вектор» распределения ресурсов. В чём он, этот вектор? Если все 1990-е и все 2000-е, особо это подчеркнём, этот вектор был направлен из реальных секторов в сырьевые сектора, банки, финансы, посреднические услуги и торговлю, то для того, чтобы осуществить новую индустриализацию, внедрить высокие технологии логика требует обратного вектора. Потому что в экономике России сегодня нет избыточного числа трудового ресурса. Вот говорят о необходимости создания 25 млн. новых рабочих мест, а что, они свободны? В России примерно 76 млн. экономически активного населения и безработица 6%. Речь нужно вести о том, чтобы изменить общий вектор развития страны, её модель функционирования. И, меняя этот вектор, надо думать и о том, чтобы увеличивать норму накопления, что означает наращение инвестиций в основной капитал, но сводить экономическую политику к увеличению этой нормы, не является обоснованным и оправданным. Потому что эта норма и будет расти соразмерно с решением поставленной задачи. Однако, добавочных 25 млн. рабочих мест просто нет, их нужно создавать, перемещая уже имеющийся трудовой ресурс, с вытекающим влиянием на производительность. Осуществляя новую индустриализацию через обновление средств производства и нужно будет задействовать факторы, которые обеспечат повышение производительности труда. Важен для страны показатель именно производительности труда в обрабатывающих секторах. Этот показатель связан с новыми технологиями, механизацией, автоматизацией производства и привлечением туда интеллекта под конкретное развертывание продуктовых серий.

Индустриализация (в классическом понимании) – это замена ручного труда машинным трудом, при производстве широких серий продуктов. Решением этой задачи будет обеспечено и повышение производительности труда, а значит и реальных доходов, и нормы накопления. А сейчас мы имеем следующий разрыв: реальные доходы росли (2000-ые гг.) и существенно обгоняли темп роста производительности труда. Это говорит о том, что должны расти удельные трудозатраты, хотя труд и так недооценен в сравнении с трудом

в других странах. Это при определенных условиях может быть конкурентным преимуществом, так как дорогой труд при высокой доле материальных затрат в себестоимости продукции «ударит» по цене этой продукции, а значит и по её конкурентоспособности, даже при относительно высокой производительности.

Конечно, для того, чтобы точно детализировать задачи новой индустриализации, в том числе, по обрабатывающим секторам (программы развития) помимо оценки факторов, влияющих на производительность, следует измерить уровень деиндустриализации по отдельным секторам обрабатывающих производств, сокращение сложности технологических операций в конкретных видах производств, как и абсолютную потерю отдельных технологий не по причине научно-технического прогресса (когда старые технологии замещаются новыми), а по причине деиндустриализации (абсолютной потери старых и новых технологий), а также показать связь между рентабельностью активов промышленных предприятий и производительностью обрабатывающих производств.

В настоящее время проблема производительности труда встает достаточно остро, поскольку уровень развития экономики, темп её роста напрямую зависят от факторов, определяющих производительность труда.

Производительность труда, сильно зависит, во-первых, от технической и технологической оснащённости всех процессов в экономике, во-вторых, от уровня использования интеллектуального потенциала с соответствующей оплатой. При этом следует учитывать, что производительность труда является системным, но результативным показателем. Можно сократить занятость, увеличив безработицу и тем самым формально увеличить производительность. Более производительная система будет способна обеспечить и более высокий темп роста. Иными словами, с какой скоростью экономика растёт, зависит от совокупной производительности факторов роста.

Производительность каждой системы определится своим набором факторов. Если считать по затратам труда - это будет один параметр производительности. Считать по выработке - это будет другой параметр. Известно, что если страна отстаёт от экономического лидера в уровне производительности, то она может иметь темп прироста производительности существенно выше, иногда при отставании в 3 раза по абсолютному показателю, темп прироста производительности может в 2 раза быть выше.

Практика показывает еще одну существенную проблему в процессе определения производительности труда - методологическую проблему расчета и учета показателей ряда отраслей. Т.А. Голикова в своем выступлении на совместном заседании Государственного совета и Комиссии при Президенте по мониторингу достижения целевых показателей социально-экономического развития России отметила, что Росстат не рассчитывает производительность труда в некоторых видах экономической деятельности, а при этом "в 2012 году добавленная стоимость в данных отраслях составила 10,4 триллиона рублей, или 16,6 процента ВВП. Занятых было 17,8 миллиона человек, или 26,2 процента от общей численности занятого населения. Всё это свидетельствует о

том, что мы приходим к необходимости изменения методологии расчёта производительности труда... Анализ показывает, что в перечень целевых индикаторов и показателей отдельных государственных программ показатель «рост производительности труда» не включён"¹³².

Таким образом, задачу организации экономического роста при первых шагах не стоит сводить только к росту производительности труда. Рост производительности труда возможен в случае объединения усилий на всех уровнях управления экономической системой в рамках факторов, влияющих на производительность (техника, технологии, труд, квалификация, организационная и управленческая эффективность – X-эффективность по Г.Лейбенстайну, структура экономики, неравенство и исходный уровень благосостояния, задающие уровень мотивации и даже природно-климатические условия и пространственная протяжённость, определяющие величину потребных инвестиций в повышение технологичности и производительности системы) на государственном, отраслевом уровнях и функционирование фирм и агентские взаимодействия. Следовательно, нужно планировать и согласовывать направления воздействий и развития экономической системы. Таким образом, рост производительности труда напрямую зависит от эффективного и комплексного использования резервов элементов системы, сформированных с учетом реализуемой стратегии и особенностей развития этих элементов, их исходной ресурсной базы, в том числе и навыков управленческого персонала и используемых методов стимулирования и мотивации, социально-психологических факторов и условий, в которых осуществляется труд (эргономика). Основной вывод состоит в том, что факторы, определяющие совокупную производительность должны учитываться в отраслевых программах развития в качестве базовых параметров управления этими программами, что предполагает исследование взаимосвязей¹³³, в том числе между активами конкретной отрасли и параметрами эффективности функционирования, включая производительность труда. Без данного условия эффективное управление (планирование) промышленными системами, а также реализация стратегии новой индустриализации не представляется возможной. В приводимом исследовании изучена связь факторов, влияющих на производительность труда в промышленности России 2000 г. (до 2012 г.). Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что, как в целом по экономике (в основных видах экономической деятельности) темп роста объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг

¹³² Стенографический отчет о совместном заседании Государственного совета и Комиссии при Президенте по мониторингу достижения целевых показателей социально-экономического развития [Электронный ресурс] URL: http://state.kremlin.ru/state_council/19882 (Дата обращения: 14.02.2014)

¹³³ Наиболее полное исследование этого вопроса осуществлено в работе Сухарев О.С. Стрижакова Е.Н. Новая индустриализация - путь к повышению производительности труда в промышленности. //Экономист. 2014, N 5. – С.6-17, и более полной версией Сухарев О.С., Стрижакова Е.Н. Производительность труда в промышленности: системная задача управления // Экономика и предпринимательство. 2014, N 8 – С.389-402.

собственными силами практически полностью покрывался ростом производительности труда, а не ростом совокупных трудовых затрат. Поэтому рост промышленного производства за исследуемый период в существенной мере обеспечивался повышением производительности труда, другой вопрос, что это повышение в основном было экстенсивным. Именно по этой причине повышение производительности труда сведётся к технологическому переоснащению экономики и не должно быть привязано к заработной плате, рост которой необходимо сдерживать при наличии столь крупных социальных проблем в России. Такая политика будет сдерживать экономический рост, и продлять на длительную перспективу режим стагнантного развития России.

Миф №3. *Инновации, промышленная политика и программы развития, определяющие приоритетные направления, являются определяющими составляющими экономического роста в России.*

Проведенные нами исследования показывают, что макроструктурные ограничения роста в России, действующие институциональные ограничения, сводимые в том числе к модели проводимой денежно-кредитной и бюджетной политики, укладываются в общие рамки «перераспределительной» и «сокращательной» логики развития хозяйства, но не логики наращивания результатов, что делает инструменты в рамках программ развития довольно условными, как и характер продвижения по установленным приоритетам. Идея, будто в России решались проблемы развёртывания национальной инновационной системы при отсутствующей промышленной политике вообще не выдерживает критики, ибо промышленная политика присутствовала в виде программ, законов (региональных о промышленной политике, которые принимались много ранее принятого Федерального закона о промышленной политике, во второй половине и на исходе 1990-ых гг.), но она не смогла уберечь промышленность от убыли именно по указанным выше причинами – институциональные трансформации оказались сильнее таких мер промышленной политики. Аналогичный аргумент затрагивает и область инноваций, которые не могут и не должны быть самоцелью экономической политики. Они не могут рассматриваться вне сферы и форм промышленно-технологического развития.

Инновации с большим трудом возникают в экономике в фазе кризиса, поскольку ограничены ресурсы, производства испытывают трудности на рынках, которые не готовы принять новые продукты, внедрение новых технологий и процессов, способов организации также ограничено. Наибольший эффект обычно дают усовершенствования, имитация чьих-то достижений и т.д. Только в фазе оживления расширяющиеся возможности могут создать условия для возникновения и дальнейшего тиражирования инноваций, причём накопление инноваций и расширение их числа могут спровоцировать возникновение очередного кризиса, также в силу ограничений в области ликвидности фирм, реализующих инновации. Таким образом, сам по себе инновации не могут быть целью развития, целью модернизации тем более преодоления кризиса, когда существенны потери по стереотипным

(консервативным в противоположность инновационным) производствам и технологиям. Это не значит, что в экономике отсутствуют инноваторы или инновации не нужны. Важен их первичный масштаб в экономике и условия возникновения. Однако, когда инновации делают основной целью экономической политики, имея явно сжатый ресурс и большие разрывы в области обрабатывающих секторов, то такая цель при соответствующих ограничениях является неэффективной и, более того, не обоснованной и не нужной. Развивающиеся производственные системы в силу требований развития будут инициировать инновационный процесс при соответствующих возможностях и условиях.

Экономический рост обычно тормозится, если осуществляется управление экономической структурой, принимающее вид её трансформации. Однако, возможен режим роста, когда изменение экономической пропорций будет являться правилом для самого роста, то есть, стимулировать экономический рост. Именно такой режим с учётом текущего состояния факторов и элементов ВВП, необходимо создать в России. В стратегическом смысле, и с позиций управления крупномасштабной системой именно такая постановка представляется системной и оправданной, действительно заслуживающей усилий государства по поиску сложного решения.

Смысл структурных изменений в России должен состоять в том, чтобы обеспечить перетекание ресурсов (труда, капитала, информации и др.) из финансовых, банковских секторов в обрабатывающие сектора, которые за счет обновления капитала создавали бы новые средства производства и продукцию промышленного назначения и широкого потребления. Необходим также обмен ресурсами между добывающим и обрабатывающим секторами, обеспечивающий повышательную динамику этих секторов, опережающего характера по обработке относительно добычи.

Миф №4. *Имеются свободные производственные мощности, которые являются залогом будущего экономического роста.*

Этот четвёртый миф можно, справедливости ради, считать полумифом, поскольку действительно статистические оценки показывают на цифрах наличие свободных производственных мощностей в экономике России, примерно до 40%.. Однако, количественные оценки осуществляются в основном, по простому оборудованию, по его недозагрузке. При этом, такое понятие как период времени, в течение которого наблюдается такая недозагрузка и состояние этих мощностей (оборудования) обычно в таких расчётах не оценивается. Таким образом, производственные мощности оказываются на бумаге свободными, незагруженными, но вопрос относительно готовности этих мощностей к загрузке остаётся открытым. Если при кризисе 1998 года, когда также наблюдалась значительная девальвация, которая обеспечила вытеснение импорта, что сопровождалось загрузкой свободных производственных мощностей и обеспечило бурный рост в промышленности, то в 2014-2015 гг. аналогичного эффекта после крупной девальвации конца 2014 года не наблюдалось. Одним из объяснений этого явления выступает как

раз условие, что свободные производственные мощности не в полном объёме готовы к загрузке. Это связано не только с названной выше причиной, касающейся состояния самих мощностей, но и с кадрами, готовыми обслуживать это простаивающее оборудование, а также с новыми собственниками, которые имеют иные мотивы, нежели собственники в 1998 году, да и структура частного и государственного контроля над производственными мощностями, включая и свободную (незагруженную) их часть совершенно иная. Поэтому монетизация экономики и экспансионистская политика правительства сейчас не позволит вовлечь эти свободные мощности в необходимом объёме, что также является ограничением организации роста в России. Кроме того, не отлаженность каналов распределения увеличивающейся денежной массы между секторами, сказывается на её переливе между обработкой и транзакционными секторами (в пользу последних) – поэтому нужны меры институционального характера, обеспечивающие этот перелив в пользу обрабатывающих секторов.

Конечно, требуется учитывать, что монетизация в виде увеличения M_2 к ВВП, скажем, от 20 до 50%, это один вид монетизации с сопровождающими его эффектами роста цен и развития, а вот если далее продолжаем увеличивать денежную массу, например, до 70-80% или 100% ВВП, то скорость увеличения, и величина этого параметра монетизации - будут по другому влиять на развитие данной экономической системы, со сложившейся и присущей именно ей структурой. Рассуждения о благостном значении этого нового параметра монетизации, без должной теоретической проработки вопроса, могут составить очередной миф, исключительной полезности такой монетизации. Остаётся ясно одно, что экономический рост заданного темпа не поддержать при дмонетизации экономики, причём сам рост, включая логику экспансии, не может происходить за счёт рестрикций – это противоречит логике роста. Экономическая наука лишь должна поставить и ответить на вопрос, относительно экспансионистской системы мер, их согласованности, последовательности, связать их с системными изменениями в хозяйстве, а теория макроуправления предложить способы воздействия на конкретные параметры экономической системы (отвечая по поводу чувствительности мер и изменений параметров).

Миф №5. *Снижение налогов на бизнес приведёт к повышению экономической активности, и малый бизнес станет драйвером экономического роста в России.*

Этот миф порождён «экономикой предложения», применявшейся в качестве экономической доктрины в рамках «рейганомики» в США и «тэтчеризма» в Великобритании. Эффект снижения налогов был мягко говоря неоднозначным, а справедливости ради – просто отрицательным, поскольку налоговая система изменялась довольно долго, эти изменения не могли вводиться не только синхронно, но и даже последовательно, так как требовалось время на то, чтобы проводить налоговые коррекции через парламент. В итоге, эффект влияния налоговых изменений смазывался, что обеспечивало и

различные оценки в среде экономистов-аналитиков. Однако, нужно сказать о неудовлетворительной основной идеи «экономики предложения», сводимой к тому, чтобы повысить экономическую активность за счёт снижения налогов, снятия ограничивающих бизнес норм, упрощения отчётности, стимулов к повышению производительности труда. Вместе с тем, налоговая система не становилась при всех изменениях более прогрессивной, поскольку основной тезис «не трогать богатых», которые будут инвестировать в экономику, если снизить налоги оставался главным. Именно он и был ошибочным и не подтвердился эмпирическими данными, которые затем были получены. Абсолютно не извлекая никаких уроков российские власти по сути повторяют давно совершённые в других странах ошибки, поддаваясь общей моде следования «экономике предложения», которая видна на Западе до сих пор.

Во-первых, в России малый бизнес представлен в основном услугами, торговлей, посредническими операциями. Поэтому совершенно контрпродуктивна поставленная цель довести вес этого вида бизнеса до 40% ВВП. Другой разговор, если это будет производительный малый и средний бизнес. Для развития этих форм бизнеса, однако, нужны условия, включая доступ к кредитным ресурсам, и соответствующая организация внутренних рынков. К тому же следует помнить, что этот вид бизнеса один из самых конкурентных, стимулируя экономическую активность граждан нужно уметь управлять этой конкуренцией.

Во-вторых, малый и средний бизнес без устойчивого развития крупного бизнеса, контролирующего хотя бы часть внутренних рынков – не будет успешен, он заполнит ниши «импортной инфраструктуры». Кстати трудности 2015-2016 гг. в малом бизнесе связаны, в том числе, и в том, что именно такой торгово-посреднический бизнес, обслуживающий ранее импорт, стал разоряться вследствие крупной девальвации, вызвавшей подорожание импортной продукции и снижение спроса на неё, а также ответных санкций России, после введения санкции в отношении неё. Как видим, изменения рынка и экономической структуры подготовлены масштабными институциональными коррекциями, на которые внутренняя экономическая политика была не в силах повлиять, так как эти институциональные сдвиги привнесены экзогенно.

Неверные стратегические установки экономической политики, опирающиеся на «экономику предложения» могут негативно сказаться на будущих возможностях экономического роста, подорвать конкурентоспособность экономики в длительной перспективе. Контроль за внутренними рынками является ключевой позицией обеспечения экономической безопасности страны. Малый бизнес в конкурентной игре не может обеспечить равнозначный уровень капитала и интеллекта, как транснациональные корпорации, которые будут хорошо осваивать внутренний рынок, переориентируя на свои задачи и малый бизнес данной страны. Это обстоятельство не может не учитываться при формировании стратегии экономической политики, да ещё при враждебном окружении, когда

различными экономическими методами стараются ослабить использование хозяйственного потенциала данной страны (конечно, мы имеем в виду Россию).

Снижение налогов может дать эффект, только если они изначально очень высоки. Однако, сохранится проблема – насколько снижать и какие виды налогов, как управлять налоговой структурой (ставки, бремя и т.д.)¹³⁴. Но в России предпринимались уже усилия по их снижению, причём средние и предельные ставки не самые высокие среди Европейских стран. Это не привело к существенному позитивному скачку в области развития промышленности и сельского хозяйства. Причина в том, что структурно-институциональные ограничения, формирующие систему перелива и использования всех ресурсов в экономике, сильнее меры, связанной с облегчением налогового бремени. Таким образом, снижением налогов бизнес воспользовался для решения своих задач по обогащению, но не инвестированию. Тем самым данная политика – это политика абсолютно не стимулирующая инвестиции, а политика перераспределения ресурсов, причём в сторону их утраты и обострения, вследствие этого, бюджетных проблем. Повышение налогов обычно приводит к росту цен в коротком периоде, а снижение налогов даже не приводило к ощутимой дефляции. Это показательный эффект, отражающий специфику структуры российской экономики. Кстати, похожий эффект наблюдался при реализации мер «экономки предложения» и в развитых западных странах, причём и совсем недавно при рецессии 2007-2009 гг., которая пролонгирует своё влияние на мировую системы до сих пор¹³⁵.

Для запуска экономического роста в России требуются большие инвестиции и самое главное – стимулирование спроса, которое способно поддержать выживание так называемых старых технологий. Малый и даже средний бизнес, даже при великолепно налаженной системе кредитования и доступности кредита, не могут обеспечить такую концентрацию капитала, интеллекта и контролировать пространственно большой российский рынок. В лучшем случае, получится фрагментарная система, где малые формы бизнеса будут контролировать локальные в территориальном смысле рынки, что легко подлежит дифференциации со стороны притекающего иностранного капитала.

¹³⁴ Будет важно даже то, как часто осуществлять снижение по различным видам налогов, и какие ставки не трогать. Перманентные налоговые изменения сильно затрудняют оценку общего эффекта от изменений этого института. Вообще, любые институциональные изменения характеризуются эффектом, что пока они не осуществлены, проблематично заранее оценить эффективность таких изменений. Но, как видим, по отдельным изменениям даже когда они осуществлены, выводы относительно общей результативности подобных институциональных коррекций остаются неоднозначными. Главная причина сводится к тому, что институциональные коррекция непредсказуемо наслаиваются в действии друг на друга и, кроме того, неким образом взаимодействуют с уже действующими и изменяющимися в силу иных факторов институтами, экономической ситуацией. Причём для целы групп агентов эти изменения, идущие параллельно или вместе с вводимыми институциональными коррекциями, касающимися налоговой системы, могут оказаться более действенными.

¹³⁵ В 2016 году не прекращаются разговоры среди западных аналитиков о мировой рецессии, снижении среднего темпа роста мировой экономической системы.

Миф №6. *Иностранный капитал обеспечит подъём промышленности России и запуск новой модели экономического роста, поэтому необходимо создавать условия для привлечения иностранных инвестиций, привлекать капитал.*

Этот миф опасен не только тем, что относительно России введены санкции, и никто не заинтересован (и никогда не был заинтересован) в развитии её промышленности и новых технологий, так как лишней конкурент на мировом рынке и сильная ядерная держава никому не нужна, так как доставляет дополнительные затраты, но и тем, что издавна в России сложилась скверная традиция уповать на привлекаемый из-за границы капитал¹³⁶. В результате, констатировалось, что Россия бедна капиталом и подъём её производительных сил возможен только за счёт привлечения капитала. Эта идея была сильна среди крупных экономистов России, таких как М.И. Туган-Барановский. В итоге, не искались способы наращивания –создания собственного капитала, как видим, даже сторонниками марксистской теории, на основе которой создавалась теория воспроизводства, а предлагались схемы, чтобы направить привлекаемый иностранный капитал на создание внутренней покупательной силы экономики. Иными словами, на стимулирование спроса. Схематично можно представить данную идею так, как показано на рисунке 1.

Как видим из рисунка 1, недостаток собственного капитала, порождает потребность в иностранном капитале (эта потребность является текущей, а привлечение капитала может не дать эффекта восполнения нехватки собственного капитала), который должен использоваться для подъема промышленности за счёт создания новой покупательной силы, что повысит ёмкость внутреннего рынка. Однако, не учитываемые ограничения по размещению иностранного капитала, а также целей этого капитала, сокращают прибыльные возможности его использования, создают иллюзию процветания промышленности, порождая высокую зависимость от внешних источников развития, сопровождаемую потерями активов в промышленности, что сохраняет недостаток в собственном капитале, очерчивая своеобразный «порочный круг»¹³⁷.

Отмечая необходимость роста общественного капитала Туган-Барановский столетие назад не говорил, каким образом это осуществить за счёт привлечения по существу чужого капитала, имеющего иные цели. Он отмечал ситуацию в промышленности в 1910 году (обсуждаемую на съезде промышленников) как «промышленный маразм», причиной считал недостаток внутреннего спроса, а способом привлечение иностранного капитала (просто объяснение на основе анализа спроса он считал поверхностным).

¹³⁶ За исключением советского периода. И даже в это время осуществлялся импорт технологий и оборудования, но его величина не была критичной для СССР уже к середине 1930-ых гг.

¹³⁷ Эффекты порочных кругов стали известны в науке позже работ Туган-Барановского, хотя проблема кругооборота капитала была изучена довольно хорошо и самим Т-Б. Вместе с тем, приводимый нами эффект на рисунке 1 явно не учитывался российскими экономистами того времени.

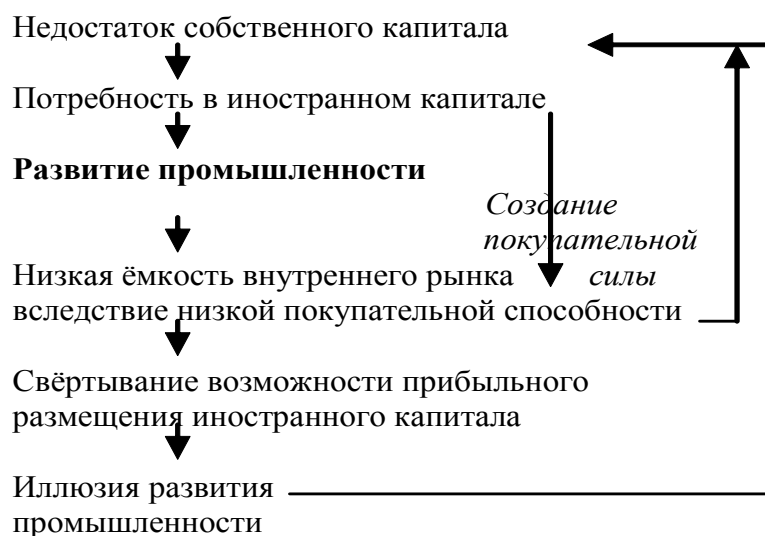

Рисунок 1. Общая схема причинно-следственных связей развития российской промышленности по Туган-Барановскому (представлена авторами).

Таким образом, фактически отрицалась возможность создания внутренней покупательной силы за счёт внутренних источников (ресурсов), констатировалась (и считалась полезной) зависимость российского капитала от иностранного капитала¹³⁸. В то время стилистикой экономического развития было то, что производство довлело над финансовым сектором. Сегодня ситуация совершенно обратная, финансы довлеют над производством. Поэтому одной из задач современного развития является задача обуздания финансовых рынков. Технологии достигли такого совершенства, что они фактически программируют спрос (экономический агент не может знать, что ему понадобится мобильный телефон, либо ноутбук – всё это создала наука и технологии, о которых не специалист просто не догадывался пока, не увидел уже готовое изделие). Принцип независимости потребителя перестал действовать, что опрокидывает многие экономические модели и рецепты. Система стала более сложной, информированной, непредсказуемой, что требует и системных решений, взвешивания силы применяемых правительством инструментов и определения последовательности их применения. Поскольку производство подстраивает под себя и потребление и спрос, а само сильно зависит от финансов, то финансовый сектор определяет текущие возможности экономики, причём его динамика, как и управление им, становятся лимитирующими факторами экономического развития в

¹³⁸ Открыто указывалось, что для Урала иного выхода указать нельзя, бояться захвата иностранным капиталом природных богатств России – не стоит (Т-Б). Можно сожалеть, что данная позиция имеет довлеющее влияние на российское правительство в наши дни (все 1990, 2000-ые гг. и в 2016 году)

современную эпоху¹³⁹. Подводя итог нашим рассуждениям, отметим, что иностранный капитал может быть использован только как вспомогательный элемент в организации новой модели роста в России, на него нельзя делать ставку, поскольку возникает режим структурно-технологической зависимости (зависимость по капиталу), с вытекающими эффектами и по организации труда. Со временем изменяется структура владения и контроля за секторами промышленности, когда владельцами становятся иностранные агенты с вытекающими решениями в области международного права и договоров.

Конечно, когда речь заходит о капитале, будь то созданный в экономике или привлечённый, то важна исходная структура размещения этого капитала, имеющиеся точки его приложения. Структурные ограничения развития становятся самыми весомыми. Смена модели роста не может рассматриваться вне их влияния, если речь идёт действительно о новой модели роста. И здесь возникает ещё один миф экономической политики.

Миф №7. *Структурные реформы приведут в России к устойчивому экономическому росту, причём они должны состоять в приватизации, судебной, пенсионной реформе, стимулировании развития малого бизнеса (снятие ограничений), административной реформе и др.*

Этот миф настолько слаб в обосновании, что развеивается собственной формулировкой, ибо судебная реформа, как и административная и даже пенсионная как таковые не являются методами изменения экономической (народнохозяйственной) структуры. Изменения в пенсионной системе могут со временем сказаться на инвестициях, если пенсионные фонды выполнять инвестирующую функцию в экономике, которую во многих иных странах исполняют. Однако, это настолько условно, что не может оказаться решающим фактором по запуску новой модели роста в России, так как фонды аккумулируют часть создаваемого дохода и эффект размещения финансовых ресурсов таких фондов (инвестирования) зависит от исходного состояния объектов инвестирования и стимулов для инвестиций, а также, что особенно важно от возможностей данных фондов. Судебная система обеспечивает наказания за несоблюдение норм (преступления), задаёт режим правовой эффективности хозяйствования, но как таковая не влияет на изменение структуры экономики (при имеющемся влиянии на поведение экономических агентов).

Из всех перечисленных направлений воздействий к структурной политике имеет прямое отношение только приватизация, так как изменяет соотношение и связи между частным и государственным сектором. Это и есть реальное влияние на межсекторальную структуру, только далеко не факт, что такое влияние будет позитивным, так как оно сопровождается сокращением диапазона государственного управления, ужесточением требования по системе регулирования экономикой. С этим в России имеются серьёзные проблемы опять же в силу уже проведенной масштабной приватизации. К тому же, если

¹³⁹ Источником экономических кризисов перестаёт быть производство и бедность, генерируют современные кризисы финансы и богатство.

делать ставку при запуске роста на внешний капитала, или даже на имеющийся внутренний капитал, нужно уже принимать во внимание какие секторы промышленности и сельского хозяйства (агропрома) контролируются внешними собственниками (иностранцами).

Эта институциональная структура (владения активами) будет определять чувствительность всех мер экономической политики относительно параметров воздействия. Самое важно обстоятельство сводится к тому, что любая реорганизация и структурное изменение способно повысить издержки и затормозить экономический рост. Следовательно, новая модель роста в России должна предполагать поступление ресурса в обработку из области услуг, торговли, финансов, добычи (ограниченно, так как этот сектор имеет проблемы с эффективностью), а также оборонно-промышленного сектора (трансферт технологий) – и это будет то структурное изменение, которое не даст сразу слишком большого роста, но создаст долгосрочную основу для роста умеренно темпа в 3-4%¹⁴⁰. Для этой цели уже ориентировано образование, ведущее подготовку инженеров (выпуски в ближайшие 4-5 лет возрастут), а также научные организации и патентное Бюро России, которое запускает программу передачи патентов в бизнес. Отдельные производства, защищённых патентами необходимо запустить в рамках государственного сектора промышленности¹⁴¹ при реализации специальных программ индустриализации.

Как видим, анализ складывающихся, во многом мифических установок правительственной политики, позволяет подойти к формированию новой модели экономического роста в России, изменяя содержание этих мифических установок, показывая возможности вариаций и гибкой экономической политики.

3. Основные позиции новой политики роста в России

Рецессия 2015-2016 гг. была подготовлена всей динамикой российской экономики предыдущего периода и сформировавшимся, закреплёнными структурными проблемами в период бурного роста 2000-2008 гг. Оценим общую динамику российской экономики по компонентам ВВП (см. таблица 1) за четыре года до рецессии.

Таблица 1 - Динамика компонент ВВП России, 2011-2015 гг.

Элементы использования ВВП	2015 к 2011, %
Валовой внутренний продукт	101,6483
расходы на конечное потребление домашних хозяйств	102,8505
расходы на конечное потребление государственного управления	102,3085

¹⁴⁰ Далее в книге мы приведём расчёты и количественные оценки подтверждающие правильность и обоснованность такого стратегического вывода

¹⁴¹ Понятно, что в оборонно-промышленном сектора эти меры реализуются в рабочем порядке, следует интенсифицировать усилия в этом направлении.

валовое накопление	72,13415
Экспорт	110,46
Импорт	78,08056
чистый экспорт	190,5735

Анализ по проведенным расчётам показывает, что кризис 2015-2016 гг. отбрасывает Россию как минимум на 4-5 лет назад по ВВП, наблюдается стагнация в области потребительских расходов, роста валового продукта (за пять лет роста на 1-2%), колоссальная проблема активизации инвестиций в стране (в 2015 году 72% к уровню 2011 года). Модель развития/роста российской экономики, таким образом, привязана к динамике чистого экспорта, с явной доминантой по сырьевому экспорту, который дал 110% прироста за указанный период 2011-2015 гг. (таблица 1).

Организация экономического роста требует точной по инструментам макроэкономической политики правительства, направленной на обеспечение должной динамики компонент ВВП. Учитывая вес доли потребительских расходов в ВВП и важность валовых накоплений, требуется стимулировать именно их динамику через бюджет, а также методами денежно-кредитной политик, принимая институциональные ограничения относительно импорта в пользу отечественного продовольственного рынка, а также рынков продуктов длительного пользования. Институциональные модификации потребуются относительно валютного рынка и банковской системы с тем, чтобы снизить спекулятивный накал экономического развития, направив ресурсы в обрабатывающие контуры. Главное необходимо отказаться от тез мифов, которые продолжают действовать ориентирами современной макроэкономической политики, а структурные изменения сводить к проектированию новых пропорций народного хозяйства, а не к изменениям в судебной системе, защите прав собственника, развитию малого бизнеса, судебной защите, повышению уровня образования. Отдельные из названных мер совсем не плохи (повышать уровень образования – нужно), но они не имеют прямого отношения к структурным изменениям как таковым.

Учитывая значение компоненты «потребительские расходы» в динамике ВВП, а также стоящие задачи вытеснения импорта, на первой фазе запуска роста, необходима политика расширения производства отечественных продуктов – заменителей импорта на внутреннем рынке (отдельно от экспортной стратегии), под решение данной задачи потребуются инвестиции как часть наращиваемого дохода при расширении отечественного производства.

В таблице 2 представлены коэффициенты чувствительности изменения релевантных параметров экономической системы по влиянию на них изменения процентной ставки, валютного курса, цены на нефть, динамики внутренних цен.

Таблица 2 - Коэффициент чувствительности, средний за период¹⁴²

Период вычисления	Наименование	Значение
2000–2014	$(\Delta M_2/M_2)/(\Delta i/i)$	-0,86539
2000–2014	$(\Delta P/P)/(\Delta i/i)$	-0,25467
2000–2014	$(\Delta Y/Y)/(\Delta i/i)$	-0,10754
2000–2015	$(\Delta e/e)/(\Delta i/i)$	0,151655
2000–2015	$(\Delta P/P)/(\Delta e/e)$	-0,16270
2000–2015	$(\Delta Y/Y)/(\Delta e/e)$	0,16980
2000–2015	$(\Delta M_2/M_2)/(\Delta e/e)$	1,77439
2000–2015	$(\Delta e/e)/(\Delta P_{ob}/P_{ob})$	-0,16758
2000–2015	$(\Delta i/i)/(\Delta P_{ob}/P_{ob})$	-0,88069
2002–2014	$(\Delta NX/NX)/(\Delta e/e)$	1,9357
2002–2014	$(\Delta NX/NX)/(\Delta i/i)$	-0,0759
2000–2014	$(\Delta I_f/I_f)/(\Delta i/i)$	-0,65566
2000–2014	$(\Delta I_p/I_p)/(\Delta i/i)$	-0,14694
2000–2014	$(\Delta I_f/I_f)/(\Delta P/P)$	-2,27277
2000–2014	$(\Delta I_p/I_p)/(\Delta P/P)$	-0,49109

Из таблицы 2 вытекают следующие следствия по взаимосвязи параметров для российской экономики (эмпирические факты синхронного изменения).

Во-первых, повышение процентной ставки в наибольшей степени снижает прирост денежной массы M_2 (при повышении на 1% снижение составит 0,86%), а также цен и валового продукта (в наименьшей степени). Рубль же укрепится всего на 0,15% при повышении процента на 1%.

Во-вторых, сильная девальвация повышает уровень цен в экономике (через импортированную инфляцию с учётом высокой исходной зависимости от импорта)¹⁴³, сопровождается увеличением валового продукта (на 0,16% при 1% девальвации) и особенно существенно сопровождается увеличением денежной массы (на 1,7% при 1% девальвации). Девальвация на 1% увеличивает чистый экспорт на 1,9%.

¹⁴² В таблице используются обозначения: изменение процента (i) и валютного курса (e – рубль к доллару); валового продукта (Y) и валютного курса (e); денежной массы (M_2) и валютного курса (e), а также валового продукта, инфляции (p) и денежной массы; инфляции и валютного курса, чистого экспорта (NX) и валютного курса; цены на нефть (p_{ob} – марки Бренд), валютного курса и процентной ставки, I_p , I_f – инвестиции в реальном и финансовом секторе экономики

¹⁴³ Но в среднем за рассматриваемый период уровень цен при девальвации на 1% снижается на 0,16%.

В-третьих, рост цены на нефть (на 1%) приводит к ревальвации рубля на 0,16%, снижает процентную ставку на 0,88% в рассматриваемом периоде (2000–2015 гг.).

В-четвёртых, повышение процентной ставки на 1% сокращает чистый экспорт на 0,07% (незначительно, почти не сказывается), финансовые инвестиции – на 0,65%, реальные инвестиции – на 0,14%.

В-пятых, ускорение инфляции на 1% сокращает инвестиции в реальном секторе на 0,49%, в фиктивном секторе – на 2,27%. Следовательно, финансовый сектор довольно чувствителен к инфляции. Поэтому борьба с инфляцией проводится исключительно в интересах этого сектора.

Поскольку снижение процента на единицу обеспечит прирост денежной массы на 0,86%, а инфляции – на 0,25, продукта – на 0,1%, но прирост денежной массы вызовет ещё большее увеличение продукта, то стратегически важно для российской экономики снижать процентные ставки и повышать уровень монетизации экономики. Конечно, приводимые коэффициенты чувствительности дают прошлую картину, за период 2000–2015 гг., не факт, что эти соотношения сохранятся на следующем этапе, но ориентироваться при разработке текущей денежно-кредитной политики на них можно на 2016–2018 гг., осуществляя пересчёт в текущем режиме по полугодию и году, чтобы учесть изменение чувствительности.

Конечно, подобные сопоставления во многом условны, поскольку не отражают влияния многих факторов, например, на инвестиции в реальном и финансовом секторе. Учёт этих факторов может изменить, в частности, связь этих инвестиций и процента и изменения уровня цен, так что инвестиции больше чувствительны к изменению процента, а не уровня цен, как вытекает из приведенной таблицы. К тому же связь между инфляцией и девальвацией за период оказывается не той, что наблюдается между этими параметрами, скажем, на 2014–2015 гг., когда сильная девальвация обеспечила высокую инфляцию, а в среднем за период связь слабая и обратная, так как курс удерживали большее число лет рассматриваемого периода. Безусловно, все эти оговорки делают анализ весьма приблизительным, но, надеюсь, всё же полезным, для наиболее грубой оценки и понимания складывающейся на данном этапе эволюции экономической системы ситуации.

Применение методологии структурного анализа и исследование динамики ВВП по компонентам использования позволяет поставить чёткий диагноз проблемы роста в России за рассматриваемый период 2000-2015 гг. и прийти к выводу, что нельзя сводить новую модель роста только к стимулированию совокупных инвестиций – это не решит проблемы роста. Требуется стимулировать совокупный спрос и потребление за счёт развития пищевой промышленности и сельского хозяйства и полностью переоборудовав эти сектора отечественными технологиями и техникой (первый контур новой структуры экономики), позволяющей осуществлять производство экологически чистых продуктов по широкой номенклатуре. То же относится и к строительной отрасли (второй контур новой структуры экономики России). Тем

самым, нужно сформировать несколько контуров саморазвития экономики, с включением в эти контуры производства средств производства соответствующих типов. Третьим контуром является оборонный комплекс, который уже демонстрирует не плохие результаты своего развития, по причине автономности функционирования и режима известных ограничений, исполняющих функцию протекционизма – защиты этого комплекса. Основное направление политики роста – на первой фазе стимулировать совокупное потребление, резко активизируя на следующей фазе инвестиции. Период времени, который разграничивает эти две фазы должен оставить примерно 2 года, на третьем годе требуется уже активнее включать механизм внутренних инвестиций. За два года необходимо провести подготовительную работу, вводя институты, облегчающие процесс внутреннего в стране капиталообразования. При этом необходимо осуществить ряд известных и давно предлагаемых мер по блокированию валютных спекулянтов, поддержке устойчивости валютного рынка, чтобы не было эксцессов с динамикой чистого экспорта, которые наблюдались при кризисе 2009 и 2015 гг., обнажая проблему смены режима роста с потребительско-инвестиционной модели на модель внешней зависимости (что пролонгирует режим сырьевой ориентации экономики, противоречит поставленным стратегическим задачам). В области макроэкономической политики необходимо изменить режим денежно-кредитной политики, расширив функции ЦБ РФ для стимулирования роста (умеренно мягкий вариант денежно-кредитной политики вместо проводимой рестриктивной политики), монетизировать бюджет, выведя его из «модели Гобсека», в рамках которой бюджетный процесс развивался до сих пор (это не означает ликвидацию резервов – фондов), отойти от таргетирования инфляции, перейдя к таргетированию темпа роста, либо номинального ВВП, реальных денег (отношение денежной массы к индексу цен).

Любые изменения системы, будь то здравоохранение, образование, наука - должны обосновываться и требовать оценки ресурсов, чёткого плана (по этапам) необходимых изменений, а также высокой адаптивности агентов к проводимым изменениям. Идея поста – агенты должны не сопротивляться, а быть генераторами изменений. Адаптация агентов и адекватность воздействий выступают важнейшими принципами осуществления эффективной макроэкономической политики роста. Возникновение сопротивления означает более высокую конфликтность, транзакционные издержки и часто ставит под сомнение полезность осуществляемых трансформаций системы.

Долгосрочный экономический рост обеспечивается режимом технологических и институциональных изменений, по крайней мере, существенно зависит от этого. Однако, текущие события в мировой экономической системе заставляют нас считать, что и на коротких отрезках времени названные факторы сильно детерминируют экономический роста.

Стратегия развития российской экономики, а также долгосрочное научно-техническое развитие, должны разрабатываться плановой службой правительства, на основе различных подходов к прогнозированию и

программированию, текущая политика выверяться исходя из стратегических целей. Данная работа, по нашему мнению, должна включать:

- общий стратегический план развития хозяйства, сов семи необходимыми целями и параметрами их достижения на 5 и 10 лет;

- план институциональных изменений;

- план научно-технологического развития;

- планы развития секторов хозяйства;

- общий финансовый план, распределения ресурсов и производительных сил;

- планы и программы развития территорий России, включая южные регионы, Крым, Сибирь, Урал, Дальний Восток, Арктический Север и прилегающие пространства и т.д.;

- текущие планы экономической политики, согласованные с решением общих задач развития.

Это минимально необходимый набор действий (изложенных в «тезисном режиме») в области единой системы планирования и управления развитием российской экономики, в свете практической реализации закона о стратегическом планировании и промышленной политики в РФ, включает обширный круг задач, подготовку соответствующих специалистов, эффективную работу министерств и ведомств как аппарата управления страной.

ОЦЕНКА ВРЕДА ОТ НАРУШЕНИЯ ПРИРОДООХРАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Тулупов Александр Сергеевич - д.э.н., заведующий лабораторией экономического регулирования экологически устойчивого хозяйствования, Институт проблем рынка РАН

***Аннотация.** Анализируются проблемы применяемого на сегодняшний день методического обеспечения оценки ущерба от загрязнения компонентов окружающей среды. Обосновывается необходимость создания информационно-аналитической системы научных исследований в области методических разработок по оценке вреда от нарушения природоохранного законодательства, содержащей полный перечень разработанного за период 1967-2016 гг. соответствующего методического обеспечения с рекомендациями по применению, а также возможностью проведения анализа согласно задаваемым пользователем критериям.*

***Ключевые слова:** электронные библиотеки, моделирование, информационно-аналитическая система, экономическая оценка, программное обеспечение, ущерб, устойчивое развитие.*

В официальных документах для оценки уровня экономического развития традиционно используют показатели, характеризующие стоимость произведенных благ (товаров и услуг) для потребления, экспорта и накопления – ВВП, ВРП и др. в зависимости от уровня оценки. При этом до настоящего времени при исчислении искомых показателей не обращали пристального внимания на потери, которые наносит себе общество в процессе создания таких

благ. В современных условиях одним из наиболее значимых видов потерь является ущерб от загрязнения компонентов окружающей среды. И если ранее подобные вопросы затрагивать было не принято, то в последнее время, как в научных публикациях, так и средствах массовой информации уделяется повышенное внимание к проблемам охраны окружающей среды. Более того, Указом Президента РФ от 5 января 2016 года 2017 год в России объявлен годом экологии.

Необходимость оценки и компенсации вреда прописана в Конституции РФ, ряде Кодексах и Федеральных законах. Так, Гражданский кодекс РФ [1] статьей 15 закрепляет общую формулу расчета убытков, а в законе [8] содержатся наиболее общие принципы оценки и возмещения вреда вследствие загрязнения, в данном законе также отмечается необходимость оценки ущерба посредством утвержденных в установленном порядке такс и методик.

На сегодняшний день в нашей стране существует несколько разрозненных методик оценки вреда от загрязнения, утвержденных на уровне министерств и ведомств, предназначенных для оценки лишь по некоторым видам природных сред или сферам деятельности, не согласованные между собой. Это приводит к тому, что даже у специалистов возникают трудности при практическом применении существующего методического обеспечения. Например, при подготовке проектной документации в разделе «Охрана окружающей среды» масштабы негативного воздействия проекта на водные объекты рассчитывается по методике исчисления вреда, утвержденной Министерством природных ресурсов и экологии, а ущерб от загрязнения атмосферного воздуха, за неимением подобного расчетного инструментария, приходится рассчитывать по увеличенным ставкам платежей за загрязнение атмосферного воздуха. В ряде случаев негативного воздействия ущерб невозможно рассчитать даже приблизительно.

В современной оценочной практике расчет потерь вследствие загрязнения компонентов окружающей среды необходим при разработке как предпроектной, так и проектной документации, проведении экологического аудита предприятий, оценке эффективности инвестиционных проектов, страховании экологических рисков. При этом проводимые оценки ущерба от загрязнения зачастую не отвечают всем предъявляемым требованиям в условиях современной России – отражают узкопрагматический взгляд, расчеты ориентированы на краткосрочную перспективу, не учитывается комплексное воздействие ряда важнейших факторов влияния.

Среди основных проблем применяемого методического обеспечения необходимо выделить: несовпадение расчетных величин существующих методик; противоречие теоретической и практической базы в количестве вредного вещества, наносящего вред; отсутствие возможности расчета по некоторым вредным веществам, а также их соединениям; несоответствие большинства существующих методик распространению ущерба в динамике; отсутствие рассчитанных величин предельных поступлений вредных веществ, губительных для отдельных видов природных сред; отсутствие в некоторых

методиках четких ссылок на объект (адресность) определяемого ущерба; отсутствие периода расчета, а также возможности просмотра структуры ущерба, подробно описанные нами в [4-7]. Наглядным подтверждением неудовлетворительного положения дел являются не только научные публикации о недостатках современной системы оценки ущерба, а также большое количество соответствующих жалоб и нареканий, в том числе в судебные инстанции, со стороны предприятий.

Сложившееся неудовлетворительное положение дел в области учета и оценки неблагоприятных воздействий хозяйствующих субъектов на компоненты окружающей среды предопределяет необходимость создание единой базы данных методического обеспечения оценки ущерба от загрязнения окружающей среды.

В Институте проблем рынка Российской академии наук собрана уникальная база данных методического обеспечения оценки вреда вследствие нарушения природоохранного законодательства (ущерба от загрязнения окружающей среды), содержащая разработанные за последние 50 лет различными российскими и зарубежными коллективами исследователей несколько сотен методических материалов по расчету ущерба от загрязнения различных компонентов окружающей среды.

На сегодняшний день колоссальный багаж знаний, накопленный в данной области, не систематизирован, часть разработок неизвестна, отсутствует в открытом доступе, не используется при создании нового методического обеспечения. Многолетний опыт работы сотрудников института по оценке ущерба в различных регионах России, сотрудничество с ведущими научно-исследовательскими коллективами, позволили собрать как соответствующие методические материалы, так и значительный архив проведенных расчетов, выявить преимущества и недостатки применения оценочных процедур той или иной методики, разработать рекомендации по применению и совершенствованию.

С 2016 года Институтом проблем рынка РАН реализуется комплекс мероприятий, направленных на создание информационно-коммуникационного пространства, ориентированного на сохранение и систематизацию накопленных знаний в области оценки ущерба, позволяющего вести мониторинг исследований в рассматриваемой области, выявлять тенденции, строить прогнозы развития в зависимости от ряда задаваемых пользователем параметров: компонента окружающей среды, отраслевой или территориальной принадлежности, статуса методик.

Создаваемая информационно-аналитическая система нацелена на удовлетворение потребностей широкого круга пользователей: научно-исследовательских и учебных институтов, министерств (например, Министерство природных ресурсов и экологии РФ, Министерство экологии и природопользования Московской области), ведомств (Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору, Росводресурсы и др.), территориальных органов охраны окружающей среды, организаций,

проводящих экологический аудит, экологическую экспертизу, оценку воздействия на окружающую среду, разрабатывающих проекты предельно допустимых выбросов/сбросов (ПДВ/ПДС), а также проекты нормативов образования отходов и лимитов на их размещение (ПНООЛР).

Организационно-технологическое построение информационно-аналитической системы, открытый доступ к ее ресурсам, позволят также проводить расчеты и использовать возможности системы как специалистам, так и широкому кругу неподготовленных пользователей – от хозяйствующих субъектов, являющихся источниками экологической опасности, до населения, испытывающего негативные воздействия загрязненной окружающей среды.

Отметим, что существующие справочно-информационные системы (Гарант, Консультант-Плюс) содержат лишь несколько официальных методик оценки ущерба (исчисления вреда). Поиск в интернете, а также сайтах природоохранной тематики, позволяет найти всего лишь два–три десятка методик расчета ущерба, часть из которых представлена только названием, а тексты ряда методик некоторые сайты предоставляют за отдельную плату. В сложившихся условиях можно смело констатировать – в современных условиях проблема создания общедоступной информационной системы методического обеспечения оценки ущерба от загрязнения окружающей среды имеет наивысшую степень актуальности.

К каждой методике, включенной в информационную систему, будет разработан раздел "Комментарии по применению", содержащий данные о преимуществах и недостатках на основе практического опыта применения расчетных процедур той или иной методики в различных регионах России, даны рекомендации по направлению использования, приведены примеры расчетов.

Для ряда базовых методик расчета будут представлены рассчитанные сотрудниками Института удельные показатели ущерба в зависимости от вида загрязняющего продукта, региона, компонента окружающей среды или вида природных ресурсов, что позволит студентам и другим пользователям информационной системы осуществлять необходимые расчеты, не изучая формулы методик – необходимо будет лишь умножить количество интересующего вредного вещества на представленный в информационной системе удельный показатель ущерба (вреда) для необходимого загрязняющего вещества.

Планируется разработка поискового интерфейса, ориентированного на современные технологии поиска и обработки информации. Поиск информации будет осуществляться по расширенной системе критериев: статусу методики, компоненту окружающей среды, номеру госрегистрации, виду негативного воздействия, ведомственной принадлежности, территориальной направленности, отраслевой специфике, году создания, году утверждения (для официальных), территориальным характеристикам, направлениям использования (аудит, страхование, судебная практика, проектные расчеты и т.д.) с учетом анализа, проведенного в [6].

Также предполагается размещение справочной информации по вариантам индексации показателей, получаемых в результате расчетов. Если методики последних лет содержат такие рекомендации, то при осуществлении расчетов по более ранним методикам, включая методики дорыночного периода, возникают соответствующие вопросы по приведению в единую систему измерений – будут представлены соответствующие коэффициенты пересчета.

Представленный в информационной системе как позитивный, так и неудовлетворительный опыт практического применения сотрудниками ИПР РАН расчетно-методического обеспечения поможет пользователям информационной системы избежать возможные ошибки и неточности при осуществлении расчетных процедур, а также позволит разработчикам или официальным органам совершенствовать свои разработки в рассматриваемой области.

Проводимая работа по систематизации и электронизации методического обеспечения оценки ущерба от загрязнения окружающей среды, совершенствованию системы оценки вреда от нарушения природоохранного законодательства и повышению качества проводимых расчетов, одобрена и финансово поддерживается Российским фондом фундаментальных исследований в рамках проекта 16-06-00029, а также Российским гуманитарным научным фондом (в настоящее время - отделением гуманитарных и общественных наук РФФИ) в рамках проекта 16-02-0011в.

Создание информационно-аналитической системы позволит:

1) Аккумулировать и сохранить знания в области оценки ущерба от загрязнения окружающей среды, накопленные за последние 50 лет различными отечественными и зарубежными коллективами исследователей; устранить дублирование проводимых в стране исследований в рассматриваемой области.

2) Проводить анализ знаний в области оценки негативных экстерналий экономического развития, электронизации процесса эколого-экономического анализа.

3) Комплексно оценивать ущерб от загрязнения различных компонентов окружающей среды посредством предоставления открытого доступа к разработанному различными коллективами исследователей соответствующему методическому обеспечению.

4) Разработать программные средства мониторинга, анализа и прогнозирования перспектив и направлений развития на примере исследований в области оценки негативных экологических экстерналий, возникающих вследствие воздействия рыночной трансакции на третьих лиц.

5) Привести в соответствие сложившуюся на сегодняшний день систему нормирования в области оценки экономических потерь от загрязнения, обосновать значения отдельных или групп расчетных коэффициентов, усовершенствовать существующее методическое обеспечение оценки вреда вследствие нарушения природоохранного законодательства.

В целом создание информационно-аналитической системы будет стимулировать развитие исследований в области оценки экологических

экстерналий, позволит осуществлять комплексные расчеты, создать единую методику оценки ущерба по всем компонентам окружающей среды. Кроме того, информационно-аналитическая система необходима для оценки риска, вероятности, а также выполнения актуарных расчетов.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00029), а также отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ (проект № 16-02-12011в).

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: В 4 ч. – М.: Омега-Л, 2016. – 570 с.
2. Кодекс Российской Федерации «Об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ.
3. Конституция Российской Федерации, <http://constitution.kremlin.ru/>
4. Тулупов А.С. Понятие «ущерб» в экономике природопользования // Научный вестник Московского государственного горного университета, №11, 2013, с.297-302.
5. Тулупов А.С. Теория ущерба как база оценки негативных экстерналий в экономике // Вестник университета (Государственный университет управления), № 2, 2010, с. 90-95.
6. Тулупов А.С. Классификационные аспекты негативных экстерналий экономического развития // Региональные проблемы преобразования экономики, №4, 2012, с. 154-160.
7. Тулупов А.С. Теория ущерба как база оценки и регулирования негативных экстерналий в экологическом страховании / диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. – М.: ГУУ, 2013. – 395 с.
8. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (принят ГД ФС РФ 20.12.2001).
9. Цветков В.А., Зоидов К.Х., Губин В.А., Зоидов З.К. Исследование социально-экономической циклической динамики России и совершенствование регулирования стратегии опережающего развития. М.: ЦЭМИ РАН, 2012. 207 с.

О ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРИЧИНАХ ПРОВАЛОВ ГОСУДАРСТВА: ДИСФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ

Городецкий Андрей Евгеньевич - д.э.н., профессор, руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития», заслуженный деятель науки РФ

1. Патернализм и провалы государства

Современная экономическая наука хорошо изучила и достаточно уверенно оперирует понятиями провалов рынка, которые призвано компенсировать государство и государственное регулирование рыночных отношений. Вмешательство государства в экономику часто понимается как патернализм. Теоретический анализ феномена патернализма широко представлен в работах А.Я. Рубенштейна и Р.С. Гринберга в рамках исследований концепции

опекаемых благ.¹⁴⁴ Патернализм, помимо его видовых различий, реализуется через систему государственного управления, понимаемую в достаточно широком смысле как система институтов и механизмов, обеспечивающих целенаправленное воздействие на экономику. И провалы государства являются таким же теоретически возможным и исторически наблюдаемым фактом, как и провалы рынка, сводя на нет патерналистские усилия государства.

Провалы государства могут быть объективно обусловлены недостаточным пониманием его сущности, реальных противоречий, характера как многогранного социального явления, сложной многофункциональной, внутренне дифференцированной целостности. Понятие государства рассматривается в рамках разных научных дисциплин.¹⁴⁵ Абсолютизация лишь одного из подходов в рамках тех или иных научных дисциплин, на практике может привести к сакрализации государства, искажению роли той или иной разновидности форм правления и режимов политической власти, попыткам необоснованного расширения/сужения границ государства и его активности в ущерб экономике, обществу, правам и свободам граждан.

Государство часто оказывается глухим к вызовам времени и пониманию специфики исторического момента. Это ведет к целому шлейфу далеко идущих негативных последствий.

Сегодня и на Западе происходят достаточно противоречивые процессы. Как считают многие западные экономисты и политики, в глубоком кризисе находится так называемое социальное государства, или государство всеобщего благоденствия, которое не выдерживает нагрузок, связанных с обеспечением благосостояния нынешних поколений за счет будущих, разбухания долгов и долговой нагрузки на государственные бюджеты, в том числе за счет обязательств государства выкупа токсичных активов проблемных банков и

¹⁴⁴ Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Экономическая социодинамика. – М.: ИСЭПРЕСС, 2000. – 278 с. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум & государство: экономическая дилемма. М.: Весь мир. 2013. 479 с.; Гринберг Р.С. В поисках равновесия. – М.: Магистр. 2016. – 160 с.; Рубинштейн А.Я. Теория опекаемых благ и патернализм в экономических теориях: общее и особенное. М., ИЭ РАН, 2015

Рубинштейн А.Я. Социальный либерализм и консоциативный патернализм // Общественные науки и современность. №2. 2016. с. 5–38.

¹⁴⁵ При определении сущности государства на современном этапе можно выделить пять основных подходов: теологический, классический (в рамках камеральных наук об администрировании), юридический, социологический, кибернетический. Существуют и другие подходы к определению сущности государства. В соответствии с ними государство – 1) это аппарат насилия экономически господствующего класса (классовый подход); 2) это институциональное воплощение власти (институциональный подход); 3) это определенным образом организованное насилие (силовая концепция); 4) это организованное господство политической элиты (элитарный подход); 5) это совокупность правовых норм, регулирующих поведение людей {нормативный подход}; 6) это определенный формативный порядок, обеспечивающий интеграцию и жизнедеятельность людей (Санистебан, испанская школа); 7) это правовая форма организации и функционирования политической власти {политико-правовой подход}. 8) Согласно маркетинговому подходу, государство - специфическая макроорганизация, сервисный центр, «предприятие сферы услуг».

финансовых институтов в антикризисных целях. Государство, продолжая санировать (исправлять) провалы рынка прежними, видимо, подходящими к исчерпанию методами, своими руками готовит собственный фундаментальный провал (имея в виду вступающую в свои права эпоху перемен и глобальных трансформаций современного экономического миропорядка)

Ярким примером являются попытки российских властей механически перенести и внедрить на российской почве либерально-демократическую модель власти и управления при весьма абстрактном понимании сути либерально-демократического государства. По факту это приводит к тому, что складывается эклектический вариант из разнородных элементов авторитаризма, традиционистского консерватизма, весьма специфических разновидностей политических олигархий, популизма и, в конечном итоге, к **системным провалам в государственном управлении**

На современные модели государственного управления большое влияние оказали процессы, которые происходили в ходе структурных, технологических, информационных и управленческих революций в последнюю четверть XX, положили начало процессам глобализации, которые и определили характер современного мироустройства. В теоретическом плане на науке и практике государственного управления сказались теории неоклассического синтеза, особенно в США, где они привели к развитию методологий стратегического планирования и программно-целевых методов, а также утверждение неолиберальных взглядов в экономике и экономической политике. Системы государственного управления были везде подвергнуты реформированию, и в моделях реформирования появилось много новых черт. В основе многих теоретических конструкций как в зарубежных теориях государственного управления, так и в политических и управленческих практиках значительное место заняла модель так называемого «клиентоориентированного государства», с одной стороны, основанного на многостороннем партнерстве власти и гражданского общества и, с другой стороны, впитавшая в себя опыт современного менеджмента корпораций, включая финансовый менеджмент, опору на конкурентные отношения, привнесение в государственное управление элементов рыночной организации.

Похоже на то, что сегодня государства, как и экономики вступают и уже вступили в эпоху перемен, и непонимание этих фактов чревато угрозами целым рядом провалов как государства, так и рынка. **Каким в этих условиях будет и, самое главное, каким должно быть государство в новых исторических условиях, - это ещё предстоит понять, отразить, и претворить в конкретные социально-политические, юридические, экономические и институциональные определения и практики.**

Провалы государства проявляются через системные или циклические сбои в системе государственного управления. Они характеризуются рядом

признаков, социально-экономических и социально-политических последствий.¹⁴⁶

О понятии провалов государства в экономике, управленческий ракурс, - можно сказать следующее:

- провалы государства - это утрата им собственной миссии и предназначения,¹⁴⁷ в организации и регулировании общественных отношений, возникновение противоречий и конфликтов между властью, бизнесом, гражданским обществом, гражданами;
- деградируют механизмы генерирования и интеграции общих интересов, ценностных, этических и мотивационных ориентиров, политических и стратегических приоритетов для всей системы интересов;
- политические элиты утрачивают способность генерировать культурные идеи и политические идеалы, предвидеть будущее, формулировать желаемое будущее и альтернативы развития; элиты теряют способность договариваться друг с другом во имя национальных интересов. Провалы государства сопровождаются расколом элит. Договороспособность падает, конфликтность растет;
- политический класс и государственная бюрократия не исполняют своих общественно-государственных задач и функций в сфере разработки и исполнения государственных решений, принятия и исполнения необходимых законов;
- Законодательная власть утрачивает свой конституционный статус ведущей ветви власти, ослабляются возможности гражданского общества через парламентское представительство, законодательство влиять на исполнительную власть, правительство, качество государственного управления;
- Исполнительная власть, государственный аппарат, резко снижают качество и эффективность государственного управления, возникают системные дисфункции управления, ухудшается экономическое положение, происходит отчуждение народа, граждан от власти. Идет перманентное многолетнее разбухание госаппарата, неконтролируемый рост чиновничьего класса и его удорожание (расходов на содержание аппарата, доходов госслужащих).

Принципиален вопрос об истоках и слабостях провалов законодательной власти. В чем они выражаются?

¹⁴⁶ А.Я. Рубинштейн дает в данном случае следующие определения: «Патернализм государства: воздействие на экономических агентов с целью направленного изменения их поведения в соответствии с установками государства; жесткий и мягкий патернализм. ... Патерналистский провал – генерирование ошибочных установок государства. Следствием патерналистского провала является «провал государства» - потери благосостояния индивидуумов и общества».

¹⁴⁷ Миссия и предназначение государства, - это организация дееспособной и эффективной власти, исполнение объективно присущих ей регулятивных и служебных функций в интересах всех классов и социальных групп общества, нации (народа) в целом.

1. Хромает принцип разделения властей, плохо работает конституционная норма о ведущей роли законодательной власти, есть много признаков доминирования и монопольных интенций со стороны исполнительной власти.

2. Имеет место быть вмешательство, в том числе неправомерное, в деятельность институтов свободных парламентских выборов со стороны исполнительной власти, отдельных политических партий и лиц. Используются различные схемы воздействия на волю избирателей и результаты выборов. В обществе отсутствует полное доверие к чистоте голосования, механизмам подсчета голосов.

3. Не работает «турникет» политической воли и ответственности депутатского корпуса Федерального собрания РФ в отношении законотворчества и законодательной инициативы исполнительной власти.

4. Нельзя не сказать о родовых травмах российского парламентаризма, связанных с парламентским кризисом в 1993 году, роспуском Верховного Совета РСФСР и последующими политическими реформами в период 90-х годов. Они сформировали модель «регулируемого парламентаризма» и механизмы формирования «послушного парламентского большинства».

5. Закрепление модели «управляемого парламентаризма» в 2000-е годы. Провальные институциональные реформы 2000-х в значительной мере явились следствием инертности и бессилия *послушного парламентского большинства*, провалов и дисфункций государства в сфере законодательной власти, «нулевого» и недееспособного парламентского контроля в сфере законотворческого и законодательного процесса.

В этом смысле, с позиций совершенствования государственного управления целесообразно сформулировать своеобразное *творческое задание для законодательной власти на перспективу*:

- реализация конституционных положений о ведущей роли законодательной власти (Парламента);¹⁴⁸ С точки зрения форм правления и режимов власти это означает последовательное соблюдение принципов республиканизма и демократии в противовес любым проявлениям

¹⁴⁸ С точки зрения фундаментальных перемен, - это может потребовать проведения конституционных реформ, отказ от «Конституции под Ельцина», пирамиды власти (полновластия в отличие от разделения властей), возглавляемой институтом Президента. С точки зрения возможных «коррективов и поправок», - снятия «дамоклова меча» роспуска Федерального собрания в случае конфликтов между законодательной и исполнительной властью; незыблемости роли института Конституционного суда в урегулировании конфликтов в структуре государственной власти. Этот вопрос нуждается в серьезной политико-юридической проработке. Ещё один фундаментальный вопрос: независимость самого Конституционного суда. В своё время (в 1993 году) Ельцин преподнес яркий образчик того, как можно не считаться с позициями этого важнейшего института судебной власти. Тогда Президент РФ, фигурально говоря, «послал» и высший орган судебной власти, и первое лицо русской православной церкви – патриарха Алексия II, пригрозившего отлучением тому, кто развяжет братоубийственный конфликт.

авторитаризма и тоталитаризма, включая и «опереточный ретро-монархизм»;

- избавление института и механизмов парламентских выборов от самодовления сиюминутных политических интересов и личных амбиций, политического монополизма проправительственных партий, чрезмерной опеки государственной власти, просто банальных злоупотреблений;
- юридически и политически выверенное и обоснованное соотношение законодательной, президентской и исполнительной властей, федеральной исполнительной и региональной властей, исполнительной власти и местного самоуправления в системе определения целей и приоритетов развития, принятия соответствующих решений, распределения компетенций, полномочий и ответственности, осуществления контроля, баланса между институтами и процедурами с одной стороны и волевыми решениями с другой.

Провалы государства, далее, проявляются через всю совокупность моделей, задач и функций, структур и механизмов управления, реализуясь, в конечном счете, в понятии *дисфункций*. *Устойчивые и долговременные дисфункции управления, приводящие в пределе к экономическим кризисам и неуправляемости, и означают провалы государства и исчерпание возможностей той или иной разновидности патернализма, возможно объективной необходимости применения этого методологического принципа на данном историческом этапе в целом.*

2. Административные реформы в России и дисфункции государственного управления.

За годы реформ государственное управление прошло через несколько серьезных трансформаций:

1. **90-е годы:** бессистемный и хаотический слом советской системы государственного централизованного планирования и управления, разрушение отраслевого и регионального уровней, сложившихся межотраслевых и межрегиональных связей. Неуправляемость, безвластие, парад суверенитетов, криминальных авторитетов, партнерство бюрократического коррумпированного государства и новых монополистов, - политизированного и криминализированного бизнеса завершившиеся дефолтом в 1998 году – первый, разрушительный этап реформирования власти, государственного аппарата и государственного управления.
2. **1998-1999 год:** краткая «примаковская» оттепель, эффективный антикризисный маневр и выход на траекторию экономического роста, первые шаги к модели регулируемой рыночной экономики, восстановлению вертикали власти, налаживанию государственного управления и последующие отставка-устранение Е.М. Примакова, выдавливание его из активной политики, праволиберальный реванш и политико-экономические «заморозки» России всерьез и надолго.

3. **1 десятилетие 2000-х годов.** Реформы 2-го поколения, «институциональные реформы, - вертикали власти (политический и экономический федерализм), административные реформы (федеральной исполнительной власти, институтов национальной безопасности и правоохранительной деятельности, государственного управления и государственной службы), социальной политики и социальной инфраструктуры, формирование институтов гражданского общества. Предполагалось, что для создания современного успешного на международной арене государства важно выстроить соответствующую специфике и масштабам страны систему государственного управления, восприимчивого к прогрессивным технологическим и коммуникационным решениям, а главное – отвечающего потребности общества в удобном, открытом государстве.

С целью создания конкурентоспособного, социально-ориентированного государства руководством страны были поставлены следующие приоритетные задачи: *ограничить вмешательство государства в экономическую деятельность, исключить чрезмерное регулирование, снизить административные барьеры для бизнеса, повысить качество и доступность государственных и муниципальных услуг населению, уровень открытости деятельности органов власти и степень участия граждан в выработке государственной политики. Стержневые направления совершенствования системы государственного управления обозначены в программных документах – «Концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных услуг на 2011-2013 годы» и Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления».*

Итоги реформ и их недостатки

Нельзя отрицать, что в первое десятилетие 2000-х сложилась более или менее регулярная, соответствующая рыночным отношениям система и структура институтов государственного управления, заложены основы экономики стратегических национальных проектов, формируется национальная система государственного стратегического планирования. Упорядочивается система программно-целевого планирования. Но это не отменяет и серьезные, нерешенные проблемы государственного управления.

Сегодня хорошо видны недостатки проведенных в 2000-е годы реформ государственной власти и управления, государственной службы, федеративных отношений, общественного самоуправления, в частности, правоохранительных структур, судопроизводства. Формирование организационной структуры органов Федеральной исполнительной власти, решение сложнейших вопросов централизации и децентрализации, уровней власти, набора задач и функций, целесообразности передачи части функций госуправления саморегулируемым организациям (СРО), - решались путем эмпирического выявления и устранения

так называемых *избыточных и дублирующих функций*. Критериями при этом являлись не столько определенные теоретические подходы и модели, сколько готовые зарубежные образцы.

Модели административных реформ, как и вся реформационная идеология, были круто замешаны на заимствованиях из самых современных теорий, отражавших новейшие веяния в науке государственного управления конца XX – начала XI века (разработки школ эмпирического управления и теории рационального выбора, государственного (публичного) менеджмента, сетевого управления, школ исповедовавших ситуационный и синергетический подходы). И они также в должной степени не были адаптированы к особенностям российской экономики, специфике российских управленческих культуры и практик. Не было учтено, что предлагаемые теоретические модели отражали реалии зрелых экономических и общественных отношений капитализма на рубеже XX-XXI веков, к тому же, вступающему в новую глубокую трансформацию, длительную переходную эпоху. Они были пропитаны идеями привнесения в государственное управление образцов рыночных ценностей и организации, образа государства как партнера и источника общественных благ и услуг, методов финансового менеджмента, принципа конкуренции, моделей горизонтальных связей, характерных для гражданского общества и развитой политической демократии с их культурой диалога, консенсуса, согласования интересов, открытости и прозрачности.

Реформы государственной власти и управления в конечном итоге потеряли темп, оказались незавершенными. Эти неудачи усугубились сопутствующими им неэффективностью, бюрократизацией и коррупцией госаппарата и правоохранительных органов.

Административные реформы трансформировали систему государственного управления, сформировали основы новой модели, в значительной мере осовременили её. ***Но они же породили и целый набор дисфункций.***

Коротко о понятии дисфункций управления можно сказать следующее.

Во всех научных школах государственного управления ещё со времен М. Вебера под дисфункциями управления понимали:

- бюрократические нарушения принципов рационализма, вмешательство субъектов управления за пределами своих функций и компетенций (М.Вебер);
- конфликты между административным императивом бюрократов, и профессионализмом специалистов (Т. Парсонс);
- разрастание (самовоспроизводство) чиновничьего аппарата за пределами объективных потребностей организации Сирил Н.Паркинсон);
- подмену первоначальной цели организации второстепенными «инструментальными» ценностями (Мертон);
- бюрократический кризис, чреватый как избыточным и вредным вмешательством государства в экономику, так и непоколебимой верой во всемогущество рынка (М.Крозье);

- утрату способности гибко реагировать на новые вызовы, цели и задачи, условия развития (американские концепции организационного развития).

Таким образом, творческой причиной дисфункций государственного управления являются бюрократия и бюрократизм, в пределе превращающиеся в коррупцию.

В отечественной литературе под **дисфункциями** понимается **деформация или полное отсутствие четкой системы основных направляющих воздействий государства на общественные отношения.**

Дисфункции государственного аппарата приводят к неэффективности государственного управления, к ущемлению прав и свобод личности. Борьба с дисфункциями государственного аппарата должна вестись с помощью не только управленческих, экономических, но и правовых методов (М. В. Трегубов)

Краткий перечень причин и условий, порождающих дисфункции, можно суммировать следующим образом.

- **Отсутствие концептуального понимания государства и государственности, обосновывающей место и роль государства в регуляции общественных процессов.** Особенно ярко это видно в сфере управления экономикой. Общество, по всей видимости, не имеет представления о понятии исторически складывающегося в ходе реформ российского государства (как минимум того, в котором мы живем), построением какого государства мы собственно занимаемся: олигархического капитализма, государственного капитализма, какой-то другой модели. Усилиями власти мы пока что выстроили нечто эклектичное, соединяющее в себе элементы самых разных типов государственности под давлением идеологических догм, политической целесообразности, экономического лавирования в зависимости от экономической конъюнктуры и баланса социальных сил и настроений. **И это можно считать серьезным провалом государства во всех смыслах и аспектах его деятельности, - с точки зрения как выполнения собственно политических, административных и социальных функций, так и исправления провалов рынка.**

- **Имитация зарубежного опыта** административных реформ, основанных на привнесении в государственное управление идей «клиентоориентированного государства», методов финансового менеджмента, принципа конкуренции, моделей горизонтальных связей, характерных для развитого гражданского общества и развитой политической демократии. Они не были адаптированы к особенностям российской экономики, специфике российских управленческих культуры и практик. Эти реформы и на англо-саксонской почве имели немало недостатков, вели, в том числе, к фрагментации управления. У нас новые подходы наложились на процветавшие в 90-е годы практики приватизации власти чиновниками, теневые коммерческие схемы принятия решений в интересах олигархического капитала и теневых

дельцов. В конечном итоге это привело к разным формам коммерциализации исполнения функций государственного управления, в том числе, передаче бюджетных денег на исполнение этих функций сторонним исполнителям работ.¹⁴⁹

- **Конфликт между конституционным определением государства как социального и проведением в течении 25 лет праволиберального курса реформ**, которые серьезно подрывают положение государственного сектора, малого и среднего бизнеса, социальные права граждан, постоянно вынуждают принимать эксклюзивные решения в режиме ручного управления и вторжения лично Президента РФ, его администрации в компетенцию Правительства, лично главы кабинета, в сферы полномочий отдельных министерств и ведомств.
- **Противоречия в структуре исполнительной власти**, - между группами интересов внутри Кабинета министров, группирующихся вокруг таких полюсов как экономический блок, монетарные власти, и представители реального сектора, социального (бюджетного) секторов экономики, правоохранительных и оборонных ведомств.
- Слом исторически сложившейся вертикали управления, в которой министерства выступали распорядительным органом власти и (отраслевого либо межотраслевого) управления на мезоуровне, дробление задач, функций, полномочий между тремя уровнями (министерства-федеральные службы-федеральные агентства) лишило министерства каких либо реальных функций, кроме правоустанавливающих, не предоставило им реальных рычагов для координации и контроля, управления госимуществом, не сформировало единообразных методических и организационных принципов функционирования служб и агентств. Министерства превратили, по выражению известного юриста А.А. Фатьянова в раздутые юридические отделы. Нижестоящие уровни оказались без строго определенных в юридическом и нормативно-методическом смысле полномочий, прав и обязанностей, что нередко приводило к реформатированию или даже упразднению этих промежуточных звеньев управления.¹⁵⁰ Конечно, это непосредственно сказалось на управляемости в экономике.
- **Бюрократизм и коррупция в государственном аппарате**. Борьба с коррупцией идет, но коренного перелома в этой великой битве не

¹⁴⁹ Без указания на масштабные финансовые нарушения в госуправлении не обходится ни одно публичное выступление главы Счетной палаты Т.А.Голиковой. Коррупция проникает даже туда где запускаются выставочные в принципе проекты типа «Сколково», в ведомства, которые укомплектовываются элитным топ-менеджментом, выпускниками самых привилегированными российскими вузами. См. Бюллетень Счетной палаты №9 (сентябрь) 2016 г. [Электронный ресурс]. –Режим доступа : <http://www.ach.gov.ru/activities/bulleten/882/>.

¹⁵⁰ Аналитическая записка «Некоторые вопросы развития министерств в России: опыт и современность», Фатьянов Алексей Александрович. [Электронный ресурс] – Режим доступа :http://www.izak.ru/theme/upload/analiticheskaya-zapiska-fat-yanov_1610eda9a28e0d75549a3462be1d91de.doc.

произошло. Всё это в значительной мере деформирует как внутренние (связанные с внутренней организацией и координацией в органах власти) функции, так и внешние, связанные с эффективностью воздействия на социально-экономическое развитие.

- **Нестабильность организационной структуры органов государственного управления:** внутренние реорганизации, плохо обоснованные слияния и разделения органов государственной власти, образование новых структур без достаточных оснований с точки зрения появления, новых объектов управления, изменения целей, задач и функций.
- **Бездействие системы административных регламентов как методов администрирования и контроля в системе государственного управления.**
- **Слабость и неэффективность саморегулирующих организаций,** которым был делегирован целый ряд функций, признанных избыточными и дублирующими для органов государственной исполнительной власти.

Всё это объективно обуславливает и порождает дисфункции управления, дезориентирует органы власти и государственной службы, и негативно влияет на эффективность и качество управления.

Краткий анализ состояния современной системы государственного управления позволяет заключить, что оно нуждается в глубоких теоретических обобщениях и фундаментальных реформах. В этом сходятся практически все экономисты, юристы, социологи. Мы полагаем, что нуждаются в глубоком переосмыслении сами исходные принципы этих реформ. Нужна не просто реформа как продолжение незавершенных реформ 2000-х, основанная на тех же моделях, принципах и методах проведения. Нужна **«реформа реформ»**, требующая новых исходных концептуальных положений. В самом общем виде они могут быть сведены к следующему:

- Разработка научно обоснованных положений по комплексной, междисциплинарной концепции российской государственности и государства. Внесение коррективов в конституционное законодательство в части определения природы российского государства, его функций в регулировании и управлении. Одно из возможных предложений: использовать дополненную формулу известного русского юриста Б.А. Кистяковского: «государство правовое, социальное, демократическое». Кроме того необходимо четко обосновать и определиться с понятием современного социального государства, поскольку конституционные нормы не могут базироваться на неопределенных и противоречивых терминологических конструкциях. О социальном государстве: и либеральные и левые идеи имеют свои версии социального государства. Они значительно варьируют как национальные модели, будь то англосаксонские, французские и/или скандинавские. В наших разработках мы, прежде всего, должны исходить совокупного исторического опыта России, исторического своеобразия её публичных институтов, огромных

достижений социалистического государства в социальной сфере. Не обходить мимо и зарубежный опыт. Государство в Российской Федерации не может ограничивать лишь поддержкой социально незащищенных слоев. Оно должно в полной мере выполнять свои функции развивающего и социально ответственного государства (не просто регулирующего), вкладывая в развитие социально-культурной инфраструктуры, человека и человеческий капитал, создание задела фундаментальных и поисковых знаний, разработок для революционных технологий будущего (6-го и 7-го технологических укладов).

- Внесение коррективов в методологию и модель реформирования государственного управления на основе различных зарубежных версий государственного менеджмента. Целесообразно удерживать то, что связано с взаимопроникновением государства и общества, прозрачностью процесса разработки и принятия решений, участия в нем граждан, и, вместе с тем, переосмыслить англосаксонский опыт по инкорпорированию в государственное управление элементов рынка, конкуренции, финансового менеджмента, корпоративного управления. Нужна адаптированная, возможно переходная, модель, основанная на современных гибких методах, не отвергающая ценностей и норм отечественной управленческой культуры.
- Устранение сложившихся фундаментальных дисфункций государственного управления и их причин (пробуксовка механизмов определения национальных интересов, целеполагания, принятия и исполнения решений, стратегического планирования, программирования, проектного управления, профессиональной подготовки кадров и т.д.). Стратегический фундамент и каркас государственной экономической политики и государственного управления, - Стратегии социально-экономического развития на 10-15-20-25 лет; Стратегия пространственного развития; Стратегии и программы антикризисного регулирования; Государственное стратегическое планирование и Государственный план, включая трехлетнее скользящее планирование госбюджета; Стратегия внешней политики и экономической дипломатии; Стратегия национальной безопасности, Стратегия экономической безопасности, - должны объективно определять облик и парадигму государственного управления, перечень его задач и функций, структуру и механизмы его функционирования. В системе государственного стратегического планирования необходимо четко обозначить его опорные элементы: макроэкономическое планирование; определение долгосрочных трендов структуры и пропорций экономического развития, возвращение на новой основе балансовых методов; управление государственным имуществом. Это повлечет за собой изменение в соотношении между основными органами федеральной экономической власти, имея в виду логику формирования и принятия экономических решений: на первый план выходят планирующие структуры, определяющие стратегические цели и приоритеты, которые должны ставить соответствующие обеспечительные

задачи монетарным властям и другим органам государственного управления.

- Системная реконструкция «вертикали власти». Реформы вертикали исполнительной власти должны включать: упорядочение соотношения функций и их исполнения между верховной, президентской и федеральной исполнительной властью (Правительство РФ); внутри федеральной исполнительной власти (экономический блок – социальный и отраслевые блоки, особая (неприкасаемая) позиция Минфина РФ; федеральная исполнительная власть и монетарные власти). Уточнение правового статуса Правительства, политико-правовых принципов его формирования и ответственности, парламентской подотчетности. Внесение соответствующих уточнений в конституционное и федеральное законодательство.

Возвращение министерству ключевых функций государственного управления как опорного института во всей вертикали власти, включая координацию и контроль подведомственных уровней исполнительной власти, управление госимуществом. Обоснование новой современной модели политического и экономического федерализма, административно-территориального деления страны.

Список литературы:

1. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Экономическая социодинамика. – М.: ИСЭПРЕСС, 2000. – 278 с.
2. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум & государство: экономическая дилемма. М.: Весь мир. 2013. 479 с.
3. Гринберг Р.С. В поисках равновесия. – М.: Магистр. 2016. – 160 с.
4. Рубинштейн А.Я. Теория опекаемых благ и патернализм в экономических теориях: общее и особенное. М., ИЭ РАН, 2015.
5. Рубинштейн А.Я. Социальный либерализм и консоциативный патернализм // Общественные науки и современность. №2. 2016. с. 5–38.
6. Бюллетень Счетной палаты №9 (сентябрь) 2016 г. [Электронный ресурс]. –Режим доступа : <http://www.ach.gov.ru/activities/bulleten/882/>.
7. Аналитическая записка «Некоторые вопросы развития министерств в России: опыт и современность», Фатьянов Алексей Александрович. [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.izak.ru/theme/upload/analiticheskaya-zapiska-fatyanov_1610eda9a28e0d75549_a3462bel91de.doc.
8. Постсоветское экономическое пространство: современное состояние и перспективы развития /Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. М.: Финансы и кредит, 2009. 472 с.
9. Зиядуллаев Н.С., Зиядуллаев С.Н. 25 лет трансформации и структурирования постсоветского экономического пространства //Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 6.
10. Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития /Материалы Четвертого Международного форума. – М.: ИПР РАН, 2015. - 845 с.
11. Цветков В.А., Чуев А.В., Саакян Ю.З., Абрамов М.Д., Кашин В.А., Григорьев А.В., Зойдов К.Х., Мигранян А.А., Медков А.А., Рудаков Е.Р., Польшгалов А.С., Молоканов С.Е. Администрирование внешнеторговых грузопотоков. Труды ЭАЦ «Модернизация», вып. 7. - М.: ЭАЦ «Модернизация», 2013. - 480 с.

ПРОБЛЕМЫ ВОЗМОЖНОГО РАСШИРЕНИЯ ЕАЭС НА ПРИМЕРЕ ТАДЖИКИСТАНА¹⁵¹

Дадабаева Зарина Абдурахмановна - доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Федерального государственного учреждения науки Института экономики РАН, zarina.17.06@list.ru.

***Аннотация:** В статье рассматриваются проблемы расширения ЕАЭС за счет возможного присоединения новых членов, в частности Республики Таджикистан. Автор считает, что этот процесс имеют долгосрочную перспективу и требует взвешенного анализа совместных экономических перспектив. В статье анализируются негативные и позитивные эффекты присоединения как для стран членов ЕАЭС, так и для самого Таджикистана.*

***Ключевые слова:** Таджикистан, ЕАЭС, ТС, интеграционный выбор, риски, внешнеэкономические отношения*

Интеграционные позиции Таджикистана

Республика Таджикистан, как и его региональные соседи со своими экономическими, географическими, миграционными особенностями являются неотъемлемой частью современной Евразии.

Многообразный формат сотрудничества предполагает разную степень внешнеэкономических предпочтений стран региона. Из существующих на евразийском пространстве интеграционных объединений: Содружества Независимых Государств (СНГ), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийского экономического Союза (ЕАЭС) и существовавшего до недавнего времени Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), Таджикистан пока не входит только в ЕАЭС. Говорить о конкретных сроках вступления не представляется возможным. Присоединение Таджикистана с одной стороны обусловлено тесными торгово-экономическими связями с основными игроками ЕАЭС Россией и Казахстаном, с другой осторожностью официального Душанбе. На наш взгляд, **не факт** что это произойдет в ближайшей перспективе, но такое вступление будет иметь свои положительные и отрицательные последствия.

Неторопливость Таджикистана можно объяснить, в том числе и тем, что он внимательно изучает опыт сотрудничества в формате трех стран Таможенного Союза, а затем и пяти стран ЕАЭС. Процесс оказался болезненным, и положительная динамика первых лет сменилась стагнацией взаимной торговли и спадом и замедлением товарооборота между странами ТС на протяжении 2013-2014 гг. Анализ индексов физического объема взаимной торговли, проведенный Евразийской Комиссией показал, что снижение товарооборота объяснялась ценовой составляющей. Члены ТС демонстрировали «разнонаправленную динамику поставки товаров на общий

¹⁵¹ Статья подготовлена при поддержке Гранта РГНФ Экономическая и социальная трансформация постсоветского пространства в контексте евразийской интеграции (№ 15-07-00020).

рынок ТС и ЕЭП. В Белоруссии объемы поставок до 2013 г. росли, а в Казахстане с 2011 г. сокращались из года в год. В России наращивание объемов продаж на рынке ТС и ЕЭП в 2012 г. сменилось их снижением в последующие годы.¹⁵²

На протяжении последних лет наблюдалась стагнация взаимной торговли между странами. Темпы взаимной торговли сократились с 133,9 % в 2011 г. до 89,0 в 2014 г.¹⁵³

Вместе с тем некоторое замедление темпов сотрудничества внутри интеграционных союзов в последние годы сохранило понимание того, что в большей степени, так или иначе, Таможенный союз и Евразийский экономический Союз, выгодны их членам в силу исторических и экономических связей, территориальной, языковой и культурной близости стран, входивших ранее в Советский Союз. Общий опыт стран внутри единого пространства, с общими таможенными условиями, межхозяйственными связями, технологическим уровнем развития, единой валютой, имеет больше шансов на успех.

Возможности дальнейшего расширения ЕАЭС за счет стран Центральной Азии, а значит изменение статуса будущих членов, представляют неизменный интерес, не только для самих стран региона, но и для крупных мировых игроков.

Самое молодое интеграционное объединение на постсоветском пространстве, Евразийский экономический Союз начал действовать с 1 января 2015 г. Основные цели организации: модернизация, кооперация, повышение конкурентоспособности национальных экономик, стабильное развитие, повышение жизненного уровня были провозглашены ещё странами основательницами Россией, Казахстаном, Белоруссией.

Эффективность экономического взаимодействия теперь уже пяти государств (как известно в 2015 г. произошло расширение за счет Армении и Киргизии) на принципах общего рынка со свободным перемещением товаров, услуг, капиталов, рабочей силы показало, что между странами есть свои разногласия и противоречия. И возможное присоединение еще одной, не очень сильной экономики, в лице Таджикистана может иметь не только позитивные, но и негативные стороны.

Республика Таджикистан расположена на Юго - Востоке Средней Азии, на Юге граничит с Афганистаном, на Востоке с Китаем, на Западе с Узбекистаном, на Севере с Киргизией. Следует подчеркнуть, что площадь республики, составляющая 143,1 тыс. кв. км, на 93 % занята горами. Население страны более 8 млн. чел., 85 % которого составляют таджики, 15,3% узбеки, 1,1% русские, другие нации 3,7%.

Процесс вступления или не вступления в ЕАЭС зависит от тех целей и задач, которые ставят перед собой страны в рамках своего дальнейшего

¹⁵² URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0127578/clco_22042015_38_att.pdf.

¹⁵³ URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0127578/clco_22042015_38_att.pdf.

экономического развития. Возможное вступление Таджикистана в ЕАЭС также имеет свои плюсы и минусы, причем как для республики, так и для всего объединения. В конечном счете, Таджикистану самому предстоит решить вопрос о присоединении. На наш взгляд, для республики во всех отношениях плюсов от возможного вступления будет больше, чем минусов.

Вступление Таджикистана, аргументы за и против

На наш взгляд, для республики вступление в ЕАЭС особенно актуально с точки зрения:

Во-первых, получения возможностей свободного передвижения рабочей силы, это самый весомый аргумент для возможного присоединения РТ к ЕАЭС. В частности, преференциальное отношение к киргизским трудовым мигрантам даёт основание думать об аналогичных условиях для таджикских трудовых мигрантов, общая численность которых в России по разным данным составляет от 500 тыс. до 1 млн чел.

Во-вторых, сокращения внутренней безработицы. Так, по официальным данным количество безработных, зарегистрированных в службах занятости небольшое и составляло в 2013 г. – 54 тыс.чел. (в возрасте от 18 до 29 лет – 27,8%), в 2014 г. – 56 тыс. чел., (в возрасте от 18 до 29 лет – 30,6%) в 2015 г. – 57,1 тыс. чел. (в возрасте от 18 до 29 лет – 31%). Уровень официально зарегистрированной безработицы к численности рабочей концу 2015 г. силы составил 2,5%.¹⁵⁴ При этом следует подчеркнуть, что большая часть населения не состоит на учете в государственных службах занятости, а осуществляет частную предпринимательскую деятельность. С 1995 г. численность работников не по найму – с 31,0% увеличилась до 53,4% в 2014 г.

В-третьих, решения демографических проблем. В 2015 г. 19% от общей численности населения составляли молодые люди 20-30 лет. С 1999 г. наблюдался рост на 4%. Для сравнения можно посмотреть аналогичные показатели в 2015 г. в странах ЕАЭС, в России это около 14%, Казахстане 17%, Белоруссии около 15%.

В-четвёртых, привлечения в страну надёжных региональных инвесторов, в первую очередь российских и казахских и даже белорусских.

Аргументы против вступления в ЕАЭС для Таджикистана заключаются: в возможной потере от реэкспорта китайских и турецких товаров, болевой точкой может также стать заметное сокращение донорской помощи от международных организаций и инвестиций из других стран, особенно со стороны Китая, основного инвестора РТ.

Например, в 2007-2015 гг. от КНР поступили инвестиции на сумму 1 млрд. 449,4 долл. По вложенным средствам на протяжении последних нескольких лет

¹⁵⁴ Социально-экономическое положение Республики Таджикистан. Январь-декабрь 2015 г. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2016. С. 217.

он находится на втором после России месте, из которой, за этот же период поступило 1 млрд. 400,7 долл.¹⁵⁵

Но за семь месяцев 2016 г. по стоимости гуманитарной помощи Китай, оказал помощь на 26,4% и опередил Россию, которая помогла республике на – 19,8%.

Увеличение потока инвестиций актуально для Таджикистана, так как они составляют главный резерв его экономического развития. Большое значение иностранных инвестиций определяется дефицитом капитала внутри страны, который необходим для диверсификации экспорта и поддержания устойчивой экономики. Несмотря на предпринимаемые правительством страны усилия, достаточно благоприятных условий для инвесторов создать так и не удалось. По данным Всемирного Банка в 2015 г. Таджикистан находился на 132-м месте по показателю ведения бизнеса из 189 стран мира. Невысокую инвестиционную привлекательность можно объяснить коррупцией, неразвитой инфраструктурой, неквалифицированной рабочей силой, непредсказуемостью экономического состояния страны, высокими налоговыми ставками, сложным геополитическим положением.

Удаленность республики от центров экономической активности достигает нескольких тысяч километров, большую часть территории страны занимают горы, республика не имеет выхода к морю и к международным торговым магистралям. Ближайшие соседи по региону имеют схожую структуру экономики и невысокий уровень развития, в частности Киргизия. Все это увеличивает риски для инвестиционных вложений в Таджикистан.

Потенциал и риски расширения для стран членов-ЕАЭС

Для России и других стран ЕАЭС присоединение Таджикистана позволит решить в большей степени военно-политические проблемы, но наложит определённое экономическое бремя особенно на Россию и Казахстан как основных интеграторов, спонсоров и экономических партнеров. Экономически непростая ситуация в этих странах в настоящее время не располагает к поспешному расширению союза за счет экономически слабой страны. Возникают риски быть вовлеченными в региональные споры и межстрановые конфликты в Центральной Азии. Особенно в сфере вопросов совместного использования природных ресурсов. Конфликтный потенциал в области распределения водно-энергетических ресурсов, обусловленный традиционным дефицитом земли и воды в Ферганской долине может стать дезинтегрирующим моментом. Негативную роль для объединения может играть и незавершенность процесса делимитации государственных границ, где затрагиваются интересы Таджикистана, Киргизии, Узбекистана. К сожалению, в республике усиливается влияние религиозного экстремизма в традиционном исламе, происходит вербовка людей, для участия в ИГИЛ (запрещенной в России).

¹⁵⁵ Аналитические данные о притоке иностранных инвестиций в экономику Республики Таджикистан в период 2007-2015 г. URL: http://gki.tj/ru/nvestitsii_v_rt/nformatsiya_i_statistika/analiz/.

Поэтому говорить о быстром расширении ЕАЭС за счет Таджикистана, в настоящее, на наш взгляд, время преждевременно, так как это несет в себе определенные политические, финансовые и экономические издержки.

В пользу расширения ЕАЭС говорит тот факт, что общий рынок России, Казахстана, Белоруссии, Киргизии, Армении и возможно Таджикистана позволит защитить производимую продукцию от конкуренции с аналогичными товарами мирового рынка путем высоких импортных пошлин, а вывоз сырья за рубеж будет сдерживаться высокими экспортными пошлинами. Но это возможно только при условии согласованной таможенной политики стран-участниц по основным видам сырья и конкретным группам товаров, приходится констатировать, что в рамках пяти государств к таким договоренностям путь очень долог. До сих пор не принят Единый Таможенный кодекс Евразийского экономического союза.

Не менее важна скоординированная, но разумная протекционистская политика по отношению к собственным производителям, что весьма актуально в условиях европейских санкций против России. Возможно, впоследствии и это активно обсуждают на уровне экспертов, появятся возможности согласовывать макроэкономические параметры и вести согласованную монетарную политику. Общий рынок стран ЕАЭС и в перспективе Таджикистана имеет все шансы по увеличению занятости населения, росту собственного производства, развитию сельского хозяйства.¹⁵⁶

Позиции Таджикистана в процессе расширения ЕАЭС

За годы независимости республика находилась в тесном сотрудничестве только с двумя странами Таможенного союза - Россией, которая является основным торговым и инвестиционным партнером страны и соседом по региону Казахстаном, доля которого сравнительно высока в таджикском импорте.

Структура торговли с этими странами основана импорте нефтепродуктов, азотных удобрений, лесоматериалов, изделий из черных металлов, трансформаторов, муки, пшеницы, растительного масла. Такая ситуация, на наш взгляд, предопределяет активизацию процесса вступления Таджикистана в ЕАЭС. Суть интеграционных процессов состоит из тесного переплетения экономических и политических реалий и направлена на экономическое выживание, и подготовку государств к условиям всемирной конкуренции. По справедливым оценкам экспертов национальным экономикам трудно конкурировать на мировом рынке без реальной интеграции. Поэтому некоторые ученые обоснованно подчеркивают, что внешнеполитические ориентиры государств опираются на современные модели мировой интеграции: исламскую, ресурсную, транзитную и традиционную.

Внеэкономическая динамика отношений Таджикистана

¹⁵⁶ Дадабаева З.А. Таджикистан-Таможенный Союз: возможности и перспективы взаимодействия// Проблемы постсоветского пространства. 2015, №1(3) С.46

За годы независимости в республике существенно изменились страновые приоритеты, правила и условия ведения внешнеэкономических связей. Сократился товарооборот со странами СНГ за 2000–2015 гг. с 64,0 до 47,3%, при расширении торгово-экономических отношений со странами дальнего зарубежья. Диверсификация внешнеторговых связей стала отражением изменений в геополитической и геоэкономической ситуации, в которой приходится развиваться Таджикистану. Еще более рельефно это происходит при рассмотрении изменений в составе крупнейших торговых партнеров, играющих наиболее важную роль в развитии национальной экономики.

Таблица 1

Ведущие внешнеторговые партнеры Таджикистана в 2000 и 2015 гг.

Страны	2000 г.		2015 г.		
	Млн долл.	%		Млн. долл.	%
Товарооборот всего	1459,0	100,0	Товарооборот всего	4325,5	100,0
Россия	364,0	24,9	Россия	1105,5	25,6
Нидерланды	178,5	12,2	Китай	792,9	18,3
Швейцария	72,8	5,0	Казахстан	702,1	16,2
Узбекистан	99,7	6,8	Турция	388,5	9,0
Турция	62,1	4,3	Швейцария	310,5	7,2
Италия	38,6	2,6	Иран	183,4	4,2
Иран	20,2	1,4	Афганистан	110,3	2,5
Латвия	14,9	1,0	Туркменистан	109,1	2,5
Республика Корея	13,0	0,9	Литва	81,6	1,9
Великобритания	8,6	0,6	Германия	45,3	1,0
Всего данные страны	872,4	59,7	Всего данные страны	3823,7	88,4

Источник: Межгосударственный статистический комитет СНГ. URL:

<http://www.cisstat.org/>; International Trade Centre (URL:

http://www.trademap.org/countrymap/Country_SelProductCountry_TS.aspx).

Обращает на себя внимание, что в десятке 2015 г. находятся только 4 страны – бывшие среди ведущих партнеров в 2000 г.: Россия, Турция, Иран и Швейцария. В первой десятке 2015 г. стало заметно меньше европейских стран, но выросло число соседних и региональных стран: Китай, Казахстан, Афганистан и Туркменистан (табл.1). Более быстрое развитие связей с соседями связано с реализацией национальных и региональных транспортных и энергетических проектов. Новая инфраструктура, связующая соседей, расширяет возможности взаимных торговых связей и способствует росту комплементарности экономик. При диверсификации пострановой географии внешнеторговых связей одновременно усиливается их концентрация с наиболее крупными партнерами.

В целом если посмотреть на первую десятку стран, крупнейших потребителей таджикской продукции, то в период с 2000 по 2015 гг. это были Россия и Казахстан (страны СНГ и ТС), Швейцария и страны ЕС - Германия Латвия, Литва, среди других стран выделяются соседние региональные державы Турция, Китай, Иран. На первую десятку стран, основных внешнеэкономических партнеров приходится подавляющая часть таджикского экспорта, что свидетельствует о его высокой пострановой концентрации в связи с однородной товарной структурой вывоза. Но, как мы видим возможности Таджикистана, ограничены несколькими экспортными товарами, что не позволяют ему достаточно эффективно сотрудничать с другими странами, входящими в Таможенный союз. Доля Белоруссии и Армении в экспорте РТ была слишком мала. В 2015 г. товарооборот Таджикистана и Белоруссии составил 24,4 млн.долл., причем он уменьшился по сравнению с 2012 г. (57,7 млн.долл.), в январе-мае 2016 г. он товарооборот составил 5,9 млн.долл.¹⁵⁷

Интеграционный выбор, мнение экспертов

Анализ интеграционных процессов показывает неоднозначные позиции, которые занимают официальные власти и разные слои общества стран-членов таких организаций в оценке эффективности работы евразийских проектов и перспективах членства в них. Экспертное сообщество, с осторожностью даёт свои оценки, предлагая просчитывать возможные эффекты и последствия, и призывает к выверенным неторопливым шагам на пути к новым евразийским проектам. Такая риторика при рассмотрении вопроса присоединения к ЕАЭС в таджикском обществе связана она в первую очередь с пониманием уязвимости самостоятельного существования национальной экономики.

В частности, отдаленность от магистральных линий, географическая изоляция, слабая база коммуникационных и транспортных структур, бедность, безработица, продолжающийся рост населения, низкий уровень покупательной способности страны в мире не способствуют её успешному развитию.

Оценивая плюсы и минусы вхождения страны в ЕАЭС, эксперты и руководство Таджикистана внимательно изучают пока еще небольшой опыт Киргизии, которая присоединилась к ЕАЭС в 2015 г. Они выделяют положительные стороны объединения и акцентируют внимание на рисках.

К выгодам относят: отсутствие таможенных постов на границах, свободное перемещение трудовых мигрантов по территории ЕАЭС, рост производства и увеличение экспорта товаров, отсутствие таможенных барьеров при экспорте сельхозпродукции, свободный импорт ключевых товаров и услуг из России и Казахстана и Белоруссии, снижение потерь от введения запрета на экспорт топлива и продовольствия.

К рискам вступления относят: рост цен на сельхозпродукцию, сокращения реэкспорта китайских и турецких товаров (основных источников дохода

¹⁵⁷ О торгово-экономическом сотрудничестве Республики Беларусь и Республики Таджикистан. URL: http://tajikistan.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/trade_economic/statistics/b393c63a06cbf0e5.html.

большинства населения), рост цен на автотранспортные средства, как это произошло в Белоруссии и Казахстане, сокращение объема торговли на внутренних рынках (из-за низкой конкурентоспособности местных производителей), как результат сокращение рабочих мест и увеличение безработицы.

Общий тон мнений, высказываемых официальными лицами, политическими партиями, представителями бизнеса и населением по поводу возможного вступления Таджикистана в Таможенный союз и Единое экономическое пространство всё же положительный. Это связано с пониманием таджикского общества уязвимости национальной экономики при автономном существовании.

Однако в реальности представители власти не торопятся с заявкой на вступление в ЕАЭС и даже замедляют этот процесс. В республике пока не осознают, что ЕАЭС закладывает основу для более тесной интеграции **на новой отличной от «СССРовской»** политической, экономической и идеологической основе в формате экономического союза. Достаточно вспомнить, что ЕАЭС, появился на платформе Таможенного союза, который в свою очередь эволюционировал из ЕврАзЭС. Таджикистан, как известно, был одним из основателей этого объединения, соответственно базовые принципы и основные договорные обязательства по объединению довольно похожи, отличия касаются в основном размера налогов и таможенных пошлин.

Поспешное присоединение может иметь отрицательные последствия, если не будут продуманы действенные механизмы её реализации. Нужно подготовить экономико-правовую базу в соответствии с требованиями ТС/ЕАЭС, в первую очередь, следует унифицировать Таможенные кодексы.

Таким образом, риски возможного присоединения Таджикистана к ЕАЭС следует рассматривать как с точки зрения стран, входящих в Евразийский Экономический Союз так и с позиций самой республики. Причем, как было отмечено плюсов для Таджикистана от интеграции с ЕАЭС, гораздо больше, чем минусов. Ситуация ровно противоположная, если рассматривать плюсы для стран союза [8].

Некоторые выводы

Возможное присоединение Таджикистана к ЕАЭС позволит решить ряд очень существенных для небольшой и экономически слабой страны проблем, касающихся обеспечения политической безопасности и экономической стабильности. Легализации трудовых мигрантов на общем рынке труда России, Казахстана и Белоруссии позволит гарантировать легальную и безопасную работу таджикских трудовых мигрантов.

Тесные связи в рамках союза помогут обеспечить свободный импорт топлива без всяких ограничений, получать новые технологии и оборудование на более выгодных условиях.

Участие в ЕАЭС создаст условия для увеличения экспорта сельскохозяйственной продукции республики в страны союза и сократит

таможенные издержки при пересечении экспортными товарами нескольких границ.

Более того у Таджикистана появится возможность стать транзитным транспортным узлом, соединяющим страны Центральной Азии и СНГ с Юго-Восточной Азией и выйти к международным торговым путям.

В свою очередь присоединение Таджикистана к Евразийскому Экономическому Союзу помимо достижений геополитических целей позволит использовать его природные и сырьевые ресурсы. Таджикистан может стать одним из главных источников чистой питьевой воды, а также воды для ирригации во всём регионе Центральной Азии и потенциальным поставщиком электроэнергии в Центральной и Юго-Восточной Азии, что крайне важно для развития стран, не имеющих запасов нефти и газа, в условиях азиатского климата.

Уникальные запасы редкоземельных металлов стратегически важных природных ископаемых золота, серебра, урана, в рамках союза также могут стать достаточно весомыми факторами в пользу объединения.

Таджикистан, граничащий с перманентно воюющим Афганистаном, является своеобразным форпостом на пути непрекращающегося наркотрафика из этой страны и проникновения идей радикального ислама. Это повышает роль Таджикистана в обеспечении безопасности региона, в том числе и военной. *(В Таджикистане находится уникальная станция космического слежения Военно-космических сил России «Окно», обеспечивающая контроль над стационарной околоземной орбитой).*

Таким образом, риски возможного вступления Таджикистана для стран ЕАЭС имеют негативные и позитивные эффекты. Экономически неоднородный режим выталкивает огромное количество трудовых мигрантов на рынок труда ЕАЭС, что с одной стороны решает проблему с нехваткой трудовых ресурсов в странах союза, с другой создает социальную напряженность в принимающих странах, поднимая вопросы социокультурной адаптации. Негативные последствия имеет и так называемая усиленная исламизация. С одной стороны есть опасность проникновения на территорию союза граждан с уже сложившимися террористическими навыками и радикальными взглядами, с другой стороны вполне лояльные и адекватные мигранты сталкиваясь с отторжением и неприятием принимающего сообщества, попадают под влияние вербовщиков экстремистских организаций уже на территории стран союза.

Риски невступления Таджикистана в Евразийский экономический союз помимо уже перечисленных состоят ещё и в том, постепенно будут теряться связующие нити гуманитарного характера и экономическая заинтересованность в соседях по региону, входящих в Союз.

Список литературы:

1. Аналитические данные о притоке иностранных инвестиций в экономику Республики Таджикистан в период 2007-2015 г.
http://gki.tj/ru/nvestitsii_v_rt/nformatsiya_i_statistika/analiz/.

2. Внешнеэкономические связи постсоветских стран в контексте евразийской интеграции. Сборник / отв. Ред. Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин.-М.:ИЭ РАН,2014- 218 с.
3. Дадабаева З.А. Таджикистан - Таможенный Союз: возможности и перспективы взаимодействия // Проблемы постсоветского пространства. 2015, №1(3) . С.36-57.
4. Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ - 2013// Доклад №5, ЕАБР, 2013.
5. О торгово-экономическом сотрудничестве Республики Беларусь и РеспубликиТаджикистан.URL:http://tajikistan.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/trade_economic/statistics/b393c63a06cbf0e5.html.
6. Причины изменения динамики взаимной торговли государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства в 2010-2014 годах и предложения по наращиванию объемов взаимного товарооборота государств – членов Евразийского экономического союза. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0127578/clco_22042015_38_att.pdf.
7. Социально-экономическое положение Республики Таджикистан. Январь-декабрь 2015 г. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2016.
8. Цветков В.А., Бобоев О.Б., Зоидов К.Х. Экономический эффект от присоединения Республики Таджикистан к Евразийскому экономическому союзу. Международная экономическая интеграция с участием российской федерации: опыт, проблемы, перспективы развития / Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 29-30 января 2015 г. / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. – М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2015. – 257 с. - С.89-99.

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Усманов Далер Ирматович – к.э.н., ст. преподаватель кафедры менеджмента и маркетинга Белгородского государственного национального исследовательского университета

На сегодняшний день глобализационные процессы затрагивают регионы и страны мира, целые отрасли и отдельные предприятия. Глобализация мирового хозяйства заключается в усилении трансграничной активности, появлении наднациональных организаций и международных интеграционных группировок, ускоренном распространении знаний и опыта, информатизации общества. Задачей данного исследования мы определили формирование системы факторов глобализации, которые оказывают значительное влияние на социально-экономическое неравенство регионов России.

Термин «глобализация» настолько прочно вошел в жизнь, что в отечественных и зарубежных работах по данной проблематике авторы не предлагают какого-либо определения. В. Л. Иноземцев выделяет четыре блока литературы, где в названии используется данный термин: 1) исторические аспекты понятия «глобализация»; 2) влияние глобализации на те или иные экономические и социальные процессы, страны и регионы мира; 3) история процесса глобализации; 4) «манифесты» ее сторонников и противников [6, С. 34-35].

Глобализация означает не только интернационализацию связей, но и создание общемировой целостности, где каждый элемент целого превращается в орган этого глобального организма [7, С. 130-141]. Термин «глобализация» используется для обозначения нарастающей взаимозависимости мира – экономической, социально-культурной и политической [6, С. 32]. Глобализация – это распространение интернационализации на сферу производства [5, С. 54].

Н.Б. Пастухова выделяет три направления глобализации: 1) постоянно идущий исторический процесс; 2) гомогенизация и универсализация мира; 3) разрушение национальных границ. Анализ определения глобализации позволяет нам, в некоторой степени, синонимировать его с интеграционными процессами. Только, если некоторые ученые считают, что глобализация – это результат интеграции и сближения регионов и мира в целом [3, С. 8], то мы предполагаем, что интеграционные процессы являются важным инструментом глобализации.

Рассмотрим некоторые показатели глобализационного процесса мировой экономики за 1980-2010 годы (табл. 1).

Таблица 1

Динамика агрегированных показателей глобализации за 1980-2010 годы.

Показатели	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010
Экономические индикаторы:							
– доля совокупного экспорта и импорта товаров и услуг в ВВП, %: в том числе	38,4	37,8	38,0	41,8	48,8	53,7	56,0
Показатели	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010
Экономические индикаторы:							
– развитые страны, %	39,5	39,1	38,0	40,9	48,1	52,0	55,9
– развивающиеся страны, %	32,8	31,2	38,1	46,4	52,5	62,0	56,7
– доля прямых иностранных инвестиций в ВВП, %: в том числе	6,5	8,3	9,4	11,3	23,1	25,2	29,7
– развитые страны, %	4,9	6,5	8,9	10,8	22,7	25,3	30,7
– развивающиеся страны, %	11,8	14,7	13,6	16,4	40,1	50,2	60,3
– доля развивающихся стран							
– в мировом ВВП по ППС, %	31,7	32,7	32,7	33,0	34,2	38,5	45,2
– в мировом объеме прямых иностранных инвестиций, %	13,1	9,6	7,0	9,2	11,0	11,5	17,8
– в глобальных резервах мировой валюты, %	32,9	37,1	51,9	66,6
Финансовые индикаторы:							
– ежедневный валютный биржевой оборот, % от мирового ВВП ^a	0,7	1,3	3,8	5,6	6,8	4,6	6,3
– зарубежные внешние активы банков, % от мирового ВВП ^b	13,7	19,9	28,1	28,5	34,2	54,0	47,9
– зарубежные банковские займы и депозиты, % от мирового ВВП ^b	13,9	19,9	34,3	33,1	37,6	39,1	34,9
Коммуникационные индикаторы:							
– доля потребителей интернета от общей численности населения, %: в том числе	0,1	0,8	6,7	16,0	30,2
– развитые страны, %	0,3	3,7	30,5	59,4	73,4
– развивающиеся страны, %	0,0	0,0	1,5	7,3	21,5

Демографические индикаторы:							
– доля международных мигрантов в общей численности населения, %	2,2	2,3	3,0	2,9	2,9	3,0	3,1
– доля беженцев в общей численности населения, %	0,3	0,2	0,1	0,2
– банковские переводы иностранных работников, % от мирового ВВП	0,41	0,39	0,42	0,36	0,43	0,63	0,75
Политические индикаторы:							
– число стран-членов Организации Объединенных Наций, ед.	154	159	159	185	189	191	192
– число международных организаций, ед.	337	378	300	...	243	244	253
– межправительственные, ед.	4265	4676	4621	...	6357	7414	8198
– неправительственные, ед.							
Социальные и культурные индикаторы:							
– доля международных туристов в общей численности населения, %	3,5	6,7	8,6	9,5	11,4	13,0	13,7
– число книг по теме глобализации, ед.	577	1107	2152	4853	10525	22405	38440

Пояснения: ... - данные отсутствуют; ^a – данные за 1979 г., 1984 г., 1989 г., 1995 г., 1998 г., 2004 г.; ^b – данные за 1981 г., 1986 г., 1991 г., 1995 г., 2000 г., 2006 г. Составлено по [11].

Как мы видим, глобализационные процессы за последние 30 лет усиливаются по всем направлениям. Так, доля международной торговли в мировом ВВП за каждые 5 лет увеличивается в среднем на 5 процентных пунктов, подчеркивая, что обороты торговли увеличиваются быстрее объемов производства. При этом более активно в торговые процессы вовлечены развивающиеся страны мира. Аналогичный вывод мы можем сделать и по результатам анализа финансовых индикаторов глобализации: развивающиеся страны имеют значительную долю прямых иностранных инвестиций в ВВП, которая растет быстрыми темпами.

Динамика финансовых индикаторов также демонстрирует влияние глобализации на развитие мировой экономики. Наиболее быстрыми темпами растут внешние активы банков, соответственно, зарубежные займы и депозиты. Одним из показателей глобализации является развитие коммуникаций и рост числа потребителей интернета. Так, в развитых странах в 2010 году к их числу относятся три жителя из четырех, а в развивающихся – каждый пятый.

Об интенсивном развитии процесса глобализации свидетельствует динамика демографических, политических, социальных и культурных индикаторов.

Мы считаем, что основными глобализационными факторами, которые оказывают значительное влияние на российскую экономику и могут усилить социально-экономическое неравенство регионов, являются следующие:

- 1) международные интеграционные процессы;
- 2) либерализация торговли товарами и услугами;
- 3) упрощение международной миграции трудовых ресурсов;
- 4) инвестиционная деятельность (особенно транснациональных корпораций);

5) диффузии технологий производства и современных методов управления [9].

Мы можем констатировать, что влияние глобализации на российскую экономику происходит, в первую очередь, через процессы экономической интеграции. Развитие современных экономических отношений характеризуется усилением интеграционных процессов, снижением торговых барьеров, активным включением стран и регионов в систему международного разделения труда. Достигнув определенного этапа своего развития, интеграционные объединения влияют на структуру и динамику мировой торговли, инвестиционных и миграционных потоков. Практика развития интеграционного регионального взаимодействия показала, что участие стран в экономической группировке способствует расширению ее возможностей, позволяет успешнее функционировать в глобальной системе.

Интеграционные процессы на сегодняшний день затрагивают все страны и регионы мира, и Россия не является исключением. Открытость российской экономики возрастает со вступлением в ВТО, развитием деятельности таможенного союза (Россия, Казахстан, Белоруссия). Рассмотрим основные интеграционные объединения, в которых принимает участие Россия (*табл. 2*)¹⁵⁸.

Мы можем определить, что "документально" наиболее тесная интеграция России происходит на постсоветском пространстве: Евразийский экономический союз, Зона свободной торговли СНГ, Союзное государство России и Белоруссии, ЕврАзЭС, Единое экономическое пространство России, Беларуси и Казахстана, Организация Черноморского экономического сотрудничества. В других направлениях отметим, что Россия с 1992 года является членом совета государств Балтийского моря, с 1998 года является полноправным членом Форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), с 1996 года – полномасштабным партнером по диалогу АСЕАН (в группировку не входит)¹⁵⁹.

Ввиду активного сотрудничества России со странами БРИКС (БРИК) в сфере международной торговли товарами и услугами, инвестирования и обмена технологиями, считаем необходимым данные объединения, формально не являющиеся интеграционными группировками, рассматривать в качестве экономического блока.

¹⁵⁸ Оценка влияния факторов глобализации на социально-экономическое неравенство регионов России: Монография / С.Н. Растворцева, Д.И. Усманов. – Белгород: КОНСТАНТА, 2015 – 260с., с. 212-215) представлен перечень основных документов, регламентирующих деятельность интеграционных объединений, участником которых является Россия.

¹⁵⁹ Отметим, что в Азиатско-Тихоокеанском регионе Россия также является полноправным членом таких организаций, как Совет по Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (1991 г.), Экономический совет стран Тихоокеанского бассейна (1995 г.). Россия имеет статус «нерегионального члена» в Экономической и социальной комиссии ООН для стран Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) (по Попова Т.Н. Торгово-экономическое сотрудничество Дальнего Востока России со странами АТР и участие в региональной экономической интеграции // Российский внешнеэкономический вестник. 2012. - № 5. – С. 3-11, С. 3).

Таблица 2

**Страны-участницы международных экономических интеграционных объединений, в которых принимает участие Российская Федерация
(на 12.11.2014 г.)**

№	Интеграционное объединение	Дата возникновения	Страны-участницы / год присоединения
Интеграционные объединения внутри СНГ			
1	Евразийский экономический союз*	29.05.2014	Россия (2014), Беларусь (2014), Казахстан (2014)
2	Зона свободной торговли СНГ	15.04.1994, 18.10.2011	Страны, подписавшие и ратифицировавшие соглашение «О зоне свободной торговли» (ЗСТ) (15.04.1994): Азербайджан (1996), Казахстан (1994), Россия (1994), Грузия (2003) Кыргызстан (1995), Молдова (1994), Таджикистан (1997), Узбекистан (1994), Туркмения (1994) Беларусь (1999), Армения (2000), Украина (1999) Страны, подписавшие и ратифицировавшие договор «О зоне свободной торговли» (18.10.2011): Армения (2012), Беларусь (2012), Казахстан (2012), Кыргызстан (2013), Молдова (2012), Россия (2012), Узбекистан (2013), Таджикистан (подписан, не ратифицирован), Украина (2012)
3	Союзное государство России и Белоруссии	08.12.1999	Россия (2000), Беларусь (2000)
4	Таможенный союз в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС)	26.02.1999, 10.10.2000	Россия (1995), Беларусь (1995), Казахстан (1999), Кыргызстан (2000), Таджикистан (2000), Узбекистан (2006)
5	Единое экономическое пространство	19.09.2003, 09.12.2010	Россия (2003), Беларусь (2003), Казахстан (2003) (20 апреля 2004 года Соглашение о формировании ЕЭП было ратифицировано Государственной Думой РФ)
6	Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)	15.06.2001	Китай (1996), Россия (1996), Казахстан (1996), Кыргызстан (1996), Таджикистан (1996), Узбекистан (2001). (В 1996 году была образована «Шанхайская пятёрка»)
Россия в процессе евроатлантического сотрудничества			
7	Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС-АПЕС)	07.11.1989	Австралия (1989), Бруней (1989), Вьетнам (1998), Гонконг (специальный административный район КНР) (1991), Индонезия (1989), Канада(1989), Китай (1991), Малайзия (1989), Мексика (1993), Новая Зеландия (1989), Папуа – Новая Гвинея (1993), Перу (1998), Россия (1998), Сингапур (1989), США (1989), Таиланд (1989), Тайвань (1989), Филиппины (1989), Чили (1994), Южная Корея (1989), Япония (1989), Китайский Тайбэй (1991)
8	Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН)	08.08.1967	Индонезия (1967), Малайзия(1967), Сингапур (1967), Таиланд (1967), Филиппины (1967), Бруней-Даруссалам (1984), Вьетнам (1995), Лаос и Мьянма (1997), Камбоджа (1999), Индия (2003), Китай (2003), Япония (2004), Пакистан (2004), Россия (2004), Южная Корея (2004), Новая Зеландия (2005), Монголия (2005), Австралия (2005), США (2009), Канада (2010), Турция (2010)

9	БРИК	16.06.2009	Бразилия (2001), Россия (2001), Индия (2001), Китай (2001)
10	БРИКС	23.12.2010	Бразилия (2001), Россия (2001), Индия (2001), Китай (2001), Южно-Африканская республика (2010)
11	Организация черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС)	01.05.1999	Азербайджан (1999), Албания (1999), Армения (1999), Болгария (1999), Греция (1999), Грузия (1999), Молдавия (1999), Россия (1999), Румыния (1999), Сербия (2004), Турция (1999), Украина (1999)
№	Интеграционное объединение	Дата возникновения	Страны-участницы / год присоединения
Россия в процессе евроатлантического сотрудничества			
12	Совет государств Балтийского моря	05.03.1992	Германия (1992), Дания (1992), Латвия (1992), Литва (1992), Норвегия (1992), Польша (1992), Россия (1992), Финляндия (1992), Швеция (1992), Эстония (1992), Европейская комиссия (1992), Исландия (1995)

* по данным официального сайта Евразийской экономической комиссии

<http://www.eurasiancommission.org/ru/Pages/default.aspx>.

Таким образом, мы видим, что основные направления развития экономической интеграции России – это постсоветское пространство, членство в АТЭС, сотрудничество со странами БРИКС (БРИК). Рассмотрим основные направления внешней торговли России за 2000-2012 годы (рис. 1).

Как показано на рисунке 1., значительная доля внешней торговли России приходится на страны дальнего зарубежья, в то время как мы отметили, что интеграционные процессы, наоборот, в большей степени ориентированы на постсоветское пространство. Для объяснения данной ситуации обратимся к определению термина «интеграция». На наш взгляд, наиболее удачно данное понятие раскрывается через выделение двух процессов: регионализма и регионализации. *Регионализм* или интеграция "сверху" базируется на межгосударственных отношениях, имеющих законодательную основу, проявляющуюся в создании союзов (объединений, группировок, стран или регионов) и, в некоторых случаях, наднациональных институтов. *Регионализация* или интеграция "снизу" формируется на базе торгово-экономических отношений между фирмами разных стран [1, С. 9], а также прочими взаимодействиями между населением, которое зачастую складывается исторически. Процесс регионализации диктуется рынком, происходит без вмешательства государства и выявляется эмпирически [10, С. 23].

Таким образом, мы можем определить, что интеграция России в отношении стран-бывших советских республик происходит в рамках процесса регионализма или интеграции «сверху». Экономическое взаимодействие в отношении прочих стран происходит «снизу» и характеризуется процессом регионализации.

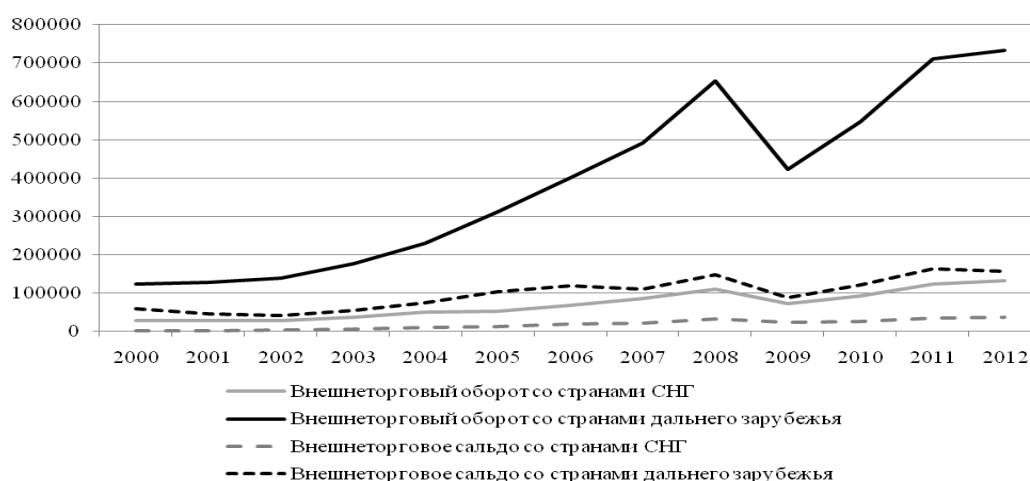

Рис.1. Динамика внешней торговли России за 2000-2012 годы со странами СНГ и странами дальнего зарубежья, млн. долл. США. Составлено по: ¹⁶⁰

Международная интеграция является предметом междисциплинарных исследований философов, политологов, аналитиков государственной политики, специалистов по международным отношениям, ученых, экономистов, социологов, географов и историков [13]. Рассмотрим определения экономической категории «интеграция», выделив основные особенности терминологии (определения экономической категории «интеграция» представлены в приложении 3).

Во-первых, надо отметить, что в экономической литературе можно встретить понятия региональной и международной интеграции. Однако анализ данных определений показал, что от такой конкретизации смысл значения не меняется, так как во всех случаях речь идет о международной экономической интеграции или объединении в региональные группы. Во-вторых, мы хотим обратить внимание на разнонаправленное понимание интеграции: как процесса, как состояния и как формы (табл. 1).

Мы хотим согласиться с Б. Баласса, который еще в 1997 году предложил рассматривать экономическую интеграцию, как процесс, и как состояние дел. Как процесс он определил интеграцию как совокупность мер, направленных на отмену любой дискриминации между экономическими единицами; как состояние дел – отсутствие различных форм дискриминации между национальными экономиками [12, С. 304].

Таблица 1

Определения интеграции как процесса, состояния и формы

Процесс	Состояние	Форма
– объединение; – изменения внутренней связанности экономического	– связанностью отдельных дифференцированных	– это форма расширения и углубления производственно-технологических связей,

¹⁶⁰ Торговля в России. 2013: Стат. сб./ Росстат. М., 2013. С. 195; Торговля в России. 2011: Стат. сб./ Росстат. М., 2011. С. 195; Торговля в России. 2009: Стат. сб./ Росстат. М., 2009. С. 266; Торговля в России. 2007: Стат. сб./ Росстат. М., 2007. С. 232; Торговля в России. 2005: Стат. сб./ Росстат. М., 2006. С. 210.

<p>пространства;</p> <p>– постепенного сокращения дискриминации;</p> <p>– сокращения или ликвидации торговых барьеров между регионами или странами;</p> <p>– устранения экономических границ между двумя и большим числом стран;</p> <p>– постепенного устранения экономических барьеров;</p> <p>– многомерный процесс; постепенного, <i>сращивания</i> национальных рынков и т.д.</p>	<p>частей в целом;</p> <p>– как модель сознательного и активного участия группы стран в процессе глобальной стратификации мира;</p> <p>– является фундаментальной частью национальной стратегии развития;</p> <p>– может быть определена как организационная комбинация отдельных национальных экономик в более крупные экономические блоки и т.д.</p>	<p>совместного использования ресурсов, объединения капиталов, в создании друг другу благоприятных условий осуществления экономической деятельности, снятии взаимных барьеров;</p> <p>– «полный союз», при котором происходит полное объединение хозяйств стран-участниц, в результате чего они начинают действовать как федерация или конфедерация.</p>
--	--	---

Значимость правильной интерпретации категории «международная интеграция» нельзя переоценить, это объясняется дальнейшим построением на данном определении теоретических основ позволяющих определить степень влияния интеграционных и торговых процессов на показатели социально-экономического неравенства в условиях глобализации. Проведенный анализ понятийно-категориального аппарата «интеграция» и сопутствующих равнозначных определений (международная интеграция, региональная интеграция, экономическая интеграция), встречающихся в российской и зарубежной научной литературе, мы считаем целесообразным предложить свое авторское определение.

Мы считаем, что **международная интеграция** – это *процесс (трансформации региональных экономик участвующих стран), состояние (открытости и минимизации институциональных барьеров выхода региона на внешние рынки) и форма глобализации, заключающаяся в объединении факторов производства и усилий национальных и региональных экономик и имеющая как позитивные, так и негативные последствия*. Такое сращивание образует целостную модель «драйвера кооперации»¹⁶¹, то есть сознательного и прагматичного альянса интересов группы *стейкхолдеров*¹⁶² в процессе геоэкономического расширения.

Значительные объемы торговли, приходящиеся на страны, не являющиеся партнерами по интеграционным группировкам России, позволяют нам обосновать правомерность рассмотрения интеграционных процессов не только в рамках официально существующих объединений, но и на примере

¹⁶¹ «Драйвер кооперации» - запускающий сотрудничество.

¹⁶² Стейкхолдеры (от англ. stakeholder - «владелец доли»).

формальных группировок. Интересный подход, на наш взгляд, предложили исследователи Отделения международных экономических и политических исследований Института экономики РАН, определив, так называемый, «пояс соседства» России [2, С. 20]. К «поясу соседства» России они отнесли:

1) страны, которые имеют непосредственную границу с Россией (соседи первого порядка);

2) страны, которые активно сотрудничают с Россией в торговой, инвестиционной и социально-культурной областях (страны Юго-Восточной Европы, не являющиеся членами Европейского Союза, Норвегия, Турция, Иран, США, Китай, Монголия, Республика Корея, КНДР, Япония);

3) страны, взаимодействие с которыми облегчено низкими торговыми барьерами (страны Европейского Союза) [2, С. 17].

Интеграционные процессы являются наиболее ярко выраженным проявлением глобализации. Либерализация торговли также является фактором глобализации и может происходить как в рамках интеграции, так и без нее. Отметим, что обороты международной торговли растут опережающими темпами по отношению к объемам мирового производства.

Выделяют позитивные и негативные последствия глобализации. К числу позитивных относят:

1) ускоренное распространение и внедрение технологических достижений;

2) активное использование современных управленческих методов;

3) возможность расширения рынков сбыта; 4) перспективы использования более дешевых ресурсов;

5) возможности повышения качества жизни населения.

К негативным последствиям глобализации относят:

1) растущее неравенство стран и регионов мира (более богатые страны получают больше преимуществ глобализации);

2) угроза целостности национальных культур и политическому суверенитету;

3) риски недобросовестного использования ресурсов в странах со слабой институциональной базой. К числу недостатков глобализации можно отнести и проблемы управленческого характера – «...под влиянием процессов глобализации мировое сообщество практически по всем параметрам общественной жизни все больше становится единой целостной системой, тогда как механизмов управления, адекватных этой целостности, нет» [10, С. 4].

Таким образом, глобализация и неравенство являются неизбежными атрибутами современной экономики [15-17], поскольку социально-экономические, геоэкономические, этнические и институциональные контуры уже не имеют четкой субтерриториальной адресной принадлежности. Многие аспекты региональной и мировой кооперации являются неизбежными в силу либо исторических, политических, стратегических либо сугубо коммерческих и прочих мотивов. Данное обстоятельство усиливает значимость исследуемого аспекта и актуализирует поиск путей его пропорционального регулирования.

Список литературы:

1. Винокуров, Е. Ю. Евразийская континентальная интеграция [Текст] / Е. Ю. Винокуров, А. М. Либман ; [Евраз. Банк Развития]. – Санкт-Петербург : Центр интеграционных исследований, 2012. – 210 с.
2. Головнин, М. Ю. Инвестиционное взаимодействие России со странами «поояса соседства» [Текст] / М. Ю. Головнин, М. М. Лобанов // Российский внешнеэкономический вестник. – 2012. – № 1. – С. 17-31.
3. Гринин, Л. Е. Глобализация и национальный суверенитет [Текст] / Л. Е. Гринин // История и современность. – 2005. – № 1. – С. 6-31.
4. Единая межведомственная информационно – статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Москва, 1999-2014. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/databases/emiss.
5. Зуев, А. Г. Глобализация: аспекты, о которых мало говорят [Текст] / А. Г. Зуев, Л. А. Мясникова // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 8. – С. 54-60.
6. Иноземцев, В. Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире [Текст] / В. Л. Иноземцев // Век глобализации. – 2008. – № 1. – С. 31-44.
7. Пастухова, Н. Б. Государственный суверенитет в эпоху глобализации [Текст] / Н. Б. Пастухова // Журнал российского права. – 2006. – № 5 (113). – С. 130-141.
8. Растворцева, С. Н. Оценка влияния факторов глобализации на социально-экономическое неравенство регионов России [Текст]: моногр. / С. Н. Растворцева, Д. И. Усманов. – Белгород: КОНСТАНТА, 2015 – 260 с.
9. Усманов, Д. И. Неравенство социально-экономического развития регионов России [Текст] / Д. И. Усманов // European Social Science Journal = Европейский журнал социальных наук. – 2014. – Т. 1, № 5. – С. 476-480.
10. Чумаков А.Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. № 2. – 2010. – С. 3-15
11. Analyzing Global Trends for Business and Society: Lectures by Mauro Guillén. Lauder Institute at the University of Pennsylvania. 2014.
12. Balassa B. The Theory of Economic Integration. 2011. New York: Routledge, 304 p.
13. Jovanović M.N. International Economic Integration: Monetary, fiscal and factor mobility issues. Taylor & Francis, 1998. XV
14. Supporting regional economic integration and cooperation / Deutsche Gesellschaft für Technische Zusammenarbeit (GTZ) GmbH; eds.: F. Jerosch, U. Höcker. Eschborn : Dt. GTZ, 2008. 23 p.
15. Tsvetkov V.A., Anosova L.A., Zoidov K.Kh., Bolshakov A.V. Russia's social and economic development: retrospect and prospect / By: Lin Yueqin, Zhou Wen. Annual Report on BRICS' Social-Economic Development (2011). – CHINA: Publisher: Social Sciences Academic Press. – P. 111-170.
16. Zoidov K.KH. Comparative analysis of transformation cycles of Russian economy with the classic cycle of EU market economy. European-Russian Economic Relations in Times of Global Challenges: proceedings of the International Scientific Conference (Kostroma, 19-20 May 2012). Moscow: Plekhanov Russian University of Economics, 2012 – (336p.) – P. 135 – 138.
17. Zoidov K. KH. Problems of analysis and regulation of cyclical fluctuations of the economic dynamics in the post-soviet countries. Russia in the XXI Century: Global Challenges and Perspectives for Development. Section 4 / Proceedings of the Second International Forum. Moscow, 12-13 November 2013: Ed. Academician N. Petrakov. - M.: Publishing Pero, 2013 - 1142 p. – P. 1081 – 1096.

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ В СФЕРЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Файзуллоев Машраб Курбоналиевич - доктор экономических наук, доцент, декан экономического факультета Российско-Таджикского (славянского) университета

Миралиев Киёмиддин Хурсандович - начальник управления научной-технической и патентной информации ГУ НПИЦентра Министерство экономического развития и торговли Республики Таджикистан

Файзуллозода Лочин Нусратулло - соискатель кафедры экономической теории Российско-Таджикского (славянского) университета

Аннотация: в докладе анализируются проблемы подготовки научно-исследовательских кадров высшей квалификации в целях перехода национальной экономики на инновационный тип развития. С учетом анализа тенденций развития научно-технических и исследовательских сфер, развития университетского образования и совершенствования системы аттестации научных кадров делается вывод о необходимости системных изменений в подготовке научных кадров, учитывающих современные тенденции подготовки научно-технических специалистов. Проанализирована кадровая составляющая научно-образовательной сферы республики. Кроме того, отмечается необходимость развития интеграционных форм, объединяющих потенциал образовательных и производственных структур, формирования эффективных экономических отношений между предприятиями и академиями и вузами, повышение роли государства в кадровом обеспечении инновационной экономики.

Современный передовой опыт индустриально развитых стран показывает, что для устойчивого долгосрочного экономического развития необходимо его осуществление путём инновационного развития. Поэтому высококвалифицированным специалистам в сфере инновационной деятельности необходимо уметь организовать инновационную деятельность в цепочке, а именно: анализ рынка – научный поиск – опытно-конструкторские разработки – разработка промышленных образцов – технологический дизайн – выпуск продукта на рынок.

Мировой опыт показывает, что существует два метода подготовки кадров для инновационной деятельности. Первый – подготовка управленцев, способных руководить инновационными процессами по разным направлениям. Второй – подготовка инновационных менеджера, маркетологов и аналитиков.

Подготовка современных высококвалифицированных кадров является важной составляющей стратегии устойчивого развития национальной экономики, основанного на реализации национальной инновационной политики. Переход от экономики технологий к экономике знаний требует подготовки соответствующих инновационно - ориентированных специалистов, в первую очередь, для реального сектора экономики. Это относится не только к выпускникам вузов, но и к работающим специалистам для обеспечения принципа непрерывности обучения в период трудовой деятельности.

В связи с этим необходимо произвести ряд таких мероприятий, как расчеты возможностей учебных заведений по подготовке специалистов в разрезе специальностей и уровней подготовки, организация подготовки

специалистов всех уровней профессионального образования: начального, среднего и высшего, создание на базе вузов или производств системы переподготовки кадров по новым инновационным направлениям совершенствования производства и коммерциализации конкурентоспособных изделий и услуг. [5, с.109]

Согласно нормативно-правовым актам [3] государственная регистрация диссертации и авторефераты, защищенных гражданами Таджикистана на соискание ученой степени доктора и кандидата наук не зависимо от страны, где проходила защита, возложена на Государственное учреждение “Национальный патентно-информационный центр”. Динамика защиты кандидатских и докторских диссертаций в 2010-2015 годах изображена на *рис. 1*.

Важным моментом в подготовке инновационно-ориентированных специалистов является участие университетов в выполнении научных исследований в рамках государственных и международных программ различного уровня. И здесь необходимо отметить важность сотрудничества с родственными институтами Академии наук, с целью объединения совместных усилий. Необходимо уделять большое внимание привлечению к образовательному процессу ведущих ученых и научных сотрудников Академии наук, отраслевых академий и промышленных предприятий. Для решения вопросов совершенствования подготовки специалистов (студентов, аспирантов, докторантов) по приоритетным направлениям фундаментальных и прикладных научных исследований необходимо создавать такие совместные научно-образовательные структуры, как межведомственные научно-инновационные и образовательные центры.

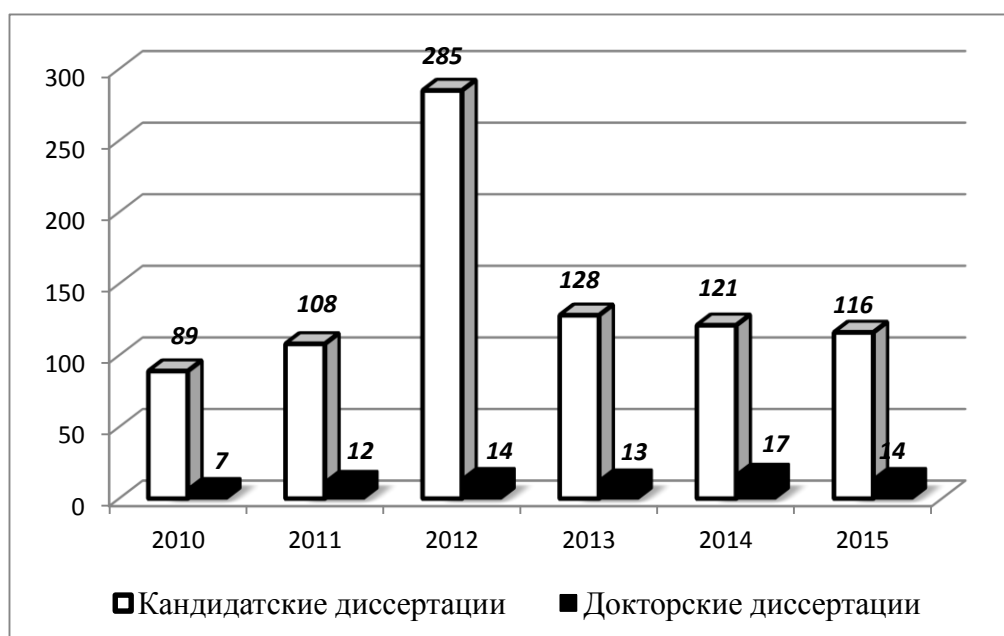

Рис. 1. Динамика защиты кандидатских и докторских диссертаций в 2010-2015 гг.

Для эффективного их использования, необходимо совершенствовать нормативно-законодательную базу с точки зрения возможности формирования учебно-научно-инновационных подразделений двойного, а может и тройного, подчинения (например, между институтами АН и вузами или заводами, а также вуз - академия наук - завод). В таких объединенных подразделениях можно было бы выполнять совместные крупные комплексные проекты в интересах реального сектора экономики, а источниками финансирования таких исследований могли бы стать средства созданных отраслевых инновационных фондов[5, с.111]

Анализ государственной регистрации в 2010-2015 гг. кандидатских и докторских диссертаций показывает, что в этот период 924 соискателя защитили свои кандидатские или докторские диссертации в диссертационных советах страны. В эти годы в республике больше всего кадров подготовлено по специальностям: педагогические науки – 291 (21 докторов), филологические науки – 219 (21 докторов), медицинские науки – 166 (11 докторов), экономические науки – 53 (2 доктора), сельскохозяйственные науки – 36 (4 доктора), химические науки -30 (3 доктора), философские науки – 25 (6 докторов). Динамика защиты диссертаций по научным специальностям изображена на *рис. 2*.

Из анализа защиты диссертаций видно, что с 2010 по 2015 годы в республике не были защищены диссертации по специальностям: геология и минералогия, технические науки, география, фармацевтика, ветеринария, искусствоведение, архитектура, культурология, социология и психология. До сих пор в республике не открыты Диссертационные советы по вышеназванным отраслям.

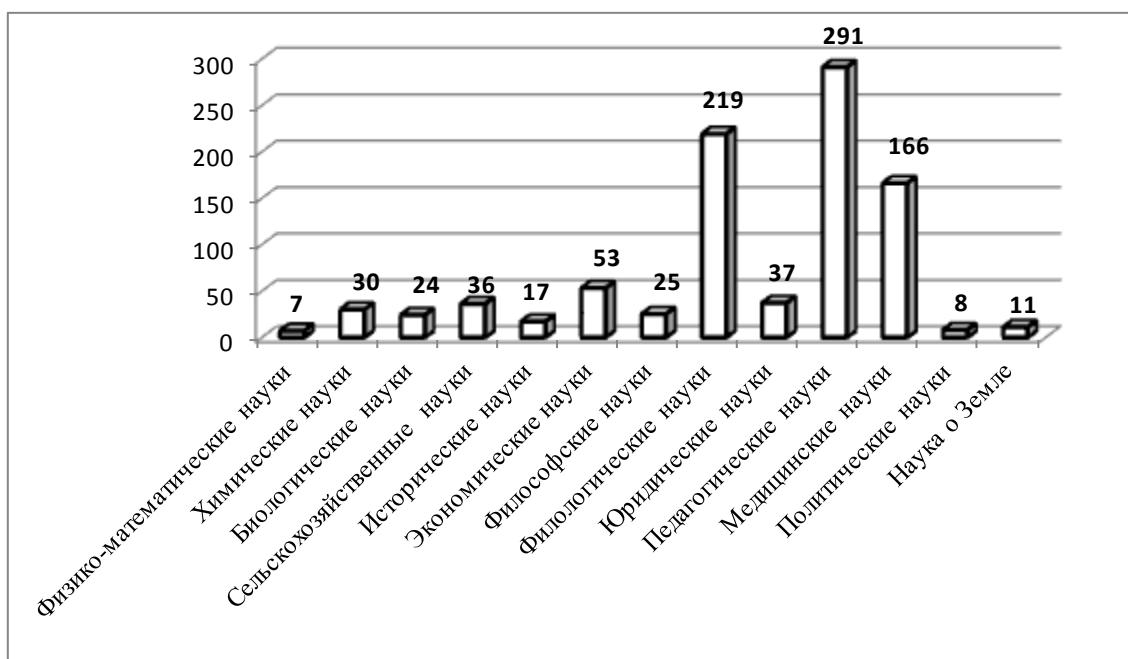

Рис. 2. Динамика защиты диссертаций в 2010-2015 годах по научным специальностям.

В Таджикистане проблема интеграции науки и высшего образования определяется исторически сложившимся разделением высшего образования, отраслевых НИИ и фундаментальной науки, сосредоточенной по преимуществу в системе Академии наук республики. Участие вузов в научных исследованиях должно жестче учитываться при их государственной аккредитации и периодически проводимой аттестации, способствовать развитию инфраструктуры научно-исследовательской деятельности. На развитие инфраструктуры университетской системы подготовки кадров высшей квалификации оказывает влияние целый ряд внешних и внутренних факторов - развитие глобального инновационного общества и возрастание роли образования в нем, государственная политика в области науки и технологий, развитие науки в современном мире, развитие высшего, в частности, университетского образования. К важнейшим внешним факторам, характеризующим особенности научно-исследовательской деятельности университета, относятся государственные решения, которые определяют комплекс мероприятий республиканского масштаба по превращению вузовской науки в мощный инновационный ресурс развития научного потенциала республики и системы образования [5,с.113].

В последние годы в Российской Федерации подвергается общественной критике деятельность диссертационных советов. Одна из причин заключается в большом количестве лиц, защитивших кандидатские и докторские диссертации. Анализы показывают, что наблюдается рост защиты диссертаций.

В 1989 в Советском Союзе количество людей, получивших степень кандидата и доктора наук составило 33734 (4193 докторов и 29541 кандидатов наук). Анализы показывают, что в 1995 году это количество уменьшилось почти в два раза. Однако, с 1996 года количество защищенных диссертаций начало расти и в 2006 году достигло своего максимума – 34613 человек. Наравне с этим, быстро увеличивалось и количество диссертационных советов, в 2011 году их число достигло 3377 [2,с.30-31]. В эти годы в республике действовало всего 48 диссертационных советов. В 2010-2014 годах три диссертационного совета страны попали в список 50 диссертационных советов, в которых было защищено больше диссертаций [6].

Таблица 1

Диссертационные советы республики, в которых защищено больше диссертаций

№	Шифр диссертационных советов	Название организации	Общее количество диссертаций	Докторские	Кандидатские
1.	Д 737.004.03	Таджикский национальный университет	152	12	140
	10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (литература народов Европы, Америки и Австралии) (филологические)		68	6	62
	10.02.22 – Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (стран Азии и Африки) (филологические науки)		59	6	53
	10.01.10 – Журналистика (филологические,		25	0	25

	политические)				
2.	Д737.001.01.	Государственный педагогический университет имени С. Айни	111	5	106
	13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)		111	5	106
3.	Д 047.016.01.	Академия образования Таджикистана	133	11	122
	13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)		116	10	106
	13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (русский язык как иностранный, иностранные языки) (педагогические науки)		17	1	16

Отраслевая структура научных кадров должна соответствовать важным задачам экономического и научно-технологического развития страны (рис.3). Сложно анализировать отраслевую структуру защищенных диссертаций в период независимости, относятся ли они к важнейшим проблемам того периода или нет. Сопоставление данных сведений затруднительно.

Таким образом, в 2010-2015 годах среди защищенных диссертаций больший удельный вес – 70,4 % получают диссертации по общественным наукам. Затем больше диссертаций защищено в области медицины – 17,9 %, естественные и точных наук – 7,8 %. Относительно мало диссертаций защищено по сельскохозяйственным наукам – 3,9 %. В 2012 году по сравнению с 2010 годом защита диссертаций по общественным наукам в 3,4 раза выше, по естественным и точным наукам в 1,8 раза. В последние годы также защищены диссертации по научным специальностям наука о Земле.

Рис. 3. Отраслевая структура защищенных диссертаций в 2010-2015гг.

Рычагом формирования отраслевой структуры диссертаций, в том числе считается кадровый потенциал диссертационных советов. Анализ показал, что в период независимости ни в одном из высших учебных заведений Республики Таджикистан не открыт диссертационный совет по техническим наукам. В последние годы в институте математики Академии наук Республики Таджикистан стал функционировать Диссертационный совет с шифром 05.13.18-01 по научной специальности “Математическое моделирование, численные методы и комплексы программ”. До сих пор ни одна диссертация из этого совета не зарегистрирована в Государственном учреждении “Национальный патентно-информационный центр”.

Конечно, в республике немало кандидатов и докторов технических наук. Все эти ученые поехали в Российскую Федерацию для того, чтобы там защитить свои диссертации, что потребовало больших затрат в том числе, в 2013 году граждане Республики Таджикистан защитили свои диссертации в диссертационных советах Российской Федерации и Республики Кыргызстан. По полученным сведениям 9 соискателей из Таджикского технического университета, 8 соискателя из Национального университета Таджикистана и 1 соискатель из Государственного медицинского университета Таджикистана защитили диссертации по специальностям: технические науки, архитектура, психология, экономика, история и медицина.

В 2010-2015 годах в среднем защищены диссертации по 32 научным специальностям, что составляет 8% от номенклатуры специальностей научных работников Высшей Аттестационной Комиссии Российской Федерации. В сравнении с рядом стран СНГ: защита диссертаций в 2010 году составляла в Российской Федерации – 96,2%, Украина – 65,6%, Белоруссия – 65,6%, Республика Казахстан – 54,5%, Молдавия – 16,5%.

Для реализации задачи подготовки кадров для инновационной деятельности Министерству экономического развития и торговли, Министерству образования и науки и Академии наук Республики Таджикистан, республиканским органам государственного управления и другим заинтересованным следует: разработать методологию прогнозных характеристик перспективной потребности в научных кадрах и специалистах, занятых в реализации приоритетных направлений создания и развития новых и высоких технологий в Республике Таджикистан. Государственная политика в области научно-технических кадров должна исходить из необходимости обеспечения приоритетного развития ведущих отраслей фундаментальной и прикладной науки, от которых в наибольшей мере зависит решающие сдвиги в национальной экономике, переход на инновационный путь развития; ускорить создание государственных межотраслевых научно-исследовательских и учебно-методических центров по приоритетным направлениям науки и технологий. Основными задачами этих центров должны стать: развитие соответствующих научно-технических направлений, разработка новых технологий, переподготовка и повышение квалификации руководящих кадров и руководителей промышленных предприятий по инновационному менеджменту,

содействие отраслевым министерствам и ведомствам во внедрении новых и высоких технологий; совершенствование системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации научных кадров и специалистов инновационного менеджмента путем создания государственных и коммерческих образовательных и кафедр по подготовке и переподготовке специалистов в области инновационного менеджмента и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности в сфере науки; предусмотреть организацию в вузах разветвленной системы подготовки специалистов в области инновационной деятельности, инновационного менеджмента, трансфера и коммерциализации технологий, теории и практики правовой охраны и использования интеллектуальной собственности, управления инновационными проектами, для чего предусмотреть соответствующий курс в учебных программах высших учебных заведений; предусмотреть создание в Институте повышения квалификации государственных служащих постоянно действующего курса переподготовки и повышения квалификации руководящих научных кадров по инновационному менеджменту и стратегическому управлению; внести инновационную деятельность в типовой устав вуза в качестве одного из основных уставной деятельности организации.[4,с.246-247]

В настоящее время республику постигло социальное неравенство, в том числе неравенство рынка труда и образовательных услуг (образование). Причина этого противостояния заключается в коммерциализации высшего образования и негосударственных высших профессиональных заведений.

Таким образом, для перехода на инновационный путь развития необходима подготовка высококвалифицированных специалистов в области инновационной деятельности. При совершенствовании современной системы подготовки специалистов в области инновационной деятельности целесообразно введение в высших профессиональных учебных заведениях специальности в области инновационной деятельности. Высшие профессиональные учебные заведения должны готовить специалистов, имеющих знания и профессиональные навыки по освоению основ экономической сферы инновационного предпринимательства, руководству программами коммерциализации технологий, технологического и инновационного менеджмента, теории и практики охраны прав интеллектуальной собственности. Прежде всего, в республике необходимо провести мониторинг востребованности кадров в направлении инновационной деятельности. Целесообразно, с учетом востребованности, внести перечень специальностей подготовки кадров в перспективу инновационного развития страны.

Список литературы:

1. Аналитический доклад «Обзор сети диссертационных советов в 2014г» С. 75-80.
2. Пахомов С.И., Гуртов В.А., Щёголева Л.В. Диссертационный совет как зеркало российской науки// Вестник Российской академии наук, 2013 том 83, №12. -С.26-33.
3. Постановление Правительства Республики Таджикистан №532 от 5 декабря 2003 года «О поддержке формирования, использования и защиты национальных информационных ресурсов Республики Таджикистан».

4. Файзуллоев М. К. Основы формирования национальной инновационной системы. Монография: Душанбе: Ирфон, 2015. - 354 с.
5. Файзуллоев М. К. Проблемы кадрового обеспечения инновационного развития экономики // Вестник ТНУ 2014. №2/11(155). - С.108-114.
6. Фонд кандидатских и докторских диссертаций ГУ НПИЦентра.

СИСТЕМА ФИКСИРОВАННЫХ ВАЛЮТНЫХ КУРСОВ¹⁶³

Шагалов Григорий Лазаревич - д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института проблем рынка РАН

Из экономической истории известно, что фиксированные валютные курсы были наиболее характерны для периода золотого стандарта, а также послевоенной Бреттон - Вудской валютной системы [1-12].

Система золотого стандарта юридически была оформлена межгосударственным соглашением на Парижской конференции 1867 г. Это соглашение признало золото единственной формой мировых денег. Система просуществовала относительно долго - до 1914 года. Первая мировая война, приведшая к расстройству финансов ведущих европейских стран привела к прекращению существования системы золотого стандарта. После некоторого периода валютного беспорядка, последовавшего после окончания Первой мировой войны, возникла мировая валютная система, основанная как на золоте, так и на ведущих валютах, конвертируемых в золото, т.е. система базировавшаяся на золото-девизном стандарте.

Юридическое оформление новой валютной системы произошло на экономической конференции в Женеве в 1922 г. Однако, система просуществовала недолго – до 1936 г. [1].

В рамках системы золотого стандарта ценность национальных валют фиксировалась в золоте. Через золото устанавливались фиксированные обменные курсы в отношениях между валютами отдельных стран. В созданной после Второй мировой войны Бреттон-Вудской мировой валютной системе (1944 - 1973) также использовалась система фиксированных валютных курсов. Эта валютная система базировалась на долларе США, ценность которого была зафиксирована по отношению к золоту. В свою очередь, другие национальные валюты имели фиксированные валютные курсы по отношению к доллару.

На смену Бреттон-Вудской системе пришла Ямайская валютная система, которая действует до сего времени. И хотя в новой мировой валютной системе ведущие мировые валюты (доллар США, японская иена, фунт стерлинга и др.), а также валюты многих других стран плавают, тем не менее, фиксированные валютные курсы, разной модификации используется в значительном числе стран. В начале функционирования Ямайской валютной системы, фиксированные валютные курсы были преобладающими. Например, в 1975 г.,

¹⁶³ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 15-06-09305 а).

по нашим расчетам, они составляли 90 % от всех использовавшихся валютных курсов в мире (соответственно 10% приходилось на страны с плавающими курсами). Впоследствии фиксированные курсы сдали свои доминирующие позиции. В последние годы все более заметное место в мировой валютной системе занимают курсы, которые мы относим к третьей группе, так называемые промежуточные режимы валютных курсов. По данным Международного Валютного Фонда, в 2000 г. на долю фиксированных курсов приходилось 74 %. А в середине 2000 годов 55 % стран использовали режим фиксированного валютного курса. Можно сказать, что наблюдается определенная тенденция к снижению числа стран, применяющих фиксированные валютные курсы. И, наоборот, растет число государств, предпочитающих плавающий валютный курс.

В режиме фиксированных валютных курсов ценность национальной валюты фиксируется либо в золоте (система золотого стандарта), либо иной национальной валюте (современная валютная система). В качестве валют, в которых фиксируется курс той или иной национальной валюты обычно выступает твердая валюта, эмитируемая ведущими промышленно развитыми странами (доллар США, фунт стерлингов, французский франк, немецкая марка, иена).

Обычно при введении фиксированного курса, предполагается, что он будет неизменным в течение достаточно длительного промежутка времени. Однако на практике допускается небольшие колебания вокруг выбранного фиксированного курса. В Бреттон-Вудской валютной системе первоначально допускалось колебания валютного курса по отношению к доллару США в пределах $\pm 1\%$. В последний период функционирования послевоенной мировой валютной системы, разрешенный диапазон амплитуды колебаний был расширен до $\pm 2,25\%$.

Если устанавливается фиксированный курс, то Центральный Банк страны должен иметь достаточные международные резервы для того, чтобы осуществлять торговлю валютой по фиксированному курсу с агентами валютного рынка. Если, допустим, Банк Франции зафиксировал курс доллара США к французскому франку как 6 франков за доллар он должен быть готов к покупке франков по этому курсу за счет имеющихся у него долларовых ресурсов. При этом объем закупок франков диктуемой рыночной конъюнктурой, может быть любым. Банк также должен быть готов и к покупке любого количества долларовых активов, которые могут предлагаться на валютном рынке к продаже за франки по установленному обменному курсу. В том случае, если Центральный Банк окажется не способным путем интервенций на валютном рынке ликвидировать избыточное предложение франков или спрос на них, то придется изменять валютный курс.

Следует отметить, что при использовании фиксированного курса страна не имеет возможностей использовать денежно-кредитную политику как эффективный инструмент макроэкономического регулирования. Теоретически рассуждая, например, если в условиях режима фиксированного курса

Центральный Банк задумает увеличить предложение денег в целях стимулирования национальной экономики это создаст угрозу обесценивания национальной валюты, чего нельзя допустить, поскольку принят фиксированный курс. В подобной ситуации Центральный Банк будет вынужден стерилизовать возникшее дополнительное предложение денег путем продажи иностранных активов. Национальные деньги, полученные за проданные иностранные активы, попадут в сейфы Центрального Банка, т.е. будут изъяты из обращения. В результате восстановится прежнее равновесие на денежном рынке и попытка увеличить предложение денег окажется безрезультатной.

Именно поэтому в теории валютного курса обосновывается положение о том, что денежно-кредитная экспансия при режиме фиксированного валютного курса является неэффективной

Если рассматривать более широко область монетарной политики, то в условиях фиксированного валютного курса правительство может прибегнуть только к использованию одной возможности – изменить уровень фиксированного курса, т.е. провести девальвацию национальных денег.

Однако при фиксированных курсах стимулировать совокупный спрос и развитие национальной экономики можно с помощью экспансионистской налогово-бюджетной политики (путем либо снижения налогообложения, либо увеличения государственных расходов). Механизм воздействия активной фискальной политики на экономику при фиксированном режиме валютного курса заключается в следующем: налогово-бюджетная экспансия через механизм мультипликатора вызовет увеличение объема производства и повысит спрос на деньги, что в свою очередь, приведет к росту внутренней процентной ставки. В результате возникнут условия для удорожания национальной валюты. Чтобы помешать публичному спросу на деньги, повышению внутренней процентной ставки и удорожанию отечественной валюты Центральный Банк вынужден будет скупать иностранные активы, что приведет к увеличению предложения денег. Интервенция Центрального Банка удерживает валютный курс на прежнем уровне. В результате активная фискальная политика при режиме фиксированного валютного курса увеличивает объем выпуска при сохранении неизменности курса национальной валюты.

В системе фиксированных курсов обычно осуществляется привязка национальной валюты к резервной валюте.

В рамках Бреттон-Вудской валютной системы курс национальной валюты подавляющего числа стран привязывается к доллару США. Исключение составляют страны зоны фунта стерлингов и зоны франка.

В пришедшей на смену послевоенной валютной системе – Ямайской – курс национальных валют по наибольшему числу стран приравнивался к доллару. Кроме того привязка осуществлялась к французскому франку, английскому фунту стерлингов и немецкой марке.

Особенность фиксированного валютного курса, устанавливаемого путем привязки национальной валюты к выбранной резервной валюте заключается в

том, что страна, зафиксировавшая свой курс, как бы импортирует уровень инфляции и норму процента из страны с резервной валютой. В определенных ситуациях это может создавать проблемы для развития национальной экономики.

Однако существенным достоинством фиксации курса национальной валюты по отношению к резервной валюте является то, что в страну переносится уровень инфляции из центра резервной валюты. Поскольку уровень инфляции в развитых странах, как правило, достаточно низкий это приводит сначала к подавлению, а затем к поддержанию стабильно низкого уровня инфляции в стране, которая привязывает свою национальную валюту к резервной.

Например, в 1990-х ряд стран, имевших высокую инфляцию, привязав свою валюту к сильным валютам промышленно развитых стран, сумели достаточно быстро подавить инфляцию.

Однако не во всех случаях фиксированный курс обеспечивает благоприятные показатели национальной инфляции. Следует отметить, что характерная особенность Бреттон-Вудской системы фиксированных валютных курсов, приводившая к импорту инфляции из центра резервной экономики (США) в конечном итоге явилась причиной краха этой системы. Известно, что сверх экспансионистская бюджетная политика, проводившаяся США в конце 1960^х гг. подстегивала инфляцию в Америке, которая "переливалась" в другие страны, порождая у них естественное желание, прекратить "импорт" инфляции.

Серия последовавших за этим международных валютных кризисов, начиная с весны 1971 г. постепенно привела к ликвидации послевоенной мировой валютной системы. Например, 4 мая 1971 г. Бундесбанк вынужден был купить 1 млрд. долларов США, а на утро 5 мая Бундесбанк купил еще 1 млрд. долларов США всего лишь за первый час торговли иностранной валютой. На этом Бундесбанк поставил точку и дал своей валюте свободно плавать.

Наиболее последовательной формой фиксации валютного курса в современных условиях является жесткая привязка национальной валюты к резервной валюте в рамках так называемой системы валютного управления (совета), по-английски – currency board. На анализе этой системы мы остановимся ниже.

Прежде чем мы перейдем к анализу системы валютного совета, укажем, что к режиму фиксированных валютных курсов относятся (по классификации МВФ) следующие виды валютных курсов:

- система жесткой привязки в рамках валютного совета (или валютного управления);
- системы, предусматривающие привязку национальной валюты к одной или нескольким валютам (привязка валюты к корзине валют);
- система привязки в рамках валютного союза;

Система валютного совета использовалась в отдельные периоды более, чем в семидесяти странах мира. Однако в настоящее время она применяется лишь в нескольких государствах.

Сущность системы валютного совета хорошо изучена лишь ограниченным числом специалистов в нашей стране. Поэтому рассмотрим ее достаточно подробно.

Валютный совет – монетарная организация, которая выпускает банкноты и монеты, полностью обеспеченные иностранной резервной валютой и конвертируемые в резервную валюту по фиксированному курсу по первому требованию. В качестве резервной валюты обычно используется свободно конвертируемая валюта промышленно развитых стран мира (например, доллар). В валютном совете резервы обычно составляют 100% или немногим более от банкнот и монет, находящихся в обращении. Характерно, что данное соотношение денег в обращении и золотовалютных резервов закрепляется законом. В системе валютного совета резервы формируются за счет надежных, приносящих процент ценных бумаг, номинированных в резервной валюте. Валютный совет получает прибыль на разнице от доходов на имеющиеся у него ценные бумаги, выраженные в резервной валюте, и расходами на поддержание денежного обращения. Совет переводит правительству прибыль, превышающую его расходы, и поддерживает собственные резервы на уровне, утвержденном законом.

Отличительной чертой валютного совета является то, что он, собственно, не контролирует количество денег в обращении. Количество денег в обращении, общий объем предложения денег определяется исключительно рыночными факторами.

Следует иметь в виду, что валютный совет представляет собой лишь часть денежной системы страны. Кроме него действуют также коммерческие банки и финансовые институты. Таким образом, денежно-кредитная система валютного совета в целом складывается из: а) собственно валютного совета; б) коммерческих банков и других финансовых организаций.

Система валютного совета базируется на определенных правилах поведения и взаимоотношений между самим валютным советом, вышеназванными организациями и правительством, касающихся валютного курса, конвертируемости национальной валюты, государственных финансов и т.п.

Отличительной чертой типичного (классического) валютного совета является полная конвертируемость национальной валюты, как по текущим, так и капитальным операциям. Он обменивает национальные банкноты и монеты на резервную валюту по установленному курсу без каких-либо ограничений. И, наоборот, резервная валюта может быть также без ограничений обменена на деньги, эмитированные валютным советом.

Здесь легко можно обнаружить отличие от денежной системы, опирающейся на центральный банк. В системе центрального банка обычно используется “привязка” национальной валюты (фиксированный курс) или плавающий валютный курс. “Привязанный” курс национальной валюты, как правило, может быть постоянным по отношению к избранной валюте в течение

определенного времени, однако, он не дает долгосрочных гарантий сохранения неизменного курса национальной валюты.

В стандартной системе центрального банка, как известно, нет стопроцентного обеспечения его обязательств валютными резервами. В системе центрального банка обычно отсутствует требование держать определенное соотношение между валютными резервами и обязательствами.

Важнейшим отличием центрального банка от валютного совета является то, что ЦБ держит не только иностранные, но и отечественные активы. Среди отечественных активов наибольшую роль играют государственные ценные бумаги. Когда центральный банк покупает отечественные ценные бумаги, он увеличивает денежную базу.

В отличие от центрального банка классический валютный совет не играет сколько-нибудь активной роли в определении денежной базы. Зафиксированный обменный курс по отношению к резервной валюте и зафиксированное отношение к резервной валюте в 100% (или немногим более) процентов не позволяет валютному совету увеличивать или уменьшать денежную базу по своему усмотрению. Классический валютный совет не может также воздействовать на изменение отношения между денежной базой и денежной массой, накладывая резервные требования на коммерческие банки.

Центральный банк, наоборот, по своей инициативе имеет возможность увеличивать или уменьшать денежную базу. Так, например, он может предоставить кредиты коммерческим банкам, создавая резервы для них, даже в том случае, если его золотовалютные резервы сокращаются. Увеличение резервов позволяет коммерческим банкам предоставлять средства заемщикам. Таким образом, предложение денег и денежная масса возрастают.

Увеличение денежной массы может связываться с увеличением валютных резервов страны. В принципе, это требует достижения активного сальдо платежного баланса.

Увеличение положительного сальдо платежного баланса в конечном итоге ведет к увеличению денежной массы. В то же время дефицит платежного баланса приводит к уменьшению денежной массы.

Рассмотрим механизм воздействия положительного сальдо платежного баланса на денежную массу в стране, применяющей систему валютного совета. (В рассуждении мы полагаем, что счет по движению капиталов равен нулю и страна имеет положительное сальдо по текущим операциям).

Допустим, что первоначально экспорт товаров и услуг равен импорту. Это означает, что страна имеет нулевое сальдо по текущим операциям. Предположим далее, что образовалось положительное сальдо по текущим операциям. Результатом этого является увеличение резервов коммерческих банков, что ведет к снижению процента и росту доходов. В свою очередь, данные изменения ведут к увеличению спроса на товары и услуги.

Увеличение общего спроса на товары и услуги и рост цен на отечественные товары способствует росту импорта и уменьшению экспорта.

Вследствие этого активное сальдо сокращается, и баланс по текущим операциям в конечном итоге сводится к нулю и возвращается в состояние нового равновесия. Посмотрим теперь, как влияет отрицательное сальдо текущего баланса на денежные агрегаты. Допустим, что в первоначальном состоянии страна имеет нулевое сальдо платежного баланса. Затем возникает отрицательное сальдо по текущим операциям. Результатом этого является снижение резервов коммерческих банков, сокращение объемов предоставленных кредитов, рост нормы процента и уменьшение доходов. Спрос на товары и услуги сокращается, что ведет к снижению цен на отечественные товары. Спрос на импортные товары уменьшается, а на экспортируемые страной товары возрастает. Это ведет к снижению пассива платежного баланса по текущим операциям, который в конечном итоге балансируется.

Описанный выше механизм изменения денежной массы в зависимости от меняющихся обстоятельств, базируется на взаимодействии таких параметров как сальдо платежного баланса, изменение в предложении денег, норма процента и цен. Следует подчеркнуть, что курс национальной валюты при этом остается неизменным.

Описанное выше взаимодействие между балансом по текущим операциям и предложением денег может быть изменено под влиянием движения иностранных инвестиций, которые отражаются в разделе платежного баланса, характеризующего движение капитала. Приток иностранного капитала, например, может уравновесить дефицит баланса по текущим операциям и даже превзойти его. В результате и при отрицательном сальдо по текущим операциям может наблюдаться увеличение денежной массы. Подобная ситуация наблюдалась в ряде стран, использовавших систему валютного совета.

Таким образом, классический валютный совет не может осуществлять денежную политику по своему выбору, поскольку фиксированный валютный курс к резервной валюте и фиксированный объем резервов (100 процентов или немногим больше) не оставляет свободы для маневра.

Характерной чертой валютного совета является то, что он не регулирует деятельность коммерческих банков. В классическом валютном совете последний не выступает по отношению к коммерческим банкам в качестве кредитора последней инстанции.

Главной задачей центрального банка является стабилизация цен и создание условий для экономического развития путем управления такими инструментами денежной политики как денежная база, денежная масса, резервные требования, ставка рефинансирования. В отличие от валютного совета центральный банк обычно проводит активную денежную политику. При этом, как правило, центральный банк действует по своему усмотрению. Центральный банк регулирует деятельность коммерческих банков, выступает как их кредитор последней инстанции. Характерной чертой монетарной системы с ЦБ являются обязательные резервы коммерческих банков, хранимые

в национальном банке. Центральный банк также устанавливает обязательные для КБ экономические нормативы (минимальный размер уставного капитала, нормативы ликвидности, нормативы рисков, максимальный размер кредитов и т.п.). Он также участвует в развитии системы платежей и расчетов, может предлагать правительству собственные рецепты экономического развития. Эти функции, однако, вторичны по отношению к его основной функции, связанной с формированием денежной базы и денежной массы. При этом формирование важнейших денежных агрегатов находится практически в полной компетенции центрального банка.

Выше было показано, что причиной, например, увеличения денежного предложения в системе валютного совета является независимое от воли последнего действие рыночных сил. Так, исходным пунктом увеличения денежной массы выступало уменьшение спроса на импортируемые товары и расширение спроса на отечественные товары со стороны мирового рынка, т.е. расширение экспорта страны. Важно подчеркнуть, что изменения спроса на импортируемые и экспортируемые товары порождены желаниями и действиями агентов рыночной экономики. И в этом смысле они носят объективный характер.

Напротив, в системе Центрального банка исходным пунктом увеличения денежного предложения может служить сознательное решение центрального банка увеличить денежную базу. Такое решение может быть связано, например, с необходимостью финансирования дефицита государственного бюджета. При этом масштабы подобного финансирования не могут быть четко обоснованы, и подобные решения во многом носят субъективный характер.

В отличие от системы валютного совета, где валютный курс зафиксирован, в модели денежно-кредитного регулирования, опирающейся на центральный банк, принимаемое ЦБ решение увеличить денежную базу в конечном итоге может привести к изменению валютного курса национальной валюты. Так, например, если в стране применяется плавающий валютный курс, то увеличение денежной базы может привести к девальвации национальной валюты. При привязке курса национальной денежной единицы к определенной валюте (например, к доллару) расширение денежной базы в краткосрочном периоде может привести к временному увеличению реальной стоимости национальной валюты и снижению экспорта. Последнее обстоятельство может побудить денежные власти и правительство провести девальвацию национальной валюты.

Обратим внимание еще на одну характерную черту классического валютного совета. Данная система исключает возможность прямого или косвенного кредитования правительства со стороны совета. Это обычно действует оздоравливающим образом на государственные финансы. Правительство в большей мере, чем в системе центрального банка, вынуждено стремиться к балансированию доходов и расходов государственного бюджета.

Плавающие валютные курсы. В марте 1973 г. Япония и большинство европейских стран отказались от фиксированных курсов, валюта этих стран

стала колебаться по отношению к доллару. Это означало конец эпохи фиксированных курсов.

Режим плавающих валютных курсов имеет ряд характерных особенностей.

Как отмечалось выше, в условиях использования фиксированных валютных курсов страны практически не имели возможностей использовать денежно-кредитную политику в целях изменения макроэкономической ситуации и достижения внутреннего и внешнего равновесия. Отказ от системы фиксированных курсов позволяет центральным банкам по своему усмотрению регулировать денежное обращение страны посредством определенных рычагов денежно-кредитной политики.

Например, если в условиях действия фиксированных курсов центральный банк вознамерится расширить денежное предложение для борьбы с безработицей, он, в конечном итоге во избежание девальвации национальной валюты будет восстанавливать прежний уровень денежного кредитования путем продажи на валютном рынке официальных иностранных резервов. Иначе складывается ситуация при режиме плавающих курсов.

Если, допустим, для борьбы с увеличивающейся безработицей центральный банк решит расширить предложение денег, он сможет это сделать, не опасаясь обесценения национальной валюты и не боясь нарушить существующие международные соглашения.

Денежная экспансия, инициированная центральным банком, приведет к обесценению национальной валюты, повысит конкурентоспособность национальных товаров и расширит зарубежный спрос на них. В результате безработица будет снижена и поставленная цель достигнута.

Можно рассмотреть принципиально иную ситуацию, когда в стране намечается перегрев экономики. В этом случае, при плавающих курсах центральный банк также имеет возможность активно использовать инструменты денежно-кредитной политики. Для того, чтобы "охладить" экономику он может пойти на ограничение денежного предложения не тревожась, о том, что повысившаяся норма процента вызовет приток иностранных резервов, что может вызвать удорожание национальной валюты.

Таким образом, в условиях режима плавающего валютного курса страна обретет возможность активно использовать такой мощный макроэкономический инструмент, каким является денежно-кредитная политика. Одной из первых работ, где было обосновано положение об эффективности денежно-кредитной политики является статья М. Флеминга "Внутренняя финансовая политика при фиксированных и плавающих обменных курсах" [2].

При плавающем валютном курсе страна может самостоятельно выбирать тот уровень инфляции, который она сочтет необходимым для обеспечения устойчивого роста и достижения внутреннего и внешнего равновесия. При фиксированном же курсе, как было показано выше, страна может оказаться вынужденной импортировать инфляцию, из-за рубежа и ограничена в проведении самостоятельной денежно-кредитной политики.

Понятно, что появляющаяся в условиях плавающих курсов возможность самостоятельной денежно-кредитной политики наряду с положительными моментами таит и определенные угрозы.

Неумелое пользование механизмами денежно-кредитной политики может привести к разворачиванию в стране инфляционных процессов, что чревато не только нарушением внутреннего и внешнего равновесия, но и социально-политическими осложнениями. Существовавшая в Бреттон-Вудской валютной системе дисциплина цен, предписываемая фиксированными курсами, при применении плавающих курсов исчезает [3].

Поэтому необходимо особо подчеркнуть, что использование режима плавающего курса предъявляет повышенные требования к монетарным властям в отношении обоснованности и качества денежно-кредитной политики. Значительную осмотрительность следует проявлять и в бюджетно-налоговой политике.

Следует отметить, что в то время, как денежно-кредитная политика в условиях плавающих курсов обладает высокой эффективностью, бюджетно-налоговая политика государства оказывается менее действенной.

Обратим внимание на тот факт, что Дж. Кейнс был сторонником эластичных паритетов валют, то есть - плавающих валютных курсов.

При системе плавающих курсов экспансионистская бюджетно-налоговая политика, хотя и оказывает определенное воздействие на расширение совокупного спроса, но поскольку она приводит к удорожанию национальной валюты и вызывает последующее сокращение экспорта, она тем самым противодействует непосредственному позитивному влиянию данной финансовой политики на совокупный спрос¹⁶⁴.

Определенным достоинством режима плавающих курсов является то, что они позволяют стране более успешно (чем при фиксированных курсах) приспособливаться к изменениям во внешней среде (внешним шокам).

Рассмотрим теперь ситуацию, когда сократился внешний спрос на экспортируемую страной продукцию. Это означает сокращение совокупного спроса на производимую страной продукцию. А если снижение спроса ведет к снижению производства, это понижает совокупный транзакционный спрос на деньги, что ведет к снижению процентной ставки. В результате происходит обесценение национальной валюты на международном валютном рынке. Вследствие корректировки валютного курса возникает так называемый эффект переключения расходов, означающий, что при новом значении валютного курса происходит изменение направления спроса: он переключается с импортной продукции на местную.

Подобное переключение расходов смягчает последствие внешнего шока – снижения спроса на национальную продукцию на мировом рынке. В результате

¹⁶⁴ Выводы об эффективности или неэффективности денежно-кредитной и денежно-налоговой политики в условиях действия различных режимов валютных курсов следуют из модели валютного курса Мандела-Флемминга.

снижения объема производства в стране может оказаться достаточно небольшим.

В условиях же применения фиксированного курса сокращение спроса на мировом рынке на экспортируемую страной продукцию падение производства будет более существенным. Дело в том, что согласно "правилам игры" принятым в Бреттон-Вудской валютной системе центральный банк будет стремиться предотвратить возможное обесценение валюты, которое происходит, как мы видим, при режиме плавающих курсов. Поэтому центральный банк, чтобы поддержать на неизменном уровне курс национальной валюты станет покупать отечественную валюту за иностранные активы.

Подобные действия центрального банка приведут к изменению предложения денег (сокращению), что приведет к уменьшению совокупного объема национального производства. Это сокращение в условиях фиксированных валютных курсов окажется более существенным, чем при режиме плавающего курса.

Таким образом, плавающие курсы в отличие от фиксированных выступают как автоматические стабилизаторы, смягчающие негативные воздействия внешних шоков на национальную экономику.

В случае применения плавающих курсов обесценение национальной валюты делает отечественные товары и услуги дешевле для иностранного покупателя и тем самым частично компенсирует первоначальное сокращение спроса. Кроме того, снижение курса национальной валюты, удорожая импорт, стимулирует отечественное производство замещающее импорт продукции.

Обесценение валюты не только минимизирует сокращение объема производства вследствие падения внешнего спроса, но и сокращает дефицит платежного баланса по текущим операциям, по сравнению с тем, который мог бы образоваться при использовании фиксированных курсов.

Обратим внимание на еще одну особенность функционирования плавающих курсов. Теоретически, если предположить полностью свободное плавание валютного курса в соответствии с изменяющимися внутренними и внешними экономическими условиями, то центральный банк оказывается свободным от необходимости проводить интервенцию на валютном рынке, что существенно снижает требования к величине официальных иностранных резервов. В условиях же фиксированных курсов центральный банк должен располагать значительными валютными резервами, поскольку с помощью интервенций он поддерживает неизменными курс национальной валюты. Наличие значительного "буферного запаса" валютных резервов – характерная черта Бреттон-Вудской системы. Однако необходимо отметить, что в современных условиях страны обычно практикуют использование не свободного плавания национальной валюты, когда центральный банк оказывается в роли пассивного наблюдателя за колебаниями курса отечественных денег, а так называемого грязного плавания (*dirty floating*-в англо-саксонской литературе). При "грязном плавании" центральный банк

внимательно следит за изменениями валютного курса, смягчает его колебания и корректирует его динамику с помощью валютных интервенций.

В современных условиях очень сложно, если вообще возможно, проводить политику полностью свободного колебания курса валют. И попытки придерживаться такой политики обычно носят временный характер. Например, в начале 1980-х годов администрация президента США Р. Рейгана первоначально проводила, по выражению одного эксперта, политику "святой простоты" по отношению к курсу доллара и отказывалась проводить валютные интервенции. Допустимость проведения интервенций признавались только для чрезвычайных условий. Американская администрация придерживалась точки зрения о том, что рынок способен наилучшим образом определить оптимальный курс доллара. Однако чрезмерное усиление доллара и усиление протекционистских требований заставили рейгановскую администрацию изменить свою позицию.

В сентябре 1985 г. официальные представители США и других стран-членов Группы пяти (G – 5) договорились о том, что они будут совместно проводить интервенции на международном валютном рынке с целью снижения стоимости доллара.

Соглашение, достигнутое в отеле Плаза означало признание американской администрации необходимости применения валютных интервенций для регулирования динамики курса доллара США.

Следовательно, и при плавающем курсе ("грязном плавании") центральный банк должен располагать определенными золотовалютными резервами. Но масштабы этих резервов могут быть менее значительными, чем при фиксированных курсах валют.

Список литературы:

1. Международные валютно-кредитные и финансовые отношения. Под ред. Красавиной Л.Н. 3-е изд., перераб. и доп. - М.: 2005. — 576 с.
2. Fleming M. Domestic financial policies under fixed and under floating exchange rates, IMF Staff Papers, 9(3), November, 1962.
3. Линдерт М. Экономика мирохозяйственных связей. - М. Прогресс, 1992. С. 346.
4. Шагалов Г.Л., Зоидов З.К. Национальные интересы России в развитии интеграционного сотрудничества с государствами СНГ и возможности его использования для модернизации // Региональные проблемы преобразования экономики, 2014. - № 11(49). – С. 215-224.
5. Шагалов Г.Л., Зоидов З.К. Экономическая природа международных валютных союзов XIX века // Региональные проблемы преобразования экономики, 2015. - № 2(52). - С. 88-96.
6. Шагалов Г.Л., Зоидов З.К. Особенности экономической природы международных валютных союзов XX Века. Часть I. // Региональные проблемы преобразования экономики, 2015. - № 6(56). - С. 71-81. - № 7(57). - С.67-73.
7. Шагалов Г.Л., Зоидов З.К. Развитие интеграционного сотрудничества России с государствами СНГ и возможности его использования для модернизации. Международная экономическая интеграция с участием российской федерации: опыт, проблемы, перспективы развития / Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 29-30 января 2015 г. / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. – М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2015. – 257 с. – С. 146-160.

8. Шагалов Г.Л., Зоидов З.К. Стратегия использования плавающего валютного курса в целях модернизации экономики. Стратегическое планирование и развитие предприятий. Секция 5 / Материалы Семнадцатого всероссийского симпозиума. Москва, 12-13 апреля 2016 г. Под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. – М.: ЦЭМИ РАН, 2016. – 182 с. - С. 177-179.
9. Шагалов Г.Л., Зоидов З.К. Вопросы развития интеграционного сотрудничества стран СНГ. Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития / Материалы Четвертого Международного форума. Москва, 20, 22 октября 2015 г. Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. – М.: ИПР РАН, 2015. – С. 277-286.
10. Шагалов Г.Л., Зоидов З.К. Возможности использования плавающего валютного курса в целях модернизации экономики. Формирование финансово-кредитных механизмов обеспечения стабильности и экономического роста с учетом перспектив развития интеграции в ЕАЭС / Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 25-26 февраля 2016 г. / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова – М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. – 294 с. - С. 52-54.
11. Зоидов З.К. Связь между цикличностью эволюционной динамики индекса потребительских цен и обменным курсом национальной валюты в странах постсоветского пространства. Формирование финансово-кредитных механизмов обеспечения стабильности и экономического роста с учетом перспектив развития интеграции в ЕАЭС / Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 25-26 февраля 2016 г. / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова – М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. – 294 с. - С. 54-71.
12. Шагалов Г.Л., Зоидов З.К. Экономическая природа Восточно-Карибского валютного союза. 25 лет СНГ: основные итоги, проблемы, перспективы развития / Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 29-30 июня 2016 г. / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова – М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. – 291 с. – С. 75-81.

ПЕРЕД ВЫБОРОМ: НАЛОГ НА ДОБЫЧУ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ ИЛИ ИЗЪЯТИЕ РЕНТЫ¹⁶⁵

Чернявский Сергей Владимирович - д.э.н., профессор, главный научный сотрудник
Института проблем рынка РАН

Чернявский Владимир Сергеевич - к.э.н., старший научный сотрудник Института
проблем рынка РАН

Вопрос о размерах горной ренты в добывающих отраслях имеет не только теоретическое, но и весьма важное практическое значение. «Попытки определить величину ренты в нефтяной промышленности наталкиваются на необходимость выявить основу и процесс формирования стоимости и ценообразования, структуру цены, без чего невозможно понять, где создается рента и кем присваивается» [16, с. 121].

Кроме этого, вопрос о размерах горной ренты «...представляет практический интерес, особенно в экономиках сырьевой направленности, при построении социально-экономических стратегий на средне- и долгосрочную перспективу. Правильное определение перспективных цен природных ресурсов

¹⁶⁵ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-06-00513 а).

позволяет компаниям объективно оценивать свое положение в условиях конкурентного рынка и формировать реальные стратегии развития своего бизнеса, а государству оценивать с более высокой степенью достоверности доходы и расходы при разработке долгосрочных программ социально-экономических преобразований» [10, с. 96]. Однако самым главным является то, что определение размеров горной ренты, как дохода, превышающего потребности добывающих предприятий в обеспечении расширенного воспроизводства, могут полностью изыматься собственником ресурса (недр) – государством. А это уже вопрос о доле участия государства в экономике [6, с. 252-265]. Таким образом, определение размеров горной ренты может явиться основой совершенствования системы налогообложения в сырьевых отраслях [3]. Сегодня в «...российском учете рентные доходы не выделяются. Трудности спецификации ренты заключаются в том, что она находится не только в различных доходах, но и расходах нефтяных компаний. Рентный доход может «растворяться» в этих двух категориях. Это явление, на наш взгляд, можно назвать диффузией ренты, по аналогии с известным физическим.

Диффузия ренты — это проникновение ее и слияние с различными экономическими составляющими доходов нефтегазовых компаний, формируемыми в процессе производства, распределения, обмена и потребления. Как же удастся им «прятать» рентную составляющую в своих доходах и расходах? Поскольку рентный доход в нашей стране изымается только через налогообложение, основная цель диффузии ренты — это занижение налогооблагаемой базы, что позволяет нефтегазодобывающим компаниям оставлять себе большую часть рентного дохода» [1, с. 99].

Однако дифференциальная горная рента, как разница между замыкающими и индивидуальными затратами на добычу продукции, может и должна определяться на уровне добывающего предприятия, а не компании (если они не совпадают). Анализ налоговых систем показывает, что налогообложение прибылей и прочих (в том числе и рентных) доходов недропользователей при добыче углеводородов может производиться на разных уровнях образования совокупного дохода (уровень месторождения; по совокупности нефтегазовых операций компании; уровень газовой или нефтяной компании в целом и пр). То есть вопрос о совершенствовании налогообложения в сырьевых отраслях касается не только перечня налогов (хотя вопрос о совершенствовании НДС стоит достаточно остро [15, с. 136-139]) или других инструментов неналогового изъятия доходов [13], а также совершенствования их ставок и льгот, но и выявления основного плательщика рентных доходов.

Как определить размеры горной ренты на уровне шахты, скважины и т.д. понятно. Из замыкающих удельных затрат на добычу следует вычесть индивидуальные и умножить на объем добычи. А в масштабах государства? Как затем определять собираемость налогов? Попробуем провести расчеты.

Григорий Сергиенко исполнительный директор Российского топливного союза, в своем интервью сказал, что в 2013 году: «...себестоимость добычи нефти в РФ - от 4 до 7 долларов за баррель, ее стоимость в цене бензина - 8-

10%» [7]. Сегодня ситуация изменилась: «Что касается России, то уже на разведанных и разрабатываемых (старых) месторождениях, себестоимость нефтедобычи не превышает 6 долларов за один баррель» [11].

Это же отмечается и в других публикациях: себестоимость «...одного барреля нефти в России на уровне 5-6 долларов. Это является самым низким показателем в мире, для сравнения себестоимость нефтедобычи сланцевых проектов в США достигает 32 долл./барр» [9].

В то же время «...самая низкая по стоимости нефтедобыча остается в Саудовской Аравии и Иране: 4 и 5 долларов за 1 баррель нефти соответственно» [11]. При этом: «Себестоимость российской нефтедобычи имеет следующие составляющие: затраты на поиск новых месторождений; расходы на производство; амортизация основных фондов; вывод добывающей техники; расходы на транспортировку» [11]. То есть: «Стоимость добычи нефти — это суммарные затраты, которые несет нефтедобывающая компания в процессе разработки месторождения, добычи "черного золота", его доставки к потребителю и прочих работ. По сути, стоимость добычи нефти — это себестоимость затрат, которая выражается в единице объема добытого «черного золота».

Согласно высказыванию в 2015 году Президента «Роснефть» Сечина И.И., — "себестоимость добычи нефти у компании, без логистических затрат и налогов составляет 4 доллара", у компании «Лукойла» — 3,7 долларов за баррель» [9]. То есть в этой публикации себестоимость добычи нефти у компании «Лукойл» оказывается ниже, чем самая низкая себестоимость добычи в Саудовской Аравии и Иране, чем в другой публикации. В этой же публикации отмечается, что в 2015 году «...общий объем российской нефтедобычи достиг 526 млн тонн. По оценкам Сечина, в скором времени можно увеличить данный показатель до 700 млн тонн» [9]. Только лишь эти данные, вместе с другими, свободно публикуемыми, позволят нам достаточно точно определить размер горной ренты, образующийся при добыче нефти.

Многие экономисты считают, что ренту на макроуровне определить нельзя. Так, Ложникова А.В. отмечает «...невозможность решения задачи точного измерения нормы и массы ренты на макроуровне с целью расширения ее дальнейшего изъятия» [5, с. 9]. Сотрудники топливно-энергетического независимого института (ТЭНИ) Н.А. Волынская и С.С. Ежов считают, что рента «...определяется только по объектам разработки, а не по отрасли в целом» [2, с. 60]. С. Киммельман и С. Андрюшин отмечают: «...дискуссии вокруг количественного расчета горной ренты лежат в макроэкономической плоскости. Однако на этом уровне, на наш взгляд, ренту рассчитать нельзя» [4, с. 40]. Далее С. Киммельман и С. Андрюшин указывают на то, что «...макроэкономические показатели носят в основном декларативный, бездоказательный характер. Они настолько агрегированы, что при расчете горной ренты приводят к серьезным ошибкам.

Собственно говоря, в указанных расчетах определяется не горная рента, а некий избыток прибыли» [4, с. 41]. Но если рента существует на уровне

месторождений, то на уровне отрасли рента должна существовать хотя бы как сумма указанных рент. Более подробно расчет ренты на макроуровне рассматривается в статье «Построение современного механизма изъятия в бюджет горной ренты» и в других работах. [13, с. 8-10; 13, с. 155-158.].

Пусть величина горной ренты данного месторождения определяется по следующей формуле: $P_1 = (Z_1 - Z_3) \times V_1$,

где: P_1 - величина горной ренты данного месторождения; Z_1 - фактические затраты на добычу одной тонны (барреля) нефти на данном месторождении; Z_3 - замыкающие (самые высокие) затраты добычи одной тонны (барреля) нефти; V_1 - объем добычи нефти данного месторождения в тоннах (баррелях).

То есть величина дифференциальной горной ренты данного месторождения составляет разницу между объемом добычи нефти данного месторождения, исчисленным в затратах месторождения с самыми высокими затратами (на основе которых строится цена) и фактическими затратами данного месторождения. Так как цена должна строиться на базе худших (замыкающих) затрат, то изъятие дифференциальной горной ренты на данном месторождении не будет влиять и ухудшать его финансового состояния, так как этот доход будет являться для месторождения избыточным и излишним.

Тогда величина горной ренты на макроуровне (в нефтяной компании или по нефтедобывающей промышленности РФ) будет рассчитываться по следующей формуле:

$$P_p = (Z_1 - Z_3) \times V_1 + (Z_2 - Z_3) \times V_2 + \dots + (Z_i - Z_3) \times V_i.$$

Если мы раскроем скобки в данной формуле, то получим ее в следующем виде:

$$P_p = Z_1 V_1 - Z_3 V_1 + Z_2 V_2 - Z_3 V_2 + \dots + Z_i V_i - Z_3 V_i,$$

или:

$$P_p = Z_1 V_1 + Z_2 V_2 + \dots + Z_i V_i - Z_3 V_1 - Z_3 V_2 - \dots - Z_3 V_i,$$

Как видно из данной формулы, сумма $Z_1 V_1 + Z_2 V_2 + \dots + Z_i V_i$ - будет представлять суммарные затраты на добычу нефти по нефтедобыче в целом, а сумма $Z_3 V_1 + Z_3 V_2 + \dots + Z_3 V_i$ - будет представлять собой ту же самую величину суммарных затрат на макроуровне, но исчисленных исходя из условий и затрат замыкающего месторождения. Тогда данную формулу можно представить таким образом: $P_p = Z_3 V_p - Z_p$, где: P_p - величина горной ренты на макроуровне; V_p - объем добычи нефти на макроуровне; Z_p - фактические затраты на добычу нефти на макроуровне.

Итак, исходные данные для расчета горной ренты в нефтедобыче в 2013 году: замыкающие (самые высокие) затраты добычи одного барреля нефти - 7\$; коэффициент пересчета 1 тонна = 7,33 барреля нефти, принятый в группе

«ЛУКОЙЛ»; объем добычи нефти по России в 2013 году – 523,2 млн. т.[8]; самые низкие затраты добычи одного барреля нефти – 4\$; валютный курс принимаем равным 1\$ = 30руб. Данные для расчета горной ренты в нефтедобыче в 2015 году: замыкающие (самые высокие) затраты добычи одного барреля нефти – 6\$; коэффициент пересчета 1тонна = 7,33 барреля нефти, принятый в группе «ЛУКОЙЛ»; объем добычи нефти по России в 2016 году – 526 млн. т.; самые низкие затраты добычи одного барреля нефти – 5\$. Сегодняшний курс \$ (на 15.09.2016) - 65.02 руб. На конец 2016 года курс был значительно выше, но это были самые высокие кризисные его значения.

Исходя из этого, для расчета принимаем курс в 65 рублей за \$. Уже заранее можно предположить, что при постоянном валютном курсе горная рента в 16 году оказалась ниже, чем в 2013 году за счет сокращения разницы между замыкающими и самыми низкими затратами. Рост ее объема в 2015 году будет обеспечен лишь за счет роста валютного курса. Наверное, было бы правильно рассчитать объем ренты в \$, поэтому мы рассчитаем ее и в долларах и в рублях (в рублях – при неизменном и реальном валютном курсе, т.е. с учетом инфляции и пр.). Особенно это важно для того, что бы сравнить величину горной ренты с объемом НДПИ. Данные по компании «ЛУКОЙЛ» взяты с официального сайта <http://www.lukoil.ru>.

Сначала мы определим затраты на весь объем добычи нефти, исходя из того, что все затраты были замыкающими (7\$):

$$P_B = 7 \times 7,33 \times 523200000 \times 30 = 805361760000 \text{ руб. (2013).}$$

$$P_B = 6 \times 7,33 \times 526000000 \times 30 = 694004480000 \text{ руб. (2015н).}$$

$$P_B = 6 \times 7,33 \times 526000000 \times 65 = 1503676200000 \text{ руб. (2015р).}$$

Нам неизвестны общие затраты на добычу нефти по России, и в интернете мы их тоже не нашли. Пусть затраты по месторождениям распределились таким образом, что средневзвешенные затраты на добычу 1 барреля нефти в 2013 году составил 5,5\$, то есть разницу между самыми высокими и самыми низкими затратами мы поделим пополам. При разнице между 6 и 5\$ средневзвешенные затраты на добычу 1 барреля нефти в 2015 году также составят 5,5\$.

$$P_H = 5,5 \times 7,33 \times 523200000 \times 30 = 632784240000 \text{ руб. (2013).}$$

$$P_H = 5,5 \times 7,33 \times 526000000 \times 30 = 636170700000 \text{ руб. (2015н).}$$

$$P_H = 5,5 \times 7,33 \times 526000000 \times 65 = 1378369850000 \text{ руб. (2015р).}$$

Итак, мы получили общие суммы затрат на добычу нефти исходя из того, что все затраты были замыкающими. За вторую сумму мы приняли средние затраты на добычу нефти по России в целом. Разница этих величин и представляет искомую горную ренту в 2013 году:

$$P_p = 805361760000 - 632784240000 = 172577220000 \text{ руб.}$$

Горная рента в нефтедобыче в 2015 году, в свою очередь составила:

$$P_p = 694004480000 - 636170700000 = 57833780000 \text{ руб.}$$

Таким образом, при расчете величины горной ренты в 2015 году при неизменном валютном курсе, ее объем, по сравнению с 2013 годом уменьшился более чем в три раза.

При реальном валютном курсе объем горной ренты в 2015 году составит:

$$P_p = 1503676200000 - 1378369850000 = 125306350000 \text{ руб.}$$

Такое изменение объема горной ренты в 2015 году (на треть) по сравнению 2013 годом произошел исключительно за счет роста валютного курса. При расчете при неизменном валютном курсе объем горной ренты заметно уменьшился (см. выше). Однако, для понимания и сравнения эти суммы ренты не идут ни в какое сравнение с объемами НДС. Так, рента в 2013 году составила 172 млрд. 577 млн. 220 тыс. рублей. Однако, НДС за добытую нефть в том же году составил 2 003,27 млрд. руб. Гораздо более значительное отклонение рассчитанного объема ренты от суммы НДС наблюдалось в 2015 году (из за роста его ставок).

Необходимо отметить, что расчет (как и данные на основе которых он проведен), достаточно условен и может отклоняться в ту и другую сторону на 10 – 15%. В затратах, по всей видимости, отсутствуют экологические затраты, а в точных расчетах их необходимо учитывать [11]. Но порядок величины дифференциальной горной позволяет сделать вывод о направлениях совершенствования налогообложения нефти - и газодобычи. И так, как мы видим, цифры несопоставимые. Это однозначно говорит о том, что рента должна изыматься не на уровне государства и на этом уровне оптимальный выбор порогов налогового изъятия определить невозможно [14, с. 169-173]. И ранее проведенные ее расчеты есть не расчеты горной ренты, а сверхприбыли, потому они столь велики. НДС, с его едиными ставками (даже с льготами), не приспособлен для изъятия рентных доходов. НДС, конечно, не должен оставаться в неизменном виде, о его недостатках мы писали неоднократно [15, с. 136-139]. Но традиционный НДС - это весьма отрицательный момент, так как дифференциальная горная рента не вызывает рост цен на нефть (а НДС вызывает), а в дальнейшем изъятие ренты не влияет на рост цен топлива и масел, что могло бы повлиять на общий рост уровня инфляции в стране [17-20].

Список литературы:

1. Виноградова А.В. Институциональный механизм диффузии природной ренты и его особенности в нефтегазовом комплексе России // Журнал институциональных исследований. - 2011. – Т. 3. - № 2. - С. 98-103.
2. Волынская Н.А., Ежов С.С. Рента в сырьевых отраслях топливно-энергетического комплекса России // Российский внешнеэкономический вестник. – 2006. - № 4. – С. 58-71.

3. Зойдов К.Х., Дурандин О.Г. К проблеме формирования инновационной экономики в странах постсоветского пространства в условиях модернизации. Часть I-III // Региональные проблемы преобразования экономики, 2011. - № 4. – С. 277 – 288. - 2012. - № 1. – С. 271 – 281. - № 3. - С. 286-295.
4. Кимельман С. Андрюшин С. Проблема горной ренты в современной России. // Вопросы экономики. - 2004. - №2. - С.30-42.
5. Ложникова А.В. Рента в условиях модернизации и технологического развития: макро- и микроэкономическая природа. - Томск: ТГУ, 2011. – 300 с.
6. Ложникова А.В. Есть ли пределы сокращения доли участия государства в экономике? Микроэкономический подход и профсоюзы «против» макроэкономической стабильности.//Вестник Томского государственного университета. Экономика. - 2016. - № 3(35). - С. 252-265.
7. Объем добычи нефти в России в 2013 году был рекордным с 1990-х годов.09.01.2014.// РИА Новости [Электронный ресурс] URL: <http://ria.ru/economy/20140109/988451519.html#ixzz3cD5XdEj5> (дата обращения: 10.06.2015).
8. Отражение. Общественный интерактивный проект. 17/12/2014 [Электронный ресурс] URL: <http://www.otr-online.ru/programmi/grigorii-sergienko-o-32917.html> (дата обращения: 10.06.2015).
9. Себестоимость добычи нефти в России 2015. [Электронный ресурс] URL: <http://www.biznesklubonline.com/stati/716-sebestoimost-dobychi-nefti-v-rossii-2015/> (дата обращения: 15.09.2016).
10. Синяк Ю.В., Куликов А.П. Два подхода к оценке перспективных цен на нефть и газы потенциальной природной ренты в России. // Проблемы прогнозирования. - 2005. - № 5. - С. 96-119.
11. Себестоимость добычи нефти по странам мира в 2015 году. 10 февраля 2016 [Электронный ресурс] URL: <http://www.anti/1844918-sebestoimost-dobychi-nefti-po-stranam-mira-v-2015-godu.html> (дата обращения: 15.09.2016).
12. Тулупов А.С. Понятие «ущерб» в экономике природопользования // Научный вестник Московского государственного горного университета. 2013. - № 11. - С. 297-302.
13. Чернявский С.В. Концепция реформирования изъятия дифференциальной горной ренты в нефтедобывающей промышленности России. Автореф. дис. ... доктора эк. наук - М: ГУУ. - 2014. – 39 с.
14. Чернявский С.В. Расчета ренты на макроуровне и разработка условий использования полученных результатов расчетов для оптимизации налоговой нагрузки. // Вестник университета. - 2014. - №1. – С. 169-173.
15. Чернявский С.В. Недостатки использования НДПИ с плоской шкалой и направления его совершенствования. // Вестник Томского государственного университета. - 2013. - № 370. - С. 136-139.
16. Кондратенко Н.М. Шавлак В.С. Опыт исследования методологических проблем нефтяной ренты. // Вестник Самарского государственного университета. - 2006. - №8 (48). - С. 118-125.
17. Постсоветское экономическое пространство: современное состояние и перспективы развития / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова. М.: Финансы и кредит, 2009. 472 с.
18. Особенности эволюции малого и среднего инновационного предпринимательства кризисной экономики в постсоветском пространстве - М.: ЦЭМИ РАН, 2009. - 152 с.
19. Эконометрические методы в анализе развития региональной экономики. М.: Вычислительный центр Академии наук СССР, 1990. 66 с.
20. Развитие транзитной экономики – основа стабильности, безопасности и модернизации России и стран Центральной Азии / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Цветкова – М.: ЦЭМИ РАН / ИПР РАН, 2016. – 339 с.

РОССИЯ В XXI ВЕКЕ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Пленарные доклады Пятого Международного форума
(06, 08 -09 декабря 2016 г.)

Печатаются в авторской редакции

ISBN 978-5-9909351-1-2

Заказ № 2

Объем п.л. 24,6

Тираж 300 экз.

ИПР РАН

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт проблем рынка Российской академии наук
(ИПР РАН)

117418, Москва, Нахимовский проспект, 47
Телефоны: 8(499)129-09-44, 8(495)779-14-38. Тел./факс: 8(499)724-28-98
Официальный веб-сайт: <http://www.ipr-ras.ru>

Отпечатано в ООО «ТПС Принт»
117420, г. Москва, ул. Профсоюзная, д.57, оф.426, ИНН 77728783920